ТАЙНЫ СПЕЦСЛУЖБ

Н. М. ГОЛУШКО

В СПЕЦСЛУЖБАХ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

Тайны спецслужб

Николай Голушко

В спецслужбах трех государств

Издательство «Кучково поле»

2012

Голушко Н. М.

В спецслужбах трех государств / Н. М. Голушко — Издательство «Кучково поле», 2012 — (Тайны спецслужб)

ISBN 978-5-9950-0214-7

Книга Н.М.Голушко – это воспоминания и свидетельства сотрудника органов государственной безопасности, прошедшего путь от рядового оперативного работника до председателя КГБ Украинской ССР, члена Коллегии КГБ СССР, министра безопасности, затем директора Федеральной службы контрразведки РФ и стоявшего у истоков образования самостоятельных национальных спецслужб России и Украины после развала СССР. В рамках разумного и дозволенного профессиональной этикой и конспирацией автор анализирует судьбоносные события общественно-политической жизни страны: разрушение Советского Союза, деяния ГКЧП, ликвидацию КГБ СССР, непримиримое противостояние президентской и парламентской ветвей власти, драматические события октября 1993 года и т. д. Трагические судьбы спецслужб, условия, в которые они были поставлены временем и законом, до сего времени изучены и описаны мало. Автор позволяет читателю сформировать свою точку зрения относительно имиджа чекистов исходя из реалий той обстановки, в которой им приходилось действовать.Книга будет интересна новому поколению сотрудников органов безопасности и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9950-0214-7

© Голушко Н. М., 2012
© Издательство «Кучково поле», 2012

Содержание

От автора 7
Часть первая 11
- Глава первая 11
- Глава вторая 15
- Глава третья 19

Часть вторая 25
- Глава первая 25
- Глава вторая 39
- Глава третья 50

Часть третья 61
- Глава первая 64
- Глава вторая 75
  - Всеволод Балицкий 75
  - Израиль Леплевский 79
  - Александр Успенский 81
- Глава третья 85
  - Виталий Никитченко 88
  - Виталий Федорчук 90
  - Степан Муха 93

Часть четвертая 95
- Глава первая 95
- Глава вторая 109
- Глава третья 115
- Глава четвертая 123
- Глава пятая 132
- Глава шестая 141
- Глава седьмая 144
- Глава восьмая 151
- Глава девятая 164
- Глава десятая 177
- Глава одиннадцатая 183
- Глава двенадцатая 194
- Глава тринадцатая 207
- Глава четырнадцатая 210
- Глава пятнадцатая 221
- Глава шестнадцатая 229

Часть пятая 232
- Глава первая 232
- Глава вторая 242
- Глава третья 249
- Глава четвертая 256
- Глава пятая 263

Часть шестая 279
- Глава первая 279
- Глава вторая 292
- Глава третья 309

Глава четвертая 315
Глава пятая 323
Глава шестая 335
Глава седьмая 341
Часть седьмая 350
Глава первая 350
Глава вторая 357
Глава третья 369
Глава четвертая 379
Глава пятая 382
Глава шестая 394
Глава седьмая 403
Использованные источники и литература 407
Автобиографическая справка 409

Николай Михайлович Голушко
В спецслужбах трех государств

Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды… Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни.
Феликс Дзержинский

Мы чуть было не перегнули палку. Ведь в их истории (ВЧК – КГБ) не только черные периоды, но и славные страницы, которыми мы действительно можем гордиться.
Борис Ельцин, 1997 г.

СССР был тоталитарной империей, причем империей в высшей степени жесткой. Для ее осуществления был необходим стержень, который бы держал все остальное – политику, экономику, армию, образование и прочие пласты жизнеобеспечения общества. И таким стержнем у нас была КПСС. Ну, вы-то можете мне поверить на слово, я это знаю лучше, чем кто-либо, каким магнетизмом обладала компартия в нашей державе! Всё вращалось вокруг, и никакое там КГБ само по себе погоды не делало.
Леонид Кравчук, 1994 г.

Служба безопасности Украины. Не знаю, где найти мягкие слова для ее адекватной оценки. Когда я первый раз победил на президентских выборах (1994), у меня была только идея, но очень понятная идея: отпустить весь ее оперативный состав. Всех – в отставку! Все 100 процентов.

…Если бы все сложилось так, что я приступил бы к реализации своей первоначальной «конструкторской идеи», это была бы самоубийственная попытка.
Леонид Кучма, 2007 г.

От автора

Сколько моих мыслей действительно моих? Сколько их возникло из фактов или из чтения? Сколько из них воспоминаний прочитанного или слышанного, прозвучавшего иначе, чем у других, в моей думе?
Академик Владимир Вернадский

Желание сесть за письменный стол и заняться непривычным для меня делом весьма естественно. Большинство людей по вполне понятным причинам хотят рассказать о пережитом вместе со страной, о героическом и трагическом времени, собственной судьбе, успехах и ошибках на пути преодоления трудностей. А главное – о прекрасных людях, которые окружали их и о ком необходимо поведать в знак благодарности за поддержку в сложных и противоречивых жизненных ситуациях, поскольку возникают нравственные обязательства перед памятью о них. И я тоже в своей книге называю дорогих мне людей.

Волею судьбы у меня появились стремление и свободное время, чтобы выполнить свой долг перед людьми, которым я обязан своим становлением. Но главным является то, что меня продолжают волновать те важные и печальные события, которые пришлось пережить моему поколению на историческом изломе – крушении великого Советского Союза, нашей Родины.

Предлагаемое повествование – это личное свидетельство работника органов государственной безопасности, размышления о прошумевшем надо мной времени. Моя биография – это жизненный путь от рядового оперативного работника до председателя Комитета госбезопасности Украинской ССР, члена

Коллегии КГБ СССР. В поворотном 1991 году я исполнял обязанности руководителя Службы национальной безопасности (СНБУ) уже самостоятельного украинского государства, а в 1993–1994 годах работал в должности министра безопасности, затем директора Федеральной службы контрразведки (ФСК) Российской Федерации. После развала Союза эти страны вступили на новый путь своего исторического развития. Естественно, что с укреплением их государственности становились на крыло и самостоятельные национальные спецслужбы. В постсоветский период я оказался в числе непосредственных участников создания новых спецслужб двух независимых государств – Украины и России. Я доволен, что довелось быть у истоков их образования, разработки правовых путей организации и совершенствования работы в начальные годы.

Ответственная деятельность в системе государственной безопасности Советского Союза, нелегкая обязанность народного депутата СССР позволили мне стать обладателем информации, не всегда известной и доступной для широких слоев общественности. С позиций сотрудника КГБ я хочу проанализировать (безусловно, в рамках разумного и дозволенного профессиональной этикой и конспирацией) драматические и судьбоносные события общественно-политической жизни страны, среди которых: разрушение СССР и как следствие ликвидация КГБ; строительство новых спецслужб Украины и России; трагические последствия деяний Государственной комиссии по чрезвычайному положению (ГКЧП); руководство спецслужбой Украины при двусмысленном «сидении» Президента Михаила Сергеевича Горбачева в Форосе в августе 1991 года; тяжелые дни октября 1993 года, завершившиеся расстрелом российского парламента.

Почти пять лет моей жизни (1987–1991) были отданы руководству органами государственной безопасности Украинской ССР. Мне кажется, что читателю будет интересно и небесполезно познакомиться со спецификой работы республиканского КГБ – этой закрытой силовой структуры в годы перестройки и гласности, «демократических реформ» Горбачева, когда происходили бурные, совершенно непредсказуемые в социалистическом государстве обще-

ственно-политические и экономические процессы, приведшие в результате к самостоятельности и государственной независимости всех союзных республик.

Резкое изменение государственного строя, строительство новых властных организаций России и Украины, в том числе создание спецслужб, вне сомнения, повлияло на логику человеческих судеб: моя профессиональная деятельность и большинства моих коллег неожиданно высветилась в свете крутых исторических перемен. Я вспоминаю, как в последние годы советской власти каждый день передо мною возникала суровая, живая и огнедышащая действительность. Судите сами: две знаковые фигуры, мои прежние непосредственные руководители Владимир Крючков – председатель КГБ СССР и Виктор Баранников – министр безопасности России, оказались в называемые демократическими горбачевские и ельцинские времена в тюремных камерах.

В 1991 году в стране были арестованы высшие должностные лица: вице-президент СССР Геннадий Янаев; председатель Верховного совета СССР Анатолий Лукьянов, благословивший меня на работу на Украине; секретарь ЦК КПСС Олег Шенин, с которым мы в одни годы учились в вузах Томска; крупный ученый, организатор и руководитель ВПК (военно-промышленного комплекса) Олег Бакланов; министр обороны Маршал Советского Союза Дмитрий Язов; командующий Сухопутными войсками генерал армии Валентин Варенников, Герой Советского Союза. В 1993 году при Ельцине оказались арестованными вице-президент России Герой Советского Союза Александр Руцкой, председатель Верховного совета России Руслан Хасбулатов. Коллегия КГБ СССР по воле Горбачева оказалась разгромленной и разогнанной; после ГКЧП вместе с Крючковым были арестованы его первый заместитель генерал-полковник Виктор Грушко, крупный советский разведчик; начальник 9-го управления КГБ СССР (охрана высших должностных лиц) генерал-лейтенант Юрий Плеханов и его заместитель генерал-майор Валентин Генералов. В отношении всех остальных членов Коллегии КГБ СССР велось уголовное расследование.

Я назвал имена только тех влиятельных должностных лиц, с кем в какой-то степени меня сводили служебные обязанности.

Хотя многие из них оказались по разным сторонам баррикад, на противостоящих идеологических позициях, но все они, несомненно, настоящие патриоты нашей страны. Судьба каждого из таких людей (в стране их оказалось очень много) – это трагедия всего нашего народа, сродни массовым репрессиям предшествующих поколений. Мне посчастливилось работать вместе с видными государственно-партийными деятелями, чьи фамилии вошли в отечественную историю: Виктор Михайлович Чебриков, Владимир Васильевич Щербицкий, Владимир Антонович Ивашко, Леонид Макарович Кравчук, Борис Николаевич Ельцин… При посещении Горбачевым Украины я бывал в его окружении.

После окончания Томского университета мне, 22-летнему юристу, в последующей служебной карьере помогла практика работы следователем районной, а затем старшим следователем Кемеровской областной прокуратуры. Это был второй поистине жизненный университет, в котором я познавал сокрытую сторону нашего советского общества, увидел жестокие преступления и поломанные трагедиями человеческие судьбы. «Прокурорский» университет воспитал во мне строгие принципы: всегда соблюдать законность, ибо ее нарушение влечет не только общественную, но и личную беду; кроме знания законов и строгого их выполнения не менее важными в жизни и правоприменительной деятельности являются личностные качества: порядочность, справедливость и человечность. Пройдя прокурорскую выучку, в годы дальнейшей службы я не позволял вынужденным обстоятельствам или кому бы то ни было втягивать себя в решение политических или профессиональных проблем, которые выходили бы за рамки конституционных норм и действующего законодательства. Я и сегодня стараюсь избегать излишних политизированных обобщений, огульных обвинений и поучительных умозаключений, как говорится, после драки кулаками не машут.

Я воспитывался на героическом прошлом органов государственной безопасности СССР, подвигах советских разведчиков. В истории отечественных спецслужб действительно было много героического, чем можно гордиться, но и немало трагического, о чем нужно знать. О нелегких периодах надо говорить правду, которая прошла через судьбы многих поколений, в том числе и моих современников. Мои записи кому-то могут показаться необычными. Это не совсем мемуары. В период служебной деятельности и позже, будучи в отставке, я знакомился с архивными документами о массовых репрессиях, политических чистках. Поражало необъяснимое для меня: как в социалистической державе могло случиться, что миллионы рядовых тружеников и элита нации – ученые, писатели, политики, военные и сами судьи – оказались физически уничтоженными карательной политикой советской власти. Подлинные архивные источники помогают разобраться в политических интригах и хитросплетениях, прикоснуться к правде. События прошлого продолжают волновать героическими и трагическими поступками людей. Радуясь одному и огорчаясь другому, я осуждаю попытки злобного очернительства истории нашего государства и несправедливого порицания деятельности органов госбезопасности советского периода. Возвращаясь к конкретным известным мне фактам, публикациям собственных интервью и бесед с журналистами и политиками, замечаю, что об органах государственной безопасности продолжают традиционно писать в двух ярких красках: красной – о героических подвигах сотрудников и черной – об их участии в репрессиях, подавлении диссидентства и инакомыслия.

Отдаю должное героизму сотрудников спецслужб в годы Гражданской и Отечественной войн и в наши дни. Но мало кто знает о трагическом пути специальных служб СССР, о том, в какие условия они были поставлены временем и законом (или его отсутствием), какие партийные установки в конкретных исторических условиях вынуждены были реализовывать. Во все времена чекисты стремились достойно выполнять свой долг по защите Отечества, а в ответ нередко получали недоверие, шельмование, а то и необоснованные гонения. Руководители страны, зачастую спасая свои высокопоставленные чины, манипулировали органами безопасности, исполнителей поставленных ими задач обвиняли в беззаконии и жестоко предавали.

Новое поколение сотрудников органов безопасности многого не знает о подлинных событиях последних лет советского периода. О таких явлениях, как формирование многопартийности, политической оппозиции, студенческие голодовки, палаточные городки, массовые забастовки шахтеров. О том, как антикоммунизм и антисоветизм десятилетиями активно инспирировался и настойчиво поддерживался западными спецслужбами. О том, как послевоенная «холодная война» со стороны Запада продолжалась, несмотря на горбачевскую перестройку, приветствовавшуюся тем же Западом.

Время и память для каждого человека – самые строгие судьи в последней инстанции. Я пытаюсь осмыслить свою прошедшую жизнь, сделать ревизию служебной деятельности и личных поступков, какими бы они ни были в оценках моих друзей или недругов – положительными или отрицательными. У меня нет желания создавать сказки о собственной персоне или кому-либо понравиться; постараюсь быть беспристрастным и правдивым, потому что многое, о чем пишу, прошло через мою душу и переживания. И хочу пережить в своих воспоминаниях заново мое время.

В этой книге я много пишу об Украине, где во время работы узнал людей мужественных, трудолюбивых, стойких в преодолении выпавших им трудностей. Там встречался с героическими ветеранами, которые прошли через испытания Великой Отечественной войны, через военные сражения и партизанские схватки с врагами, ликвидацию бандитизма в годы вооруженного ояновского подполья. Мои украинские коллеги в годы фашистской оккупации пережили неимоверно большие трудности, чем досталось мне в тыловом Казахстане, где было тоже несладко и куда неспроста отправляли в ссылку народы Кавказа и немецкое население.

Когда на современной Украине раскручивается кампания по апелляции к националистическим ценностям, героизации ОУН – УПА, то именно история органов КГБ республики на конкретных примерах наглядно показывает великую силу дружбы русского и украинского народов[1].

Деятельность чекистов моего поколения проходила в условиях «холодной войны», а это – гонка ракетно-ядерного вооружения, соревнование с реальным противником в вопросах идеологического и психологического противоборства, возникающие локальные войны, в которых сотрудников КГБ бросали на передний край – от Вьетнама, Анголы до Афганистана и других стран.

Мне хотелось бы обратить внимание также на враждебные планы и замыслы западных спецслужб против СССР, конкретно против Украины и России. К сожалению, в силу секретности мы сами не всегда принципиально их оценивали, иногда не доводили их до общественности и получили в итоге печальные результаты. Многие упрекали нас в нагнетании обстановки, но на чьей стороне оказалась победа в «холодной войне»?

В личном поведении я старался руководствоваться нравственными правилами честного служения порученному делу, никогда не занимался угодничеством, не дружил домами с «вельможами», не раздувал собственные щеки. В жизни принимал, может быть, не всегда правильные, но самостоятельные решения, заведомо зная, что многие из них не принесут ни личной славы, ни благополучия.

Работа над этими размышлениями подарила мне возможность честно ответить на многие больные вопросы, высказать слова благодарности всем, кто был рядом в моей жизни: школьным и университетским друзьям и педагогам, кемеровским чекистам, сотрудникам и руководителям КГБ СССР и УССР. Всем этим достойным людям я благодарен, искренне и навечно.

[1] На Украине издан двухтомник Н. Голушко «КГБ Украины: последний председатель» (Донецк, 2009), где раскрывается специфика работы органов госбезопасности в союзной республике, действия националистических и сепаратистских кругов по развалу СССР. Весь тираж автор передал ветеранам.

Часть первая
Как я стал чекистом

Глава первая
Моя украинская семья

Исторические корни моей семьи уходят в глубины центральных областей Украины. Дедушка Афанасий и бабушка Ульяна с сыном Иваном во время Столыпинской земельной реформы в 1905–1906 годах выехали из родных мест бывшей Полтавской губернии (ныне Черкасская область, Чернобаевский район) в поисках счастливой доли в далекие, суровые, но благодатные ковыльные степи Северного Казахстана. В конце XIX века украинские крестьяне от безземелья и нищеты отправлялись искать лучшую долю в Канаду, США, Аргентину. Выходцы из восточных областей Украины по той же причине устремлялись в бескрайнюю Россию, заселяя ее от Урала до Дальнего Востока. Правда, не все было так гладко, как представляется сегодня.

Многострадальцам трудно было сразу обустроиться на новом месте, в голой степи. Вот что говорил в то время русский писатель Михаил Пришвин о судьбе переселенцев, о земляках моего деда в очерке «Адам и Ева»: «И вот опять эта вечная пара: украинец и украинка на фоне желтой сибирской степи. Он говорит с товарищами о хуторе на берегу Иртыша. А она грустно смотрит на пустую степь без деревьев, без яблонь и вишен, без мазанок белых с плетнями, на желтую, сухую, дочиста выжженную солнцем землю с сухой низенькой щеткой вместо травы и говорит: «Як бы трошки землицы в Полтаве, так нашоб я в ту бисову землю поехала». Понятно, что великая нужда звала осваивать новые плодородные земли.

Надо отдать должное тому, что царское правительство поддерживало освоение свободных земель Российской империи, создавало для этого крестьянские банки, предоставляло новоселам земельные наделы (хутора) и бесплатно давало лошадь и корову каждой переселенческой семье. Мужественные и сильные физически и духом украинцы ехали в казахские края, поднимали пахотные целинные земли. Местному населению переселенцы несли культуру земледелия, новые традиции и формы дружеского межнационального общения. Как-то в 1970-е годы мне довелось общаться с Зиновией Франко, внучкой известного украинского писателя, и когда я ответил ей на вопрос о своем происхождении, она произнесла: «Как же нас, украинцев, судьба по всему белому свету разбросала».

Мой дедушка, видимо, владел грамотой, так как в семье до последнего поколения сохранились несколько церковных книг на старославянском, сборники произведений на украинском языке, привезенные из родных мест, в том числе томик стихов Тараса Шевченко. Бабушка была совершенно безграмотной, вместо подписи ставила крестик.

Помню, как во время учебы в классе третьем или четвертом я вслух читал маме «тарасову Катерину» медленно, по слогам, произнося украинские слова, такие близкие нашей повседневной речи. В семье не говорили на русском языке, мы «балакали». Мама внимательно слушала и плакала, то ли от переживаний о несладкой судьбе Катерины, то ли от радости, что подрастающий сын уже научился читать.

В семье дедушки выросло четверо сыновей, которые пустили свои родовые корни уже в казахстанские степи. Для Павла, Якова и моего отца Михаила (1916 года рождения) эта просторная земля стала их родиной.

Старшим поколением нашей семьи, их делами, памятью о них я могу гордиться. Все они были тружениками, достойными представителями своего народа, честными коммунистами.

Все мужчины воевали, два родных брата отца, Павел и Яков, погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Бабушка Ульяна со времен Гражданской войны одна воспитывала сыновей. Дело в том, что дедушку расстреляли белогвардейцы: колчаковский карательный отряд ворвался в наше большое село и реквизировал у местного населения лошадей. Дедушка активно сопротивлялся, поэтому его и убили.

Одна из моих талантливых землячек, казашка Сапура Эмирекызова, описала в книге воспоминаний, как в 1918 году в соседних селах украинских переселенцев Юдинка и Качиловка ворвавшиеся туда белогвардейцы убили комсомольцев из аула Согрымбет, возле озера Торангул, вонзили копье в грудь комсомольского активиста Мусабаева. А ее родного дядю, казаха Дусейби, расстреляли только за то, что не хотел отдавать колчаковцам свой скот. Так было с местным населением и с украинцами.

Я с четырехлетнего возраста помню начало Великой Отечественной войны. Словно в документальном кино, вижу, как провожали на фронт братьев отца – Ивана, председателя колхоза, и Якова, районного прокурора. По старинной традиции они уходили из дома своей матери – моей бабушки Ульяны, которая жила вместе с нами с семьей своего младшего сына Михаила, служившего уже два года в армии. Не знаю, сколько веков этой доброй традиции и была ли она привезена с украинской земли, но в нашем селе считалось, что материнские слезы уберегут на поле битвы сыновей от вражеской пули. Помню и снова вижу, как дядя Яков, держа меня на руках и прощаясь с родными, сильно плакал. Брат Иван его успокаивал: «Не реви, Яков, нас не успеют довести до Кокчетава (областной центр, около 200 км от нашего села), как немцы будут разгромлены». Бабушка просила Якова о другом: «Сынок, не признавайся, что ты коммунист, ведь партийных посылают вперед».

В начале 1944 года вернулся с войны на костылях дядя Иван и на пятый день уже руководил местным колхозом, в котором оставались работать одни старики, женщины и подростки. Мне, уже школьнику, он рассказал о гибели дяди Якова, политрука батальона. Это произошло при освобождении Орловщины: с командиром батальона и ездовым он проезжал через мостик небольшой речушки, недалеко от передовой. В их телегу была брошена граната или немецким диверсантом, или кем-то из предателей. Все погибли. Иван похоронил младшего брата, а через три дня после боев посетил его могилу и, возвращаясь назад, сам подорвался на вражеской мине. Кстати, каждый третий, призванный из нашего украинского села, не вернулся живым. А вот что вспоминает Сапура о казахском селении: «Пятьдесят парней из нашего аула по первому призыву ушли на войну… Многие из них пали смертью храбрых, защищая свою Родину».

В 1938 году моего отца призвали в Красную армию. К этому времени (ему было 22 года) он «выбился» в начальники тракторной бригады, когда появились в селе трактора. Какая это была «почетная» должность, можно судить по тому, что он в одном лице являлся и трактористом, и механиком, и агрономом. Возвращения отца домой ждали в конце 1940 года. В то предгрозовое время опытных солдат не торопились увольнять из действующей армии. Вскоре после финской кампании началась Великая Отечественная война, которую мой отец, как и миллионы советских солдат и тружеников тыла, вынес на своих плечах. Все мое раннее детство прошло в томительном ожидании возвращения отца с фронта.

Моя мама, Мария, была сиротой. Ее родители (отец Ефим Руденко) погибли в годы великого голодомора, бушевавшего в 1930-е годы как на Украине, так и в Северном Казахстане. В 1931 году была настолько сильная засуха в степи, что, спасаясь от голодной смерти, тысячи казахов уехали в Россию. В моей памяти мать осталась великой труженицей, колхозной дояркой. Она делала невозможное: ежедневно обеспечивала уход за двумя десятками коров – кормила, поила, убирала за ними. И, конечно, доила натруженными руками. Помимо общественного у мамы было свое домашнее хозяйство, да надо было следить и ухаживать за бабушкой и двумя малолетними детьми: мной и сестренкой Лидой, которая родилась вскоре после ухода

отца на службу в армию. Такова была нелегкая судьба многих советских женщин в то суровое лихолетье.

Детей сызмала приучали к труду. Надо было помогать матери в колхозной работе, за которую начислялись «палочки» – трудодни. Сегодня, когда сам стал отцом и дедом, понимаю, как тяжко приходилось тогда нашим матерям: не до особой любви и ласки к маленьким детям, главное было их прокормить в трудные военные годы.

Восемь лет моя бабушка, горюючи, ежедневно ждала своего младшего сына с этой проклятой войны, а не дождалась всего лишь два месяца. Бабушка заставляла меня молиться, читать вслух молитву строго по утрам и перед сном. «Молись, молись, – приговаривала она, – иначе отец с войны не вернется…» И я молился, всем своим детским сердцем желая возвращения с этой непонятной войны родителя, которого я еще не видел наяву, рассматривая только немногочисленные фотографии… А когда распахнулись двери и на пороге нашего дома появился демобилизованный отец, моя нетвердая вера в Бога исчезла, растворилась в том безграничном море сыновней любви и счастья, которые может испытывать только ребенок.

Он вернулся домой осенью 1946 года, высокий, красивый, сильный, в ладно сидящей на нем армейской форме, пограничной фуражке. Я особенно гордился этим военным головным убором, изредка прося у отца надеть его и похвалиться перед друзьями. Кстати, зеленая фуражка, буквально говоря, несколько лет продолжала нести почетную и ответственную службу. Лучший друг отца, участковый уполномоченный капитан Мусин, один милиционер на несколько окрестных сел и аулов (а каждое селение расположено в 30–40 километрах друг от друга), в случае серьезного уголовного происшествия приезжал к отцу: «Михаил, надевай свою зеленую фуражку и поедем вместе разбираться». Они были не просто хорошими друзьями, а по-казахски *тамырами* – названными братьями. Общались между собой часто на казахском языке, которым мой отец неплохо владел (и я тоже, подчеркну без лишней скромности). Когда случалось опасное преступление, мама, переживая за отца, не разрешала ему уезжать вместе с Мусиным, грозила не пускать милиционера даже на порог дома и «выбросить» знаменитую отцовскую фуражку.

В послевоенное время к нам часто приходили друзья отца. Он всегда пользовался авторитетом и уважением односельчан. Сидели вечерами, выпивали рюмку-другую домашней самогонки (хотя водка была недорогой, но денег у колхозников было негусто), печально вспоминали войну. А я, десятилетний сорванец, лежал на теплой печке, уши «топориком» и, затаив дыхание, слушал рассказы фронтовиков.

Однажды наш сосед рассказал историю, которая поразила меня до глубины души. В первую военную зиму красноармейцы (человек двадцать) после жестокого боя оказались в лесу. Где свои, где немцы – неизвестно. Надвигается ночь, а вместе с ней и страшный на тот момент враг – сильный и безжалостный мороз. Решили обустраиваться на ночлег. А как быть? Костер развести нельзя – немцы обнаружат. Офицер приказал наломать елового лапника, уложить его на снег, а солдатам – снять шинели и ложиться на ветки, тесно прижавшись друг к другу. Бойцы запротестовали. Что за ерунда: в мороз и без шинели? С трудом командир уговорил их выполнить задуманное. Когда солдаты улеглись, он заботливо укрыл их шинелями, подоткнул края, а сам как старший по званию остался в карауле. Ночь прошла спокойно. Бойцы отдохнули, согрелись. А когда проснулись, увидели своего командира, привалившегося спиной к дереву, сжимавшего в правой руке пистолет. На оклик не отозвался, а когда подошли ближе, поняли, что их командир замерз.

Отец, как и до войны, возглавил тракторную бригаду и больше пропадал в поле, чем мы видели его дома. Родилась сестренка Валя, но счастье в семье оказалось недолгим. Не прошло и пяти лет после возвращения отца, как мы осиротели: умерла мама, надорвалась от непосильных трудов. Ей было всего тридцать три года. Трехлетняя Валя во время похорон матери вдруг запела песню, которой научила ее мать:

На Украине черный ворон кряче,
А на чужбине дивчинонька плаче…

Через два года у нас появилась мачеха, Мария Бондаренко, которую мы признали как родную. Вместе с отцом в тяжелые колхозные годы они совершили почти подвиг: двоим своим детям дали средне-специальное, а троим – высшее образование. Позже мачеха мне рассказывала, что до самого почтенного возраста отец внимательно следил за международной обстановкой. Он ежедневно собирал вокруг себя соседей-стариков, читал соседям вслух газеты, возмущался, если кто-либо из них во время такого «политпросвещения» дремал.

Живя в Казахстане, отец был убежденным сторонником Бориса Ельцина, мачеха же ценила Владимира Жириновского за знание иностранных языков, говорила: значит, он умный.

В целинных казахстанских краях остались святые для меня места – родные могилы моих дедушки и бабушки, отца и мамы. Я горжусь, что во время похорон отца из администрации президента Казахстана поступила правительственная телеграмма: районным властям надлежало отдать почести простому солдату, труженику, 45 лет выращивавшему целинный хлеб. Такое не забывается! Суровые условия, в которых жило мое поколение, воспитывали наш характер: не бояться трудностей, голода и холода, любить и великую Родину, и малую, ту самую, где осталась средняя школа, где течет речка моего детства под названием Шарык. Поистине, родной край – золотая колыбель, как говорит народная казахская мудрость.

Глава вторая
Моя казахстанская школа

Мои школьные и университетские годы, сознательная жизнь и трудовая профессиональная деятельность прошли в советское время. В тяжелейшие военные и послевоенные годы мое поколение, благодаря рабоче-крестьянской власти, получило возможность окончить школу, продолжить образование, работать на благо многонационального государства, которое обеспечивало нам социальную и творческую перспективу. К примеру, в наших краях в те годы девушек-казашек после школы насильно увозили в города, определяли в средние и высшие учебные заведения, главным образом педагогические и медицинские. Страна заботилась о воспитании местных кадров, создании национальной интеллигенции. Считаю, что советской власти я обязан многим: познанием великой страны, депутатской деятельностью, служебным ростом. При другой власти, когда правит бал его величество капитал, мне было бы уготовлено в лучшем случае повторить участь отца – механизатора и хлебороба.

Непритязательным и мудрым моим наставником была бабушка. С раннего детства она прививала мне нравственный кодекс: хорошо учиться в школе, не хулиганить, не курить (мои сверстники рано начинали баловаться куревом и спиртным), иначе «ни одна порядочная семья за тебя невесту замуж не выдаст». Опасения, что можно на всю жизнь остаться холостяком, если не соблюдать бабушкины наставления, были серьезным стимулом для моего вполне приличного поведения в молодые годы. А у отца была своя прагматическая воспитательная мотивация: не будешь хорошо учиться, всю жизнь тебе придется «колхозным быкам хвосты крутить». Так воспитывалось понятие семейной репутации, которую надо было пронести через года.

В нашей Андреевке, большом казахстанском селе Кокчетавской области, в 1954 году среднюю школу закончили всего 14 человек. Из них немцы Нелля Вильгельм и Арнольд Фоленвайдер, ингуш Беслан Точиев, украинки Наина Собко, Мария Шматко, Люда Овод. Не надо забывать, что в первый класс мы пошли в военном 1944-м. Для многих сверстников (особенно из семей эвакуированных украинцев, поляков или депортированных на спецпоселение ингушей и немцев) пройти десять лет учебы в школе было весьма проблематично; многие из них были несчастными детьми войны – голодными, полураздетыми, полуобутыми. Сегодняшним выпускникам, имеющим возможность учиться в лучших учебных заведениях, невозможно даже представить, что мои друзья с седьмого класса мечтали (и для многих это было почти несбыточной мечтой!) попасть на учебу в ремесленные училища Караганды. Там можно было получить шахтерскую специальность, регулярное питание и – предмет особой гордости – форменную одежду ремесленного училища с брезентовым ремнем.

Памятно деревенское детство, которое было трудным и голодным. Не было керосина, мыла, соли и спичек. Я помню вкус затирухи, блинов из картофеля, блюд из лебеды, дикого щавеля, крапивы, сладких корней тростника и лопухов. Спасала семью кормилица-корова и огород с картофелем и капустой. Поэтому не принимаю и ненавижу показываемые по многим каналам государственного ТВ так называемые «кулинарные поединки» пресыщенных лиц. Каково смотреть на их «сытые соревнования» тем, кто и в наши дни живет-выживает на грани нищеты.

В начальных классах школьников привлекали к работе в колхозе: сбору колосков пшеницы после жатвы, прополке посевов от сорняков, которые до крови ранили детские руки.

Рукавиц или перчаток не было, девочки от боли плакали, мальчики поддерживали их, но скупыми слезами.

Нас, мальчишек, уже с первого класса готовили быть воинами. В школьном расписании были обязательные занятия по военной подготовке: мы ходили строевым шагом, с муляжами

винтовок, отрабатывали приемы штыкового боя. Мама мне выстрогала «боевое оружие» из обрезка деревянной доски. Поразительное было тогда время: с одной стороны, война, беспросветная нищета и холод, с другой стороны, в старших классах учеников заставляли разучивать бальные танцы – фокстрот, краковяк, польку, падеграс и падеспань. Сейчас молодежь и названий таких, наверное, не знает.

Старшеклассниками мы участвовали в посадке защитных лесных полос вдоль дорог и полей бескрайней голой степи: это называлось сталинским планом преобразования природы. Мудрое начинание, принесшее людям несомненную пользу. Неспроста китайцы миллионами сажают молодые деревья в наши дни. Вечерами пели украинские народные песни, с раннего детства знали «колядки», за исполнение которых в религиозные праздники получали от взрослых скромные подарки.

Сразу после войны, в 1946–1947 годах, случился неурожай, разразился повальный голод, коснувшийся северных областей Казахстана. Особенно тяжело приходилось находящимся в нашем селе в ссылке людям, не имеющим своего подсобного хозяйства.

Отец, бригадир тракторной бригады, с детства научил меня управлять трактором и комбайном. В университетские годы я был активным участником студенческих отрядов. Когда нас посылали убирать урожай на алтайской целине, я надежно заменял колхозного комбайнера, который мог сутками заниматься своими домашними делами, полностью доверяя мне технику.

Сколько себя помню, постоянно увлекался чтением. В младших классах я перечитал сохранившиеся книги и конспекты дяди Якова – это была юридическая литература, непонятные для меня кодексы и статьи. В библиотеке сельского детского дома пылились толстенные издания русских классиков, которые мне выдавали, и я прочитывал авторов от корки до корки, зачастую, как в случаях с произведениями Белинского и Добролюбова, не понимая глубинного смысла. Захватывал меня сам процесс чтения. У эвакуированных ленинградцев за десяток куриных яиц выменивал книги о знаменитых летчиках, помню о Серове, Аккуратове, Пусеппе. Одним из первых в селе я прочитал «От Путивля до Карпат» о героическом Сидоре Ковпаке. Мне хотелось во всем походить на легендарного летчика Маресьева из «Повести о настоящем человеке», и я подражал ему даже походкой: громко топал по коридору школы, словно протезами, тяжелыми японскими ботинками – военным трофеем отца. Остро переживал, как мальчишескую беду, наступление мирного времени, поскольку с ужасом думал, что для меня теперь, после окончания войны, не будет возможности совершить какой-нибудь героический подвиг. Память у меня была хорошая, и я выучил наизусть «Евгения Онегина», но это уже не столько от любви к великому поэту, сколько от постигшего горя: смерти матери. Свои детские слезы, болевые душевные переживания забивал учением наизусть стихотворений Пушкина. Я влюбился в его поэзию, и классик отечественной литературы остался моей первой и основной привязанностью до настоящих дней. Приятно, что моя дача находится рядом с музеем Александра Сергеевича в подмосковном селе Захарове, где юный поэт сочинял свои первые стихи. Должен признаться, что в студенческие годы мне нравилась любовная лирика советского поэта Евгения Евтушенко, но недолго. С годами отношение к нему изменилось.

Далеко не всем моим современникам, особенно молодым и даже зрелым людям, станет понятно, почему многие из моего поколения часто вспоминают о Сталине. Мы родились в то, теперь далекое время, тогда же определялись наши идейные и нравственные критерии, наши личности и характер становились и мужали в тех обстоятельствах. И потому наша память содержит то, что неведомо другим. Я отчетливо помню все происходившее в марте 1953 года в день похорон руководителя Советского Союза: вся школа рыдала, заливаясь слезами. Плакали учителя и школьники, русские, казахи, украинцы, немцы, ингуши. Были отменены занятия, выстроена траурная линейка от первоклассников до десятого класса. Перед собравшимися выступило руководство школы: директор Мамаев, фронтовик, без правой руки; заведующая учебной частью Мария Денисовна Собко, преподаватель литературы и русского языка, и я,

ученик девятого класса, секретарь школьной комсомольской организации. Имя Иосифа Виссарионовича Сталина тогда было связано с победами на фронте, с ежегодным понижением цен, со всем тем, что связывалось у народа с постепенным улучшением жизни. Он был гарантией благополучного будущего. И вдруг вождя не стало… Страшно было оставаться без него. Распространялись слухи о том, что в страну вернутся пережитые невзгоды и несчастья, что снова начнется война, теперь уже с Америкой.

Вскоре началась героическая эпопея советского народа – подъем целинных и залежных земель, широко коснувшийся наших степных районов. Кое-кто сегодня называет это ошибкой Хрущева: надо было поднимать российские земли. Жить на селе стали немного лучше. Хотя продолжались неподъемные для колхозников налоги деньгами и натурой – сдачей молока, платой за содержание скота в личных хозяйствах. Никогда не забуду, как в село приезжали представители района для переписи имеющейся у населения живности. Многие пытались утаить скот от налогообложения. Сосед, казах, со слезами упрашивал районных чиновников не учитывать жеребенка, говорил, он «маленький, еще ребенок»…

В Казахстан стали прибывать «целинники», в наш район – в большинстве из областей Украины. В целинных степях начала греметь слава молодого директора совхоза Федора Моргуна, в последующем народного депутата СССР, первого секретаря Полтавского обкома КПСС. С ним у меня долго продолжались встречи. И ныне я берегу подаренные им несколько книг воспоминаний. С тех школьных лет помню о целинных подвигах молодого комсомольца Николая Залудяка, ставшего потом губернатором Полтавской области.

Тогда же, с началом подъема целинных и залежных земель, удалось установить переписку с родственниками по линии деда, проживающими на Черкасщине. Это целая былинная история.

Наша соседка Щербиниха попросила «перед смертью» свозить ее на родную землю, которую она покинула еще в годы Столыпинской земельной реформы. Оттуда она привезла моему отцу такую весточку: «Если ты сын Афанасия и Ульяны, откликнись, бо ты – наша родня!» – писали родичи из Украины. Отец сомневался, надо ли через полвека писать ответное письмо. Он рассуждал, что там прошла война, родня была под немецкой оккупацией (помните такую графу в анкетах?), мало ли что было: вдруг пособничество немцам, бандеровцам… Настояла жесткая и твердая по характеру мачеха: «Михайле, напиши письмо. Может, твоя родня нам будет из Украины посылки с сухофруктами слать!» Так у отца установились контакты с дальними (скорее, отдаленными по расстоянию) родственниками. Они оказались добрыми, приветливыми, такими же природными тружениками. Председатель колхоза Лука Алексеевич (фамилию, к сожалению, забыл) на мой вопрос, как там, в селе, характеризуются Голушки, ответил: «Люди хорошие. Но работать в колхозе не хотят, все рвутся в учителя и парторги». Родственники приглашали отца вернуться работать на Украину, но он отказался, ответив так: «У меня в казахстанской бригаде больше гектаров земли, чем у вас в целом украинском районе».

Из своих школьных учителей помню практически всех, конечно, больше всего любимых: преподаватель казахского языка Жанайдар Байдасович Хамзин, историк Клавдия Ивановна Ломакина, эвакуированная из Ленинграда, после войны вернулась в родной город. Самым дорогим для меня человеком является Мария Денисовна Собко, учитель русского языка и литературы. Переписку с ней продолжаю до настоящего времени. В феврале 2009 года ей исполнилось 90 лет. Чтобы показать нынешнюю судьбу родного села Андреевка, где родился и окончил казахстанскую школу, приведу некоторые фрагменты нашей переписки. Моя учительница пишет о судьбе односельчан, которая постигла их после развала Союза. Целинные украинские села в советское время были процветающим краем, обеспечивавшим страну хлебом. А теперь их покидают русские, украинцы, немцы.

Из письма М. Собко. 1 июня 1997 года

…Живу под впечатлением встречи с тобой, Коля. Это был какой-то непонятный сон. В теперешней жизни такие встречи – большой, незабываемый праздник.

Немного о нас. Ликвидировали нашу Кокчетавскую область и наш Рузаевский район. Теперь нам надо ездить в новый район за 110 км. А зимой вообще будет плохо, везде заносы, кругом сугробы снега.

В жизни никаких улучшений. Пенсию дали за апрель прошлого года. Правда, стали подавать электричество с перерывами. Но телевизор не посмотришь, включают только Алма-Ату. Из села выехали почти все немцы. Украинцы уезжают в Россию.

Прости, если что не так написала.

Твоя учительница М. Д.

Из письма М. Собко. 12 июля 1999 года

…Мы собираемся покидать Казахстан. Работы нет. Саша только два месяца в году работает. Закон таков, что пенсия будет начисляться за последние два года. А какая будет пенсия, если не работаешь?

В начале мая ездили в Омск. Сказали: переезжайте, пенсия будет. Жилья не купили, очень дорого. Но все решили продать и переехать в Россию. Мы боимся и плачем, и плачем. В Казахстане никакого просвета. Посеяли очень мало, что уродит – отдадут за горючее (его брали в долг).

Любящая тебя М. Д.

Из письма М. Собко. 25 декабря 2002 года

…Вот видишь, я еще живу, хотя близких моих друзей уже давно нет с нами…

Я до сих пор не верю в то, что произошло с Союзом, это правда. Кажется, это кошмарный сон, который должен скоро кончиться…

Радует в жизни только то, что мои ученики помнят меня. Значит, не зря прошла жизнь…

Разбросала жизнь племянников и племянниц по всему свету. Лариса – в Германии, Люба – в Белоруссии, Наташа – в Красноярском крае, Саша – в Калининграде. Так и живем, не видя друг друга. Коля, прости за такое письмо…

Твоя М. Д.

Письмо Галины (дочери М. Собко). 4 мая 2007 года

Получили от тебя послание, за все огромное спасибо. Мама всегда с благодарностью и нежностью относится к тебе, говорит, из тысяч учеников ты единственный, который помнит и заботится о ней. В феврале ей исполнилось 88 лет.

Зиму пережили, летом должно быть легче.

Мария Денисовна и Галя.

Глава третья
Мой российский университет

После окончания учебы в средней школе мой выбор профессии определился одним – прочитанной в ранней молодости юридической литературой, которая стала невольным наследством погибшего в годы войны дяди Якова, прокурора района.

Почему Томский университет? Томск был близок к Казахстану, поэтому я решил искать счастья в сибирском городе. Отец уговаривал поступать в Омский сельхозинститут, хотел видеть во мне агронома, продолжателя его хлеборобского труда. «Вот, в районе появился молодой специалист-агроном, ему дали сразу дом и мотоцикл, да и Омск недалеко, – убеждал он меня. – Агроном в селе – это интеллигенция, не пропахший соляркой механизатор».

В тяжелом положении пребывали колхозники. Даже после войны было трудно выезжать за пределы своих сел и деревень; их повзрослевшим детям не выдавали паспорта. Некоторые жители многих аулов были вообще не паспортизированы. Мне с трудом удалось получить паспорт после окончания школы, чтобы уехать для поступления в вуз. Спасло то обстоятельство, что мне было семнадцать лет и я еще не был поставлен военкоматом на учет.

Когда я сказал отцу, что после юридической подготовки можно стать судьей или прокурором, как его родной брат Яков, у него не осталось аргументов для возражений. Я тогда не представлял себе славу юридического факультета Томского университета. Уже студентом я узнал, что в 1898 году в Императорском томском университете был открыт юридический факультет – первый на территории от Урала до Тихого океана. Его открытию в Сибири предшествовало специальное постановление Государственного совета и указ императора Николая II.

Для меня, жителя степей, Томск стал местом, где я впервые увидел железнодорожный вокзал, белоснежное здание университета, многоэтажные дома, трамваи, молодежный город, в котором каждый четвертый житель – студент, где я нашел талантливых преподавателей.

Я не представлял себе трудностей, с которыми столкнулся при поступлении в университет. В нашей семье сохранялся украинский уклад, а главное – украинский язык, впитанный с молоком матери, естественно, далекий от литературного. При сдаче экзаменов явно выделялось мое произношение с украинским акцентом. Вступительный конкурс среди десятиклассников достигал 17 человек на одно место при общем наборе 75 студентов на первый курс. В те годы при поступлении на учебу имели льготы молодые люди, отслужившие в армии или получившие двухлетний производственный стаж работы. Меня же при прохождении конкурса выручили высшие баллы на экзаменах по сочинению, литературе, истории, географии и четверка по иностранному языку. Студентами стали выпускники школ, набравшие не менее 23 баллов из 25, а льготники – не ниже 20. Из этого видно, что страна готовила специалистов, делая упор не только на талантливых десятиклассников, но и на тех, кто приобрел бесценный трудовой стаж или воинский опыт. Потом я узнал, что среди сокурсников, кроме меня, из Казахстана были Альберт Черненко, медалист, окончивший школу в Семипалатинской области, и Римма Виноградова из Караганды.

В казахстанские вузы поступить было сложно. Землячка, выпускница нашего факультета Анна Рабец (доктор юридических наук, профессор), вспоминает о предпринятой ею попытке поступить в Алма-Ате: «Оглядев меня сочувственно, секретарь приемной комиссии, по национальности казах, в момент развеял мои иллюзии на сей счет: чтобы поступить, по крайней мере надо быть казашкой, но этого у меня нет; можно также иметь большие деньги, но, судя по моей внешности ученицы школы-интерната, этого никогда не было; можно говорить по-казахски, но этого я не умела; наконец, надо хоть черненькой быть, но и тут неудача: я блондинка от природы».

Итак, мне семнадцать лет, я стал студентом. Проживаю в университетском общежитии вместе с ровесниками, поступившими в университет сразу после школы: Бессоновым, Лебедевым, Петелиным, Гуриненко, Власовым. Все они, как и я, дети военных лет из самых простых трудовых семей. Кем они стали? Владимир Лебедев из Алтая – доктор юридических наук, автор многих учебных пособий по трудовому праву, профессор Томского университета; Альберт Петелин – кандидат юридических наук, был деканом юридического факультета Омского университета; Анатолий Гуриненко – из Хабаровска, человек с поэтическим даром, работал в Министерстве юстиции СССР; Владимир Власов много лет возглавлял прокуратуру Новосибирской области; Юрий Бессонов – военный прокурор, защитил кандидатскую диссертацию и преподавал юридические дисциплины в военных училищах.

Самых высоких научных достижений из моих однокурсников добились Николай Витрук, избранный членом Конституционного суда России, доктор юридических наук, и Юлия Борисова (Гавло), доктор юридических наук.

Студенческие годы – это романтическая поэма в жизни каждого из нас. Жили коммуной, в складчину, в основном на стипендию, но весело и беззаботно.

Наша университетская газета публиковала часто студенческий юмор. Вспоминается, как в ней определялись степени изношенности студенческих носков: предпоследняя – когда сквозь них видны пальцы ног, и последняя – когда бросишь носки вверх, и они прилипают к потолку.

На четвертом курсе моя студенческая работа по анализу концентрации финансового капитала в ведущих капиталистических странах получила вторую премию на городском конкурсе научных работ. Дипломную работу защитил по тематике соотношения дознания (курировалось МВД) и предварительного следствия, входившего в компетенцию прокуратуры. Еще на последнем курсе университета при подготовке дипломной работы я обосновывал целесообразность создания единого и самостоятельного следственного ведомства в стране, отдельного от принадлежности следствия к МВД, КГБ или прокуратуре. Знание предмета помогало мне и в зрелые годы, в период обсуждения этих вопросов во время депутатства, стоять на этой точке зрения.

Перед распределением на работу я был приглашен в Томское управление КГБ, где прошел собеседование и медицинскую комиссию. О родственниках расспрашивали до третьего колена. В то время сотрудники государственной безопасности в моем киношном, периферийно-романтическом воображении казались таинственными и засекреченными – высокие, стройные и бесстрашные герои в привлекательной военной форме. Попасть на работу в КГБ без партийной рекомендации или райкомовской комсомольской характеристики было трудно или просто невозможно. Как успевающий студент, комсомольский активист и спортсмен (был членом комсомольского бюро факультета, входил в сборную команду университета по лыжам), я шел в числе первых на государственную комиссию по распределению молодых специалистов. Когда мне предложили выбор работы, представитель отдела кадров Томского управления КГБ на комиссии заявил, что меня они берут к себе.

Направление в органы госбезопасности из нашего выпуска получил также Павел Ковалев, член партии, бывший моряк.

По-разному в будущем сложились наши судьбы. Вместо практической работы нас решили направить снова на учебу, теперь в двухгодичную Могилевскую школу подготовки оперативного состава КГБ. Выпускники школы в те годы распределялись на службу в республики Прибалтики и западные регионы Украины и Белоруссии. Я отказался от учебы в Могилеве по нескольким причинам: надоело за студенческие годы ходить в кирзовых сапогах, но главное заключалось в том, что в мае 1959 года мы с Женей, моей однокурсницей, поженились, создали семью, и на два года не хотелось расставаться с молодой супругой, переходить на курсантское, казарменное положение. Конечно, мотивы моего отказа были не самыми патриотичными. Но, к моему удивлению, в управлении КГБ меня не осудили, не ругали, не уговаривали, а просто

дали понять, что можешь катиться на все четыре стороны. Такое отношение к молодому специалисту было объяснимым: начиналось широкое, более чем на миллион человек, хрущевское сокращение Вооруженных сил, которое затронуло кадры органов госбезопасности.

В январе 1959 года на очередном съезде КПСС Никита Сергеевич Хрущев в своей традиционной манере говорил о необходимости укрепления органов государственной безопасности, не допуская мысли об их сокращении, что, по его выражению, «было бы глупо и преступно». Но уже в феврале на встрече с избирателями Хрущев публично поделился идеей «разумно сократить КГБ». Он заявил, что руководство Коммунистической партии уверено в своем народе, поэтому «мы и внутренние силы – наши органы государственной безопасности – значительно сократили, да еще нацеливаемся их сократить». «В КГБ, – говорил Хрущев, – проводятся значительные мероприятия по сокращению численности органов, учитывая исключительно благоприятную внутриполитическую обстановку в стране». Но объемные сокращения перекинулись на армию – в этом решении отчетливо проявился волюнтаризм Хрущева. В своих речах он преувеличивал достигнутые успехи в создании ядерного и ракетного потенциала: «наши ракеты могут сбить муху в космосе», поэтому военный флот и авиация утрачивают свою мощь и пойдут на демонтаж.

Паша Ковалев после окончания Могилевской школы стал лейтенантом, и я еще успел поработать с ним в Кемеровском управлении КГБ. Вскоре он перевелся в КГБ Белоруссии по семейным обстоятельствам: его могилевская супруга была единственной дочерью прославленной белорусской партизанки. Судьба Ковалева оказалась трагичной: молодой офицер покончил с собой. Причину я толком не знаю. В жизни он был человеком честным, но горячим и резким, даже вспыльчивым…

Вспоминаю почти анекдотический случай, когда поведение Ковалева обсуждалось на парткоме за необдуманную реплику в адрес преподавателя Милехина. Последний настойчиво рекомендовал нам изучать труды В. И. Ленина, без чтения которых он не ложился спать. Ковалев тут же горячо отреагировал: «И я тоже. Как возьму в руки том Ленина, моментально засыпаю». Конечно же, о поведении молодого коммуниста стало известно в парткоме факультета. Ковалев вскоре «отомстил» преподавателю, когда Милехин стал хвалиться тем, что часто выступает перед населением с лекциями по различной тематике. «А лекции о геморрое тоже читаете?» – иронизировал студент. Интересно, как он и после этого прошел проверку в КГБ?

Оставшись без трудоустройства, испытывая горькое разочарование, мы с женой прибыли в ее родной город Кемерово и были не одиноки. В этом городе оказались томские однокурсники, которых я назову по достигнутому ими служебному положению: Михаил Шапошников – председатель Кемеровского областного суда; семья Бобылевых – Анатолий стал заместителем председателя Кемеровского облсуда, Валентина Вельдяскина (Бобылева) – начальником отдела Кемеровской областной прокуратуры; Юлия Кузнецова – член Кемеровского облсуда, Игорь Константинов, сотрудник прокуратуры, затем начальник следственного отделения в УКГБ по Орловской области.

Наша команда подобралась прекрасная, дружная, дерзающая, без блатных связей. Начинали рядовыми специалистами, стремились как можно быстрее приобщиться к практическим делам, войти в трудовую жизнь кузбассовцев.

После полуголодного студенчества, когда рыбные консервы в томате и плоская камбала в годы учебы казались нам деликатесами, пролетарский город Кемерово явился благодатным краем, где в отличие от соседних областей в магазинах можно было увидеть нормальный выбор продуктов.

Следователем прокуратуры Центрального района города меня благословил лично прокурор Кемеровской области Сатаров (в последующем прокурор Киргизской ССР). Я получил не только назначение на работу, но и небольшую материальную помощь, будучи оформленным по его совету как молодой специалист. О своей квартире и не мечтали, жили у родителей.

В Кузбассе шла напряженная трудовая жизнь: велись грандиозные стройки, создавался металлургической гигант Запсиб, вводились в действие новые угольные разрезы и шахты, современные химические предприятия.

Мы, начинающие сотрудники, столкнулись с исключительно сложной обстановкой в борьбе с уголовной преступностью. По уровню преступности область стабильно занимала высокие третье – четвертое места в стране. В те годы вступало в силу новое уголовное и процессуальное законодательство, более гуманное, чем прежде. Впервые предусматривалось условно-досрочное освобождение осужденных, в том числе за тяжкие государственные преступления. В местах расположения бараков «сиблагов», «южкузбасслагов» снималась колючая проволока и возникали поселки, превратившиеся в последующие десятилетия в современные города.

Хрущевская оттепель ощутимо коснулась меня на работе в прокуратуре.

Началось массовое освобождение осужденных из лагерей по отбытию ими двух третей наказания. Мне приходилось участвовать в заседаниях судов, когда выходили на свободу военные и послевоенные особо опасные государственные преступники, изменники Родины, каратели, полицаи, приспешники фашистов. Как-то пришлось заниматься материалами по досрочному освобождению из лагеря одного из заключенных, выходца из западных областей Украины. Я впервые тогда узнал, кто такие бандеровцы. Освобождался бандит, который по заданию ОУН проник на службу в милицию и сопровождал из села в районный центр семерых местных призывников на службу в Советскую армию. По дороге он расстрелял их. Пытаясь избежать ответственности, ссылался на то, что в лесу на них напала вооруженная банда, он отстреливался и чудом остался живым. Криминалистическая экспертиза показала, что все молодые призывники были убиты из автомата бандита. После войны с согласия Сталина была отменена смертная казнь, и этот убийца, отбыв небольшой срок, вышел на свободу.

Среди расследованных рядовых и сложных уголовных дел вспоминается такой эпизод. Я тогда только начинал работать районным следователем, когда в пригороде Кемерово было совершено преступление: женщина средних лет отсекла топором голову спящему мужу. Вместе с коллегами из милиции я осматривал место кошмарного происшествия и столкнулся с жуткой действительностью. На допросе арестованная женщина подробно рассказала о своей горестной жизни, тяжелом труде в годы войны, пьянстве и постоянных деспотических выходках мужа, давно возникших у нее намерениях его убийства как единственного способа избавиться от невыносимых издевательств. Показания этой несчастной женщины настолько потрясли меня (тогда 22-летнего следователя), что официальные протоколы допросов и другие процессуальные документы я оформил таким образом, чтобы можно было квалифицировать ее, безусловно, умышленные действия как убийство в состоянии аффекта, внезапно возникшего сильного душевного волнения. Преступница долго заучивала «собственные» показания, составленные мною. Я сам выступил в качестве прокурора, когда дело слушалось в народном суде, и просил определить обвиняемой условную меру наказания, с чем согласились народные судьи. Слухи об освобождении от тюрьмы и мягком приговоре суда распространились в городе, привлекли повышенное общественное внимание, в частности тем, что со ссылкой на этот прецедент некоторые женщины не побоялись угрожать своим «любимым» мужьям аналогичной расправой.

Спустя год с небольшим состоялось повышение в должности – назначение старшим следователем облпрокуратуры. При прокуроре области в тот период было шесть или семь таких следователей, которым поручалось расследование особо важных и сложных уголовных дел. В этой должности проработал два года. Находясь месяцами в постоянных командировках, расследовал несколько непростых уголовных дел: гибель шахтеров на шахте 5/7 в Анжеро-Судженске, которая произошла в день выполнения ими взятых рекордных обязательств в честь открытия очередного съезда КПСС; пожар на элеваторе в районном центре Ижморке, уничтоживший урожай всего района; хищения в системе Кемеровского горплодовощторга, где число

обвиняемых было около 50 человек, а составленное мною обвинительное заключение зачитывалось в суде в течение нескольких дней.

В городе Прокопьевске у меня в производстве находилось уголовное дело о крупном хищении денежных средств на городской станции переливания крови. Вместе с областным прокурором докладывал первому секретарю обкома КПСС А. Ф. Ештокину о ходе расследования. Доклад был не совсем обычный; интерес партийных органов проявлялся в связи с намечаемым привлечением к уголовной ответственности должностных лиц из руководства города. Секретарь обкома остался доволен, рекомендовал мне проявлять принципиальность, выводить всех на чистую воду за причастность к преступным действиям, независимо от занимаемых высших руководящих постов. Узнав, что я являюсь комсомольцем, шутливо заметил: «Расследование по делу идет хорошо, но есть один серьезный недостаток: уж больно молод старший следователь». Это было мое последнее уголовное дело, расследованное в органах прокуратуры.

В те годы я активно участвовал в общественной и комсомольской работе, выступал в трудовых коллективах, рабочих общежитиях по проблемам борьбы с преступностью, пропаганде действующих законов, участвовал в инструктаже входивших в моду народных дружин и комсомольских оперативных отрядов. Это было замечено, и мне неожиданно поступило предложение возглавить кемеровский комсомол, стать первым секретарем горкома. С трудом я отказался от открывающейся комсомольской карьеры; помогло то, что должность предусматривала членство в КПСС. Тогда я близко познакомился со вторым секретарем Кемеровского обкома ВЛКСМ Валерием Рак-Рачек, ставшим на все годы моим коллегой по службе в КГБ и одним из самых доверенных и надежных друзей.

Неожиданно меня пригласили в Кемеровское управление КГБ. Работник отдела кадров сообщил, что из Томска поступили материалы моего личного дела, я зачисляюсь в резерв КГБ. Предложили пройти оперативную подготовку на курсах в Минской школе КГБ СССР, на что я дал согласие. Когда встал вопрос об увольнении из прокуратуры, то возразил прокурор Кемеровской области, ссылаясь на то, что я оформлен молодым специалистом, поэтому должен отработать положенные по закону три года. Спорить с прокурором области не стали, мои мечты стать разведчиком снова не состоялись. Я очутился заложником закона, согласно которому молодые специалисты ставились в особое положение.

Когда закончился трехлетний стаж работы в прокуратуре, то по решению обкома КПСС в феврале 1963 года меня перевели в управление КГБ сразу на должность старшего следователя. Я попросился на оперативную работу с понижением в должности. Выслуга лет и три звездочки за прокурорское звание при переходе в КГБ не учитывались, начинать приходилось с белого листа.

КГБ СССР в те годы возглавлял В. Е. Семичастный, проводивший линию на повышение авторитета органов, обновление кадров, устранение последствий культа личности и репрессий. Он подчеркивал, что дал себе клятву: «не допущу ни на йоту» того, что практиковалось в сталинские времена.

В ставшем родным для меня коллективе сотрудников Кемеровского управления начинал все сначала – с должности рядового оперативного уполномоченного в звании младшего лейтенанта. Моя последующая служебная деятельность, начавшаяся с третьего захода, все помыслы и поступки на протяжении тридцати лет были посвящены выполнению исключительных задач – обеспечению государственной безопасности страны.

Основным направлением, которым я стал заниматься в начале своей оперативной работы, было изучение политических процессов среди творческой интеллигенции и в высших учебных заведениях города Кемерово. В дальнейшем мне исключительно повезло. В управлении создавался участок чекистской работы по линии разведки – святая святых советской нелегальной спецслужбы. Выполнять эти задачи должен был один оперативный работник (подразделения разведки в областном управлении не было) со знанием иностранного языка, меж-

дународного права, законодательства о гражданстве иностранных государств, а также с умением подбора кандидатов в разведчики-нелегалы.

В своей работе я замыкался непосредственно на Москву, на отдел, который возглавлял тогда легендарный чекист Павел Георгиевич Громушкин. Его отдел занимался выработкой легенд для советских нелегалов и документированием их жизни за границей. По изготовленным на Лубянке отделом Громушкина немецким документам известный советский разведчик Николай Кузнецов в годы войны вживался в образ обер-лейтенанта Пауля Зиберта. В 1948 году плодами труда Громушкина воспользовался знаменитый разведчик Абель, который прожил в США по таким гражданским документам более десяти лет.

Руководивший советской нелегальной разведкой в 19791991 годах Юрий Иванович Дроздов отмечал, что благодаря сотрудникам отдела Громушкина не было ни единого провала. Однажды в руки иностранной спецслужбы попали изготовленные Громушкиным документы. Они были отданы на экспертизу, которая подтвердила: документы подлинные, только никак не можем найти, когда они выдавались.

Громушкин – замечательный специалист, признанный художник, который создал галерею портретов разведчиков. Из-за секретности его творчество не афишировалось, хотя ему было присвоено почетное звание заслуженного работника культуры России. В 2008 году в Службе внешней разведки была открыта персональная выставка картин Павла Георгиевича, на ней я встретил ветерана спецслужбы, оставившего памятный след в моей жизни.

У меня все шло хорошо. По одной оперативной разработке, проведенной мною, из центра пришла невероятная для молодого сотрудника оценка: заслуживает представления к званию почетного сотрудника КГБ СССР.

Начальник управления Владислав Иванович Алешин лично помогал мне своими советами. Ранее он руководил в Туркмении организацией разведывательной работы, в том числе и по нелегальной линии. Пригласив меня к себе, ознакомил с документом, присланным из КГБ СССР, и с присущим ему юмором сказал: «Похвалу заслужил, а звание почетного сотрудника получишь после того, как им станет начальник управления». Спустя некоторое время Владислав Иванович принял в отношении меня другое невероятное решение: назначил заместителем начальника недавно созданного 5-го отдела по борьбе с идеологическими диверсиями спецслужб противника.

После моего отъезда из Кемерова работу по линии нелегальной разведки продолжал молодой чекист Александр Ковыгин, добившийся исключительных успехов. И к концу своей службы он, генерал-майор, станет одним из заместителей начальника советской нелегальной разведки.

Часть вторая
Госбезопасность – это верность долгу

Глава первая
На фронтах «холодной войны»

В 1974 году в моей жизни произошла знаменательная перемена. Состоялся вызов в Москву, прием в поздний вечерний час у Филиппа Денисовича Бобкова, начальника 5-го управления КГБ СССР. Поступило предложение перейти на работу в центральный аппарат Комитета. Перед тем как уезжать на собеседование в Москву, я посоветовался с начальником управления Алешиным, можно ли мне отказаться от назначения. Я не горел желанием покидать Кемерово, где у меня все складывалось хорошо – и на службе, и в семье. В завершении беседы решили, что лучше всего сослаться на обком партии, возражающий против утечки молодых кадров из Кузбасса.

Я впервые видел Филиппа Денисовича, который был известен, без преувеличения, всему чекистскому коллективу страны. Спустя годы, находясь в союзных республиках, в каждой из них я проводил своеобразный опрос, предлагая своим коллегам из территориальных органов назвать пять первых руководителей КГБ СССР. Желанный ответ не всегда получался, назывались имена двух-трех союзных руководителей: естественно, председателя КГБ, а вторым по счету непременно упоминался Бобков.

Беседа с начальником 5-го управления оказалась интересной. Листая страницы моего личного дела, он показал глубокое знание Кузбасса. Я же, к сожалению, мало интересовался его биографией. К примеру, не знал, что во время Отечественной войны эвакуированный из Донбасса Филипп Бобков окончил среднюю школу в городе Ленинск-Кузнецком и до ухода добровольцем в сибирские дивизии работал секретарем горкома комсомола. Это в шестнадцать-то лет! В это время и примерно в таком же возрасте на ответственной комсомольской работе в Кузбассе находился и В. Семичастный, будущий председатель КГБ СССР.

Я отказывался от выгодного предложения, ссылаясь на малый опыт (десять лет), что могу не справиться с ответственной работой в центре. Ответ меня поразил: «Не справишься – отправим назад, в родную тебе Сибирь. Но твой кругозор все равно расширится, если ты только узнаешь, к кому из руководства какая дверь и зачем открывается». И он был совершенно прав. Не зная, где находится дверь столовой в огромном здании на Лубянке, я целый день был голодным. Бобкову надоело меня убеждать и на заранее подготовленный, как мне казалось, убедительный аргумент о возражении Кемеровского обкома партии он в сердцах произнес: «Вопрос твоего перевода мы не собираемся решать через ЦК партии». Он и здесь был прав: подобных мне «ценных» кадров в Москве без сибиряков было хоть пруд пруди.

Многому я старался научиться у Бобкова, ставшего моим непосредственным руководителем, куратором 2-го отдела, куда меня определили начальником отделения из тринадцати человек, где я оказался самым молодым по возрасту и самым младшим по званию – майором. У Бобкова всегда присутствовали знание глубины рассматриваемой проблемы, ясность мысли, четкость в постановке задач, исключительное владение оперативной обстановкой в любом регионе страны. Сама судьба подарила нам, сотрудникам «пятерки», такого умелого учителя.

В течение десяти лет моя оперативная работа – от начальника отделения до заместителя начальника управления – проходила в критикуемом, шельмуемом, нелюбимом прежними антисоветчиками и нынешними либерал-демократами 5-м управлении КГБ СССР. Моими

основными обязанностями стали проблемы межнациональных отношений, борьбы с национализмом, вскрытие и пресечение враждебных акций, проводимых западными спецслужбами против СССР.

2-й отдел осуществлял разработку (совместно с разведкой) враждебных стране зарубежных, националистических и эмигрантских центров. Вместе с республиканскими органами КГБ он организовывал работу по пресечению возникавших в СССР явлений экстремизма, терроризма и сепаратизма на национальной почве. Мой вечно раздражающий, видимый не всегда, но постоянный противник – национализм во всех его проявлениях и окрасках – являлся той силой, в нелегкой борьбе с которой сломали себе шею многие могучие интернационалисты. Сотрудники отдела хорошо владели обстановкой в нашей многонациональной стране, контролировали наиболее серьезные негативные процессы, имевшие националистическую подоплеку, вели оперативные разработки лидеров набиравшего силу национально-освободительного движения. В течение пяти лет я возглавлял 2-й отдел, в котором работало уже до 30 офицеров, представляющих 12 национальностей. Первоклассных специалистов-украинцев оказалось в отделе большинство (В. Шевчук, П. Подгайный, П. Романенко, А. Антощенко, М. Цуркан, Г. Еременко, В. Боржемский, Ю. Балас). Помимо украинцев в отделе были представлены и другие национальности, в частности грузин Д. Поцхверия, туркмен Бабаев, якут В. Гуляев, таджик А. Нигматов, литовец Валуцкас. Каждый из них – яркий представитель своего народа.

Мой подчиненный полтавчанин П. Подгайный обращал внимание, что я не чурался украинства, тянулся ко всему украинскому, подчас пытался, как бы шутя, говорить на языке своих предков. Литовец Эдуардас Эйсмунтас шутливо заметил, что по таким признакам меня легко можно записать и в литовские националисты, так как я интересовался литовской историей и литературой, употреблял в разговоре несколько фраз на литовском языке. Я действительно хорошо знал оперсостав в союзных республиках, старался изучать их обычаи, особенности языка.

Отдел был сильным, сплоченным, высокопрофессиональным, мобильным. Не случайно мои заместители сделали достойную служебную карьеру: Эдуардас Эйсмунтас стал председателем КГБ Литовской ССР; Валерий Лебедев – заместителем председателя КГБ СССР; Анатолий Шиверских – начальником Смоленского управления КГБ. Начальники отделений также имели значительный карьерный рост: Владимир Шевчук впоследствии возглавлял на Украине Волынское управление

КГБ и инспекцию при председателе КГБ Украинской ССР; Петр Романенко направлялся в представительство КГБ СССР в одну из зарубежных стран; Петр Подгайный – начальник 5-го управления КГБ Украинской ССР; Константин Дианов возглавил самостоятельный отдел КГБ СССР; генерал-лейтенант Владимир Левин был управляющим делами ФСБ России.

В должности заместителя начальника 5-го управления в мои обязанности входила организация работы всех 5-х подразделений страны по борьбе с идеологическими диверсиями. Масштабы стали более широкими, чем пресечение активного национализма. Главная задача – довести установки и требования руководства КГБ до исполнителей в борьбе с идеологическими диверсиями спецслужб враждебных СССР империалистических государств. Тогда мы называли их установками Андропова. Лично я знал их наизусть, как верующий произносит «Отче наш». Мы должны были не позволять вовлечение отдельных советских граждан в антиконституционную, противоправную деятельность и бороться за каждого человека, попавшего под враждебное влияние и оказывавшегося в беде. Если не удавалось предупредить преступление, дело доходило до суда. А это уже рассматривалось как брак в чекистской работе.

В депутатском интервью журналисту Леониду Млечину в 1989 году («Новое время», № 27) я подвел промежуточный итог своей службы: «В органах государственной безопасности начинал в период хрущевской оттепели. Мое поколение сотрудников КГБ воспитывалось в духе героических традиций, заложенных при создании спецслужб Владимиром Ильичем Лени-

ным и Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. С полной уверенностью могу сказать, что я и мои коллеги не имели ничего общего с репрессивной организацией, которая участвовала в беззаконии в годы культа личности Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы мундиры инквизиторов из НКВД не примеряли».

Кроме того, половина моей службы пришлась на период школы Юрия Владимировича Андропова. В среде сотрудников КГБ укоренялся вдумчивый, гуманистический, политически выверенный подход к методам деятельности, воспитывалось строгое законопослушание.

Что представляло собой 5-е управление? Любое государство призвано обеспечивать свою внутреннюю безопасность, защищать конституционный строй, гражданское общество от враждебного воздействия.

Со времен Гражданской войны в рамках органов госбезопасности функционировали секретно-политические отделы, занимавшиеся внутренними проблемами: они контролировали сторонников эксплуататорских классов, остатки ликвидированных политических партий, их контакты с белоэмигрантскими, буржуазно-националистическими, террористическими зарубежными центрами. Можно сказать, что осуществлялся традиционный бессмертный политический сыск. Но в последние годы он занимал меньшее значение, чем масштабы контрразведывательной деятельности КГБ по пресечению идеологических диверсий на фронтах «холодной войны». Иностранные спецслужбы не скрывали, что ведущаяся психологическая война является чрезвычайно важным оружием для содействия диссидентству и предательству среди определенной категории советских граждан; она способна подорвать социалистическую мораль, нравственные основы общества, привести к идеологической эрозии и спровоцировать разрушение защитных инстинктов страны.

Особую опасность представляли националистические центры, которые в годы горбачевской перестройки были использованы западными спецслужбами для разжигания идеологии национализма, межнациональной розни на территории союзных республик.

Спецслужбы зарубежных стран втягивали органы КГБ в затяжную идеологическую борьбу, применяя весь спектр присущих им силовых методов и форм деятельности.

В годы руководства КГБ СССР Андроповым и Чебриковым утверждалось, что источники основных угроз безопасности страны находились за ее пределами. Зарубежные спецслужбы сделали все для того, чтобы перенести на территорию нашей страны методы «холодной войны», делая ставку на подрыв изнутри основ политического и экономического строя.

Сотрудники 5-х подразделений проводили политический анализ сложившегося положения, изучали причины возникновения вредных последствий деятельности идеологических противников, осуществляли контроль и пресечение негативных процессов в стране. Основное место в брежневско-андропов-ские годы занимали не репрессии, а локализация, разложение и раскол возникающих группировок, компрометация их вдохновителей, отрыв от них политически незрелых, явно заблуждающихся лиц.

Антиобщественные элементы прикрывали свою деятельность фразеологией правозащитников, рядились в шкуру патриотов, борцов с последствиями культа личности, радетелей расширения демократии и возврата к истинно социалистическим ценностям. Они высказывали несогласие с существующим строем в нашей стране, национальной политикой и линией партии в вопросах свободы творчества, настаивали на необходимости перестройки социалистического общества по образцу буржуазных демократий, стимулировали эмиграционные настроения.

Контрразведывательную работу по срыву идеологических диверсий органы КГБ вели в тех случаях, когда подрывные акции осуществлялись против советского государства с участием спецслужб противника, использующих специальные формы и методы. Велась непримиримая «холодная война», а это значило, что с нами сражался вышколенный, умеющий думать противник.

Историки не без основания считают, что «холодная война» началась сразу же после окончания Великой Отечественной войны с выступления в 1946 году английского премьера У. Черчилля в военном колледже в Фултоне. И. Сталин в ответах корреспонденту «Правды» расценивал эту речь как «опасный акт», «нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, в противном случае возможна война». И она началась – «холодная» вперемежку с американской агрессией на разных континентах нашей планеты.

Спецслужбы империалистических государств посылали своим единомышленникам в СССР такие директивы: «Используйте в своих интересах отдельные политические моменты, которые несут в себе происходящие перемены: расширение гласности, критики и самокритики, более жесткий контроль за соблюдением законности, обеспечением прав человека и т. п.

Генеральное направление борьбы есть наступательные действия, в которые необходимо вовлекать широкие круги различных слоев народа, прибегая от простейших к более сложным формам борьбы. Каждому социальному бунту или недовольству необходимо немедленно придавать национальный характер. Национально-политические цели должны быть доминирующими мотивами, даже если первопричина была не в этом».

После смерти Сталина происходил коренной поворот в карательной политике государства. Хрущев, заявляя об отсутствии политических заключенных в стране, одновременно ставил вопрос: «Как же быть с теми, кто высказывает свое, отличное от других, мнение? Мы стоим за то, чтобы в таких случаях применялись не репрессии, а ленинские методы убеждения и разъяснения». Правда, к концу хрущевской оттепели автократизм и волюнтаризм нового вождя проявились в такой степени, что сотрудников КГБ призывали не только вылавливать явных антисоветчиков, но и собирать информацию о распространителях политически вредных измышлений, любителях анекдотов, примерно таких: «Успехи колхозного сельского хозяйства таковы, что посевную ведут в СССР, а урожай собирают в Канаде». К счастью, такая практика была короткой. Она исчезла сама собой, когда у власти не стало Хрущева.

Следует сказать о некоторой закономерности: при очередной смене лидера КПСС органы КГБ подвергались обязательной критике, дискриминации и смене руководства. Чем больше выливалось грязи на структуры Комитета, тем сильнее вождь укреплял свои позиции. В итоге все возвращалось на круги своя, к традиционному стремлению обязать органы работать под диктовку верховной военной власти.

Свое руководство КГБ СССР Андропов начинал с образования самостоятельного 5-го управления, ставшего головным подразделением в системе органов госбезопасности по борьбе с идеологическими диверсиями. Он понимал, что влияние противника на умы и души советских людей, идейная эрозия в духовной сфере смертельно опасны для страны.

С позиции прошедших лет сейчас отчетливо представляется главенствующая роль сотрудников управления, которое в годы «холодной войны» занималось внешними и внутренними проблемами, грозящими расшатать основы социалистического строя. Советские люди в реальной жизни сталкивались не с разведкой или контрразведкой, а в большей мере с террором, массовыми беспорядками, всякими зарубежными НТС, ОУН, дашнакцутюн и проч., тревогами по «пятой линии», сотрудники которой видели жизнь не из окон Лубянки.

После XX съезда партии, разоблачения культа личности органы КГБ становились на путь строгого соблюдения законности. Но в то же время в действующем уголовном кодексе страны вплоть до 1989 года предусматривалась уголовная ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду. Кроме того, к лишению свободы приговаривались и за клевету на существующий государственный и общественный строй. Диспозиции указанных статей были нечеткими, давали возможность относить к антисоветским или клеветническим разнообразные высказывания, проявления и действия. Предоставлялся широкий простор субъективности в судебных приговорах, зачастую порождавших преследование конкретных лиц за несогласие с государственным строем, критику административно-бюрократической системы.

Надо признать, что еще до устранения статьи УК «Антисоветская агитация и пропаганда» практика ее применения в стране постоянно снижалась. На протяжении 1956–1966 годов по этой статье было осуждено 676, с 1966 по 1970 год – 295, в 1981–1985 годах – 150 человек. На Украине с 1987 года, в последние годы Советской власти, не было случаев привлечения граждан к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду. Это явление – результат демократических преобразований нашего общества, существенного изменения в годы горбачевской перестройки карательной политики Коммунистической партии и органов госбезопасности.

Необъективность критиков КГБ состояла в том, что чекисты вынуждены были действовать, руководствуясь недемократическими законами. На Съезде народных депутатов СССР я сам голосовал за то, чтобы была отменена злополучная статья Уголовного кодекса «Антисоветская агитация и пропаганда». Политика горбачевской перестройки привела к тому, что общество поняло абсурдность подобного рода законодательных актов.

Возникает вопрос: а кто эту статью вводил? При какой системе? Это нынче мы можем задавать подобные вопросы. Но не сбрасывайте со счетов, что КГБ и другие правоохранительные органы должны были работать на основе существующих законодательных актов, строго их исполнять. Я не сторонник обелять все и всех подряд, но считаю неверным утверждение о том, что во всех нарушениях законности в стране виноватыми оказывались органы безопасности.

Недавно в судопроизводство была введена уголовная ответственность за различные формы экстремизма. Действительность такова, что многие действия властей, чиновников, журналистов трактуются как экстремистские из-за размытого, сомнительного понятия экстремизма. Поверьте моему профессиональному чутью: применение этих норм Уголовного кодекса принесет больше несчастий, чем существовавшая ответственность за клевету на советский государственный и общественный строй.

Пресечение антисоветской деятельности при Брежневе, Семичастном и Андропове путем арестов и привлечения к уголовной ответственности допускалось в незначительных масштабах. Андропов называл «правильной» карательную политику советского государства, в которой доминирующую роль стали играть предупредительные меры. Не отправлять в тюрьмы и лагеря, а переубеждать, перевоспитывать, но уголовное наказание применять как вынужденную и крайнюю меру. Думается, что можно считать положительным такой результат, когда из 15 580 человек, прошедших профилактические воздействия в органах КГБ по всей стране в 1978 году, проявили рецидив около ста, да и те не попали на скамью подсудимых.

Помню свое первое соприкосновение с практической профилактикой конкретного лица буквально через месяц после прихода на службу в КГБ. Заместитель начальника Кемеровского управления Юрий Сторожев попросил на время его отсутствия побыть в кабинете с вызванным в КГБ доктором наук, профессором политэкономии, присланным из Москвы на работу в Кемеровский политехнический институт. За ним последовали несколько томов оперативного дела. Ознакомившись с ними, было решено прекратить разработку его дела, а самого профессора убедить в ошибочности его политических взглядов. Но как ни старался Сторожев, тот не сдавался, хотя ему уже грозно зачитывали конкретные статьи Уголовного кодекса. Когда я вошел в кабинет, профессор воскликнул: «Что, и прокурор уже здесь?» Оказывается, он раньше видел меня в прокуратуре. Сторожев вышел, а я продолжил разговор с профессором, в завершении которого он сказал: «Дайте мне бумагу, я напишу заявление, что не буду в будущем выступать с антипартийных позиций…»

Профилактика считалась успешной, если объект отказывался от своих ошибочных убеждений и раскаивался в совершенных им действиях.

Почему я вспоминаю этот курьезный эпизод? В моей практике были примеры предупредительного воздействия на опасных для общества лиц. Я хочу подтвердить, что идея Андропова о проведении профилактических действий в те годы спасла от уголовного наказания

тысячи людей. В области борьбы с идеологическими диверсиями противника профилактика стала основным методом предотвращения и пресечения антигосударственных проявлений.

Андропов выступал как подлинный реформатор органов государственной безопасности, за что некоторые критики упрекали КГБ при нем в либерализме. Юрий Владимирович строго предупреждал: «Недооценивать идеологические диверсии нельзя. Враждебные разведки пытаются использовать наши слабые стороны и будут искать опору в тех слоях населения, которые могут оказаться благоприятной средой для проведения подрывной деятельности». При нем не скрывалось, что в стране имелись случаи антигосударственных преступлений. Ставились задачи не допустить формирования антисоветского подполья, расширения оппозиционной деятельности против КПСС и советского правительства.

Об ожесточенной «холодной войне» может свидетельствовать такой любопытный эпизод. Я срочно выехал в командировку в Литовскую ССР, где в одном небольшом городке в огромном количестве были распространены листовки антисоветского содержания. Остроту произошедшему придавало то, что наводнение листовками произошло в день рождения Леонида Брежнева, при этом отмечалась необычность их исполнения – фотографирование машинописного текста. Изучая облик вероятного исполнителя, эксперты-криминалисты определили, что автором листовки мог быть человек с высшим образованием, историческим или философским, имеющий ученую степень не ниже кандидата наук. В конечном итоге выяснилось, что содержание листовки было взято из Отчетного доклада ЦК на прошедшем съезде КПСС. Создатель подделки умело использовал партийный документ, в котором говорилось об агрессивной политике США, угнетении рабочего класса, нарушении демократических прав населения, заменив в нем только одно слово: «США» на «СССР». Злоумышленником оказался отбывший уголовное наказание участник банды «лесных братьев». Он был внедрен в органы милиции, передавал бандитам сведения о готовящихся против них операциях. Когда почувствовал угрозу разоблачения, поджег здание милиции и ушел в банду. Это был некий Яшкунас. Сколько лет прошло, а я все помню его фамилию.

Работа сотрудников 2-го отдела ориентировалась на перехват нелегальных каналов западных спецслужб и националистических центров со связями внутри нашей страны, на предупреждение и своевременное пресечение террористических и сепаратистских акций в союзных и автономных республиках. В целях перехвата и контроля нелегальных каналов проникновения противника в нашу страну завязывались оперативные игры с главарями закордонных центров ОУН, лидерами реакционной прибалтийской эмиграции. Оперативные игры – это единичные, долговременные контрразведывательные операции, требующие от работников высокого профессионального мастерства, умения претворять в жизнь созданные легенды и доводить до зарубежных спецслужб «оперативно выгодную информацию и дезинформацию».

Мне довелось принимать участие в организации оперативной операции против реакционной прибалтийской эмиграции, в рядах которой оказалось значительное число бежавших с немцами местных эсэсовцев и фашистских пособников. В ходе оперативной игры, наряду с задачами по сбору информации о внутриполитической обстановке в советской Латвии, зарубежный центр дал задание своему «единомышленнику» собрать для публикации в эмигрантской прессе анекдоты о Брежневе. Естественно, «наверху» было запрещено передавать на Запад «нашими руками» подобную информацию. С председателем КГБ Латвийской ССР Борисом Карловичем Пуго мы договорились нарушить этот запрет, и несколько безобидных анекдотов ушло за рубеж. Пуго обещал, что в случае осложнений он полностью возьмет вину на себя. Позднее выяснилось, что это было проверочное задание нашему внедренному источнику, не работает ли он под диктовку. После выполненного задания ему полностью стали доверять.

КГБ Украины наиболее умело вел оперативные игры со спецслужбами, зарубежными оуновскими центрами.

Я вспоминаю свой первый приезд в 1975 году во Львов, где с польскими коллегами разрабатывались совместные мероприятия по ведущейся оперативной игре «Бумеранг». Пока польским коллегам показывали достопримечательности города и ювелирные магазины, я вместе с сотрудниками управления КГБ Головатым и Граком готовил план соответствующих оперативных действий. Начальник Львовского управления Николай Петрович Полудень на совещании похвалил составленный оперативный план, особо выделив наших украинских «хлопцив», которые «працюють» в Москве и хорошо помогают в выработке серьезных мероприятий.

– Кого вы имеете в виду из украинских парней в Москве? Если меня, то я впервые на территории Украины, – сказал я.

– А видкиля же Вы?

– Выходец из Казахстана, родился в Кокчетавской области.

Н. Полудень подошел ко мне и обнял:

– Боже мой, а я ведь кустанайский.

Необходимое отступление

Разрабатывая во Львове план работы по «Бумерангу», я тогда не мог предположить, что по моему предложению ведущаяся совместно с польскими спецслужбами оперативная игра в сентябре 1989 года будет завершена.

В Киеве Министерством иностранных дел и Союзом журналистов Украины была организована пресс-конференция, на которой выступили сотрудники спецслужб Украины и ПНР, раскрывшие подрывные замыслы спецслужб и закордонных частей ОУН против наших стран. Вместе с польскими и украинскими коллегами я участвовал в разработке основных легенд, определении линии поведения подставленной агентуры. Мы пришли к выводу, что в современных условиях в западных спецслужбах, центрах ОУН нецелесообразно создавать видимость наличия, хотя бы локального, националистического формирования на территориях Польши и Украины.

Активный функционер ОУН по кличке Адам, гражданин ПНР украинского происхождения, родственник ликвидированного командующего УПА Шухевича, от одного из лидеров бандеровцев получил в Великобритании задание разыскать во Львове доктора Святослава Панчишина и привлечь к тайному сотрудничеству. Выбор ОУН Панчишина был объясним. Родом он из интеллигентной семьи, известной в Галиции, окончил Венский университет. Его дядя, профессор медицины, избирался в 1939 году депутатом Верховного совета СССР, а в 1941 году вошел в состав созданного ОУН правительства Украины. Сам Панчишин подвергался националистической обработке и был тщательно проверен через эмиссаров зарубежных организаций украинских националистов. С согласия КГБ он стал легендировать патриотическую деятельность, работая под непосредственным руководством главаря службы безопасности ОУН за кордоном.

Панчишин получил необходимые инструкции о конспиративных мерах, подставные адреса на Западе, средствах тайнописи для связи с центром, микроаппарат для фотографирования и другие технические и финансовые средства для своей деятельности. От него требовали поиска единомышленников, обработки населения Украины в националистическом духе, призыва к выступлениям против власти. Были поручения и разведывательного характера: собирать информацию о дислокации родов войск, видах вооружения и местах расположения стратегических ракет.

Легенда о действующей на Украине подпольной группе была реализована профессионально: за заслуги ««Адам» был награжден бандеровцами «золотым крестом» и вошел в руководящие звенья зарубежной ОУН. Не обошли награды и Панчишина. Он был назначен председателем «Верховного суда ОУН на Украине», получил «золотой крест заслуги» и медаль С. Бандеры.

От внедренной агентуры требовалась особая личная безопасность, умная и осторожная линия ежеминутного поведения, высокая самодисциплина, ибо любое малейшее нарушение созданного облика оуновца могло вызвать не только подозрение, но и грозило полным провалом, ведущим к роковым последствиям для жизни. В ходе активных оперативных действий в рамках операции «Бумеранг» на Украине и ПНР было выявлено и разоблачено свыше 20 оуновских эмиссаров из числа граждан США, Англии, ФРГ, Франции. Перехватывались тайнопись, технические и финансовые средства, направляемые в республику для созданной группы «преступных элементов». От зарубежных националистов была получена информация об устремлениях их верхушки, деятельности против социалистических стран с помощью и за спиной американских и английских спецслужб. И, что особенно важно, осуществлялся контроль за подрывными действиями бандеровцев и происходило отвлечение их усилий на лжепозиции.

Когда в 1978 году я был назначен начальником отдела, то подготовил обобщенную записку о националистических проявлениях в стране. Бобков направил этот документ Андропову. Спустя какое-то время я был вызван к председателю КГБ СССР. До этого случая я видел Андропова не более двух раз в президиумах высоких совещаний. Состоялся запоминающийся разговор:

– Вы автор документа? (Справка была подписана мною.) Кому нужны такие материалы на более чем двадцати страницах?

– Справка подготовлена для оценки обстановки по линии работы отдела, – ответил я, внутренне готовясь к критике документа после такого строгого вопроса.

Андропов, видимо, отметив мое волнение, уже смягчил свою интонацию и сказал, что записка в целом ему понравилась, но он не может направить ее в ЦК:

– Там такие громоздкие документы не читают. Можете ли Вы сделать два-три документа для ЦК КПСС? К примеру: о националистических процессах в Украине, в республиках Прибалтики, в кавказских и среднеазиатских республиках. Каждый из них не должен быть более трех страниц.

Вскоре ЦК получило такую информацию по проблемам национализма в стране за подписью Андропова.

В январе 1977 года Москва была потрясена тремя взрывами в метро и в центре города, рядом с Лубянкой. Было заведено оперативное дело «Взрывники», о расследовании которого теперь широко известно. На розыск террористов задействовались силы КГБ: контрразведка, 5-е управление, многие территориальные органы. Был проведен огромный комплекс мероприятий, которые способствовали задержанию и разоблачению преступников. Ими оказались трое армянских националистов во главе с ранее судимым Затикяном. При обыске у них были обнаружены вещественные доказательства, да и на суде обвиняемые не скрывали своих преступных действий.

В ходе проведения следствия я длительное время находился в Ереване. В книжном магазине приобрел учебник для старших классов «История армянского народа». Как прилежный ученик, ознакомился с его содержанием и узнал историю создания и деятельности революционных националистических партий – дашнаков, рамкаваров и других, их программные установки, методы деятельности против царской и советской власти, содержание листовок антирусской направленности. Почерпнул для себя много нового. К примеру, оказывается, молодежная организация в городе Краснодоне «Молодая гвардия» в годы Отечественной войны была создана Жорой Арутюняном и Зоей Пехливян. Фамилии истинных героев-молодогвардейцев не упоминались. Преподносимая ученикам трактовка исторических событий приводила к соответствующим выводам.

Я подготовил анализ содержания учебника с антирусской, националистической трактовкой некоторых исторических событий, на котором появилась подпись Андропова.

В 1977 году была принята брежневская Конституция СССР, которая зафиксировала построение в нашей стране «развитого социалистического общества», зарождение «новой исторической общности – советского народа».

Сотрудники 5-го управления столкнулись в декабре 1986 года с массовыми проявлениями национализма в Казахстане.

Проводили на пенсию Динмухамеда Кунаева, который пользовался огромным авторитетом и популярностью среди населения республики. На пленуме ЦК Компартии Казахстана первым секретарем республики с благословения Москвы был избран Геннадий Колбин. Пленум проходил формально, всего около 20 минут, хотя освобождали от должности члена Политбюро ЦК КПСС, руководившего республикой в течение многих лет. Не всем было понятно и другое: почему руководителем Казахстана становился русский по национальности, до этого ничем не связанный с союзной республикой. После пленума на площади перед зданием ЦК стали собираться группы студенческой молодежи, а на следующий день, утром 17 декабря, число митингующих увеличилось до нескольких тысяч человек. Демонстранты выдвигали требования вернуть Кунаева или заменить назначенного на пост первого секретаря Колбина на казаха (назывались достойные партийные деятели: Назарбаев, Камалиденов, Ауэльбеков), соблюдать ленинскую национальную политику. Появились лозунги: «Каждой республике – свой вождь», «Ни одной нации – ни одной привилегии».

На начальном этапе развития событий не было антиконституционных действий, призывов к свержению государственного строя или каких-либо выпадов против других народов. Несмотря на это, власти дали команду блокировать площадь спецчастями внутренних войск, никого не выпускать и не впускать. Присутствие экипированных солдат резко осложнило обстановку: начались стычки хулиганов с военнослужащими и милицией, применялись с одной стороны дубинки, с другой – камни, арматура. Произошли массовые беспорядки с разгромом нескольких магазинов, поджогом автомашин.

Всю вину за происшедшее руководство республики стало возлагать на председателя КГБ Казахстана Мирошника, который якобы не придал значения сведениям о намечаемых кознях кунаевских сторонников, чуть ли ни сознательно утаил от Колбина информацию о готовящихся выступлениях студентов. Кунаев категорически отвергал какие-либо обвинения в свой адрес, был готов выступить на митинге и разъяснить свою позицию в связи с уходом на пенсию.

Отголоски казахстанских событий самым неожиданным образом коснулись и меня во время моей избирательной кампании на Украине. На одной из встреч пожилой мужчина спросил меня, почему я не говорю на украинском языке, вот Колбин дал интервью центральной газете о том, что он уже через полгода освоил казахский язык. Я ответил, что в моем школьном аттестате стоит «отлично» по казахскому языку, и добавил:

– Можете подойти ко мне, я вам расскажу, за какой срок можно освоить язык тюркской группы. Колбин сообщил, что начал говорить по-казахски. Но он не сказал, что поет народные песни. Я все песни пою только на украинском. Хотите, спою «Розпрягайте, хлопщ, коней» прямо с трибуны?

Я не ожидал, что сказанное вызовет поддержку зала и аплодисменты. Но самое примечательное в другом: после встречи ко мне подошел тот мужчина, по национальности немец, переселившийся из Казахстана, стал интересоваться моей биографией и выяснилось, что он жил в наших краях, прекрасно знал моего отца.

И в советские времена находились политики, которые не прочь были проявить свои национальные чувства путем унижения других народов, искажения их истории…

Среди автономных республик, особенно на Кавказе, не были решены территориальные вопросы, приводившие к конфликтам. Возникали распри между Арменией и Азербайджаном

в отношении проблем Нагорного Карабаха и Нахичевани, в Грузии – споры вокруг Абхазии и Южной Осетии. Среди абхазцев распространилось письмо двадцати шести с призывом выхода из состава Грузии и вхождения в Краснодарский край. Умиротворением этой проблемы занимались на уровне секретариата ЦК КПСС и руководства КГБ.

Проблемы в Средней Азии носили иной характер. Мне приходилось наблюдать межреспубликанские, национальные отношения, выражавшиеся в настоящих битвах за воду, когда перекрывались водные каналы из Киргизии в Узбекистан. В Таджикистане разразились столкновения на этнической основе.

В должности начальника 2-го отдела почти год я пробыл в Киргизии. Сотрудники центральных аппаратов КГБ, МВД и прокуратуры СССР вместе с местными правоохранительными органами занимались расследованием террористического акта, необычного, громкого для тех лет преступления – убийства в курортном поселке Чолпон-Ата на берегу озера Иссык-Куль председателя Совета министров республики Ибрагимова, его водителя – немца Фогеля, охранника – киргиза Конуратова. Раскрытие преступления стояло на контроле в ЦК КПСС. А в КГБ ежедневно следил за ходом расследования лично Андропов. Предположений было множество, от политических и националистических мотивов до такой экзотической версии: Ибрагимова могли проиграть в карты воры в законе, которые собрались на курорте в эти дни со всех уголков страны на крупные картежные игры. И все они проверялись основательно.

В республике распространялись провокационные слухи, что Ибрагимова могли убрать местные кланы в борьбе за власть накануне очередного съезда Коммунистической партии Киргизии, где его кандидатура могла пройти на должность первого секретаря ЦК. Ибрагимов действительно был уважаем в Киргизии. Выходец из беднейшей семьи, он получил высшее образование, стал авторитетным республиканским руководителем, воспитан в интернациональном духе, не был заражен местничеством и байскими замашками. Мне пришлось много раз встречаться с его женой Ревой Касимбаевной, умной и красивой женщиной. Родители дали ей необычное имя, ласково сокращенное от слова «революция» – такой нюанс многое означал для киргизской действительности советского периода. Семья по меркам того времени жила скромно. Достаточно отметить такую деталь: Ибрагимов имел собственный сапожный инструмент и сам в семье ремонтировал обувь.

Штаб по расследованию убийства располагался непосредственно в Чолпон-Ата, им руководил заместитель начальника 5-го управления Иван Павлович Абрамов, в годы перестройки назначенный заместителем генерального прокурора СССР. Я постоянно находился в столице Киргизии, был в составе большого коллектива из тринадцати оперативно-следственных групп, которые отрабатывали самостоятельные версии. Наиболее активными среди местных сотрудников были начальник отдела КГБ Киргизии Аскарбек Мамеев и начальник отделения Пак (имя не помню). Кореец исключительно скрупулезно вел разработку лиц, которые покинули Чолпон-Ата после происшествия. Среди разбежавшихся были и картежники. Из числа срочно выехавших из поселка обратили особое внимание на местного жителя Смагина, поведение которого проследили до Москвы. Причем были допрошены все пассажиры вагона поезда Фрунзе – Москва, которые общались с ним в пути, а также были установлены его связи в Москве. Подозрения в отношении Смагина отпали, так как по заключению дактилоскопической экспертизы смазанные отпечатки пальцев, оставленные убийцей на месте преступления, не совпадали с отпечатками подозреваемого. Не опознала его и Рева Касимбаевна, которая видела преступника, выходившего с оружием в руках из спальни расстрелянного мужа. Убийца ее не тронул, хотя они перебросились фразами. Отсюда возникли подозрения, что она может знать убийцу и по каким-то причинам не раскрывает его. Я отрабатывал эти деликатные детали следствия, поэтому часто встречался с вдовой. Конечно, я и виду не подавал, что осуществляю проверку этой версии.

Общеизвестно, что опасные преступления раскрываются по горячим следам или в ходе кропотливого труда и мастерства оперативных и следственных работников.

Сроки следствия затягивались на месяцы, вызывая недовольство московского руководства. Тяжело приходилось Абрамову. По его словам, Андропов упрекал нас в том, что «армия прикомандированных не может раскрыть преступления и проедает государственные средства». Абрамов изнурял себя и подчиненных сотрудников, работая до поздней ночи, без выходных. В результате напряженного труда с ним случился тяжелый инфаркт, и я выехал в Чолпон-Ата, чтобы доставить генерала в республиканский кардиологический центр, где он прошел длительный курс лечения. Абрамов отказался от реабилитации в Москве и выехал в Чолпон-Ата, чтобы продолжить работу по раскрытию преступления.

Во Фрунзе ко мне обратился молодой майор милиции Чернов, эксперт по дактилоскопии, который поделился своей догадкой: он считал, что есть некоторые признаки сходства отпечатков пальцев, оставленных преступником, со смагинскими. Как начинающий эксперт, он не осмелился говорить о своих выводах своему руководству, тем более опровергать официальное заключение старших, опытных специалистов. По совету Абрамова мы решили вместе с нашим оперативным работником отправить Чернова в Москву.

В столице были собраны самые квалифицированные эксперты страны. Комплексная дактилоскопическая экспертиза проводилась, по-моему, впервые с применением компьютерной графики, и комиссия сделала заключение о принадлежности отпечатков пальцев, оставленных на месте преступления, подозреваемому Смагину.

Следствие располагало типом оружия, из которого были убиты все погибшие. Такой карабин «Белка-3» имелся в семье Смагиных, но по показаниям отца оружие попало под колеса машины и пришло в негодность. Он демонстрировал его изогнутый ствол. Под давлением улик, особенно выводов дактилоскопической экспертизы, отец Смагина на допросах рассказал о подробностях совершенного сыном преступления, уничтожении одежды, в которой он был одет, бегстве его из поселка. Он сообщил, что кроме непригодного карабина у них имелся другой (тоже «Белка-3»), который был спрятан в поле после преступления, под мостиком протекающего арыка. При прочесывании местности солдатами было обнаружено орудие преступления.

Смагин-младший был объявлен во всесоюзный розыск. Через некоторое время в Самарской области в электричке, стоявшей в депо, был обнаружен труп человека, покончившего жизнь самоубийством. Им оказался Смагин. Он заметал следы, переезжал с одного места на другое, вел себя настороженно и даже внешне изменился до неузнаваемости.

Наше настроение было совершенно иным; преступник установлен, необходимо закрепить доказательства его вины и установить мотивы. Это было важно, чтобы снять разговоры в республике вокруг этих злодейских убийств. В это время в Киргизию приехал Филипп Денисович Бобков, заслушал наши доклады. Сами материалы составляли более сотни томов. При проведении дополнительного обыска в доме Смагиных была обнаружена старая школьная тетрадь, в которой несколькими годами ранее ученик 10-го класса Смагин на двух страницах описал преступление, близкое к реальному: «Я возьму винтовку и буду убивать киргизов…»

Во время проведения оперативно-розыскных мероприятий по расследованию убийств в Чолпон-Ата было раскрыто, так сказать попутно, около 70 уголовных преступлений в республике: хищений государственной собственности, мошенничества, разбоев, взяточничества. Заместителю начальника следственного отдела КГБ СССР генералу Леониду Ивановичу Баркову и мне была дана команда оставаться в Киргизии до завершения указанных уголовных дел и вынесения по ним судебных решений. Были опасения, что уголовные дела могут быть заволокичены, так как к некоторым преступлениям были причастны влиятельные в республике лица, вплоть до сына первого секретаря ЦК. К примеру, к уголовной ответственности за взяточничество был привлечен заместитель прокурора республики.

Московская бригада оперативников зафиксировала встречу прокурора с крупным расхитителем социалистической собственности. Что могло их, мирно беседующих на скамейке в парке, связывать между собой? Наш сотрудник, проходя мимо, как бы случайно бросил в урну около скамейки пустую пачку сигарет. Таким образом диктофон зафиксировал разговор между этими «приятелями»: прокурор требовал на порядок увеличить ежемесячное вознаграждение, мотивируя тем, что он повышен в должности до заместителя республиканского прокурора.

Обстановка в этой среднеазиатской республике была сложной. Внутренние противоречия затушевывались, чтобы не досаждать центру, создавалась иллюзия размеренной и благополучной жизни народа.

Прибывший в Киргизию на работу молодой специалист писал своим друзьям: «Преступление в Чолпан-Ата ужасное. Вы спрашиваете, сохранились ли в республике басмачи, которые были против советской власти? Конечно, их нет. Но если бы басмачи предвидели, какая в Киргизии будет установлена советская власть, они бы тогда с нею не боролись».

В 1989 году, в годы горбачевской перестройки, по решению партийных органов вместо 5-го управления в КГБ СССР было образовано управление по защите конституционного строя. Изменение функциональных задач происходило по решению директивных инстанций, отражало ход, а вернее шараханье из одной стороны в другую, политики горбачевской перестройки. Когда были реорганизованы эти направления работы, сразу же ощутилась неспособность государства противостоять международному терроризму. Работа против антисоветских и оппозиционно настроенных элементов проводилась, но не в соответствующих реальности масштабах. Недовольным властью лицам разрешалось выезжать за пределы страны.

Внутриполитическая обстановка в стране в период руководства КГБ Владимиром Крючковым существенно изменилась. Отмена конституционной монополии КПСС на власть в правовом отношении привела к утрате ею руководящей роли в обществе. Менялось законодательство по пресечению антигосударственных действий вместе с изменением в целом в стране идеологических ценностей и взглядов. Вследствие изменения политической обстановки, вместо довольно общей трактовки смысла идеологических диверсий усиление внимания к защите конституционного строя было совершенно обосновано. Поэтому соответствующее управление сосредоточивалось на задачах срыва попыток создания нелегальных оппозиционных группировок, предупреждения и пресечения террористических акций, массовых беспорядков, нейтрализации националистических проявлений. Особенно тревожили тенденции к обострению межнациональных отношений.

Полагаю, что в стране слишком запоздали с осознанием того, что националистические процессы были тесно связаны с ориентацией определенных кругов в союзных республиках, стремящихся не к расширению суверенитета, а к личному приходу к власти. В ход пошли террористические акции, взрывы, захваты заложников под знаком откровенного сепаратизма.

Задачи органам государственной безопасности ставились правильные. Но самым опасным в работе КГБ являлось отсутствие правового механизма разрешения возникающих проблем, последовательной и твердой линии воздействия на разрушительные процессы и нарушителей правопорядка.

По темпам ускоренного развития демократических процессов, от реализации широкой гласности вплоть до вседозволенности, пренебрежения законом мы опережали суровую действительность. Один из мыслителей периода Великой французской революции вывел универсальный закон: нет ничего опаснее для страны, где нет традиций демократии и свободы, чем слишком быстрые реформы. Как правило, в подобных случаях процесс реформ выходит из-под контроля. Это обусловливалось еще и тем, что в процессе революционного обновления советского общества спецслужбы капиталистических стран изменили свою стратегию, перевели подрывную деятельность против СССР на новую тактическую основу. Прикрываясь лозунгами

об утвердившейся демократизации, многопартийности и гласности, Запад начал осуществлять активную работу по созданию в стране оппозиционных к власти формирований. Основные замыслы направлялись на создание широкой легальной оппозиции, организующей подрывные акции в верхних эшелонах власти, в том числе с использованием депутатского статуса. Велась непрерывная пропаганда идей национализма, шовинизма, клерикализма, исламского фундаментализма, разжигались очаги общественной напряженности, активизировалось подстрекательство враждебных элементов к массовым протестам и действиям.

Сегодня можно безошибочно констатировать, что нашему противнику в результате «холодной войны» многое из его замыслов удалось реализовать в годы горбачевской перестройки.

Крючков отмечал, что надо действовать очень энергично, чтобы восстановить порядок, устранить причины, порождающие преступность, не допустить развала страны. В то же время правоохранительным органам в одиночестве решить это было невозможно. Заслуги сотрудников, отдавших себя защите советского строя, не позволяют гордиться ими только по одной причине: система защиты безопасности государства и общества была не способна удержать распад Советского Союза. Даже наши недруги признавали, что в СССР существовала очень сильная спецслужба – КГБ, но оттого, как он действовал и управлялся в последние годы, было ясно, что вынужденно погибнет вместе со страной. На то были и другие глубинные причины, которые обозначились из ошибок руководства и последствий августа 1991 года, изложенные, в частности, государственной комиссией Сергея Степашина.

Ровно 10 лет было отдано мною оперативной работе в 5-м управлении. Это были незабываемые годы по напряженности, общественной опасности и сложности происходивших в стране процессов, вызванных националистическими проявлениями. Интересно было работать под руководством и вместе с Ф. Бобковым, И. Маркеловым, И. Абрамовым, В. Проскуриным, К. Махмеевым, К. Пястоловым, В. Шадриным, В. Струниным, В. Головиным, С. Лапиным и другими коллегами. Не менее памятны для меня сотни коллег, которые работали в союзных республиках над проблемами национальных отношений, пресечением проявлений крайнего национализма и сепаратизма.

Какой главный вывод делаю для себя, проработав это десятилетие на фронтах «холодной войны»? Ответ на вопрос не прост. Я побывал по делам службы во всех союзных республиках кроме Таджикистана. Мне удалось увидеть масштабы и размах трудовых достижений СССР, страны, в которой я родился и где протекала большая часть моей жизни. В отличие от некоторых, переживаю за гибель советской империи, в которой я как гражданин никогда не чувствовал себя униженным, «жителем эксплуатируемой колонии», будь то в Казахстане или на Украине. Только через выстраданное и глубоко прочувствованное я понял величие русского, украинского, казахского и других народов, познал исключительную значимость настоящей братской дружбы между ними. Сегодня с глубокой тоской я вспоминаю благодатные примеры этого родственного чувства. И необыкновенная теплота разливается в моем сердце, ибо я счастлив, что через мою жизнь прошли судьбы многих достойных людей. Я познал настоящее товарищество, о котором писал Николай Гоголь в «Тарасе Бульбе». Думаю, что в этом познании и есть ответ на мой вопрос.

Мне повезло с направлением контрразведывательной работы. Для постороннего взгляда она казалась политическим сыском, бесполезной борьбой с инакомыслием. Это не так. Я видел в те годы не газетного, а реального врага – национализм, экстремизм, терроризм, сепаратизм на своей земле, которые разрушили СССР. Каждый день заполнялся напряженной работой, постоянными вызовами в горячие точки, что напоминало выезды врачей к больным людям. Только в опасности был не один человек, а вся наша страна. И она требовала заботы и лечения. Длительные командировки отнимали время от семейных забот, сына и внуков. У меня было мало возможностей сходить с женой в театр, посмотреть на красоты столицы, посидеть с

друзьями. Но меня утешает то, что моя работа, способности и труд моих коллег нужны были нашему обществу, государству для решения злободневных задач.

Это направление работы КГБ понимал Андропов, переживший трагедию будапештских революционных событий. Его помощник Виктор Шарапов, китаист, посол в Болгарии, отмечал, что Юрий Владимирович четко осознавал такую мысль: любой национализм – русский, украинский, казахский, киргизский, грузинский – представляет собой угрозу для единства многонационального государства. В своем понимании он исходил не из национального, а общеполитического подхода.

Эти первоочередные задачи значимы и сегодня. Не случайно Президент России Дмитрий Медведев обозначил необходимость «жесткого противодействия национализму и терроризму. Любая пропаганда сепаратизма, национальной и религиозной нетерпимости – вызов стабильности и единству нашего многонационального государства».

И в советское время были люди, которые понимали опасность, грозящую нам извне. Куратором 5-го управления КГБ СССР, которое решало тогда оперативные задачи по борьбе с идеологическими диверсиями и защите конституционных основ государства, был Виктор Михайлович Чебриков. В своем выступлении на XXVII съезде КПСС большое внимание он уделил идеологическим диверсиям, ведущимся против СССР. Тогда же он четко определил их цель: оказать враждебное влияние на умы и настроения советских людей, подорвать веру в коммунистические идеалы и повернуть их против социализма. Пора вспомнить мысль Чебрикова о том, что идеологические диверсии осуществляются в сфере политики и права, философии и религии, нравственности и морали, то есть там, где идет борьба идей. Современники должны помнить, что наше общество, русский и другие братские народы в последний период существования социалистического государства испытывали агрессивное насаждение идеологии националистической розни и эгоизма, настроений нигилизма, апологетику бездуховности и предательства.

К чему мы пришли сегодня – особенно ясно видно по нагло лгущему телевизионному экрану…

В 1984 году я был переведен на работу в секретариат КГБ СССР в непосредственное подчинение председателю КГБ Чебрикову.

Глава вторая
Депортируемые народы и их реабилитация

…Известно давно: и металл устает.
А раны души обострились.
С того ль, что угнали в Сибирь мой народ,
С того ль, что не все возвратились.

С того ль, что терпели мы голода гнет,
А беды медведем ломились…
Но выдержал все мой отважный народ,
Врагам не сдаваясь на милость…

Саид Чахкиев, народный писатель Ингушетии

В пределах компетенции органов госбезопасности мне пришлось заниматься национальными проблемами в СССР – этом уникальном по численности наций и народностей союзном государстве. Из приобретенного жизненного опыта я вынес глубокое убеждение, что любое государство в мире не может быть сильным, сплоченным и справедливым, если в нем коренные национальные интересы хотя бы одного народа будут ущемлены или основательно нарушены. Еще историк Карамзин подчеркивал, что народ – острое оружие и играть с ним опасно для общества.

Некоторые серьезные национальные проблемы в стране оставались неразрешенными до времен горбачевской перестройки, порождая межэтническую рознь, социальную напряженность, крайние формы антиобщественных проявлений. Актуально звучат слова В. И. Ленина о том, что «только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг…».

С ранней юности я не понаслышке знал, как в обыденной жизни складываются взаимоотношения между представителями разных народов. В интервью украинской газете я не скрывал своих взглядов. «Думаю, осложнение межнациональных отношений сегодня тревожит каждого честного советского человека. Кровавые столкновения, жертвы, беженцы… Все это не может не вызывать глубоких переживаний и серьезных раздумий. Необходимо понять, где, кем и когда были допущены основные ошибки в национальной политике. Вспоминаю послевоенные годы в Казахстане, где я жил и воспитывался вместе с эвакуированными с Украины сверстниками – украинцами и поляками, депортированными с исторических мест проживания советскими немцами и ингушами. И все мы, люди разных национальностей, делили нелегкую судьбу, хлеб, радость и слезы поровну. Выросший в трудовой семье, я рассматриваю любые попытки вбить клин между народами, разжечь огонь национальной вражды, искусственно противопоставить интересы одной нации другой как преступное поведение».

Говоря об огромной деятельности в советский период КГБ, других правоохранительных органов по достижению межнационального согласия, искоренению прошлых ошибок в национальном вопросе, нельзя оставить в стороне факты допущенных репрессий в отношении ряда народов и народностей, совершенных тоталитарным режимом. По некоторым данным, сталинские депортации затронули более трех миллионов советских граждан.

Об этой трагедии написано многое. Самое страшное и недопустимое заключалось в том, что изгнание народов с мест постоянного обитания проводилось по принципу общей национальной ответственности. Да, предатели должны были понести заслуженное наказание, но почему виновными делали все семьи, включая стариков, женщин и детей?

Я излагаю только те факты, с которыми сталкивался по служебным обязанностям. Их обнародование позволяет раскрыть позицию руководства КГБ в разрешении национальных проблем.

Что скрывать, общая ответственность, наказание и депортация народов в годы войны по этническому признаку были прерогативой не только СССР. История Второй мировой войны знает немало случаев депортаций в различных странах: изгнанию подверглись во Франции, Бельгии, Голландии не только граждане Германии, но и бежавшие оттуда ранее эмигранты, проживавшие в этих странах. Из Англии подобные категории людей были депортированы в Канаду. Через два месяца после начала войны с Японией президент США Франклин Делано Рузвельт подписал указ о выселении из западных штатов всех без исключения американских граждан японской национальности и размещении их в десяти концентрационных лагерях. Одновременно с депортацией более 120 тысяч этнических японцев, включая детей, женщин, стариков, из действующей армии США были уволены военнослужащие японского происхождения. Так что здесь американцы опередили советских союзников.

А сколько всего немцев было депортировано после войны в Германию? До сих пор цифры не уточнены. На сегодня их численность в Германии оценивается в 14 миллионов человек, в том числе из Польши было изгнано примерно пять миллионов, из Чехословакии – свыше трех миллионов, из СССР (Калининградская область) – более двух миллионов, из Румынии – 750 тысяч, из Венгрии – свыше 500 тысяч. Судьба многих из них была трагична. Вы знаете что-нибудь об их судьбах? Об их реабилитации? О возврате им имущества?

Кстати, в СССР были реабилитированы все народы, переселенные со своих мест. На сегодня только такие страны, как Словакия, Словения, Эстония, признали незаконность депортаций немцев со своих территорий.

Так что произошедшее в СССР не является чем-то необычным в долгой мировой истории. Впрочем, мы говорим об этом не в оправдание, а в целях недопустимости подобного в будущем. Поэтому вспоминаем о незаслуженных страданиях невинных людей разных национальностей.

В 1944 году, когда советские войска освободили страну от немецких захватчиков и вели праведную войну на территории европейских государств, оккупированных фашизмом, И. Сталин, Л. Берия, их приближенные принимают решение на уровне Государственного комитета обороны (ГКО) выселить крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, турок-месхетинцев и людей других национальностей с родных мест проживания в отдаленные районы Сибири и Средней Азии, где они определялись под строгий режим так называемого спецпоселения. Спецпоселение – это, по существу, ссылка, несоблюдение элементарных гражданских прав, тяжелый принудительный труд, отсутствие жилья, в лучшем случае вырытая землянка, покрытая соломой или камышом, ежемесячные отметки в комендатурах, ограничение права передвижения даже в пределах своего района. Лишь спустя несколько лет после войны, в 1957 году, решениями Верховного совета СССР были восстановлены Калмыцкая, Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская автономные республики и области. Выселенным народам предоставлялась возможность возвращения в родные места, но без права требования возврата утраченных имущества и жилья. Из мест спецпоселения возвращались (освобождались) также советские греки, курды, корейцы; они переезжали на свою малую родину, не получая от государства какой-либо материальной поддержки. Из-за сопротивления консервативной верхушки руководства страны в послевоенные годы не были окончательно решены проблемы восстановления гражданских прав и справедливости в отношении крымских татар, немцев и турок-месхетинцев.

Трагедия последствий войны заключалась в том, что земли депортированных народов были заселены жителями другой этнической и религиозной принадлежности, там родилось и обосновалось новое национальное поколение. При восстановлении во времена Хрущева

Чечено-Ингушской АССР прежние административные границы перекроили таким образом, что они стали затрагивать интересы части населения Дагестана,

Северной Осетии, Ставропольского края и становились объектом земельных территориальных притязаний, служить поводом для межнациональных столкновений, вплоть до наших дней. В таких условиях трудно добиться межнационального единства, особенно на Кавказе с традициями привязанности, почитания земли и могил предков.

Реабилитация репрессированных народов – немцев Республики Поволжья, крымских татар и турок-месхетинцев, выселенных в годы Отечественной войны по обвинениям в сотрудничестве с гитлеровскими фашистами, – в политическом и правовом отношении все же состоялась. С них сняли необоснованные обвинения в измене (фашистские захватчики не соприкасались ни с поволжскими немцами, ни с турками-месхетинцами), но существовавшие до войны автономные образования у немцев и крымских татар не были восстановлены, им не разрешалось возвращаться в родные места проживания.

Необходимое отступление

Немцы в СССР выселялись внутри страны в течение всей войны, начиная с июля 1941 года, из Украины (примерно 100 тысяч человек), Крыма (около 35 тысяч), Москвы и Московской области, других районов СССР. Наиболее значительная часть немцев была выселена из Республики немцев Поволжья (446 480 человек).

Процесс этот коснулся также военнослужащих немецкой национальности. Из армии и флота были демобилизованы тогда свыше 33 тысяч человек. Большая часть их была направлена в строительные батальоны так называемой трудовой армии.

Всего до конца 1941 года было выселено около 800 тысяч советских немцев. Однако процесс этот продолжался и дальше, в течение всей войны и даже после нее, когда выселение коснулось советских немцев, попавших в оккупацию и вывезенных в Европу. По самым скромным подсчетам, всего за 1941–1947 годы в Среднюю Азию и Сибирь было выселено свыше одного миллиона советских немцев.

Нерешенность проблем депортированных народов до перестроечных времен влекла за собой острые последствия: систематические межэтнические столкновения, народные сходы, коллективные ходатайства, массовые выступления и эмиграционные настроения. С приходом Андропова стало особенно заметно, что часть политических и идеологических проблем ЦК партийные власти на местах стали перекладывать на органы государственной безопасности. Последствия нерешенных вопросов в национальной политике, ведущаяся борьба силовыми методами с проявлениями национализма без устранения причин и условий, их порождающих, превратились во многом в заботу созданных пятых подразделений, легли на плечи сотрудников КГБ и МВД.

После восстановления автономий для депортированных народов Северного Кавказа и Калмыкии советские немцы настойчиво добивались от высших партийных и правительственных инстанций возможности вернуться к восстановлению прежней формы национальной государственности – бывшей Республики немцев Поволжья. Делегации от немецкого народа (в основном из коммунистов) рассматривали удовлетворение своих национальных требований как окончательную политическую реабилитацию, позволяющую устранить бытовавшее представление о советских немцах как пособниках фашистской Германии. Они, впрочем, просили немногое: ликвидировать несправедливость и восстановить нарушенные гражданские права и существовавшую автономную республику. Руководство страны, казалось бы, понимало и разделяло национальные чаяния и запросы советских немцев; ведь общеизвестно, что отселение немцев из Республики Поволжья состоялось исключительно по национальному принципу, под оккупацией советские немцы не находились (кроме проживавших на Украине), а были моби-

лизованы в трудовые армии и работали на оборону страны. Но ответы властей делегациям советских немцев были однозначными: возвращение их в родные места потребует огромных экономических затрат, кроме того, без немецкого населения будут оголены разрабатываемые целинные земли в Казахстане.

Популярность идеи восстановления автономии в Поволжье среди немецкого населения была огромной. Постоянные приезды в Москву делегаций для посещения партийных инстанций

и настойчивые требования восстановить республику привели к тому, что на некоторых авторитетных лиц из автономистского движения был навешен ярлык радикальных националистов. Их перестали принимать в приемных ЦК и Верховного совета СССР, а наиболее настойчивых приказывали КГБ и МВД выдворять из столицы в принудительном порядке. Перед органами КГБ ставилась также задача любыми средствами влиять на авторитетов немецкого населения с целью ослабить автономистские настроения, вплоть до применения административных мер, снятия с поездов и недопущения посещения ими Москвы.

В 1970-е годы нереализованные автономистские настроения среди части немецкого населения стали перерастать в эмиграционные: значительно увеличилось число советских немцев, желающих покинуть СССР и выехать на историческую Родину в Западную Германию. В ФРГ на правительственном уровне при поддержке западных спецслужб это стремление поощрялось пропагандистскими кампаниями «счастливого рая» и предоставлением эмигрирующим из СССР немцам значительных материальных и иных льгот.

Во время одной из моих командировок в Германскую Демократическую Республику с немецкими коллегами обсуждалась возможность переключения эмиграционных потоков советских немцев на ГДР. Немецкие друзья во время переговоров высказывали свое недоумение, почему советские немцы покидают страну зрелого социализма и переселяются не в социалистическое государство ГДР, а рвутся в западный капитализм?

В мае 1979 года меня, тогда начальника отдела, пригласил помощник председателя КГБ СССР Павел Павлович Лаптев и сообщил о поручении Андропова подготовить для рассмотрения на Политбюро ЦК вопрос об образовании автономии для немцев на территории Казахстана. В течение трех дней мы с Лаптевым составили записку в ЦК КПСС о положении советских немцев в стране, в которой обосновали необходимость создания немецкой автономии как назревшей меры по окончательному решению вопроса восстановления прав депортированных в годы войны советских немцев, а также для устранения причин бытующих антиобщественных проявлений на почве как автономистских, так и эмиграционных процессов. Предлагалось образовать Немецкую автономную область, в которую включить территории нескольких районов Кокчетавской, Карагандинской, Павлодарской и Целиноградской областей со столицей в городе Ерментау. К материалам в Политбюро ЦК мы приложили географическую карту с компактными немецкими поселениями в этих районах. Из двухмиллионного немецкого населения страны больше половины в тот период проживало в Казахстане. В перспективе рассчитывали, что значительная их часть со временем переселится на жительство во вновь создаваемое автономное национальное образование.

Целесообразность восстановления национальной автономии для немецкого населения активно поддерживалась руководством КГБ СССР, прежде всего Андроповым, начальником 5-го управления Бобковым, тогда моим непосредственным руководителем.

31 мая 1979 года было принято постановление Политбюро ЦК КПСС «Об образовании Немецкой автономной области». Возвращая мне документы, Лаптев передал, что председатель КГБ СССР Андропов объявил нам обоим устную благодарность за оперативную подготовку материалов и просил внимательно проконтролировать выполнение решения ЦК по практическому образованию автономной области.

В Казахстане в этом направлении начали проводить подготовительную работу, формировались структуры партийной и исполнительной власти будущей автономной области. Обком партии нового автономного образования должен был возглавить А. Браун, немец по национальности, известный в республике партийный и хозяйственный руководитель.

В период обсуждения проблемы создания автономии у меня состоялась памятная встреча с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Бобков попросил срочно прибыть в Кремль и доложить Кунаеву все материалы, касающиеся образования немецкой автономии. Внимательно просмотрев записки в ЦК и другие документы по созданию автономной области, Кунаев остановил внимание на приложении – географической карте.

– Кто нарисовал такие административные границы для немецкой автономии? Валихановский район Кокчетавской области не должен входить в состав ее территории, здесь находится святыня казахов – могила Чокана Валиханова! Вы знаете, кто такой Валиханов? – спросил он у меня.

– Да, прекрасно знаю.

– А откуда это знание?

– Я родился в этих местах, в Кокчетавской области.

Мое признание оживило наш дальнейший официальный разговор. Кунаев взял авторучку и тут же на географической карте изменил границы намечаемой немецкой области, исключив Валихановский район. Из этого факта можно судить, что в разрешении национальных проблем мелочей не бывает. При подготовке документов в ЦК мы с Лаптевым не сумели обратить внимание на такую оказавшуюся важной историческую деталь.

В конце беседы Кунаев обратился ко мне: «Что ты здесь, в Москве, сидишь? Возвращайся домой, в Казахстан, у нас председатель КГБ республики уже в возрасте, заменишь его». Я ответил, что недавно работаю в центральном аппарате, молод, не имею достаточного профессионального опыта. Понимал, что такое приглашение с его стороны было не чем иным, как проявлением восточной вежливости и снисходительности к молодому человеку.

Бывает же, получасовая встреча с таким человеком запоминается в деталях. В последующие годы (даже не могу себе объяснить, почему) я часто проводил жизненные аналогии между личностями Кунаев – Щербицкий, десятилетиями умело руководившими крупнейшими союзными республиками, с которыми так или иначе была связана моя жизнь.

16 и 19 июля 1979 года неожиданно для всех в городе Целинограде (ныне Астана, столица Казахстана) были инспирированы многотысячные митинги казахского населения с участием ветеранов войны и труда, студенческой молодежи, протестовавших против образования немецкой автономии в Казахстане. Основной лозунг звучал так: «Нет автономии для немцев на казахской земле!»

Местные партийные и советские работники, боясь потерять занимаемые посты на отходивших к автономии землях, распространяли негативное отношение к учреждению немецкой области. Инспираторы этих акций из числа коренного населения крайне недружелюбно проявили себя к трудолюбивому немецкому населению, которое приняли в годы войны, с кем делили кров и хлеб, а затем поднимали миллионы гектаров целинных земель. В тяжелые годы войны русские, казахи, украинцы в Казахстане проявили яркие примеры дружбы и интернационализма, подобные я с детства видел и в нашем селе. Тогда проявлений вражды к высланным народам, шовинизма или национализма, даже на бытовом уровне, ни у одной нации не отмечалось.

Вопрос о создании немецкой автономии так и остался неразрешенным. Информация о целиноградских событиях, выполненные с мест проведения массовых демонстраций фотоснимки докладывались М. Суслову, второму секретарю ЦК КПСС. По его указанию реализация постановления Политбюро ЦК об образовании немецкой автономии в связи с публичными

выступлениями казахского населения была приостановлена. Л. И. Брежневу было решено не докладывать, чтобы не волновать Генерального секретаря ЦК сообщениями о националистических проявлениях в благополучном и многонациональном Казахстане, где он ранее руководил республиканской партийной организацией. Кстати, у Л. Брежнева и Г. Цинева в годы Великой Отечественной войны семьи нашли приют в Казахстане, где жили в эвакуации.

Нерешенность и невежество в межнациональных отношениях – это, по сути, подрыв и разрушение главных устоев любой государственности. Целиноградские события обнажили первые сигналы зарождающейся нездоровой тенденции: «Казахстан – для казахов» (хотя в рабочем классе республики казахов было всего 2 %), усилили бытующие высказывания о том, что казахстанская целина кормит всю страну. Подобные опасные явления проникнут в общественно-политический климат других союзных республик. Долгое время в стране создавалась видимость беспроблемности и благодушия в межнациональных отношениях.

В союзном масштабе в решении назревающих межнациональных отношений не существовало внятной национальной политики, должной системы и последовательности. Например, вышло постановление Политбюро ЦК КПСС, которое обвинило Казахстан в национализме, но вскоре было отменено.

По линии органов КГБ продолжалось внесение в ЦК предложений о целесообразности восстановления автономии для немцев в Поволжье, где республика существовала до войны. Кстати, в Саратовской и соседних с нею областях осваивались новые земли, требовались рабочие руки. Здесь уже присутствовала поддержка местными руководителями восстановления немецкой автономии, приезда немцев на жительство. Но в Политбюро ЦК на такие варианты не пошли даже в период демократических преобразований горбачевской перестройки.

Сотрудниками моего отдела прорабатывался вариант создания немецкой национальной автономии в Алтайском крае, где компактно в нескольких районах проживали советские немцы. Если бы были приняты рекомендации КГБ в высших инстанциях ЦК, то проблема немецкого населения в нашей стране не была бы такой болезненной, как в целом у других депортированных народов. В отделе оперативной работой по так называемой немецкой линии занимались майор А. Пышкин и лейтенант А. Кичихин, всего два сотрудника. При обсуждении оперативных задач не раз возникало обоснованное суждение: почему руководство СССР, оказывая огромную и всестороннюю помощь ГДР и другим странам социалистического лагеря, не может решить проблему ликвидации последствий войны и восстановления гражданских прав для советских граждан немецкой национальности? В звании подполковника А. Кичихин в горбачевское время вышел на Красную площадь с лозунгом поддержки национальных требований советских немцев, с протестом, почему не решается проблема восстановления справедливости в отношении немецкого населения. Скажу прямо, его поступок – невероятный и недопустимый для поведения сотрудника любой спецслужбы; но жаль, что такому примеру не последовал ни один аппаратчик ЦК или правительства, может быть, наша страна была другой.

Мой казахстанский земляк А. Браун, несостоявшийся лидер коммунистов при создании автономии, живет в ФРГ. В переданной мне книге «Целина» он отмечает, что вызванный в СССР в результате необдуманной перестройки хаос создал благоприятную почву для сведения счетов, решения силой давно назревших проблем в межнациональных отношениях. Все призывы и действия руководства, по мнению Брауна, были похожи на «метания загнанной стаи волков, окруженных красными флажками».

Одной из самых острых ситуаций до сих пор остается проблема крымских татар. Они стремились вернуться на жительство в Крым, сохранить и развивать свою национальную самобытность, язык и культуру. Из Крыма было выселено 230 тысяч человек, а требовали возвращения в родные места уже вдвое больше. Лидерами крымско-татарского движения выдвигались ультимативные требования о немедленном и массовом переселении из мест спецпоселения в Крым. Они прибегали к различным формам давления на власть с требованием восстановле-

ния существовавшей автономии в Крыму, проводили массовые митинги, создавали палаточные городки, объявляли групповые голодовки, совершали попытки самосожжения у Кремлевских стен. Организованное движение крымских татар возглавили молодые, энергичные люди, которые установили контакты с Западом и диссидентским движением в стране. При отсутствии положительных сдвигов в решении проблемы возникла естественная реакция: действия лидеров крымско-татарского движения стали принимать радикально-националистический и экстремистский характер.

Вынашивались планы создания самостоятельного для крымских татар автономного образования в Узбекистане. Остановились на варианте создания автономии в форме национально-территориального округа в Джизакской области, где к этому времени были открыты огромные запасы природных богатств. Секретарем обкома партии был назначен крымский татарин, перед которым стояли задачи привлекать на жительство в область крымско-татарское население, создавать условия для полноправной экономической и культурной жизни татар и таким образом сдерживать стремление массового переселения в Крым. Однако, как и в вопросе с автономией для советских немцев, в Узбекистане столкнулись с актами противодействия со стороны националистически настроенного коренного населения. Автономия для крымских татар в Узбекистане не состоялась, да и сами крымские татары неохотно шли на это. В декабре 1988 года на массовом митинге местного населения в Ташкенте прозвучали лозунги: «Русские, уезжайте в свою Россию, а крымские татары сами уберутся в Крым». В Андижане распространялись листовки: «Не уступайте русскому народу… Они забыли, что в тяжелые годы приехали без штанов».

Дискриминация крымских татар продолжалась и во времена горбачевской перестройки. Украинские власти препятствовали возвращению крымских татар, не разрешали регистрировать сделки по приобретению ими жилья, отказывали в трудоустройстве и прописке, принудительно выдворяли въехавшие семьи через Керченский пролив в Россию. В ответ возрастали массовые акции: самозахват пустующих земель, усиление мусульманского фактора. Экстремистские и радикальные круги крымских татар стали субсидироваться иностранным капиталом. Лидеры экстремистского крыла апеллировали к Западу, обращались за поддержкой в иностранные посольства. В поддержку возвращения крымских татар в Крым активно выступал академик Андрей Сахаров, справедливые требования поддерживала общественность. Можно себе представить сложность внутриполитической обстановки в связи с этим в регионах, на местах.

Вспоминаю такой эпизод: совещание в ЦК КП Украины с вопросом об обстановке в Крыму проводил второй секретарь ЦК А. Титаренко. Он обвинил правоохранительные органы республики в попустительстве несанкционированным заездам крымских татар и в слабой работе по их принудительному удалению из Крыма. От органов КГБ и МВД требовали провести операцию по очередной ликвидации палаточного городка под Симферополем, где разместилось около двух тысяч крымских татар, требовавших разрешения прописки в Крыму. До этого несколько раз в принудительном порядке такие самочинные палаточные городки ликвидировались, а их обитатели выдворялись в Россию. Только в 1990 году в Крыму было 22 палаточных городка с постоянным пребыванием в них до трех тысяч человек. Министр внутренних дел И. Гладуш докладывал, что у него нет сил и средств для таких массовых депортаций, указывал на допускаемое нарушение действующего законодательства по отношению к татарам.

Задача КГБ состояла в том, чтобы противодействовать антизаконным акциям экстремистских и националистических элементов. Многие процессы среди крымских татар возникали из-за неисполнения на местах принятых законов о реабилитации этого народа. Меры воздействия правоохранительных органов не останавливали (и не имели права останавливать) процесс возвращения крымских татар на родные земли.

Между мной и А. Титаренко произошел диалог, после которого я решил, что мне надо собирать домашний чемодан. В своем выступлении я говорил о том, что национальные проблемы крымских татар – это наследие сталинизма и последствия незаконного выселения народа в годы Великой Отечественной войны. Вопрос возвращения депортированного крымско-татарского населения на родные земли в связи с принятыми законами должны решать не люди в погонах – сотрудники КГБ и МВД, а советско-партийные инстанции. Образованная государственная комиссия по разрешению вопросов крымских татар во главе с А. Громыко бездействует, не ищет путей восстановления справедливости…

Титаренко резко оборвал меня:

– Кто Вам сказал, что крымские татары незаконно депортированы из Крыма, где они в войну сотрудничали с немцами?

– Это записано в решениях съездов КПСС и в нескольких реабилитационных указах Верховного совета СССР, которые не исполняются.

После этих моих слов Титаренко неожиданно заявил:

– Заседание секретариата ЦК объявляю закрытым.

Вопрос о судьбе крымских татар в те дни оставался действительно сложным. У многих на Украине в памяти были свежи факты предательства, службы крымских татар в вооруженных формированиях германского вермахта. Но, с другой стороны, не надо забывать о том, что в Красной армии служили десятки тысяч крымских татар, многие из них погибли. На спецпоселение в Средней Азии было определено около десяти тысяч советских солдат и офицеров из числа крымских татар, прошедших дорогами Великой Отечественной войны от звонка до звонка. Дважды Герой Советского Союза летчик Ахмет хан Султан остается в памяти среди достойнейших имен советских воинов.

Вернувшись на работу, я пригласил Подгайного, и ночью мы подготовили докладную записку на имя Щербицкого об осложнении обстановки среди крымско-татарского населения в республике и возможных мерах по ее оздоровлению. Подгайный знал хорошо проблемы межнациональных отношений в рамках всего Союза; с ним вместе в Москве мы работали во 2-м отделе. Среди предлагаемых нами мер были целесообразность создания в крымском облисполкоме специального отдела по рассмотрению обращений крымских татар, выделение для желающих земельных участков под индивидуальное строительство, организация переселяемыми крымскими татарами нескольких совхозов, проведение организованного набора рабочей силы на строительство крымского канала, прием молодежи в местные учебные заведения и т. д. На следующий день я позвонил Щербицкому и попросил принять меня. Состоялся трудный и длительный разговор.

– Владимир Васильевич, Вы знаете, как вчера проходило заседание в ЦК и слышали о моем выступлении?

В ответ молчание.

– Я подготовил докладную записку в ЦК по проблемам среди крымско-татарского населения в республике, но впервые за все время своей работы не подписал. Просил бы Вас ознакомиться с содержанием и посоветовать мне: подписывать или нет. Отсюда я буду делать личные выводы (я имел в виду, останусь ли работать в Киеве).

Сегодня могут показаться излишними приведенные мной подробности, но они свидетельствуют о политической сложности того времени, неоднозначности национальных проблем и подходов к ним, тем более что принципиального решения вопрос крымско-татарского населения в союзных инстанциях не находил. Надо признать, что требуемое от правоохранительных органов применение силовых действий в Крыму порождало возмущение крымско-татарского народа, митинговщину, экстремизм и открытую вражду к украинским властям. Допущенная в сталинское время несправедливость в отношении выселенных крымско-татар-

ских семей не исправлялась, а порождала в перестроечный период очередную волну несправедливости и беззакония.

Я не предвидел неожиданно резкой реакции на мое выступление. Второй секретарь КПУ А. Титаренко был влиятельной личностью, участник Отечественной войны, давний член Политбюро ЦК КПУ, организатор тяжелой промышленности в республике. По характеру был жестким, не всегда отличался объективным отношением к людям.

Разрешение неприятной для меня ситуации пришло от В. Щербицкого. Он основательно изучил записку и сказал: «Подписывай!» Одобрив предложенные меры, тут же начал давать указания Совету министров, звонить в Верховный совет. Далее добавил: «Может быть, послать на полгода в Крым секретаря ЦК Ельченко? Пусть на месте поработает и наведет порядок. Вот Горбачев отправил в Карабах своим представителем Аркадия Вольского. Почему не сделать такое нам?» В конце беседы (я уже чувствовал себя реабилитированным после выступления на совещании) В. Щербицкий посоветовал не обижаться на А. Титаренко: «Он у нас известный сталинист».

Только в 1998 году на административной карте Украины появилась автономная республика Крым со своей конституцией. Но это не решило всей глубины крымско-татарского вопроса, не позволяло, на мой взгляд, сказать, что этот депортированный народ полностью реабилитирован.

В 2009 году в Киеве я видел знакомую картину: у здания Кабинета министров Украины расположились палатки татар (они стояли там 90 дней), требующих от государства исполнения законов о реабилизатации: «Когда нам дадут землю?», «Где помощь на строительство жилья?», «Верните нам земли предков!»

И еще одна проблема, которой занимались сотрудники моего отдела, – это судьба турок-месхетинцев, которые до 1944 года проживали в горных районах Грузии на границе с Турцией. По происхождению месхи – отуреченные в давние времена грузины, принявшие мусульманскую веру; у них каждый школьник знает великую поэму «Витязь в тигровой шкуре» своего соотечественника Шота Руставели.

В ноябре 1944 года Государственный комитет обороны под председательством Сталина по просьбе грузинских властей рассматривал вопрос об отселении семей турок-месхетинцев из приграничных во внутренние районы Грузинской ССР. Берия самостоятельно определил их дальнейшую судьбу: депортировать турок-месхетинцев вместе с другими народностями Северного Кавказа в отдаленные регионы Средней Азии. Для обоснования решения выдвигались такие мотивы: среди турок-месхетинцев много нарушителей государственной границы СССР, контрабандистов и агентов спецслужб Турции – союзницы гитлеровской Германии. Около 90 000 стариков, женщин и детей были вывезены из родных мест в ссылку, где они находились под административным надзором до 1957 года. Мужское население турок-месхетинцев на фронтах продолжало участвовать в боях с фашистами, а после победы было принудительно отправлено к местам поселения своих семей в ссылке и взято под строгий постоянный надзор.

Национальное движение турок-месхетинцев за возвращение в Месхетию возглавлял учитель средней школы Одобашев, капитан, командир артиллерийской батареи в годы войны, награжденный боевыми наградами. Я несколько раз беседовал с ним во время приездов в столицу. Именовались такие беседы профилактическими, но каждый раз мне приходилось выслушивать, как ему, фронтовику, местные власти препятствовали в его поездках в Москву для решения проблем турок-месхетинцев, принудительно снимали с поезда, подвергали гонениям по месту работы. Вспоминается, что каждую нашу встречу Одобашев заканчивал вопросом: знает ли Андропов о реальном униженном положении турок-месхетинцев в местах вынужденного проживания? Надежды этого народа связывались с личностью председателя КГБ СССР.

За организацию работы по пресечению антиобщественных проявлений среди экстремистски настроенных лидеров крымских татар, турок-месхетинцев отвечал Эдуардас Эйсмун-

тас, мой заместитель, литовец, очень болезненно воспринимавший нерешенность в Советском Союзе межнациональных проблем. Он устанавливал личные и оперативные контакты с авторитетными лицами из указанной категории граждан, которые периодически прибывали в Москву с многочисленными жалобами и требованиями решить их жизненный вопрос возвращения на родные земли. Эйсмунтас получал от турок-месхетинцев копии обращений народных собраний к советскому правительству. Они пересылались в ЦК КПСС за подписями руководства КГБ СССР с предложениями, что надлежало бы сделать для удовлетворения законных просьб репрессированного народа. Мне известно, что Эйсмунтас уговаривал и убеждал руководителей движения турок за возвращение в Месхетию не допускать чрезвычайных, экстремистских проявлений, иначе это повредит решению проблемы в будущем. Эйсмунтас в сердцах бросал на стол полученные протоколы народных собраний турок-месхетинцев: «Всё, больше не могу. Сколько можно обманывать народ, пусть кто-нибудь другой занимается этим». Мне нечего было ему возразить.

Переселения турок-месхетинцев в родную Месхетию не произошло из-за препятствий партийного руководства Грузии, не желавшего допускать их в незаселенные и в основном пустующие родные поселения. Поводы выдвигались различные: то месхи не хотят менять свои фамилии на грузинские, то они – мусульмане, не говорящие в большинстве на грузинском языке.

В мае 1989 года на Съезде народных депутатов СССР пришлось услышать о страшных погромах, убийствах, поджогах домов, жестокой расправе над турками-месхетинцами в Средней Азии, куда они раньше были выселены и до этого вполне мирно жили с местным населением. В Узбекистан выезжала ответственная правительственная комиссия: глава правительства Николай Иванович Рыжков и секретарь ЦК КПСС Виктор Михайлович Чебриков. Руководство Узбекистана пыталось представить межнациональный конфликт в Ферганской долине как базарную бытовую ссору из-за клубнички. Конечно же, события в Ферганской долине не были спонтанными и стихийными столкновениями между представителями узбекского и турко-месхетинского населения. Главными причинами происходящего являлись нерешенность союзными властями национального вопроса, замалчивание спорных межнациональных противоречий, чем на полную катушку воспользовались уголовные и националистические элементы и привели к такому жестокому межнациональному конфликту. Рыжков с горечью отмечал: «…то, что я увидел здесь, никому в жизни не хотел бы пожелать видеть». Это искренние слова государственного деятеля, который сам прошел через боль нескольких трагедий, случившихся в стране, в том числе вызванных землетрясением в Армении и ядерным взрывом в Чернобыле.

После погромов в республиках Средней Азии оттуда были вынуждены вывезти до 50 тысяч турок-месхетинцев и расселить в 24 областях России. И только «демократическая» Грузия даже после случившихся событий не приняла на поселение ни одной семьи. Взгляды взращенного горбачевской перестройкой «демократа» Шеварднадзе и его последователя Саакашвили препятствуют до наших дней разрешению трагедии этого репрессированного народа, изгнанного из родных мест.

В межнациональных отношениях нельзя действовать по нормам двойной морали, декларировать одно, а делать другое (или не делать ничего). Всегда одна сторона остается потерпевшей. Нерешенность многих национальных проблем – одна из главных причин ослабления, а затем и распада Союза.

«Сила СССР – в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено, прежде всего, против этой дружбы, на отрыв окраин от России… С особой силой поднимает голову национализм. Он придавит интернационализм и патриотизм только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и конфликты. Появится много вождей – пигмеев, предателей внутри своих наций… И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых

поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь поднимут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом». Сказанное принадлежит Сталину. Окажутся ли эти слова вещими для наших потомков или нет – зависит от нас.

Глава третья
Взыскательный В. Чебриков, его окружение и ухабы реформаторства КГБ

Куратором 5-го управления был заместитель председателя КГБ В. Чебриков, в непосредственное подчинение которому я перешел в 1984 году. Виктор Михайлович оказался в Москве на ответственной работе с приходом к руководству КГБ СССР Андропова. Последний сформировал свою команду заместителей и аппарат помощников главным образом из числа партийных кадров.

Всей предшествовавшей фронтовой и трудовой биографией до органов госбезопасности Чебриков обеспечил себе достойное место в украинской республиканской номенклатуре; будучи вторым секретарем Днепропетровского обкома, он и раньше приглашался на работу – в ЦК Компартии Украины.

С первых дней Великой Отечественной войны он, тогда студент Днепропетровского металлургического института, находился в боевых рядах пехоты на самых важных фронтах. Участвовал в боях под Сталинградом, на Курской дуге, форсировал под Киевом родной ему Днепр. Победу 1945 года встретил в Чехословакии в звании майора. В Ивано-Франковском управлении КГБ в кабинете боевой славы я видел небольшой стенд, посвященный Чебрикову, с немногочисленными фотографиями военного времени. Некоторые фронтовые снимки были сделаны непосредственно в боевой обстановке и запечатлели уличное сражение его батальона при освобождении города от немецких захватчиков. В моей памяти хорошо сохранился боевой вид юного командира батальона, в рваной телогрейке, сфотографированного во время боя на улице города. Об активном участии его в Великой Отечественной войне свидетельствовали многие документы, помещенные на стенде музея 1-й гвардейской армии в городе Чернигове.

Виктор Михайлович был трижды тяжело ранен, обморожен и контужен. Мало кому даже из близкого окружения было известно о том, что ему довелось повоевать в штрафном батальоне. И вот почему: один из солдат его взвода при неосторожном обращении с оружием смертельно ранил своего товарища. Во фронтовых условиях это является тяжким преступлением, солдат был арестован, а лейтенанта Чебрикова отправили в штрафники, где он кровью искупил вину свою и своего солдата. Среди заслуженных наград военного времени у майора Чебрикова есть ордена Святого Александра Невского, Красного Знамени, боевые медали.

После войны он завершил образование в институте (из ушедшего с ним на фронт курса вернулось двое). Работал на металлургическом заводе, где перспективного инженера выдвинули на партийную работу.

В Днепропетровском горкоме, затем в обкоме партии он всецело отдавался работе по восстановлению разрушенной фашистами экономики крупнейшей в республике области. Работал вместе с В. Щербицким, тогда первым секретарем Днепропетровского обкома КПСС. Чебриков вспоминал, что в короткие сроки после войны было восстановлено промышленное производство, введены в действие предприятия металлургии, коксохимии, проведена полная электрификация области, налажено водоснабжение, открыто телевещание. В городе начали строить прекрасные мраморные набережные на берегах могучего Днепра.

В 1967 году второй секретарь Днепропетровского обкома Чебриков неожиданно был вызван на беседу в ЦК, в Москву. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев принял Виктора Михайловича в двенадцатом часу ночи. Во время дружеского разговора Брежнев, сам фронтовик, удивился тому, как молодой командир стрелкового батальона, майор, сумел получить доблестную и исключительно высокую для такой должности и звания полководческую награду – орден Святого Александра Невского. После беседы он позвонил Андро-

пову, недавно направленному из ЦК на работу в КГБ СССР, и сказал: «Юра, у меня в кабинете Чебриков. Я нашел тебе начальника управления кадров». (Занятная деталь: при Хрущеве руководителем управления кадров в МГБ назначался А. Епишев, первый секретарь Одесского обкома.)

Андропов умело подобрал себе мощную команду. Первыми заместителями стали генералы армии Семен Кузмич Цвигун и Георгий Карпович Цинев. Я могу не давать характеристики этим видным работникам органов безопасности СССР. О них много писалось в широкой прессе: и правдивого, и разного рода домыслов, в частности чуть ли не о родственной близости к Брежневу, а также и совсем небывалого – будто бы этих «серых кардиналов» боялся сам Андропов.

В те времена я был молодым сотрудником, далеким от забот высшего руководства. Цвигуна видел на совещаниях, а в 1978 году он вручал мне, тогда начальнику отдела, нагрудный знак почетного сотрудника органов госбезопасности и удостоверение к нему, подписанное Андроповым. Это была достойнейшая награда для сотрудника органов госбезопасности всех поколений. Тогда я видел его вблизи – мощного, представительного, как мне показалось, несколько сурового и немногословного. Мне нравились литературные произведения, связанные с именем Цвигуна, а также поставленные по ним захватывающие патриотические кинофильмы о подвигах партизан, сотрудников органов безопасности в годы Великой Отечественной войны.

С Циневым мне доводилось близко общаться в секретариате КГБ СССР при решении служебных задач. Интересно сравнить стиль работы Чебрикова и Цинева.

Чебриков рассматривал представляемые для подписи материалы в одиночестве, медленно и внимательно. Когда возвращал документы без подписи, их нужно было докладывать вторично. Если снова не подписывал, значит он неудовлетворен качеством документа, необходимо было узнать причину недовольства. Виктор Михайлович часто вызывал к себе и давал рекомендации вместе с критикой исполнителей и теплым нагоняем секретариату за слабую подготовку документов.

Циневу же нравился личный доклад, который зачастую сопровождался обсуждением проблемы, отвлечением от существа вопроса, его комментариями и воспоминаниями. Георгий Карпович любил неожиданные отступления от темы. К примеру, я делаю свой рабочий доклад, он же спокойно спрашивает: «Так, так… Эта шифровка поступила из резидентуры КГБ из Монтевидео. А сколько живет в этой стране населения и на каком языке говорят?» Надо было видеть его реакцию, если ты не готов был ответить на подобные вопросы… Не совсем приятно было попадать впросак.

Помню случаи, когда Цинев отвлекался от деловых бумаг и начинал рассказывать о своем участии в сражениях Отечественной войны, своей семье, которая в годы войны затерялась в эвакуации в родных для меня степях Северного Казахстана. Кстати, жена его с несовершеннолетней дочерью ютились под лестницей в коридоре школы, затем воссоединилась с семьей Л. Брежнева в Алма-Ате.

Кроме Чебрикова при Андропове по рекомендации сверху в число руководителей Комитета было направлено еще несколько партийных работников, которые в последующем стали заместителями председателя КГБ СССР.

Начальник одного из военных институтов Н. Емоханов, крупный ученый в области шифрования и дешифровки, руководил техническими разработками в системе органов безопасности, стал генералом армии и первым заместителем председателя КГБ СССР. Только в 1989 году в ходе реализации программы технического перевооружения органов разведки, контрразведки, пограничных войск под его руководством было создано и внедрено более 120 образцов новой уникальной техники.

Секретарь Алтайского крайкома партии В. Пирожков, активный участник Великой Отечественной войны, занимал должность заместителя председателя во времена Чебрикова и Крючкова, курировал ведущие оперативные управления. В тяжелые для судеб страны и органов госбезопасности 1990-е годы, будучи в отставке, он не пошел советником в какие-нибудь коммерческие структуры, оставался в рядах сотрудников российских спецслужб. С 1992 года он возглавил Совет ветеранов ФСБ России, пользовался высоким авторитетом.

Заместителем Андропова стал Михаил Иванович Ермаков, пришедший в органы с должности директора крупного оборонного завода. Его рекомендовал министр обороны Устинов, но Ермаков долгое время не соглашался. «Что, тебя заставить силой перейти на работу в органы государственной безопасности?» – дружески настаивали Андропов и Устинов. «Силой ничего у вас не получится. У меня на заводе труба высотой в 90 метров, я на нее залезу, и вы оба меня оттуда не снимете», – отвечал им Ермаков. В одной из наших бесед он поделился со мной обстоятельствами своего прихода на работу в КГБ. Несмотря на разницу в возрасте, между нами сложились уважительные, теплые отношения, и потому Михаил Иванович во многом помогал мне в бытность моей службы на Украине решать проблемы оперативно-технического снабжения, жилищного строительства, обеспечения автотранспортом и медицинским оборудованием.

Среди высшего руководящего состава КГБ генерал армии Филипп Денисович Бобков выделялся своим высоким профессионализмом, знанием мельчайших особенностей обстановки в национальных республиках. Он представлял собой исключительную личность: его сила заключалась в глубоком понимании тех внутренних процессов, которые происходили в нашей стране. Казалось, что не было общественно-политических проблем, затрагивающих интересы безопасности СССР, которых бы не коснулся его ум. Меня всегда поражали его знания и принимаемые продуманные, зачастую нестандартные решения.

Погранвойсками КГБ около двадцати лет командовал Герой Советского Союза Вадим Александрович Матросов, генерал армии, вложивший много сил в охрану государственной границы. Это был настоящий чекист, военный и дипломат. В составе курсантов военного училища он участвовал в обороне Москвы, в годы войны провел более десяти разведывательных рейдов по вражеским тылам. Будучи в отставке, не совсем здоровым, он оказал большую помощь при выработке новой концепции защиты госграницы, когда пограничными войсками командовал генерал А. Николаев.

В годы работы в Москве Чебрикова пытались связывать с «днепропетровским кланом». Сам он рассказывал, что в Днепропетровске, когда Брежнев возглавлял обком партии, Чебриков был студентом и видел Леонида Ильича только на трибуне во время праздничных демонстраций.

В начале чекистского пути Чебриков внес много нового в работу кадровых аппаратов, в порядок подбора, обучения и выдвижения перспективных сотрудников. Правда, предпочтение отдавалось преимущественно кандидатам из партийного и комсомольского актива. Были образованы двухгодичные курсы подготовки руководящего состава, на которые проводился специальный набор проверенных партийных работников не ниже секретарей горкома и райкома. Многие из них в последующем проявили себя на практической и руководящей работе. Их называли чекистами «андроповского призыва» вполне объективно и заслуженно.

Действующие оперативные сотрудники даже в глубокой провинции получили возможность за счет части рабочего времени изучать иностранные языки. В Кемеровском управлении КГБ в начале службы мне удалось окончить четырехлетние курсы английского языка по вузовской программе. Экзамены принимали комиссии преподавателей из Москвы. За знания иностранного языка полагалась надбавка к заработной плате.

Чебриков в должности председателя КГБ СССР продолжил линию Андропова на укрепление авторитета органов и оказал существенное влияние на совершенствование концепции развития органов государственной безопасности, настойчиво и постепенно приводя их деятельность в соответствие с определенной законом компетенцией, а основные задачи и функции – к повышенным требованиям строгого соблюдения законности, исполнению законов «и по духу, и по форме»; органы КГБ становились законопослушными. При нем не было громких политических процессов. Он прозорливо предостерегал от малообоснованных в правовом и политическом плане арестов.

На период шестилетнего руководства КГБ Чебриковым приходятся разоблачения десятков агентов зарубежных спецслужб, в том числе «супершпионов», действовавших продолжительное время. Определенного прорыва добились сотрудники разведки, сумевшие создать свои позиции в западных спецслужбах и получить наводки на предателей нашей страны.

Сотрудники контрразведки и следователи провели масштабную работу по разоблачению существующей шпионской сети. К большому сожалению, спецслужбы иностранных государств (США, Великобритании, Франции) приобрели серьезные агентурные позиции, позволяющие получать важные секретные сведения о деятельности наших государственных органов, военно-политических планах, научно-техническом и оборонном потенциале, деятельности разведслужб КГБ и Главного разведуправления (ГРУ).

Что же касается разоблачения агентуры спецслужб, то здесь состоялась малоизвестная сенсация. В 1986 году был арестован генерал ГРУ Поляков, который за период долголетнего сотрудничества с ЦРУ выдал американским спецслужбам 19 советских разведчиков-нелегалов, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к советской военной разведке (ГРУ) и внешней разведке КГБ около 1500 офицеров. Он передавал многочисленные документальные материалы, в частности учебные пособия «Стратегическая разведка», «Оперативная разведка» с грифами «совершенно секретно особой важности», по которым шло обучение советских военных разведчиков.

В 1985 году был разоблачен агент американской разведки Толкачев, ведущий конструктор научно-исследовательского института радиостроения. Первый допрос арестованного в следственном изоляторе проводил сам председатель КГБ Чебриков. Ему предатель рассказал все. Толкачев признал свою вину в передаче американской разведке в течение ряда лет большого количества научно-технической и военной информации о боевых возможностях советских военно-воздушных сил. Эта информация содержала совершенно секретные сведения о работах в НИИ радиостроения и приборостроения общим объемом более 8000 листов. Ущерб от передачи американцам таких сведений обошелся нашему государству в десятки миллиардов рублей.

В одном из научных институтов в юридическом отделе трудилась моя супруга, которую так проинструктировали, что она не имела право разглашать местонахождение своей работы. Когда в порядке поощрения за службу мне дали путевки на отдых вместе с женой на Кубу, то мой товарищ, начальник отдела экономической разведки Николай Савенков, будущий член коллегии КГБ СССР, уговаривал меня не брать ее с собой, так как она работает в режимном НИИ, откуда ведущим конструкторам не разрешается выезд даже в социалистические страны. Конечно, я послушался. А в это время здесь, в коллективе засекреченного НИИ, действовал «крот», американский шпион.

После ареста Толкачева контрразведка КГБ провела против посольской резидентуры ЦРУ активную комбинацию: на очередную встречу с загримированным под личность предателя сотрудником КГБ прибыл второй секретарь посольства США в Москве. Он был схвачен с поличным: с инструкциями, шпионскими атрибутами и крупной суммой денег, предназначенных Толкачеву.

Подобные разоблачения хотя и не выявили системной причины предательства в органах государственной безопасности, прежде всего в самой разведке, но стали объяснимы многие провалы наших агентов за рубежом.

Я присутствовал на «малой коллегии» и наблюдал, как обычно спокойный, уравновешенный Чебриков был в крайне возбужденном состоянии.

Подозреваемый в предательстве сотрудник внешней разведки Гордиевский, завербованный англичанами, под предлогом предстоящего повышения по службе был выведен из-за границы в страну. Не поставив в известность руководство контрразведки, начальник ПГУ Крючков решил своими силами разоблачить шпиона, провалив в самом начале проводимые мероприятия. Гордиевский сумел уйти из-под контроля служб и дать сигнал английской резидентуре в Москве о грозящей ему опасности. В результате он конспиративно был вывезен англичанами за пределы страны. Уход предателя от ответственности был расценен как серьезный промах в работе КГБ.

Появились и другие провалы: была выявлена агентура иностранных спецслужб внутри страны из числа контрразведчиков и шифровальщиков. Предательство приводило к тяжелым последствиям, удару по престижу органов госбезопасности страны.

Сотрудник шифровальной службы майор Шеймов, работавший в посольстве СССР в Польше, передавал американской разведке святая святых – разработанные шифры. Пусть в ответ на это наши специалисты уверяли в абсолютной надежности разработанных шифров, которые могли подвергнуться расшифровке только через несколько лет, но это было слабым утешением самого факта предательства. К тому же американцы помогли Шеймову вместе с семьей бежать за границу.

К разоблачению факта предательства сотрудника контрразведки я имел определенное отношение. В Московское управление направлялась комиссия по проверке состояния оперативно-служебной деятельности подразделений контрразведки, которую Чебриков поручил мне возглавить. Это было необычно. Дело в том, что подобного уровня комиссию необходимо возглавлять по меньшей мере руководителю контрразведывательного главка. Давая мне инструктаж, Чебриков поставил задачу через сверку секретного делопроизводства получить дополнительные доказательства подозреваемого в предательстве сотрудника Московского управления, некоего Воронцова.

Как было установлено, Воронцов инициативно пошел на сотрудничество с американцами. Он выдал экземпляр докладной записки, адресованной лично Брежневу за подписью Андропова, о полученной через внедренного в ЦРУ нашего оперативного источника ценной информации. Воронцов запутал учеты при регистрации совершенно секретных документов, включил эту записку в число уничтоженных по акту, а на самом деле передал документ американцам. Кроме того, он передал им информационный бюллетень главка контрразведки, в котором излагались наша тактика и конкретные методы работы против западных разведок на территории СССР. В частности, в нем содержались очень важные сведения о принимаемых советской контрразведкой действиях по слежению за дипломатическим корпусом и сотрудниками резидентуры ЦРУ в Москве.

Из числа официальных сотрудников КГБ Украинской ССР перехода на сторону зарубежных спецслужб на моей памяти не было. Однажды в Киеве мы разбирались со случаем отказа вернуться из Швейцарии на родину разведчика ПГУ (он был женат на дочери видного работника ЦК КП Украины). Помню, что он выдвигал надуманный мотив предательства – нежелание жить в загрязненной чернобыльской зоне. Но таких «выдающихся» предателей, как Гордиевский или Воронцов, у нас в КГБ Украинской ССР не было. Это потом, уже после развала Советского Союза, сотрудник украинской спецслужбы выдавал всему миру материалы «прослушки» разговоров в кабинете самого президента незалежной Украины Л. Кучмы.

Чебриков образовал комиссию для разработки нового положения о КГБ СССР вместо действующего с 1959 года. Попытки подготовить проект обновленного положения об органах государственной безопасности страны предпринимались еще Андроповым, но не были доведены до логического конца. К этой актуальной проблеме вернулись в процессе проводимой политики перестройки и демократизации.

Под руководством Г. Агеева, первого заместителя председателя КГБ СССР, над этим основополагающим документом трудилась специальная группа в составе руководителей ведущих оперативных управлений, видных юристов и представителей чекистской науки. Окончательный вариант был вынесен для обсуждения на совещании руководства Комитета, являющемся своеобразным коллективным органом управления. Такое совещание именовалось «малой коллегией», где рассматривались наиболее важные текущие вопросы, зачастую самые деликатные, не подлежащие огласке на «большой коллегии» КГБ СССР. Круг участвующих в заседаниях сотрудников заранее определялся и строго ограничивался. В качестве первого заместителя начальника секретариата мне почти в течение трех лет довелось участвовать в работе совещаний руководства КГБ, так как в мои обязанности входило ведение протокола и формулировка принятых на совещании решений, которые утверждались председателем КГБ СССР. Такая функция была очень интересна и поучительна с точки зрения познания управленческой деятельности. Я мог видеть, как обсуждались и вырабатывались решения руководства по самым широким, специфическим и закрытым проблемам работы органов госбезопасности страны. Достаточно сказать, что на таких совещаниях рассматривались стратегические и перспективные проблемы, анализировались причины провалов ряда операций КГБ, вырабатывались соответствующие меры.

Когда на рассмотрение совещания руководства поступили материалы разработанного проекта Положения о КГБ СССР, мы с начальником секретариата КГБ СССР А. Бабушкиным продумали несколько замечаний, имевших концептуальный характер. В частности, предложили сделать этот документ гласным, открытым для общества, что выглядело для того времени революционной новинкой. В отличие от действующего Положения о КГБ СССР (1959 года) под грифом секретности «особая важность», предполагалось опубликовать содержание нового Положения в печати, а также придать ему правовую основу путем объявления указом Президиума Верховного совета СССР. Надо отметить, что в тот период времени в документе с современных взглядов определялись функциональные задачи органов государственной безопасности, принципы их деятельности, открыто назывались агентурные и оперативно-технические средства, используемые органами в повседневной практике.

Перед совещанием наши предложения были доложены Чебрикову. Он подробно обсудил со мной высказанные замечания. Агеев после дискуссии попросил месяц для доработки проекта Положения о КГБ СССР. Резюме Чебрикова было для всех неожиданным: «Мы вдвоем с Голушко в недельный срок выработаем окончательную редакцию Положения о КГБ СССР». Он увлеченно занялся этой сложной работой, каждый абзац документа тщательно отрабатывался.

Новое Положение о КГБ СССР было направлено в Политбюро ЦК КПСС с приложением проекта указа председателя Президиума Верховного совета Громыко о введении его в действие путем официального опубликования в печати. Горбачев одобрил этот важный документ, определяющий юридический статус КГБ, и пообещал его принять на законодательном уровне после завершения работы XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС. «Факт публикации в печати Положения о КГБ СССР будет свидетельством происходящих в стране демократических обновлений, которые затрагивают даже сферу государственной безопасности», – делился довольный Чебриков.

XIX Всесоюзная партийная конференция состоялась в 1988 году. Я был ее участником уже в составе украинской партийной делегации. Положение о КГБ СССР Горбачев, по словам Чебрикова, передал на рассмотрение Александру Яковлеву, «прорабу» перестройки, и оно…

не увидело света. (В последующем, уже через годы, основное содержание статей этого Положения перешло в принятый в 1991 году закон «Об органах государственной безопасности в СССР». Виктор Михайлович тогда уже был уволен из органов госбезопасности и являлся секретарем ЦК КПСС.)

Принятие нового законодательства по важнейшим проблемам безопасности страны, как над этим ни бился Крючков, затягивалось. И такое положение продолжалось, несмотря на то что критики КГБ, в том числе отдельные народные депутаты СССР, выступали с резкими нападками на важный государственный орган, действующий без надлежащей правовой основы. Только 25 мая 1991 года Закон СССР «Об органах государственной безопасности в СССР» был введен в действие. Комитет госбезопасности по этому закону составлял единую централизованную систему, оставался центральным союзно-республиканским ведомством государственного управления.

До принятия этого закона правовое положение органов госбезопасности оставалось таким, что ставило современных чекистов в двойственное положение. Обозначилась явная правовая коллизия, когда, несмотря на изменение Конституции СССР, устранившее руководящую роль Коммунистической партии, Положение о Комитете государственной безопасности СССР, утвержденное в 1959 году ЦК КПСС и Советом министров СССР, юридически продолжало действовать. Оно отличалось особой, наивысшей степенью секретности. Согласно этому документу, органы государственной безопасности страны являлись «политическими органами, осуществляющими мероприятия Коммунистической партии и правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов…».

Принятый в мае 1991 года Закон СССР об «Органах государственной безопасности в СССР» по уровню открытости и нормативному регулированию основных сторон деятельности не имел аналогов в мире – так широко и детально регламентировалась работа спецслужбы. Центр тяжести решения проблем государственной безопасности все больше перемещался в республики. А КГБ СССР направляет и контролирует деятельность органов госбезопасности союзных республик в решении вопросов, отнесенных к ведению центра и совместному ведению; издает приказы, инструкции и дает указания по этим вопросам, обязательные для исполнения в сфере госбезопасности.

Кое-какие права в реализации мер по госбезопасности получали и союзные республики, но они не выходили за рамки строго регламентированного и дозволенного в авторитарном государстве. В итоге можно заметить, что принятый в 1991 году с большими усилиями закон о КГБ запоздал и не оказал никакого влияния на предупреждение продолжающегося разрушения системы безопасности и в целом советского государства.

Соратники Чебрикова хорошо знают, какие кардинальные меры принимались при нем руководством КГБ по обеспечению строгой законности и дисциплины на всех направлениях деятельности органов государственной безопасности.

К нарушителям принимались жесткие, порой суровые меры, например на Украине. Особая требовательность Чебриковым предъявлялась к соблюдению действующих инструкций и приказов в агентурной негласной оперативно-розыскной работе, в процессе которой всегда затрагиваются права и интересы личности.

Однажды председатель КГБ пригласил к себе своего помощника Игоря Мищенко и меня. Заметно было, что он чем-то взволнован и расстроен. Чебриков сообщил, что Инспекторское управление КГБ СССР представило ему докладную о проверке практики проведения сотрудниками военной контрразведки (особистами) профилактических мероприятий в Вооруженных силах страны. В ходе проведенной проверки были вскрыты факты грубых нарушений законности и ведомственных приказов. Чтобы убедиться в обоснованности таких выводов, он поручил

нам взять в инспекции по 15–20 материалов осуществленных профилактик, изучить и доложить ему наши собственные соображения по этим делам.

Я ознакомился с материалами около 30 дел по проведенным в войсках профилактикам конкретных лиц. Военная контрразведка в ряде случаев действительно допустила нарушения законности, при отсутствии достаточных оснований малозначительные поступки профилактируемых лиц расценивала как серьезные нарушения, например как подготовку к «инициативному» сбору секретных сведений, разглашение военной и государственной тайны, намерение изменить Родине и бежать за границу. Исходя из государственных интересов, нет сомнений в том, что необходимо было реагировать на имевшиеся нарушения воинских уставов и дисциплины, приводящие к ослаблению боеготовности, расхлябанности, не проходить мимо случаев разглашения секретных данных. Но военные контрразведчики не всегда глубоко разбирались в мотивах поведения профилактируемых, характеристике их личностей, особенно по отношению к молодым офицерам и солдатам. Подобное приводило к тому, что нарушители за одни и те же проявления подвергались нескольким наказаниям. Сотрудники особых отделов проводили профилактические беседы с виновниками и ставили их на оперативный учет, а это значило, что они могли получить своего рода «волчий билет» после увольнения. По информации особых отделов командование воинской части понижало в должности или звании виновных военнослужащих, выносило им другие строгие взыскания. Не оставались в стороне и политорганы в войсках, которые исключали нарушителей из рядов комсомола или партии. Такие примеры профилактических мероприятий, пусть и единичные, являлись недопустимыми.

Чебриков, переживая случившееся после наших докладов и убедившись в обоснованности выводов инспекторской проверки, принял самые строгие меры к нарушителям законности. Причастные к этому должностные лица из военной контрразведки были уволены из органов, необоснованные профилактики прекращены. Все это привело к скорому увольнению Цинева, близкого друга и земляка Брежнева, курировавшего деятельность 3-го Главного управления военной контрразведки.

В моей памяти на всю жизнь сохранилось несколько поучительных эпизодов, когда мне приходилось докладывать лично Чебрикову о служебных проблемах. Вот один из них.

Дежурная служба КГБ СССР, которой я руководил, глубокой ночью сообщила мне о телефонном звонке неизвестного лица с угрозами убийства Константина Устиновича Черненко, который только на днях был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. Я выехал на работу; удалось быстро установить домашний адрес звонившего лица, по которому была направлена оперативная группа. Каково же было удивление наших сотрудников, когда в квартире «террориста» на видном месте они увидели боевую винтовку военного образца. Злоумышленником оказался сторож вневедомственной охраны МВД. Оружие ему разрешалось иметь только во время несения службы, но в нарушение инструкции прихватил винтовку домой. Он был задержан и доставлен в КГБ. К утру его действия и объяснения были задокументированы, а «герой» раскаялся в провокационном телефонном звонке. С чувством исполненного долга я докладывал о ночном происшествии начальнику секретариата А. Бабушкину, а он – председателю. Чебриков вызвал меня к себе и с раздражением спросил, почему я не позвонил ему и не доложил о серьезном происшествии.

– Виктор Михайлович, если начальник Дежурной службы, следуя инструкции, будет ночами докладывать о подобных делах, то мы будем Вас часто тревожить.

– А что, у вас часто выявляются угрозы в адрес генерального секретаря ЦК с явными признаками террора и наличием боевого оружия у задержанного лица?

Председатель КГБ воспитывал меня и подробно разъяснял общественную опасность террористических проявлений. Я не чувствовал себя новичком в борьбе с терроризмом; моя фотография еще в звании подполковника размещалась в центральном музее КГБ СССР вместе с фотографиями других офицеров, принимавших участие в расследовании самых громких по

тому времени дел с признаками террора: взрывов в московском метро, организованных армянскими националистами, убийства председателя Совета министров Киргизии.

Откровенно говоря, я не понимал, почему Чебриков придал заурядному ночному происшествию такое серьезное значение. Оказалось, что все зависело от объекта посягательства, ведь упоминалась фамилия генерального секретаря ЦК КПСС. В последующие годы я на личном опыте убедился, насколько он был требователен в выполнении возложенных на КГБ функций по обеспечению безопасности высших должностных лиц государства, в частности Горбачева.

По занимаемой в секретариате должности я имел также прямое отношение к организации работы коллегии КГБ СССР. На группу из трех-четырех сотрудников секретариата возлагалась обязанность подготовки материалов для проведения заседаний коллегии, а также окончательная редакция всех принимаемых ею решений. В мою бытность в группу коллегии КГБ СССР входили кандидаты юридических наук Полянский и Жорин (впоследствии работал в КГБ УССР), которые были исключительно подготовленными в чекистском плане, являлись носителями передовых оперативных и правовых идей. Выделялся своей эрудицией, трудолюбием, упорством капитан Виктор Комогоров, молодой, ершистый, бескомпромиссный военный контрразведчик, в последующем генерал-полковник, заместитель директора ФСБ России.

Группа коллегии превратилась в важное аналитическое подразделение, которое подготавливало предложения по разработке программных и стратегических установок для многих направлений деятельности системы КГБ. За шесть лет руководства Чебрикова решения коллегии КГБ СССР были приняты практически по большинству основных направлений работы разведки, контрразведки, кадровой политики. Чебриков неоднократно подчеркивал, что КГБ СССР для успешного функционирования необходим закон об органах государственной безопасности как правовая основа всей деятельности, направленной на защиту государства. Он признавал, что многие нормативные акты устарели, перестали отвечать происходящим демократическим преобразованиям в обществе. Мы продолжали исполнять некоторые законы (например, об ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду), которые отменили на Съезде народных депутатов как недемократические и негуманные. В этом смысле органы КГБ как исполнители подобных законов не могли претендовать на всеобщую любовь. Строить оперативно-розыскную, оперативно-техническую и иную деятельность по защите государственности, обеспечению безопасности страны, общества и гражданина, не имея фундаментального закона, а основываясь и руководствуясь только установками ЦК и принципами единоначалия, очень сложно. Единственным критерием могло оставаться только одно условие: руководство органами государственной безопасности должно находиться в честных, порядочных и законопослушных руках. Не вина КГБ, что инициатива Чебрикова об отмене старого Положения о КГБ СССР от 1959 года и принятии разработанного нового провалилась при попустительстве Горбачева, затерялась в недрах ЦК КПСС. Верховный совет СССР тоже оказался неспособным создать законодательную базу для эффективного обеспечения безопасности страны и ее защиты от враждебных и антисоциалистических акций.

1 декабря 1987 года Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О мерах по расширению гласности в деятельности органов КГБ СССР». Снова инициатива исходила от Чебрикова. В обстановке демократических перемен органы государственной безопасности стали реализовывать в своей работе общественно-значимые принципы гласности, столь необходимые для раскрытия перед обществом идей перестройки.

Чебриков курировал работу пограничных войск СССР, делал это с особой любовью, посетил многие заставы на границах Советского Союза практически со всеми сопредельными странами. Перед пограничниками были поставлены важные задачи: поднять значимость низовых ведущих звеньев (пограничная застава, корабль), их обустроенность, вооруженность, бое-

готовность; повысить организаторский и командный уровень руководящих ступеней (пограничный отряд, округ).

Мне хотелось бы привести еще два эпизода, связанные с боевой жизнью советских пограничников и так или иначе с решениями Чебрикова.

Отмечалась разрядка международной напряженности, но американские спецслужбы продолжали осуществлять разведывательные акции по сбору данных о Черноморском флоте, военно-морских базах, авиационных соединениях в Крыму. Военные корабли США часто нарушали черноморские территориальные воды СССР. Они задействовали мощные средства радиотехнической разведки, хотя по международным правилам электронные приборы в таких случаях должны быть выключены.

Это было в начале 1988 года. Мне сообщили о случившемся инциденте у побережья Крыма: советский военный корабль протаранил американский ракетный крейсер, который незаконно углубился в советские территориальные воды. Я доложил об этом Щербицкому и в Москву. При расследовании конфликта стало известно, что американский крейсер «Йорктаун», игнорируя предупреждения наших пограничников, совершил грубое нарушение морской государственной границы СССР. В ответ на такую наглость наш корабль «Беззаветный» выполнил решительный маневр и намеренно врезался в борт американского крейсера, повредив на нем ракетную пусковую установку. Американцы, получив достойный ответ, сразу же легли на курс выхода из территориальных вод нашей страны. При недавней встрече с тогдашним командующим Военноморским флотом СССР адмиралом Чернавиным мы вспоминали, как действия советских моряков перепугали не только заморских гостей, но и Политбюро ЦК КПСС. Адмиралу посыпались звонки из ЦК, МИДа с вопросами, кто разрешил такие действия, к чему они приведут. Чернавин чувствовал, что его хотят сделать виновным, «обкладывают флажками со всех сторон», а остальные пытаются оказаться ни при чем, хотя возможное принятие подобных ответных мер против американских вторжений в наши воды обсуждалось на Совете обороны. В поисках выхода из сложнейшего положения Чернавин позвонил напрямую Чебрикову, напомнив ему об этом важном факте.

– Да, совещание помню. Я позвоню Горбачеву, а потом перезвоню Вам.

Томительнейшие минуты ожидания для адмирала. Наконец долгожданный звонок:

– Не волнуйтесь, все в порядке. Михаил Сергеевич вспомнил.

Подтвердилась характеристика, которую дал Чернавин председателю КГБ СССР: «Мне почему-то импонировал этот спокойный, выдержанный человек. Он никогда, насколько я мог видеть, не заискивал перед высоким начальством. Имел всегда свое мнение, был уравновешенным, твердым и доступным человеком».

Однажды Чебриков поделился своими воспоминаниями, как ему, куратору пограничных войск, пришлось докладывать Андропову материалы расследования чрезвычайного случая на дальневосточной государственной границе. Военнослужащий пограничного катера на реке Амур решил бежать в Китай. Два его сослуживца, советские моряки, бросились вдогонку и пересекли советско-китайскую границу. Уже на китайской территории, углубившись почти на километр, они догнали беглеца и силой вернули назад. Разразился международный скандал по поводу проникновения советских пограничников на китайскую землю, последовала дипломатическая нота Китая. Комиссия при разбирательстве этого пограничного происшествия внесла предложение сурово наказать матросов, вплоть до судебной ответственности, а командующему пограничным округом вынести должностное взыскание. Выслушав этот вердикт, Андропов принял решение: извиниться перед китайскими властями, задержавших беглеца матросов представить к государственным наградам, а командующего округом не трогать. Если по каждому поводу наказывать командующего, в последующем он при отдаче боевых приказов будет осторожничать из-за боязни получить взыскание, считал Андропов.

Поддержку военачальникам Чебриков оказывал и при выводе войск из Афганистана. Он выступил на заседании Политбюро ЦК с призывом «менять подходы, иначе будем воевать еще 20–30 лет. Нужно искать средства политического решения вопроса. Военный путь за истекшие пять-шесть лет результата не дал», – вспоминает Борис Громов, командующий 40-й армией, которую он вывел из Афганистана.

Перевод Чебрикова на работу в ЦК был, по оценке Ельцина, «шахматным ходом», удобным Горбачеву, чтобы отстранить принципиального, твердого в убеждениях государственного деятеля от руководства органами госбезопасности и заменить его послушным Крючковым.

Обладая богатым жизненным опытом, чувством ответственности, как говорят в народе, крепким мужицким умом, Чебриков никогда бы не вверг органы безопасности в гекачепистскую авантюру.

Член коллегии КГБ СССР, начальник Ленинградского управления КГБ Курков вспоминал, что на совещании в МВД Чебриков, будучи секретарем ЦК, на вопрос, почему Политбюро ЦК не принимает никаких мер в условиях резкого обострения в прибалтийских республиках, выглядел беспомощным, вынужден был отвечать в горбачевском духе – процесс пошел.

И все-таки Чебриков остается в памяти исключительно щепетильным, скромным и честным в личном поведении, отношениях с коллегами и друзьями. Он требовал, чтобы вокруг него, руководителя КГБ, «все было чисто: ни интриг, ни подхалимажа, ни сплетен, ни подарков или подношений». И поступал в жизни именно таким образом. На 70-летний юбилей Щербицкого, с которым долгое время вместе работал и дружил, он попросил меня вручить от его имени недорогой памятный сувенир – китайскую вазу из черного дерева. Находясь в отставке, он не пользовался ведомственными дачами или автотранспортом, имел в деревне небольшой коттедж, который построил на личные сбережения.

В общении Чебриков был таким человеком, что особым любимчиком у него не побываешь, тем более незаслуженно. К своему ближайшему окружению он относился ровно, суховато, одинаково строго. Уже в отставке мне и моему земляку, сотруднику КГБ А. Сяглову, демонстрировал на своей даче большое число рыбацких снастей: удилищ, спиннингов, блесен и прочее.

– Заберите, ребята, это рыбацкое счастье себе на память.

Мы дружно отказывались, ссылаясь на то, что не увлекаемся рыбалкой.

– Тогда раздайте все это рыбацкое богатство нашим ветеранам или своим друзьям, – было его просьбой и требованием.

Часть третья
От ВЧК – ВУЧК до КГБ (страницы истории)

И современники, и тени В тиши беседуют со мной, Острее стало ощущенье Шагов истории самой.
Ярослав Смеляков

Необходимое отступление (Что дала России и Украине госбезопасность?)

После победы Великой октябрьской социалистической революции 1917 года в целях защиты социалистического государства, подавления сопротивления эксплуататорских классов, поддержанных международным империализмом, 20 декабря 1917 года в России была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

Годом позже, 3 декабря 1918 года, на Украине была образована Всеукраинская чрезвычайная комиссия (ВУЧК) с целью борьбы ««с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности».

В истории ВЧК и ВУЧК останутся как спецслужбы тогда самостоятельных государств – России и Украины, которые представляли институты государственной власти нового типа. Главными их задачами были вскрытие и пресечение тайной подрывной деятельности, подавление открытых враждебных выступлений против советской власти. В зависимости от исторических условий и задач социалистического строительства определялся и изменялся их правовой статус, формулировались основные принципы и методы работы, происходило обеспечение профессиональными кадрами.

При создании ВЧК В. И. Ленин и ее первый председатель Ф. Э. Дзержинский определили этот государственный орган как «боевой отряд» коммунистической партии, которая осуществляла политическое руководство органами безопасности. Это была, по-существу, партийно-государственная спецслужба, сотрудники которой получили политические и правовые полномочия по решительной борьбе с враждебными советскому строю элементами и идейными противниками как внутри страны, так и за рубежом. Вся деятельность чекистских органов была подчинена соответствующим задачам, целям, революционному духу и требованиям советской власти.

Следует отметить, что даже в начальный период работы в ВЧК, ВУЧК действовали единые основополагающие принципы деятельности: партийное руководство, связь с трудящимися, гласность, соблюдение социалистической (революционной) законности, пролетарский интернационализм, конспирация и т. д. По организационной иерархии органы госбезопасности были централизованной структурой, что предоставляло возможность в зависимости от реальной обстановки оперативно концентрировать и направлять весь потенциал ЧК для решения возникающих стратегических задач.

В таком виде органы безопасности представляли собой весьма удобный инструмент для непосредственной реализации политических, экономических и военных решений партийных органов в различных сферах государственной жизни. ЦКРКП(б) еще в 1919 году указывал, что ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее контролем. ЧК проявляют всю свою преданность делу пролетарской революции. Казалось, что такие принципы могли быть применимы лишь к тому периоду времени, когда органы безопасности являлись действительно чрезвычайными, однако и в последующем Коммунистическая партия осуществляла непосредственное политическое руководство «орудием диктатуры пролетариата», периодически изменяя поле его деятельности. Классическими стали

слова Дзержинского о том, что ««ЧК обязана быть органом Центрального комитета, иначе она выродится в охранку или в орган контрреволюции».

Так было на протяжении всей истории органов безопасности Союза, когда «по воле партии» их бросали в горячие точки на защиту конституционных устоев государства, борьбу с идеологическими диверсиями. Лишь в начале 1990-х годов с упразднением 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС законодательные органы страны начали ставить органам КГБ конкретные задачи: кроме присущих им разведывательных и контрразведывательных функций, они нацеливались еще на борьбу с организованной преступностью, коррупцией, экономическим саботажем.

Роль ВЧК – ВУЧК в истории велика. Можно согласиться с оценкой Дзержинского, который отмечал, что в самый разгар Гражданской войны, когда Россию и Украину сжимало огненное кольцо блокады, давили голод, холод и разруха, когда белогвардейцы и заграничные империалисты подбирались к сердцу республик, органы безопасности ВЧК – ВУЧК провели самоотверженную и героическую работу.

Для меня чуть ли не основное объяснение необходимости создания ВУЧК дали труды украинского политика и писателя Владимира Винниченко, далеко не яростного сторонника советской власти, который писал: ««Я не буду приводить описаний всех тех ужасов, которые тяжким кошмаром стояли на Украине в продолжение долгих месяцев… Достаточно сказать, что редко можно встретить местечко или город, где не было бы грабежа, издевательств и убийств безоружных людей, начиная со стариков и кончая грудными младенцами… Черносотенное, контрреволюционное и провокаторское русское офицерство из украинской армии, щирые украинцы – сынки лавочников, кулаков, попов, зараженные духом антисемитизма и национализма, местные ««национальные герои», атаманы и атаманцы пьянствовали, бесчинствовали и устраивали еврейские погромы… Насилия и притеснения демократических и рабочих организаций продолжались в отвратительном и циничном виде; аресты проводятся по словам первого попавшегося провокатора; на помощь петлюровским героям спешили со всех сторон деникинские герои…»

О ВЧК и Дзержинском знают многие поколения. Что же касается ВУЧК (украинской спецслужбы), то о ее существовании и видных сотрудниках знали немногие профессиональные сотрудники органов безопасности Украины.

Назначение на пост председателя КГБ УССР потребовало от меня серьезного изучения не только повседневной социально-политической жизни, основных проблем союзной республики, но истории этого ведомства безопасности.

В декабре 1988 года коллектив чекистов Украинской ССР отметил торжественным собранием юбилейную дату – 70-летие образования ВУЧК. Ученые Харьковского юридического института Л. Н. Маймескулов, А. И. Рогожин, В. В. Сташис выпустили в свет монографию «Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922)». Это был опыт изучения истории создания спецслужбы в независимом украинском государстве, аналогичной российской ВЧК. Большое внимание уделялось изложению основных направлений деятельности ВУЧК, анализу проведенных операций, ведущей роли ЦК Компартии, Совнаркома Украины, местных Советов в непосредственном руководстве органами госбезопасности, выработке их компетенции и задач в тот революционный период. Признаюсь, что не без моего участия этот научный труд переводился и распространялся на русском и украинском языках.

В тяжелых условиях наши деды и отцы строили систему безопасности государства. В ее истории, как и всей страны, были страницы, говорящие о великом и трагическом, героическом и предательском.

В этой книге я привожу новые, ранее неизвестные материалы о ВУЧК, среди них особенно впечатляет переписка Дзержинского с украинскими чекистами. Сколько в ней исторической правды, сердечности, внимания к тем подвижникам, которые, голодные и разде-

тые, боролись за власть трудового народа. Я пишу не историческое исследование, но думаю, что для современников и потомков небезразлична судьба руководителей ВУЧК: И. Шварца, М. Лациса (Я. Ф. Судрабс), В. Манцева, В. Балицкого и других.

Глава первая
Всеукраинская чрезвычайная комиссия (ВУЧК)

Органы государственной безопасности Советской Украины имеют свою собственную, уникальную летопись, уходящую корнями в героическую историю спецслужб Советского Союза.

Создание чекистских органов Украинской ССР проходило в очень сложных исторических условиях. Оно начиналось в годы, когда Украина была независимым государством. Первый Всеукраинский съезд Советов 12 (25) декабря 1917 года провозгласил образование Украинского социалистического государства и решил установить тесную связь Украины с Россией. На Украину были распространены принятые вторым Всероссийским съездом Советов декреты о мире, земле, рабочем контроле и другие. Был избран Всеукраинский ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые образовали советское правительство и установили советскую власть. Но так как территория молодого государства стала одним из основных театров Гражданской войны и борьбы с внешней интервенцией, мирное строительство новой власти здесь неоднократно прерывалось.

На первом съезде Компартии Украины в 1918 году с болью и тревогой коммунисты отмечали бесчинства контрреволюции: «Трудно передать, страшно рассказывать о том, что творится в нашем крае: все завоевания революции уничтожены, расстреляны. Истязания, аресты тысяч и тысяч рабочих и крестьян, уничтожение артиллерией целых сел и селений…»

В феврале 1918 года по соглашению с буржуазной Центральной радой, которая 27 января (9 февраля) 1918 года заключила так называемый «Мирный договор» с Германией и ее союзниками, надеясь с их помощью подавить независимое государство рабочих и крестьян, на Украину были введены австро-германские войска. Нашествие интервентов резко осложнило организацию борьбы с внутренней контрреволюцией, которую вели предшественники украинских чрезвычайных комиссий, специально созданные местными Советами: военно-революционные комитеты, чрезвычайные штабы (Харьков), Высшая автономная коллегия (Одесса) и другие.

В связи с началом наступления австро-германских войск и активизацией контрреволюции при советском правительстве была создана Чрезвычайная комиссия Народного секретариата для защиты страны и революции. В интервенции на Украину участвовали, кроме того, румынские, польские и другие войска; власть большевиков, рабочих и крестьян пытались уничтожить петлюровцы, силы внутренней контрреволюции. На Украине существовал сильный очаг политического бандитизма, включающий местную буржуазию, белогвардейцев и эмигрантов, бежавших из России, а также агентуру многочисленных империалистических государств.

Развернулась освободительная борьба украинского народа. Тысячи лучших сынов и дочерей Украины отдали свои жизни в битве с интервентами. Борьба украинского народа, опиравшегося на всестороннюю помощь России, привела к краху иноземной оккупации и ликвидации гетманщины. Объединенными усилиями украинской Красной армии, восставших рабочих и крестьян значительная часть территории Украины к концу 1918 года была освобождена.

3 декабря 1918 года декретом Временного рабоче-крестьянского правительства была создана Всеукраинская чрезвычайная комиссия (ВУЧК). В декрете говорилось: «Образовать при отделе внутренних дел Всеукраинскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности». К перечисленному можно добавить и другие направления деятельности органов ВУЧК: борьба со спецслужбами противника, охрана государственной границы, участие в восстановлении народного хозяйства, борьба с голодом и детской беспризорностью, выполнение различных заданий правительства Советской Украины.

В нормализации работы ВУЧК было много трудностей, которые требовали от сотрудников украинской ЧК огромного напряжения сил и энергии, проявления стойкости и героизма, преданности интересам своего народа.

Первым председателем ВУЧК правительством Украины был назначен Исаак Шварц («Семен»), бывший литейщик из Николаева, один из организаторов Компартии Украины, руководителей партийного подполья и партизанского движения в период австро-немецкой оккупации территории республики. В июле 1918 года, отправляясь на подпольную работу на Украине, Шварц был принят Лениным. Его заместителем стал Ф. Николаенко (трагически погиб при подавлении куреневского контрреволюционного восстания).

Организационное становление ВУЧК, ее структура и штаты, формирование подчиненных местных чрезвычайных комиссий на территории республики было завершено к середине 1919 года. Центральный аппарат ВУЧК состоял из секретного, юридического, оперативного, иногороднего и инструкторского отделов, подотделов информации и связи, контрольно-ревизионной и вспомогательных технических служб. В марте 1919 года был создан отдел иностранного контроля для борьбы с деятельностью агентуры иностранных государств. В дальнейшем этот отдел, по существу, превратился в разведывательный, положив начало функционированию подразделений украинской разведки.

С самого начала своего основания ВУЧК в своей деятельности получала постоянную и значительную помощь со стороны ВЧК. Российская ВЧК передала личный состав окружного Курского отдела и 29 пограничных чрезвычайных комиссий в подчинение Всеукраинской ЧК.

Хотя органы Украинской ЧК строились с использованием профессионального опыта и при помощи руководящего состава российской ВЧК, на Украине сказывались местные кадровые трудности, засоренность аппаратов органов безопасности малограмотными, не очень способными, порой ненадежными людьми, действия которых нередко вызывали обоснованные протесты украинского населения. В частности, касаясь формирования и деятельности Крымской ЧК, Дзержинский отмечал, что там процветают уголовщина, пьянство и грабежи. Пока в ней будут оставаться деклассированные матросы, «хулиганство не прекратится».

В мае 1919 года в составе ВУЧК создаются Особые отделы – специальные органы военной контрразведки, которые вели активную борьбу с контрреволюцией на фронте и шпионажем в вооруженных частях. Военные контрразведчики руководили работой разведчиков за границей, в тылу белогвардейских войск, на оккупированной иностранными государствами украинской территории.

В 1919 году подрывная деятельность внутренней и внешней контрреволюции приняла особо опасный характер. Об этом свидетельствует телеграмма правительства Украины Ленину, в которой сообщалось о принимаемых мерах по беспощадной борьбе с «бандитизмом… и советским безвластием». В телеграмме также говорилось, что «…без энергичной поддержки Москвы нам придется потратить много времени и затратить больше сил». Украина искала спасения и помощи у России от иностранной интервенции. ВУЧК вела напряженную борьбу против белогвардейского и петлюровского шпионажа, вооруженного бандитизма, по существу, обеспечивала крепость новой советской власти. С учетом этих обстоятельств, а также дальнейшего обострения классовой борьбы правительство обратилось к Ленину с просьбой направить на Украину опытных работников московской и петроградской чрезвычайных комиссий. «Отпустите, – говорилось в телеграмме, – если можете, Лациса, а также направьте отряд опытных чекистов». Ленин с большим вниманием отнесся к этой просьбе. В конце марта на Украину с группой чекистов прибыл, по оценке Владимир Ильича, «один из лучших, испытанных коммунистов» Мартин Лацис, член коллегии ВЧК. 2 апреля правительством Украины он был назначен председателем ВУЧК. Перед отъездом Лациса на Украину Ленин нашел время для встречи и обстоятельного разговора с ним. Для характеристики мировоззрения одного из создателей ВЧК достаточно привести цитату из статьи Лациса в журнале «Красный террор»,

издаваемом ВЧК: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить: к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора».

В мае 1919 года правительство Украины обратило внимание Лациса на необходимость строгого соблюдения чекистскими органами законоположений советской власти.

Деятельность ВУЧК ориентировалась на беспощадность и решительность в пресечении враждебных действий против власти народа, вооруженных выступлений, заговоров и мятежей. Одновременно применялся дифференцированный подход к заблуждающимся лицам, втянутым в преступные действия, по словам Лациса, «из-за недоразумения, из-за науськивания контрреволюционных элементов».

Большое значение придавалось профилактической работе, предупреждению контрреволюционных преступлений. «Перед сотрудниками ЧК ставилась в качестве главной задачи, – говорил Дзержинский, – предупреждение преступлений, что, разумеется, в смысле эффекта производит меньше впечатления, по существу же дает несравненно большие результаты».

В своем первом циркулярном письме Всеукраинской ЧК Лацис потребовал от украинских чекистов применять в борьбе с контрреволюцией более глубокий, классовый подход при определении меры наказания, строго соблюдать социалистическую законность. Он предпринял ряд существенных мер по завершению создания боеспособной ВУЧК, совершенствованию ее деятельности, упразднил уездные ЧК, где было много случайных и малопригодных сотрудников, улучшил подбор кадров из преданных советской власти морально устойчивых красноармейцев, рабочих и крестьян. «ЧК так должна поставить свою работу, чтобы население ее не пугалось, а нуждалось в ней. Каждый честный гражданин должен найти для себя в лице ЧК защитницу от всяких насилий и контрреволюционных опасностей», – отмечал Лацис.

В правовом отношении ВУЧК являлась самостоятельным органом в республиканском механизме исполнительной власти и подчинялась правительству УССР. Назначение руководителей ВУЧК и губернских органов осуществлялось только по решению правительства Украины.

Общие задачи борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией порождали необходимость самого тесного сотрудничества российских и украинских спецслужб в интересах единого фронта борьбы с врагами советской власти. Специальным решением украинского правительства ВУЧК получила право оказывать помощь российским органам ВЧК. Наиболее серьезные операции они разрабатывали и осуществляли совместно. Так, когда украинские органы безопасности арестовали верхушку анархистов-махновцев, окончательное расследование по этому делу велось в российской ВЧК.

Летом 1919 года стала создаваться правовая база сотрудничества ВЧК и ВУЧК. Основой для этого стали, прежде всего, договоры братских советских республик России и Украины о военно-политическом союзе от 1 июня 1919 года, а позже – и союзный рабоче-крестьянский договор от 28 декабря 1920 года.

На Украине самым широким образом был использован опыт организации чекистских органов, соответствующие директивные и нормативные материалы повседневной оперативно-служебной деятельности ВЧК. ВУЧК систематически пользовалось нормативными и методическими документами ВЧК, в частности инструкциями, научными и практическими пособиями по вскрытию подрывной деятельности, выявлению шпионажа, производству процессуальных следственных действий. Следует иметь в виду, что в условиях Гражданской войны, по мере обострения классовой борьбы, исключавшей какие-либо компромиссы, ВЧК переходит к крайним мерам – обширной агентурной работе, заложничеству, концентрацион-

ным лагерям, красному террору. Безусловно, многие подобные методы стали использоваться и сотрудниками ВУЧК в борьбе с внутренней контрреволюцией.

Став во главе ВУЧК, Манцев в организации оперативной деятельности был вынужден выступать против провокационных методов украинских чекистов использования агентов «для подталкивания обывателей и пассивного антисоветского элемента на активную работу». В своем служебном приказе он предупреждал, что методы «провокации» неприемлемы и недопустимы.

С точки зрения выработки методов работы ВЧК – ВУЧК в качестве примера можно привести замечание Дзержинского, который в 1921 году указывал на недопустимость арестов квалифицированных специалистов в важнейших отраслях промышленности страны, обвиняя их в контрреволюционных деяниях во время пребывания в Белой армии, чем парализуется производственная созидательная работа. Предлагалось прекратить аресты специалистов по обвинению в «старых делах», немедленно освободить арестованных по этим мотивам.

По просьбе украинского правительства из России в Харьков, Полтаву, Екатеринослав, Донбасс, Одессу были направлены группы чекистов. Это были в основном украинские коммунисты, работавшие в аппарате Советской России. Эти, пусть и небольшие, проявления взаимоподдержки с первых лет советской власти составляют одну из самых замечательных страниц истории органов безопасности двух государств.

В конце 1919 года на Украину выехал заместитель председателя Московской ЧК Манцев, назначенный начальником управления чрезвычайных комиссий Украинской ССР. Одновременно он исполнял обязанность начальника тыла Южного фронта.

К этому периоду в основе своей сложился и сформировался аппарат ВУЧК, а в начале 1920 года появились специальные чекистские вооруженные формирования. Но некоторые коммунисты считали преждевременной мерой создание украинских ЧК, главным образом из-за отсутствия необходимого количества подготовленных сотрудников. 4 июня 1919 года Ленин писал председателю ВУЧК Лацису: «…Каменев говорит и заявляет, что несколько виднейших чекистов подтверждают, что на Украине ЧК принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся. Надо построже проверить состав, надеюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся». В ответном письме Лацис сообщал о неоднородном составе ВУЧК, значительном количестве примазавшихся лиц, в частности ранее изгнанных из ЧК в Москве, малоспособных и малонадежных. «Сейчас мы, – писал М. Лацис, – порешили принимать только коммунистов (большевиков)… Я пошел на очень большие уступки, чтобы улучшить состав чрезвычайных комиссий и избавиться от постоянных нареканий и погромов: упразднил уездчека и выбросил мелкую спекуляцию».

В конце 1919 года обстановка на Украине резко обострилась, значительная часть республики была захвачена белогвардейскими войсками Деникина и петлюровцами. Вооруженные объединения Деникина, Врангеля, разветвленные подпольные белогвардейские организации, украинские буржуазно-националистические центры пользовались поддержкой империалистических государств, сотрудничали с иностранными разведками, получали от них финансовую и военную помощь. Активные наступательные действия деникинцев привели к тому, что советская власть еще не везде упрочилась, ухудшилось экономическое и военное положение Украины, прокатилась волна мятежей. Если в апреле 1919 года было 93 мятежа, то в первой половине июня того же года – уже 207.

В это тяжелое время российская ВЧК на основе существующего с украинским государством договора о военно-политическом союзе предложила передать ей функции ВУЧК. Совнарком Украины не согласился с этим предложением и вместе с сохранившейся частью сотрудников ЧК временно эвакуировался в РСФСР. Аппарат ВУЧК резко уменьшился. Мно-

гие чекисты были направлены в Красную армию, продолжили работу в разветвленной сети подпольных организаций на временно оккупированной противниками территории.

Объединенными усилиями трудящихся советских республик России и Украины в конце 1919 года была одержана окончательная победа над агрессорами и интервентами, и на Украине пришлось, по существу, заново создавать советский государственный аппарат и органы безопасности. Ленин обратился с письмом к рабочим и крестьянам Украины, в котором отмечал необходимость дальнейшего укрепления дружбы и братства народов, единения трудящихся России и Украины: «Мы хотим добровольного союза наций – такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой. Если такой союз не будет установлен и сохранен, тогда и Советскую Украину и Советскую Россию смогут задавить и задушить капиталисты».

В мае 1920 года буржуазная Польша при поддержке войск барона Врангеля, находившихся в Крыму, снова оккупировала значительную часть территории Советской Украины. Продолжали свирепствовать остатки деникинской армии и петлюровских банд, бесчинствовали банды Махно, с огромными трудностями защищалась украинская государственность. В этих условиях потребовалось создать более мощный аппарат ЧК для борьбы с иностранными интервентами, контрреволюционными заговорами, шпионажем, анархизмом, уголовным бандитизмом и другими особо опасными преступлениями.

По мере укрепления федеративных отношений между РСФСР и Украиной совершенствовались широкие и тесные связи органов безопасности без ущемления прав и суверенитета каждого государства. В них отразился подлинный дух братства русского и украинского народов, выражалось стремление совместно отстоять свободу и независимость.

В борьбе с бандитизмом на Украине, несомненно, были достигнуты большие успехи. Если в конце 1920 года насчитывалось 89 организованных бандитских группировок численностью около 56 тысяч человек, то к концу 1921 года осталось 13 мелких, разрозненных, деморализованных групп до 300 человек.

В руководстве органами безопасности Украины (19201922) особо прослеживается требование строгого соблюдения законности. Так, в 1920 году Манцев, ставший руководителем ВУЧК после Лациса, отмечал, что задача ЧК заключается в борьбе с врагами революции, решительной расправе с ними, а «отнюдь не в создании «врагов революции» там, где их нет». Он призывал сотрудников быть объективными, «точным образом устанавливать наличие деятельности враждебных организаций, быть осторожными и не переоценивать, не увлекаться славой бесконечных открытий…».

Манцев был введен в состав коллегии ВЧК. Действовало положение, когда все оперативные задания и просьбы со стороны ВЧК к органам ЧК на Украине могли адресоваться и исполняться только через Манцева и центральные подразделения ВУЧК.

Развитие делового сотрудничества органов безопасности двух государств на главенствующих направлениях, в частности в создании военной контрразведки и чекистских вооруженных сил, проводилось на двусторонней договорной основе и только с санкции высших правительственных органов.

В губернских ЧК важными становились оперативные отделы, в задачи которых входило предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений против советской власти, а также борьба с проникновением в советские учреждения враждебных элементов и иностранной агентуры; надзор за антисоветски настроенными политическими партиями, сбор информации об общественно-политическом и экономическом состоянии губерний.

В историческом плане следует отметить исключительную роль Дзержинского в организационном укреплении чекистских органов Украины. Он стоял у истоков создания украинских ЧК, внес колоссальный вклад в их строительство и укрепление, установление и развитие делового сотрудничества с ними, настойчиво добивался тесной координации совместных

действий в борьбе со спецслужбами противника и другими враждебными элементами, неоднократно посещал республику по вопросам деятельности украинских органов ЧК, способствовал их укреплению подбором кадров. Феликс Эдмундович считал огромной помехой в борьбе с контрреволюцией отсутствие профессиональных чекистов из украинского населения. В письме к Ленину он отмечал: «На Украине будут достигнуты успехи в борьбе с контрреволюцией, если из центра будут направлять украинцев-чекистов».

В связи с нависшей угрозой наступления иностранных интервентов и войск Врангеля для укрепления тыла Юго-Западного фронта, мобилизации сил на борьбу с бандитизмом и оказания помощи украинским коллегам Дзержинский в мае 1920 года направляется на Украину. Вместе с ним прибывает отряд чекистов и войск внутренней охраны в 1400 человек. Эта помощь Советской Украине была весьма своевременной.

В апреле 1921 года Дзержинский совмещает должности председателя ВЧК и наркома путей сообщения. Первую поездку в этой должности он предпринял в Харьков для восстановления железнодорожного транспорта. Пребывание председателя ВЧК на Украине явилось важным фактором укрепления сотрудничества органов безопасности двух республик, их перестройки в связи с переходом к мирному строительству. 27 мая вместе с украинскими чекистами он обсудил задачи усиления борьбы с бандитизмом, хищениями на железнодорожном транспорте.

Дзержинский проявлял заботу не только о центральных органах ВУЧК, но доходил до территориальных, низовых чекистских подразделений. С тревогой он отмечал, что сотрудники ЧК Донецкой губернии одеты «в рубища», крайне изнурены. В письме к В. Балицкому он обратил внимание на тяжелые материальные условия работы украинских ЧК, у которых не хватает «ни средств передвижения, ни канцпринадлеж-ностей, ни мебели».

В мае 1920 года Дзержинский направил своему заместителю И. Ксенофонтову письмо, в котором изложил положение органов госбезопасности на Украине, дал оценку трудам украинских чекистов и высказал свои пожелания для повышения эффективности работы. В связи с наступлением поляков вся Украина превратилась в кипящий котел, вспышки восстаний стали повсеместными. «Органам ЧК приходится в общем работать здесь, как в чужой стране. Местные заскорузлые коммунисты стараются выжить приезжих, наблюдают за каждым их шагом», – отмечал Дзержинский. Он считал, что общим недостатком власти было отсутствие исполнительных аппаратов, тогда как планов и проектов было бесконечное количество, рабочие фабрик голодали при изобилии всего на вольном, «спекулятивном рынке». Поэтому надо «преодолевать изо дня в день расхлябанность и прожектерство, а не давать только хорошие советы, указания, распоряжения. Украину нужно и можно завоевать только ударным повседневным трудом работников из центра, приезжающих сюда не на короткий срок». Дзержинский отметил большую работу Манцева, который направил часть сил на места, но все же главной задачей оставалось укрепление центрального управления, «иначе нельзя руководить ни организационными, ни боевыми действиями местных ЧК», а также обеспечивать единство в руководстве борьбой всех местных ЧК. Для этого необходим работоспособный состав, которого до сих пор не было. Предлагались следующие меры: создание секретно-оперативного отдела, постановка разведки в деревне, без чего «военный разгон банд является вредной операцией, ибо бандиты разгоняются и все приставшее к ним население восстанавливается против нас».

28 мая 1920 года Дзержинский писал: «Украина сейчас – это наша база, нельзя ее потерять, она должна стать «чисто советской».

25 июня 1920 года телеграммой из Харькова он потребовал от ЦК не менее ста ответственных работников из России для уездных органов Украины, потому что «вся контрреволюция здесь в деревне… Иначе контрреволюция затянется бесконечно». Он также обратил внимание на то, чтобы не присылали «негодных сотрудников на Украину», ибо это тормозит всякую работу, а «негодный элемент Великороссии на Украине… только развращается и гиб-

нет здесь». 26 июня Дзержинский писал Ленину из Харькова: «…положение здесь внутреннее в общем идет в гору. Можно с уверенностью сказать, что если из центра будут безустанно нажимать и посылать работников, то и Украина станет скоро честной, советской. В деревне устали от банд и тоскуют за твердой властью. В области моей специальности здесь обильный урожай. Громадная помеха в борьбе – отсутствие чекистов-украинцев…»

Через четыре дня Дзержинский пишет Манцеву о том, что «Украина теперь важнее, чем когда-либо. Определенно создается новая кампания против нас, двинут Румынию и других для создания фронта на всем юге – от Румынии до Грузии включительно». Поэтому в Украину в течение недели прибудет с Кубани 20–30 батальонов. Председатель ВЧК рекомендует Манцеву «заняться организацией тыла, связаться с фронтом и держать постоянную связь с Москвой».

В 1920 году на органы госбезопасности Украины были возложены дополнительные обязанности по охране государственных границ с Румынией, Польшей, на Черном и Азовском морях. С этого времени начинается усиленное формирование пограничных частей ВУЧК, объединенных в Украинскую пограничную дивизию. Сотрудникам ВУЧК приходилось не только охранять государственную границу от различных враждебных происков и нарушений, но и вести напряженную борьбу с контрабандой.

В 1921 году в центре внимания украинских чекистов было не только усиление охраны границы, а, как и ранее, проведение операций по раскрытию и пресечению антисоветских заговоров на Украине, разгрому банд, разоблачению агентуры спецслужб противника, ликвидации диверсионных и террористических групп на Украине. При этом важнейшее внимание уделялось борьбе с польским шпионажем и петлюровцами, которые проявляли большую активность в районе Киева и в правобережной Украине. 19 января 1921 года Дзержинский писал Манцеву о том, что «польская разведка на Правобережье работает великолепно. Сведения у нее точные и быстро получаемы».

Особого накала достигла борьба с петлюровцами. ЦК КП(б) Украины 24 июня 1921 года вынес специальное решение: предложить ВУЧК продолжить со всей энергией борьбу с петлюровщиной, мобилизовать на помощь коммунистов из других силовых органов. Это распоряжение свидетельствовало о крайней ожесточенности борьбы всех политических сил и участников Гражданской войны, из которой Россия и Украина вышли с тяжелым наследием: только в 1920 году органами ЧК Украины было расстреляно 3879 человек. И действия многих органов на местах подтвердили слова председателя ВУЧК Лациса: «Чрезвычайные комиссии все время старались так поставить работу и так отрекомендовать себя, чтобы одно напоминание о комиссии отбило всякую охоту саботажников вымогать и устраивать заговоры, но чтобы всякий честный гражданин видел в них защиту своих прав и завоеваний Октябрьской революции».

В области карательной политики партийные органы Украины требовали соблюдать дифференцированный классовый подход, осторожность в применении принудительных мер к трудящимся. Пятая конференция КП(б) Украины подчеркивала, что меры наказания за бандитизм и крестьянские восстания должны строжайшим образом согласовываться с классовой политикой, строжайшей законностью, не допуская ущемления прав человека. Недопустимы репрессии по отношению к селянству в целом. Требовалось освободить тех, кто выступал против советской власти «вследствие малой сознательности». На VIII съезде РКП(б) Ленин говорил, что «главный урок – быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и мелкой буржуазии… От нас потребуется частая перемена линии поведения… Мы вовсе не желаем употреблять насилие. Наш враг – буржуазия, и, когда она выступает против, к ней применяются меры пролетарской дисциплины».

Объясняя применение расстрелов в годы Гражданской войны, Дзержинский на приветствие делегатов IV Всероссийской конференции ЧК по случаю награждения его орденом Красного Знамени ответил: «И точно так же, как раньше, мы со спокойной совестью убивали вра-

гов, потому что иначе их было нельзя победить. Точно так же мы теперь должны приняться за другие методы, с такой же энергией и таким же чистым сердцем».

В приветствии Совнаркома УССР в день пятилетнего юбилея ВУЧК отмечалось, что борьба с контрреволюцией всегда была предметом бешеной клеветнической кампании со стороны всемирной контрреволюции.

С переходом от военного коммунизма к новой экономической политике важнейшее значение имела работа чекистов по защите интересов государства в сфере хозяйственных отношений. На Украине следовало преодолеть топливный кризис, не допускать массового вывоза за границу ценностей, хищений на железных дорогах, которые «убивали всю продовольственную кампанию». 23 января 1921 года Манцев напомнил Дзержинскому о разговоре с Троцким о необходимости создания отдельной Донецкой транспортной чрезвычайной комиссии, но тогда не было сотрудников. Манцев просил председателя ВЧК оказать помощь украинцам в решении этого вопроса. На следующий день Дзержинский дал указание Менжинскому о направлении в Украину командного состава и батальона для Донецкой транспортной ЧК в количестве 500 человек.

Как отмечалось, большое значение для работы ведомств государственной безопасности Украины и России имело хорошо налаженное взаимодействие. Здесь не было мелочей, что хорошо понимали и Манцев, и Дзержинский. Даже в конце 1921 года Дзержинский не считал нормальными взаимоотношения ВЧК и ВУЧК. 11 ноября 1921 года он прямо указывал Манцеву: «…до сих пор наши взаимоотношения не совсем нормальны. Есть взаимная сдержанность и взаимные чепуховые претензии, которые при желании легко разрешаются».

В 1920–1921 годах на Украине был широко развит политический бандитизм. Особую опасность представляли махновцы: бандитизму способствовали кулачество, господствующее в условиях безвластия и разрухи, частая смена властей, наличие оружия со времен войны, укрывательство от призывов в Красную армию. У большевиков не было поддержки со стороны большинства населения. Националистическая контрреволюция в союзе с империалистическими кругами финансировала антисоветские заговоры, в которых участвовали втянутые обманом, разоренные, политически незрелые трудовые массы. Бюллетень ЧК сообщал, что под Житомиром, в Радомышле, зверствовала банда Соколовского, на счету которой было свыше тысячи убитых стариков, женщин, что «на трупах детей – массовые уколы штыками, у женщин проколоты штыками груди».

К концу 1920 года численность банд Махно колебалась от 11 до 15 тысяч. Располагая фактором мобильности и поддержки со стороны части населения, Махно метался по украинским и российским губерниям, совершая налеты, грабежи, убийства, разрушая дороги, пуская под откос эшелоны. Только за 1920 год в десяти украинских губерниях (без Киевской и Одесской) бандиты убили 1070 работников продовольственных органов и членов рабочих отрядов.

Дзержинский принял решительные меры, чтобы в кратчайший срок ликвидировать очаги махновщины. В отношении махновцев, арестованных на Украине, он рекомендовал не расправляться с ними административно, а передать трибуналу.

Успехи украинских чекистов во многом были обусловлены личными, доверительными отношениями председателей ВЧК и ВУЧК. Об этом свидетельствует и тот факт, что Дзержинский после назначения его наркомом путей сообщения рекомендовал ЦК назначить Манцева на пост председателя ВЧК России.

Когда речь идет о взаимодействии чекистских органов двух братских республик, нужно иметь в виду, что помощь была не только со стороны ВЧК. Сотрудники ВУЧК часто приходили на помощь своим российским коллегам. Так, в январе 1923 года Дзержинский просил Манцева направить в Россию на несколько месяцев известного специалиста по борьбе с бандитизмом Ф. Мартынова для усиления борьбы с хищениями на железных дорогах.

И в годы нэпа, как и во время Гражданской войны, по-прежнему сложной оставалась работа с кадрами. Сотрудники органов госбезопасности, как правило, комплектовались из партийных рядов, людей, преданных коммунистическим идеям. В условиях Гражданской войны и военной интервенции они действовали решительно, в ряде случаев руководствовались революционным правосознанием, перехватывали инициативу у противника, который был опытнее, чем сотрудники новой спецслужбы. Хотя образовательный уровень личного состава, в том числе руководителей, был невысок, им были присущи четкая политическая линия, революционный пафос, чувство преданности социалистической революции.

Во время создания Всеукраинской ЧК среди чекистов было значительное количество выходцев из еврейского населения. Это находило объективное объяснение. Евреи на Украине в дооктябрьский период составляли многочисленную диаспору, имели неравное положение с коренным населением, подвергались угнетению при царской власти, неоднократным погромам со стороны украинских националистов. Кстати, репутацию Петлюры на Западе сильно испортили еврейские погромы, в которых, по имеющимся данным, погибло около 50 тысяч человек. Сам он в 1926 году был застрелен Семеном Шварцбурдом, 15 родственников которого стали жертвами погромов. Многие евреи приняли активное участие в революции на стороне большевиков. Немаловажное значение для пополнения чекистских рядов имел более высокий образовательный ценз еврейского населения. Но, с другой стороны, известно, что сионистские круги не стеснялись сотрудничать и с врагами советской власти, призывали к свержению большевиков.

В 1922 году национальный состав руководящего звена коллегии ОГПУ состоял из двенадцати евреев, четырех русских, трех поляков, украинца, латыша, белоруса. Высшее образование в руководстве имело 93 % евреев, 80 % поляков, 52 % русских. В органах госбезопасности евреи были наиболее интеллектуальной прослойкой, а самыми опытными в боевом отношении являлись чекисты-латыши.

Кадровый состав ГПУ УССР по состоянию на декабрь 1922 года: 4,4 % руководителей имели высшее образование, 16 % – среднее, 54 % – начальное; 41 % пришли из Красной армии, 9 % – бывшие гражданские работники, 6 % – из милиции, средний возраст прихода в органы составил 22 года; большинство чекистов-руководителей (55 %) родилось на территории нынешней Украины.

15 июня 1922 года Манцев обратился к Дзержинскому с письмом о бедственном материальном положении украинских чекистов. Денежное вознаграждение и продовольственный паек сотрудников были мизерными. Они находились в состоянии перманентного голодания. На этой почве происходило общее понижение работоспособности, падала дисциплина, настроение сотрудников было озлобленным. Зарегистрирован ряд случаев самоубийства на почве голода и крайнего истощения. Расстреляны сотни сотрудников, которые сами шли на разбой и грабеж из-за систематического голодания. «Бегство из украинской ЧК повальное. Особенно угрожающее положение сложилось с уменьшением числа коммунистов в чекистской среде: если раньше их было 60 %, то теперь с трудом насчитывается 15 %. Из ЧК уходили не худшие, и в большинстве своем пролетарии. Штаты мы уменьшили процентов на 75. Что же еще сокращать?» Такую картину в своем письме нарисовал Манцев. Особо тяжелое впечатление производят следующие строки из его письма председателю российской ВЧК: «Я лично получаю письма от сотрудниц, в которых они пишут, что вынуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голоду».

О тревогах Манцева Дзержинский 6 июля 1922 года проинформировал секретаря ЦК Сталина: «…беспристрастные товарищи сообщают о невозможно тяжелом положении сотрудников ГПУ на Украине». «У меня сейчас просьба одна, – писал Дзержинский Сталину, – дать указания Наркомфину, Наркомпроду и Наркомвоену, чтобы отпущенное нам по смете госснабжение, как продовольственно-вещевое, так и денежное, не было фикцией, а было передано нам

полностью. Только при этих условиях мы сможем бороться железной рукой с разложением, уменьшить кадры до максимальных пределов, подобрав лучших, и выполнить свое задание».

Благодаря помощи Дзержинского в органах безопасности Украины были введены твердые оклады, улучшено техническое обеспечение, установлен строгий контроль за экономией средств.

В сентябре 1922 года Дзержинский направил письмо в ЦК РКП(б) на имя Молотова, в котором говорил о том, что состояние органов ЧК внушает опасения. «Нет наплыва свежих ответственных товарищей. Старые болеют, другие бегут».

Дзержинский в декабре 1925 года писал о необходимости совершенствования контроля за деятельностью органов на основе украинского опыта. Балицкий рассказал ему о том, что был вынужден проконтролировать свои органы в связи с обнаружившимися злоупотреблениями по хозяйственной линии. Дзержинский поддержал эти меры, считал важным очиститься органам так, чтобы «имя наше не было замарано, чтобы все элементы разложения были отсечены». В годы Гражданской войны и военной интервенции чекисты Украины раскрыли крупные шпионские организации, действовавшие на территории республики. Иностранный отдел регулярно добывал разведывательные сведения о планах и замыслах империалистических разведок, контрреволюционной эмиграции, националистических организаций за кордоном. Чекисты сумели проникнуть в антисоветские эмигрантские центры, окопавшиеся в Париже, Берлине, Вене, Варшаве, Бухаресте. Были разгромлены десятки вооруженных петлюровских и белогвардейских банд, предотвращены контрреволюционные заговоры в Одессе, Херсоне, Киеве, Екатеринославской и Черниговской губерниях. Однако заплатили за эти победы дорого. Только в 1918–1919 годах в схватках с врагами и в застенках контрразведок погибли около двух тысяч сотрудников ЧК Украины.

Сохранился весьма любопытный циркуляр ЦК партии и комсомола Украины от 1921 года. В нем отмечается, что в последнее время на местах замечено весьма нежелательное явление – заполнение карательных органов советской власти молодыми работниками. Молодые люди с неустоявшимся, неоформившимся миросозерцанием, неокрепшие идейно и психологически, попадают в разлагающе влияющую на них обстановку. Поэтому людей, не достигших восемнадцатилетнего возраста, запрещалось принимать на ответственную работу в органы ВУЧК, в частности привлекать их для обыска и использовать в качестве секретных осведомителей.

Все руководители ВУЧК поступили в органы безопасности во время Гражданской войны и служили под руководством Дзержинского. Многих из них, не отступивших от принципов, которые исповедовал председатель ВЧК – ОГПУ, можно смело отнести к когорте дзержинцев. Их руками Коммунистическая партия России и Украины боролась с реальными противниками советской власти. Но судьба многих из них трагична. В годы сталинских репрессий погибли первые руководители ВУЧК – ГПУ Украины, рыцари революции, соратники Ф. Дзержинского М. Лацис и В. Манцев, В. Балицкий и многие другие. Лацис, работая директором института народного хозяйства, в 1937 году обвинялся в пособничестве врагам, которое выражалось в том, что он всячески старался помочь отеческой заботой и материальной поддержкой многим своим репрессированным товарищам. Манцев долго дружил с Дзержинским, который высоко ценил Манцева, видел его своим преемником на посту председателя ВЧК России, о чем и написал в декабре 1921 года в доверительном письме: «Я как-то расклеился; в последнее время чуть было не поднес Вам свиньи в виде назначения председателем ВЧК. Я хотел уйти, но ЦК не согласился».

В соответствии с постановлением Всеукраинского ЦИК от 22 марта 1922 года «Об упразднении Всеукраинской чрезвычайной комиссии и об организации Госполитуправления» органы госбезопасности были преобразованы.

После образования союзного государства СССР, в 1923 году было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), призванное объединить усилия органов безопасности всех союзных республик в борьбе со шпионажем, бандитизмом и экономической контрреволюцией.

Создание республиканского ГПУ означало не просто смену наименования органов госбезопасности УССР. Главным здесь явился постепенный отход от чрезвычайных и карательных функций; органы ГПУ становились правовыми конституционными учреждениями, обеспечивающими защиту государственных интересов, прав граждан.

Важно подчеркнуть, что отныне спецслужбы союзных республик в оперативной деятельности стали руководствоваться приказами и другими директивными установками ОГПУ СССР. Построенная таким образом структура органов безопасности СССР поставила республиканские службы в строгое подчинение ОГПУ, что позволяло центру реально контролировать обстановку в целом по стране, сосредоточивать усилия на решении коренных политических, экономических, разведывательных и контрразведывательных задач, которые не всегда были бы посильны разрозненным спецслужбам. Началось осуществление единой нормативно-правовой и кадровой политики.

Результатами преобразований структуры органов госбезопасности, свидетельствующими о существенных изменениях в работе спецслужб, явились следующие факты: разгром внутренней контрреволюции и иностранных интервентов, политического бандитизма, переход от политики военного коммунизма к нэпу, укрепление социалистической законности. Все это повлекло за собой изменение карательных функций государства, например позволило правительству республики отменить высшую меру наказания в Украинской ССР.

Органы безопасности сосредоточили свою деятельность на выявлении тайных, нелегальных происков спецслужб иностранных держав, шире стали привлекаться к решению созидательных экономических и социальных задач. Главное заключалось в изменении характера и методов их деятельности в новых условиях, когда после открытой вооруженной борьбы в стране наступил период мирного строительства.

Глава вторая
Расстрелянные наркомы безопасности

Всеволод Балицкий

Период истории органов государственной безопасности во времена ВУЧК, ГПУ и НКВД Украинской ССР связан с личностью Всеволода Аполлоновича Балицкого.

Родился он в 1892 году на Украине, его детство и юность прошли в городе Луганске, в семье бухгалтера патронного завода. Обучался на юридическом факультете Московского университета, но с третьего курса мобилизован на фронт Первой мировой войны. Окончил Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Вольнослушатель Лазаревского института восточных языков. Активно занимался революционной деятельностью в солдатских кругах, по некоторым свидетельствам являясь членом партии меньшевиков, а с 1915 – большевиков. Имеются сведения о том, что в начале 1918 года Балицкий находился на нелегальной работе в Персии, затем в Грузии.

С декабря 1918 года – член коллегии ВУЧК, с 1919 года начал служить в особых отделах Красной армии, руководил губернскими органами государственной безопасности на территории Волыни и в Киеве. Был близким соратником Дзержинского, многие годы рядом с ним участвовал в борьбе с бандитизмом, создавал специальные военные части ЧК.

В 1923 году тогдашний председатель Всеукраинской ЧК – ГПУ Манцев получил новое назначение, поэтому встал вопрос о преемнике. Москва настаивала о направлении на эту должность члена коллегии ВЧК С. Мессинга. Но сложилась необычная для того и даже всего советского времени ситуация: украинское правительство не приняло московскую кандидатуру и в ответ внесло свою. Так в августе 1923 года председателем ГПУ Украинской ССР был назначен Балицкий, который сразу же введен в состав членов союзной коллегии ОГПУ

В те годы на Украине сложилась практика, когда руководитель ГПУ одновременно возглавлял народный комиссариат внутренних дел (НКВД), тем самым объединив борьбу в масштабах республики как с политическими, так и с уголовными преступлениями.

Об усилении личного влияния Балицкого свидетельствуют избрание его в 1927 году кандидатом в члены Политбюро ЦК Компартии Украины и назначение председателем комиссии при ЦК КП(б)У по рассмотрению судебно-политических дел. Это предоставляло существенные полномочия, в том числе карательным органам, так как указанная партийная комиссия определяла конкретные директивы судам в отношении мер социального наказания по имеющим важное значение политическим процессам.

Под руководством Балицкого была проведена активная борьба с бандитизмом, контрреволюцией, троцкистами, украинскими сепаратистами и национал-уклонистами.

После окончания Гражданской войны органы ГПУ в ряде случаев старались избегать применения крайних репрессивных мер. В этой связи заслуживает внимание записка украинского ГПУ в 1925 году первому секретарю ЦК Украины Лазарю Кагановичу о том, что в последнее время в республике снова всплыл позабытый после Октябрьской революции «еврейский вопрос» и «так сильно и резко, что стал предметом обсуждения и волнения в двухмиллионной среде еврейских масс». ГПУ докладывало, что «мы, по-видимому, не учли объективных причин, превративших сионистское движение в политическое движение еврейской мелкой буржуазии», не придали должного значения созданию многочисленных сионистских организаций. Борьба с сионизмом сводилась к ослаблению движения, снимали, сажали и подвергали высылке актив сионистских группировок.

ГПУ осознавало, что «наши меры административной борьбы с сионистским движением не достигают своей цели», и считало, что разрешением всех вопросов парализации сионистского движения должны заняться партийные органы, советские и общественные организации. Учитывая, что указанные органы ничего не делают для ослабления сионистского движения, обращения молодежи «в советскую единицу», ГПУ предложило через комсомол усилить воспитательную работу молодежи, создать преданный советской власти актив, облегчить порядок принятия в комсомол еврейской местечковой молодежи, вовлечь ее в культурную работу, создать специальные школы кустарей. Чекистами были предложены и другие меры, в частности увеличить число периодических изданий на еврейском языке. ГПУ считало ненормальным, когда издавалась одна газета «Штерн» и одновременно свыше десяти нелегальных сионистских газет и воззваний. «В прессе должен звучать голос украинского еврея, реагирующего на мероприятия советской власти», – считали сотрудники ГПУ.

К несчастью, после Ленина и Дзержинского наступил период подчинения органов безопасности лично Сталину, что повлекло за собой трагические последствия в жизни русского, украинского и других народов СССР.

Предвестником наступающих жестоких репрессий в республике стали организованные показательные судебные процессы по групповым делам Украинского национального центра (УНЦ), Украинской военной организации (УВО) и другие.

В 1929–1930 годах при Балицком начались аресты среди представителей творческой и научной интеллигенции, в прошлом участников петлюровского движения, как это подавалось в печати. Наиболее типичным из масштабных политических событий явился шумно проведенный судебный процесс по делу Спілки визволення України (Союз освобождения Украины – СВУ), по которому обвинялись 45 граждан, среди которых 2 академика, 15 профессоров, 10 учителей. Средства массовой информации провозгласили эти аресты интеллигенции как «украинский гражданский суд», который карает не только контрреволюционное наследие петлюровщины, а в исторической ретроспективе – «весь украинский национализм», предательскую политику националистических партий, их идеи буржуазной самостоятельности и независимости Украины. О смягчении карательной политики может свидетельствовать то, что из всех осужденных по делу СВУ ни один не был приговорен к высшей мере наказания; тридцать человек приговорены на срок от трех до десяти лет наказания, девять человек – к трем годам и меньше, семерых выслали за пределы Украины сроком до трех лет. Вместе с тем дополнительная проверка показала, что большинство из этих лиц погибли в 1937–1938 годах вследствие выдвинутых против них новых внесудебных обвинений. Все должностные обвинительные лица (прокуроры и судьи) были известны, поскольку процесс был открытым и постоянно освещался в газетах. Их судьба, как и следователей ГПУ, которые вели указанные групповые дела, оказалась трагической. Начальник следовательского отдела ГПУ Горожанин, следователи Брук, Берко и Джавахов были расстреляны в 1937 году; Козельский в 1936 году покончил жизнь самоубийством. Все они сами оказались жертвами сталинского времени.

Когда шла реабилитация, я прочитал более трех десятков томов архивных судебных материалов по процессу СВУ. Зафиксированное в них выглядело с позиций современности и моих личных убеждений как необъяснимое помутнение тогдашнего общественного разума.

В 1925 году из ЦК Компартии Украины поступил документ за подписью Кагановича, в котором от ГПУ настоятельно требовалось обратить особое внимание на контрдиверсионную работу в промышленности и сельском хозяйстве. Органам давались партийные указания заняться изучением положения, настроением крестьянства, их реакции на тяжесть налогов и хлебозаготовок.

На закрытом заседании Политбюро ЦК в 1928 году Балицкий сделал доклад о положении на селе. Высшая партийная инстанция потребовала от органов государственной безопасности республики усилить борьбу с антисоветскими элементами на селе, организовать пресечение

массовых крестьянских выступлений во время проведения кампании по коллективизации и раскулачиванию, а также при изъятии излишков хлеба. Следует отметить, что в ходе реализации политики партии по сплошной коллективизации, ликвидации кулачества как враждебного класса подверглись раскулачиванию и выселению в отдаленные районы страны свыше 200 тысяч украинских крестьянских семейств. Были увеличены налоги, в качестве оплаты введены трудодни, установлено уголовное наказание за опоздание на работу, хищение социалистической собственности, даже за сбор оставшихся на поле после уборки урожая колосков.

В начале 1930-х годов на Украине (как и в Казахстане, Поволжье) разразился страшный голод, власти изымали все запасы зерна у колхозников. Особые продовольственные отряды забирали излишки зерна, население голодало и тысячами вымирало. В 1931 году в пяти областях СССР (в Западной Сибири, Казахстане, на Урале, Средней и Нижней Волге) вследствие засухи случился неурожай, что значительно сократило хлебные ресурсы страны. Ситуативная и некомпетентная политика в сельском хозяйстве, экстенсивный экспорт зерна урожая 1931 года сделали обстановку критической. В 1932 году последовал еще больший спад производства продуктов питания, прежде всего за счет основных производящих зерновых районов УССР и Кубани. К началу осени 1932 года страна испытывала трудности с обеспечением городского населения продовольствием. К весне 1933 года в целом по стране положение с продовольствием было тяжелым, перебои были даже в Москве, Ленинграде и ряде военных округов РККА. Голодали Западная Сибирь, Урал, Средняя и Нижняя Волга. Но ситуация на Украине, Северном Кавказе и Казахстане была самой тяжелой. Несмотря на то что из 1,1 миллиона тонн продовольственной, семенной и фуражной помощи, предоставленной в первой половине 1933 года сельскому хозяйству СССР, 576 400 тонн было направлено именно в УССР, эта республика по результатам 1933 года стала лидером по абсолютным показателям сверхсмертности, по относительным ее обходил лишь Казахстан.

Среди историков и политиков на данный момент не достигнуто общего мнения в отношении причин, повлекших за собой массовый голод. Существует точка зрения, согласно которой сверхсмертность населения Украины от голода была во многом вызвана сознательными и целенаправленными действиями советского руководства по подавлению славян.

На эти годы пришлось руководство Балицким органами государственной безопасности Украины. Его практическая деятельность находила высокую оценку и поддержку в Киеве и Москве. Он характеризовался преданным, стойким, верным в проведении политики партии в жизнь большевиком-чекистом; его именем были названы некоторые колхозы, новый стадион «Динамо» в Харькове.

В связи с назначением в июле 1931 года Балицкого на должность заместителя председателя ОГПУ, Менжинский обратился со специальным письмом к сотрудникам ГПУ Украины. Он отметил, что до переезда в Москву Балицкий 12 лет бессменно стоял во главе органов и войск ГПУ на Украине, «являясь их руководителем, организатором и воспитателем». «Украинские чекисты, – отмечал председатель ОГПУ, – вписали прекрасные, героические страницы в историю ВУЧК – ОГПУ, огромны, неисчислимы их успехи и победы на Украине за все время существования советской власти. Происки и козни классовых врагов всегда разбивались о гранит чекистской закалки, партийной преданности и классовой выдержанности чекистов Украины, воспитанных в духе большевистской партийности и лучших чекистских традиций».

И вместе с тем с именем Балицкого связаны аресты и высылки крестьян, «националистической» интеллигенции. В ноябре 1932 года Балицкий был направлен особоуполномоченным ОГПУ на Украину, где в это время свирепствовал голод, с задачей «безусловно выполнить план хлебозаготовок». И, судя по всему, выполнил.

В 1933 году Балицкого снова вернули на Украину. Сталин считал необходимой его работу в этой республике, что хорошо видно из его переписки с Кагановичем. Всесоюзная газета «Известия» писала, что Балицкий должен помочь миллионам украинских селян подавить

кулацкий саботаж и обеспечить молодым колхозам возможность «спокойно расти и расцветать». Видимо, для «расцвета» колхозного движения Политбюро ЦК ВКП(б) СССР 10 марта 1932 года предоставило право рассмотрения дел «по повстанчеству и контрреволюции» на Украине тройке ГПУ в составе товарищей Балицкого, Карлсона и Леплевского и применения высшей меры социальной защиты. Балицкого считают одним из главных организаторов массового террора на Украине, унесшего жизни десятков тысяч людей.

С 1935 года он имел высшее звание «комиссар государственной безопасности 1 ранга» (равнозначно генералу армии), которое за всю историю было присвоено всего девяти руководителям органов государственной безопасности.

С приходом Ежова на должность наркома внутренних дел СССР усилились массовые репрессии 1937–1938 годов. На Украине расширилась кампания по разоблачению «врагов народа» среди партийно-советского актива, командного состава Вооруженных сил и сотрудников органов государственной безопасности.

В 1937 году московский ЦК Компартии вскрывает серьезные недостатки в работе Политбюро ЦК Украины – высшего партийного органа Коммунистической партии, а первого секретаря ЦК Постышева обвиняют в развале работы и пособничестве враждебным антисоветским элементам в республике. Над Балицким, который многие годы работал с первыми секретарями ЦК Компартии Украины Квирингом, Косиором, Кагановичем, Постышевым, стали сгущаться тучи. В мае его вызвали в Москву и сильно понизили в должности, отправив в Хабаровск начальником краевого управления НКВД.

Как свидетельствуют архивные данные, на новом месте Балицкий продолжал действовать в присущей ему манере сталинского руководителя – оперативно и решительно. Так, лишь по одному уголовному делу в Особой Краснознаменной дальневосточной армии было арестовано 200 командиров и других военнослужащих.

А в это время на Украине собираются обвинения на самого Балицкого, который якобы «утаивал от покарания врагов народа, не выполнял указаний центра по разоблачению контрреволюционных и террористических организаций, сдерживал борьбу с троцкистами, националистическими элементами в республике». Доносы «о вредительской линии» Балицкого готовили его бывшие подчиненные и передавали новому наркому внутренних дел Украины Леплевскому, с которым ранее у Балицкого не сложились личные взаимоотношения. Леплевский сфабриковал дело про «антисоветский заговор в НКВД Украины во главе с наркомом Балицким», в котором якобы участвовали практически все заместители Балицкого, руководители ведущих подразделений. Важно подчеркнуть, что в одной из докладных записок в Москву на имя наркома Ежова сообщалось, что Балицкий осуществлял «неприкрытое сопротивление выполнению оперативных указаний НКВД СССР, им было сделано все, чтобы сберечь от разгрома кадры». Он стремился остановить репрессии, уменьшить количество арестов и смертных приговоров.

Балицкого обвинили по одному уголовному делу с Якиром. Трагедия заключалась в том, что еще в 1930 году командующий Киевским военным округом Якир ездил в Москву и жаловался на ГПУ Украины, которое под руководством Балицкого саботировало, по его мнению, выявление враждебных элементов из числа бывших царских офицеров.

При аресте 7 июня 1937 года у Балицкого изъяли государственные награды: три ордена Красного Знамени, орден

Трудового Красного Знамени УССР, орден Красной Звезды, два знака «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

Допросы Балицкого проводил заместитель наркома НКВД СССР Бельский, незаконными методами добиваясь его признания об участии в «военно-фашистском заговоре». Партийные органы Украины в лучших традициях тех времен поспешили еще до суда обвинить Балицкого

в том, что он входил в состав преступного «якировского контрреволюционного центра, покрывал троцкистов, правых и националистов».

Он был делегатом печально известного XVII съезда ВКП(б), попал в число тех 395 членов ЦК ВКП(б), которые погибли в 1937–1940 годах. В жизни страны шел жестокий кругооборот: выносившие смертные приговоры высшие руководители карательной системы становились жертвами. Балицкий был приговорен к высшей мере наказания и 27 ноября 1937 года расстрелян.

К периоду моей работы в КГБ УССР Балицкий не был реабилитирован. Вернулись ли к его личности современники в СБУ, я не знаю. На вопрос журналистов, почему он не реабилитирован, в 1989 году я отвечал: «Может, у кого и поднимется рука поднять вопрос о его реабилитации, однако лично я этого не сделал, хотя и отдаю ему должное как чекисту так же, как и многим другим чекистам».

Израиль Леплевский

14 июня 1937 года комиссар госбезопасности 2 ранга Израиль Моисеевич Леплевский был назначен наркомом внутренних дел Украины.

Родился он в Брест-Литовске в 1896 году в семье резчика табачной фабрики. Работал в шапочной мастерской, на складе аптекарских товаров, служил в армии в 1914–1917 годах рядовым Дербентского пограничного полка на Турецком фронте. Вел революционную работу среди солдат, был членом Бунда, в 1917 году вступил в партию большевиков.

Службу в органах ВЧК начал в 1918 году с должности регистратора оружия в Саратовской ЧК, затем занимал различные должности в Самарской, Екатеринославской губернских ЧК,

Одесском губотделе ГПУ, был начальником 26-го пограничного отряда. Свою активную деятельность начал с участия в подавлении различных выступлений против советской власти на Украине, разрабатывал операции по ликвидации петлюровских атаманов, подпольных белогвардейских организаций.

Леплевский был младше своего руководителя Балицкого на четыре года, но уже в 1925–1929 годах он являлся его заместителем, членом коллегии ГПУ УССР.

Среди ближайшего окружения Леплевского распространялись слухи о том, что основная заслуга в разгроме контрреволюционных сил на Украине в годы Гражданской войны принадлежит именно Леплевскому благодаря его профессионализму и оперативности. Когда об этом стало известно Балицкому, он не стал делить лавры и успехи со своим заместителем, а способствовал выдвижению Леплевского на самостоятельную должность – наркома внутренних дел Белоруссии. В некоторых печатных источниках содержится упоминание о якобы сделанном им заявлении при отъезде из Киева: «Я еще сюда вернусь и рассчитаюсь со всеми».

В 1931 году Леплевский был переведен в Москву, в центральный аппарат, где семь месяцев возглавлял особые отделы Главного управления госбезопасности НКВД. Именно под его непосредственным руководством и с его участием военные контрразведчики чинили расправы над известными со времен Гражданской войны военачальниками – Тухачевским, Якиром, Корком, Уборевичем и другими. Сослуживцы вспоминали, как Якира привели в кабинет начальника военной контрразведки Леплевского. Он вошел в военной форме, а из кабинета был выведен без ремня, петлиц, избитым и в разорванной гимнастерке. Под руководством Леплевского у командующего Киевским военным округом командарма 1 ранга Якира были выбиты показания, свидетельствующие о том, что Балицкий являлся участником антисоветского заговора.

Как участники антисоветских троцкистских организаций были арестованы 21 комкор, 37 комдивов, 29 комбригов, 7 дивизионных комиссаров и т. д. – около тысячи высших командиров и политработников.

С первых же дней назначения наркомом Леплевский стал требовать увеличения арестов военнослужащих, усилил расправу над партийными и советскими работниками, сотрудниками центрального, областных аппаратов НКВД Украины. Верных себе сотрудников он наставлял: «Следует действовать более решительно. Для вас не должны существовать никакие директивы, кроме моих».

На пленуме ЦК КП(б)У по докладу Леплевского отмечалось, что органы НКВД на протяжении нескольких лет проявляли бездеятельность. В результате многие руководители НКВД, старые чекисты, были выведены из состава партийных органов КП(б)У, из обкомов партии и в последующем арестованы.

О своем исключении из состава ЦК и готовящемся аресте узнал начальник управления НКВД по Харьковской области комиссар госбезопасности 3 ранга С. Мазо и покончил жизнь самоубийством. В его рабочем кабинете была обнаружена записка коллегам: «Товарищи, одумайтесь! Куда ведет такая линия арестов да выбивания у обвиняемых показаний?»

Не выдержал массовых репрессий на Украине и личных обвинений в участии в националистической организации председатель Совнаркома Украины Панас Петрович Любченко. Он покончил жизнь самоубийством, застрелив при этом и свою жену. (Черные страницы истории как бы повторяются, когда вспоминаешь, как в 1991 году после ГКЧП подобная участь постигла Бориса Карловича Пуго, бывшего председателя КГБ Латвийской ССР, министра внутренних дел СССР, и его супруги.)

В соответствии с указанием НКВД СССР от 30 января 1937 года категория лиц, подлежащих репрессиям на Украине, значительно увеличилась за счет членов антибольшевистских партий, прежних царских чиновников, жандармов, участников казацко-белогвардейских повстанческих организаций, сектантских и церковных активистов, а также уголовников, бандитов, воров-рецидивистов. В 1937 году в органы НКВД поступила телеграмма наркома Ежова, согласно которой подлежали аресту и расстрелу через «тройки» кулаки и уголовные преступники, бежавшие из лагерей или ссылок. Для НКВД Украины устанавливался лимит на арест 28 800 граждан (к расстрелу – 8000).

По личной просьбе Леплевского лимит на расстрел был увеличен на 4200 человек. Руководство НКВД Украины, как всегда, шло с опережением.

11 августа 1937 года Ежов издал указание, в соответствии с которым на Украине была проведена этническая чистка лиц польской национальности, обвинявшихся в сотрудничестве с польской разведкой, в шпионской, террористической и фашистско-повстанческой деятельности. Я знакомился с некоторыми подобными делами по арестам поляков в Житомирской области. С применением физического воздействия обвиняемые лица признавались в связях с польской разведкой, подготовке подрывов мостов в случае войны и т. д. Обычно один подозреваемый под пытками признавался, затем оговаривал своих знакомых или односельчан, и те подпадали под каток репрессий.

20 декабря 1937 года отмечалась 20-я годовщина органов государственной безопасности. В газетах воспевался «великий всенародный праздник», публиковались приветствия чекистам Украины, «которые под руководством товарища Леплевского разгромили контрреволюционные, правотроцкистские и националистические гнезда наемников фашизма». В приветственном слове чекистам Косиор произнес: «Я не знаю, какое сердце честного советского гражданина не пылает любовью к Народному комиссариату внутренних дел, к их славным работникам».

Однако к концу 1937 года от ряда сотрудников поступили заявления о том, что Леплевский в 1920-х годах защищал платформу Троцкого, был карьеристом, дружил с врагом народа Балицким. По утверждению Ежова, Леплевский утратил доверие ЦК партии большевиков за свои грубые действия, так как его работа носила бессистемный характер и «ударяла по оди-

ночкам». И это обвинение предъявлялось человеку, при котором аресты граждан в республике увеличились по сравнению с временами Балицкого более чем в три раза.

В апреле 1938 года Леплевского арестовали по тем же кошмарным обвинениям, которые он сам предъявлял сотням и тысячам: его обвинили в участии в антисоветской троцкистской организации, сделали из него руководителя враждебного «заговора НКВД в Украине». 28 июля того же года Военной коллегией Верховного суда СССР И. Леплевский приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Не реабилитирован. Вместе с ним погибли его ближайшие соратники-чекисты по службе в Киеве и Москве.

В это же время продолжались репрессии среди руководящего состава НКВД. В мае 1938 года покончил жизнь самоубийством начальник УНКВД по Московской области В. Каруцкий. Атмосфера в столичном органе госбезопасности была такова, что только за один 1938 год сменилось шесть начальников Московского управления.

Александр Успенский

В начале 1938 года на должность наркома внутренних дел Украинской ССР Ежов рекомендовал Александра Ивановича Успенского. В отличие от предшественников – Балицкого и Леплевского – он ранее не имел какого-либо отношения к республике.

Родился Успенский в Тульской губернии в семье лесника. Окончил два класса духовного училища в Туле. В органы ВЧК пришел в 1920 году на должность уездного секретного уполномоченного ЧК. Затем работал в органах ВЧК Тулы, Урала, Московской области. Судьба баловала чекиста Успенского. В молодом возрасте, в 25 лет, он уже стал начальником экономического отдела ОГПУ по Уралу, в 1931 году был переведен на аналогичную должность в ГПУ Московской области. В столице он сумел сблизиться со многими руководителями подразделений центрального аппарата, которые способствовали его дальнейшему росту по службе. В 1935 году Успенский – заместитель коменданта Московского Кремля по внутренней охране.

Когда в 1937 году арестовали наркома СССР Ягоду, Успенский не без успеха начал выдавать себя за жертву, пострадавшую от беззакония последнего. На самом деле «пострадавший» – типичный представитель ежовской гвардии. Он пользовался расположением наркома Ежова и не раз доказывал ему свою преданность, выполняя деликатные поручения большой важности. Так, в марте 1937 года перед назначением начальником управления НКВД Оренбургской области Ежов в доверительном разговоре поставил перед ним задачу: «Не считаясь с жертвами, нанести полный оперативный удар по местным кадрам. Да, могут быть и случайности. Но лес рубят – щепки летят. Имей в виду, в практике НКВД это неизбежно. Главное, что требуется от тебя, это показать эффективность своей работы, блеснуть внушительной цифрой арестов». И Успенский с особым рвением проводил репрессии, что отметили в самом Кремле. В Оренбурге было сфальсифицирован ряд громких политических дел, в их числе дело о мифической белогвардейской организации, имевшей войсковую структуру. За пять месяцев его «работы» в небольшой по численности населения области было арестовано свыше трех тысяч человек, из них половина расстреляна.

В 1937 году Оренбург посетил секретарь ЦК Андрей Жданов, которому показалось, что в этой области арестов «врагов народа» проводится недостаточно, о чем он телеграфировал Сталину. Волна репрессий в этой крестьянской, далекой от революционных потрясений области усилилась: только по спискам Успенского было дополнительно арестовано еще около 600 человек во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) Митрофановым.

В связи с назначением на ответственную должность наркома внутренних дел Украинской ССР Успенского пригласили на беседу к И. Сталину. Вождь прежде всего поинтересовался прошлыми отношениями Успенского с арестованным «врагом народа» Ягодой. Успенский клялся в чистоте перед коммунистической партией, органами безопасности, а бывший

нарком Ягода, дескать, ему не всегда доверял и даже подвергал травле. Сталин пожелал успехов в руководстве органами безопасности Украины.

Нарком внутренних дел Ежов порадовался за своего выдвиженца. «Теперь можно ничего не бояться. Тебе доверяет сам товарищ Сталин», – наставлял он новоиспеченного руководителя органов госбезопасности Украины. Вместе с бригадой сотрудников центрального аппарата НКВД Ежов выехал в Киев для представления украинским чекистам своего ставленника. В последующем Успенский так охарактеризовал визит Ежова в столицу республики: «В Киеве каждый из этой бригады занимался тем, что подбирал материалы для арестов, причем материалы тут же докладывались Ежову и тот в пьяном виде, не читая и даже не ознакомившись с краткими справками, санкционировал аресты. Особенно отличался в этом отношении Листенгурт (в феврале – апреле 1938 года исполняющий обязанности начальника особого отдела НКВД Украины), который ставил перед Ежовым вопрос об аресте военных… Тогда же я получил от Ежова санкцию на арест 36 тысяч человек с правом судить их решением тройки НКВД Украины». Как известно, на Украине продолжались массовые репрессии, а тут нарком Успенский получает такой подарок – карт-бланш на аресты и расстрелы от самого Ежова. Успенский не преминул этим воспользоваться, масштабы репрессий при нем все увеличивались. Этот период характеризуется резким ужесточением карательной политики, когда почти все арестованные приговаривались к высшей мере наказания.

Новый нарком начал с разоблачения «антисоветского заговора в НКВД Украины» во главе с бывшим наркомом Леплевским. Я знакомился с архивными документами, из которых было видно, что НКВД Украинской ССР в своих докладах в 1938 году в Москву указывал на «коренной перелом в разгроме вражеских формирований и троцкистского подполья на Украине, который состоялся на основе непосредственных указаний наркома внутренних дел СССР Ежова по устранению антисоветского подполья, данных им во время приезда на Украину (февраль) и под руководством секретаря ЦК КП(б) УССР Н. С. Хрущева».

В январе 1938 года, одновременно с назначением Успенского, первым секретарем ЦК КП Украины туда был направлен Хрущев. Согласно его опубликованным воспоминаниям, ехал без желания, просил Сталина не посылать его в эту республику: «не подготовлен, чтобы занять такой пост», к тому же существует национальный вопрос, «я – русский, говорить на украинском совсем не могу, а это тоже имеет большой минус». При отъезде Хрущев просил подобрать в Москве несколько лиц украинской национальности на руководящие должности, что было необходимо, так как «на Украине из-за арестов сейчас нет ни одного председателя облисполкома и даже председателя Совнаркома (есть его первый заместитель), нет заведующих отделами обкомов и горкомов партии, а в ЦК КП(б)У – ни одного заведующего отделом».

На Украине была уничтожена вся верхушка руководящих кадров в «несколько этажей», как образно оценивал Хрущев политическую обстановку в республике. Кадры менялись и вновь арестовывались и уничтожались; особой расправе подвергалась украинская интеллигенция.

Успенский поставил вопрос об аресте известного поэта Рыльского, которого обвиняли в национализме и возвели в ранг «врагов народа». Хрущев якобы возражал: «Какой он националист, он просто украинец и отражает украинские национальные настроения».

Возлагая в последующем вину за репрессии и свои прегрешения в этом на Сталина, Хрущев забывает упомянуть, что период его руководства на Украине республиканской партийной организацией отмечен волной усилившихся репрессий. При нем стали выкашивать авторитетных руководителей республики, государственных и партийных работников различных рангов. На время его пребывания в республике приходится пик арестов видных военачальников. Так, в июне 1938 года Хрущев отмечал, что «состав Политбюро ЦК ВКП(б) Украины почти весь, за исключением единиц, оказался вражеским». Во время приезда Ежова Хрущев заверял: «Мы врагов доконаем на Украине».

Успенский понимал, что за массовые репрессии невиновных лиц рано или поздно придется нести ответственность, и решил имитировать самоубийство и уйти на нелегальное положение по фиктивным документам оперативного прикрытия на другое лицо. К этому времени стали ходить слухи о шаткости положения наркома Ежова, на которого уже нельзя опереться и списать проделки на Украине, и это оказалось правдой.

В один из осенних дней ноября 1938 года в своем служебном кабинете в Киеве не появился на работе нарком внутренних дел, комиссар госбезопасности 3 ранга Успенский. Оставив дома жену и сына, он утром ушел на работу и просто для всех исчез. Местонахождение наркома было неизвестно около пяти месяцев. По всей стране осуществлялся его активный, но безрезультатный поиск. Как обычно, в чекистских кругах выдвигались различного рода версии, строились догадки, вплоть до такой, что Успенский стал изменником Родины и бежал за кордон – в Румынию или Польшу. Сумел же в эти дни под предлогом встречи с зарубежным агентом уйти в Японию и не вернуться в СССР начальник НКВД Дальневосточного края Люшков, ранее работавший на Украине.

Но случившееся в Киеве не находило здравого объяснения. Невиданный случай: пропал нарком республики. Не вносила ясности и оставленная им в кабинете краткая записка: «Не могу так жить дальше. Мой труп ищите в Днепре».

Заметая следы, Успенский скрывался в Курске, Архангельске, Калуге. Несколько месяцев он провел в Муроме у любовницы, жены арестованного ответственного друга, сотрудника Лубянки, а потом скитался в поисках укромного местечка по Уралу. Ориентировка на задержание была направлена во все территориальные органы, и в апреле 1939 года он был арестован в Челябинской области.

На допросе бывший нарком показал, что мысль о бегстве, которое он предпринял для того, чтобы избежать грозившего ему ареста, возникла у него под воздействием разговора, имевшего место на даче Ежова. И когда утром 14 ноября 1938 года Успенскому позвонил Ежов, то его слова: «Тебя вызывают в Москву, плохи твои дела», он понял как сигнал, предупреждение о грозящем аресте. «Передо мной встала дилемма: или стреляться, или попытаться скрыться, я предпочел последнее», воспользовавшись советом Ежова, недвусмысленно высказанным им в конце разговора: «А в общем ты сам смотри, как тебе ехать и куда именно ехать».

В январе 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Успенского к расстрелу.

Каким Успенский останется в истории: сотрудником ЧК, который по «рецидиву» проснувшейся совести не захотел участвовать в дальнейших репрессиях и добровольно своим безрассудным поступком обрек себя на погибель? Или трусом, испугавшимся размаха развернутых арестов за короткий срок пребывания его в должности наркома и неизбежной личной ответственности за содеянное, понимая, что Москва не защитит? Или фальсификатором и жестоким исполнителем сталинской политики чисток рядов коммунистической партии, старых большевиков, высших кадров Красной армии, ветеранов ЧК, представителей интеллигенции, специалистов, рядовых тружеников как на Украине, так и в Сибири? Какое место отведено в истории органов безопасности Александру Успенскому, и вспомнит ли кто-либо из наших современников его имя?..

Не стало Ежова, не стало Успенского. Новый нарком внутренних дел Берия в декабре 1938 года назначил исполняющим обязанности наркома внутренних дел Украины Амаяка Кобулова, старший брат которого, Богдан, являлся заместителем Берии в союзном НКВД. Старший лейтенант госбезопасности продолжил «наводить порядок» в Киеве и разоблачил «антисоветский заговор в НКВД Украины во главе с наркомом Успенским».

«Украинский Кобулов был еще мальчишкой и довольно неподготовленным», – так отозвался о нем Хрущев. Об Амаяке известно, что он имел образование в пределах пяти классов торговой школы (высшее образование получил после войны) и непомерные амбиции. В

1939 году он направляется за границу в качестве руководителя берлинской резидентуры, где ему был подставлен агент-двойник «Лицеист», через которого фашистские спецслужбы сумели успешно провести операцию по прямой дезинформации советского руководства.

Уничтожение наркомов внутренних дел Украинской ССР продолжилось: по делу Берии в 1955 году были расстреляны и А. Кобулов, и П. Мешик, бывшие короткое время руководителями органов безопасности республики. Кобулову вменялось то, что он являлся активным участником антисоветской заговорщической группы Берии, виновен в развале работы советской разведки в Германии накануне войны, нарушении законности и фальсификации следственных дел. Оправдываясь в применении пыток, А. Кобулов упомянул об указаниях руководства партии применять меры физического воздействия к арестованным врагам и полученном указании Сталина по этому вопросу.

Глава третья
Они возглавляли КГБ Украины

Спустя год после смерти Сталина указом Верховного совета СССР в марте 1954 года образуется новая спецслужба – Комитет госбезопасности при Совете министров СССР.

Народная мудрость гласит, что «новая метла по-новому метет». Пришедший к власти Никита Хрущев принял деятельное участие в реформе оставшейся в наследство громоздкой правоохранительной системы – выделении государственной безопасности из органов внутренних дел в самостоятельный орган. Создав Комитет с приставкой «при Совете министров СССР», он понизил его статус до рядового комитета, хотя в структуре правительства действовали государственные комитеты с полномочиями, близкими к министерским.

Бывший нарком внутренних дел Украинской ССР Иван Серов назначается первым председателем КГБ. Он был близок Хрущеву, работал с ним на Украине, выступал в его поддержку, будучи осведомленным о превышении им полномочий и многих незаконных акциях в союзной республике. Соратники Хрущева обвиняли Серова в том, что после войны тот вывез из Германии много имущества и ценностей (и не только он, упоминался даже Жуков). Никита Сергеевич не поднимал шума, зная, что не один Серов грешил этим.

Хрущев встретился с руководящим составом созданного Комитета. Основные принципиальные тезисы его выступления сводились к следующему: роль контрразведки в стране чрезмерно раздута, нет необходимости содержать большие штаты. Он спешил объявить, что в стране нет арестованных по политическим мотивам, что было далеко от истины. Как и в других многочисленных заявлениях по различной проблематике, проявлял явный волюнтаризм, как бы оправдывая характеристику Уинстона Черчилля: «Хрущев – великий человек, но невозможно перепрыгнуть пропасть в два приема».

Если Комитет «при Совете министров», то, естественно, должна развернуться борьба за влияние на спецслужбу между партийной и исполнительной властями. Для Хрущева КГБ – это «глаза и уши партии». Но тогдашний председатель Совета министров СССР Николай Булганин стремился к тому, чтобы КГБ подчинялся и Совету министров, а не только ЦК. В период острой борьбы за власть Хрущев, организовав арест Берии и его окружения, не мог позволить, чтобы другие лица командовали органами безопасности. Ведь ему было что скрывать в потаенных архивах госбезопасности, связанных, в частности, с его личностью и неблаговидными делами. Некуда деваться, ведь он – главный зачинщик массового террора на Украине, который требовал к тому же больших масштабов репрессий. Хрущев громче и яростнее всех разоблачал, арестовывал людей, будучи главой страшных внесудебных «троек» на Украине и в Москве. Долгое время изымались и уничтожались архивы, Хрущев отвлекал людей от своей личной причастности к произволу, сфокусировав гнев на фигуре Сталина.

В 1957 году Серов докладывал в ЦК Хрущеву, что со времени образования КГБ численность личного состава органов госбезопасности сокращена более чем наполовину. Как и в предыдущие годы, чистка коснулась более 16 тысяч сотрудников, уволенных по различным причинам. В Москве из центрального аппарата было изгнано две тысячи сотрудников, из которых 48 – руководители ведущих управлений и отделов. Вместо них по направлению ЦК КПСС прибыло свыше 60 коммунистов с ответственной партийной и советской работы. Обратите внимание, что 23 тысячи сотрудников были привлечены к ответственности за нарушения социалистической законности.

Серов лишился своей должности после скандального разоблачения КГБ преступной деятельности «супершпиона», полковника ГРУ Пеньковского, который передал американской и английской разведкам важнейшие военные секреты страны.

Председателем КГБ был назначен первый секретарь ЦК ВЛКСМ 38-летний Александр Шелепин. При нем была продолжена чистка руководящего эшелона КГБ в целом по стране. Теперь на смену приходили комсомольские вожаки: молодого возраста секретари райкомов, обкомов комсомола становились начальниками городских отделов, областными руководителями подразделений. Смена руководящих кадров, конечно же, была необходима: менялась политическая обстановка, требовались подготовленные и грамотные специалисты. Но ведь и высшее руководство комсомолом, приходившее вместо увольняемых кадровых профессионалов, идеологически и психологически формировалось в тех же условиях сталинских и хрущевских постулатов.

Так продолжалось и после Шелепина, когда КГБ, по протекции Хрущева, возглавил опять же первый секретарь ЦК комсомола Владимир Семичастный. Никита Сергеевич, «крестный отец» Семичастного, благословил молодого вожака украинского комсомола, много сделавшего после войны для восстановления народного хозяйства.

Мне посчастливилось общаться с ним в последние годы его жизни, встречаясь на собраниях кузбасского землячества, изредка в простой, обыденной обстановке. Он сохранил государственный подход к событиям прошедших лет, рассказывал мне об украинском периоде жизни, многих эпизодах профессиональной деятельности в КГБ. Но это – отдельная тема, весьма заманчивая.

С приходом Андропова наименование Комитета утратило приставку «при Совете министров», что существенно сказалось на укреплении положения органов государственной безопасности.

Руководители Комитета государственной безопасности Украины

КГБ республики со времени его создания в 1954 году возглавляли:

– 1954–1970 годы – генерал-полковник Виталий Федорович Никитченко;

– 1970–1982 годы – генерал армии Виталий Васильевич Федорчук;

– 1982–1987 годы – генерал-лейтенант Степан Нестерович Муха.

На мою службу в органах госбезопасности выпали последние годы советской власти (1987–1991), я оказался последним в истории председателем КГБ Советской Украины.

До образования КГБ республики сотрудники органов безопасности Украины прошли славный, трудный и героический путь. Я уже отмечал, что в предвоенные годы для чекистов

Украины не было более важной задачи, чем вскрытие и пресечение разведывательно-подрывной деятельности со стороны фашистской Германии, войска которой уже приближались к западным границам СССР.

В 1940 и в первой половине 1941 года контрразведка республики фиксировала увеличение численности заброшенной в СССР агентуры немецкой разведки в 14 раз! В канун Великой Отечественной войны в Украинской ССР было раскрыто 20 резидентур и разоблачено свыше 500 немецких шпионов и диверсантов, заброшенных на территорию республики.

Пограничные войска, входившие в НКВД, в начале войны приобрели неувядаемую славу. Фашистские агрессоры планировали всего за несколько часов уничтожить пограничные заставы на Украине, но многие из них стойко сражались в течение нескольких недель. Кадровые сотрудники госбезопасности Украины вместе с пограничниками в годы войны создавали партизанские отряды, боевые разведывательно-диверсионные группы, выявляли и уничтожали агентуру и пособников противника. Можно с полным основанием сказать, что чекисты Украины внесли достойный вклад в общее дело разгрома фашизма. За годы Великой Отечественной войны они подготовили и забросили во вражеский тыл 677 оперативных и разведывательно-диверсионных групп, из них 59 – на территорию сопредельных европейских государств, создали 778 партизанских отрядов общей численностью около 29 тысяч человек, разоблачили

6952 агента разведывательных и контрразведывательных органов гитлеровской Германии и ее союзников.

Большой заслугой украинских чекистов в предвоенный период явился срыв планов немецкой разведки и националистических главарей за кордоном подготовить мятеж в западных областях Украины, который намечалось использовать для провоцирования военного столкновения.

В 1987 году, не называя фамилии, мною была раскрыта для общественности разведывательная деятельность человека необыкновенной судьбы. В западных эмигрантских кругах его знали как офицера армии Деникина, затем он был интернирован в буржуазной Польше, откуда бежал в Германию, где окончил академию художеств. Это был не только талантливый советский разведчик, но и одаренный художник, получивший известность за рубежом. В июне 1940 года он сумел установить близкие отношения с ответственными сотрудниками Министерства пропаганды фашистской Германии, завоевал их доверие и собрал через них достоверные данные о том, что германское правительство ведет активную подготовку к войне с Советским Союзом. Он сообщил в центр, что фашистские главари предпринимают все меры к тому, чтобы скрыть свои приготовления к агрессии и не дать советской стороне повода для обвинений в несоблюдении договора о ненападении.

Этот разведчик установил механизм складывающегося альянса фашистов с закордонными центрами ОУН, которые должны были в составе вооруженных формирований под флагом борьбы за «самостийну Украину» участвовать в нападении на нашу страну. Накануне войны он сообщал о выпуске военных немецко-украинских разговорников, новейших военно-топографических справочников по областям Украины. Добыл секретные материалы военной тематики. Поступавшая от разведчика информация докладывалась Сталину.

Спустя время первый руководитель украинской разведки Александр Шарков назвал фамилию этого разведчика – Глущенко Николай Петрович, человек героической судьбы, – и предал гласности ранее секретные моменты его разведывательной деятельности. Перед войной Глущенко встречался в Германии с министром иностранных дел нацистов фон Риббентропом, а от Адольфа Гитлера получил персональный подарок – альбом личных акварелей фюрера (альбом исчез). Самому Глущенко было присвоено звание народного художника СССР. Похоронен он в Киеве; более тысячи своих картин выдающийся художник и разведчик передал в дар украинскому народу.

В украинской печати мною приводились и другие малоизвестные факты о мужественной работе советских чекистов в годы Великой Отечественной войны. В частности, в оккупированном Киеве действовала разведывательно-диверсионная группа известного разведчика Ивана Кудри, Героя Советского Союза. Там же находилась разведывательная группа в составе шести человек под руководством чекиста Михайлова. Вот как характеризовались действия этой группы в одном из отчетов начальника немецкой полиции безопасности: «После вступления германских войск в Киев, он (Михайлов) жил под фамилией немецкого барона и занимался здесь комиссионной торговлей. Выдавая себя за фольксдойче, он играл существенную роль в общественной жизни Киева. Ему удалось установить контакт и войти в доверие к гражданским и военным лицам оккупационной администрации». В конце 1942 года группу Михайлова немцы разоблачили в результате предательства.

С начала войны и до создания в июле 1942 года Штаба партизанского движения Украины на органы госбезопасности было возложено формирование и руководство забрасываемыми в тыл врага разведчиками, разведывательно-диверсионными группами.

В мое время продолжало работать небольшое число сотрудников, участвовавших в боях в годы Отечественной войны в партизанских отрядах, в вооруженной «войне после войны», на западных землях Украины, когда шла ликвидация банд ОУН – УПА. Мы смотрели на них:

Святогорова, Радула, Стехова, Шарубалко, Гэльского, Куприенко, Высоцкого, Черпака – как на героев, осуществивших классические по мастерству контрразведывательные операции.

К 1954 году на Украине было официально заявлено о ликвидации организованного ауновского националистического подполья, которое вело вооруженную борьбу с советской властью. Представьте себе масштабы, когда только по официальным данным в 1944–1953 годах было арестовано около 105 тысяч бандитов, участников ОУН, а также пособников, подозреваемых в организационных преступных связях с подпольем ОУН.

В 1945–1954 годах за различного рода антисоветские преступления было арестовано 43 379 человек, из них 36 340 выходцев из западных областей Украины. В этот же период из западных областей выслано на спецпоселение в Сибирь около 66 тысяч семей.

В послевоенные годы шла ликвидация вооруженного подполья на Украине, в республиках Прибалтики. Бандеровцы и «лесные братья» во время и после войны сотрудничали с немецкими оккупантами, терроризировали представителей советской власти, грабили и убивали просоветски настроенное местное население. Масштабы преступлений, совершенных бандами ОУН – УПА, огромны. Имеются сведения, что в ходе чекистско-войсковых операций у них было изъято: один самолет, две бронемашины, 61 артиллерийская пушка, 595 минометов, 844 станковых и 8327 ручных пулеметов, 22 тысячи пистолетов, 100 тысяч гранат и около 12 миллионов патронов.

Далее приведу краткую характеристику руководителей КГБ УССР с точки зрения присущих им стиля и методов работы.

Виталий Никитченко

По свидетельству современников, под руководством Виталия Федоровича Никитченко, первого председателя КГБ Украинской ССР, удалось успешно решить задачи перехода от послевоенных репрессивных методов работы органов госбезопасности, диктуемых разоблачением немецко-фашистской агентуры, пособников, карателей и ликвидацией бандитского подполья ОУН – УПА, к политике широкого предупредительно-профилактического воздействия.

В 1970 году Никитченко был переведен в Москву и возглавил Высшую школу КГБ СССР, ведущее учебное заведение органов госбезопасности (в 1992 году преобразовано в Академию Министерства безопасности России). Под его руководством школа превратилась в крупное специализированное учебное заведение с многопрофильным высшим образованием: юридическим, контрразведывательным, математическим, а также с обязательным преподаванием курсантам одного или двух иностранных языков.

С Никитченко я не был близко знаком. В 1967 году он принимал меня в составе нескольких оперативных сотрудников территориальных органов, зачисленных на учебу в аспирантуру Высшей школы КГБ СССР.

После моего назначения на пост председателя КГБ УССР мой помощник Анатолий Кожемякин ознакомил меня с письмом Никитченко на имя прежнего руководства Комитета республики с просьбой оказать помощь в возвращении из Москвы в Киев. По непонятной мне причине этот вопрос длительное время не решался. Я осмелился позвонить в Москву Никитченко и выяснить, не отказался ли он от желания возвратиться на жительство в Киев. Помню, что когда я доложил Щербицкому решение Никитченко, он очень тепло вспоминал о его работе на Украине, высоко отзывался о деловых и личных качествах. Более того, Щербицкий тут же распорядился выделить ему квартиру из своего резерва, в улучшенном цековском доме. После переезда Никитченко в Киев у меня состоялось с ним несколько житейских телефонных разговоров. Приближалось 80-летие этого заслуженного человека. В день его рождения мы пригласили ветеранов, бывших республиканских и областных руководителей, которые трудились в свое время под непосредственным руководством Никитченко. Все мы: и нынешние руководи-

тели КГБ УССР, и заслуженные ветераны украинских органов безопасности – были переполнены восхищением от встречи с Никитченко, его волнующих воспоминаний. При вручении поздравительного адреса начальник Львовского управления Полудень в полной генеральской форме встал на колени перед своим бывшим руководителем.

Мне запомнились сказанные Никитченко слова: «Мои друзья! Вы даже не представляете, что сделали для меня этой трехчасовой встречей. Вы продлили мне жизнь минимум на пять лет».

Прощание с ним состоялось в 1992 году. Тогда меня уже не было на Украине.

После ликвидации организованного вооруженного националистического сопротивления менялись направленность, формы и методы работы КГБ Украины. Комитет перестраивал свою работу, активно переходил к новым направлениям чекистской деятельности, главным образом нацеленности на противодействие подрывным акциям со стороны иностранных разведок и враждебных антисоветских, националистических зарубежных центров. Стало уделяться внимание индивидуальной профилактике, идейному влиянию и переубеждению авторитетов и главарей ОУН – УПА, а также устранению причин, порождающих националистические проявления в республике.

Борьбу с вооруженным подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, которые приводят к ответным акциям. Чем сильнее карательные акции властей, тем ожесточеннее сопротивление. Вовлечение в подпольную вражду десятков тысяч жителей западных областей придавало братоубийственный характер, крайнюю остроту и обоюдную жестокость. Каждый верил в свои идеи и погибал за Украину: один – за советскую, другой – за «в^ьну», свободную.

Известный украинский чекист М. Гавяз отмечал, что под руководством Никитченко внедрялся новый стиль работы: дух демократичности и интеллигентности, анализа и творчества, поиска новых форм и методов оперативной деятельности. Провозглашался отход от застарелых установок и догм – от тотальной слежки в обществе.

Никитченко в системе органов КГБ УССР стал прививать научный, аналитический подход к организации оперативной деятельности. В 1967 году создается самостоятельный информационно-аналитический отдел, вырабатывается идеология единой системы информационного обеспечения службы контрразведки.

В 1959 году по инициативе Никитченко создается украинская разведка – первое управление КГБ УССР, которое вплотную стало заниматься полномасштабной разработкой иностранных спецслужб и закордонных центров ОУН. Не боюсь преувеличения, но в последние годы советской власти разведывательное управление превратилось в высокопрофессиональную службу, решающую задачи внешнеполитической, научно-технической и нелегальной разведки. Суверенная Украина получила мощное по оперативным возможностям и интеллектуальному потенциалу разведывательное наследие.

КГБ УССР, разведка и контрразведка добились определенных результатов в проникновении в иностранные спецслужбы и зарубежные центры ОУН, что позволило контролировать более десяти законспирированных нелегальных каналов связи главарей закордонных банд ОУН с единомышленниками в республике. Подготовленные спецслужбами эмиссары ОУН стали выходить на диссидентствующие элементы в республике, оказывали им материальную и финансовую помощь, способствовали нелегальному вывозу за границу материалов самиздата.

Необходимо отметить, что в тот период многие разрабатываемые националистические элементы оказывались в поле зрения КГБ именно через их нелегальные контакты с западными эмиссарами, которые нами контролировались. Главари закордонных ОУН делали медвежью услугу своим тайным визави в республике; при контактах с эмиссарами ОУН многие антисоветские элементы были разоблачены и привлечены к уголовной ответственности. Проводились

также аресты и задержания ряда эмиссаров ОУН из числа иностранных граждан, что сопровождалось международными скандалами, пропагандистским разоблачением подрывных акций противника.

Виталий Федорчук

Чекистские биография и карьера Виталия Васильевича Федорчука богаты реальными событиями и легендами. Он – выходец из бедной украинской семьи, уважаемой среди односельчан. Когда я, будучи депутатом Верховного совета республики, посещал входивший в избирательный округ Ружинский район Житомирщины, мне показывали его родное село и бьющий из-под земли ухоженный «родник Федорчуков» с кристально чистой водой.

Федорчук прибыл в Киев вместо Никитченко в 1970 году. «Посмотрим, что получится, но я ничего доброго от этой смены не ожидаю», – отреагировал первый секретарь ЦК КПУ Петр Ефимович Шелест. Назначение нового председателя КГБ из Москвы было произведено без учета его мнения.

С приходом Федорчука были проведены довольно широкие по тем временам аресты националистических элементов из числа творческой интеллигенции.

В 1972 году был освобожден от должности Шелест, которому приписывали недостаточную борьбу с явлениями украинского буржуазного национализма. Не стал ли он жертвой Федорчука, которому украинские националисты виделись на всех должностях, включая и пост секретаря ЦК? На Украине многие партийные работники считали именно так. Вместо Шелеста был назначен Владимир Васильевич Щербицкий.

Гонения на представителей интеллигенции продолжились, арестовывались И. Дзюба, Е. Сверстюк, И. Светличный, Л. Лукьяненко и другие. В 1977–1978 годах вслед за московскими были репрессированы создатели Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинских соглашений. Преследованиям подвергались авторы талантливых литературных произведений: О. Гончар, В. Дрозд, В. Некрасов, М. Руденко, Н. Бердник и другие.

Когда известный украинский писатель О. Гончар, проявляя свою независимость, отказался критиковать труд И. Дзюбы «Интернационализм или русификация», ставший программным исследованием демократически настроенных оппозиционеров, в ЦК требовали исключить его из партии и даже привлечь к уголовной ответственности. Секретарь ЦК КПУ Я. Погребняк вспоминает, что председатель Верховного совета СССР Н. Подгорный отреагировал на это требование Шелеста дословно: «Петро, тебя, меня посадят – мир не вздрогнет, а если посадят О. Гончара, то это взбудоражит весь мир».

Диссидентское движение на Украине использовало все формы и методы правозащитной деятельности, присущие единомышленникам в Москве. Но с самого зарождения ему была характерна откровенно националистическая окраска – призывы к борьбе против насильственной русификации, за независимость республики.

Либерализация общественно-политической жизни в период хрущевской оттепели расширила национальное самовыражение творческой интеллигенции, позволила сформироваться поколению шестидесятников: такие имена, как Д. Павлычко, Б. Олейник, И. Драч, В. Стус, Е. Сверстюк, И. Дзюба, Л. Костенко, оказали огромное влияние на культурное развитие украинского народа. Они выступали за устранение перегибов сталинизма, обеспечение украинскому языку ведущей роли в образовании и культурной деятельности в республике. Так называемое диссидентское движение рассматривалось как оппозиция коммунистической идеологии, проявление ростков национально-освободительного движения, зарождающегося социально-политического протеста интеллигенции против режима советской власти. Эти выступления часто шли на грани и вразрез с действующим законом, нарушали Уголовный кодекс и обоснованно пресекались в соответствии с нормами права.

«Вместе с идеологическим, моральным террором, который проводил Маланчук (секретарь ЦК КПУ), репрессивные методы КГБ создавали тяжелую атмосферу, которая отражала процессы, протекавшие во всей стране…» – отмечал доктор наук В. Врублевский, помощник Щербицкого.

Когда на Украине осуществлялись аресты в среде интеллигенции, в других союзных республиках, даже в бурлящей Прибалтике, подобных фактов уголовных преследований были единицы или вовсе не было. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев отмечал, что у них в республике диссидентов среди творческой интеллигенции не было. «Но, может быть, диссидентов не было именно потому, что мы их вообще не искали».

Бобков вспоминает, что среди украинских республиканских руководителей не было единомыслия по национальным проблемам: одни призывали к крутым расправам, усматривая крамолу в любых попытках защитить национальную культуру, любых проявлениях национальных чувств, другие, наоборот, заигрывали с националистами, всячески поощряя их. Вместо активной идеологической работы партийные органы пошли по другому пути: стремились покарать представителей творческой интеллигенции руками КГБ и мерами, которые уместны только по отношению к закоренелым уголовным преступникам.

При Федорчуке были проведены мероприятия по нейтрализации националистических проявлений: проводилась «централизованная групповая оперативная разработка по делу «Блок». Это была местная инициатива. Действия Федорчука по заведению дела «Блок» встревожили самого Шелеста, который отмечал в дневнике, что это предполагало наличие организованной антисоветской деятельности в республиканском масштабе, чего в те годы, естественно, не существовало. Докладные записки по этому делу в адрес руководства КГБ СССР направлялись Федорчуком с обычным резюме: «С Политбюро ЦК КПУ (или с В. Щербицким) проводимые мероприятия согласованы».

Я работал в Москве, когда в отдел приходили подобные сообщения, и мы реагировали таким образом, что члену коллегии КГБ СССР Федорчуку на месте виднее, «кого судить, а кого миловать». Для объективности следует сказать, что действия некоторых диссидентов давали основания для привлечения к уголовной ответственности. Так считали не только органы безопасности, но и прокуроры и судьи республики. Заместитель начальника 5-го управления КГБ Украины М. Гавяз вспоминает, что «сотрудник центра Н. Голушко в личной беседе сказал мне, что «Блок» курирует непосредственно ЦК Компартии Украины и нам нет необходимости вмешиваться в это дело». П. Подгайного, недавнего сотрудника Полтавского управления КГБ, интересовали, прежде всего, докладные из Киева.

Никто и не сомневается, что известное «централизованное дело «Блок», по которому оперативно разрабатывались до двухсот объектов во всех регионах республики, это детище Федорчука. Он лично вникал в разработку каждого объекта и тем самым, можно сказать, вершил его судьбу. Привлекало внимание тогда не столько содержание этих докладных, сколько то, что Федорчук в отпечатанный текст в самых важных его местах вносил собственной рукой зелеными чернилами существенные правки. «Меня поразила тогда, – вспоминает Подгайный, – такая культура подготовки документов, которые направлялись руководству КГБ Союза. Но со временем я понял, что дело тут совсем в ином: Москва должна была видеть ретивость своего посланника на Украину».

Расправившись с доморощенными диссидентами, Федорчук стал направлять депеши о том, что нелегальный центр украинского национализма переместился в Москву. Назывались некоторые московские связи украинских шестидесятников: чаще всего фигурировали фамилии аспирантов из Украины и режиссера московского театра Леся Танюка, будущего члена Президиума Верховного совета Украины.

Проводимые аресты по делу «Блок» вызывали волну недовольства не только среди оппозиции. По этой причине проводились кадровые чистки в самом Комитете. Заместитель пред-

седателя КГБ генерал Н. Трояк высказывал сомнение в правильности линии на применение репрессивных мер в отношении творческой интеллигенции и был отправлен на работу за границу. Другой заместитель председателя КГБ генерал Крикун, выступивший с отличными от Федорчука оценками оперативной работы органов госбезопасности Украины, был с понижением назначен начальником курсов переподготовки кадров КГБ в Киеве.

Федорчук был нетерпим к малейшим попыткам подчиненных скорректировать его стиль и методы особиста, воспринимал это как своего рода оппозицию, саботаж в собственной среде. Так, начальник УКГБ по Киевской области генерал В. Фисенко был переведен на другую работу за выступление на коллегии КГБ с критикой внедряемых без разбора Федорчуком показателей в оперативной работе, что порождало формализм, погоню за цифрами, снижение ответственности за ее качество. «Про какую борьбу с украинским буржуазным национализмом может идти речь, – говорил Федорчук, – если первый заместитель председателя Комитета приходил на работу в вышиванщ» (традиционная украинская рубашка).

Врублевский отмечал, что под лозунгом борьбы с национализмом началась систематическая работа по закручиванию гаек. Не просто борьба с инакомыслием, как, скажем, в Москве, а, по сути, выравнивание, а то и выкорчевывание всех каких-нибудь политических ростков украинской культуры под неизменный идеологический шаблон.

Неожиданно привлекло внимание последнее интервью престарелого Федорчука в январе 2007 года украинскому еженедельнику «2000», в котором он пытался переложить ответственность за проведенные им дела на Украине на других лиц. На вопрос журналиста: «Как, почему и кто сажал диссидентов?» Федорчук ответил: «Когда я был председателем КГБ Украины, Андропов требовал, чтобы мы ежегодно в Украине сажали 10–15 человек. И мне стоило невероятных усилий, вплоть до конфиденциальных обращений к Л. Брежневу, чтобы количество украинских диссидентов ежегодно ограничивалось двумя-тремя лицами». Досталось от Федорчука и Горбачеву, которого он именует «выкормышем и учеником Андропова», завершившим дело своего учителя – развалил и бросил на поругание иностранцам СССР.

Содержание этого интервью мне переслал из Киева заместитель председателя КГБ Украинской ССР генерал В. Пыхтин, который, в частности, писал: «Не могу не сказать о негативной реакции, которую оно (интервью – *прим. авт)* вызвало в среде моих бывших коллег (зампредов и не только), с которыми мы обменялись мнениями.

Зам. по разведке: «Я в жизни не думал, что он способен на такую подлость. Его в Москве не приняли, его там не любили, он и там славился «дураковатым». А он – злопамятный, озлобился до невозможного. Это же идиотизм, что Москва требовала сажать по 10–15 человек. Наоборот, они говорили: «Не увлекайтесь! У вас есть ЦК, согласовывайте с ним».

Зам. по контрразведке: «Чепуха какая-то. Никакой команды из Москвы не было, глупость, что разнарядка была. Это он давал разнарядки…»

Зам. по 5-й линии: «Мне грустно стало, когда прочел. Может, это провокация: написали, что он и не говорил? Звонили Бобкову, чтоб тот поговорил с ним».

Лично я с Федорчуком не работал, знал его со стороны. Но его методы работы с людьми, которые бывали и после его ухода и с которыми я столкнулся, для меня были неприемлемы. Не вызывает сомнения, кому выгодно это интервью. Жаль молодых людей, у которых подобным образом формируют негативный образ прошлого».

Федорчуку был присущ жесткий, полувоенный стиль в работе, который приводил к неоправданной строгости, палочной дисциплине, массе формальностей и отчетов. Он был вынесен им из многолетней работы в военной контрразведке, Смерше и особых отделах в Вооруженных силах страны. О подобных военных контрразведчиках говорили, что «в армии они – чекисты, а в органах КГБ – военные».

Насколько мне известно, его стиль не был воспринят коллективом чекистов Украины. К примеру, когда решался вопрос о повышении в должности вернувшегося после ранения в

Афганистане подполковника А. Нездоли, на коллегии КГБ УССР заместитель председателя по кадрам В. Рябоконь обратился к В. Федорчуку: «Да, подполковник себя хорошо зарекомендовал, успешно командовал в Афганистане, но он же не сдал квартиру, когда переводился во Львов. И если мы его назначим, это будет плохой прецедент для других…» В Афганистане Александр Нездоля был начальником штаба украинского спецназа «Карпаты» из 250 человек; он не прятался за спины, мужественно воевал, сохранил жизнь подчиненных бойцов, получил высокие награды. Неужели все это значит меньше, чем формальное нарушение служебной инструкции о сдаче квартиры?

Врублевский отмечает, что жесткие действия Федорчука нельзя понимать упрощенно. По его словам, в КГБ республики работали многие честные и умные профессионалы. Они видели пороки тоталитарной системы, пытались нейтрализовать радикализм своего руководителя, ждали демократических реформ. 5-е управление возглавляли сотрудники, не «отличающиеся какой-то особой кровожадностью, ненавистью к национальной интеллигенции».

Бытовала такая шутка, что когда Федорчук уехал из Киева в Москву, то подчиненные сотрудники целовали рельсы, по которым поезд ушел в столицу нашей Родины… С переводом Федорчука в Москву, как отмечает ответственный сотрудник ЦК, «республика освобождалась от слишком пристальной опеки КГБ».

Назначенный министром внутренних дел, он с упорством и убежденностью повышал профессионализм, ответственность и дисциплину, многое сделал для избавления от коррумпированных сотрудников, которые нарушали законность, имели неслужебные связи с уголовным миром, боролся с укрывательством преступлений. Не боялся вести дела, по которым проходили высокие должностные лица – партийная номенклатура. За время его службы в министерстве (1983–1986) по компрометирующим мотивам из МВД уволены около 80 000 сотрудников милиции. Кто с ним работал, отмечают его трудолюбие, заоблачную требовательность, доходившую до унижения людей, но также честность и бескорыстие. В старости он остался без родных, в одиночестве, не принятый в ветеранских коллективах КГБ и МВД.

На похоронах Федорчука в конце 2008 года (из родных присутствовала только внучка) председатель Совета ветеранов МВД России генерал-полковник И. Шилов (мой кемеровский земляк) и я сказали о нем теплые слова.

Степан Муха

Назначенный руководителем украинского КГБ Степан Нестерович Муха не был профессионалом и считался «карманным председателем». Он пришел в КГБ Украины из аппарата ЦК КПУ, не будучи осведомленным о деятельности спецслужб, без правовых знаний и оперативного опыта работы. Считалось, что назначение из «местных» кадров состоялось в условиях жесткой конкуренции ЦК КПУ и московского центра за приоритеты в руководстве важным республиканским органом, каким являлся КГБ Украинской ССР. Возглавлять, что прикажут, было типичным для некоторых партийных назначенцев, которые по призыву свыше готовы быть исправными «жнецами и кузнецами» и на «дуде могли играть».

По стилю работы руководящего состава после Федорчука и царящей в связи с этим обстановке в коллективе украинское КГБ снискало не лучшую оценку со стороны КГБ СССР.

В одном из республиканских изданий я вычитал о том, что партийно-государственные органы УССР действовали по принципу: «когда в Москве стригут ногти, в Киеве рубят пальцы». Резкая критика стиля руководства Мухи, не отвечающего современным условиям и духу времени, последовала от его заместителей. Не вдаваясь в детали, можно отметить, что в Киев была вынуждена выехать бригада Комитета с участием заместителя председателя КГБ СССР Г. Агеева и начальника Инспекторского управления С. Толкунова и провести кадровые изменения.

За период службы у меня было принципиальное правило: в беседах с подчиненными и выступлениях на совещаниях я ни разу не упоминал фамилий Федорчука и Мухи, не сравнивал свои действия и решения с тем, как было до меня. Менялся стиль работы, устранялись прежние ошибочные установки, но без упоминания личностей своих предшественников.

Часть четвертая
Горячие годы перестройки на Украине

Глава первая
Новый председатель КГБ Украинской ССР – «варяг» из Москвы

В начале мая 1987 года меня пригласил к себе Виктор Михайлович Чебриков и без всяких вступлений сказал, что мне придется перейти на другую работу и покинуть Москву. Поработал, мол, достаточно в центральном аппарате, готовься на самостоятельную должность. Застигнутый врасплох, я абсолютно не ожидал подобного поворота в своей служебной карьере, лишь сумел в растерянности ответить, что в принципе, как солдат, готов нести службу, ведь дальше Сибири не пошлют, а там я уже работал.

– Нет, буду рекомендовать тебя председателем КГБ республики. Поедешь на Украину.

Так за считанные минуты коренным образом изменилась моя дальнейшая профессиональная судьба. Я пробовал возразить, что не во всей полноте знаком со спецификой работы в союзной республике, не владею украинским языком, а главное, не знаю всех особенностей «придворной» жизни, ведь она кружится вокруг Политбюро ЦК Компартии.

– Вот и хорошо, что не знаешь всего этого. Не будешь лезть туда, куда не позволяют твои служебные обязанности и куда тебя не будут приглашать.

Председатель КГБ СССР начал давать подробные советы, как вести себя при прохождении согласования кандидатуры в ЦК, ведь назначение председателя КГБ союзной республики входило в номенклатуру Политбюро ЦК КПСС. Чебриков предупредил, чтобы я никому не говорил о состоявшемся разговоре, пока не встречусь с Щербицким, не получу его согласия и, конечно, окончательное «добро» в ЦК.

9 мая, в праздничный день, меня принял секретарь ЦК КПСС Анатолий Иванович Лукьянов, курировавший правоохранительные органы. Он не был на трибуне Мавзолея, так как дежурил в ЦК. Беседа оказалась длительной и поучительной. Лукьянов был хорошо информирован об обстановке на Украине, охарактеризовал высшее партийно-советское руководство, знакомил с настроениями в обществе, особенно в кругах творческой интеллигенции. Он профессионально размышлял о произведениях украинских писателей и поэтов, их политических пристрастиях. Я тогда не знал, что Лукьянов не только известный политик, но и поэт, публиковавший под псевдонимом «Осенев» прекрасные стихи. Естественно, в деталях велся разговор о положении в КГБ республики, о том, почему принято решение заменить председателя, над которым довлели годы работы, когда прошла недавняя полоса арестов представителей творческой интеллигенции.

И Лукьянов, и Чебриков отметили, что нынешнее руководство КГБ Украины отстает от требований центра по претворению в жизнь линии партии на демократизацию, медленно избавляется от всего застойного и шаблонного. Это мешает коренной перестройке органов госбезопасности. Работать по-периферийному, как работали вчера, невозможно сегодня.

На мои сомнения, впишусь ли я в «придворную жизнь», Лукьянов заметил, что в своей жизни насмотрелся на многое. И видел столько интриг, что от «этого уже тошнит». Он сказал Чебрикову, что остался доволен встречей, будет докладывать Горбачеву свое мнение, и, возможно, меня даже не станут вызывать на предстоящее заседание Политбюро ЦК.

При моем назначении определяющей должна была стать предварительная беседа с Щербицким. Крайне любопытно то, что он завизировал необходимые документы к заседанию Политбюро без проведения личного знакомства со мной. Это было явным исключением из номенклатурных правил. Помню, я долгое время размышлял над тем, что мог означать этот жест долголетнего члена Политбюро ЦК КПСС.

Коммунистическая партия в те времена являлась не только руководящей силой в обществе, но и, по существу, государственной управляющей структурой. Личность первого секретаря ЦК в союзных республиках стояла во главе вершины пирамиды реальной власти; глава компартии был к тому же непосредственным политическим руководителем органов государственной безопасности на территории своей республики.

После заседания Политбюро ЦК КПСС, на котором решалась моя дальнейшая участь, в конце дня мы встретились в представительстве (ныне посольство) Украинской ССР в Москве. Щербицкий интересовался моей биографией, карьерным ростом и практическим опытом работы. В разговоре была затронута болезненная для кандидата на высокую республиканскую должность тема – знание украинской «мовы». Мой украинский язык был на уровне бытового, сохранившегося в казахстанских степях в третьем поколении нашей семьи; возможности познать литературный украинский язык не имелось, да и разговорной, даже семейной, практики после окончания средней школы и поступления в российский вуз у меня не было. Главным учителем украинского языка, считавшегося в семье родным, была моя бабушка, которая не умела ни писать, ни читать. Во время нашей беседы Владимир Васильевич все-таки предложил перейти на украинский язык. Хотя мой строгий экзаменатор с иронической улыбкой выставил мне оценку, я до сих пор не могу понять, что она означала:

– В Киеве, на Бессарабском рынке, говорят на таком же диалекте, какой у тебя. Хорошо, что сохранились украинские корни, традиции и типичная фамилия. Иначе появился бы очередной повод обвинить меня в проведении русификации, в моем рвении привлекать в республику руководящие кадры со стороны. Этого добра в свой адрес я наслушался немало. Ну, будем вместе работать? – так закончил беседу первый секретарь ЦК Компартии Украинской ССР.

– При Вашем согласии и доверии.

– Постановление Политбюро ЦК КПСС о твоем назначении председателем КГБ республики состоялось.

Щербицкий передал мне выписку из официального постановления ЦК с цековскими печатями и подписью Горбачева.

Своей благородной внешностью и спокойными манерами ведения беседы с одновременным пристальным изучением собеседника Щербицкий оправдывал рассказанное мне о нем Чебриковым. Они хорошо знали друг друга с послевоенных лет. Оба – боевые офицеры Великой Отечественной войны, вместе начинали партийную работу в Днепропетровске, причем Чебриков находился в подчинении у Щербицкого.

Перед моим отъездом в Киев Чебриков в своем напутствии изложил несколько житейских рекомендаций, как должен вести себя современный руководитель. Не буду затруднять читателя их изложением, но они мне очень пригодились в дальнейшем. К примеру, он наставлял «не возникать» в республиканской прессе и телевидении до тех пор, пока своим трудом не завоюешь уважение и не докажешь, что тебе есть, о чем сказать украинскому народу относительно деятельности КГБ. Твоя должность такова, учил Чебриков, что чем меньше наговоришь, тем лучше для дела. Я следовал этому совету и обозначился интервью в республиканской прессе только через полгода работы в Киеве, хотя журналисты обхаживали с первых дней, и я никогда не избегал общения с ними.

Инструктажа по служебным проблемам Чебриков мне не давал, видимо, доверял и знал по работе мои возможности. Но вспоминаются интересные детали: председатель КГБ СССР по-отечески продолжал давать советы, казалось, по несущественным житейским вопросам. «К

тебе будут искать подходы, набиваться в друзья и приятели порядочные и не совсем такие люди. Но при этом не старайся заводить быструю дружбу, не ходи по приглашениям в гости, в рестораны и ни с кем не выпивай. Через полгода определишься сам, и я тебе подскажу, с кем можно поддерживать дружеские отношения». Первым человеком, фамилию которого он назвал мне спустя некоторое время, являлся помощник Щербицкого Константин Константинович Продан. В том, что с этим исключительно порядочным, внимательным, мудрым человеком можно было советоваться и доверять ему, я убедился и сам.

Оказывается, обязанность наставлять «на путь праведный» своих сотрудников является одним из важных качеств руководителя. Недавно я узнал о себе, что тоже учил подчиненных, «как жить». Генерал Подгайный, с которым мы вместе работали в Москве во втором отделе, так писал обо мне: «До сих пор в памяти его наставления сотрудникам отдела. Это были советы, как мы должны вести себя при выезде в периферийные органы, советы дельные, жизненные и весьма ценные: «Будьте проще в общении с местными сотрудниками, не «надувайте щеки», не требуйте к себе особого внимания, не соблазняйтесь на угощения».

Чебриков, уже расставаясь со мной, вдруг спросил:

– А сам-то ты какие для себя главные задачи определяешь в новой должности? Коллектив украинских чекистов очень сильный, могут и не принять.

– Буду стараться исправить ошибки в чекистском коллективе, если они были, и не наделать новых.

Остался ли Чебриков доволен моим ответом, трудно сказать. По его суровому лицу (всегда без эмоций!) нельзя было определить испытываемые им чувства. Однако он мне посоветовал:

– Работай в республике спокойно, не торопись с выводами и не вибрируй. Щербицкий не даст тебе ни малейшей возможности натворить глупостей.

В мае 1987 года, в самый разгар горбачевской политики перестройки, я прибыл в Киев. В председательском самолете Ту-134 летели три пассажира: заместитель председателя КГБ СССР Владимир Петрович Пирожков, его помощник, мой друг Василий Иванович Кравцов, кандидат юридических наук, и я. Жена отказалась от полета: «Слишком большая честь для тебя и меня лететь спецрейсом» – и приобрела билет на вечерний поезд Москва – Киев.

Украинская ССР жила в нормальной трудовой обстановке, в экономическом плане являлась самой мощной после РСФСР союзной республикой с относительно стабильной общественно-политической обстановкой. На Украине исторически формировалась тяжелая индустрия: металлургическая, энергетическая, угольная промышленность, машиностроение, производство шахторудного оборудования. В украинской промышленности до 40 % составляли предприятия военно-промышленного комплекса, где разрабатывались и изготовлялись новейшие образцы вооружений и военной техники, нередко превосходящие зарубежные аналоги. К отраслям оборонной промышленности относилось около 500 режимных и особо режимных объектов, более 2000 других заводов выполняли смежные оборонные заказы. На этих засекреченных предприятиях органами КГБ осуществлялась контрразведывательная работа, велась защита государственной тайны. В республике было сосредоточено до 25 % предприятий химической промышленности всего Советского Союза, а это всегда риск нарушения экологии, повышенная взрыво- и пожароопасность – явные угрозы для жизни людей

В области сельского хозяйства показатели были исключительно высокими, рекордными по сравнению с другими республиками: урожай собирали по одной тонне зерна на каждого жителя 52-миллионной республики, на душу населения приходилось около 80 кг мяса и 450 л молока, что позволяло УССР в этом отношении входить в десятку самых развитых регионов мира.

Эти данные я выделяю потому, что в силу указанной специфики республике уделялось значительное внимание в разведывательных устремлениях и конкретных подрывных дей-

ствиях иностранных спецслужб. В условиях ведущейся агрессивной «холодной войны» они учитывали своеобразие исторического развития Украины. В частности, обращали внимание на противоречия между восточными и западными регионами, на бывшее в недавнем прошлом вооруженное подполье и наличие значительного контингента репрессированных и враждебно настроенных к советской власти лиц. На Украине, как ни в одной другой союзной республике, установились широкие приграничные контакты с гражданами сопредельных европейских государств, в которых происходили антисоциалистические процессы, поднимали голову контрреволюционные элементы. За рубежом функционировали многочисленные украинские эмигрантские националистические организации, идеологические центры, которые контролировались и финансировались разведорганами западных стран для ведения подрывной деятельности непосредственно против республики.

Органы КГБ учитывали указанные факторы. Это были годы, когда не одно десятилетие наши противники на Западе осуществляли враждебные акции по расшатыванию и развалу социалистического государства. Советский Союз – мощную ядерную державу – нельзя было победить в открытом военном столкновении, а лишь путем, как считали наши недруги, «эрозии социализма», насаждения буржуазной идеологии, устранения от власти коммунистической партии.

В Киеве в день моего приезда состоялось заседание Политбюро ЦК КПУ. Я с заметным волнением наблюдал за входившими в кабинет Щербицкого членами Политбюро – представителями руководящей элиты в республике. Получатся ли у меня, «варяга» из Москвы, нормальные контакты с ними на украинской земле? Ко мне подошла Валентина Семеновна Шевченко, председатель Верховного совета Украинской ССР, единственная во всем СССР такая молодая и красивая женщина среди высокого ранга политиков. Познакомились. Заметив мое волнение, успокоила: «Не волнуйся, все будет хорошо. После заседания Политбюро ЦК я подпишу указ о твоем назначении». Мне было дорого такое неожиданно теплое отношение. Незаметные для других подобные жесты понимания в первые дни моего пребывания в Киеве были особенно важны как добрая поддержка, благословение на совместную работу. Я чувствовал, что начинаю приобретать новых друзей на земле своих предков. Помню, что ко мне не было вопросов после того, как Щербицкий подробно рассказал членам Политбюро ЦК о состоявшемся в Москве решении и его беседе со мной.

После заседания в ЦК КПУ Щербицкий представил меня руководящему составу центрального аппарата КГБ республики. Это было серьезным событием; впоследствии сотрудники делились со мной, что до этого случая первый секретарь ЦК на протяжении длительного времени не посещал здания Комитета. Представление было сугубо официальным: Щербицкий объяснил смену руководителя республиканских органов госбезопасности одной четкой фразой: по этому вопросу состоялось соответствующее решение Политбюро ЦК КПСС, которое поддерживается украинскими партийными инстанциями. Меня несколько удивило, что в своем выступлении перед коллективом он много внимания уделил моему предшественнику Мухе. Позднее мне рассказывали об особой черте характера Щербицкого: он нелегко сходился, а еще болезненнее расставался с близкими ему людьми, с которыми приходилось работать.

Я старался быть кратким: заверил присутствующих сотрудников в том, что с полной ответственностью приступаю к работе в прекрасном коллективе, каким всегда считал чекистов Украинской ССР. Просил не ожидать кадровой революции, работать в обычном трудовом ритме. С каждым руководителем обещал в ближайшее время встретиться, чтобы конкретно обсудить решаемые задачи и перспективу на будущее.

Факт представления меня коллективу Комитета членом Политбюро ЦК КПСС Щербицким имел особое, не только протокольное значение. Такой высокий уровень расценивался как свидетельство внимания к органам государственной безопасности со стороны руководства пар-

тийных органов республики. От КГБ СССР киевским чекистам меня представил заместитель председателя Пирожков.

При тогдашнем могуществе коммунистической партии в стране сложилась определенная традиция – представление вновь назначаемых руководителей ведомств. Тогда считалось (и в этом есть какой-то доверительный смысл!), что от этого во многом будет зависеть дальнейший авторитет представляемого. При выдвижении Андропова на должность председателя КГБ СССР, «чтобы приблизить КГБ и ЦК», его представляли коллегии КГБ СССР сразу три члена Политбюро ЦК КПСС, что было исключительным событием.

Но были и исключения. Например, Бакатин описывает, что сам пришел в серое здание КГБ на Лубянской площади. «Вы, наверное, знаете, – сообщил он членам коллегии КГБ СССР, – что час назад состоялось решение Президента о моем назначении председателем КГБ СССР. Кто-нибудь против?» Молчание. «Тогда будем считать, что я приступил к своим обязанностям».

На первых порах в коллективе меня воспринимали с вполне объяснимой настороженностью и ожиданиями перемен. Распространялись коридорные слухи, в том числе и за пределами стен КГБ, что из Москвы прислали нового человека «наводить порядок» в органах госбезопасности республики.

Я старался не делать крутых перемен: поставил задачу привести эффективность работы коллектива к тем критериям, которые вытекали из требований руководства КГБ СССР, как тогда особенно подчеркивали, и в соответствии с установками ЦК КПСС. В остальном я ориентировался на свой опыт управленческой и агентурно-оперативной деятельности, приобретенный в центральном аппарате КГБ СССР.

На новую должность я не прибыл с собственной командой. Со мной оставался работать весь аппарат предшественника: помощник Анатолий Кожемякин, референт Владимир Фетисов, секретарь приемной Вера и т. д. Необходимо было, как я понимал, соблюдать определенный баланс в отношениях с руководящим и оперативным составом, не поучать или осуждать за прошлые провалы в работе, а, найдя единомышленников, внедрять современные, передовые методы.

В оперативной деятельности я был последователен, не боялся принимать решения, в том числе и острые, но в меру осторожен. Понимал, что если где-нибудь допущу промашку или ошибку, то всю вину будут валить скорее на «привезенные» установки из Москвы, чем на мои собственные просчеты.

Надо было знакомиться с руководящими кадрами в областях и, что для меня было важнее, узнать руководителей партийных и советских органов в 25 областях республики. За короткое время я запомнил имена и отчества первых секретарей областных комитетов партии, чем не мог похвастаться в отношении своих подчиненных – начальников областных управлений.

В процессе знакомств были приятные неожиданности. Так, я встретился с Анатолием Ивановичем Корниенко, заведующим отделом организационной и партийной работы ЦК КПУ, с которым познакомился девять лет назад на Кубе на XI Международном фестивале молодежи и студентов. Тогда он возглавлял комсомол Украины и был признанным лидером молодежи. При знакомстве с партактивом на местах тоже были интересные моменты. Первый секретарь Крымского обкома партии Андрей Николаевич Гиренко во время моей командировки в Крым жаловался на особые сложности обстановки в области. Он мне понравился – умница, мой ровесник, и я как-то пошутил: «Андрей Николаевич, слишком не переживай и не убивайся. Готовься, скоро будешь работать в Москве, а второй секретарь обкома партии, Николай Багров, пусть начинает усиленно изучать крымско-татарский язык, он заменит тебя». Бывают же такие неожиданные совпадения! Действительно, так и случилось: Гиренко вскоре был назначен секретарем ЦК КПСС, уехал в Москву и до сих пор искренне считает, что «КГБ все было заранее известно». Мы продолжаем общаться с ним до настоящего времени как хорошие приятели.

Мне повезло с заместителями. Первым заместителем председателя КГБ являлся Василий Моисеевич Евтушенко, высокий профессионал, требовательный и надежный в делах, прекрасно информированный о внутренних процессах в республике. За организацию разведывательной и контрразведывательной работы отвечали кураторы: опытные и авторитетные генералы Леонид Васильевич Быхов, Юрий Владимирович Петров, Георгий Кириллович Ковтун. По-новому раскрывался организаторский талант генерала Владимира Алексеевича Пыхтина, исключительно интеллигентного и порядочного человека, настоящего воспитателя кадров, пришедшего в органы КГБ из ЦК КПУ Со своими заместителями я проработал весь срок пребывания в Киеве; менялись только первые заместители: после Евтушенко ими были Евгений Кириллович Марчук и Николай Михайлович Шама.

Ориентиры на совершенствование кадровой работы начинали давать результат: оперсостав стал работать раскрепощенно и творчески на конечный результат – делать все зависящее от нас для безопасной жизни граждан Украинской ССР. Внедрился новый стиль при выдвижении командного оперсостава. Кадровый аппарат определился в резерве назначений на руководящую работу. В республике было выделено свыше 300 перспективных сотрудников, с которыми проводилась индивидуальная работа, обращалось внимание на воспитание высоких профессиональных и нравственных качеств. Формирование резерва выдвижения – своеобразной номенклатуры руководящих кадров – стало любимым детищем Пыхтина, который постоянно следил за служебным ростом и моральным обликом отобранных на руководящую работу кандидатов.

В КГБ Украинской ССР при мне проходили службу представители 24 национальностей. Оперативный состав на 97 % состоял из специалистов с высшим образованием. Каждый десятый оперативный сотрудник владел одним-двумя иностранными языками. Как за сорок лет изменился интеллектуальный уровень чекистов Украины, можно судить по таким цифрам: в 1946 году высшее и незаконченное высшее образование имели только 6,3 % сотрудников, среднее – 30 %, незаконченное среднее – 33 %, начальное – 30,7 %.

Именно в это время началось активное выдвижение молодых сотрудников на руководящую работу, на должности с большим объемом работы и ответственности. Мне памятен профессиональный рост в тот период Евгения Кирилловича Марчука, Валерия Васильевича Маликова, Владимира Ивановича Радченко, Леонида Васильевича Деркача, которые в последующем возглавили органы безопасности независимой Украины.

В работе с заместителями я всегда говорил о том, что общей задачей является совершенствование уровня организаторской и управленческой деятельности. Профессионализм сотрудников центрального и областного аппаратов был достаточно высок, проводилась постоянная учеба. Впрочем, и сама действительность требовала от сотрудников «набирать обороты». Для изменения стиля работы я прежде всего покончил с практикой «закручивания гаек», а со временем – с присущими ранее методами неоправданно жесткого административного давления и грубого отношения к кадрам. В таких централизованных структурах, как органы государственной безопасности, со строгой внутренней дисциплиной многое зависит от поступков первого руководителя, его политического и профессионального авторитета, правовых и оперативных знаний, уверенности, убежденности в правоте дела и, конечно, его справедливого отношения к подчиненным.

До приезда на Украину я бывал в служебных командировках в Киеве, Львове, Тернополе, Ивано-Франковске, но глубоким знанием оперативной обстановки, положением дел в центральном аппарате, областных органах безопасности Украины, естественно, в полной мере не обладал. Мои познания ограничивались самыми серьезными разработками против враждебных центров, созданных на территориях проживания украинской диаспоры, а также антисоветской деятельностью экстремистов. В последние несколько лет до прибытия на Украину я

занимался другими проблемами, не связанными с республикой, но в секретариате КГБ СССР у меня имелась возможность знакомиться с основными документами, поступающими из Киева.

КГБ Украины – это центральный аппарат в Киеве и управления в 25 областях республики, около 400 городских и районных отделов и отделений со всеми ведущими направлениями чекистской деятельности.

Каждый оперативный работник начинает свою деятельность с выяснения характерных особенностей обстановки на порученном ему участке работы. Сотруднику органов государственной безопасности необходимо зримое видение реального противника, его враждебных замыслов и конечных целей, а также важно правильно использовать необходимые силы и средства для противодействия вероятному противнику. Председатель КГБ не должен являться исключением из этого правила. Я внимательно изучал материалы о зарубежных спецслужбах, западных центрах, ведущих подрывную работу против Украины. По этой тематике имелись многотомные документальные сведения о подрывной деятельности соответствующих служб многих капиталистических государств, разведывательный интерес которых к республике я прослеживал даже в исторической ретроспективе. Например, в 1948 году Совет национальной безопасности США выработал государственную доктрину в борьбе с СССР, в которой содержался раздел, касающийся непосредственно Украинской ССР. «Украинцы – наиболее передовой из народов, которые в настоящее время подчиняются России. Они в основном обижены русским доминированием, а их национал-политические организации активны и известны за рубежом. Поэтому легко можно подойти к заключению, что их в конце концов следует освободить от русского владычества и позволить им самостоятельно устраиваться как независимому государству… Украинцы страдают под русской властью и нужно что-то сделать, чтобы защитить их положение в будущем…» – планировали в американской администрации.

Планы действий спецслужб США предусматривали все «подходящие средства» для поощрения националистических элементов и стимулирования их деятельности по децентрализации СССР, укрепления «независимого украинского национального самосознания».

В другом антисоветском программном документе западных спецслужб под наименованием «Тактические основы демократического движения» указывались категории лиц, на которых западные центры должны опираться в проведении подпольной деятельности против СССР. В стране имеется несколько миллионов человек, в прошлом подвергавшихся политическим репрессиям, среди которых следует искать активистов для привлечения к антисоветскому движению. Не менее важным считалось установление тесных связей с националистическим и религиозным движениями. Одной из конечных целей подрывной борьбы провозглашались поиск и подготовка национальных кадров, способных возглавить работу с «засильем партийной элиты». Спецслужбами Запада насаждались конспиративные методы: создание в нашей стране нелегальных формирований, оказание им технической и финансовой помощи из-за границы для стимулирования враждебных замыслов, изготовления и распространения антисоветских сборников, хроник, листовок. Националистическим элементам рекомендовалось использовать различные безобидные прикрытия, которые могли бы придать видимую законность и легализовать враждебную деятельность, проникать в среду рабочего класса, творческой, научной и технической интеллигенции. Особо отмечалось, что техническая интеллигенция имеет власть в промышленности и в любой момент может парализовать деятельность предприятий или целых отраслей, поэтому в ее среде надо приобретать «национальных союзников» в национал-патриотической работе. Все цели западных недругов сводились к одной: уничтожить СССР как великую державу, чтобы он не мог нести коммунистическую идеологию, претендовать на лидирующую роль в мире и оставался на пороге постиндустриального общества.

К этому времени республиканский КГБ владел закрытыми документами зарубежных ОУН, которые не скрывали главные свои задачи: всячески содействовать увеличению в республике количества инакомыслящих, чтобы выступать «всем миром, украинской протестую-

щей силой против Москвы». В инструкциях ОУН отмечалось, что в условиях проводимой в республике перестройки провозглашаемая демократизация должна стать главным союзником в борьбе за «самостийность» Украины. Открыв быстро и широко шлюзы демократии, Горбачев сам выроет себе могилу, подчеркивали зарубежные учителя.

Для профессиональных контрразведчиков, кроме знания замыслов внешнего противника, не менее важным, а может самым определяющим, является выявление «внутренней базы», той категории населения, на которую могут опереться внутри страны иностранные спецслужбы в реализации своих подрывных планов.

Уже в мою бытность председателем КГБ 1-е управление (начальники генералы Л. Макаров и В. Повжик), 2-е управление (начальник генерал Г. Федяев), 5-е управление (начальник генерал П. Подгайный) провели несколько уникальных операций с добыванием документальных материалов зарубежных спецслужб. После одного из докладов в центр об успешно выполненной работе мне позвонил Крючков с вопросом: «Как это удается вашим сотрудникам добывать такую ценную информацию?»

В целом можно объективно говорить о положительных результатах работы сотрудников КГБ республики на многих направлениях. Так, только за 1987 год Комитетом был проведен огромный объем оперативно-розыскной работы в отношении посетивших Украину 512 дипломатов капиталистических государств, из которых 270 были установленными военными разведчиками. Их разведывательные устремления при посещении Украины направлялись на добывание секретных данных о боевой готовности войск, характеристиках тяжелых баллистических ракет, особенно новых ракетных комплексов на железнодорожной основе, современных кораблей, танков и другой военной техники, которая производилась на Украине и составляла в те годы надежный щит обороны страны.

По структуре, целям и задачам основные оперативные подразделения КГБ Украины – это повторение в миниатюре КГБ СССР. Только в одной союзной республике страны, на Украине, была представлена полноценная разведка (1-е управление), которая обладала возможностями проводить комплекс операций против иностранных спецслужб, добывала политическую, научно-техническую разведывательную информацию, имела в странах главного противника резидентские звенья, закордонную агентуру. Украинская разведка в значительном объеме занималась мероприятиями на таком сложном и специфическом направлении, как подготовка разведчиков-нелегалов и проведение операций с нелегальных позиций.

За годы моей работы высоких результатов добилось подразделение научно-технической разведки. Этим направлением руководил Александр Шарков, талантливый выпускник Киевского университета, прошедший полный курс оперативной и языковой подготовки в качестве разведчика-нелегала.

На нескольких докладных о выполненных разведывательных заданиях Щербицкий писал резолюции: «Отлично. Прошу представить товарищей к государственным наградам». По письму генерального конструктора тяжелых ракет, дважды Героя Социалистического Труда Владимира Уткина несколько сотрудников КГБ Украины за конкретный вклад были отмечены государственными наградами СССР.

Через месяц после моего приезда в Киев было проведено республиканское совещание с руководителями органов безопасности республики. Я изложил конкретные предложения для повышения качества нашей работы.

Важнейшей задачей агентурно-оперативной деятельности КГБ становились предупреждение любых враждебных действий против Украины, предотвращение возможных рецидивов возникновения конспиративного националистического подполья.

Постепенно общими усилиями устранялись негативные явления в системе органов КГБ Украины: замшелый опыт; бытовавшая еще старая психология и вредные привычки в работе отдельных руководителей, накопившиеся с годами; отсутствие реальных результатов, кото-

рое прикрывалось увлечением статистическими показателями; бюрократическая практика, сводившаяся к бумаготворчеству, многочисленным проверкам с неизбежными накачками и выговорами, без которых контроль и проверка исполнения считались неполноценными. В областных управлениях КГБ более желательными были приезды московских проверяющих комиссий, страшились своих, киевских.

Начальник Киевского управления КГБ Юрий Меркурьевич Шрамко, работавший до прихода в КГБ заведующим отдела в ЦК ВЛКСМ вместе с В. Семичастным, один из самых уважаемых украинских чекистов, на совещании в Москве отметил, что «новому руководителю КГБ Украины приходится с трудом устранять формально-бюрократические методы управления, которые были у нас». «Не хочу кривить совестью, – самокритично говорил Шрамко, – не так легко отказаться от насаждавшихся длительные годы цифровых показателей в оценке опersостава: профилактика – цифра, заведение оперативной разработки – цифра. Если план на тридцати страницах, значит, ты – лучший сотрудник, если у тебя план на пяти страницах, значит ты хуже работаешь».

На этом же совещании выступал начальник Крымского управления КГБ В. Видоменко. Он ставил вопросы улучшения координации деятельности различных подразделений органов безопасности, дислоцированных в области. К тому периоду в Крыму были сосредоточены значительные силы органов госбезопасности: 9-е управление (охрана), особые отделы КГБ, находящиеся в союзном подчинении. В действующих приказах отсутствовало четкое регулирование их взаимодействия с территориальными органами КГБ Украины; начальник областного управления КГБ не был осведомлен о деятельности 27 особых отделов военной контрразведки, дислоцированных на территории Крыма. Безусловно, такая несогласованность, отсутствие надлежащей координации и взаимодействия были серьезным упущением со стороны центра и Киева. Видоменко не постеснялся сказать о том, что у руководства органов госбезопасности отсутствует четкость в оценке происходящих политических процессов, задач КГБ в строительстве «демократического государства» на фоне вседозволенности, правового нигилизма Его смелость была оправданной и необходимой для дела.

Чем дольше я наблюдал за повседневной жизнью личного состава, тем больше отмечал творческую активность оперативных работников, которые вносили предложения по улучшению служебной деятельности, все чаще стали высказывать неудовлетворенность стилем руководства в некоторых подразделениях. За время моей работы пришлось расстаться с более чем 60 начальниками разного уровня, которые не соответствовали профессиональным требованиям, угодничали местным партийным лидерам, забыв об этике сотрудника КГБ, срослись с аморальными местными порядками.

Приходилось ужесточать оценки компетентности руководителей, корректировать их способности работать с подчиненными, уважать достоинство своих сотрудников. Мне казался странным существующий порядок, когда при направлении талантливых оперативных сотрудников на руководящие должности в областные органы от них требовали освободить в Киеве квартиры, хотя в них проживали остававшиеся взрослые члены семьи. Кроме того, мне было непонятно недоброжелательное отношение начальства к сотрудникам, которые приобретали садовый участок или легковой автомобиль.

Я встал на партийный учет в первичную организацию инспекции при председателе КГБ Украины, посещал партийные собрания, хорошо знал многих, тогда молодых, пытливых, работающих с особой самоотдачей сотрудников инспекции. С ними под силу было выполнение важных задач в условиях динамичной, стремительно меняющейся общественно-политической, экономической и оперативной обстановки того времени.

Сегодня многим, особенно молодому поколению, трудно себе представить, какую роль в жизни коллектива играли секретари партийных организаций. Особенно умные и энергичные, завоевавшие непререкаемый авторитет своими честными поступками, они деликатно сглажи-

вали противоречия, возникающие порой между конкретными людьми, могли найти доходчивые и убедительные слова для настроя на серьезное задание, помогали в разрешении семейных и общественных проблем, настаивали на поощрении достойных, умели остановить вспыльчивых и пристыдить нерадивых. Именно потому я придавал большое значение работе парткома КГБ и первичных партийных организаций. Освобожденным секретарем парткома КГБ в Киеве был заслуженный разведчик

Повжик. Он работал в резидентурах КГБ в капиталистических странах с жестким полицейским режимом в отношении советских дипломатов. В ноябре 1991 года ему было присвоено генеральское звание. К большому сожалению, он получил повышенные дозы радиационного облучения за рубежом от установленных спецслужбами подслушивающих устройств и рано ушел из жизни.

Уважение к Юрию Черникову, следующему секретарю парткома, было всеобщим. Вскоре его выдвинули на должность начальника Черниговского управления КГБ. На этой беспокойной работе он проявил свои волевые качества и в бурные дни, когда проходила смена руководителей области, показал умение разговаривать с митингующей толпой и успокаивать ее.

Самой высокой похвалы заслуживает разносторонняя деятельность последнего секретаря парткома КГБ Украинской ССР Юрия Семушева.

Заслуженный авторитет Повжика, Черникова и Семушева, их конкретные дела помогли в становлении новых подходов в работе Комитета, улучшении отношений между членами нашего коллектива, а также доброму настрою на решение повседневных задач и, как следствие этого, воспитанию молодых и перспективных сотрудников.

Впрочем, на положительный климат в чекистском коллективе влияли не только добрые наставления, но и такая мера наказания нарушителей служебной дисциплины, как партийное взыскание. Выговор, вынесенный на партийном собрании, имел немалое воспитательное значение. Однажды я встретил своего сотрудника, находившегося в мрачном состоянии. Спросив его, почему он такой хмурый, получил ответ:

– Я схлопотал выговор по партийной линии.

– Конечно, это грустное событие. А за какой проступок?

– За физкультуру…

– Отлыниваешь от сдачи нормативов по физической подготовке?

– Я сказал товарищам, что не посещаю занятия, потому что здоров. Я рассуждаю так: здоровому человеку физкультура не нужна, а больному уже вредна.

– Понятно. А выговор-то за что объявили?

– За мою шутку. Я заявил им, что если бы физкультура была полезна, то в квартире моего знакомого еврея вместо пианино стояли бы спортивные приспособления…

В отношении постановки на партийный учет мною нарушилась сложившаяся традиция: председатели КГБ СССР Андропов, Чебриков, Крючков всегда были в парторганизациях разведывательных подразделений, чем подчеркивалась значимость разведки в системе государственной безопасности. Я же посчитал на данный момент более важной организаторско-управленческую деятельность КГБ. За работу разведки не приходилось беспокоиться, так как ее возглавлял опытный, вдумчивый руководитель с огромным стажем зарубежной работы – генерал Леонид Алексеевич Макаров, который в последующем уехал в Москву одним из руководителей союзной разведки.

Главой инспекции был назначен Марчук, компетентность и организаторские способности которого сказались на повышении общего уровня оперативно-служебной работы не только сотрудников инспекции, но и чекистов во многих областных органах. Мое предложение он воспринял без восторга, так как мог претендовать на освободившееся генеральское место в своем управлении. Пришлось убеждать его в том, что в инспекции ему предстоит заниматься комплексом ведущих проблем обеспечения государственной безопасности на Украине, плани-

ровать и контролировать деятельность 25 областных органов КГБ, а это значит существенно расширить личный кругозор, познать особенности обстановки в регионах республики. Думаю, что этот участок работы помог своим опытом становлению Марчука в последующем главой украинского правительства.

В короткие сроки устранить и изжить недостатки, естественно, трудное дело. Нельзя сказать, что многое зависело только от меня, помогали заместители. Но в двух направлениях: усилении требовательности в соблюдении законности и улучшении информационной работы – удалось изменить положение существенным образом.

Когда я стал изучать причины имевших место пусть единичных нарушений законности, то увидел, что исходили они от слишком вольного толкования таких понятий, как «националистические, идейно вредные проявления», «клевета на советский общественный строй». Ни один «сигнал» о каких-либо «высказываниях националистического характера» не оставался без тщательной проверки лица, его допустившего. Ни одно спорное суждение по вопросу истории Украины, высказанное вразрез с официальной идеологической линией, не оставалось без внимания или воздействия (гласного или негласного) со стороны КГБ. Нашумевший труд писателя И. Дзюбы «Интернационализм или русификация» по настоянию идеологов ЦК Украины был признан экспертами и учеными «антисоветским». Согласно действующему Уголовному кодексу, было достаточно доказать лишь факт «хранения и распространения» текста этой широко разошедшейся нелегально книги, чтобы привлечь ее обладателя к судебной ответственности.

На этой зыбкой для закона основе нередко применялись ограничительные меры, профилактические беседы, что приводило к неоправданному вмешательству в события, находящиеся за пределами компетенции органов госбезопасности. В этой деликатной сфере деятельности органы КГБ республики стали работать, опираясь на действующее законодательство, более требовательно и взвешенно.

Информирование КГБ СССР и ЦК Компартии Украины по важнейшим проблемам обеспечения безопасности страны и республики считалось одним из показателей общего состояния оперативно-служебной деятельности. Многие докладные записки КГБ Украины рассылались в ЦК КПСС, московские ведомства и министерства. Это важная часть работы КГБ, о чем свидетельствует тот факт, что в наши дни задача информирования Президента и руководства страны спецслужбами закреплена законом. Я старался поставить работу так, чтобы информация содержала сведения о глубинных тенденциях и явлениях в украинском обществе. КГБ стремился сообщать о фактах, которые могли вызвать социальное недовольство, создающих угрозу политической, экономической стабильности, а также о причинах и условиях, их порождающих. Информирование со стороны КГБ давало возможность почувствовать сложные проблемы, выделить болевые точки в жизни населения республики.

Докладные записки Комитета направлялись в ЦК на имя Щербицкого, а по ряду проблем – по адресам руководителей Верховного совета и правительства. Мне было известно, что Щербицкий в начале моей работы проявлял настороженность по поводу того, не будет ли новый председатель направлять дополнительные сведения в Москву о политических или каких-либо деликатных ситуациях в республике помимо тех, о которых докладывали ему. В итоге между нами была достигнута договоренность о том, что текущие оперативные мероприятия Щербицкому письменно докладываться не будут, кроме реализации серьезных операций органов государственной безопасности, которые могли вызывать общественный резонанс в республике. Была выработана технология взаимной информационной связи: резолюции Щербицкого на документах КГБ стали передаваться нам из ЦК. Это помогало узнать оценку партийными инстанциями конкретной информации органов госбезопасности, актуальность затрагиваемых в них проблем. Здесь я хочу отметить такую особенность личности Щербицкого:

все указания и резолюции делались им только лично, собственноручно. Я не помню ни одного случая, чтобы резолюции на документах из КГБ готовились его помощниками.

В процессе информирования ЦК Комитетом иногда вносились конкретные предложения о мерах, которые следовало бы осуществить для нормализации обстановки. Высказываемые рекомендации не являлись обязательными для партийных инстанций. КГБ не стоял над партией, как зачастую старались это преподнести наши оппоненты. В ЦК сами решали, как поступать с материалами органов госбезопасности.

Повышалась ответственность за объективность представляемой информации. На мне лежала двойная ответственность: только первое лицо КГБ республики подписывало докладные записки в ЦК КПУ и Москву. Количество направляемых в ЦК документов увеличилось и стало значительным: в 1987 году на имя Щербицкого было адресовано 198 (годом ранее – 36) информационных и докладных записок. В этом же году КГБ УССР информировал правительство и заинтересованные ведомства о предпосылках и назревании аварийных, чрезвычайных ситуаций в промышленности 1150 раз.

Скажу откровенно, что в реализации информационных потоков мне во многом помогало знание работы центрального аппарата КГБ СССР. К примеру, на основе обобщения оперативных данных о поведении иностранцев из капиталистических стран на территории республики вместе с секретарем ЦК КПУ Юрием Ельченко были внесены предложения по улучшению организации приема представителей западного дипломатического и журналистского корпуса. При МИД республики создавался пресс-центр для работы с иностранными дипломатами и журналистами, им предоставлялась возможность получать сведения о жизни республики, а не рыскать по подъездам домов в поисках своих информаторов и «друзей».

Многое в познании действительной обстановки в республике дало мне знакомство с положением дел на местах. За полгода работы я встретился с коллективами областных управлений КГБ Донецкой, Крымской, Днепропетровской, Ворошиловградской, Львовской и Киевской областей, ряда крупных городов в этих регионах. Руководящий состав областных управлений я призывал учиться работать в условиях расширяющейся демократизации и гласности, повышать организованность и исполнительную дисциплину, быть непримиримыми по отношению к отклонениям от законов, ведомственных приказов и инструкций, а также к любым нарушениям прав граждан. Оперативный состав областных управлений ориентировал на глубокое знание общественно-политической обстановки, своевременное реагирование на ее изменения, а также на умение вовремя повернуться лицом к человеку, не прибегая к специфическим методам, особенно уголовно-наказуемого характера.

Не все получалось так, как хотелось, хотя, на мой взгляд, на местах работали напряженно и ответственно.

К концу 1987 года в республике были созданы предпосылки к принятию исключительно важного политического решения: с оперативного учета было исключено более 52 тысяч лиц, находившихся в поле зрения КГБ. Оперативный учет – инструмент политического и правового свойства, непосредственно затрагивающий права и интересы граждан. В картотеку КГБ вносились фамилии тех, кто разрабатывался по подозрению в принадлежности к агентуре иностранных разведок, ранее судимые или профилактируемые за участие в антисоветских организациях, а также за иную противоправную деятельность. К таким лицам применялись ограничительные меры при разрешении им выезда за границу, поступлении на работу в случаях, когда требовался допуск к секретным сведениям, и т. д.

Снятие с оперативного картотечного учета такого числа лиц, не представляющих общественной опасности, свидетельствовало о концептуальной перестройке самих органов госбезопасности в условиях демократизации общества. Могу считать себя причастным к принятию такого принципиального решения.

КГБ республики можно было продолжать будничную контрразведывательную работу, если бы не одно существенное обстоятельство, вызвавшее осложнение оперативной обстановки в республике.

В конце 1987 года в нашей стране произошло не очень известное широкой общественности событие, последствия которого проявились в последующие годы горбачевской перестройки. Решением самого «верха» в порядке индивидуального помилования из мест заключения досрочно освобождались лица, отбывающие наказание за тяжкие государственные преступления. В их числе – особо опасные рецидивисты, антисоветчики, идейные противники существующего советского строя. В пропагандистском плане этот действительно гуманный акт преподносился накануне 70-й годовщины Октябрьской революции как достигнутый позитивный итог политики перестройки, демократизации общества: государство становилось сильным, не боялось миловать врагов советской власти. Запад известили о том, что в местах лишения свободы в нашей стране нет политических заключенных. От досрочно освобождавшихся из заключения лиц требовалось немногое: дать под честное слово подписку о том, что они, получив волю, не будут продолжать какую-либо антиобщественную деятельность. Из числа узников ГУЛАГа были и такие лица, которые отказывались давать письменные обязательства, их пришлось уговаривать, и они были освобождены. Не зря появились, может быть, слишком образные оценки благородного жеста досрочного освобождения из лагерей: «…я всегда удивлялся политике КГБ в отношении политических придурков. Не государственная безопасность, а санаторий! Вместо того чтобы изолировать всевозможных извращенцев – ведь они-то пополняют штат перманентных революционеров – им дают больше и больше прав: Горбачев действует в том же духе».

Согласно этому решению советского руководства, в республику вернулись более 60 человек, отбывавших наказание за враждебные социалистическому строю действия. Вскоре многие из них нарушили данное государству слово и возобновили конспиративную антиобщественную деятельность. Наиболее влиятельные из них стали лидерами оппозиционного движения, продолжили обработку своих единомышленников на основе идей национализма и сепаратизма, создания альтернативных КПСС политических партий и движений.

Органы КГБ республики не скрывали своего отношения к нарушителям слова. В частности, я выступил в республиканской прессе: «…среди освобожденных остаются люди, которые по-прежнему продолжают ориентироваться на установки западных подрывных центров, блокироваться с политическими экстремистами и националистами в других регионах страны, инспирируют проведение антиобщественных акций. Их поведение зачастую приобретает демагогический и провокационный характер, особенно в попытках предстать в качестве неких «новоявленных лидеров оппозиции», «борцов» за национальные интересы и «самостийную Украину». Некоторые спекулятивно пытаются выдавать себя за «жертв застойного периода». Нередко их требования и призывы направлены против задач, решаемых сейчас в стране и республике».

Нетрудно понять и нас, служителей закона, что несоблюдением своих обязательств перед государством эти лица внесли тогда дисгармонию в гражданское общество.

Я могу поделиться некоторыми своими «секретными» наблюдениями, которые вынес из ознакомления со статистикой ведущихся разработок конкретных граждан. Для огромной республики инспираторов антиобщественной деятельности было немного. В восточных областных управлениях КГБ серьезные оперативные дела на подобную категорию лиц отсутствовали: просто не было нарушителей закона, заслуживающих нашего оперативного внимания. Но, как показала дальнейшая жизнь, опасность для будущего нашего государства будет исходить с неожиданной стороны.

Несмотря на относительно благоприятную общественно-политическую обстановку, в КГБ не наблюдалось благодушия и недооценки возможных рисков для безопасности респуб-

лики. В подписанном мною отчете в Москву и ЦК КПУ о работе КГБ Украинской ССР за 1987 год содержался предостерегающий вывод: «Более скоординированный и ухищренный характер приобрела враждебная деятельность зарубежных антисоветских, особенно оуновских, центров, усилилось подстрекательство националистических элементов против существующего на Украине государственного и общественного строя с конечной целью ее «отрыва от СССР» и образования «самостоятельного украинского государства». В период пика горбачевской перестройки это был крайне настораживающий вывод.

Завершение первого года пребывания на Украине оказалось для меня исключительно памятным. Оно совпало с датой 70-летия создания ВЧК – КГБ (20 декабря 1987 года), которое праздновалось органами государственной безопасности по всей стране. Тогда же мною было дано первое интервью с заголовком «Не создавать врагов там, где их нет» республиканской газете.

Накануне юбилея Щербицкий сказал мне, что на торжественное собрание в Москве собирается пойти Горбачев, но выступать перед чекистами не будет. «А я, – сказал он, – на заседании Политбюро ЦК заявил, что пойду в коллектив своего республиканского КГБ и там выступлю. Подготовьте мне тезисы на три-пять минут». Я ответил, что с участием его помощника Валерия Врублевского такое выступление подготовлено. И поинтересовался: «Почему же Горбачев не собирается выступить перед сотрудниками центрального аппарата в Москве?» Щербицкий помедлил с ответом, закурил (это он делал, как правило, в напряженные минуты) и произнес: «Ну, вы Горбачева еще узнаете…» Впервые так откровенно сказанные Щербицким слова о Генеральном секретаре ЦК КПСС заставили задуматься.

Щербицкий сдержал обещание: в день 70-летия органов КГБ обратился к сотрудникам Комитета с приветствием. По его оценке, в последнее время заметно изменился стиль работы, улучшился морально-психологический климат коллектива, повысилась информированность ЦК, правительства и партийных органов в областях. Оторвавшись от текста, сказал, что его личные опасения в связи с назначением нового председателя КГБ исчезли, и добавил несколько приятных для меня фраз. Это являлось свидетельством доверия к моим делам и начинаниям, без чего трудно было работать в союзной республике.

Мне удалось упросить Щербицкого остаться на праздничный концерт, который подготовила наша художественная самодеятельность. Вспоминаю, когда украинские песни исполнял майор Анатолий Сахно, Щербицкий восхищался и не верил, что поет талантливый оперативный работник, а не профессиональный артист.

К большому сожалению, это была его последняя встреча с сотрудниками КГБ республики.

Глава вторая
«Он многое сделал для Украины…»

Я намеренно так подробно остановился на 1987 годе, когда с мая начал работать под руководством Владимира Васильевича Щербицкого. Длительное время я чувствовал его пристальное внимание, он присматривался ко мне. На начальном этапе между нами сложились сугубо деловые отношения, сказывался огромный политический авторитет Щербицкого и разница в нашем жизненном опыте и возрасте.

Первый секретарь ЦК Компартии Украины, по существу, являлся моим постоянным политическим руководителем. Такова была специфика положения органов государственной безопасности во всех союзных республиках: кроме Щербицкого, никто в ЦК или правительстве не имел права решать принципиальные вопросы и знать сугубо секретные оперативные моменты в деятельности КГБ.

В союзных республиках без установления председателем КГБ нормальных и принципиальных отношений с руководством ЦК работать приходилось нелегко. Органы КГБ были союзно-республиканского, двойного подчинения, и неумение строить взаимоотношения с партийными инстанциями всегда отражалось на положении главы КГБ, особенно если он не из местных кадров, а заезжий. Не редкими были примеры, когда по этой причине в союзных республиках менялись председатели.

К моему удовлетворению, рабочие отношения с Щербицким, как я считаю, сложились. На семейную дружбу я не напрашивался, ее не было. По всем вопросам я находил его поддержку, в частности при определении принципиальной позиции КГБ по проблемам пресечения антиобщественной деятельности экстремистов и применения «карательных» функций.

В условиях острой политической обстановки Щербицкий на самом высоком общесоюзном и республиканском уровне высказывал свое позитивное отношение к демократическим процессам. Так, на пленуме ЦК КПУ в апреле 1988 года в своем выступлении подчеркивал, что коммунистическая партия «решительно за гласность, за демократизацию». Он призывал партийные органы на местах обращать внимание на весь комплекс проблем, прежде всего на повышение экономического роста, духовное обновление, развитие национальной культуры, полнее учитывать общественный интерес к историческому наследию, так называемым белым пятнам в истории.

За период нашей совместной работы Щербицкий не пошел по пути политического террора в отношении идейных оппонентов коммунистической партии, не давал установок прибегать к арестам и привлечению известных в республике оппозиционеров к уголовной ответственности. Имели место случаи, когда на заседаниях Политбюро ЦК он бросал такие реплики: «Куда смотрит наш КГБ? Антисоветчик Черновил опять организовал на Львовщине несанкционированный митинг». Щербицкий придерживался господствующего мнения о недопустимости репрессивных мер в обновившейся демократической обстановке в стране. В республике достигать этого было нелегко, ведь отдельные радикально настроенные националисты провоцировали общественные беспорядки, сами напрашивались на скамью подсудимых. Если бы Щербицкий не согласился с линией, проводимой КГБ, то он мог бы легко поменять руководство или же дать указание прокуратуре республики провести соответствующие расследования в отношении конкретных лиц. Здесь же хочу подчеркнуть, что позиция Щербицкого в борьбе с уголовной преступностью, коррупцией, экономическими и должностными преступлениями была твердая, жесткая и принципиальная. Возможно, в большей мере это способствовало тому, что в последние годы его руководства республикой не было громких коррупционных дел среди должностных лиц, махрового взяточничества и других преступлений, процветавших в постсоветский период украинской действительности.

Могу также свидетельствовать, что Щербицкий в то время и в других вопросах был законопослушен. Безусловно, сказывалось существенное изменение обстановки в стране в сторону нетерпимости к нарушениям закона, но от него мне ни разу не поступили указания, например, организовать прослушку оперативно-техническими средствами в отношении кого-либо, как это случилось при Горбачеве в Москве. Кстати, то же самое могу сказать и в отношении Ивашко и Кравчука. Правда, мне довелось видеть телевизионное интервью с Кравчуком, в котором он сказал, что КГБ прослушивал самого Щербицкого, так как в его служебном кабинете при ремонте было обнаружено «много проводов». Конечно же, подобное заявление – полнейший бред экс-президента.

Щербицкий был не только законопослушен, политически прозорлив и честен перед людьми, он еще умел думать о последствиях действий, которые могут нарушить хрупкий мир межнациональных отношений. Приведу яркий пример такого предвидения. В ходе работы по реабилитации жертв сталинского террора сотрудники архивного отдела показали мне представление наркома внутренних дел республики в Москву о награждении государственными орденами сотрудников, отличившихся в 1937 году в «борьбе с троцкизмом и украинским буржуазным национализмом». Все тринадцать фамилий принадлежали лицам одной национальности, но проходили под русскими псевдонимами. Я решил показать этот исторический документ Щербицкому.

– Что ты собираешься с ним делать?

– От органов КГБ общественность требует разоблачения палачей, желает знать имена исполнителей преступлений в период сталинских репрессий. Может быть, стоило бы ознакомить журналистов и членов «Мемориала» с этими архивными материалами?

Щербицкий после долгого молчания спросил:

– Хорошо ли ты знаешь историю Украины? Сколько было погромов на ее территории? Четыре или пять? Если хочешь организовать шестой, показывай журналистам эту архивную бумагу.

После такого урока толерантности мне захотелось положить этот документ в долгий архивный ящик.

Недоброжелатели представляли Щербицкого как сторонника жесткой системы управления, своего рода партийно-государственного ретрограда. По моим наблюдениям, это совершенно предубежденный взгляд. Он был требовательным приверженцем соблюдения личной дисциплины и персональной ответственности. Особенно твердо он отстаивал идейно-политическое единство коммунистов, не любил тех, кто меняет свои идеологические пристрастия, перебегает на сторону идейного противника.

Я уже упоминал про свое первое опубликованное интервью «Не создавать врагов там, где их нет». Оно привлекло внимание Щербицкого не только содержанием:

– Что ты имеешь в виду под таким заголовком? Нет ли здесь намека на то, что до твоего приезда «создавались враги»? Не наделали ли мы раньше ошибок? Не наломали ли мы дров при Федорчуке? – ставил передо мной прямые и недвусмысленные вопросы руководитель республики.

Пришлось объясняться, что эти слова – времен ВУЧК, Манцева.

Можно было наблюдать мучительное переосмысление Щербицким событий недавнего прошлого, когда в республике были допущены гонения на представителей интеллигенции во времена Федорчука. Их взаимоотношения были непростыми. На первых порах Щербицкий с большим доверием относился к прибывшему с благословения Москвы председателю КГБ

Украины. Секретарь ЦК КП Яков Погребняк свидетельствует, что ему «доподлинно известно»: Федорчука перед отъездом в Киев лично инструктировал Брежнев.

Имеются свидетельства того, что Федорчук проводил свою линию без учета национальных особенностей и традиций украинского народа, раздувал мелкие нарушения в идеологических вопросах, часто без достаточных оснований придавал им националистическую окраску. Он неоднократно заявлял, что «мы работаем на весь Союз, никакой Украины в нашей работе не существует». Врублевский явно защищал своего руководителя, когда писал: «Что касается репрессивных мер, то нельзя преуменьшать, но нельзя и преувеличивать реальную власть Щербицкого. Аресты начались еще при П. Шелесте и санкционировались Москвой, которая прислала на Украину Федорчука».

Возвращение «недремлющего ока» в Москву с облегчением восприняли на Украине. Щербицкий так прокомментировал его отъезд из республики: «Вовремя уехал, а то беды с ним еще больше бы набрались».

В общении со мной он не был полностью открытым человеком, скорее сдержанным и корректным. В приватных беседах часто говорил с особой теплотой и любовью о матери (она не хотела переезжать к сыну и жила в Днепродзержинске), а также о внуке и внучке. С юмором рассказывал о том, как во время прогулки на теплоходе по Днепру был затронут вопрос о проводимом Хрущевым эксперименте по разделу обкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные.

– Давайте спросим у молодых руководителей. Володя, правильно ли мы сделали, что разделили обкомы на две части – промышленные и сельскохозяйственные? – сказал Хрущев, обращаясь к Щербицкому.

– Какой дурак все это придумал? – ответил тот.

Буквально через несколько дней после этого эпизода с Хрущевым он был уволен с должности первого заместителя председателя Совета министров Украинской ССР и снова оказался в Днепропетровске на прежней должности первого секретаря обкома.

Щербицкий говорил о пристрастии к охоте, но я не припомню случая поездки в имевшиеся охотничьи угодья «Заречье».

Сам он неоднократно советовал мне посетить в этом хозяйстве домик Хрущева, но я так и не сделал этого, не заинтересовался ни охотой, ни рыбалкой. Другие увлечения Щербицкого – это футбол и голуби. Он был страстным болельщиком футбольного клуба «Динамо». На стадион стал ходить редко, но помогал этому спортивному обществу и футболистам в решении многих, особенно квартирных, вопросов. Никогда не пропускал матчей между украинским «Динамо» и московским «Спартаком».

В составе Политбюро ЦК КПСС Щербицкий был авторитетным и принципиальным, в нем видели преемника Леонида Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Не раз эта тема поднималась в частных разговорах, но Щербицкий (в отличие от Ивашко) не желал покидать республику и видел себя только на Украине. Судя по воспоминаниям кремлевского кардиолога Чазова, даже Андропов высказывался, что было бы хорошо, «если бы на работу в Москву переехал Щербицкий».

После смерти Косыгина Брежнев предлагал Щербицкому занять пост председателя Совета министров СССР. Он отказался, по свидетельству близкого окружения, со словами: «В московские игры я не играю». Своих коллег в Политбюро ЦК КПСС иронически называл «московскими боярами».

Рабочий день Щербицкого был напряженным. Ровно в 9 утра он на боевом посту; совещания, приемы посетителей, телефонные переговоры, документы и так до 21.00. Выработанный устойчивый ритуал – ужин во время просмотра вечерней союзной программы «Время». В таком же режиме дня пребывали и все секретари ЦК: пока В. В. (иногда допускалось такое выражение в отношении Щербицкого) на работе, он мог позвонить в любую минуту.

При выездах в Москву на заседания Политбюро ЦК КПСС (как правило, один раз в неделю) Щербицкий установил порядок его проводов и встреч в аэропорту с участием только

трех должностных лиц: председатель КГБ, министр внутренних дел (Иван Дмитриевич Гладуш) и помощник первого секретаря ЦК КПУ (Константин Константинович Продан). Когда возвращался в хорошем настроении, то делился с нами своими впечатлениями о прошедшем заседании. Акцент делал на то, что надлежит конкретно сделать для улучшения положения в республике, где необходимо усилить работу. Иногда, возвращаясь из Москвы, в аэропорту был хмур, немногословен, много курил – не в духе.

В Киеве я приглашался на все заседания Политбюро ЦК КПУ «по должности». Когда решались стратегические и самые важные вопросы жизни республики, Щербицкий выступал кратко, четко, находил в рассматриваемых темах изюминку, задавал тон выступлениям других ораторов. Интересно было слушать его экспромты, импровизации, в них была видна мудрость этого мощного человека.

При реализации в ходе перестройки провозглашаемых реформ Щербицкий имел свои, несколько отличные от горбачевских, взгляды: политические и экономические процессы форсировать немудрено, но необходимо, чтобы они вызрели. Одностороннее увлечение свободным рынком небезопасно. Необходимо помнить, что невидимая рука рынка – это слепая рука. Рвать экономические связи, не проработав им замену, это вовсе не экономический романтизм, а кретинизм.

Хочется привести актуальные и ныне слова Щербицкого: «Когда укрепляется бюрократия, то забываются благие намерения».

Щербицкого волновала дальнейшая судьба коммунистической партии, которой он посвятил свою жизнь. После него в руководстве осталось тяжелое наследие, но надо признать, что аналогичная картина складывалась с руководящими кадрами в целом по стране.

На майском Пленуме ЦК КПСС в 1989 году по инициативе Горбачева произошли изменения в высших партийных рядах: из состава членов ЦК было в разовом порядке освобождено 130 человек. В годы перестройки состав ЦК партии в целом обновился более чем на 80 %. Многим достойным и уважаемым в стране руководителям приклеили ярлыки «консерваторов», «неперестроившихся» и являющихся «тормозом в развитии демократических процессов». Заменой им стали преданные горбачевцы.

На Украине уходили в отставку или переводились на другую работу опытные и достойные люди, много сделавшие для республики в народно-хозяйственном комплексе и партийном строительстве. Последовавшая смена руководящих кадров многим обязана обновленческой линии, проводимой Ивашко, который сам был призван в Москву.

Эти кадры работали с Щербицким, он ценил их и уважал, но многие оказались неготовыми к новым суровым испытаниям в реалиях демократического времени, появления многопартийности и настойчивой оппозиции, оголтелой критики и нападок на коммунистов, возникшего забастовочного движения в рабочей среде. Некоторые руководители провалились на выборах, утратили доверие и поддержку избирателей на местах. Такой поворот приводил Щербицкого к душевному кризису и глубоким переживаниям.

В повседневную текучку оперативной деятельности КГБ Щербицкий не вмешивался. Расстановка руководящего состава Комитета – вот что было главным для него, чему он уделял пристальное внимание; кадровые вопросы он никому не передоверял. Лично беседовал с предлагаемыми кандидатурами на должности начальников областных управлений и руководителей в центральном аппарате. Случаев, когда в ЦК Украины не соглашались с моими представлениями по персоналиям при назначении, не было.

По этому поводу мне вспоминается необычный эпизод. На должность начальника Харьковского УКГБ я предложил кандидатуру Николая Гибадулова. «А что, на начальника Харьковского управления нет кандидатур из числа русских и украинцев?» – спросил Щербицкий. Я рассказал, что мать Гибадулова, украинка, вступила в брак с советским офицером Гибадуловым, который погиб в конце войны. Беседа Щербицкого с Гибадуловым была длительной. По

окончании ее Щербицкий хорошо отозвался о Гибадулове, к которому проникся особым уважением, отметил его прекрасный украинский язык. Я упомянул о реплике Щербицкого совсем не в укор ему, он был подлинным интернационалистом.

Хочу несколько слов сказать о чекисте Гибадулове. В числе героических сотрудников он находился на Чернобыльской АЭС с первых дней аварии, длительное время занимался проблемами ликвидации последствий в зараженной зоне. Получив значительные дозы радиации, он ушел из жизни молодым. Мне он запомнился умным, мужественным, красивым человеком. Николай Гибадулов – яркий представитель украинской советской элиты сотрудников органов госбезопасности. Его жизнь отвечает девизу, который я запомнил со студенческих лет: allis inserviendo ipse consumor (светя другим, сгораю сам).

При назначении Марчука на должность начальником Полтавского УКГБ Щербицкий провел с ним почти двухчасовую беседу. Он высказал удовлетворение этой кандидатурой и просил «таких молодых руководителей держать постоянно в поле зрения». Так и получилось в жизни: примерно через год я рекомендовал Марчука на должность своего первого заместителя, а затем – в состав правительства Украины.

Мне памятны проведенные назначения на руководящие должности многих талантливых сотрудников: Н. Шамы, В. Маликова, В. Радченко, О. Пугача, А. Кожемякина, В. Слободенюка, Н. Горбоконя, Ж. Коваленко, М. Гайдука, Б. Хлевицкого, В. Повжика, Ю. Черникова, Ю. Семушева и других. В последующем некоторые из них возглавили органы безопасности новой Украины. Щербицкий, мудрый наставник, поддерживал выдвижение молодых работников на руководящую работу, давал им главное напутствие: знать и жить заботами республики, выделять главные проблемы, видеть трудности и нерешенные задачи в регионах.

Можно поражаться мудростью и предвидением Щербицкого в оценке и расстановке кадров в республике. Партийные работники отмечают, что при появлении предложений выдвинуть Кравчука он всегда давал отрицательный ответ, отмечая, что не доверяет этому человеку, не может его до конца понять. Высказывал опасения, что он полностью покажет себя, когда придет к власти, возможно, считал прозорливый Щербицкий, не с лучшей стороны.

Пришло время, когда в своих беседах он в осторожной форме стал обращаться к важному периоду жизни человека – выходу на пенсию. Для себя он принял окончательное решение, но, как мне казалось, сверял свои намерения с реакцией ближайшего окружения. Видимо, я был не единственным собеседником, с кем он «обкатывал» предстоящее заявление об отставке. Щербицкий поинтересовался, сохранится ли у него охрана после выхода на пенсию? Как член Политбюро ЦК КПСС, он являлся единственным охраняемым должностным лицом по линии органов государственной безопасности. Председатели правительства, Верховного совета республики не обладали такой привилегией. Я переговорил с Крючковым о настроениях Щербицкого покинуть партийную работу. Договорились о сохранении при нем охраны. В конце телефонного разговора Крючков отреагировал: «Немедленно доложу Горбачеву».

В 1989 году Щербицкий направил в ЦК Компартии Украины заявление с просьбой освободить от обязанностей первого секретаря и члена Политбюро ЦК КПУ. Через несколько дней состоялся пленум ЦК Компартии Украины, который был правомочен решать такие вопросы. На пленум специально прилетел Горбачев. В адрес Щербицкого он произнес достойные слова, отдавая должное его многолетней государственной и общественной деятельности. Среди руководителей союзных республик того периода Щербицкий был настоящим партийным лидером, примером трудолюбия и высокой ответственности, личной скромности и преданности делу. Результаты руководства Щербицкого становятся все значимее, когда наблюдаешь нынешнее положение Украины. В прощальном выступлении Щербицкий имел все основания с чистой совестью сказать, что «интересы партии и благо народа» в своей жизни ставил превыше всего.

Его супруга Рада Гавриловна продолжала работать, преподавала русскую литературу в средней школе. Говорили, что ей предлагали стать директором, однако это не состоялось.

«Пока я первый секретарь ЦК, – решил Щербицкий, – моя жена будет работать рядовым учителем».

Находясь на отдыхе, он нередко звонил мне по телефону. Никогда, даже в тактичной форме, не интересовался текущими служебными вопросами. Больше обменивались мнениями о материалах из депутатской почты. Он оставался народным депутатом СССР.

Последняя моя встреча с Щербицким не предвещала тревоги, хотя он выглядел усталым, жаловался на воспаление легких. Тайна его добровольного и сознательного ухода из жизни в возрасте 72 лет останется загадкой. Он не мог вынести и пережить всего того, что творилось в стране, когда рушилось и разваливалось многое, чему он посвятил всю свою жизнь.

Когда мне сообщили о случившемся, я был потрясен, находился в растерянности. Выручил телефонный звонок Рады Гавриловны, которая пригласила меня (они жили этажом выше) обсудить некоторые вопросы его завещания. Его содержание мало кому известно, особенно за пределами Украины.

«1. Это все наши сбережения – 55–60 тысяч рублей в сейфе, которыми ты должна разумно распорядиться (мама, ты, Вовочка, дети).

2. Ордена, медали, грамоты, военный ремень, полевую сумку и военную фуражку прошу сохранить как семейные реликвии… В остальном разберись, пожалуйста, сама. Друзья помогут. Целую тебя, моя дорогая, крепко, крепко.

В. Щербицкий»

С Радой Гавриловной мы разобрались с коллекцией подарочного оружия, среди которого было несколько боевых пистолетов советского и иностранного производства. Один из пистолетов, парабеллум, привели в негодность и оставили на память в семье, для внука.

Прощание с Щербицким из-за бесконечного людского потока были вынуждены продлить на три часа. В небо взмыли сотни голубей, выпущенные добрыми руками его многочисленных почитателей. Когда траурная процессия выехала на Крещатик, вдоль центральной магистрали плотными шеренгами стояли люди, молча отдавая последнюю дань великому человеку, олицетворявшему целую эпоху в жизни Украины.

Щербицкий был сильной личностью, от которой в республике зависели ключевые решения. Когда его не стало, исчез тот священный образ, на который молились одни и ополчались другие. Я проработал с ним всего два года, но уверен, что Щербицкий останется в истории как наиболее масштабная личность среди партийно-хозяйственного руководства республики. За десятилетия, когда Щербицкий находился на высших руководящих постах, объемы промышленного производства выросли почти в пять раз. Практически в два раза увеличилась за это время продукция сельского хозяйства. Численность населения

Украины повысилась с 43 миллионов в I960 году до 52 миллионов в 1990 году.

Академик Борис Евгеньевич Патон, с авторитетом которого мало кто может сравниваться на Украине, так выразился о Щербицком: «Это действительно великий руководитель, честный, порядочный человек, который очень много сделал для Украины. У него, как и у каждого человека, были ошибки, особенности характера, но всю свою жизнь он отдал Украине».

Глава третья
Зигзаги выборов на Украине. Обновление депутатского корпуса

С юности выборы депутатов в Советы запомнились мне радостным всенародным праздником. В нашем селе многие старались проголосовать как можно раньше. Кто успевал с рассветом к открытию избирательного участка, становился настоящим местным героем, о них писали в районной газете. Вспоминаются выборы депутатов в Верховный совет Казахской ССР. Я учился в десятом классе, и нас, старшеклассников, привлекали к участию в работе избирательного участка в нашей школе, где мы сопровождали родителей и пожилых людей к урнам для голосования, давали концерт школьной самодеятельности.

Герой Советского Союза, прославленный командир роты автоматчиков панфиловской дивизии во время боев под Москвой Малик Габдуллин избирался нашим депутатом. Тогда он был, если не ошибаюсь, ректором одного из вузов города Алма-Аты, приглашал нас, выпускников, приезжать к нему поступать в институт. Кстати, из нашего 10-го класса, который закончили всего 14 человек, несколько одноклассников решили учиться в вузах Казахстана, но с первой попытки никто не прошел по конкурсу, так как приоритет отдавался подготовке национальных кадров. Нелля Вильгельм, Наина Собко и я стали студентами российских вузов городов Омска и Томска.

В 1987 году я впервые участвовал в избирательной кампании в качестве кандидата в депутаты Верховного совета Украинской ССР. Жители Ружинского и Попельнянского

районов Житомирской области избрали меня в Верховный совет Украины. Мне было интересно работать именно в сельском избирательном округе, встречаться с детства дорогими для меня людьми – сельскими тружениками, механизаторами, животноводами, местной интеллигенцией, выслушивать их беды и выполнять их общественные наказы и личные просьбы. Депутат становился сродни врачу, помогая людям лечить социальные болезни. Вспоминаю, как в одном из районов ко мне на прием пришли более ста человек, которых я принимал с утра и до 10 часов вечера.

Несколько месяцев я был депутатом Верховного совета СССР одиннадцатого созыва от Ворошиловградской (Луганской) области, где избирался в Северодонецком избирательном округе вместо выбывшего депутата. Моими коллегами, депутатами Верховного совета СССР от этой области, были Витольд Павлович Фокин, председатель Госплана, в последующем – председатель Совета министров Украинской ССР; генеральный прокурор СССР Александр Михайлович Рекунков; министр угольной промышленности СССР Михаил Иванович Щадов. Из местных – озорная победительница конкурса молодых доярок стран социалистического содружества в Варшаве. Она шутила, что приезжала в Москву на сессии Верховного совета СССР с торбой сала, домашних колбас и других деликатесов и с мешком писем избирателей. По некоторым письмам я помогал ей готовить депутатские обращения в союзные инстанции прямо в ходе заседаний парламента.

Особенно памятен мне 1989 год. В республике началось выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР по новому избирательному закону. Предвыборная кампания впервые приобретала черты острой политической борьбы за законодательную власть, за каждое депутатское место в союзном парламенте. Выборы проводились на демократической основе. До этого времени в избирательном округе выдвигался один кандидат в депутаты, как правило, руководящие лица или передовики производства от «блока коммунистов и беспартийных», сейчас у граждан появилась возможность выдвигать несколько претендентов в народные депутаты. Избиратели стали вольны в своем выборе, кому отдать предпочтение.

Это был первый исторический опыт проведения избирательной кампании в стране во времена горбачевской перестройки. Некоторые историки утверждают, что такую процедуру предлагал Сталин при принятии Конституции СССР, но встретил сопротивление со стороны партийной номенклатуры на местах. Конечно же, избирательные округа продолжали оставаться под контролем коммунистов, но в начавшейся избирательной кампании проявили себя новые достойные, сильные личности, прежде всего из кругов, оппозиционных КПСС.

Повседневная действительность в нашей стране становилась заметно раскрепощенной. Демократические перемены привели к образованию совершенно необычной формы высшей законодательной власти в государстве – Съезда народных депутатов СССР. Это своеобразное и громоздкое «вече» состояло из 2250 депутатов, избранных в ходе свободных и альтернативных выборов. Правда, не обошлось без ложки дегтя: часть народных депутатов, составляющих элиту видных представителей партийных, советских органов и творческой интеллигенции, делегировалась в депутатский корпус партийным списком, без народного голосования.

Обстановка вокруг избирательной кампании народных депутатов СССР держала в напряжении органы государственной безопасности республики. Несанкционированные митинговые баталии не проходили без нашего незримого контроля, процессы анализировались на наличие признаков возможной противоправной деятельности. Таковы были заботы КГБ.

Речь не велась о вмешательстве органов безопасности в выборную кампанию, я всегда был сторонником свободных выборов. Государственная безопасность занималась только своими прямыми обязанностями: пресечение любых незаконных или антиобщественных проявлений, которые могут омрачить или повлиять на ход избирательной кампании. Кстати, именно служба безопасности (СБ) Украины обнародовала тайные подтасовки при подсчете голосов в ходе проведения президентской кампании Ющенко – Януковича. Но в тот период в КГБ республики, в частности, вызывало беспокойство то обстоятельство, что в избирательную кампанию включались лица, ранее судимые за антисоветскую деятельность, подготовленные к оппозиционной борьбе против советской власти, которую они вели зачастую на грани нарушения законов. Эти личности правили бал в выступлениях на митингах; группы поддержки таких кандидатов кочевали из одного публичного мероприятия на другое, их слушали с большим вниманием, чем речи с избитыми, затасканными штампами. Избирательная кампания проходила под лозунгом укрепления Советов, однако немалая часть кандидатов, и не только на Украине, но и в стране, выступали с антикоммунистических и антисоветских позиций.

Официальная пропаганда продолжала утверждать, что в стране нет и не может быть социальной базы для существования противников социалистического строя. Нарождающаяся оппозиция выдавалась за кучку диссидентов или националистов. Никто не мог и думать или предвидеть, что жившие столько десятилетий в условиях существующего социалистического строя граждане страны могут выступать против «реального социализма». Но действительность оказалась иной. С суровостью новых явлений столкнулись в своей практике, прежде всего, органы КГБ. Неформальные общественные объединения в предвыборный период 1989 года в республике провели свыше 1200 сборищ и митингов с участием нескольких миллионов человек. Особенно активны были кандидаты от Руха (Народний рух Украши – Народное движение Украины); их предвыборная платформа содержала до 40 позиций, среди которых были вполне легальные и привлекательные требования: достижение суверенитета, построение правового государства, гарантированные права человека, национально-культурное возрождение и т. д.

Процесс демократических преобразований в стране вышел на такую ступень, которая позволяла на вполне законной основе реализовать провозглашаемые намерения Руха: мирным, парламентским путем прийти к власти, добиваться полной самостоятельности Украины. Руховцы не выдвигали четкой экономической программы, но в своих шумных пропагандистских акциях обрушивались на коммунистов с обвинениями в провале реформ и политики перестройки, в резком упадке социального уровня жизни населения. Сами же не брали на себя

и доли ответственности за положение в народном хозяйстве, не отвечали за свои, в ряде случаев нарушающие закон, антиобщественные акции.

Предпринимаемые органами КГБ и МВД попытки пресечения силовыми средствами несанкционированных митингов и демонстраций вызывали озлобленную ответную реакцию, приводили к осложнению обстановки на местах. Экстремистские и националистические элементы именно этого и желали: «чем хуже, тем им лучше».

Оперативные сотрудники выходили на непосредственные контакты с организаторами подобных публичных акций, стремились влиять на них в том плане, чтобы избежать массовых беспорядков, иных преступных проявлений.

Начальник 5-го управления КГБ Подгайный вспоминает, что тогда в нашей стране обсуждались разные подходы к решению проблемы оздоровления и стабилизации обстановки. Но всегда побеждал трезвый подход: силу ни в коем случае применять нельзя. Он пишет о том, что «Н. Голушко придерживался именно этой тактики и проводил ее в жизнь. (Москва в решении наших вопросов советчиком уже не была, ее в это время занимали иные проблемы, которые обусловливались борьбой за столичный престол – *прим. авт.)* Председатель КГБ Украины неустанно наставлял: «Не закрывайтесь в своих кабинетах, не уклоняйтесь от встреч и дискуссий с митингующими. Говорите с ними, разъясняйте, чем занимаются органы безопасности. Пусть они смотрят вам в глаза и не видят в вас каких-то монстров».

Оперативному составу давались установки «вписываться в процессы демократизации», применять в своей деятельности такие методы предупреждения негативных проявлений, которые были бы понятны и поддерживались населением. Со стороны руководителей КГБ Москвы и Киева оставались твердыми указания не допускать нарушения законности, прав человека, избегать провокационных действий.

Многие представители общественности ликовали по поводу свободных выборов и другого демократического шага, а именно: внедрялась многопартийность, устранялась монополия одной партии при проведении избирательных кампаний. Но в тот период, когда отсутствовала практика жизни общества при демократических и многопартийных условиях, последствий от таких политических нововведений никто серьезно не просчитывал. Я подчеркиваю это как свершившийся факт в истории страны, без всякого осуждения или сожаления, ведь сам как народный депутат СССР голосовал за эти и многие другие демократические преобразования.

Суровая действительность показала, что введение в стране многопартийности для КПСС было губительным шагом. Впервые после ликвидации партией большевиков своих политических оппонентов (социал-демократов, монархистов, эсеров, троцкистов и других «неформалов») со времен Гражданской войны, в жизни КПСС появилась конкуренция со стороны других политических партий, а главное, началось соревнование новых идеологических платформ и новых политиков.

Следует откровенно признать, что руководящие структуры компартии, аппарат исполнительных органов республики (да и КГБ) не были готовы действовать в условиях стремительно развивающихся центробежных процессов. Партийный аппарат превращался в хозяйственный орган, вместо управления идеологическими и духовными процессами, перехвата инициативы на местах, живой связи и разъяснительной работы с населением стал уповать на запретительные меры. На законодательном уровне были приняты известные законы о запрещении митингов, демонстраций без предварительного разрешения местными властями. Вырабатываемые законодательные меры, особенно с упором на запретительные варианты, оставались далекими от провозглашаемых задач обновления советского общества.

Я проводил предвыборную встречу с избирателями в Черняховском районе Житомирщины, когда мне позвонил Щербицкий. В моей служебной машине за сотни километров прекрасно действовала засекреченная телефонная связь, поэтому разговор был откровенным.

Щербицкий поручил встретиться с первым секретарем Житомирского обкома партии В. Кавуном и выработать меры к недопущению «несанкционированного митинга» в городе Житомире. Как ему объяснили, кандидат в народные депутаты СССР журналистка Алла Ярошинская и ее команда без согласования с местными властями организуют общегородской митинг. Опасались, что это может вызвать нежелательные эксцессы, тем более что для поддержки Ярошинской прибыло московское центральное телевидение. По указанию ЦК из Киева в Житомир выехали ответственные работники милиции во главе с заместителем министра внутренних дел.

Через несколько минут (Черняховск находится недалеко от Житомира) в областном управлении КГБ я заслушал генерала Жана Коваленко по этому вопросу. Начальник управления доложил, что на призывы к проведению митинга, тем более в выходной день, может откликнуться значительное число жителей города, однако сведений о нежелательных акциях не имеется. Обсудив надлежащие действия с нашей стороны, вместе с Коваленко встретились в обкоме партии с Кавуном. Сейчас уже никто не помнит, что в хрущевские времена Кавун был очень авторитетен, возглавлял союзный совет председателей колхозов. Выслушав речь о напряженной политической обстановке, планируемом применении сил, вплоть до конной милиции и водометов против «незаконного и несанкционированного» митинга, я задал секретарю обкома вопрос:

– Вы действительно намечаете осуществить в ходе избирательной кампании высказанные меры против жителей областного центра?

– Но на этот митинг не было предварительной заявки и разрешения местных властей, чего требует недавно принятый закон, – прозвучал главный аргумент руководителя обкома.

Мною было подчеркнуто, что в конкретном случае Кавун допускает ошибочную ссылку на закон о запрещении несанкционированных митингов. В ходе избирательной кампании действует законодательство о выборах; зарегистрированный кандидат в депутаты наделяется значительными полномочиями, в том числе и правом организовать и выступить на митинге, отвечать за их последствия. Час назад на площади возле универмага вокруг меня собрались сотни жителей, и я выступал, словно на стихийном митинге. Пришлось объявить Кавуну, что в пресечении намечаемого митинга сотрудники КГБ участвовать не будут; но если произойдут и не будут предотвращены антиобщественные проявления, даже хулиганского характера, то начальник УКГБ Коваленко понесет персональную ответственность.

Около 9 часов вечера я вернулся из Житомира и позвонил Щербицкому, который оставался еще на работе. Он снова повторил о необходимости требовать от всех соблюдения законов, не допустить организации несанкционированного митинга в областном центре. Я осмелился ответить, что обком партии без веских оснований нагнетает обстановку, при этом не совсем правильно трактуются законодательные нормы. Щербицкий внимательно выслушал мои доводы, попросил зачитать ему содержание соответствующих статей союзного закона о выборах. Он жестко отозвался о работниках ЦК, которые, как он выразился, «целый день тыкали мне в нос закон о запрещении несанкционированных собраний», и прекратил телефонный разговор. Я так и не понял, правильно ли поступил, когда затеял дискуссию с членом Политбюро ЦК КПСС. Мои раздумья прервал телефонный звонок второго секретаря ЦК Ивашко с вопросом: «Что ты там наговорил В. В.?» Не успели мы обсудить ситуацию, как снова раздался зуммер прямой связи с Щербицким:

– Позвоните в Житомир Кавуну и передайте, чтобы он «не порол дурочку», – так лаконично он сформулировал свое указание.

Впервые без административного вмешательства и мобилизации трудовых коллективов в Житомире собралось несколько тысяч граждан, проявилась высокая общественная инициатива населения города. Все прошло без каких-либо эксцессов. Ярошинская, добившаяся на выборах в народные депутаты СССР победы с большим преимуществом (по-моему, свыше

80 %), и на этот раз оказалась верна собственным убеждениям: она резко выступила на митинге, правда, не против советской власти и коммунизма, а с осуждением «кавунизма».

Но на этом внимание обкома партии к оппозиционному кандидату в депутаты не ослабло. Кавун потребовал опубликовать в печати материалы о дяде Ярошинской как о немецком пособнике в годы Великой Отечественной войны. Следственное дело хранилось в архиве УКГБ Житомирской области. Мне позвонил Коваленко с вопросом, что ему делать, как быть? Кавун требует уголовное дело для публикации статьи в областной прессе. Из дела было видно, что фашисты после занятия

Житомира мобилизовали 15-17-летних юношей для заготовки леса. Построили их в шеренгу, вывели из нее каждого десятого и под угрозой расстрела назначили в службу самоохраны, выдав оружие. Присяги немцам не давали, немецкой формы и знаков различия не имели. К несчастью, юноша, будущий дядя Ярошинской, оказался в строю десятым… После войны, в 1948 году (она к этому времени еще не родилась), он был арестован за пособничество немецко-фашистским захватчикам, а после смерти Сталина был освобожден из лагерей со снятием судимости.

Мною было дано указание ни при каких обстоятельствах не выдавать архивные материалы. Обеспокоенный генерал бросил: «А как же мне в дальнейшем ходить в обком, если я откажусь выполнять указание первого секретаря?» В конечном итоге уголовное дело из архива запросил прокурор области, статья в областной газете была опубликована. О давлении местных властей в ходе избирательной кампании в отношении народного депутата СССР Ярошинской была опубликована разгромная статья в «Литературной газете», в ней же появилась ссылка на то, что КГБ принял участие, в частности, в обнародовании архивных сведений о судимости родственника. Об этой газетной публикации Горбачеву доложил Яковлев, «прораб перестройки». Для проверки нарушений законности в ходе выборов в Житомире прибыла грозная комиссия из Москвы, в ее состав входили работники ЦК и инспекторского управления КГБ СССР. Члены этой комиссии беседовали и со мной; позицию КГБ республики они полностью поддержали.

Уже после выборов я познакомился с Ярошинской. Она поделилась со мной тем, что ее мужу, офицеру в системе МВД, без всяких причин и объяснений более года не присваивают очередное воинское звание, хотя в своем подразделении он был секретарем первичной партийной организации.

После развала СССР Ярошинская не вернулась на Украину, работала в аппарате Президента России – являлась членом Президентского совета. В опубликованных остросюжетных романах «Кремлевский поцелуй. Криминальный транзит», «Кремлевский поцелуй. Полковник знает все», «Босиком по битому стеклу» Ярошинская раскрывает закулисную «президентскую кухню», пикантные подробности частной жизни «небожителей» Кремля, драматическое противостояние «власть – народ». В последние годы проявила себя как общественный деятель. Она увлеклась философией ядерной безопасности (стала кандидатом философских наук, редактором-составителем фундаментальной «Ядерной энциклопедии»).

Когда началась избирательная кампания в народные депутаты СССР, ко мне обратились руководители Ружинского района, где я два года назад был депутатом Верховного совета республики, и сообщили, что несколько трудовых коллективов выходят с предложением выдвинуть мою кандидатуру. Любовь к этому краю Житомирщины пересилила. Я дал согласие баллотироваться по Коростышевскому территориальному округу, куда входили семь сельских районов: Коростышевский, Ружинский, Попельнянский, Андрушевский, Малинский, Черняховский и Радомышльский. Когда надо было принимать окончательное решение, я обратился к Щербицкому. Состоялся откровенный, как мне показалось, теплый разговор. Он сказал, что настало время занять мне место кандидата в члены Политбюро ЦК КПУ, которое традиционно, со времен Балицкого, закреплялось за должностью руководителя КГБ республики. Партийная

номенклатура, правительственные чиновники в те годы были расписаны, какого уровня депутатства или членства в ЦК достойна занимаемая должность (не всегда – личность).

Я спросил мнение Щербицкого, как он отнесется к тому, если я сосредоточусь на депутатской работе без вхождения в состав Политбюро ЦК КПУ На его заседаниях я постоянно присутствую, готов выполнить любое партийное поручение. «А как к этому отнесется твое начальство в Москве?» – поинтересовался Щербицкий. Я ответил, что, по-моему, их этот вопрос не волнует. С одобрения Щербицкого я включился в избирательную кампанию по выборам народных депутатов СССР.

Сегодня я мог бы сказать, что предвидел скорое устранение партийного влияния Политбюро ЦК КПУ на органы КГБ, что законодательная власть мне будет ближе по решаемым задачам. Конечно же нет, я не руководствовался такими соображениями, оставаясь коммунистом. Скорее всего, я боялся, что не смогу ответственно выполнять многочисленные обязанности на два фронта: народного депутата и кандидата в члены Политбюро – не потяну плуг (здесь я вспомнил часто употребляемое Щербицким выражение: «Каждый должен тянуть свой плуг»).

В роли кандидата в народные депутаты СССР я снова стал посещать школы, животноводческие комплексы, сахарные заводы – сельская среда, трудолюбивые люди мне были знакомы и дороги с самого детства.

В этот период впервые входило в практику обнародование личной предвыборной программы кандидата в депутаты. В подготовленной программе я отмечал, что выступаю за перестройку и революционное обновление всех сторон жизни государства и общества, дальнейшее развитие социалистической демократии и гласности, подлинное и полное народовластие. Наиболее важным рассматривал свое участие в становлении новой политической системы, возрождении власти трудящихся, расширении суверенитета и прав союзных республик, а также укреплении интернациональной дружбы, сотрудничества и сплоченности всего советского общества, всех наций и народностей. В случае избрания обещал приложить все усилия для решения актуальных для жизни государства и общества задач, каковыми считал следующие. Разработка новых законодательных актов, гарантирование верховенства закона как основной формы политико-правового регулирования общественных отношений, обеспечение равенства всех советских людей перед законом и подчинение всех государственных органов, должностных лиц и советских граждан исключительно закону, разработка и законодательное закрепление принципов законности, правовой защищенности личности, укрепление гарантий конституционных прав и свобод советских граждан, расширение возможностей оказания советским людям правовой помощи и защиты. Совершенствование системы правовой защищенности военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов при выполнении ими действий по отстаиванию интересов демократии, социализма, укреплении правопорядка. Принятие нового открытого законодательства, регламентирующего права и обязанности государственных органов, должностных лиц и советских граждан по обеспечению надежной безопасности СССР, охране государственной и военной тайны. Установление

Верховным советом СССР постоянно действующего контроля над деятельностью КГБ, Минобороны, МИД, МВД СССР в области обеспечения надежной обороноспособности и безопасности страны. В применении законодательства – повышение политической и правовой культуры, создание в стране государственной системы юридического всеобуча. Основное в деятельности органов государственной безопасности – воспитание сотрудников в духе законопослушности и создание стойкого иммунитета против любых нарушений принципов социалистической законности и социальной справедливости. Постоянная работа на территории избирательного округа по выполнению наказов трудящихся, затрагивающих решение вопросов продовольственной политики, экологии, переустройства села, превращения сельского труженика в полноправного хозяина на земле.

Таковы были мои взгляды и принципы, высказанные в предвыборной программе в феврале 1989 года, которые я оставляю для собственной памяти и истории.

Система власти и Коммунистической партии Украины дала трещину тогда, когда на выборах сначала в народные депутаты СССР в 1989 году, позднее – депутатов в украинский парламент потерпели поражение многие руководящие работники ЦК, областных, советских и партийных организаций. В стране проиграли на выборах до 40 первых секретарей обкомов. В наши дни сказали бы, что не избрана половина губернаторов и глав субъектов Федерации в России.

К власти приходили отдельные личности, которые были подняты на поверхность демократическими революционными настроениями. Их отличали приоритет собственных интересов, корысть, лицемерие, нахрапистость, отсутствие личной ответственности перед народом. О таких, как они, писал в своем дневнике еще в 1918 году академик Владимир Вернадский: «Ощущаю боль – насколько вредит всему движению низкий моральный уровень украинских политических деятелей».

Оппозиционные депутаты в городском совете Киева получили до 40 % голосов; в Харьковском областном совете – около 70 %. Статистика небывалая и тревожная для коммунистов; избиратели отдавали голоса кандидатам из Руха или независимым депутатам, которые не идентифицировали себя с предвыборными позициями КПСС.

В пролетарском Харькове в ходе выборов народных депутатов СССР одержали победу «заезжие из Москвы» поэт Евтушенко и редактор журнала «Огонек» Коротич.

На заседание Политбюро ЦК КПУ были приглашены все секретари обкомов, когда подводились итоги прошедшей кампании. Я никогда не видел Щербицкого более расстроенным и сердитым. Он понимал, что в республике многие партийные кадры не нашли поддержки у населения, что угрожало, как в последующем и случилось, серьезными последствиями для коммунистической партии. Первый секретарь Киевского горкома партии К. Масик, не набрав голосов, оправдывался тем, что народ проголосовал против партии, а не против «меня лично». «Против меня голосовали чекисты, как это понимать?» – бушевал он на заседании Политбюро. На Киевских курсах усовершенствования руководящих работников количество слушателей школы не превышало двухсот. О таком числе избирателей можно было бы не упоминать, но факт остается фактом: сотрудники КГБ проголосовали против. Масика резко оборвал Щербицкий: «Не отождествляйте себя с партией. А что касается чекистов, то в зале находится председатель КГБ. Критика органов звучит в обществе нисколько не меньше, чем в адрес партийных органов за общее состояние дел в стране. Он недавно приехал в республику. Спросите, как он вел избирательную кампанию и каковы результаты голосования за него жителей Житомирщины?» (За меня подано более 94 % голосов избирателей. На первом месте был Борис Громов, прибывший командующим Киевским военным округом.)

В течение двух месяцев почти ежедневно я посещал семь районов избирательного округа, благо на машине до любого из них всего час езды. В общении с избирателями я не уходил от острых проблем, был откровенен, не любил формализма, понимал, что пустая болтовня руководителя в конечном итоге порождает недоверие к власти.

Несколько слов о депутатской работе. Я входил в состав комитета Верховного совета СССР по борьбе с преступностью, когда им руководил Ю. Голик. Был активен во встречах с избирателями округа. За время депутатства получил около трех тысяч писем. На каждое ответил. Не скрою, что самому это сделать было физически невозможно, выручали референт Фетисов и мои помощники из местных жителей в каждом районе.

Мне было чем отчитываться перед избирателями: помогали в правительстве республики, особенно в газификации районов. Я нашел поддержку в образовании Брусиловского района, когда обратился в Верховный совет республики. Решение было непростым, так как в

стране, наоборот, шло объединение районов, сокращение количества областей. В обращении в Верховный совет я указывал, что избиратели поднимают проблему создания административно-территориальной единицы – самостоятельного Брусиловского района – для компактного переселения на его территорию людей из Народичей, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. В дальнейшем у населения региона сформировалось милосердное общественное мнение о готовности оказания им всяческой помощи, что способствовало улучшению психологического состояния переселяемых граждан, являлось наиболее оптимальным вариантом компактного размещения эвакуируемых из пораженной радиацией зоны.

1989-й был особенным годом в демократическом развитии страны. Огромную роль сыграли заседания съездов народных депутатов СССР. Для населения страны это было время ожиданий и надежд на новую жизнь. Депутатским корпусом было поставлено столько важных проблем, что разрешение их продолжается и в наши дни. В их числе – демократическое законодательство, переход от плановой экономики к рыночным отношениям, введение многопартийности, свободные выборы, регулировка суверенных прав и экономических отношений союзных республик, национальные, экологические проблемы и т. д. Но главную задачу – укрепление и сохранение Союза – съезд народных депутатов не решил из-за слабости руководства страны, ошибок реформаторской части ЦК во главе с Горбачевым, действий центробежных оппозиционных и сепаратистских сил.

В марте завершилась кампания по выборам народных депутатов СССР, в мае прошел первый съезд, а Украина стала готовиться к республиканским выборам органов власти – от Верховного до областных и местных Советов. В октябре был принят республиканский закон о выборах народных депутатов. Он отличался от союзного законодательства, прежде всего тем, что в республике отказались от такой структуры, как съезд народных депутатов. Закон был новаторским: предусматривались прямые выборы состава Верховного совета УССР в количестве 450 депутатов, отменялась практика выдвижения от политических партий или списком без народного голосования. В законе заложены нормы альтернативности: регистрация не менее двух кандидатов по округам; в предвыборной программе кандидат имел право призывать к изменению (не насильственным путем) отдельных положений союзной и республиканской Конституций; депутатами могли избираться граждане, проживающие на Украине.

Завершение 1989 года стало предвестником сложных политических потрясений в стране. Происходили настораживающие тенденции. В некоторых союзных республиках среди части коренного населения разгорался откровенный националистический угар. Москва – центр Союза – в ряде республик преподносилась как «империя зла», несущая оккупацию и угнетение. В Армении и Грузии были отменены военные парады в дни празднования годовщины Октябрьской революции из-за боязни столкновений с радикальными националистами. Верховный совет Грузинской ССР принял заявление о том, что присоединение в 1922 году республики к Советскому Союзу было незаконным, а ее «священное право» на самоопределение было растоптано «имперской коммунистической диктатурой».

В 1989 году наши «визави» – спецслужбы США – расценивали обстановку в стране как «великое наступление на Советский Союз, которое успешно развивается». По их оценке, 30 тысяч ядерных боеголовок и самая большая в мире советская армия оказались не в состоянии прикрыть территорию своей страны от всепроникающего доллара, который уже наполовину уничтожил российскую промышленность, добил коммунистическую идеологию и разъел советское общество. СССР уже не сможет сопротивляться, его падение аналитики ЦРУ предсказывали в течение двух-трех лет. Крючков вспоминает, что Горбачев оказался недоволен такой информацией КГБ о предстоящем развале Союза, полученной из недр спецслужб противника, и бросил фразу: «Кому нужно так нагнетать атмосферу?»

Глава четвертая
Кгб в чернобыльской трагедии

Контрразведывательная работа органов государственной безопасности на объектах ядерной промышленности и энергетики ставилась в качестве важнейшей задачи защиты экономики и обеспечения экологической и радиационной безопасности СССР. Она включала в себя содействие администрации и режимным службам в осуществлении безаварийной и надежной эксплуатации ядерных объектов. Главная обязанность – своевременное выявление слабых, уязвимых мест и предупреждение происшествий, аварий, ошибок в функционировании объектов атомной энергетики (помимо ведомственного ядерного надзора), которые могли угрожать возникновением чрезвычайных ситуаций, могущих нанести вред здоровью и жизни людей. Опыт оперативной деятельности показывал, что даже мелкие отклонения от установленных нормативов при строительстве, нарушения техники безопасности в ходе эксплуатации ядерных объектов требовали немедленного реагирования и принятия надлежащих мер по недопущению тяжких последствий.

Ядерная энергетика в СССР зарождалась из недр военно-промышленного комплекса, где в силу ракетно-ядерного противостояния двух сверхдержав и объяснимой специфики всегда присутствовала оправданная повышенная секретность. Военно-политическая доктрина развития ядерного комплекса страны преследовала важную цель – опередить потенциального противника в создании новых видов атомного вооружения, сдержать тем самым его агрессивность. В этой связи защита государственной тайны и соблюдение режима секретности на ядерных, военных и мирных объектах осуществлялась органами государственной безопасности с повышенной требовательностью.

История украинской атомной энергетики берет начало с 1977 года, со времени ввода в промышленную эксплуатацию первого энергоблока на Чернобыльской атомной электростанции.

В период моего киевского пребывания, на Украине функционировали уже пять атомных электростанций с 15 энергоблоками и еще две АЭС (Ровенская и Хмельницкая) сооружались. В густо населенной республике, территория которой составляла около 3 % общей площади СССР, была размещена четвертая часть общесоюзных мощностей атомных станций, дававших стране до половины электроэнергии.

Работа КГБ Украины в этой сфере имела свою специфику, заключающуюся в том, чтобы все дислоцированные в республике атомные станции относились к объектам прямого союзного подчинения. В связи с этим зачастую возникали проблемы, как разделить союзную и республиканскую ответственность при сооружении и эксплуатации АЭС. Установление контроля за радиационным состоянием оставляло желать лучшего. Приоритет во всех этих направлениях деятельности оставался за союзными министерствами. В тех областях Украины, где имелись ядерные объекты, в управлениях КГБ работали компетентные сотрудники, как правило, с профильной вузовской подготовкой и знаниями радиационных вопросов. На каждой АЭС они отслеживали обстановку в плане предупреждения чрезвычайных ситуаций, пожаров, взрывов, радиоактивных выбросов, исключения диверсионных актов. При получении тревожных сигналов следовал немедленный доклад в экономическое (6-е) управление КГБ УССР, где информация обобщалась и направлялась в КГБ СССР и параллельно в ЦК, правительство Украины, в соответствующие министерства.

Чернобыльская АЭС была второй по мощности станцией атомной энергетики в СССР (вырабатывала 10 % электроэнергии для Украины) и как важнейший стратегический объект находилась в поле постоянного оперативного внимания.

26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС произошла крупнейшая ядерная катастрофа, ставшая одним из самых трагических событий в истории страны. Ее последствия привели к радиоактивному заражению огромных территорий плодородных земель трех советских республик – Украины,

Белоруссии, РСФСР, где проживало свыше семи миллионов человек. Из зараженной зоны эвакуировано свыше 200 тысяч человек, уничтожены сотни населенных пунктов. Жизнь половины населения Украины могла оказаться в крайней опасности, если бы ликвидаторы аварии, прежде всего шахтеры, не предотвратили прорыв со станции отравленной радиационной воды в могучий Днепр.

Катастрофа настигла и наших братьев меньших. Никто не знал, как поступать с крупным и мелким рогатым скотом, собаками, кошками, ведь их шерсть «светилась». Было забито около 15 тысяч голов крупного рогатого скота, а проблема его утилизации решалась с большими затратами. К концу 1986 года в зоне ЧАЭС пришлось решать участь свыше 20 тысяч бездомных кошек и собак.

Страшным наследием остаются свыше 1000 мест захоронений радиоактивных отходов, сооруженных могильников автомобилей, вертолетов и другой техники.

Еще ранее черной даты катастрофы, в 1983–1985 годах на Чернобыльской АЭС произошло шесть аварий и 63 отказа основного оборудования, что создавало предпосылки возникновения тяжелых последствий. В ходе оперативной работы органами КГБ вскрывались факты некачественного выполнения строительно-монтажных работ, поставок бракованного оборудования, нарушения технологических норм эксплуатации станции и требований радиационной безопасности. Партийные и правительственные инстанции информировались о выявленных слабых местах в обеспечении радиационной безопасности для принятия надлежащих мер. Мне известно, что 6-е управление КГБ СССР (руководители Ф. Щербак и В. Прилуков) до Чернобыльской аварии направило в Политбюро ЦК КПСС свыше 40 аналитических записок об угрожающих ситуациях на действующих АЭС.

За прошедшие годы были опубликованы многочисленные научные исследования в различных отраслях знаний, касающиеся причин и масштабов аварии, поиска путей локализации ее последствий. Об этой техногенной катастрофе появилось множество статей публицистического характера, зачастую основанных не на достоверном анализе, а на эмоциях авторов.

Хочу коснуться отдельных проблем, с которыми сталкивался в своей работе. При напутствии на должность председатель КГБ СССР Чебриков потребовал от меня постоянного внимания к проблемам аварии на Чернобыльской АЭС, которые стали общесоюзными заботами.

В июле 1987 года, буквально через три месяца после моего приезда в Киев, на имя Щербицкого и председателя Совета министров Украинской ССР Масола я направил докладную записку о складывающейся обстановке на украинских АЭС с серьезными заключениями о том, что союзные и республиканские ведомства не сделали должных выводов из уроков Чернобыльской аварии. Мне известно, что Щербицкий при поездке в Москву обсуждал содержание записки с Горбачевым.

Прошел ровно год со времени катастрофы на Чернобыльской АЭС, когда я прибыл на работу в КГБ УССР; завершалось расследование по уголовному делу причин аварии и установление виновников, сотни наших сотрудников вахтовым методом выезжали в закрытую тридцатикилометровую зону для решения разнообразных задач в ходе ликвидации последствий аварии.

В 2001 году Службой безопасности Украины (СБУ) осуществлено издание секретных документов, не известных общественности, освещающих основные направления деятельности КГБ Украинской ССР по предупреждению и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Предание гласности документальных материалов (большинство из них за моей

подписью) о масштабах проводимой сотрудниками КГБ работы на Чернобыльской АЭС до и после аварии стало настоящим шоком для различных диссиденствующих элементов, разоблачало их лживые измышления. Неспроста депутат Верховной рады Украины Степан Хмара, один из ортодоксальных украинских националистов, расценил издание сборника материалов советского периода так: «Органы СБУ просто решили поиграть в демократию».

Если систематизировать сообщения КГБ Украины в высшие органы власти и управления, то видно, что они охватывали широкий круг вопросов, относящихся к контрразведывательному контролю за объектами ядерной энергетики. Они касались фактов отступления от проектов, нарушения технологии строительно-монтажных работ при сооружении энергоблоков; результатов расследования внезапных остановок энергоблоков; возникновения опасных ситуаций в доаварийный период на Чернобыльской АЭС; анализа экономических, экологических, медико-биологических последствий аварии; технического состояния и радиационной безопасности возведенного укрытия (саркофага) на Чернобыльской АЭС.

Документы КГБ освещали социально-бытовые недостатки в обеспечении рабочего персонала при строительстве и эксплуатации станции, основные инженерно-технические и организационно-кадровые вопросы, возникающие в ходе ликвидации аварии на атомной станции. Конечно, КГБ УССР касался проблем Чернобыля в пределах своей компетенции. Необходимо отметить, что многие принципиальные аспекты развития атомной энергетики на Украине ставились Академией наук УССР, ее президентом, академиком Б. Патоном. В частности, ученые указывали на слабое прогнозирование эколого-экономических последствий сооружения АЭС, ошибки в выборе площадок для размещения атомных станций, недостаточную профессиональную подготовку специалистов.

Особенностью информации КГБ, касающейся обстановки на АЭС, являлось то, что она носила не узко специализированный, а комплексный анализ возникающих негативных явлений на ядерных объектах в республике. К великому сожалению, не всегда тревожная информация вызывала надлежащую реакцию.

Начальник экономического управления КГБ УССР генерал Ю. Князев вспоминает, что в первые дни аварии они столкнулись с поразительной ситуацией. Оказалось, что некоторые компетентные ученые-атомщики не решались давать объективные прогнозы, опасаясь вызвать раздражение у партийных руководителей страны. Тем, кто первым дал честную оценку масштабов катастрофы, приказали замолчать. И только сотрудникам из руководящего состава КГБ они не боялись открывать всю правду. «Хочу особо подчеркнуть, что речь идет не об агентуре – ее не было среди академиков и не должно было быть, – отмечал Князев. – Мы стали просто общаться с порядочными людьми, болеющими за свой народ, за государство».

Еще до наступления катастрофы был известен случай, когда сообщения отдела КГБ в городе Припяти о тревожном увеличении чрезвычайных происшествий на Чернобыльской АЭС руководством республиканского КГБ были квалифицированы как дезинформация, а сотрудники, представившие эти сведения, были наказаны по службе.

27 апреля, на следующий день после взрыва на атомной станции, в составе правительственной комиссии из Москвы прибыл член коллегии КГБ СССР генерал-лейтенант Федор Алексеевич Щербак, которому были переданы вышеуказанные материалы. В Москве ответственным за организацию работы по линии органов КГБ по ликвидации последствий аварии на АЭС был назначен первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Бобков; рабочую группу возглавлял первый заместитель начальника 6-го управления генерал-майор Прилуков.

Сотрудники отдела КГБ в городе Припяти хлебнули сполна с первых минут пребывания в этом ядерном пекле. Начальник отдела Клочко, оперативные работники Суховилин и Богдан через несколько минут после аварии оказались в самом центре АЭС, выясняли обстоятельства взрыва, которые наряду с выводами специалистов-атомщиков легли в основу принимаемых

производственных решений о причинах аварии. Все офицеры горотдела КГБ за короткий промежуток времени получили годичную норму радиоактивного облучения и были госпитализированы.

С первых дней работы в Киеве я стал знакомиться с материалами оперативного сопровождения расследуемого уголовного дела, экспертными заключениями и исследованиями многочисленных версий об истинных причинах и виновниках аварии. В ходе оперативных мероприятий отрабатывались разные версии, которых было более десятка.

Основное внимание уделялось отработке следующей версии: не были ли на Чернобыльской АЭС совершены диверсионные действия? Конечно же, для многих заинтересованных лиц самым желаемым результатом явилось бы списание ответственности за взрыв на ядерном объекте на террористов; отмечались попытки увести расследование на эту версию.

Бытовали самые неожиданные предположения о причинах аварии на ЧАЭС. Например, Горбачевым высказано такое мнение: «…я бы предпочел, чтобы никто виноват не был. Ведь существует, к примеру, версия, что взрыву предшествовал подземный толчок…»

Ядерный реактор и реакторный зал (сооружение высотою в 73 метра) были полностью разрушены взрывом, в недрах реактора продолжались неконтролируемые физические процессы. Суммарный выброс радиоактивных отходов был в 500 раз больше, чем в Хиросиме. Температура внутри разрушенного ядерного реактора достигала до 2000 градусов по Цельсию; водозаборник объемом 11 тысяч кубических метров радиоактивной воды был заполнен сверхзагрязненной водой, по радиоактивности превышающей в миллион раз естественное состояние, что в случае прорыва к воде раскаленного графита и ядерных остатков угрожало еще одним мощным тепловым взрывом.

В таких невероятно тяжелых условиях, при высоком уровне радиации приходилось работать ликвидаторам: специалистам-атомщикам, шахтерам, пожарникам, службам КГБ и МВД, вертолетчикам, солдатам срочной службы, которые в первые дни после аварии «вилами» сбрасывали радиоактивные обломки.

Взрыв на Чернобыльской АЭС произошел в результате недостаточного внимания к человеческому фактору, ошибочных и безответственных действий администрации и инженерно-технического персонала станции в сочетании с принципиальными недоработками в системах защиты.

Мучительным для понимания остается такое обстоятельство: на Чернобыльской АЭС перед взрывом проводился нестандартный эксперимент, который был разработан предприятием, далеким от ядерных проблем. Отсутствовал технический инструментальный контроль за запасом реактивности, наиважнейшим параметром, обозначающим безопасность энергоблока. Академик Александров при знакомстве на месте взрыва с этим неплановым экспериментом заключил: «Как будто дьявол руководил и подготавливал взрыв».

Следователь прокуратуры С. Янковский при расследовании уголовного дела пришел к убеждению, что «авария на ЧАЭС – дело рук невежд от атомной энергетики».

Сотрудники КГБ СССР, Украины, многих республик Советского Союза принимали активное участие в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, достойно выполняли свои обязанности и гражданский долг. В первое время, наиболее тяжелые дни и месяцы, при ликвидации последствий аварии непосредственно в загрязненной и опасной радиационной зоне из союзного и республиканских КГБ побывали: В. Чебриков, Ф. Бобков, руководители управлений центрального аппарата Ф. Щербак, В. Прилуков, В. Хапаев, Г. Кузнецов, А. Пушкаренко, В. Михайлик; около полутора тысяч сотрудников органов КГБ Украинской ССР; прикомандированные оперативные и технические специалисты КГБ СССР и ряда братских союзных республик.

Специальную работу проводили сотрудники засекреченного подразделения центрального аппарата КГБ СССР, возглавляемого генерал-лейтенантом В. Н. Горшковым, в частно-

сти отряд генерал-майора В. С. Орлова. Кстати, Валентин Сергеевич одним из первых чекистов-чернобыльцев получил орден Мужества.

Украинские оперативно-следственные группы месяцами находились в Чернобыльской зоне, возглавляемые генералами В. Евтушенко, Ю. Петровым, Л. Быховым, Г. Ковтуном; начальниками ведущих управлений КГБ УССР Ю. Шрамко, Ю. Князевым, Л. Макаровым, Н. Гибадуловым, Ю. Барковым, В. Слободенюком и другими.

Все ликвидаторы, по существу, побывали на атомном фронте. Через него прошли также секретари ЦК Компартии Украины (Ивашко, Гуренко), Киевского обкома и облисполкома (Плющ), главы украинского правительства (Масол, Фокин), руководители ряда ведущих министерств.

Коллега из МВД, первый заместитель министра Дурдинец, руководил штабом МВД по ликвидации последствий аварии с апреля 1986 по август 1989 года, в последующие годы он возглавлял Министерство по вопросам чрезвычайных ситуаций и защиты населения Украины.

От прокуратуры республики для проведения расследования в первые дни аварии на Чернобыльскую АЭС прибыл будущий генеральный прокурор Украины Потебенько, с которым мне довелось взаимодействовать все годы службы на Украине.

Из Москвы прибывали высокие комиссии во главе с председателем правительства СССР Рыжковым, его заместителями Маслюковым, Щербиной, постоянно находились выдающиеся советские ученые-атомщики Александров, Лигасов, Велихов и другие. Кстати, ликвидаторы аварии отмечают, что приезды к ним Рыжкова были наиболее результативными, незабываемыми. «Человек большого личного обаяния, он имел мужество отвечать честно на самые трудные вопросы».

Не оставались в стороне и советские разведчики (1-е Главное управление КГБ СССР, которое тогда возглавлял Крючков). В соответствии с их заданиями по тематике ликвидации ядерных аварий работали резидентуры за границей; научно-техническая разведка осуществляла целевое добывание соответствующих материалов в интересах ликвидации последствий катастрофы.

Благодаря усилиям советской нелегальной разведки за несколько лет до аварии на Чернобыльской АЭС был получен уникальный доступ к иностранным документам по проектированию и безопасной эксплуатации атомных станций. Разведке удалось вывезти несколько чемоданов документации по данному вопросу.

Хотелось бы выделить работу украинских разведчиков во главе с А. Ширковым. С первых дней аварии была создана специальная группа для обеспечения ликвидаторов аварии мировым опытом дезактивации, образцами специальной техники, используемой за рубежом при ликвидации атомных аварий. Однако, хотя угроза ядерной катастрофы приобрела международный характер, вышла за границы Советского Союза, иностранные державы не спешили делиться своими методиками ликвидации последствий ядерных аварий.

Я неоднократно бывал на месте аварии, в том числе при посещении Чернобыльской АЭС Горбачевым.

В декабре 1987 года вместе с начальником Киевского УКГБ Ю. Шрамко мы подводили итоги работы и ставили задачи сотрудникам Чернобыльского отдела КГБ во главе с полковником А. Миргородским. Отдел сформировали в составе оперативных сотрудников, которых прикомандировали из всех регионов страны. Это были молодые, профессионально подготовленные «мифисты» (МИФИ – головной институт этого профиля), преданные порученному делу, – настоящая гордость советских органов государственной безопасности. Вспоминаю, как после совещания ко мне подошел молодой сотрудник и обратился с доверительной просьбой перевести на работу в любую точку страны по причине грозящего ему мужского недуга от ядерной передозировки. С болью приходится упоминать об этом, но такова жизнь.

Многих сотрудников приходилось заменять по медицинским показаниям. Но не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из оперативного состава отказался от выполнения служебных обязанностей в этой зоне повышенного риска для здоровья. Мы потеряли тридцатилетнего капитана Юрия Решетникова, мастера спорта по волейболу, который получил облучение во время проходки вместе с шахтерами туннеля к разрушенному реактору.

В Киеве с самого приезда я стал свидетелем нападок и обвинений, обрушившихся в адрес В. Щербицкого. Демократы упрекали его в нарушении прав человека; «спасатели» украинской культуры и языка – в проведении политики насильственной русификации; национал-радикалы – в борьбе с украинским национализмом. И вот самый несуразный упрек: в сокрытии истинного положения на Чернобыльской АЭС при организации первомайских празднований в Киеве, под «ядерным чернобыльским солнцем». Я имею собственные аргументы по этому поводу. Если бы в первые дни чернобыльской драмы Щербицкий владел объективными, научно обоснованными сведениями об опасном для жизни населения ядерном излучении, то не согласился бы на проведение массовой первомайской демонстрации, не сделал бы заложником любимого внука, который стоял рядом с ним и его супругой Радой Гавриловной во время демонстрации на праздничной трибуне. Кстати, соответствующие центральные службы страны (которые засекретили всю информацию) накануне первомайских праздников сообщили украинским властям о нормальном радиоактивном фоне. Генеральный прокурор УССР Потебенько вспоминает, что глава Государственного комитета СССР гидрометеорологии Израэль тогда заявил: «…ни разу – я подчеркиваю, ни разу! – уровень радиации не приближался до тех показателей, которые угрожали здоровью человека».

Аварии на атомных объектах, их последствия и главное – методы ликвидации засекречивались в тот период во всех государствах, где они происходили. С 1945 по 1990 годы в США случилось около 300 инцидентов на АЭС и с ядерным оружием. Многое тщательно скрывалось.

Не отставали в этом и наши союзные ведомства. Молчали средства массовой информации. О последствиях испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне страна узнала из выступлений народного депутата СССР, известного казахского поэта Олжаса Сулейменова. Авария на Челябинском объекте «Маяк», гибель у берегов США советской атомной подводной лодки – эти горестные события тогда не предавались публичной огласке. А кто в СССР (может быть, кроме КГБ) знал о случае, когда после планового ремонта на одной из атомных электростанций страны в самом взрывоопасном месте был обнаружен оставленный разводной гаечный ключ?

Некоторые политики обвиняют Горбачева, который на заседании Политбюро ЦК якобы настаивал на усилении режима секретности всех вопросов, касающихся Чернобыльской катастрофы.

Мне было известно, что советские ученые-атомщики и медики в начальный период не владели сведениями о глобальных масштабах последствий аварии на ЧАЭС, а ведь им первыми в мировой практике (не в теории, а в суровой действительности) пришлось столкнуться с такой крупной техногенной катастрофой. Как начальник Дежурной службы КГБ СССР, куда немедленно поступала информация о происшествиях на всей территории страны, в числе первых я прочитал шифротелеграмму КГБ Украины от 26 апреля о случившемся пожаре и взрыве на Чернобыльской АЭС. Она была чисто информационной, не особо тревожной. Авария ядерного реактора на атомной станции стала восприниматься как трагедия лишь после того, как на место взрыва прибыли ведущие специалисты-атомщики из Москвы. Мы, в свою очередь, выполняли срочное поручение: ксерокопировали для направления на Украину более тысячи экземпляров методического пособия Министерства здравоохранения СССР по вопросам профилактики и лечения лучевой болезни. Можно представить нашу неосведомленность, неготовность к таким происшествиям, если даже надлежащих медицинских инструкций в достаточном количестве не имелось.

В Киеве в соответствии с должностью я, естественно, стал владеть обширной оперативной и официальной информацией о положении дел на Чернобыльской АЭС и остальных украинских АЭС. Могу с полной ответственностью заявить, что прозвучавшие в адрес Щербицкого, председателя Совета министров Ляшко и председателя Верховного совета Украинской ССР Шевченко обвинения в сокрытии правдивой информации об аварии или непринятии ими надлежащих мер по защите населения от влияния радиации не имеют под собой ни правовых, ни чисто человеческих оснований. Подобные обвинения исходили от известных в республике национал-радикалов, которые на волне митинговщины безответственно спекулировали этой темой, создавали личную карьеру и придавая значимость собственной персоне. Близкие к Щербицкому люди отмечали, что после трагедии Чернобыля он сильно изменился, заметно сдал физически и морально. Чернобыль стал для него тем незримым тяжелым крестом, который он нес до самых последних дней своей жизни.

Волевая и решительная Шевченко, несмотря на успокоительные заключения специалистов «не допускать панических настроений», тут и там поднимала вопрос о принятии мер по защите населения, в первую очередь детей, призывала к немедленному вывозу школьников из Киева на юг. Позволю сослаться на свидетельство осведомленного в событиях вокруг аварии генерала Князева: «Валентина Семеновна, вы знаете, что я не имею права докладывать вам напрямую, но получена исключительно важная информация от ведущих атомщиков Украины и Союза. Они считают, что необходимо срочно принимать масштабные меры по эвакуации сотен тысяч людей на расстояние гораздо больше, чем 30-километровая зона». Князев сообщил ей, что ученые советуют также вывезти из Киева беременных женщин. Та в ответ воскликнула: «Ой! Да у меня же невестка скоро должна рожать!»

Уже подчеркивалось, что действующие в республике атомные станции были союзного подчинения. Тогдашний министр энергетики Украинской ССР Виталий Скляров, авторитетный и высококомпетентный энергетик, отмечал, что руководство республики «никак нельзя было привязать к аварии» и если бы имелась «малейшая возможность свалить вину на республику, сидеть мне в темнице впереди Брюханова» (директор ЧАЭС Брюханов был арестован).

Щербицкий внимательно относился к информации КГБ в адрес Политбюро ЦК по разнообразным проблемам Чернобыльской АЭС. В опубликованном СБУ сборнике секретных документов можно видеть его четкие и деловые резолюции, например: «Лично т. Кочуре Б. В.: проследите, если по линии МАЭ не будут срочно приняты действенные меры, надо поручить сделать это через ЦК КПСС. Прошу доложить. Щербицкий. 18.12.86 г.». «Ознакомить (лично) секретарей ЦК; тов. Кочуре Б. В. прошу проследить по АЭС. Щербицкий. 21.10.88 г.».

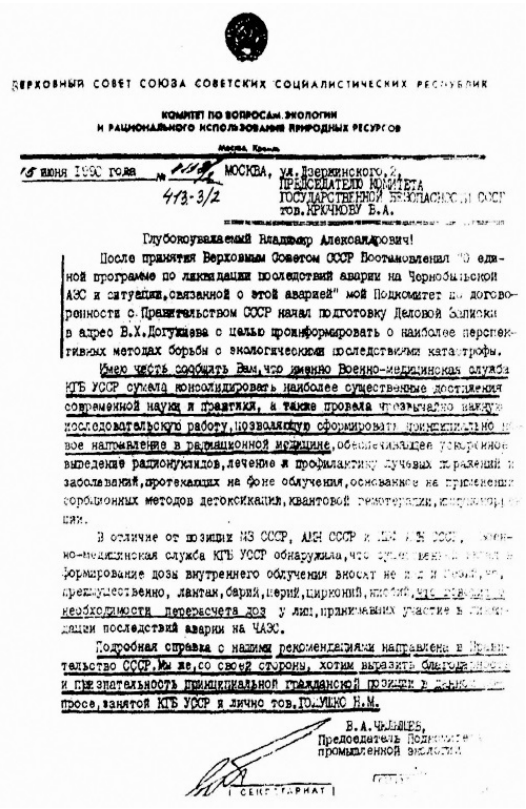
Для себя я считал важной всестороннюю поддержку медиков Военно-медицинской службы КГБ, которые под руководством докторов медицинских наук М. Захараш, И. Диденко, Н. Ивановой и других разработали новое направление в медицине – сорбционную терапию при профилактике и лечении лучевой болезни. Впервые в клинической практике успешно применили сорбционные методы детоксикации и квантовой терапии при лечении подвергшихся радиации лиц и уменьшении медико-биологических последствий влияния облучения на чернобыльцев. Все работы велись в сотрудничестве с учеными Украины – НИИ ядерных исследований, общей и органической химии, генетики, онкологии. Комплекс указанных медицинских исследований и достижений медиков Украины удостоен государственной премии Совета министров СССР.

В Совет министров СССР докладывалась информация (за подписями академика Е. Патона, министра здравоохранения Романенко и моей), что институтами Академии наук УССР и

Военно-медицинской службой КГБ УССР выполнен большой объем работ по медико-биологической оценке, профилактике и лечению методом энтеросорбции лиц, получивших высокую дозу внешнего облучения при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской

АЭС. Новые методы лечения могут использоваться в мирное время, а также в условиях военного периода для профилактики и лечения лиц, находящихся в зоне повышенной радиационной опасности.

Я не перестаю гордиться достижениями небольшого коллектива медицинской службы КГБ Украины. И не только я.



ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

КОМИТЕТ ПО ВОПРОСАМ ЭКОЛОГИИ
И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Москва, Кремль

15 июня 1990 года № 413-3/2

МОСКВА, ул. Дзержинского, 2,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
тов. КРЮЧКОВУ В.А.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

После принятия Верховным Советом СССР Постановления "О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией" мой Подкомитет по договоренности с Правительством СССР начал подготовку Деловой записки в адрес В.Х.Догужиева с целью проинформировать о наиболее перспективных методах борьбы с экологическими последствиями катастрофы.

Имею честь сообщить Вам, что именно Военно-медицинская служба КГБ УССР сумела консолидировать наиболее существенные достижения современной науки и практики, а также провела чрезвычайно важную исследовательскую работу, позволяющую сформировать принципиально новое направление в радиационной медицине, обеспечивающее ускоренное выведение радионуклидов, лечение и профилактику лучевых поражений и заболеваний, протекающих на фоне облучения, основанное на применении сорбционных методов детоксикации, квантовой гемотерапии, иммунокоррекции.

В отличие от позиции МЗ СССР, АМН СССР и ЦК ... ВЛКСМ, военно-медицинская служба КГБ УССР обнаружила, что ... Формирование дозы внутреннего облучения вносят не ... преимущественно, лантан, барий, церий, цирконий, ... необходимости перерасчета доз у лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Подробная справка с нашими рекомендациями направлена в Правительство СССР. Мы же, со своей стороны, хотим выразить благодарность и признательность принципиальной гражданской позиции ... просе, занятой КГБ УССР и лично тов. Ю.ИЖС Н.М.

В.А.ЧЛЕНОВ,
Председатель Подкомитета
промышленной экологии

I СЕКРЕТАРИАТ I

Результаты достижений медиков я использовал сполна в своей депутатской деятельности. Врачи Военно-медицинской службы обследовали жителей районов моего депутатского округа в Житомирской области. В выходные дни медицинские работники с применением современного медицинского оборудования и новых методик проводили консультации и лечение жителей, осуществили полную диспансеризацию детей.

И последнее об атомной проблематике: если исходить из решаемых органами госбезопасности задач в этой области, то возникает вопрос о прямой или косвенной доли ответственности КГБ Украинской ССР за случившееся на Чернобыльской АЭС. Моя точка зрения такова, что любая нестандартная ситуация на ядерном объекте (в данном случае не предусмотренное регламентами проведение экспериментов на Чернобыльской АЭС) должна всегда находиться в поле повышенного внимания оперативного состава госбезопасности.

Правительство СССР, а в последующем и независимой Украины для ликвидации последствий Чернобыля направляли тысячи человек, лучших специалистов, огромные финансы и технические средства. Коллективами самоотверженных людей управляли опытные руководители, вплоть до союзных министров и маршалов родов войск. Если бы не героизм огромного числа ликвидаторов аварии на ЧАЭС (свыше 600 тысяч), то последствия катастрофы могли быть неизмеримо трагичнее для украинского, русского и белорусского народов: Украина была не в состоянии сама справиться с таким «лихом».

Недавно в далеком от Чернобыля сибирском городе Кемерово, в парке возле здания областной администрации, я видел прекрасный памятник кузбассовцам – участникам ликвидации аварии на Чернобыльской атомной станции. Он сооружен по инициативе губернатора

Тулеева, и благодарные сибиряки в пяти тысячах километров от места ядерной катастрофы поминают подвиг тех сотен тысяч советских людей, которые боролись с этой ядерной чумой.

Становится обидным за нынешнее российское правительство, которое не обращает внимания на сообщения средств массовой информации о тяжелом положении участников ликвидации аварии: отсутствии у них квартир, надлежащего медицинского лечения и лишении ранее существовавших льгот.

Интересы государственной безопасности страны заносили меня в период тех трагических событий в опаленный радиацией «рыжий» лес Чернобыля, к самому эпицентру ядерного взрыва, когда мы с начальником Киевского УКГБ генералом Шрамко однажды вынуждены были войти в самую опасную зону разрушенного реактора, чтобы удостовериться в справедливости поступавших данных о выходе из строя большинства технических датчиков. Мы выполняли свою обязанность докладывать в Москву очередную проверенную и объективную информацию о положении дел на пораженном ядерном реакторе, тлеющем человеческой болью. После такого визита Шрамко пережил коматозное состояние. А я впервые тогда попал в госпиталь, чем заслужил приезд в Киев начальника и главного кардиолога Военно-медицинской службы КГБ СССР. Они с интересом знакомились с анализом моей крови и содержанием в ней радиоактивных соединений и тяжелых металлов.

Жива скорбящая память о павших героях, заслонивших собой путь радиоактивной опасности. Одной из таких жертв стал В. Ивашко, получивший запредельную дозу радиации. Не сдаются живущие на украинской и российской земле герои, которые в момент опасности не думали о себе, не ставили перед государством никаких условий при выполнении своего долга, граничащего с подвигом. Жива светлая память о них и наших делах!

Глава пятая
Владимир Ивашко: драма руководителя и коммуниста-демократа

Владимир Антонович Ивашко прожил недолгую, но яркую и плодотворную жизнь ученого и государственного деятеля. Вот основные ее этапы: заведующий кафедрой Харьковского университета, кандидат экономических наук, суровые испытания в Афганистане, при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Первый секретарь обкома партии, секретарь ЦК КПУ, с сентября 1989 года – первый секретарь ЦК КП Украины, народный депутат СССР, член Политбюро ЦК КПСС до 26 августа 1991 года.

Я познакомился с ним в 1987 году во время посещения управления КГБ в Днепропетровске. Ивашко тогда возглавлял партийную организацию крупнейшей в республике области, пятимиллионной по численности населения, исключительно значимой по интеллектуальному и производственному потенциалу в стране. Он проживал в гостинице, там же остановился и я. При первой встрече мы проговорили с вечера чуть ли не до раннего утра. Наши оценки современной обстановки и социально-политического положения оказались близкими, разговор был откровенным, чему способствовала присущая ему особая приветливость, доверчивость и доступность в общении с людьми.

В ходе перестройки страна ожидала освежающих перемен. Многие из руководящего эшелона Коммунистической партии СССР и государственной безопасности искренне приветствовали пришедшего к власти молодого Горбачева в надежде на осуществление нового реформаторского подхода ко многим сторонам жизни, требующим капитального ремонта. Поэтому призыв к перестройке, отходу от застарелых идеологических догм возбудил творческую энергию и в самом обществе.

С Ивашко я общался достаточно близко, когда он вскоре переехал в Киев и стал вторым секретарем ЦК. Особенно тесно сотрудничал с ним, когда он возглавил Компартию Украины после выхода на пенсию Щербицкого. Меня восхитил его сознательный выбор во время избирательной кампании в Верховный совет Украинской ССР, когда он смело решил баллотироваться в сложнейшем по социальной напряженности районе Киева, где конкурентами стали до десяти кандидатов, являвшихся известными в столице личностями. В отличие от Ивашко молодые будущие лидеры Коммунистической партии Гуренко и Кравчук предпочли тогда избираться в сельских округах. Так было спокойнее, особенно Кравчуку, который уже пережил разочарование, получив «черные шары» на выборах в народные депутаты СССР.

Результаты республиканских выборов в Верховный совет Украинской ССР 1990 года наглядно показали неэффективность и непривлекательность призывов КПСС, особенно в сфере экономических реформ. Это встревожило думающих членов партии, которые понимали, что появилось недоверие части населения республики к политике горбачевской перестройки.

В соответствии с новыми законами оппозиционные партии впервые на равных с коммунистами участвовали в выборных кампаниях и получили достаточно высокую народную поддержку. В западных областях республики руховский блок фактически завоевал законодательную власть, получив абсолютное большинство депутатских мест. Национал-радикальные депутаты постепенно захватывали инициативу в украинском республиканском парламенте, настойчиво проводя в жизнь свои планы и замыслы через принятие правовых актов.

Будучи, по сути, либеральным политиком, на первых порах Ивашко допускал ошибки в оценке своих политических оппонентов. До выборов он относился к идеологическим противникам коммунистов, по его выражению, как к «политическим пустоцветам», которые ведут «пустопорожние разговоры» и не способны выдвигать и реализовать конструктивные про-

граммы. После провала выборов в западных областях руководству партии пришлось серьезно задуматься и пересмотреть свои взгляды на оппозицию не только на Украине.

Помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева Шахназаров образно, «на глаз» охарактеризовал сложившийся к тому времени в стране расклад политических сил на Съезде народных депутатов СССР: «треть – радикалов и прочих, от анархистов до монархистов; треть – наших; остальные выжидают».

После отмены 6-й статьи Конституции партийная номенклатура стала понимать, что безраздельная монопольная власть КПСС сильно пошатнулась, поэтому многие стали переходить в органы советской власти, пересаживаясь из партийных в депутатские кресла. Действующая реальная власть перетекала в законодательную ветвь – Верховный совет УССР. Политбюро ЦК КПУ могло его контролировать только при условии формирования коммунистического парламентского большинства.

Для завоевания позиций в законодательной власти партийные функционеры должны были учиться на ходу и парламентаризму, и умению овладевать массами, и побеждать своих конкурентов в ходе открытого диалога и свободных выборов. После выборов ситуация в республике для коммунистов оказалась трудной, но не была критической: приложив усилия, они завоевали парламентское депутатское большинство.

Первый секретарь ЦК Ивашко в июне 1990 года на альтернативной основе без особых сложностей избирается председателем Верховного совета УССР, сосредоточив таким образом в своих руках партийную и законодательную ветви власти в республике. Он оказал огромное влияние на развитие событий тех дней, убедив коммунистов отдать треть руководящих постов в парламенте депутатам от Народной рады.

Ивашко «под себя» сформировал постоянный руководящий орган – президиум Верховного совета, включив в его состав и коммунистов, и представителей оппозиционных кругов. Тогда в парламентской жизни республики стали звучать фамилии В. Гринева, И. Юхновского, Д. Павлычко, Л. Танюка, А. Емца и других украинских депутатов. Его действия – это не только поступки зрелого политика, но и порядочного человека – так отозвался об этом его шаге народный депутат СССР Валерий Грищук, известный киевский ученый. Как-то я поинтересовался у Владимира Антоновича, зачем ему нужен такой заместитель в Верховном совете, как харьковский профессор Гринев, слабый организатор, похвалявшийся своим тесным общением с московскими диссидентскими кругами? Он мне разъяснил: «Нужны свежие люди, я его хорошо знаю и могу им управлять». В последующем многие продвинутые им на высшие посты депутаты от оппозиции сыграли в разрушении Союза такую роль, о которой коммунист Ивашко и подумать не мог.

Кроме формирования руководящих звеньев в парламенте, он начал кампанию по существенной замене партийных кадров, особенно в областях. Уходили закаленные трудовыми испытаниями коммунисты, воспитанные при двадцатилетнем пребывании у власти Щербицкого; это были авторитетные и достойные областные руководители, но многие из них, когда Щербицкого не стало, зримо потускнели в своей деятельности. Во многом эта перемена была вызвана объективными причинами.

Ивашко, проводя кадровые преобразования, стал вести самостоятельную политику, спешно добиваясь того, что явно бросалось в глаза, – широкого обновления руководящих советских работников в обкомах и облисполкомах. Кстати, это соответствовало общей тенденции в стране и аналогичным действиям самого Горбачева.

На Украине происходило ранее небывалое явление – добровольная подача заявлений об отставке некоторыми крупными партийными руководителями. В атмосфере ведущихся нападок на Коммунистическую партию, когда и сами коммунисты «били по собственным штабам», и оппозиционеры травили партийных и советских руководителей за преувеличенные привилегии, отказались от своих постов первые секретари областных партийных организаций: Донец-

кой – Винник, Ворошиловградской – Ляхов и другие. Умелые руководители, они отдали много физических и душевных сил для развития своих регионов. Вынуждены были покинуть свои должности первые секретари Черниговского обкома – Герой Социалистического Труда Палажченко, Харьковского обкома – Мысниченко, опытнейший хозяйственник, полный сил и энергии, при нем область вошла в число ведущих по промышленным и сельскохозяйственным показателям в республике. За короткий срок на Украине было заменено 16 первых секретарей обкомов Компартии (из 25 по числу областей), сменились каждый третий председатель облисполкома, каждый второй из министров, председатель Совета министров и пять его заместителей. Мысниченко честно указывал, что основным мотивом его ухода с ответственной партийной работы послужило то, что он не видел выхода из создавшейся в стране кризисной, ухудшающейся с каждым днем общественно-политической и экономической ситуации. Непродуманность навязанных руководством государства политических и экономических реформ, отсутствие практических механизмов применения перестроечных процессов в общественной и хозяйственной жизни вызывали отрицательный эффект, особенно в удовлетворении материальных запросов людей. В такой напряженной атмосфере многие честные коммунисты, не вынося психологического давления и морального террора, под разными предлогами старались отойти от активной общественной жизни.

Резкую оценку поведения таким партийным руководителям, «сдавшимся без боя», дал в ярком выступлении на пленуме ЦК партии тогдашний член ЦК КПУ Леонид Кучма. «Сегодня стало модным уходить в отставку целым бюро областных комитетов. Но, товарищи, где же ваше чувство собственного достоинства? В странах с развитым самосознанием должностные лица уходят в отставку, скажем, уличенные в супружеской неверности. В нашем же случае речь идет не о безвинном для народа увлечении, а о преступной бездеятельности, попустительстве и безответственности, которые привели к повсеместной разрухе».

В настойчивом проведении ротации партийных кадров Ивашко требовал от руководителей повышения морального облика, недопущения нарушений партийных и этических норм поведения в обществе, злоупотребления служебным положением и пренебрежения законом. При назначении новых руководителей в качестве главных критериев оценки личности он высоко поднимал планку: «приоритет ума, культуры, взвешенности, рассудительности перед болтовней, скоропалительными суждениями, безграмотными рецептами». Партийными лидерами избирались яркие личности – честные, высокие профессионалы в своих гражданских сферах, но часто без партийного опыта и умения воздействовать на общественно-политические события, хотя бы в масштабах одной области.

Ивашко достались в наследство не только указанные сложнейшие кадровые, но и экономические проблемы, которые становились причиной проявлений массового недовольства со стороны населения республики.

Чтобы укрепить влияние Компартии, обновить политическую систему, «сверху» было принято решение о концентрации власти Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР в одних руках, о совмещении постов первых секретарей обкомов с должностями председателей облсоветов. Произошло сращивание партийного и государственного аппарата, что нарушило систему управления на местах, привело к вялости и неэффективности власти. Но в повседневной жизни на местах по-прежнему надеялись на командно-административные и силовые методы управления.

В западных областях Украины схема совмещения должностей первого секретаря и председателя облсовета после провала коммунистов на выборах оказалась вообще нереализуемой. В республике эту процедуру удалось осуществить только в 15 областях из 25. Среди населения нарастало разочарование, что сказывалось на настроениях в обществе, приводило к пассивности, безразличию, потере социальных ориентиров и надежд на улучшение жизни.

Партия все больше была вынуждена заниматься хозяйственными проблемами, экономикой, что в условиях падения объема производства и роста дефицита не добавляло коммунистам ни авторитета, ни дивидендов.

Я вспоминаю свое выступление на знаменитом киевском заводе «Арсенал». Конференц-зал не вместил всех желающих, многие толпились в коридоре. Меня забрасывали такими острыми вопросами, которые год-два назад оценивались бы, по меньшей мере, как тенденциозные или провокационные. Тогда широко распространялись различные слухи о бегстве Щербицкого за границу, переводе им за рубеж значительных денежных средств, немало возникало вопросов о предательстве руководителями республиканских органов интересов трудового народа.

Страдали не только партийные активисты, но и люди с ярко выраженной гражданской позицией. Так, по долгу службы и из общения с народным депутатом СССР Борисом Олейником я знал, что в отношении его националистические элементы прибегали к различным нападкам: готовили подложные письма «трудящихся» о нем как «враге нации», требовали депортировать из Украины как «агента Кремля», советовали не покупать произведения этого талантливого украинского поэта.

Нарастали тревожные симптомы несбалансированности экономики страны, которая могла привести к общему разрушению народно-хозяйственных связей между республиками. Руководители ЦК, Совмина республики использовали партийные, хозяйственные и даже личные контакты для поддержки экономики республики, содействовали крупным предприятиям в заключении хозяйственных договоров, чтобы не утратить наработанные десятилетиями межреспубликанские и межотраслевые отношения.

Республика впервые ощутимо столкнулась с превратностями дикого рынка. Кое-кому в союзных республиках уже не хотелось по-братски делиться продукцией, распределяемой ранее в стране при плановом хозяйствовании. По данным Госкомстата УССР, на долю России приходилось более 55 % общего объема ввозимой на Украину продукции: 96 % нефти и попутного газа, 50 % цветных металлов, 75 % рыбы и рыбопродуктов. Республика нуждалась, например, в 60 % леса, за счет собственных запасов могла обеспечиваться газом менее трех месяцев, и, между прочим, дефицит Украины во внешнеэкономических связях покрывался за счет валютных ресурсов России.

Вместе с тем продолжался диктат союзных ведомств, с которым попытался открыто бороться председатель Совета министров УССР Масол. Он отмечал недостаточную компетентность союзных чиновников, у которых десятилетиями стояла одна задача: взять максимум продукции из республик. Это не позволяло уделять достаточное внимание социальным заботам, обновлению основных производственных мощностей, бережному использованию природных богатств республик.

На Всесоюзном совещании представителей рабочего класса выступила народный депутат СССР Ванда Венгловская, избранная в том же, что и я, Коростышевском избирательном округе № 449. Молодая, талантливая и смелая ткачиха Житомирского текстильного комбината показала, что в ходе экономической реформы перестройка хозяйственного механизма практически не коснулась конкретного производства. В текстильной отрасли в республике стало не хватать сырья, ранее поступавшего без задержек из республик Средней Азии. От рубля получаемой прибыли предприятию оставалось менее 20 копеек. Пример из этой отрасли не показателен для Украины с ее огромным потенциалом тяжелой промышленности, но и в металлургической и угольной промышленности стали наблюдаться дестабилизирующие явления.

В условиях наметившегося распада союзнических хозяйственных связей все громче раздавались голоса о необходимости утверждения экономического суверенитета республики, максимального учета и соблюдения ее национальных интересов, выживания за счет собственных возможностей.

Ранее на республиканском потребительском рынке было более или менее благополучно, но в ходе перестройки неожиданно резко возрос дефицит повседневных промышленных и продуктовых товаров, табачных изделий. В то время как в Москве и Киеве велась пропаганда реформ, политики перестройки и обновления, при посещении своего избирательного округа я видел в селах опустевшие прилавки магазинов.

Обстановку стали накалять порой курьезные случаи, говорящие о том, до какого состояния были напряжены нервы и терпение населения. В рождественские праздники 1990 года произошел «черниговский инцидент», когда в рядовом транспортном происшествии столкнулись принадлежащая облисполкому «Волга» и частный автомобиль. В ведомственной машине обнаружились мясо, колбаса, спиртное. Водитель скрылся. Образовавшаяся толпа граждан негодовала, увидев разбросанные на асфальте деликатесы. При недостатке продуктов питания такого повода было достаточно для взрыва возмущения людей – организации многодневных массовых митингов в Чернигове, одном из самых спокойных областных центров. Это происшествие, на первый взгляд бытовое, обнаружило остроту политической ситуации, накопившееся недовольство жителей города тем, что перестройка не дает результатов. Горожан не покидала тревога, которая была вызвана не только ухудшением снабжения, но и общим усложнившимся внутренним положением, обострением межнациональных отношений в стране. На митингах высказывались ранее не звучавшие призывы к ликвидации партийных организаций, созданию независимой печати. Критическое положение спасал начальник управления КГБ Юрий Черников, который выходил в толпу к митингующим и отвечал на злободневные вопросы. В результате людского возмущения в Чернигове своих постов лишились первый секретарь обкома и председатель облисполкома.

Обстановка в органах КГБ была непростой, являлась отражением происходящих в украинском обществе политических процессов. Всем хотелось получить прагматичные советы, каким путем идти вперед, как жить дальше. В апреле 1990 года я попросил Ивашко встретиться с руководящим составом центрального аппарата КГБ. Перед сотрудниками КГБ предстал руководитель новой формации, с коммунистическими и демократическими убеждениями, четкий и твердый в определении надлежащих действий и постановке насущных для жизни республики задач. Мы отметили его высокую эрудицию, мягкий украинский юмор, отсутствие показной важности собственной персоны, что выгодно отличало его от некоторых других тогдашних руководителей с элементами «гетьманизма». Ивашко с тревогой и озабоченностью говорил о переживаемых на Украине сложных этапах революционных преобразований. Многие противоречия и недостатки, проявившиеся сейчас, возникли давно, но не решались годами. В связи с подготовкой очередного съезда в самой компартии начались дискуссии с различными подходами коммунистов к дальнейшему ходу перестройки, вызванные главным образом появившимися негативными явлениями в экономике, сепаратистскими и националистическими тенденциями в западных областях республики.

Ивашко призвал сотрудников КГБ усилить оперативную деятельность по предупреждению фактов экономического саботажа, в борьбе с контрабандой на границе, стремлением спекулянтов вывозить за кордон дефицитные товары и продукты, разбазариванием национального богатства республики «как в розницу, так и в кредит». Конечно, такими преступными действиями занимались далеко не рядовые труженики, колхозники или рабочие, а зарождающаяся рыночная мафия. Требования Ивашко к КГБ совпали с решением высшего законодательного органа – Верховного совета СССР, – возложившего на органы госбезопасности страны задачу борьбы с экономическим саботажем, контроля целевого использования гуманитарной помощи, а также оказания содействия в реализации программы по обеспечению населения продовольствием и товарами первой необходимости. Скажу откровенно, сотрудники КГБ республики не испытали великого энтузиазма наделением такими полномочиями, тем более что

задача борьбы с экономическим саботажем не была подкреплена кадрами, все делалось в рамках существующего штатного расписания.

Этой сферой деятельности с большим размахом занимались в милиции тысячи специалистов по борьбе с хищениями социалистической собственности.

Комитет республики сосредоточился на другой, более близкой по компетенции непосредственной задаче, касающейся государственной границы Украинской ССР, которая уже приобретала качественно новый характер. Благодаря политике демократизации и международным договоренностям, без бюрократических проволочек оформлялись документы на выезд жителей приграничных областей в сопредельные государства. Но, к сожалению, появилась и категория путешественников, которые стремились использовать упрощенный переход государственной границы в корыстных, спекулятивных целях. Управления КГБ в западных областях докладывали, что в условиях обострения социально-политической обстановки из-за продовольственных трудностей увеличились выезды жителей областей в приграничные государства с целью незаконного обогащения.

В западных областях действовала региональная мафия, которая находила возможности «добывать» и с нарушением законов переправлять в соседние страны (особенно в Польшу) товары, пользующиеся там спросом. Наряду с этим, польские граждане пользовались правом приобретать на любую сумму в твердой валюте различные товары, изделия из золота и драгоценных камней. Так, только в 1990 году из Львовской области, которую посетило до 900 тысяч поляков, при местном дефиците были вывезены десятки тысяч телевизоров, сотни тысяч электробытовых товаров.

Органы безопасности Закарпатской области установили преступную группу, которая изготавливала и реализовывала приглашения на посещение Югославии частными лицами. При обыске были изъяты около тысячи фиктивных приглашений, поддельные печати муниципалитетов ряда городов Австрии, ФРГ, Югославии, иностранная валюта, восемь легковых автомашин, два пистолета. По согласованию с Ивашко в Закарпатье была командирована группа сотрудников 2-го (контрразведка) управления КГБ Украины, вместе с ними – специальный корреспондент «Радянсько! Украши» М. Дорошенко.

Ивашко поддерживал КГБ республики, который поставил заслон нарушениям законности при выездах за рубеж, пресекал деятельность местных воротил и преступных группировок в западных приграничных областях.

Сотрудниками контрразведки было установлено, что регулярными поездками за границу стали злоупотреблять секретари обкомов и райкомов, работники исполкомов, сотрудники правоохранительных органов, представители теневой экономики. Местные чиновники установили теплые отношения с пограничными и таможенными службами, пользовались безвизовыми поездками и бесконтрольным пропуском вывозимых товаров выше установленных норм. Местная таможня превратилась в «проходной двор» для партийной номенклатуры; отмечен случай, когда три секретаря райкома партии одного из районов обеспечивали бесконтрольный выезд через границу каравана из восьми автомобилей с контрабандными товарами. В числе постоянно выезжающих в Югославию (с контрабандным товаром на автомобиле с обкомовскими номерами) оказался сын первого секретаря обкома партии. Югославский синдром легкой наживы приводил к тому, что на рынке за рубежом работник областного комитета партии торгует дефицитными консервами, а сотрудник областной прокуратуры – копченой колбасой.

По материалам КГБ журналист Дорошенко опубликовал несколько статей о «высокопоставленных туристах». В приграничных областях они вызвали невиданный резонанс, обсуждались в трудовых коллективах. Ксерокопии газетных статей не просто распространялись, ими торговали.

Изучив представленные КГБ Украины материалы, Ивашко созвал Политбюро ЦК КПУ, в заседании которого участвовали первые секретари обкомов партии и председатели облиспол-

комов всех областей. Политбюро ЦК приняло решения по наведению надлежащего порядка в пограничных и таможенных службах, пресечению коррупции в партийных, советских и правоохранительных органах. От занимаемых должностей были освобождены первый секретарь обкома, председатель облисполкома, десятки должностных лиц в райкомах, райисполкомах и правоохранительных органах Закарпатской области. Вспоминаю упрек Ивашко, высказанный в адрес присутствующих на Политбюро руководителей областей. «Вы что, сами не видели творившихся безобразий?! И только один орган в республике, именно КГБ, обеспокоился положением дел». До Ивашко таких острых заседаний Политбюро ЦК КПУ и массовых наказаний партийных работников не припоминаю.

Мне было приятно прочитать в газетных публикациях о том, что сотрудники управления КГБ по Закарпатской области оказались на высоте и «не поддались искушению использовать свое положение в обход очередей за паспортами и валютой, чтобы полакомиться «югославским пирогом».

Подводя итоги работы КГБ по борьбе с экономическими преступлениями в приграничных областях, отмечу, что в течение года был пресечен контрабандный вывоз из республики товаров на сумму около трех миллиардов рублей. Ивашко на пленуме ЦК КПСС сказал похвальные слова в адрес КГБ Украины, что случалось не часто.

На общем фоне ухудшения условий жизни в республике происходило увеличение социальной преступности. В 1990 году правоохранительными органами МВД, КГБ было ликвидировано около двух тысяч преступных группировок, порожденных в значительной степени сложным экономическим положением. Нарастала агрессивность, техническая оснащенность, вооруженность преступных элементов, их сращивание с теневой экономикой.

В этой связи мне хотелось бы привести вопрос корреспондента газеты «Известия» Н. Бакланова:

– Николай Михайлович, помимо борьбы с уголовной преступностью, у вашего ведомства есть еще одно, так сказать, «профильное» направление. Как работается чекистам в нынешний бурный революционный период?

И мой ответ:

– Ситуация ныне действительно непростая. Об этом свидетельствует и то, что Верховный совет СССР утвердил указ, предусматривающий ответственность за публичные призывы к насильственному свержению или изменению существующего строя, за разжигание национальной и расовой ненависти. Если вернуться к рассуждениям о необходимости обеспечить «революционный порядок» и о «твердой руке», которая могла *бы* это сделать, то замечу: о ней вспоминают не только во имя борьбы с уголовной преступностью. О «твердой руке» нередко тоскуют те, кто по долгу своей деятельности призван работать в постоянном контакте с людьми. Им, надо полагать, было значительно проще руководить в условиях жесткой командной системы. Подобные подходы, думается, ошибочны, ибо люди, облеченные доверием народа и властью – будь то партийные, советские работники или сотрудники милиции, чекисты, – должны в своей деятельности постоянно руководствоваться лишь законом».

Ряд преступлений в компетенции КГБ – контрабанда, незаконные валютные операции – относятся к числу правонарушений, в значительной степени порожденных экономическими условиями. Но такое объяснение не означает, что правоохранительные органы могут не слишком напрягаться на трудных участках борьбы с нарушениями законности, рассчитывая, что по мере оздоровления экономики такие явления исчезнут сами собой. Наоборот, украинские чекисты пресекали организованные формы преступности, имеющие выход за рубеж, активизировали борьбу с коррупцией, приобретавшей в определенной степени политический характер, угрожающий безопасности страны.

В период возрастающей напряженности в республике, острых идеологических дискуссий Компартии Горбачев захотел видеть своим заместителем (генерального секретаря ЦК КПСС) Ивашко; вокруг предстоящего назначения развернулась целая кампания.

Видные украинские политики, как коммунисты, так и национал-радикалы, с отъездом Ивашко предвидели нарушение управляемости в республике, ведь он в парламентской борьбе укрепил лидерство в самой партии, умело контролировал обстановку при сложном раскладе коммунистических и оппозиционных сил в республике. В то время, когда стало известно о новом назначении Ивашко на работу в Москву, проходил Съезд народных депутатов СССР. Валентина Шевченко, уже не занимавшая после многолетнего председательствования в Верховном совете каких-либо государственных должностей, переживая за будущее Украины, прорвалась к Горбачеву. В течение нескольких часов она буквально со слезами умоляла его не забирать Ивашко из республики.

Я доложил Крючкову о неодобрительной реакции на возможный отъезд Ивашко, объяснив, что его уход из республики, напоминающий бегство, существенно ослабит руководство законодательной властью, которую он комплектовал, по существу, под себя. Крючков обещал обсудить данный вопрос с Горбачевым.

На мои почти дружеские уговоры не покидать республику Владимир Антонович отвечал, что в Политбюро КПУ и в Верховном совете оставляет хорошо подготовленные кадры. Он называл руководящих лиц (С. Гуренко, Г. Харченко, Л. Кравчука, И. Плюща), отзывался положительно об их деловых качествах: «Они успешно обойдутся без меня».

Безусловно, перевод Ивашко на работу в Москву в столь критический период ослабил республиканское руководство, если не сказать больше – сработал на подрыв авторитета и влияния коммунистов. Нельзя ему было уезжать с Украины в той обстановке, когда больше половины областных руководителей были заменены им, а сам он широко и сознательно допустил представителей оппозиции к руководству ведущими комитетами Верховного совета. Депутат Александр Коцуба в знак протеста прямо на трибуне парламента выбросил свой партийный билет, рассматривая поведение Ивашко как партийное предательство. Украинский комсомол объявил отъезд Ивашко как «не до конца продуманный и безответственный шаг, ведущий к углублению политического кризиса и ослаблению конструктивного потенциала парламента». Националистические элементы обвинили его в предательстве национальных интересов и организовали демонстративные массовые шествия – «проводы Ивашко с похоронами», символически бросив в Днепр «венок» из колючей проволоки.

В качестве заместителя генерального секретаря ЦК КПСС (второе лицо в партии) Ивашко стал заниматься огромным объемом новых для него проблем, жизненно-важных для страны. В Москве за короткое время он не сумел вписаться в атмосферу, бытовавшую в ЦК, приспособиться к кремлевским нравам. Оставался самим собой; опыт руководства огромной республикой, личное обаяние, трудоспособность, эрудиция, воспитанность – все это делало его авторитет достаточно высоким, но мало заметным и невлиятельным в высших партийных кругах, в Политбюро, где преобладали кремлевские старцы. «Добрый, хороший человек, – отмечал заведующий аппаратом Горбачева Болдин, – в силу резкой перемены в своей судьбе, тяжелой болезни, Ивашко так и не сумел показать свои дарования, раскрыть возможности политического лидера».

Заседания секретариата стали проводиться все реже, терять свою организационную значимость. По мнению того же Болдина, Ивашко страдал существенным недостатком, свойственным преподавателям: забываясь, он читал нравоучения, держал вступительные речи, что было необычно и не нужно для председательствующего на заседаниях секретариата ЦК.

В дни объявления ГКЧП Ивашко болел, после операции проходил курс лечения заболевания щитовидной железы, характерного для ликвидаторов аварии на ЧАЭС.

22 августа 1991 года под влиянием Ивашко ЦК вынес постановление о том, что шифротелеграмму от 19 августа о поддержке ГКЧП считать недействительной, составленной на основе дезинформации о состоянии здоровья Президента СССР Горбачева и других обстоятельствах введения чрезвычайного положения.

Имя Ивашко мужественно зазвучало в тяжелый политический период, когда он, единственный из высшего круга руководителей КПСС, несмотря на плохое состояния здоровья, с группой рядовых коммунистов защищал в Конституционном суде России Коммунистическую партию, доказывал неправомерность ее ликвидации в связи с ГКЧП.

В Киеве и Москве Ивашко был охраняемым должностным лицом. Скажу, что в ходе организации его охраны никогда не возникало каких-либо проблем; в повседневной жизни он был настолько скромен и непритязателен, что обеспечение его личной безопасности проходило незаметно и без каких-либо вопросов или претензий.

В Москве мы созванивались, иногда встречались у меня или у него на квартире в цековском доме. В беседах чувствовалось, что Ивашко внутренне сожалел о своем отъезде в Москву, поэтому было больше воспоминаний об Украине, чем обсуждений политических проблем современной противоречивой и трудной действительности. Встречи с Ивашко я не афишировал; служебную машину оставлял за квартал и дворами шел к нему на квартиру. Не хотелось, чтобы у ельцинского окружения возникали вопросы по поводу встреч министра безопасности России с опальным заместителем Генерального секретаря ЦК КПСС, подвергавшимся в те дни нападкам в связи с выступлениями в Конституционном суде по защите КПСС. Ивашко с достоинством испытывал все тяжести психологического давления в эти сложные и опасные годы.

Последний его телефонный звонок был из больницы на улице Грановского, куда Ивашко был госпитализирован. Он сказал, что уезжает в Германию для консультации по лечению «дней на 10–12. Вернусь, тогда мы встретимся». В Германии через несколько дней его не стало.

Глава шестая
Харьковская Катынь

Одно дело – требовать правды от других, другое – самому жить по правде. Жить по правде труднее, чем произносить высокие слова.
Даниил Гранин

Когда в 1939 году Красная армия перешла границу Польши, а западные области Украины и Белоруссии вошли в состав союзных республик СССР, в советском плену оказалось около 25 тысяч польских военнослужащих. Они содержались на Украине в трех спецлагерях НКВД для польских военнопленных: Осташковском, Козельском и Старобельском. Лагерь для военнопленных в небольшом городке Старобельске отличался от других тем, что в нем находился исключительно офицерский состав в звании от капитанов до генералов польской армии. На начало 1940 года в этом лагере находилось 3885 человек; часть из них была вывезена в Москву, в том числе начальник штаба кавалерийской бригады генерал Владислав Андерс, ставший командующим созданной в 1942 году по решению советского правительства Польской армии. К концу 1942 года 80-тысячная армия Андерса была эвакуирована из СССР в Иран и в дальнейшем вместе с американскими союзниками приняла участие в операциях по освобождению Италии от немцев.

Судьба польских военнопленных Старобельского лагеря прояснилась, когда стали известны засекреченные партийные решения. 5 марта 1940 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле «находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 польских офицеров, чиновников, полицейских, разведчиков, жандармов и тюремщиков». Основанием для указанного решения послужила докладная записка народного комиссара внутренних дел СССР Берии на имя Сталина, в которой предлагалось в особом порядке рассмотреть дела содержащихся в лагерях и расстрелять польских пленных, исходя из того, что «все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти».

Долгие годы Катынь под Смоленском оставалась единственным достоверно известным местом захоронения польских военнопленных. 13 апреля 1943 года германское радио сообщило об обнаружении под Смоленском захоронений польских офицеров, расстрелянных советскими властями. 15 апреля последовало официальное опровержение Совинформбюро, согласно которому польские военнопленные летом 1941 года были заняты на строительных работах западнее Смоленска, попали в руки немцев и были ими уничтожены.

В 1944 году, после освобождения Смоленска от немцев, во главе с академиком Н. Бурденко была создана специальная комиссия для установления и расследования обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками польских офицеров в Катынском лесу. Согласно выводам этой комиссии, военнопленные поляки, находившиеся в лагерях возле Смоленска и оставшиеся там после вторжения германских войск, считались уничтоженными немецкими оккупантами. Результаты расследования широко освещались в советской и зарубежной печати, прочно укрепились в общественном мнении. Геббельс в своем дневнике сделал запись о том, что катынское дело становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях еще вызовет не одну взрывную волну.

3 марта 1959 года председатель КГБ при Совете министров СССР Шелепин направил первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву совершенно секретную записку (она была написана от руки), подтверждавшую, что 14 552 пленных офицеров, жандармов и полицейских бывшей буржуазной Польши (в том числе из Старобельского лагеря 3820 человек), а также 7305 заключенных поляков, содержавшихся в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии, были расстреляны в 1940 году на основании санкции Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

Шелепин предлагал уничтожить все учетные дела на расстрелянных лиц; он делал вывод, что для советских органов эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности и вряд ли могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Конечно, это не так. В годы горбачевской перестройки активно велись дебаты по трагедии под Катынью, пакту Молотова – Риббентропа и другим, ранее засекреченным историческим событиям.

В марте 1990 года КГБ Украинской ССР вместе с прокуратурой Харьковской области стали заниматься выяснением обнаруженных неизвестных захоронений в лесопарковой зоне. Оперативно-следственной группой были проведены частичные эксгумации: в шестом квартале лесопарковой зоны Харькова были обнаружены останки около двухсот польских офицеров (судя по найденным документам и опознавательным знакам).

Судьба военнопленных Старобельского лагеря до конца оставалась неизвестной: они могли быть уничтожены, как случилось в Катыни, или ушли в армию Андерса.

На мои обращения к руководству КГБ СССР поступил ответ, что в архивах госбезопасности материалов, проливающих свет на эту проблему, не имеется.

Крючков, оказывается, не знал о прежних докладах, сделанных в ЦК КПСС Шелепиным, и в своих воспоминаниях отмечал, что версия о причастности советской стороны к гибели польских военнослужащих «со счетов не сбрасывалась», были сомнения в достоверности официальных советских сообщений о том, что уничтожение поляков в Катыни – дело рук немцев.

Для нас сомнения развеялись после того, как молодой сотрудник УКГБ по Харьковской области обнаружил в Москве, в архивах конвойных войск НКВД, списки репрессированных польских военнопленных Старобельского лагеря. Согласно конвойным нарядам, все военнопленные этапами, по 79 человек в вагоне, в апреле-мае 1940 года были отправлены в распоряжение управления НКВД Харьковской области. Когда были установлены свидетели расстрелов, не осталось никаких сомнений в их уничтожении. Прокуратурой области было возбуждено уголовное дело в отношении бывших сотрудников НКВД, которые оказались причастными к расстрелам польских военнопленных Старобельского лагеря.

Я начал интересоваться тем, как ведется расследование по делу о жертвах Катыни, и позвонил в Смоленск начальнику областного управления КГБ Шиверских. Позже в своей книге «Разрушение великой страны» он напишет о разговоре со мной: «Сначала он подробно расспросил, какие имеются материалы по катынской трагедии, потом рассказал, что в архивных материалах конвойных войск обнаружены документы, свидетельствующие о том, что из фильтрационных лагерей польские офицеры доставлялись в Харьков, где их расстреливали – где-то около трех тысяч». Когда из УКГБ по Харьковской области поступили материалы расследования, я ознакомил с ними Ивашко. Нами были определены дальнейшие шаги: договорились довести до польского правительства, независимо от московских решений, обнаруженный в архиве список польских офицеров, этапированных из Старобельска в Харьковский НКВД. КГБ УССР направил в Политбюро ЦК Компартии Украины на имя Ивашко специальную записку с предложениями сообщить польскому правительству сведения о судьбе польских военнопленных Старобельского лагеря, объявить место их захоронения под Харьковом мемориальным кладбищем, установить там памятник.

В этой лесопарковой зоне находились также захоронения жертв репрессий сталинского времени, а также погибших от рук немецко-фашистских оккупантов советских патриотов, коммунистов и подпольщиков. Поэтому здание пансионата УКГБ по Харьковской области, которое располагалось недалеко от этой территории, намечалось превратить в музей памяти и скорби.

С согласия Ивашко я встретился с генеральным консулом ПНР в Киеве С. Чосеком, показал ему списки польских военнопленных. У этого мудрого, внешне спокойного дипломата глаза наполнились слезами. Эта трагедия до сих пор отзывается болью невосполнимой утраты, живет

в тысячах польских семей. Он предложил провести официальную дипломатическую процедуру передачи этих материалов польскому правительству.

Списки польских офицеров были переданы мною в генконсульство ПНР в присутствии заместителя министра иностранных дел Украинской ССР и двух депутатов Польского сейма, прибывших в Киев специально для этого события. В Польше состоявшийся акт передачи украинскими властями сведений о погибших польских офицерах широко освещался в средствах массовой информации.

В последующем, в 1992–1993 годах, вместе с Чосеком мне пришлось заниматься уже и проблемой «Катынского дела». Тогда шел активный обмен с польской стороной информацией российских спецслужб и военной прокуратуры, заканчивавшей расследование по всем лагерям, где содержались поляки. Чосек был в ранге чрезвычайного и полномочного посла Польши в Москве, я работал в Министерстве безопасности России.

Советский Союз признал вину в уничтожении пленных польских офицеров только через полвека: ТАСС сообщил о «непосредственной ответственности за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных», совершивших «одно из тяжких преступлений сталинизма». Президент СССР Горбачев передал президенту Польши Ярузельскому архивные материалы на расстрелянных польских военнопленных. В проблеме Харьковской Катыни огромную роль сыграли волевые, политические решения Ивашко, давшего согласие на раскрытие полной правды и передачу материалов польской стороне о судьбе их граждан – военнопленных Старобельского лагеря. Не знаю, советовался ли он с кем-либо в Москве, но для сотрудников КГБ его санкция была определяющей; мы продолжали проводить работу по выяснению судьбы польских граждан, которые содержались перед войной в тюрьмах западных областей Украины. Из встречи с заместителем генерального прокурора Польши Снежко мне было известно о том, что Служба безопасности Украины установила данные на более чем 3,5 тысяч заключенных тюрем западных областей УССР, которые по указанию Берии были расстреляны при наступлении фашистских войск.

В октябре 1993 года у меня состоялась деловая поездка в Польшу по приглашению министра внутренних дел Мильчановского. При согласовании программы пребывания делегации Министерства безопасности России (в ее состав входили мой помощник Алексей Щербаков, начальники управлений МБ Валентин Соболев, Анатолий Трофимов и начальник Калининградского управления МБ Вячеслав Ращинский) мне сообщили, что буду принят президентом Польской республики Валенсой и главой Польского сейма. На мой вопрос, чем определяется такой уровень встреч с высшими руководителями страны, не соответствующий положению министра, мне дали понять, что польским властям хорошо известна деятельность украинских чекистов по выяснению судьбы польских военнопленных Старобельского лагеря. Незабываемые встречи сохранились в моей памяти. Но об этом позже.

Установление исторической правды вокруг указанной проблемы давалось нелегко. Проведенная работа по линии органов КГБ и прокуратуры была необходима не только для укрепления отношений между СССР и Польшей. Истина в подобных вопросах больше нужна для собственного народа, чтобы осознать трагедию прошлого, взаимно попросить прощения, как это сделал во время визита в Польшу 25 августа 1993 года Ельцин, возложив венки к памятнику жертвам Катыни.

Мы можем сказать, не стоит ли в данном случае вспомнить о том, как поступили польские власти со 120 тысячами военнопленных Красной армии в годы Гражданской войны? Сталин, вероятно, хорошо помнил те годы. Возможно, что расстрелы польских военнопленных были местью за гибель наших соотечественников в те далекие, грозные и незабываемые для нас времена…

Глава седьмая
Шторм горбачевской перестройки

Как бы ни были велики наши исторические несчастия и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать, обращаться к Богу, а не подражать соседям…
Иван Ильин, философ

Наступивший 1990 год был насыщен исключительно важными политическими событиями, совершенно необычными для предыдущих лет общественной жизни страны. Оставалось немногим более года до ликвидации Союза ССР. Для исторической жизни любого государства это лишь мгновение, короче времени горения спички.

Повседневная действительность в стране и республике в ходе перестройки стала напоминать беспокойное и штормовое море, куда постоянно вливались чистые и мутные ручьи демократических реформ, качественно менявшие (на тот момент не понятно, в положительную или отрицательную сторону) облик советского общества. Продолжались призывы к ускорению, обновлению, развитию социализма с «человеческим лицом» и «общечеловеческими ценностями». У нас звучали заверения в «социалистическом выборе», а в это время у наших западных соседей менялись политические ориентиры, рушилось социалистическое содружество, исчезал пролетарский интернационализм, коммунистические партии теряли доверие населения своих стран. В ликующем порыве к всестороннему развитию демократии, идейного плюрализма, гласности, к невиданным политическим нововведениям, требованию расширения свобод личности мы продвинулись так далеко вперед, что оторвались от реальной, не всегда обустроенной земли и стали забывать о хлебе насущном. Произошло то, что и должно было случиться: обозначился огромный разрыв между провозглашаемыми лозунгами и конкретными делами, последовал резкий упадок экономики и научно-технического прогресса страны, началось обнищание значительной части населения. Трудовые будни дополнялись многотысячными забастовками, митингами и демонстрациями рабочего класса, дестабилизацией рынка, товарным дефицитом, очередями в магазинах, напряженностью в межнациональных отношениях. В обществе стали заметно нарастать неуверенность в результатах проводимой политики перестройки, бюрократизм и угодничество, подвергались сомнению неподкрепленные обещания и заверения первых лиц страны, разрыв между словом и делом.

Под давлением растущей оппозиции руководство КПСС продолжало осуществлять явно не просчитанные по грядущим последствиям и проводимые в спешном порядке эксперименты в системе государственной власти: отмена конституционных положений о руководящей роли Коммунистической партии в стране, передача полноты власти Советам, внедрение в общественно-политическую жизнь многопартийности, изменение порядка выборов законодательной власти.

Сущность происшедших в 1990 году преобразований в системе избирательного законодательства сводилась к тому, чтобы возродить и придать значимость народовластию путем всеобщих выборов на многомандатной основе, при свободном волеизъявлении всего народа. Советы всех уровней должны становиться полновластными, их решения – не зависящими от партийных комитетов.

Но в реальной жизни этого не случилось. Наверное, прав был народный депутат СССР академик Сахаров, когда утверждал, что первый съезд не выполнил главной задачи: не передал власть из рук партии в руки Советов.

В феврале 1990 года Ивашко собрал расширенный пленум ЦК Компартии Украины, на котором члены ЦК оценили сложившуюся в республике социально-политическую обстановку как достигшую критического уровня, находящуюся на грани неуправляемости. Отлаженный за долгие годы партийно-хозяйственный механизм начал давать серьезные сбои, а привнесенные реформами перестройки не продуманные до конца рыночные методы управления народным хозяйством не приносили намечаемых результатов. Партийные комитеты в разрешении возникающих проблем продолжали подменять исполнительную власть и хозяйственные органы. Впрочем, без опыта, энергии и конкретного вмешательства коммунистов экономическая жизнь республики вообще бы рухнула.

Не менее остро протекал процесс обновления и в идеологической области. В умах растерявшихся людей начиналась сумятица. И это было не случайно, ибо появились наспех скроенные рецепты выхода из кризиса. А когда у человека нет толкового, выверенного раздумьем и практикой решения, он прислушивается к множеству разнообразных и противоречивых мнений, и неразбериха усиливается. Во многих недостатках обвиняли агрессивность средств массовой информации и диссидентствующих демократов. Курс на демократизацию и гласность нередко приобретал неуправляемый, спонтанный характер, в частности приводил к огульному отрицанию положительных сторон социалистической действительности. А ведь позитивного в прежней жизни было немало.

В партийной среде нарастала критика проводимой Политбюро ЦК КПСС и лично Горбачевым линии руководства. Отмечалось отсутствие последовательности и настойчивости в реализации, прежде всего, экономических задач в ходе перестройки, улучшении материальных условий жизни народа, наведении правопорядка, достижении стабильности и спокойствия в обществе. Позднее, оправдываясь перед своей совестью, многие мои современники (и я с ними) признавались, что политику перестройки просто-напросто «заболтали».

Горбачев, конечно же, понимал всю драматичность складывающейся ситуации в стране, но призывал «не впадать в крайности, постоянно помня как об огромных возможностях, так и о подстерегающих опасностях» в осуществлении перестройки.

Ивашко предложил мне выступить на пленуме ЦК КПУ. Согласившись, я изложил свою оценку происходящих в обществе перемен. Особо подчеркнул, что коммунистам выпала нелегкая судьба работать в поистине судьбоносное время: в республике происходят исторические преобразования, углубляется демократический процесс, расширяется гражданская активность, растет национальное самосознание. В эти процессы включились различные слои населения со своими насущными заботами. Осуществляются программы развития культуры, устраняются белые пятна в историческом наследии, тяжелые последствия сталинских времен, трагически затронувшие жителей многонациональной республики. В выступлении я поделился своими выводами по поводу возникших трудностей экономического и социального характера, которые вызывали негативные процессы в республике. Всплывшие на волне перестройки политические авантюристы, коррумпированные элементы разжигали националистические и сепаратистские настроения среди населения, обрушивались нападками на Коммунистическую партию, на людей с активной жизненной позицией. Эти антиобщественные элементы пытались оказывать давление на органы власти, запугивать население, отвлечь его от участия в переустройстве общества. Все это вызвало обоснованную тревогу и требовало от партийных и правоохранительных органов более решительных действий по наведению правопорядка, организованности, дисциплины и стабилизации в обществе.

Я предлагал выработать отвечающие требованиям времени эффективные меры по нормализации обстановки, призвал коммунистов овладевать искусством ведения аргументированного политического диалога и привлечения на свою сторону людей.

Рабочий класс прибегал к забастовочным акциям, а комсомол терял идеологические ориентиры. Заведующий отделом ЦК комсомола А. Разумков справедливо отмечал, что партий-

ные органы в одних случаях держат комсомол на коротком поводке, в других – махнули на него рукой, в третьих – доводят даже до столкновения, вроде «мы уже не союзники». Я считал, что надо умело выбивать механизмы воздействия на рабочих и молодежь из рук оппозиции. Заверял, что КГБ и правоохранительные органы республики способны дать адекватный отпор противникам советского строя.

К сожалению, справедливые слова запоздали. Буквально в течение года обстановка кардинально поменялась: страна оказалась на пороге возникновения чрезвычайного положения.

В романтическом, как сегодня мне кажется, и несколько наивном порыве я призывал использовать авторитет Украины в стабилизации обстановки не только в родном краю, но и в целом на территории СССР. «…В нашей республике огромный интеллектуальный потенциал. Велик авторитет Украины и ее лучших представителей, сынов и дочерей, в других братских республиках», – говорил я в своем выступлении на пленуме ЦК КПУ.

Вскоре после него исключительно важным событием 1990 года стал мартовский III Съезд народных депутатов СССР, который принял поправки в Конституцию СССР, отменяющие статьи 6 и 7. Именно эти статьи закрепляли руководящую роль Коммунистической партии, «авангарда всего народа» в нашем государстве. В соответствии с новой редакцией Конституции страны Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, общественные организации через своих представителей в Советах народных депутатов участвуют в выработке политики государства, управлении государственными и общественными делами. Статья 7 констатировала, что все политические партии и массовые движения действуют в рамках Конституции и советских законов. Не допускалось создание и деятельность партий и движений, имеющих целью насильственное изменение советского конституционного строя и целостности социалистического государства, подрыв его безопасности, разжигание социальной, национальной и религиозной розни.

Горбачев на съезде убеждал делегатов, что после внесения в Конституцию СССР изложенных изменений открывается важный этап развития нашего общества. Отныне Коммунистическая партия будет действовать наравне с другими политическими партиями, участвовать в выборах, добиваться права на формирование союзных и республиканских правительств, местных органов власти демократическими методами. Тогда казалось, что в советском обществе в дальнейшем все будет развиваться позитивным и демократическим путем. Но все-таки, приветствуя многие преобразования времен перестройки, я на съезде проголосовал против отмены статьи 6 Конституции в числе 906 депутатов (1067 депутатов были «за»).

Следует признать, что эти конституционные изменения в дальнейшем привели к непрогнозируемым последствиям, демонтажу государственного механизма власти, при помощи которого рушилась правящая партия, осуществлявшая партийные, государственные и хозяйственные функции. Убрав этот цементирующий фундамент власти, наше государственное устройство рассыпалось, а новые политические партии пошли своим оппозиционным и разрушительным путем к существующему социалистическому строю.

Тогда же, на III съезде, народными депутатами СССР был избран Президент СССР – первый и единственный в истории советского государства. Приведу высказывания некоторых депутатов относительно кандидатуры Горбачева на этот пост.

Представитель депутатского корпуса от Украинской ССР Ивашко внес кандидатуру Горбачева, охарактеризовав его как «автора и инициатора перестройки», стремящегося к обновлению всех сторон жизни советского общества. Этот кандидат в президенты – человек демократический, без диктаторских замашек, решивший начать революционные социальные преобразования.

Народный депутат СССР Мартиросян, командир войсковой части в городе Ровно, в выступлении отметил, что Горбачев принес надежду советскому народу, дал «глоток чистого воздуха».

В. Лисицкий, народный депутат СССР от Николаевской области, в чем-то засомневался и внес предложение установить трехлетний срок полномочий первого Президента, чтобы проверить, как он будет справляться со своими обязанностями. Совершенно напрасно Виктор Иванович настаивал на таком сроке: Горбачев после своего избрания не продержался и двух лет.

С особым вниманием я слушал депутата из Кузбасса Т. Авалиани, который был категорически против кандидатуры Горбачева, обвиняя его в нерешительности, «метании туда и сюда». Он говорил, что под рукой Руси в течение 600 лет объединялись народы, междоусобная борьба и вмешательство извне заставляли их искать покровительства Руси. А за недолгие годы перестройки мы получили обратный результат.

В вопросах экономической реформы Горбачев сначала выпускал одних экономистов с их теориями, и государство поворачивалось к этим «мессиям», потом появлялись другие экономисты-реформаторы, и происходил обратный поворот. Сколько можно было разворачиваться такому громадному государству, как СССР? Надо ведь просто-напросто употребить власть, которой у Горбачева было предостаточно, чтобы привести страну в нормальное состояние, подчеркивал болеющий за судьбу Отечества депутат Авалиани.

В выступлениях других депутатов выражалась тревога о состоянии страны, чей экономический уровень опускается все ниже и ниже. В 1990 году в России и Украине более 10 % населения существовало на доходы, составляющие одну треть от нормального прожиточного уровня. Между тем 14 миллиардов рублей в бюджете (тогда это была солидная сумма) направлялась на помощь различным иностранным государствам. Председатель Совмина УССР Масол в присутствии руководителей республики бросил в лицо Горбачеву: «Какой же Вы специалист, имеющий высшее юридическое и экономическое образование, если считаете достижениями в ходе перестройки повышение заработной платы, тогда как производительность труда в стране не растет, а серьезно падает?»

Депутатская группа коммунистов «Союз» в список для тайного голосования рекомендовала внести кандидатуры Горбачева, Рыжкова и Бакатина.

Итоги голосования за Президента СССР многие депутаты расценивали как разыгранный спектакль: заранее знали, что из названных кандидатур двое возьмут самоотвод. Горбачев получил 1329 голосов, против выступило 495 депутатов. У меня нет сомнений в том, что за Рыжкова проголосовало бы большинство, если бы он не попросил самоотвода и дал согласие остаться в бюллетене для тайного голосования.

После избрания Президентом СССР, Горбачев подчеркивал свою приверженность единству страны, укреплению суверенитета союзных республик, их экономической и политической самостоятельности. Он считал безотлагательной разработку нового Союзного договора и впервые произнес, что при этом следует предусмотреть дифференциацию федеративных отношений с учетом своеобразия, условий и возможностей каждой республики. Горбачев говорил, что в последнее время возникла опасность распространения националистических, шовинистических и даже расистских лозунгов, и призывал с этим беспощадно бороться, применяя всю силу законов страны. Некоторые группировки, подчеркивал Президент СССР, пытаются добиться своих целей путем насилия, разжигания нетерпимости, национальной розни, давления на государственные институты посредством разного рода ультимативных требований. Такое развитие процессов надо решительно остановить, призывал Горбачев, но делалось для этого явно недостаточно, как показали дальнейшие события.

В его речах звучали обтекаемые формулировки. Горбачев продолжал экспериментировать в реформах, формируя совершенно новые структуры президентской власти – Президентский совет, который вскоре распускается, а вместо него образуется Совет безопасности с теми же политическими фигурами. Аппарат Президента создавался на основе партийных кадров из отделов ЦК, которые стали работать на президентскую власть, все более утрачивая партийное руководство и влияние на коммунистические ряды, особенно в союзных республиках.

После проведения указанных конституционных изменений реальная власть Генерального секретаря ЦК КПСС по своей значимости перестала быть главенствующей в стране. Высшая номенклатурная иерархия переместилась в Верховный совет СССР.

Горбачев решил пойти дальше: совместить свою государственную должность Президента СССР с постом Генерального секретаря ЦК КПСС, стараясь укрепить общие и личные позиции. Такое совмещение поддержал даже народный депутат СССР академик Лихачев. Бывший узник сталинского ГУЛАГа в своем выступлении на съезде проявлял беспокойство: «Вопрос о том, что нужно якобы разделить партийную и государственную власть. Если мы разделим их, то лишим Президента партийной власти, создадим тем самым оппозицию государству и тоже приведем страну к состоянию гражданской войны».

Совмещение должностей Президента и Генерального секретаря ЦК не самым положительным образом сказывалось на ситуации в стране. Когда депутаты слушали Горбачева, зачастую было трудно понять, какую сторону он больше поддерживал: как генсек – коммунистов, приверженцев социалистического выбора, или как Президент – либерально-демократических ликвидаторов завоеваний социализма и сторонников ускоренного перехода к рынку, обществу частного предпринимательства.

Последствия принятых конституционных изменений не заставили себя долго ждать: они создавали благоприятную почву для легальной деятельности новых оппозиционных политических партий, которые были поставлены в равное с коммунистами правовое положение, способствующее консолидации антикоммунистических сил. Цель новых оппозиционных партий заключалась в борьбе за власть. КПСС стала инициатором провозглашения многопартийности, но не выработала принципов сотрудничества с появившимися политическими партиями, «народными фронтами» и оппозиционным движением. К тому же руководящие звенья партии оказались не готовыми бороться с ними за место под солнцем, за ключевые позиции в органах власти. Хотя раздавались голоса, утверждавшие, что необходимо назначать лидеров «народных фронтов» на правительственные посты – пусть покажут себя на деле. Об этом свидетельствует дальнейший ход событий.

В июне 1990 года открылся XXVIII съезд Коммунистической партии Украинской ССР. На нем первым секретарем ЦК КП Украины был избран Станислав Иванович Гуренко, на которого возлагались огромные надежды. Коммунисты негативно отнеслись к «политическому капитулянтству» Ивашко, который попросил отставки с поста первого секретаря ЦК КПУ. Он, в отличие от Горбачева, был намерен сосредоточиться в своей деятельности только на должности председателя Верховного совета Украинской ССР. Его выбор расценивался как ошибочный шаг «провинциала в большой политике».

В принятых на XXVIII съезде КПУ программных документах появились новые веяния: провозглашалась самостоятельность Компартии Украины в составе обновленной КПСС. Отмечалось, что КПУ не может оставаться на правах областной организации, а должна иметь свою собственную программу и устав. В проектах решений съезда уже закладывались акценты не только на укрепление самостоятельности КПУ, но и на поиск «национальной идеи» в вопросах экономической и иной независимости республики от московского центра.

Компартия Украины была наиболее многочисленной и более самостоятельной по сравнению с Компартиями других союзных республик. Она имела собственное Политбюро; ее первый секретарь всегда входил в состав московского Политбюро ЦК КПСС. Но к своему последнему съезду КПУ стала заметно сдавать руководящие позиции. Ее обновленное молодое руководство в последующем привело республику к торжеству национального суверенитета и достижению государственной независимости. Коммунистическая партия утрачивала свой авторитет и боеспособность, некоторые секретари обкомов просились в отставку, шли дискуссии о новых программных платформах, появилась фракционность и заметный социал-демократический уклон. Стали отмечаться случаи коллективных заявлений о выходе из рядов КПСС. В

частности, в 1990 году ряды Компартии покинули 11 деканов Львовского госуниверситета и 33 члена партии (из 68) в первичной партийной организации Львовской консерватории. Это явление отражало общую тенденцию дезертирства из Компартии в целом по СССР. В 1989 году партийные билеты сдали 137 тысяч коммунистов, а к августу 1991 года – более 4 миллионов человек, не желающих быть в ответе за провал политики перестройки, находиться в одной партии с двурушниками и демагогами. Вместе с тем среди вышедших из партии было немало ловких приспособленцев, которые делали на этом «демократический» имидж, как хамелеоны, меняли убеждения и продавали души. Мало того, они нагло клеветали на сослуживцев, оказавшихся верными коммунистическим идеям. Споры между такими противниками не были цивилизованными, они нередко превращались в публичное оплевывание честных коммунистов, которые признавали ошибки партии, но верили в возможность существования демократической Компартии.

Когда партийные функционеры из числа руководства Компартии потерпели поражение на недавно прошедших свободных выборах, «я понял, что система пошатнулась», – с такими мыслями член Политбюро ЦК, главный идеолог Кравчук присутствовал на последнем съезде своей партии, сохраняя при этом свой партбилет, который продолжал давать ему выгодное кресло с привилегиями. Коммунистическая партия для подобного рода высших партийных аппаратчиков уже не являлась необходимой для карьеры и власти, они стали спешно пересаживаться в законодательные и исполнительные структуры, демонстрируя свое предательское перерождение и потребительский максимализм.

Становился особенно заметным разрыв между руководящими коммунистическими верхами и рядовыми членами партии. Коммунисты из рабочего класса высказывались за то, что на данном этапе не следует увлекаться теоретическими программами дальнейшего развития, что наступило время спасать партию и народ. Только за последний год Компартия уменьшилась на 10 %; в начале года ее численность составляла 2965 тысяч коммунистов. Шло омоложение руководящих партийных кадров, особенно в областных и районных комитетах. Ко времени съезда в республике сменилось до 70 % руководящих партийных работников.

Гуренко почти в одиночестве сражался с капитулянтством, гневно отмечал, что партию начали покидать карьеристы и приспособленцы, выдавая свою личную измену за немалое геройство. Взяв от Коммунистической партии и советского государства награды, премии, почетные звания и высокие гонорары, многие из них стали клеветать на партию и социалистический строй с таким же рвением, с каким раньше восхваляли и прославляли.

В условиях размежевания между сторонниками и противниками сохранения СССР украинская Компартия придерживалась позиции существования Союза в форме обновленной федеративной демократической державы, выступала за такую федерацию, в которой союзным республикам обеспечивается их реальная самостоятельность в решении всех вопросов своего государственного существования; за такой Союз, отношения в котором между всеми субъектами федерации строились на основе равноправия, справедливости и взаимовыгодное™.

Часть коммунистов отошла от основных программных положений и сформировала «Демократическую платформу», обозначив тем самым наметившийся раскол в партии, выступая за концепцию «демократического социализма», равные права всех политических партий, реальный федерализм деятельности СССР. Острые дискуссии не прекращались, поэтому было решено провести съезд в два этапа.

19 декабря 1990 года продолжился XXVIII съезд КПУ. В ходе заседаний обозначилось четкое понимание, что руководство украинских коммунистов стало сдавать политические позиции, эволюционировало к явно сепаратистским положениям, заложенным в Декларации о государственном суверенитете республики. Коммунистическая партия после потери своего конституционного статуса не могла найти свое место в условиях поднявших голову псевдодемократических сил. Возрастало политическое противостояние, накалилась борьба между Ком-

партией и Рухом, а также набирающими силу другими оппозиционными партиями. Новые реалии не обошли стороной деятельность органов госбезопасности.

Глава восьмая
Декларация о суверенитете. КГБ Украины в этот период

16 июля 1990 года депутаты Верховного совета Украинской ССР проголосовали за принятие Декларации о государственном суверенитете Украины. Для того времени это был совершенно новаторский законодательный акт, регулирующий в рамках действующего союзного государства основные принципы деятельности республиканского государственного механизма. Как подчеркивалось в этом политико-правовом документе, Верховный совет Украины ССР, выражая волю народа, его стремление построить демократическое общество, исходя из требований обеспечения и защиты прав и свобод личности, национальных прав всех народов республики, провозгласил государственный суверенитет Украины, то есть верховенство, независимость, полноту и неделимость республиканской власти в границах ее территории, а также ее самостоятельность и равноправие в международных отношениях. В осуществлении полноты законодательной и исполнительной власти Украинская ССР отныне будет самостоятельно решать любые вопросы своей государственной жизни, обеспечивать «верховенство законов республики на всей своей территории».

В области экономической политики устанавливалось исключительное право республики на владение, управление и распоряжение национальными богатствами. Крайне радикальной выглядела провозглашаемая возможность создания на Украине самостоятельных банковской, финансовой, налоговых систем, а в случае необходимости – введение даже собственной «грошово! одинищ».

Отдельный раздел Декларации (IX) определял суверенное право Украины на собственные вооруженные силы, внутренние войска, а также органы государственной безопасности, которые предусматривалось подчинить Верховному совету республики. Хотелось бы отметить одну характерную особенность: в тексте Декларации не упоминались союзно-республиканские органы МВД, которые к тому времени, благодаря исключительно «демократическим» решениям союзного министра Бакатина, де-факто уже находились в республиканском подчинении. Соответствующими соглашениями от имени МВД СССР Бакатин передал в ведение союзных республик все функции, силы и средства милиции, оставив центру материально-техническое снабжение и кадры. В силу этого в ряде регионов страны милиция из органа борьбы с преступностью и наведения общественного правопорядка превращалась в инструмент реализации сепаратизма, вооруженные националистические формирования.

Кроме того, в этом документе, наряду с КГБ, особо выделялся и закреплялся независимый от союзного статус прокуратуры республики. Генеральный прокурор Украины Михаил Алексеевич Потебенько, оставаясь в те дни членом коллегии прокуратуры СССР, отчетливо заявил: «Создавая действительную систему института прокуратуры, необходимо опираться на Декларацию о государственном суверенитете Украины, которая гласит, что наивысший надзор за точным исполнением законов осуществляет генеральный прокурор УССР, который назначается Верховным советом, ответственен перед ним и только ему подчинен». Такие же изменения планировались в отношении органов госбезопасности республики, которые являлись составной частью единой централизованной структуры союзно-республиканского КГБ СССР, а я входил в состав коллегии КГБ СССР.

На дворе стояло лето 1990 года; существовал СССР, в стране продолжались перестроечные процессы, шли бурные дискуссии о путях развития демократизма, увеличения и расширения полномочий союзных республик в связи с предстоящим заключением нового Союзного договора. Мы все жили ожиданиями зарождения нового Союза, государственного образования – федеративного или даже конфедеративного. Мнения об этом широко обсуждались и зачастую расходились диаметрально. Компартия Украины выступала за расширение суверени-

тета, полномочий республики в рамках обновленного Союза; интеллигенция, прикормленная и приласканная властями, – за реформирование советской федерации, большую автономию, демократические права человека; радикал-националисты и национал-патриоты вынашивали идею выхода из состава СССР и образования самостоятельного украинского государства.

Но в этот период ни один из субъектов федеративного Союза, кроме прибалтийских союзных республик, на официальном уровне не допускал высказываний о своих планах реального выхода из состава Союза. Большинством населения приветствовалось расширение суверенных прав союзных республик, прежде всего в области экономической самостоятельности, избавление от крайне бюрократической зависимости во многих вопросах от Москвы. Это был этап исторического развития, когда население союзных республик желало, чтобы СССР существовал без жесткого диктата центра, Союз был по-настоящему равноправным, чтобы национальные интересы, демократические права, политические свободы и истинный суверенитет союзных республик на деле были реальными, а не просто декларировались на бумаге.

В этой связи вспоминаются сказанные с особой горечью слова Щербицкого, который в беседе со мной однажды заметил: «Какая же самостоятельность республики, если без согласования с Москвой я не могу решить вопрос о строительстве туалета на Крещатике?» Щербицкий осуждал союзные госплановские органы за их разнарядки поставок мяса из Украины в одну из кавказских республик: «Почему наши селяне должны возиться в навозе и поставлять мясо туда, где есть хорошие возможности самим выращивать скот? Политика государства в продовольственном вопросе должна определяться четко и ясно: на местах использовать все возможности для максимального самообеспечения». В этом мнении Щербицкого, безусловно, есть рациональное зерно. Да и сам Генеральный секретарь ЦК Горбачев отмечал диктат центра как тревожную сторону в нарушении федеративных принципов. На Политбюро в апреле 1988 года он заметил, что «союзные ведомства свирепствуют, не считаются даже с Совминами республик… Правительства республик гвоздь забить не могут без спроса у Москвы… Недопустимо так обращаться с членами нашей федерации». Председатель правительства Рыжков свидетельствовал, что республики распоряжаются всего «какими-нибудь 10–15 % экономики на своей собственной территории». «Какой у нас суверенитет, если 50 % промышленности находится в союзном подчинении, – высказывал свое возмущение Назарбаев. – А сколько в союзно-республиканском? Министерства зубами держатся за свою собственность. У нас что, союз министерств или союз республик?»

Поэтому нельзя было не приветствовать провозглашение в Декларации о суверенитете положений о национальном возрождении народа, его исторического сознания, функционировании украинского языка во всех сферах общественной жизни. Всем народностям на территории Украины гарантировались равные права и свободное национально-культурное развитие. Все это, по нашим оперативным данным, имело большую поддержку в украинском обществе.

Скажу откровенно, как руководителя КГБ, меня в те дни волновали усилившиеся призывы к созданию самостоятельной республиканской армии, прохождению призывниками воинской службы только на территории Украины, образованию национальных, «чисто республиканских» органов государственной безопасности. В рамках Союза ССР, которому служили чекисты, это было особенно тревожным явлением, потому что приводило к нарушению положений действующей Конституции и союзного законодательства, возникновению проявлений национальной обособленности. На такие угрозы для существования собственной страны спецслужбы любого государства призваны соответственно реагировать.

В итоге получалось, что принимаемые депутатами формулировки Декларации о суверенитете представляли собой основу законодательного творчества будущего независимого государства, но вместе с тем являлись глубоким подкопом под жизнедеятельность Союза народов, созданного нашими дедами и отцами. Такие внутренние противоречия приходилось переживать и преодолевать в те дни не только мне.

Не будет большим секретом в том, что процесс разработки положений и принципов Декларации находился в поле зрения республиканских органов госбезопасности. Наше вполне закономерное внимание обосновывалось тем, что в разрабатываемом документе содержались явные признаки нарушения единства нашего многонационального государства, а также реальные угрозы децентрализации системы КГБ СССР. Органам госбезопасности были хорошо известны действующие в республике политические круги и конкретные личности, которые вынашивали планы достижения подобных целей, как они выражались, «разрушения империи». Кроме того, разработчиками этого закона оказались в большинстве своем представители депутатского корпуса из национал-патриотической оппозиции, которые работали над документом, по-существу, полуконспиративно и вносили в него недопустимые формулировки.

Не надо забывать о том, что продолжался сложнейший период нашей истории, когда даже теоретическая постановка требований о предоставлении широкого суверенитета республике произносилась полушепотом, в партийных и научных кругах за такую инициативу можно было приобрести ярлык националиста со всеми вытекающими последствиями. «Куда вам еще больше суверенитета, ведь Украина является учредителем и членом ООН», – декларировали в партийной печати идеологи ЦК Компартии.

В действительности случилось так, что председатель Верховного совета Ивашко не владел полной информацией о ходе дискуссий на завершающем этапе редактирования проекта Декларации. Когда он возвращался из Москвы, я оказался в аэропорту в числе встречающих должностных лиц. Владимир Антонович поинтересовался у меня обстановкой в республике. Из повседневных известий я выделил завершение работы над текстом Декларации о государственном суверенитете и передал ему имевшийся у меня машинописный экземпляр. Одновременно высказал озабоченность содержавшимися в документе тезисами: иметь собственную армию, самостоятельные органы безопасности, республиканскую денежную систему, а также провозглашением явной правовой абсурдности – принципов верховенства республиканских законов над союзными. Ивашко мне в ответ: «Не переживай. Пусть ребята поиграют в демократию и немного выпустят пар. В конечном итоге все решат результаты голосования в парламенте». Демонстрируя такой успокаивающий подход и почти полное благодушие, Ивашко не предвидел последующего стремительного развития событий: в день голосования за принятие Декларации о суверенитете он депутатским корпусом будет освобожден от должности председателя Верховного совета республики.

Я попытался продолжить свою линию, аргументируя тем, что нельзя же волновать весь народ записями, как тогда казалось, о нереальных намерениях республики иметь собственную армию: «С кем мы воевать собираемся?» К тому же «суверенных» воинов не будет возможности обмундировать из-за отсутствия в республике ткацких фабрик, выпускающих специальные форменные ткани. Теперь уже другое высшее государственное лицо с присущим ему юмором задело меня: «Не волнуйся, солдат оденем в красные казацкие шаровары!»

В те дни мне и в фантастическом сне не могло присниться, что через несколько лет в Министерстве безопасности России я буду принимать заместителя председателя СБУ Украины Олега Пугача. Он просил меня оказать содействие в приобретении в России тканей для обеспечения форменным обмундированием сотрудников службы безопасности уже независимой Украины.

Возможно, кто-то подумает, что моя озабоченность в части формирования в республике собственных вооруженных сил была излишней. Моя точка зрения основывалась на следующем. Проблема украинской самостоятельной армии, пусть даже в декларативной постановке, приобретала остроту в связи с тем, что в тот период на территории союзной республики была сосредоточена мощная военная группировка. Украина была насыщена арсеналом в более полутора тысяч ядерных боеголовок и занимала по количеству и потенциалу этого смертоносного оружия третье место в мире после США и России. На территории республики дислоци-

ровались три военных округа, пограничный округ, размещались три общевойсковые, четыре воздушных, две танковые армии, армия противовоздушной обороны и противостоящий средиземноморским натовским морским соединениям мощный Черноморский флот. Согласно стратегическим разработкам советского периода, в случае возникновения военных действий вооруженные силы с территории Украины должны были своей ударной мощью подавить войска НАТО и выйти к берегам Ла-Манша.

Несколько смягчала тревогу за судьбу СССР мысль о том, что пример принятия Декларации о государственном суверенитете республики первой подала Россия. В нашем народе говорилось, что в Москве всегда виднее, как правильно поступать.

12 июня 1990 года на первом съезде российские народные избранники проголосовали за Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации. В ней закреплялись некоторые, более серьезные, чем в украинской, сепаратистские положения о взаимных связях республики с центром. В частности, на базе признания приоритета республиканского законодательства над общесоюзным провозглашались отказ от уплаты в союзный бюджет налогов, ликвидация координирующих общесоюзных министерств и ведомств, включая важнейшие области финансовой, кредитно-денежной системы; началось одностороннее существенное разделение полномочий Союза и России.

Ельцин в выступлении на съезде утвердительно говорил о том, что кончилась война принимаемых законов, «Россия будет самостоятельной во всем и решения ее должны быть выше союзных». Для продолжения дальнейших разрушительных шагов в отношении СССР Ельцин получил карт-бланш: этот правовой акт был поддержан и коммунистами, и основными сторонниками Ельцина из демократических оппозиционных кругов.

Признаюсь, что я тогда не понимал, как могло случиться, что собирательница земель и народов, великая, интеллектуальная, интернациональная по своей исторической сути Российская Федерация принимает крайние, противоречащие действующей Конституции страны положения в Декларации о суверенитете своей союзной республики. Ведь в существовании СССР, да и в вековом существовании самой исторической России, ее роль в организации и объединении рядом живущих народов в единое целое была бесценной, пусть и имперской.

Мне кажется, что по-человечески можно понять нежелание дальше существовать вместе литовцев, латышей, эстонцев или части украинского населения западных областей, которые вошли в состав СССР перед войной и сразу же были вынуждены пережить немецко-фашистскую оккупацию, перенести тяготы депортации в Сибирь, прожили при советской власти в два раза меньше, чем остальное население России. Но как можно было понять разрушительную логику народных депутатов РСФСР в эти трагические дни? О чем они думали?

Некоторые объясняли случившееся бескомпромиссной борьбой за власть поддержанного демократическими силами Ельцина и уже теряющего авторитет Горбачева, бросающегося из стороны в сторону в своих действиях и публичных высказываниях. Полагаю, что не это является основной причиной конфликта. Хотя антагонистические отношения между этими двумя членами Политбюро ЦК КПСС имели место и раньше, но в том момент набирал силу гонимый партверхушкой Ельцин. Однако окончательное решение в одобрении Декларации о суверенитете было за представителями законодательной власти. Абсолютное большинство членов российского парламента при голосовании за Декларацию о суверенитете высказались откровенно «за», «против» – менее десяти депутатов. После такого поступка «старшего брата» беспокойную Украину уже нельзя было удержать. Поднял голову и полыхнул огнем нетерпения украинский национализм. Спустя месяц с таким же результатом, как в Москве, киевский Верховный совет принял Декларацию о суверенитете Украины.

Всем стало понятно, что результаты голосования в России и Украине целиком зависели от позиции депутатов из числа коммунистов. Они тогда преобладали в депутатском корпусе и своим единодушным голосованием входили в серьезные противоречия с союзными прин-

ципами существования нашего единого государства. Впервые после образования Советского Союза законодательными органами принимались правовые нормы о суверенитете республик, многие положения которых противоречили действующей Конституции страны. Более того, в России по пути принятия собственных законов о суверенитете пошли многочисленные автономные республики.

Находясь в Казани, Ельцин делал широкие жесты: «Какую самостоятельность изберет для себя Татария, ту мы и будем приветствовать». Как следствие этого, автономные образования стали претендовать на подписание наравне с союзными республиками нового Союзного договора.

В средствах массовой информации стало отмечаться, что украинская Декларация о суверенитете была принята потому, что ранее задекларировала свой суверенитет Россия. Без примера Москвы Киев не сделал бы ни одного решительного шага в этом направлении. Получалось, что своеобразными пособниками в возрождении украинского государственного суверенитета вновь оказались «москали», признававшие самостоятельность Украины в годы Гражданской войны, до создания Союза ССР. Принятие подобных законов в России и Украине возбудило дальнейший парад суверенитетов союзных республик.

После опубликования текста российской Декларации я позвонил первому заместителю председателя КГБ СССР Бобкову и спросил, как понимать принятие такого неоднозначного и в то же время значимого законодательного акта о государственном суверенитете России. Как депутат парламента, не принимавший участия в голосовании за этот закон, он открыл мне глаза. Вместе с депутатом, генералом армии Константином Ивановичем Кобецом, понимая возможные последствия принятия такого содержания Декларации, перед голосованием Бобков решил добиться приема и доложить Горбачеву сомнения по предложенному закону о суверенитете России. «Горбачев прочел его, подумал немного и сказал:

– Ничего страшного не вижу. Мы уже многое обсуждали.

– Но ведь это, по существу, отказ от властных полномочий Союза, – заметили мы, смущенные происходящим.

– Да нет. Это Союзу не угрожает. Но, если вы не согласны, покиньте съезд. Такая демонстрация может быть только полезной.

Он, как всегда, по-доброму улыбнулся и уже совсем серьезно добавил:

– Причин реагировать на это союзной власти я не вижу».

Комментировать этот разговор, думаю, излишне; в нем наглядно сошлись принципиальные взгляды на судьбу СССР двух генералов армии – военного и чекиста, и ясно проявилась типичная двойственность суждений Президента страны, который не видел или не желал видеть ее развала. Ради исторической правды следует признать, что Горбачев позднее изменит свое отношение и будет демонстрировать иные оценки российской Декларации, а его помощник Черняев запишет в своем дневнике: «Многонациональную проблему Союза можно решить только через русский вопрос. Пусть Россия уходит из СССР и пусть остальные поступают, как хотят. Правда, если уйдет Украина, мы на время перестанем быть державой. Ну и что? Переживем и вернем себе это звание через возрождение России».

Что-то созвучное пришлось мне услышать на Съезде народных депутатов СССР в выступлении известного писателя Валентина Распутина, который отвечал прибалтийским депутатам: «А может, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления?»

13 июня находившаяся в нашей стране премьер-министр Великобритании Тэтчер заинтересовалась отношением главы правительства СССР Рыжкова к принятому буквально накануне российским парламентом закону о суверенитете республики и верховенству российских законов над союзными. «Даже ей, со стороны, – вспоминает Рыжков, – было ясно: произошло нечто недопустимое для единого государства».

«Когда Россия возродится и станет богатой, Украина приползет к нам на коленях», – популярно разъяснил мне один из членов российского правительства.

Моя позиция в оценке принимаемых в России и Украине законов о республиканских суверенитетах, конечно же, носила личностный характер, относилась к периоду бурного времени, когда сложно было предугадывать дальнейший ход политических событий. С точки зрения прогноза развития общественно-политических процессов сотрудники КГБ были в более выгодном положении. У них в руках было острое профессиональное восприятие: умение осмыслять оперативную обстановку, те явления, которые скрыты от широкого общественного понимания; знание подрывных целей и практической деятельности спецслужб противника, порядка проведения открытых и маскируемых акций антиобщественных элементов. В своем мировоззрении я стоял на безусловной защите интересов государства СССР, вместе с тем не мог не приветствовать стремление к установлению подлинного федерализма, расширению суверенных полномочий республик. Даже в положении председателя КГБ союзной республики я ощущал ограниченные полномочия республиканских органов при маневрировании кадрами, назначении на руководящие должности, приеме на службу и зачислении новых сотрудников в штат. Увольнение, сокращение, заработная плата, все финансовые и материальные расходы – ни шагу без решения Москвы. Председатель КГБ республики имел право присваивать очередные офицерские звания только до подполковника. Иногда доходило до курьезов, например: в Москве отказывали в назначении нашего сотрудника начальником управления со ссылкой на то, что его жена длительное время работает директором крупного магазина. Лишь после того, как я пригрозил кадровикам устроить скандал, назначение состоялось.

Но, с другой стороны, если подходить к суверенизации с правовой точки зрения, во многих положениях Деклараций нельзя было не замечать предпосылок к окончательному раскачиванию социалистической государственности.

Интересные и откровенные наблюдения высказал по этому поводу Кучма: «Акт о суверенитете России, принятый Верховным советом РСФСР 12 июня 1990 года, выглядел в глазах большинства россиян как некое чудачество либо еще один ход в хитрой политической игре, смысл которой ясен пока лишь самим игрокам».

Нечего греха таить: многие благородные идеи из Декларации о суверенитете современниками воспринимались как провозглашение неких намерений, будущей мечты; тогда думали, что они не потребуют выполнения после заключения нового Союзного договора. В советский период (впрочем, и в наши дни тоже) принималось немало прекрасных законов, но претворялись в жизнь не лучшие демократические правовые нормы, а в первую очередь «закручивание гаек».

Как следовало поступать органам государственной безопасности при таком законотворчестве? Хотелось бы спросить у обвиняющих КГБ о том, как его сотрудники могли выполнить свои главные задачи по защите государства, если все основополагающие решения о государственном устройстве, смене правительств, экономических и социальных реформах принимались на высшем законодательном уровне СССР и союзных республик в парламентах конституционным большинством.

Очнулся от опьянения перестроечными преобразованиями и перешел к реалистическим взглядам и Горбачев: «И как тут не вспомнить события 1990 года, запалом которых стало решение Верховного совета РСФСР о суверенитете, о верховенстве законов России на ее территории. Тут одна из первопричин дезинтеграции Союза. Суждения насчет того, что толчком к распаду Союза стали национальные конфликты в Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, – все это попытки задним числом оправдать безответственные действия Ельцина и его демороссовских сторонников по развалу СССР». Заключения Горбачева представляются двойственными и не оправдывают его самого: и первое, и второе, сказанное им, являлось причинами развала СССР, допущенными при его руководстве страной.

Только линией центральных органов можно объяснить, отчего нарушающие Конституцию СССР положения Декларации о суверенитете союзных республик не получали со стороны союзных властей своевременных, четких и принципиальных юридических оценок, а также почему эти положения не были отменены или официально признаны неконституционными. Возникающие в республиках сепаратистские процессы в большинстве своем протекали на виду союзных органов при молчаливом согласии центра, что в конечном итоге привело к его поражению. Центральные власти в своей реакции опоздали. А когда началось применение военных подразделений и силовой составляющей, поезд уже шел под откос.

Вместе с тем ускоренные тенденции к суверенизации республик в самое нужное время заметили и стали широко использовать во враждебных замыслах иностранные спецслужбы, многочисленные антисоветские зарубежные организации. Так, в период объявления Украинской ССР Декларации о суверенитете при Совете национальной безопасности США была создана специальная группа экспертов, которые стремились оказывать непосредственное влияние на дальнейшее развитие обстановки в республике. Американские спецслужбы поставили главной задачей создание внутренних и внешних условий для «мирного выхода Украины из состава СССР и превращения в независимое демократическое государство». Для достижения этой цели стало активно использоваться генеральное консульство США, незадолго до этого открытое в Киеве. Увеличение в пять раз количества часов радиопередач «Голоса Америки» и радиостанции «Свобода» на украинскую аудиторию являлось свидетельством продолжения «холодной войны» против СССР. Делалось все для идеологического разложения социалистического общества, переживающего серьезные кризисные явления. США предлагали моральную и материальную поддержку «антиколониальным, национально-освободительным силам внутри СССР», ЦРУ не исключало вариантов снабжения оружием нелегальных националистических группировок. А в случае возникновения гражданских массовых столкновений в нашей стране США предполагали направление американских войск в «горячие точки СССР» для контроля и сохранения ядерного оружия.

Представители зарубежных кругов расширили нелегальные контакты с лидерами украинской национал-демократической оппозиции. У нас имелись достоверные данные о том, что в последовавшие после объявления Декларации о суверенитете месяцы они стали ориентироваться не только на своих прежних единомышленников, но и на обработку суверен-коммунистов, как они называли сторонников Кравчука, которые, несмотря на коммунистические корни, «способны возбуждать национальное движение за полную независимость».

Обладая достаточными оперативными сведениями о подрывных планах зарубежных противников советской власти на Украине (я не сторонник преувеличивать заслуги западных спецслужб), могу утверждать, что они не смогли бы достичь планируемых результатов по развалу СССР без внутренней поддержки дружной колонны национал-патриотов и суверен-коммунистов, ярко обозначившейся при голосовании в стенах республиканского парламента.

И еще одно существенное обстоятельство: обнадеживающе звучали заключительные положения Декларации о государственном суверенитете Украины, так как провозглашалось, что ее «принципы будут основой для новой Конституции и обозначают позиции для подготовки Союзного договора».

На предстоящее подписание Союзного договора я возлагал большие надежды, рассчитывал, что таким образом можно будет устранить всяческие перегибы, добиться компромисса и закрепить основы ожидаемого счастливого будущего – нового демократического государственного устройства СССР.

Когда Декларация о государственном суверенитете Украины вступила в силу как нормативный акт, она стала обязательной для исполнения в практической деятельности всеми органами власти и управления. Не были исключением и органы безопасности республики: я как должностное лицо не мог допускать колебаний сотрудников КГБ в реализации положений

Декларации. Мы были воспитаны в духе уважения и неукоснительного исполнения законов как союзного, так и республиканского значения.

Я осознаю, что шел на компромисс с собственными убеждениями и совестью, когда видел сокрушающие начала, но успокаивал себя тем, что все исправит новый Союзный договор; республики договорятся, все наладится и восторжествует общая союзная государственность.

Из поступающих оперативных материалов мы знали о значительной поддержке положений Декларации различными слоями населения республики. Руководство Компартии Украины (Гуренко, Харченко, Кравчук) в государственном суверенитете республики видело единственный выход из политического и социально-экономического кризиса, возможность сохранить правящую коммунистическую власть. Представители творческой интеллигенции связывали с Декларацией надежды на дальнейшее развитие демократических свобод и соблюдение прав человека в республике. Многие граждане Украины обрадовались тому, что впредь украинские военнослужащие не будут привлекаться в составе союзных воинских подразделений в горячих точках для урегулирования межнациональных конфликтов. Среди части рабочего класса звучали голоса, что сегодня главное не суверенитет, а достижение положительных сдвигов в экономике, которые способствовали бы повышению жизненного уровня населения.

Многое изменилось. Трудно было узнать в Украине ту, в которую я приехал в 1987 году. Общественно-политическая атмосфера в обществе, национальное самосознание и самочувствие украинского населения становились иными по сравнению со спокойным брежневским доперестроечным временем. Народ стал болеть за свои национальные интересы и без страха называть накопившиеся за десятилетия недостатки, искать их виновников. Принятие Декларации о суверенитете можно было расценивать как важный шаг в направлении разрешения болезненных проблем республиканской жизни.

Некоторые статьи Декларации о суверенитете прямо устанавливали новые основания в правовом положении органов КГБ республики. Органы безопасности руководствовались принимаемыми Верховным советом Украинской ССР законами, в том числе непосредственно затрагивающими сферу обеспечения государственной безопасности. Требования закона и сама повседневная жизнь заставляли совершенствовать практическую оперативно-служебную деятельность, вырабатывать современные подходы, формы и методы решения многогранных задач по обеспечению безопасности в стране.

1 октября 1990 года республиканская «Рабочая газета» опубликовала мое интервью под заголовком «Суверенитет и безопасность народа неотделимы». Позволю себе процитировать отдельные суждения, которые в тот период представляли поиск актуальных решений в дальнейшей оперативно-служебной деятельности.

«…Сотрудники органов государственной безопасности, как и весь украинский народ, осознают исключительную важность и масштабность Декларации – исторического документа, знаменующего собой новый период в судьбе Украины, в ее экономическом, духовном развитии… Перед нами стоят задачи по обеспечению безопасности республики, воплощению в жизнь принципов «самостоятельности, полноты и неделимости власти республики в пределах ее территории и независимости и равноправия во внешних сношениях».

Понятно, что установление реального государственного суверенитета повлияет на геополитическое положение Украины, изменит ее место в союзных и мировых делах. А значит, перед органами безопасности стоит чрезвычайно важная задача: защищать конституционные, политические, экономические интересы республики. Я подчеркиваю это по той причине, что уже сейчас Верховным советом республики даны поручения соответствующим комиссиям начать разработку Закона об органах государственной безопасности Украины. Конечно же, их полномочия, направление деятельности и главные функции будут определены парла-

ментом республики исходя из необходимости и важности реальной безопасности суверенной республики…

Это будут по-настоящему республиканские органы государственной безопасности. Безусловно, может встать вопрос об их названии, и как вариант возможен Комитет национальной или общественной безопасности. Но в любом случае надо исключить бытующее предубеждение о том, что мы находимся в абсолютной зависимости от союзного ведомства. Все, что делается сотрудниками КГБ Украины, полностью несет нагрузку защиты непосредственно республики и Союза ССР в целом. При разработке Закона о КГБ решающую роль будет играть степень разграничения полномочий Союза и субъектов, его образующих. Скажу одно, что вынашиваемая в определенных кругах идея так называемого «карманного КГБ», то есть строго обособленного, и нереальна, и невыгодна для Украины. В России, скажем, к этой проблеме подошли с реалистических позиций… Б. Ельцин подчеркнул необходимость делегирования определенных полномочий обеспечения безопасности от РСФСР союзному Комитету… здесь последнее слово за парламентом Украины. Надо учитывать, что есть такие сферы обеспечения безопасности, которые одной республике просто не под силу и с профессиональной, и особенно с экономической точки зрения, то есть очень дорогостоящие направления (специальная и шифрованная связь, борьба с иностранными разведками, организованной преступностью и др.).

Правовая и политическая ситуация принципиально изменилась. И тут определяющим является следующий вопрос: подчинение КГБ республики непосредственно Верховному совету Украины. Для нас это важно не только с точки зрения наличия «правового хозяина», мы стоим за усиление подконтрольности, подотчетности высшему законодательному органу республики. Положение органов КГБ, это надо особенно подчеркнуть, существенно изменилось после отмены статьи 6 Конституции СССР. Органы госбезопасности стали реально подконтрольны институтам государственной власти.

Мы выступаем за открытый, доступный для всех граждан Закон об органах госбезопасности республики, чтобы каждый человек мог знать, какие права и интересы защищаются этим органом. И в каких случаях его права могут ограничиваться в рамках закона и в интересах общества, государства, их защиты от любых противоправных посягательств.

В своей деятельности мы исходим, прежде всего, из принципа незыблемости, священности безопасности и свободы личности. И если формулировать задачи сегодняшнего дня, то они опять-таки выходят на то, чтобы, не дай бог, не допустить насилия, кровопролития и любых групповых или массовых конфликтов.

Комитет госбезопасности располагает нужной для нашей республики информацией, в том числе и закрытой. Мы делаем все для того, чтобы она была полезной, носила упреждающий характер, оперативно реализовывалась. Сегодня главным потребителем нашей информации является Верховный совет в лице комиссий, Совет министров УССР и его министерства. Спектр ее – самый разнообразный, касающийся широкого диапазона вопросов защиты экономического суверенитета республики: попытки вывоза за рубеж национальных богатств республики, обеспечение нормального и безопасного функционирования экологически взрыво- и пожароопасных объектов народного хозяйства, а также особо нарушения требований безопасной эксплуатации АЭС на Украине.

Конечно же, направлялась информация и по сложным проблемам, связанным с недопущением обострения общественно-политической обстановки в республике, возникновения конфликтов на межнациональной, в частности в Крыму, и межрелигиозной почве.

Декларацию о государственном суверенитете мы восприняли не просто как провозглашение намерений. Ее положения мы стремимся преломлять в нашей практической деятельности. По-иному смотрим сегодня и на структуру наших органов.

Пришло время избавляться от несвойственных нам функций. Лишь за последнее время мы упразднили свыше 50 городских и районных подразделений там, где это позволила обстановка. Кроме того, упразднено контрразведывательное подразделение, которое занималось защитой от иностранных разведок органов внутренних дел. Теперь работа этого усиленного подразделения ориентирована на борьбу с организованной преступностью и коррупцией. Особо выделяю новое для нашей деятельности понятие коррупции. За счет этого мы намерены решительно усилить борьбу с мафиозными структурами, контрабандой, мздоимством и взяточничеством должностных лиц в различных сферах государственной и хозяйственной деятельности, а также складывающимися международными преступными сообществами.

Мне уже приходилось говорить на первой сессии Верховного совета УССР, что сегодня жизненно важны консолидация, взвешенные, выверенные решения, повышение взаимной ответственности государства перед своими гражданами и наоборот. Чрезвычайно важны обновленные республиканские законы для недопущения насилия, террора, разжигания межнациональной, межрегиональной розни и вражды. Демократическое развитие общества нуждается в защите, оно не может быть подорвано как административным произволом, ограничением свободы волеизъявления народа, так и подменой такого волеизъявления насилием и произволом экстремистов.

К несчастью, в нашей собственной истории были тяжелые, трагичные периоды, и наш долг не простое осуждение, но главным образом коренное изменение авторитарной системы, глубокое исправление ошибок и выработка гарантий, чтобы они никогда не повторялись. Стою твердо на позиции восстановления справедливости по отношению к каждому невинно пострадавшему или репрессированному в любой период.

…Попытки бросить тень за сталинские, бериевские злодеяния на нынешний состав сотрудников, угрожать им «румынским вариантом» совершенно несправедливы. Ведь посмотрите сами: около двух третей всех работников КГБ Украины родились после 1953 года, имеют выслугу до десяти лет. И это же не какие-то наемники, а те же граждане республики и, наконец, наши сыновья, братья, дети.

Совершенствуя стиль и методы оперативно-служебной деятельности в духе времени сегодняшнего дня, мы усилили правовое и нравственное воспитание своих сотрудников. Мы обязаны следовать закону. Демократичность же, гуманность его зависят от законодательной практики».

Получилось длинноватое цитирование злободневных вопросов деятельности КГБ. Я привожу не только мои соображения, но здесь раскрывается современный облик органов государственной безопасности. Пусть вникнут в изложенную глубинную суть нашей деятельности и перестроечных процессов в системе любители шельмования КГБ периода девяностых годов.

Принятие в июле 1990 года Верховным советом Украинской ССР Декларации о государственном суверенитете повлекло за собой развитие в украинском обществе новых политических и социальных тенденций, принятие других основополагающих законов. Все острее осознавалась неизбежность экономических перемен. Парламент отреагировал на это принятием законов об экономической самостоятельности республики, переводе в республиканскую собственность объектов союзного назначения.

Реализация Декларации о суверенитете коренным образом отразилась на дальнейшем положении органов госбезопасности республики. Союзно-республиканские органы по статусу объявлялись республиканскими, подчиненными Верховному совету Украинской ССР. Скажу откровенно, что было очень трудно сохранить достоинство, чтобы КГБ республики в системе КГБ СССР не выглядел «суверенным». На имя Крючкова была направлена специальная записка с приложением официального текста Декларации о государственном суверенитете Украины. Мы ожидали получить рекомендации центра, как действовать республиканскому

органу КГБ в совершенно новой общественно-политической и законодательной обстановке. Со стороны руководства КГБ СССР никакой реакции не последовало; устные разъяснения сводились к советам работать в соответствии с действующим законодательством, строго соблюдая законность. Сотрудники КГБ республики иного для себя и не допускали.

В последующем в Москву мною были предоставлены сообщения о конкретных действиях оппозиционных политических сил, теперь уже на основе провозглашенных принципов суверенизации, а именно: взят курс на окончательное отделение Украины от Союза, чему усиленно содействовали спецслужбы главного противника. Указанная информация докладывалась Крючковым лично Горбачеву, который и сам владел достаточными данными об усилении сепаратистских тенденций в союзных республиках страны. «После раздумий и размышлений» Горбачев предложил председателю КГБ доложить информацию Ельцину, заметив, что «между российским и киевским руководством ведутся активные переговоры», пусть, мол, Ельцин «задумается над этими сведениями и разберется». Вместо принятия надлежащих мер по своевременному противодействию радикальному сепаратизму в реализации информации КГБ республики Горбачев сделал коварный шаг. Добившийся первым принятия акта о суверенитете России, Ельцин не стал бы препятствовать осуществлению того же самого на Украине. «У Президента СССР не появилось желания должным образом отреагировать на информацию, касающуюся в конечном итоге судьбы Союза», – сделал безнадежное заключение Крючков.

В КГБ Украины решили прибегнуть к другим вариантам доведения до центра тревожной информации. В сентябре 1990 года была подготовлена обобщенная аналитическая записка, в которой обозначались «кричащие проблемы» ослабления системы государственной безопасности страны. Она готовилась с участием помощника председателя КГБ СССР Сергея Дьякова, доктора наук, посетившего Киев. Документ, раскрывающий подрывные действия зарубежных спецслужб против СССР и оппозиции внутри страны, за подписями моей и Дьякова был направлен в адрес руководства КГБ СССР. В предлагаемом комплексе организационно-правовых и оперативных мер для сохранения стабильности и укрепления правопорядка в СССР нами высказывалось предложение о необходимости проведения встречи Президента СССР с руководящим составом КГБ, который надеялся на получение ориентиров, установок и поддержки Горбачевым деятельности КГБ республик в тревожной политической и оперативной обстановке. Ни на президентском, ни на ведомственном уровне реакции на наши тревоги не последовало.

Мои личные надежды по нормализации ситуации в республике продолжали связываться с предстоящим заключением Союзного договора. В депутатской почте был получен окончательный вариант проекта Союзного договора. Он содержал специальный раздел о сфере ведения Союза по «обеспечению государственной безопасности, установлению режима и охраны государственной границы, экономической зоны, морского и воздушного пространства Союза, по руководству и координации деятельности органов безопасности республик». Содержащееся разграничение полномочий позволяло определиться в правах Союза и республик, устранить коллизии в союзном и республиканском законодательстве в области обеспечения государственной безопасности.

Вместе с тем КГБ республики стал отмечать увеличение масштабов подрывных атак со стороны заграничных спецслужб, главарей всякого рода закордонных антисоветских пропагандистских центров и организаций. Первое (разведывательное) управление КГБ Украины провело успешную операцию, в результате которой была добыта закрытая программа «главного противника» по наращиванию усилий непосредственно против советской Украины в дальнейшем разжигании сепаратизма, разложении республиканских партийных органов, раздувании междоусобиц между восточными и западными областями на национальной и межрелигиозной основе и осуществлении других акций, способствующих формированию внутренней оппозиции.

В действиях спецслужб новизны было немного: по аналогичному сценарию за украинской пограничной полосой развивались события по победоносному уничтожению социалистического строя в сопредельных странах – Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, входивших в Варшавский договор.

Наглядным примером натиска закордонных спецслужб является статистика: в 1990 году сложную в оперативной обстановке Львовскую область посетило 109 установленных иностранных разведчиков, действующих в стране под дипломатическим прикрытием. По каждому из них мы фиксировали политические цели и интересы посещения республики.

КГБ Украины осуществлял меры противодействия подрывным замыслам: перехватывал и контролировал каналы связи зарубежных враждебных центров с оппозиционными элементами в республике, вел оперативные игры со спецслужбами, отвлекая усилия противника на заранее подготовленные агентурные позиции, вскрывалась эмиссарская деятельность, пресекались разведывательно-подрывные акции агентуры иностранных спецслужб. Мы обладали профессионально грамотными разведчиками и контрразведчиками, которые не сидели сложа руки. Однако наши усилия и достигаемые результаты носили чисто локальный характер. Захват с поличным агентуры и эмиссаров иностранных разведслужб даже при непосредственном проведении ими подрывных акций требовал согласования с высшими инстанциями в Москве. Пресечение подрывной деятельности иностранных граждан в большинстве своем не санкционировалось под предлогом необходимости обеспечения важных международных мероприятий, нельзя было омрачать очередной визит генсека в капиталистические страны или приезд в Москву глав зарубежных государств. Приведу пример из работы украинской контрразведки. Подполковник Владимир Тищенко завершал разработку «Художника» – иностранного гражданина, занимавшегося разведывательной деятельностью: собраны доказательства, весомые улики его шпионской деятельности, обнаружен тайник, где хранились фотопленки с добытыми им материалами секретного характера. «Началась подготовка к захвату объекта. Коллеги шутили: «Готовь в кителе дырку, будет орден». За шаг до успеха сработал принцип политической целесообразности. В то время готовился государственный визит в одну из стран для подписания договора о дружбе и сотрудничестве. В Москве сочли, что задержание шпиона, гражданина этой страны, в данный момент может отрицательно сказаться на итогах визита. Нам ничего не оставалось, как тайно засветить фотопленки иностранца и выдворить его из страны», – вспоминает Тищенко.

Принятие вполне законных и необходимых мер по пресечению преступной деятельности конкретных лиц переносилось из юридической плоскости в политическую целесообразность.

Хочу быть правильно понятым. Я далек от того, чтобы спустя годы упрекать высшее партийное или свое гэбистское руководство и себя лично в неверных решениях, которые принимались при исключительно сложном положении в стране. Государственные интересы, естественно, были выше ведомственных, как бы ни было обидно профессионалам. К сожалению, мы все – руководство страны, республики – были связаны по рукам и ногам неблагополучием самого общества, трудной экономической ситуацией, негативными социальными явлениями, нерешенностью многих национальных проблем, резким снижением жизненного уровня, нарастанием межнациональных конфликтов и антирусских проявлений. Таковы были факты тех лет, с которыми можно соглашаться или спорить. Но все-таки комплексная работа высшего руководства страны и республик по недопущению негативных процессов, угрожающих целостности страны, должна была быть более цельной и настойчивой.

Беспокойный и реалистичный глава правительства Н. Рыжков на заседании Политбюро ЦК КПСС предлагал серьезно определиться в разрешении проблем социально-экономического и национального состояния, иначе «вся перестройка заглохнет», забастовочное движение все похоронит». Он заявлял, что если страна не сумеет найти выхода из создавшегося положения в ближайшее время, то «доберутся и до правительства, и до руководства страны в

целом». Рыжков требовал совершенно новой национальной политики, по его словам, «ссылки на далекое ленинское прошлое начинают просто надоедать».

Кризисные явления были еще не в такой степени катастрофическими, чтобы привести к разрушению советской державы. Объективно суверенизация могла предоставить союзным республикам новые возможности в едином и общем экономическом пространстве, ликвидации социальной несправедливости, стремлении придать новое дыхание федерализму. Но на судьбах страны существенным образом сказался наш традиционный человеческий фактор, характерный расхождением между словом и делом, между прекрасными идеями и конкретными усилиями по их реализации.

Глава девятая
Коммунисты приводят к власти Кравчука. Верховный Совет и КГБ Украины

Леонид Макарович Кравчук в своих воспоминаниях отмечает, что после его избрания председателем Верховного совета Украинской ССР «постійно контактував» с Голушко, который возглавлял «главную украинскую спецслужбу».

Я завершил служебную деятельность в КГБ Украины еще до того времени, когда в конце 1991 года Кравчук был избран первым президентом независимого украинского государства. Наши постоянные отношения сводились не только к «контактам». Председатель Верховного совета республики в указанный период украинской государственности стал «правовым хозяином» над органами безопасности республики. КГБ перестал находиться под руководством и опекой ЦК Коммунистической партии.

Кравчук принадлежит к государственным деятелям, которые упорным трудом создавали собственную общественно-политическую биографию. Выходец из беднейшей крестьянской семьи, сын фронтовика, погибшего в 1944 году при освобождении Белоруссии от немецких захватчиков, до пятилетнего возраста имел польское гражданство; после вхождения Западной Украины в состав СССР получил при советской власти прекрасное образование, сделал завидную для уроженца из западных областей карьеру. Он окончил Киевский университет, затем привилегированное партийное учебное заведение – Академию общественных наук при ЦК КПСС. Защитил кандидатскую диссертацию, связанную с темой сущности прибыли при колхозном строе.

В 1989 году Ивашко укрепил «идеологический фронт»: по его выбору и прямой поддержке Кравчук становится вторым секретарем и членом Политбюро ЦК, главным идеологом КПУ. Кстати, при Щербицком, который знал Кравчуку настоящую цену, его служебный рост в ЦК в течение почти двадцати лет не поднимался выше заведующего отделом агитации и пропаганды.

Деятельность и личность Кравчука оценивается неоднозначно в различных кругах общества: от предателя украинской Коммунистической партии, незаконно запретившего ее деятельность, и одного из основных разрушителей Советского Союза до основателя самостоятельного украинского государства. Как политик он закалялся в битвах – куда пошлет партия, освоил искусство интриг в должности главного идеолога и особенно в борьбе с национализмом, руховцами и униатами. Сам Кравчук скромно скажет о себе в интервью американской газете, что он не коммунист, который стал националистом, а является коммунистом, который стал демократом. Такая нескрываемая «принципиальность» стала нормой жизни этого политика с двойной моралью.

Вступление в должность председателя Верховного совета Кравчука 23 июля 1990 года совпало с принятием Декларации о государственном суверенитете республики. В последние месяцы существования СССР и проведения реформ горбачевской перестройки ему предстояло на государственном уровне принимать ответственные решения, коренным образом изменившие всего за один год всю современную историю республики – от защиты национальных экономических интересов и суверенитета до провозглашения независимости Украины. За кандидатуру Кравчука на пост председателя Верховного совета, единственного кандидата от Коммунистической партии, проголосовало 239 депутатов при необходимом количестве 226 голосов. С этого времени коммунистическое большинство, объединенное во фракцию с названием «За суверенную Советскую Украину», стали называть парламентской «группой 239». Оппози-

ция выдвинула несколько своих кандидатов, проигравших ставленнику ЦК КПУ. Помнится, что каждый из них рассказывал с трибуны, какие страдания он вынес от советской власти.

Именно в этот период во всей суровой реальности проявилась конкуренция политических партий в стремлении прийти к власти, на парламентскую арену выходили новые авторитетные личности с антикоммунистическими взглядами. Оппозиционные партии существенно скорректировали способы достижения своей цели – прихода к власти: главные усилия предприняли в движении по парламентскому пути. Поэтому значительное число радикал-националистов оказалось в стенах украинского парламента.

Для многих тогда казалось странным, почему на должность главы государства выдвигается не лидер Коммунистической партии Гуренко, а Кравчук, недавно назначенный вторым секретарем ЦК. Ответ простой: он более других был склонен к поиску компромиссов, ловко лавировал и удачно приспосабливался к самым неожиданным переменам. А Гуренко испытывал на себе последствия неожиданного «броска» Ивашко в Кремль, под крыло Горбачева, влияние которого катастрофически падало. На вершине республиканской власти появился тандем Гуренко – Кравчук, возглавившие фракцию депутатского большинства и в целом законодательный орган страны.

В этот период Коммунистическая партия по собственной воле сдавала и утрачивала правящие позиции. От нее оказались отторгнутыми такие рычаги управления, как КГБ, прокуратура, правоохранительные органы, руководителей которых ранее в коридорах ЦК ставили чуть ли не по команде «смирно»: «делай так, как тебе сказано». Кравчук (да Ивашко тоже) не имел опыта государственного управления, присущего Щербицкому. Но в главном – в области строительства украинской государственности – позиция Кравчука обозначалась его твердым убеждением в том, что независимости у республики не может быть много или мало. Он категорично утверждал, что суверенитет или есть, или его нет. От руководителей исполнительной власти, своих подчиненных, Кравчук требовал идти к утверждению независимости республики не конфронтационным, а компромиссным путем, от главы КГБ – строить работу так, чтобы своими действиями это силовое ведомство не вызывало недовольства жителей Украины.

Когда надо было разыграть свои политические козыри, ввести в заблуждение общество, Леонид Макарович любил обращаться к «воле народа» – главного носителя независимости государства. «Я должен слухати только Верховный совет и свой народ, душевный, добрый, миролюбивый, сообразительный и трудолюбивый».

Для достижения реального влияния в условиях объявленного суверенитета Кравчук держал в своих руках создание дееспособных органов власти. Он установил доверительные контакты с министром внутренних дел Василишиным, приглашал на заседания президиума Верховного совета генерального прокурора и председателя КГБ, активно способствовал возникновению самостоятельной украинской Службы национальной безопасности. Председатель Верховного совета Кравчук встречался с сотрудниками КГБ республики на совещании при подведении итогов оперативно-служебной деятельности за 1990 год.

В своем выступлении на этом совещании я охарактеризовал прошедший год как сложный этап продолжающихся коренных перемен в республике. Руководство КГБ не раз высказывало свою обеспокоенность ростом экстремистских и националистических проявлений, явных сепаратистских замыслов. Особенно тревожили негативные настроения среди населения в связи с падением жизненного уровня, усугубившегося недостатками в социальной сфере. Наряду с этим, мы имели достоверные данные о стратегических установках иностранных спецслужб, зарубежных ОУН, которые сводились к целенаправленному подталкиванию оппозиционных элементов в республике к «переходу от единичных антисоветских акций к массовому национальному движению за выход Украины из состава СССР». Так откровенно провозглашались цели и интересы западных спецслужб.

Речь Кравчука перед личным составом КГБ прояснила видение руководителем республики главных задач органов безопасности. На первое место он выдвинул требование строгого соблюдения законности при исполнении КГБ своих властных полномочий. Кравчук призвал обеспечить республиканские органы власти и управления упреждающей информацией о враждебных замыслах иностранных спецслужб против Украины, намерениях и действиях антиконституционных сил внутри республики. Он считал необходимым, чтобы КГБ своими методами и средствами содействовал в стабилизации социально-политической обстановки, решительной борьбе с экономическими преступлениями и нарастающей коррупцией. Перед сотрудниками КГБ были поставлены задачи по недопущению нанесения экономического ущерба республике в ходе развивающихся внешне-экономических связей с зарубежными партнерами. В этой области уже на начальном этапе наши контрразведывательные подразделения сумели квалифицированно организовать работу по защите экономических интересов республики: было предупреждено более 50 попыток причинения существенного экономического ущерба при заключении международных контрактов, поставок из-за рубежа некачественного и некомплектного оборудования. Более 20 трудовых коллективов выразили нам благодарность за оказание помощи при сопровождении международных торговых соглашений.

Положительно оценивая проводимую работу по реабилитации граждан, пострадавших в годы репрессий, Кравчук потребовал решительно отмежеваться от наследия сталинизма.

Выступление в КГБ председателя Верховного совета было встречено с одобрением и имело большое значение: в условиях тревожного времени оно ориентировало на главные проблемы, вызывавшие беспокойство у руководства республики. Сотрудники почувствовали свою сопричастность к созданию новой реальности в жизни республики и понимали, что должны действовать энергичнее в ее интересах. Постановкой перед КГБ конкретных задач Кравчук продемонстрировал государственный подход, что явилось неплохим началом в его непосредственном руководстве спецслужбами, опыта которого у него еще не было.

Националистические элементы были недовольны избранием коммуниста Кравчука главой высшего законодательного органа, инспирировали против депутатов-коммунистов и лично против него массовые выступления, которые все больше стали приобретать политико-экстремистский характер. К проведению антиобщественных акций впервые были широко привлечены студенты. Молодежные группы (в основном из западного региона страны) прибегли к тактике сооружения палаточных городков на центральной площади столицы и объявления бессрочных студенческих голодовок. Митингующие требовали немедленного роспуска состава Верховного совета, проведения досрочных выборов на многопартийной основе, ликвидации Коммунистической партии и комсомола, национализации их имущества, отказа от призыва в Советскую армию и установления порядка прохождения воинской службы призывниками только на территории Украины. Особенно яростным нападкам подвергался Кабинет министров, глава правительства Виталий Масол, имевший (в отличие от пришедших к руководству первых лиц) огромный авторитет в промышленных кругах республики и страны.

Оценивая происходящие события тех лет, я не перестаю восхищаться мудростью, прозорливостью, гражданским мужеством Масола, который призывал сохранить нерушимость СССР как федерации нового типа, основанной на базе экономически выверенного разделения труда, эквивалентном обмене продукции между республиками, договорном принципе построения Союза и надежности правовых гарантий суверенитета его членов. Курс на экономическую самоизоляцию, считал Масол, бесперспективен, ибо ведет в тупик.

Обстановка в республике накалялась, с каждым днем грозила правительственным кризисом. В результате спланированных провокационных акций и при прямой поддержке Кравчука митингующие добились отставки правительства Масола, что вдохновило националистические элементы на требования дополнительных уступок со стороны властей.

Когда оппозиционные силы стали практиковать массовые антиобщественные акции, правоохранительные органы оказались не в состоянии обеспечить надлежащий правопорядок. Палаточные городки явились новой формой протеста, который был применен против существующей власти только на Украине. Правоохранительные органы не применяли к митингующей молодежи традиционные методы и средства принуждения (как это сделали, к примеру, китайцы при разгоне студенческих демонстраций). Хотя формально уголовные дела по антиобщественным событиям возбуждались, но их расследование стало невозможным из-за давления «демократических сил», групповых протестов, угроз погромов милиции, безудержной травли правоохранительных структур в средствах массовой информации. Даже по явным хулиганским действиям, в том числе нарушению уличного движения и перекрытию митингующими дорог, следствие не доводилось до логического конца.

Когда органами КГБ республики был арестован один из экстремистски настроенных студенческих лидеров, это правовое действие повлекло новую волну студенческих протестов и прямое вмешательство Кравчука. Под предлогом предотвращения большего зла – наступления политического взрыва – он потребовал освобождения задержанного из-под стражи и выдал на будущее «личную гарантию безопасности студенчества». Такая политика руководства республики приводила к дальнейшей безнаказанности, популизму и увеличению нежелательных проявлений. Органы внутренних дел в западном регионе республики были деморализованы, срастались с националистами, стали переходить на сторону национал-демократов. В этих условиях начальник милиции Львовской области боевой, бескомпромиссный генерал Попов из-за давления националистических элементов вынужден был покинуть город.

Совет министров возглавил новый премьер – Витольд Павлович Фокин, один из опытнейших хозяйственных руководителей Украины, с 1987 года – первый заместитель председателя Совета министров и одновременно председатель Госплана республики.

При формировании нового состава правительства Кравчук «тасовал» кадры, используя весь парламентский инструментарий. Тогда начал действовать порядок утверждения новых министров на сессии Верховного совета. Через подобную процедуру решили провести и должность председателя КГБ УССР, невзирая на то что, согласно принятой Декларации о государственном суверенитете, наше ведомство было подчинено Верховному совету УССР. Это давало мне возможность не проходить переназначение, поскольку органы КГБ к составу правительства прямого отношения не имели. Несмотря на это, моя кандидатура на должность председателя КГБ выносилась на рассмотрение украинского парламента.

Парламентской оппозицией готовилось бурное обсуждение моей «программы» с намерением не допустить повторного назначения и отправить меня в отставку как «руку и агента Москвы». Я был предупрежден, что подготовлены провокационные вопросы, в ответах на которые намечалось меня «подловить». Один из примеров: при обсуждении моей кандидатуры на заседании профильного комитета депутат из Ровенской области задает неожиданный вопрос:

– Как Вы относитесь к Левко Лукьяненко?

– Отношусь к нему как к одному из депутатов Верховного совета республики, доверие которому в ходе выборной кампании оказали избиратели.

Ответ, видимо, не совсем удовлетворил, поэтому депутат продолжил:

– А все-таки, каково Ваше личное отношение?

– Когда при знакомстве мы обменялись рукопожатием, мне не показалось, что меня или Левко ударило электрическим разрядом.

От меня ожидали другого ответа, что-нибудь в таком роде, что Лукьяненко был дважды судим за антисоветскую деятельность, и только при упоминании о судимости намеревались организовать обструкцию. Надо признать, что Лукьяненко, ставшему основателем одной из первых официально зарегистрированных политических партий, часто напоминали о многолет-

нем пребывании в заключении, пытались скомпрометировать его. К одному такому, ставшему скандальным, случаю компрометации приложили руку сотрудники КГБ.

На сессии Верховного совета мне предоставлялось 10 минут для изложения своей «платформы» и 20 минут отводилось для ответов на вопросы депутатов. После выступления перед парламентариями были попытки поставить меня в затруднительное положение.

– Как Вы относитесь к решению Верховного совета не направлять наших «украинских хлопцев» служить в Советской армии за пределами республики и отозвать внутренние войска из горячих точек?

– Отрицательно отношусь, – отвечал я. – В горячих точках советские воины осуществляют благородную миссию по спасению жизней людей, установлению мира и спокойствия. Даже ООН направляет свои миротворческие силы в зоны подобных конфликтов.

Мои ответы не нравились определенной категории депутатов. Особенно злобствовала со своего места депутат из Львовской области (кстати, я выступал перед прокурором за ее реабилитацию в связи с судимостью).

– Не голосуйте за него: это кат (палач – *прим.* авт.) украинского народа.

Не знаю, какие голоса раздавались в парламенте Украины в тот момент, когда на подмогу американскому президенту Бушу для ведения грязной войны в Ираке отправлялись «украинские хлопцы».

На сессии я изложил свою позицию о деятельности КГБ; не сглаживал острые углы и говорил о своей тревоге в связи со сложившимся положением на Украине, когда пришли в движение различные по своим целям и интересам общественные силы – и прогрессивные, и антисоциалистические. Под лозунгами гласности усиливается стремление дезориентировать население, возродить националистические, клерикальные организации и традиции, запятнавшие себя в историческом прошлом. В республике проявили себя криминогенные явления, характеризующиеся созданием международных преступных группировок, увеличением контрабандного вывоза за кордон национального достояния. Мною также отмечалась необходимость принятия новых законодательных актов для предупреждения терроризма, разжигания межнациональной розни, борьбы с коррупцией. В розыске на территории республики тогда официально находилось 2237 стволов огнестрельного оружия, в том числе 5 пулеметов, более 50 автоматов. «Опасно ли это – судите сами», – обращался я к депутатам. (Для контраста с современным состоянием общества хочу вспомнить об одном совещании, на котором Андропов распекал военную контрразведку за то, что длительное время она не может найти похищенного в армии оружия – десяток автоматов и пистолетов. Это было ЧП для всей территории СССР.)

Остановившись на других сторонах деятельности КГБ, я отмечал, что сотрудники КГБ республики не по команде сверху, а по личному убеждению стоят на позициях строгого соблюдения законов, развития социальной справедливости и углубления демократии, укрепления правопорядка и личной ответственности и дисциплины.

Я привел добытые нами достоверные сведения о том, что оборонный потенциал и новейшие научно-технические достижения Украины оставались объектом первоочередных разведывательных устремлений западных спецслужб. Поэтому призывал не быть легкомысленными в защите национального научного потенциала, государственных секретов. Для

внутренней жизни республики необходимы консолидация, взвешенные и выверенные решения, повышение взаимной ответственности государственных органов перед своими гражданами и граждан перед властью.

К сожалению, несмотря на мою пламенную речь, в результате голосования моя кандидатура на должность не набрала требуемого количества 226 депутатских голосов. Как и планировалось, при голосовании меня «завалили». Когда на электронном табло обозначилось число поданных голосов, поднялся невообразимый шум. Многие депутаты потребовали от предсе-

дательствующего четко объявить, за что они должны были нажимать кнопки: за прекращение задавать мне вопросы или голосовать за назначение на должность. Под давлением зала Кравчук решился на повторное голосование. Теперь в пользу моего назначения проголосовали 246 депутатов, значит не только коммунистическая фракция. Так рождалось постановление Верховного совета «про призначення» меня председателем КГБ Украинской ССР. Приведу этот документ.

ПОСТАНОВА

Верховної Ради Української РСР

Про призначення тов.ГОЛУШКА М.И. Головою Комітету державної безпеки Української РСР

Верховна Рада Української Радянської Соціалістичної Республіки п о с т а н о в л я є :

Призначити тов.ГОЛУШКА Миколу Михайловича Головою Комітету державної безпеки Української РСР.

Голова Верховної Ради Української РСР

м.К и ї в

Л.КРАВЧУК

26 липня 1990 року

№ 76-XII

Когда я вышел из зала заседания, меня окружили журналисты. На их глазах состоялась сенсация: ни один из министров при утверждении не испытывал подобного давления. Я понимал, что в числе депутатов находились прежде обиженные советской властью, в которых могли клокотать чувства нетерпимости и мести в адрес КГБ. В этой атмосфере прямо в коридоре парламента меня продолжил испытывать корреспондент республиканской газеты Вадим Долганов. Приведу некоторые фрагменты из этого интервью.

– Мне кажется, что столь неординарное утверждение вас в должности вызвано тем, что парламентарии еще сами четко не определились, что же такое КГБ, кому он подчиняется и как контролируется, какими функциями наделен.

– Я в своем выступлении сказал, что личный состав органов КГБ республики поддерживает положения Декларации о государственном суверенитете Украины. В том числе в части подчиненности органов госбезопасности высшему органу власти в республике. Сейчас в этой ситуации очень важно определить, чтобы у нас был правовой «хозяин». Чтобы все наши полномочия, функции, обязанности исходили от высших представителей законодательной власти республики. То есть от всего народа. Недостатки, нарушения закона, превышение власти в былые годы объяснялись одним: слабой правовой основой деятельности КГБ. И в ряде случаев тем, что нас на каких-то этапах истории причисляли то к «передовому отряду партии», то к «вооруженному авангарду партии», то мы карательный, то правоохранительный орган. И пока мы четко не определимся, что ни какие-либо общественные силы, ни телефонное право, ни что-нибудь подобное не будут влиять на нашу работу, а регламентирующим станет только закон, толку не будет.

– Тем более что и в названии Комитета заложены слова «государственная безопасность».

– Я говорил с трибуны, что безопасность суверенной Украины и ее народа вижу как огромное благо, которое надо защищать не только Комитету госбезопасности. Что такое наше ведомство? Да, разведывательная деятельность. Да, контрразведка, защита экономических интересов, конституционного строя, охрана границы, другие функции. Я – за более глубокое подчинение их государству, даже за двойное подчинение парламенту и Совету министров республики. По действующей Конституции законодатель определяет основные функции, а исполнительная власть – Совет министров – принимает практические меры для решения всех вопросов, связанных с обеспечением государственной безопасности. И работу надо организовать таким образом, чтобы я мог прийти к председателю Верховного совета или в специальную комиссию Верховного совета и сказать о своих заботах. Наверное, я вызвал неудовлетворение некоторых депутатов, потому что попытался принципиально назвать вещи своими именами. В республике идут серьезные положительные процессы, развивается демократизация, утверждаются гласность, реальная многопартийная система, но, с другой стороны, мы видим действие антисоциалистических элементов: в движение пришли политические силы с разными интересами и целями, когда наглядно проявляются правовая безграмотность, правовой нигилизм, граничащие с неподчинением закону. И на это тоже нельзя глаза закрывать. Оперативный состав делает все, чтобы в этих условиях, острейших и тяжелейших, находить пути для консолидации, чтобы в республике не было конфликтов на любой почве – шовинистической, националистической, религиозной, межнациональной. Чтобы у нас не возникло событий, подобным тем, с которыми сталкиваются люди в других республиках, когда появляются беженцы.

Вся трагедия органов заключается в том, что мы действовали, руководствуясь зачастую недемократическими законами. Я сам на Съезде народных депутатов СССР голосовал за то, чтобы была отменена злополучная статья «антисоветская агитация и пропаганда», по которой арестовывались лица, не согласные с общественным устройством и административно-бюрократической системой. Сама перестройка привела к тому, что все поняли абсурдность подобного рода «законодательных актов». Но самым важным является то, что за последние годы, начиная с 1987-го, несмотря на то что сложная ситуация складывалась вокруг многих имен, КГБ Украины воздержался от применения этой статьи.

Да, была еще такая непонятная сейчас для юристов статья «клевета на советский государственный и общественный строй». При этом понятие «клевета» трактовалось достаточно широко и включало подчас критику деформаций в жизни, о которых мы сейчас говорим открыто, принципиально и без опаски. Возникает нынче вопрос: а кто эту статью когда-то вводил? Это сейчас мы можем задавать подобные вопросы. Но не сбрасывайте со счетов, что КГБ, милиция, другие правоохранительные органы работают на основе действующих законодательных актов и обязаны их строго исполнять. Так что неверно говорить, что во всех нарушениях законности виноваты только «органы».

– Николай Михайлович, вам не показалось, что во многом вас депутаты неверно поняли, когда утверждали в должности?

– Да, точки зрения, которые высказывались во время рассмотрения заявления об отзыве сотрудников МВД Украины из горячих точек, не совпали с тем, что я говорил с трибуны. Конечно, я поддерживаю мнение тех, кто считает, что призывники должны выбирать место службы. Но сегодня в конкретных условиях нельзя просто так внутренние войска отозвать, тем более что они осуществляют благородную, гуманную миссию по защите людей, а не какие-то карательные функции.

– Вы профессионал, умеете владеть своими эмоциями. Что вы испытали, когда кричали в зале: «Не голосуйте за него!»?

– Конечно, это очень тяжело. Мне было обидно. Многие, несмотря на большие усилия по расширению гласности, еще мало знают, что сейчас делается в республике, чтобы вернуть органам госбезопасности «человеческое лицо». Мне кажется, что мы стали более открытыми, многое изменилось в нашей работе. Здесь же я столкнулся с предубеждением. Конечно, присутствовала и личная оценка со стороны тех людей, кто в прошлом незаслуженно пострадал. Досадно было, ведь обструкцию устраивают совершенно не знакомые со мной депутаты, они бросали упреки не столько личностного плана, сколько в адрес ошибок и недостатков прошлого.

Я позвонил в Москву Крючкову и рассказал о той атмосфере, которая сопровождала обсуждение моей кандидатуры. Как выяснилось, серьезный кадровый вопрос – мое переназначение на должность – было для него новостью. Украинскими властями этот вопрос даже не согласовывался с центром, хотя КГБ оставался союзно-республиканским органом. Все это выглядело или недоработками в кадровых решениях, или сознательным демонстрированием республиканской самостоятельности.

Годом раньше, в августе 1989-го, на сессии Верховного совета СССР состоялось подобное утверждение в должности председателя КГБ Крючкова. Оно было публичным, страна наблюдала эту процедуру, словно спектакль в прямом телевизионном эфире. Не обошлось без нападок на органы госбезопасности со стороны депутатов Ельцина, Собчака, Лауристин. Крючков вел себя выдержанно и достойно отвечал на вопросы. При голосовании получил всего шесть черных шаров. Журналистам он заявил, что для него обсуждение в Верховном совете было «самым трудным экзаменом в жизни», и посетовал на то, что стало тяжело работать в новых условиях, находить общее понимание задач органов КГБ с президентскими и парламентскими структурами, с межрегиональной депутатской группой в Верховном совете СССР во главе с Ельциным, в которую входили известные критики Горбачева.

После сессии Верховного совета я не испытывал особых переживаний или разочарований. Только супруга упрекнула в том, что «не стукнул дверью» украинского парламента. Я считал, что при назначении такое обсуждение министров, их личности, политической и нравственной позиции, видения и оценки ими происходящих в обществе событий должны быть нормальным явлением в правовом государстве. Скажу откровенно, что после такого парламентского испытания мне стало работать намного увереннее, опираясь на полученную депутатскую поддержку.

С Кравчуком отношения оставались сугубо деловыми. Мы оба не переходили служебную грань, но я старался на первых порах отмечать перед руководством КГБ СССР его позитивное отношение к органам госбезопасности республики. Я знал, что Горбачеву направляется ежедневная информация особой важности, получаемая через разведывательные и специальные электронно-технические каналы. Когда мне стало известно, что такие сведения стали направляться в адрес Президента Ельцина, я переговорил с Крючковым о возможности ознакомления Кравчука с этой важнейшей для руководителей страны информацией. Согласие было получено, и я начал знакомить его, единственного (помимо Ельцина) из тогдашних руководителей союзных республик, со сводкой сообщений особой секретности. Это делалось до определенного времени и было прекращено по вполне понятной причине – нарастающему недоверию (поводом служило его активное сближение с националистической оппозицией).

Вскоре после избрания Кравчука главой Верховного совета началась его международная деятельность, прием иностранных делегаций. 18 ноября 1990 года в столицу Украины прибыла официальная делегация Российской Федерации во главе с председателем Верховного совета Ельциным. Это было его первое посещение Украины после провозглашения республиками государственных суверенитетов. В последующие годы, как известно, за время нахождения у власти Ельцин более пяти раз под разными предлогами отказывался от посещения Украины,

срывая уже подготовленные протокольные визиты и подписание важных соглашений, по причине неурегулированности каких-либо второстепенных вопросов. На Украине придавалось огромное значение приезду российской делегации. У Киева появилась возможность, в отличие от прежних лет, когда вся международная политика вырабатывалась только в Москве, показать «старшему брату» собственную украинскую дипломатию. Перед московскими визитерами Кравчук продемонстрировал лучшие качества нового правителя Украины. Именно о таких образно высказался Кучма: «Украинские деятели, решительные и умные, вместе с тем по-хорошему хитрые и упорные. Свойством украинской коммунистической элиты сделалась ловкая податливость. Умение в дождь прошмыгнуть между каплями».

Кравчук приветливо подчеркивал важность этой встречи в истории развития российско-украинских отношений, особенно после 1922 года, когда «русский и украинский народы были в числе инициаторов подписания договора об образовании СССР». Он особо отметил, что Украина полностью поддержала стремление союзных республик стать суверенными государствами, что предстоящее заключение договора Украинской ССР и РСФСР – новое явление в политической жизни двух республик, которое послужит основой единства и дружбы наших народов.

Выступления Ельцина были не менее достойны крупного государственного лидера. Он поддержал позитивные оценки Союзного договора братских народов 1922 года. К сожалению, как он заявил, Союз в таком виде просуществовал недолго, так как «трансформировался в тоталитарную систему. России отводилась великодержавная роль, что нанесло тяжелый ущерб самому русскому народу». По его словам, дальнейшие взаимные связи суверенных республик предстоит строить на двухсторонней договорной основе и не затрагивать лишь тех функций, которые добровольно передаются в компетенцию обновленного Союза ССР. Взаимоотношения республик должны реализовываться на равноправной основе, а не на претензиях России на главенствующую роль. Такие суждения председателя Верховного совета РСФСР импонировали настроениям большинства украинского населения, поддерживались национал-демократической оппозицией, которая высоко оценивала Ельцина. В обстановке огромного эмоционального настроя Ельцин передал Верховному совету УССР копию договора между Украиной и Россией от 21 марта 1651 года «Статьи Б. Хмельницкого». Тогда еще помнили слова гетмана о том, что Украине надо жить, а без России «мы от врагов не отобьемся».

На встрече с депутатским корпусом Украины Ельцин снова говорил об общей многовековой судьбе двух братских народов. «Нам не дано права судить наших предков, но мы можем и должны изучать наше прошлое, а изучив его, постараться и самим впредь действовать на благо наших народов. В отношениях между Россией и Украиной не должно быть места силе, шантажу и давлению. Я думаю, нам хватит мудрости в самом начале наших отношений установить вечный мораторий на них».

В торжественной обстановке Договор между Украиной и Россией был подписан без каких-либо условий. Тогда вопросов о повышенных ценах на нефть и газ, споров об экономических долгах и взаиморасчетах не возникало. Что касалось болезненной проблемы – Крыма – то это, по заявлению Ельцина, дело народов Крыма и Верховного совета Украины, а Россия не считает возможным вмешиваться. На Украине тогда говорили, что Ельцин настолько ненавидит Горбачева, что готов отдать не только полуостров Крым, но и пол-России ради подписания договора, который послужил правовой основой расширения экономических связей двух государств до 1997 года, когда Президентами Ельциным и Кучмой был подписан более масштабный договор.

Верховный совет Украинской ССР не раз предпринимал попытки получить дипломатические дивиденды по результатам подписанного в 1990 году договора о дружбе.

Министерству иностранных дел УССР на основе консультаций с МИД России предписывалось обратиться в ООН с ходатайством зарегистрировать этот договор как носящий международный характер, а также обменяться с Москвой дипломатическими представительствами.

Тогда же состоялось мое знакомство с Ельциным, которого до приезда на Украину я мог видеть в кулуарах заседаний народных депутатов СССР.

Общественно-политическая и оперативная обстановка в республике становилась сложнее и тревожнее. Для давления на депутатский коммунистический корпус, исполнительную власть оппозиция стала применять более опасные формы общественного противостояния и противоборства. Из западных областей республики стали организовывать доставку в Киев «десантов» из тысяч агрессивно настроенных граждан, подогреваемых националистическими и сепаратистскими призывами. Митингующие освобождались от работы, для поездок в Киев им оплачивались финансовые расходы, местными властями выделялись сотни автобусов.

Вместе с МВД нами предпринимались меры к задержанию на окраинах Киева колонн автобусов с галицийскими гостями, но это еще больше осложняло общую ситуацию, возбуждало в этой среде экстремизм.

В части правовой компетенции на деятельности органов госбезопасности начал сказываться существенный пробел в действующем законодательстве. После отмены статьи Уголовного кодекса «Антисоветская агитация и пропаганда» сложилась такая обстановка, когда в условиях гласности, нового мышления и плюрализма мнений клеветническая пропаганда против советского строя превратилась чуть ли не в высшее свидетельство широкого демократизма и национал-патриотизма.

В этот период времени принимались новые законы, которые должны были удерживать соблюдение в стране надлежащего правопорядка. Верховный совет СССР установил уголовную ответственность за публичные призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного общественного строя, нарушение национального и расового равноправия советских людей. Это давало законные основания для привлечения к уголовной ответственности тех лиц, кто, прикрываясь лозунгами «разрешено все, что не запрещено», пытался действовать для подрыва конституционного строя. Но наряду с этим не было опыта борьбы с массовой митинговой стихией. Не существовало комплексных союзных и республиканских планов на случай чрезвычайных происшествий, пресечения конфликтов, особенно в тех случаях, когда требовалось применение силы. Органы КГБ и правопорядка привыкли жить и действовать в спокойной обстановке.

Сотрудники КГБ старались держать под контролем антисоветские, антиобщественные, экстремистские тенденции, другие опасные ситуации, угрожающие интересам безопасности республики. Но принимаемые новые законы в условиях, когда волнуются тысячные народные массы, не работали. Это происходило не по причине либерализма руководителей органов безопасности, прокуроров или судей. Это были характерные для того периода проблемы развития всего общества, когда существующие законы, казалось бы, способные собственной силой сохранить правопорядок, не соблюдались, никто и подумать не мог, чтобы применять силу против тысячных масс населения.

В действиях преступных элементов необходимо было доказывать публичность призывов именно к насильственному свержению или изменению государственного строя. Публичность и призыв к насилию – определенные признаки состава преступления. Но подопечные органов КГБ оппозиционеры не призывали к применению оружия, не бегали с автоматами в руках в борьбе за власть. Вооруженные методы в тактике их деятельности не упоминались, предусматривались способы прихода к власти «парламентским, ненасильственным путем». «Время поставило вопрос: кто кого? Мы должны взять власть мирным, парламентским путем», – недву-

смысленно высказывался в этом отношении один из лидеров оппозиционной политической партии.

В Москве и союзных республиках не было случаев привлечения к уголовной ответственности по новому закону за публичные призывы к насильственному свержению существующего советского строя. Но – Украина всегда впереди! – следственный отдел КГБ республики по одному факту возбудил уголовное дело. Имелись свидетельские показания и техническая запись экстремистского выступления на митинге председателя исполкома одного из городов Львовской области. Все квалифицирующие признаки состава преступления были налицо: и публичные выступления, и призывы «браться за оружие» в борьбе с советской властью. Однако в процессе следствия материалы неожиданно запрашивает Генеральная прокуратура СССР и прекращает ведение производства по уголовному делу. Шумящей в стране разнузданной критике существующей власти по уже озвученному принципу «вы нажимайте снизу, мы сверху» – глашатаям перестройки – наказания по политическим мотивам были не нужны. Сотрудники КГБ и сами это понимали, но других эффективных методов защитить советскую власть, кроме применения силы закона в борьбе с противниками государственного и общественного строя, не существовало. Беспрецедентное решение Генеральной прокуратуры СССР о прекращении расследуемого на Украине уголовного дела дезориентировало наши действия на будущее, указало республиканским органам безопасности на их место – «не мешать расширению демократии».

Направляемые в КГБ СССР тревожные доклады, шифровки из Киева и областных управлений о происходящих антиобщественных проявлениях, намерениях и действиях сепаратистских элементов какой-либо реакции не имели.

Действия органов госбезопасности республики определялись следующими задачами: контролировать оперативную обстановку, через агентурно-оперативные возможности предупреждать антиобщественные акции, не допускать экстремистских проявлений, массовых беспорядков, которые, как правило, сопровождались кровопролитием и человеческими жертвами. Но стратегическая линия руководства страны в последние годы советской власти – «применение силы против своего народа совершенно недопустимо» – привела к тяжелым последствиям в нескольких союзных республиках, где произошли кровавые межнациональные столкновения. С применением силы против тех и там, где ее действительно надо было применить, власти запаздывали, а там, где предпринимались попытки (Баку, Тбилиси, Вильнюс), это расценивалось как подавление органами КГБ, МВД демократических прав и свобод человека.

Наибольшей заслугой Кравчука как председателя Верховного совета (как президента я его не знал) было сохранение социального и межнационального мира; в республике не было допущено кровопролития, хотя опасность этого существовала. Более того, Кравчук боялся настроений федерализма, идущего с Галичины, пресекал нарушения единства и целостности Украинского государства, распад которого грозил столкновениями, да и поводов к этому было предостаточно.

В 1990 году Львовский облсовет во главе с председателем Черновилом отменил мероприятия в связи с 73-й годовщиной Октябрьской революции «за нецелесообразностью празднования для местных властей». Партийные органы (обком и горком Коммунистической партии) проводили торжественное собрание.

Национал-патриоты в западных областях овладели средствами массовой информации и усиливали идеологическое давление на коммунистов. Раздавались требования убрать партийные и профсоюзные организации «за ворота» предприятий. Советами в западных областях было принято около 600 постановлений и решений, противоречащих действующему законодательству. Депутаты Львовского областного Совета пытались признать вхождение в 1939 году западных областей в состав Украинской ССР незаконным, так как это было осуществлено «оккупационной» московской властью. Обстановка в западных областях складывалась

таким образом, что сотрудникам КГБ приходилось решать повседневные задачи в экстремальных условиях. К тому же в местных органах власти коммунисты оказались в меньшинстве, выйдя после выборов со значительными потерями. Национал-радикалы все активнее расширяли свое влияние на внутреннюю жизнь этих областей. Это порождало взаимную идеологическую борьбу коммунистов и национал-радикалов, вело на этой почве к увеличению антиобщественных акций, а в итоге – к хаосу и двоевластию. Правового механизма, который мог бы объявить о роспуске, например, областного Совета, если он нарушает Конституцию, союзные или республиканские законы, не существовало.

Органы КГБ в западных областях решали задачи разведывательного, контрразведывательного характера, независимо от местных властей и их влияния. Но мы не могли находиться в вакууме; без взаимодействия с местными органами власти нельзя было решать многие внутренние проблемы, иначе спецслужба могла превратиться в антинародный орган. В тех исторических условиях для органов КГБ важной частью оперативной деятельности становился поиск взаимодействия с местными областными руководителями, прежде всего в предупреждении негативных проявлений на их территориях.

Естественно, КГБ располагал самостоятельными оперативными возможностями, но этого было недостаточно для оптимальной работы. Мы укрепляли доверие к органам госбезопасности со стороны населения, предпринимали встречные шаги в желании найти общее понимание с новыми властями в решении задач по обеспечению государственной безопасности в регионах. Я имел несколько встреч с Черновилом, другими руководителями западных областей из числа пришедших к власти национал-радикалов. Процесс налаживания взаимодействия с представителями оппозиционной власти был непростой. Так, член коллегии КГБ УССР Подгайный во Львове заметил «принципиальное» нежелание руководителей областного управления проявить инициативу в налаживании деловых отношений с областным Советом. Он вспоминал: «…в телефонном разговоре с председателем КГБ Н. М. Голушко я доложил ситуацию; он сразу же осознал ее пикантность и дал указание не откладывать, выходить на беседу с руководством Львовского облсовета. Это уже был приказ, который следовало выполнять». Черновил на встречу с Подгайным пригласил своих заместителей, которые признавали, что проблемы нормальной жизни области не могут решаться без постоянного взаимодействия с органами безопасности.

На одной из встреч с руководителями Львовского облсовета принимал участие заместитель начальника инспекторского управления КГБ СССР Юрий Князев. В самом факте участия представителя Москвы в обсуждении с Черновилом задач обеспечения госбезопасности в области содержалась определенная поддержка занимаемой республиканским КГБ позиции в отлаживании деловых контактов. Князев начал беседу на украинском языке (он – воспитанник КГБ Украины), но Черновил предложил перейти на русский и сразу же подчеркнул, что в области работают честные, высококвалифицированные сотрудники КГБ, не зараженные коррупцией, он им полностью доверяет. Черновил выразил свою обеспокоенность осложнением состояния дел в области, связанным с ухудшением снабжения населения, резким ростом преступности, в ряде случаев – утратой контроля над возникающими беспорядками, которые еще недавно инспирировались по инициативе Руха. Глава Львовского облсовета предложил осуществлять более тесное сотрудничество с органами безопасности в стабилизации экономического положения, борьбе с контрабандой на границе, локализации конфликтов на националистической и межконфессиональной основе, предупреждении актов экстремизма и терроризма. Он рекомендовал «открыть архивы» КГБ, за исключением, конечно, материалов, относящихся к агентурной и разведывательной работе; осуществить до конца реабилитацию судимых в 1970–1980 годы за антисоветскую агитацию и пропаганду диссиденствующих элементов, к которым сам принадлежал. «Не годится нам, уголовникам, сидеть депутатами в украинском парламенте». Черновил настойчиво повторял требование национал-радикалов прове-

сти департизацию сотрудников органов безопасности и выход их из рядов Коммунистической партии.

Тревогу за положение дел в западных областях Украины, как и необходимость пресекать беззаконие законодательной и исполнительной местной власти, разделяло вместе с КГБ и руководство МВД СССР. Министр внутренних дел Бакатин во время пребывания на Украине встретился с Черновилом, хотя я знаю, что руководство ЦК республики отговаривало министра от такой встречи. Они проговорили три часа. Бакатин делился своими мыслями:

– Министр Союза, приезжая во Львов, первым делом должен идти в обком? Нет, я иду в исполком. Меня, может быть, и волнует, что идеология Черновила антикоммунистическая, но он – народом избранная власть. Не сошлись только в необходимости охранения Союза. Но это не нам решать. Но что делать, когда демонтаж памятников и коммунистических символов производится по решению советской власти? Арестовывать председателя Совета, который расписался под этим постановлением? Но такая позиция не устраивала партийные органы, которые считали, что силовые подразделения должны продолжать защищать идеологические святыни партии.

Органы КГБ искали нетрадиционные пути решения служебных задач и на других направлениях.

В частности, возникали проблемы допуска к работам с секретными материалами, ведь многие народные депутаты из западных областей не скрывали своих антисоциалистических убеждений, были ранее судимы, имели родственные связи за рубежом. Действующая инструкция по защите государственной тайны не допускала подобной категории лиц, независимо от депутатского статуса, к сведениям секретного характера. Мы понимали, что положения инструкции не отвечали сложившемуся в республике реальному положению. Легче всего оставить все по-прежнему: отказывать в допуске к секретной информации определенной категории депутатов. КГБ республики принял решение, согласованное с украинским правительством: без оформления формального допуска к работе с секретными материалами каждый такой депутат дает письменное обязательство о неразглашении ставших известными ему закрытых сведений. В случае нарушения установленного порядка могла наступить ответственность, предусмотренная законом при разглашении государственной тайны. Таким образом, выход был найден. Это укрепило доверие к Комитету, способствовало интересам охраны секретных сведений, которых в республике было предостаточно. Сейчас можно свидетельствовать, что на практике не возникло ни одного случая разглашения секретной информации.

В те годы вместе с украинским парламентом пришлось искать ответ на один из самых принципиальных, общемирового значения политических вопросов: сохранить ядерный статус Украины или разоружиться? Кравчук занимал позицию, ориентированную на конституционный статус Украины как безъядерного, внеблокового государства. В результате такой настойчивой линии от ядерных держав России и США были получены гарантии безопасности в территориальной целостности, суверенитете и неприкосновенности государственных границ Украины. Черновил, в свою очередь, называл «национальным предательством» подписание договора о выведении из Украины всего ядерного оружия. В ответ на подобные суждения Кравчук отвечал, что ядерные ракеты находятся на Украине, а кнопка и ядерный чемодан – в России, «зачем нам такое счастье?».

До наступления событий августа 1991 года и образования ГКЧП оставался один год.

Глава десятая
Накал оппозиции на Украине

Горбачевская перестройка в СССР – обновление экономической, социальной и международной политики – была вызвана многими объективными закономерностями. Осознавалась назревшая необходимость обновления и прогресса в связи с охватившими многие стороны жизни страны кризисными явлениями. Причин этого было предостаточно: замедление темпов промышленного развития, продолжающаяся гонка ядерных вооружений, Афганская война, поспешный вывод советских войск из восточно-европейских стран, Чернобыльская катастрофа – все это требовало огромных финансовых расходов.

Страна была вынуждена мобилизовать все возможные резервы, включая золотой запас в отощавшей государственной казне.

На Украине, в силу влияния местных факторов, складывалась довольно сложная политическая и морально-психологическая обстановка, вызывающая потребность коренных перемен. Характерные для всей страны трудности социально-экономического положения в украинском обществе дополнялись настойчивой критикой руководства республики за слабое решение экологических проблем, медленное переселение жителей из районов радиационного заражения, упущения в области межнациональной и религиозной политики. Обозначилось явное недовольство различных слоев общественности современным уровнем самостоятельности союзной республики и реализации ее суверенных прав.

С давних времен между идеологическим отделом ЦК КПУ и интеллигенцией не складывался взаимный диалог, что в итоге повлекло открытое противостояние взглядов части коммунистов из числа творческой интеллигенции с официальной линией партии. Группа киевских писателей, считая, что демократические перемены на Украине явно тормозятся, поручила парткому писательской организации создать объединение в поддержку перестройки, которое переросло в народное движение Рух. Идея помощи лидеров Руха в ускорении демократических реформ в республике в конечном итоге вылилась в политическую оппозицию ЦК КПУ, открытый вызов монополии Коммунистической партии на государственную власть, по сути своей, стала троянским конем перестройки. И вот почему. Народный Рух объединил представителей творческой интеллигенции и активистов ряда общественных объединений, которые на начальном этапе действовали под благовидными призывами поддержки перестройки, необходимость которой была видна, борьбы с консерватизмом местного руководства и застойными явлениями прошедших времен. Организаторы «народного движения» сами являлись членами Коммунистической партии, но стали прибегать к образованию параллельных структур, действующих вне сферы влияния руководства КПУ. Несмотря на юридическое признание и регистрацию, деятельность таких «движений» и общественных объединений вызывала настороженное отношение со стороны Политбюро КПУ. Скажем откровенно, что и украинский КГБ был не в восторге от этих процессов.

Согласно новому законодательству общественным движениям объективно создавались идеальные условия для легальной оппозиционной деятельности: открывался доступ к средствам массовой информации, телевидению и газетам, появилась возможность открыто высказывать свои взгляды на происходящее и отстаивать свои интересы, выступая на многочисленных митингах и среди демонстрантов. Благородные задачи и цели содействовать горбачевской перестройке все больше приобретали антисоциалистический характер.

Как член Политбюро ЦК КПСС, Щербицкий был хорошо информирован об аналогичной деятельности оппозиционных сил в республиках Прибалтики, у которых Рух многое перенимал в стратегии и тактике. Было видно, куда «народные фронты» зовут свой народ: на волне демократизации и экономической самостоятельности они проводили линию на восстановле-

ние худшего варианта капиталистических порядков. Они работали на дестабилизацию общества, получали материальную помощь из-за границы, тем самым, по существу, являясь платной «пятой колонной», целью которой был подрыв существовавшего в СССР государственного и общественного строя. Многие оппозиционеры вышли из недр Компартии, сменили коммунистические идейно-теоретические ориентиры и разменяли нравственно-этические ценности на реалии «свободного» предпринимательства и дикого рынка.

На Украине хорошо знали ведущих идеологов Руха, отмечали их двуличность, расхождение между громкими словами их заверений в поддержке линии Коммунистической партии на перестройку и конкретными действиями, направленными, по сути, на разрушение советского строя. Определяли задачи известные в республике личности, которые еще совсем недавно пели осанну партии, остервенело проклинали бандеровщину, жовтоблакитный прапор и трезуб.

В октябре 1990 года второй конгресс Руха официально отрекся от поддержки горбачевской перестройки и определил курс на завоевание независимости Украины. Активисты движения легко и гибко меняли свои политические программы, использовали справедливое недовольство со стороны населения ухудшением положения в стране и возмущение бездарной политикой московского центра. Если на начальном этапе лидеры народного Руха в своих программных установках заявляли, что вместе с руководством КПУ (они ведь тоже коммунисты) поддерживают идею перестройки в республике, то к этому времени выродились в антикоммунистическую организацию. В конце 1990 года численность основной оппозиционной силы в республике составила свыше 600 тысяч человек, которая набиралась главным образом путем рекрутирования интеллигенции западных областей республики.

Во Львове властями была зарегистрирована Украинская национальная партия (УНП), которая поставила своей задачей практическую деятельность по пропаганде идей образования Украинской народной республики (УНР). В установках партии прозвучало, что она не признает законность создания Украинской Советской Социалистической Республики, а также ее вхождения в состав Союза ССР по договору 1922 года.

По инициативе Черновила была легализована националистическая деятельность группы его единомышленников (большинство из них ранее судимые) под прикрытием так называемого Украинского хельсинского союза. Черновил, избранный председателем Львовского областного совета, так обращался к законодательному собранию: «Мы все оккупированы большевиками и должны требовать независимости, если даже ради этого придется прибегнуть к актам гражданского неповиновения». В то же время он справедливо замечал, что «Украина неоднородна в своих стремлениях к полному суверенитету и независимости… Западная Украина полностью за независимость, восточная часть, а также столица республики Киев не полностью определились в своих взглядах».

В 1990 году вместе с секретарем ЦК КПУ Юрием Ельченко я посетил западные области, чтобы на месте ознакомиться со сложившейся обстановкой. Такая поездка диктовалась тревожными событиями, которые начали происходить в этом регионе. Оперативный состав УКГБ Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей работал в сложнейшей атмосфере враждебного внутреннего окружения. При посещении коллективов производственных объединений Львовского «Электрона» и Ивано-Франковского «Компрессмаша» мне с Ельченко пришлось отвечать за все грехи современной власти: за пустые прилавки в магазинах, нерешенность многочисленных проблем в социальной сфере, рост преступности, низкий уровень жизни местного населения.

В передовом в своей отрасли Львовском объединении на собрании инженерно-технического и рабочего персонала раздавались обвинения в адрес руководства республики в бездействии, провале экономических реформ, незаслуженных привилегиях партийного актива. Когда наступила моя очередь выступать в этом коллективе, я волновался, ожидая худшего к себе отношения (секретарь ЦК был встречен, прямо скажем, не совсем доброжелательно), ведь

многие жители области перенесли времена немецкой оккупации, вооруженной борьбы с оуновским подпольем, выселения своих родственников в Сибирь. Хотя я говорил на русском языке, мои откровенные ответы на нелегкие вопросы были выслушаны с должным вниманием.

Результатом нашей поездки явилась докладная записка в Политбюро ЦК КПУ Мы объективно изложили сложившееся тяжелое положение дел в западных областях, выявили тенденции обострения негативных процессов в политической и социально-экономической жизни. К таким тревожным выводам приводило несколько причин. Население западных областей высказывало недовольство тем, что буксовали реформы в производственных отраслях, призывные лозунги перестройки и обновления в повседневной действительности зачастую зависали в воздухе. Вместо улучшения условий жизни появились талоны на сахар и мыло, табачные изделия, повысилась стоимость промышленных товаров и продуктов питания.

Забастовки в угольной промышленности, падение производственной дисциплины, националистические и сепаратистские призывы, сложившееся реально двоевластие: коммунистов – в партийных органах, а национал-демократов – в законодательных и исполнительных органах власти – все это приводило к печальным заключениям.

В докладе также отмечалась наметившаяся утрата политической и идеологической инициативы со стороны областных организаций КПСС. После ликвидации конституционной руководящей роли партии обкомы и райкомы стали терять влияние на местах, замкнулись сами в своей скорлупе. Руководителям партийных органов явно недоставало опыта работы в осложнившейся многополярной и многопартийной обстановке, умения и терпения в общении с оппозиционно настроенными кругами населения. Вакуум, сложившийся вокруг партийного актива, а также вызванный кризисом духовной сферы, стали быстро заполнять антикоммунисты.

Яков Погребняк, первый секретарь Львовского обкома партии, признавал, что обком не был готов к разумному и взвешенному диалогу со своими идейными оппонентами. Все усилия прилагались к тому, чтобы силовыми методами не допускать каких-либо противоправных действий руховцев. Когда во Львове ими была организована многотысячная манифестация в связи с 50-летием воссоединения западных областей с Украинской ССР, из ЦК последовали рекомендации штрафовать организаторов акции.

Руководители областных партийных органов свыклись с тем, что их взгляды и мнения являются истиной в последней инстанции, не шли на какие-либо контакты и компромиссы с избранными на свободных выборах новыми представителями органов власти, хотя этого требовала жизнь на местах. Нельзя было закрывать глаза на тот факт, что депутатский корпус Верховного совета Украинской ССР от Львовской области был представлен в большинстве своем сторонниками национал-демократического блока. Или другой пример: из 200 депутатов Львовского облсовета более 120 являлись сторонниками Руха, что, естественно, приводило к фракционной борьбе и идеологической неприязни друг к другу среди народных избранников.

Четких политических убеждений у многих авторитетных представителей творческой и научно-технической интеллигенции западных областей не отмечалось. В частности, бывший член бюро Львовского обкома Компартии, участник Великой Отечественной войны, академик И. Юхновский оказался одним из организаторов Руха, стал активным проводником национал-сепаратизма. В последующем он вошел в состав украинского правительства в качестве первого вице-премьера. Запомнился академик своими заявлениями, что если «самостийная» Украина будет торговать по мировым ценам только одной донецкой солью, то станет богатым государством.

Многие руководители и рядовые коммунисты откровенно высказывались о том, что без применения репрессивных мер со стороны правоохранительных органов нельзя надеяться на успех в стабилизации политической обстановки в республике, а тем более в западных областях. Секретари Львовского и Ивано-Франковского обкомов критически отзывались о деятельности Политбюро ЦК КПСС, отмечая «двойственность и неопределенность» высказываний некото-

рых руководителей партии по вопросу защиты конституционного строя и самого государства. Подобные оценки, в частности в адрес Горбачева, все чаще приходилось слышать от партийных кадров не только на западе Украины.

Умелый и опытный организатор, первый секретарь Харьковского обкома партии Владислав Мысниченко отмечал «двуличную предательскую политику» Горбачева, который «скрытно и подло», усыпляя бдительность и сознание истинных коммунистов революционными лозунгами о перестройке, свободе личности, якобы «направленных на благо советских людей и прогрессивного человечества», разрушал страну и коммунистическое движение.

В 1990 году лидеры оппозиции организовали экстремистские действия с основным требованием добиваться отставки республиканского депутатского корпуса, в котором коммунисты составляли парламентское большинство. 1 октября у здания Верховного совета сосредоточилась многотысячная толпа, поведение которой с каждой минутой становилось все более угрожающе неуправляемым. К парадному подъезду был подогнан огромный камазовский бензовоз с номерами автоинспекции Ивано-Франковской области. Провокаторы из толпы стали угрожать разливом бензина и поджогом здания парламента, если их требования отставки депутатов не будут удовлетворены. Помнится, как депутат Владимир Яворивский чуть ли не на коленях умолял не допускать экстремистских крайностей. Ни силы правопорядка, ни уговоры парламентских и руховских руководителей были не в состоянии успокоить разбушевавшуюся толпу. Нескольким работникам КГБ удалось провести блокировку активных провокаторов, в том числе водителя бензовоза, и не позволить посторонним лицам приблизиться к сливным кранам автомобиля. Они сумели не только предупредить тяжкие последствия, но и записать на видеокамеру развитие экстремистских действий. На вопрос, как это удалось сделать, они мне доложили, что на свою одежду навесили националистические знаки и символы, поэтому их принимали за своих в мятущейся толпе. В физическом противоборстве более двадцати сотрудников милиции получили ранения.

В разгар такого резкого противостояния официальных властей и набирающих силу оппозиционных партий представители Украинской республиканской партии (УРП) организовали пикетирование центрального здания КГБ республики. Около сотни манифестантов заблокировали вход, фасад обклеили антисоветскими листовками с призывами роспуска КГБ. Тогда УРП являлась наиболее влиятельной политической партией, созданной на базе нескольких антисоциалистических группировок. Влияние ее усиливалось и тем, что в эту партию входило более десяти депутатов Верховного совета Украинской ССР.

Помимо традиционных нападок на органы безопасности митингующие обвинили КГБ в фабрикации материалов в отношении Левко Лукьяненко, депутата Верховного совета Украины, основателя УРП. В распространяемых против него материалах указывалось, что депутат был дважды судим за антисоветскую деятельность, использует партийные взносы в корыстных целях: на средства партии будто бы приобрел под Киевом особняк для любовницы.

На фоне общей напряженной ситуации манифестация имела резонанс публичной акции против КГБ, который якобы «мешал достижению согласия в обществе». Передо мной вставал вопрос, каким образом на это реагировать, какие меры и средства применить в конкретном случае? Имелись вполне законные основания задержать активистов за нарушение общественного порядка, а толпу разогнать. Но ведь так тяжело принимать решения, если чувствуешь, что может пролиться кровь. Вместе с моим первым заместителем Е. Марчуком мы решили для начала организовать проведение сотрудниками разъяснительных бесед с активистами пикетчиков и попытаться встретиться с самим Левко Лукьяненко, чтобы разобраться в истинных причинах этой провокационной затеи. По моему приглашению Лукьяненко прибыл в здание КГБ прямо с заседания парламента, и с ним состоялась многочасовая беседа. Для тех времен это было совершенно необычное явление, когда за столом сидел с одной стороны председатель КГБ, для которого были явно неприемлемы программные установки УРП, а с другой – лидер

этой легитимной оппозиционной партии. Это ему, выпускнику юридического факультета Московского университета, приговариваемому за антисоветскую деятельность к смертной казни, пришлось более двадцати лет испытывать суровые лишения в местах заключения. Впрочем, в этой формулировке («за антисоветскую деятельность»), как оказалось, было нездоровое преувеличение: он, инструктор райкома КПУ, после окончания МГУ пытался создать крестьянскую партию, которая защищала бы права и интересы колхозников. В ходе нашего разговора я понял, что из-за непрофессионализма и незаконных действий сотрудника КГБ районного звена и был подготовлен и распространялся компромат на депутата Верховного совета Украины. К сожалению, и такое случалось в наших рядах. Я принес Левко Лукьяненко извинения.

После нашей встречи он приказал участникам пикетирования прекратить проводимую акцию. Надо отдать должное строгой дисциплине в их рядах, ибо митингующие не только убрали свои агитационные атрибуты, но и попросили ведро с водой и удалили со стен здания остатки клея и бумаги. В общем путем «дружественных» переговоров мы сумели обойтись без применения административно-правовых мер и силовых действий, хотя взвод ОМОНа стоял наготове.

Признаюсь, что, начиная с тех лет и в последующем, я выступал за правовой контроль над общественными организациями, чтобы на законных основаниях пресекать любую противоправную деятельность политических партий, которые под маской институтов гражданского общества стремятся реализовать свои антиконституционные цели.

В период горбачевской перестройки появились новые общественно-политические объединения, партии и движения, большинство которых работали, маскируя свои цели по дестабилизации общества и подрыву существовавшего в стране государственного и общественного строя. Многих оппозиционных лидеров приглашали в США, а оттуда они, прежде «твердые ленинцы», приезжали яростными антикоммунистами.

Надо прямо сказать, что разрушители СССР, несмотря на наличие в их рядах различных идеологических течений, действовали более организованно, чем, скажем, действует нынешняя левая оппозиция. В конце 1980 – начале 1990-х годов общественно-политические объединения, ведомые «демократами», оперативно реагировали на возникавшее в различных слоях населения страны в целом справедливое недовольство бездарной и предательской политикой Горбачева.

Почему так получилось в действительности, что коммунисты и новые политические партии, созданные гражданами одной республики, не находили общего языка? Прежде всего потому, что появившиеся оппозиционные партии имели различное с КПСС понимание сути украинской государственности; в условиях многопартийности и разнополярности мнений они начали вести идеологическую и пропагандистскую работу друг против друга, демонстрируя нетерпимость иных мнений и взглядов. Средства массовой информации были заполнены публикациями обвинительных материалов на лидеров действующих партий, как коммунистов, так и оппозиционеров, например на Гуренко и Павлычко. Не побоюсь назвать последнего талантливым советским поэтом, песни на его стихи пела вся страна, он был заместителем председателя Союза писателей СССР. Позднее он был избран председателем Комитета по международным делам в Верховном совете УССР, народным депутатом СССР. Успешный украинский поэт, широко переводимый на русский язык, он стал одним из идейных вдохновителей Руха, стоявшим на враждебных позициях по отношению к советской власти. Павлычко, в свою очередь, называл Советский Союз не иначе, как «объединением азиатской феодальной монархии с европейским фашистским режимом», а его правительство – «национально безликим эксплуататорским центром Горбачева».

В свое время первый секретарь КПУ Шелест, заигрывая с национальной интеллигенцией, давал напутственные советы молодому Павлычко: «Говорю, ты больше на рожон не лезь, где

можно – обойди, но свою принципиальную линию проводи»[2]. В 1967 году поэт на встрече с сотрудниками КГБ призывал их быть честными и правдивыми: «Обращаюсь к вам как к наилучшим биографам украинских писателей, исследователям не только нашего творчества, но и нашего «жития», писать о нас правду».

На Съезде народных депутатов СССР в Москве Дмитро Павлычко передал мне республиканскую газету со словами, сказанными, как говорится, в сердцах: «Сколько лет будете надо мной издеваться?» Орган ЦК КПУ давал обширнейшую публикацию о нем как бывшем члене молодежной бандитской сотни ОУН – УПА, имевшем винтовку и подпольную кличку.

Я заинтересовался его судьбой. Начальник 5-го управления Подгайный доложил о сохранившихся в архиве документах послевоенного времени, касающихся поэта. Я ознакомился с ними и был дважды поражен. Первый раз – жестокостью сфабрикованных НКВД обвинений в отношении Павлычко. Второй раз – содержанием клеветнических материалов, опубликованных в республиканской партийной газете. Во время учебы в восьмом классе сельской школы Дмитро вместе с большой группой девушек и юношей подвергся аресту органами НКВД по подозрению в причастности к молодежной организации ОУН – УПА. Материалы на школьников из глухого карпатского села были полностью сфальсифицированы местным отделом НКВД, чтобы показать результативность работы. Павлычко со своими товарищами незаконно содержался в заключении несколько месяцев, под физическими пытками вынужден был признать принадлежность к оуновской организации и придумать себе кличку. Он делился со мной, что приходилось признаваться во всех приписываемых грехах, чтобы только освободиться от издевательств.

Преступные действия районных сотрудников НКВД вскрылись. Фактами нарушения законности по этому делу занималась специально направленная по указанию Берии в Станиславскую (ныне Ивано-Франковскую) область московская комиссия. Виновные фальсификаторы уголовного дела (начальник отдела и оперуполномоченный) были приговорены к длительным срокам наказания, лишены офицерских званий и боевых наград, полученных ими в боях Великой Отечественной войны.

Я подготовил информацию на имя Леонида Кравчука о клеветнической кампании в республиканской прессе в отношении народного депутата СССР. Мое письмо Кравчук зачитал присутствующим на заседании президиума Верховного совета. И я увидел слезы на глазах невиновного.

Не разделяя крайнего национализма Павлычко, я реализовал его давний призыв к чекистам: исповедовать во всем правду, личностную и историческую, какой бы горькой она ни была.

Такова была незначительная горстка людей из числа творческой интеллигенции, которая через всю свою жизнь пронесла идеи борьбы за независимость украинского государства. Одни оставались верны своей идее, прошли лагеря и тюрьмы, сохранив ее идеалы, и никогда не призывали к насилию. К примеру, Вячеслав Черновил, в отличие от Александра Руцкого, с автоматом в руках не бегал.

Отбывавший наказание вместе с Черновилом известный правозащитник и писатель Владимир Осипов вспоминает, что, когда тот «стал видным политическим деятелем в самопровозглашенной Украине, я не раз и не два отличал его русофобскую позицию. Но, когда он погиб в автомобильной катастрофе, мне было искренне жаль своего солагерника. Ибо в личном плане это был честный, порядочный человек, равнодушный к деньгам и комфорту, безупречная духовная личность».

[2] *Карацулов А.* Вокруг Кремля. М., 1993. С. 129.

Глава одиннадцатая
Реабилитация жертв террора

Вдумайтесь! В 1937–1938 гг. расстреляны три наркома внутренних дел Украинской ССР. Таков был сталинский метод: заменить честного человека палачом, затем привести на его место нового палача. Нарком внутренних дел Балицкий обвинялся в том, что умышленно сдерживался от наказания врагов на Украине. А вот Леплевскому уже инкриминировали укрывательство врагов непосредственно в системе НКВД. Кстати, во время следствия он признал, что его сотрудники «прихватили честных людей», чтобы показать борьбу с врагами…
«Комсомольское знамя», 28 ноября 1989 г., Киев

В годы горбачевской перестройки КГБ и другими правоохранительными органами была проведена масштабная работа по реабилитации жертв массовых сталинских репрессий. В органах государственной безопасности страны она стала занимать одно из важнейших направлений оперативно-служебной деятельности.

В 1987 году на Пленуме ЦК Коммунистической партии СССР Горбачев осудил сталинизм: «Мы знаем теперь, что политические обвинения и репрессии против деятелей партии и государства, против многих коммунистов и беспартийных, хозяйственных и военных кадров, ученых и деятелей культуры были результатом повсеместной фальсификации».

При Политбюро ЦК КПУ действовала специальная комиссия во главе с секретарем ЦК Станиславом Гуренко. Она осуществляла контроль за проведением работы по реабилитации, привлекала к этой работе ученых и общественность, осуществляла изучение архивных материалов, связанных с репрессиями, в частности, известных партийно-советских руководителей.

Сотрудники КГБ республики осознавали огромную общественно-политическую значимость реабилитации жертв тоталитарного режима, восстановления нарушенных прав граждан, обнародования всей правды о страшных преступлениях периода культа личности. Тяжелые последствия не миновали население Украинской ССР. Подлинную картину происходящего невозможно представить без приведения мрачной статистики, оценки складывавшейся реальной обстановки в те суровые дни и выяснения причин, приведших к печальному наследию. Почему в тех условиях так жестоко действовали и партийные, и карательные органы? В необходимости вернуть доброе имя всем невинно пострадавшим, исправить ошибки прошлого, выработать гарантии недопущения в будущем подобных преступлений сотрудники органов госбезопасности видели свой служебный долг. Сказанное мною – не громкие слова: среди личного состава КГБ мы действительно не имели равнодушных и безучастных к трагической судьбе части украинского народа.

Начало процесса пересмотра уголовных дел по «контрреволюционным» преступлениям и освобождения от уголовного наказания сотен тысяч граждан, содержавшихся в местах лишения свободы, относится к периоду хрущевской оттепели.

В 1953 году, с приходом к власти Хрущева, началось известное разоблачение последствий культа личности Сталина. Разрушался созданный при нем репрессивный механизм управления страной, расправ над противниками советского строя. В силу исторических обстоятельств подавление контрреволюционных заговоров, применение насильственных методов при коллективизации, массовом раскулачивании затронули судьбы тысяч «неблагонадежных» советских граждан. После Великой Отечественной войны в эту категорию попали обвиненные в сотрудничестве с немецко-фашистскими захватчиками и даже советские воины, находившиеся в немецком плену.

Сменилось время ежовщины, наступил период хрущевской оттепели, на годы которой пришлись моя студенческая юность и начало самостоятельной профессиональной работы.

Секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС о преступных злоупотреблениях в период культа личности на закрытой комсомольской конференции Томского государственного университета зачитали в 1956 году. Я, студент второго курса, был в числе комсомольских активистов в актовом зале научной библиотеки. Студенческая молодежь, только вступающая в жизнь, тогда многого не поняла из этого доклада и не могла осознать значимость происшедшего в стране. Даже Витя Чернов, вернувшийся к нам на юридический факультет из ГУЛАГа, помалкивал, на наши наивные вопросы о массовых арестах и лагерной жизни не отвечал, отмалчивался. Он «заработал» пятилетний срок за написание «конституции» студенческой коммуны, по правилам которой он с друзьями жил в складчину в общежитии. Без студенческого общака не проживешь. На свою беду он указал, что сочиненная им «конституция» – самая демократическая, а товарищ по коммуне «стукнул». Для того чтобы талантливый, но еще несмышленый студент Чернов (нынешний доктор юридических наук) знал, что самая демократическая Конституция в мире – сталинская, ему пришлось до акта своей реабилитации отбыть наказание за колючей проволокой в сибирской тайге.

В это время мне было 18 лет. Сельский парень, я не знал многого (а по правде, ничего не знал) о культе личности, репрессиях, хотя с седьмого класса готовил отцу-коммунисту конспекты краткого курса истории партии большевиков. Отец, бригадир тракторной бригады, зачитывал их на занятиях по изучению марксистско-ленинской теории. Томское студенчество забурлило; некоторая часть не воспринимала критику культа и откровенно защищала Сталина: он же был вождем, мессией, богом, спасителем – какие там репрессии! За неизвестные мне высказывания был арестован студент-геолог из нашего общежития, запомнившийся тем, что в суровые сибирские морозы ходил без головного убора.

Вместо проникновения в многосложность современной политики я вынужден был заниматься иными занятиями: чтобы иметь возможность учиться (за обучение тогда платили), с друзьями подрабатывал, разгружал баржи с лесоматериалами, вагоны с углем, корейскими яблоками. И, конечно же, усердно изучал юриспруденцию, чтобы не получить на экзамене тройку. С такой оценкой не давали стипендию – единственное средство существования многих студентов.

Второй идеологический удар я вскоре пережил, когда объявили, что марксистские труды Мао Цзэдуна написаны не им, а советским академиком. Но ведь без знания теории Мао Цзэдуна о противоречиях эпохи нельзя было сдать экзамен по философии. Впрочем, сколько раз в жизни менялось мировоззрение моего поколения!

Хрущев, по мнению его сторонников, совершил гражданский подвиг: не побоялся приоткрыть правду советскому народу о зловещих страницах нашей истории. Его противники, наоборот, называли сделанный им доклад чуть ли не предательством идеалов партии, послужившим причиной раскола в советском обществе и мировом коммунистическом движении. Многие коммунисты, в том числе из зарубежных компартий, выступление Хрущева по разоблачению культа личности расценивали как враждебный выпад по отношению к вождю. Обвинения воспринимались как сведение личных счетов со Сталиным, а не в адрес пороков существующей тоталитарной системы. И только значительно позже коммунистам поступит разъяснение, которое гласило, что было бы ошибкой из факта культа личности делать выводы о каких-либо изменениях общественного строя в СССР или искать источник культа в самой природе социализма. Просто, мол, произошла подмена власти диктатуры пролетариата диктатурой одной личности.

Центральное разведывательное управление США выступление Генерального секретаря ЦК КПСС объявило событием исторического значения. Американские политики считали, что, разоблачив сталинизм как политическое зло невиданных размеров, Хрущев будет вынужден

перейти к более мягким и демократичным формам управления страной. И действительно, кроме экономических реформ, партийный лидер начал подвергать коренной ломке правоохранительные органы, рассматривая их в качестве основных виновников прошедших репрессий. В 1953 году было упразднено Особое совещание при МВД; за период своего существования оно рассмотрело в несудебном порядке огромное число уголовных дел о контрреволюционных преступлениях. Особым совещанием допускались грубейшие извращения «социалистической законности». В соответствии с секретной директивой от 26 октября 1948 года МГБ и Генеральной прокуратуры СССР многие лица, отбывшие наказание за контрреволюционную деятельность, без каких-либо оснований вновь привлекались к уголовной ответственности, направлялись в ссылку, на поселение в отдаленные районы страны с суровым климатом.

Статистика гласит о том, что Особым совещанием за «контрреволюционные преступления» было осуждено 442 531 человек; 10 101 человек приговаривались к расстрелу, остальные – к лишению свободы или высылке.

Реабилитация жертв политических репрессий на начальном этапе проводилась по заявлениям пострадавших, их родственников, по протестам прокурорских инстанций, которые не всегда поддерживались судами. Естественно, существовало давление здравствующих участников репрессий из партийного аппарата. Часть высшего политического и военного руководства, опасаясь за собственную репутацию, противилась проведению реабилитации расстрелянных с их согласия многих видных партийных работников и военачальников. Даже Генеральная прокуратура СССР не была свободна в применении действующего законодательства, когда речь шла о необходимости реабилитации известных советских, партийных, хозяйственных работников, привлекавшихся к уголовной ответственности по громким процессам. На пересмотр приговоров и проведение в новых условиях дополнительного и объективного расследования Генеральная прокуратура СССР была вынуждена обращаться за разрешением в Политбюро ЦК КПСС.

По послевоенному «ленинградскому» уголовному делу на секретаря ЦК А. А. Кузнецова, Н. А. Вознесенского и других прокуратурой запрашивалось согласие партийных инстанций на предварительный пересмотр обвинительного приговора. В ЦК было вынесено специальное постановление: «Разрешить генеральному прокурору опротестовать приговор Военной коллегии Верховного суда по данному делу». Это почти созвучно тому, что партия разрешает применять закон прокурору.

В 1954 году прокуратурой и КГБ СССР перед ЦК был поставлен вопрос о создании Центральной комиссии под председательством генерального прокурора СССР для полного пересмотра уголовных дел по «контрреволюционным преступлениям» на лиц, которые на то время содержались в тюрьмах, лагерях и ссылке. Поражает количество отбывавших наказание: на май 1954 года за «контрреволюционные преступления» в местах лишения свободы находилось почти полмиллиона (467 946) человек, а в ссылках и на поселениях – 62 тысячи советских граждан.

В записке в ЦК указывалось на причины сложившегося положения: «пробравшиеся в органы МВД преступники сознательно насаждали произвол и беззаконие, совершали незаконные аресты ни в чем не повинных советских граждан, применяли строжайше запрещенные законом преступные методы ведения следствия и фальсифицировали дела». Так звучал этот официальный документ; дальше мы выясним, как могло случиться, что в стране допускалось применение «строжайше запрещенных» методов следствия.

Новому руководству КГБ (Серову) и прокуратуры (Руденко), кстати оба ранее работали на Украине, в обоснование создания этой комиссии сотрудникам органов государственной безопасности приходилось приписывать «образ врагов» и виновников «извращений советских законов».

Центральная комиссия сыграла положительную роль, хотя надо признать, что в союзных республиках судами было отказано в реабилитации по большей части пересмотренных уголовных дел. В последующие годы процесс реабилитации замедлился, стал осуществляться в индивидуальном порядке. Действовала порочная практика, по которой родственникам не сообщались правдивые сведения о времени приведения приговоров в исполнение, местах захоронений, а в документах о причинах смерти вместо состоявшегося расстрела указывалось вымышленное заболевание.

При Горбачеве в последние годы советской власти внедрялся совершенно другой подход к проблемам реабилитации. Я не случайно делаю упор на восстановление справедливости как на высокий гуманный акт возвращения честного имени жертвам репрессий. Действие реабилитации – это не только воскрешение забытых имен и событий, замалчивавшихся ранее по идеологическим мотивам, но и процесс осмысления минувшего и признания ошибок прошлого, появление альтернативных точек зрения на историческую проблематику, переоценка деятельности многих исторических личностей. После восстановления справедливости репрессированным лицам оказывалась помощь в трудоустройстве, пенсионном обеспечении (время пребывания в местах лишения свободы засчитывалось в трудовой стаж), возврате конфискованного имущества, первоочередном предоставлении жилья. Правительство предложило членам семей погибших в тюрьмах и колониях хотя и скромные, но определенные законом обязательные льготы.

В центральном аппарате и областных управлениях КГБ Украины для пересмотра уголовных дел были созданы рабочие группы из наиболее подготовленных сотрудников. К проводимой деятельности по реабилитации привлекались следственные работники, сотрудники архивных служб, а также оперативные сотрудники контрразведывательных подразделений, которые, надо отметить, занимались этим без освобождения от основных обязанностей. Увы, для такой основательной работы следователей и работников с юридической подготовкой совершенно не хватало.

Современный заинтересованный читатель должен знать о том, что количественные сведения о штатной численности КГБ в советский период не публиковались. По этой веской причине мало кому известно, что число следователей в органах государственной безопасности республики было мизерным: едва превышало 2 % от штатов следственных кадров Министерства внутренних дел. В городских и районных подразделениях КГБ эта должность вообще отсутствовала. Загрузка следователей была огромной: расследование уголовных дел, относящихся к непосредственной компетенции органов безопасности, шпионаж, контрабанда, разжигание межнациональной вражды, дела на бывших изменников Родины, карателей и т. д. Немалый объем работы предстояло провести по каждому пересматриваемому заново уголовному делу, подтвердить или опровергнуть предъявленное обвинение, изучить архивные материалы, сохранившиеся документы, рукописи, установить возможных свидетелей, вынести мотивированное заключение о применении акта реабилитации к конкретному лицу. Дополнительное расследование требовало мастерства и напряженной работы по сбору после многих прошедших лет доказательств невиновности (или виновности) привлекавшихся к ответственности лиц. Окончательное решение о реабилитации или отказе в ней принималось не органами КГБ, а судебными решениями по материалам, представляемым через прокуратуру нашими сотрудниками.

Объем выполненной органами безопасности Украинской ССР работы по реабилитации невинно осужденных в последние годы был велик. Первый заместитель председателя КГБ Марчук грустно отмечал, что в ходе реабилитации нужно было перелопатить более полутора миллиона архивных дел. Каждое дело (размером от трех листиков и, как он выразился, «до грузовика») изучалось на предмет соответствия законодательству того времени, когда выносился приговор, и применительно к периоду 1990-х годов.

Я помню, каких огромных усилий следователей потребовало рассмотрение политического процесса времен Балицкого по Союзу освобождения Украины (СВУ). Материалы уголовного дела составляли 254 тома, подсудимых – 45 человек. Действовать классическими методами ведения дополнительного следствия из-за давности не представлялось возможным, по делу осуществлялось, скорее, научно-криминалистическое исследование. Наши сотрудники надеялись, что при пересмотре уголовного дела СВУ о виновности подсудимых многое могут подсказать вещественные доказательства. Но в деле не были обнаружены ни устав, ни программа, ни другие организационные материалы сфабрикованного группового процесса по Союзу освобождения.

Трудно анализировать действия тех лет еще и потому, что обвиняемые на этапе расследования полностью признавались в совершенных преступлениях. В частности, вице-президент Академии наук Украинской ССР академик Ефремов привлекался к ответственности за подготовку вооруженного восстания с целью свержения советской власти, организацию террористических актов, преступные связи с международным империализмом. Загруженный текущими делами, больше из личного интереса, я находил возможность после рабочего дня прочитывать интереснейшие дневники Ефремова, которые до пересмотра уголовного дела не были известны и не публиковались. Из его дневниковых записей было совершенно очевидно, что он не помышлял о проведении какой-либо преступной деятельности, тем более о терроре. По своим убеждениям он

был идейным противником любого насилия. Любопытно, что он собирал и записывал бытовавшие в те годы анекдоты о вождях революции Ленине, Сталине, чем, безусловно, сильно рисковал в той подозрительной атмосфере бытия.

В стране осуществлялся процесс реабилитации обвиняемых по «резонансным» делам и политическим процессам довоенного периода. Были пересмотрены сфабрикованные дела, такие как «Союз марксистов-ленинцев» (Каменев, Зиновьев, Рютин и другие), «Московская контрреволюционная организация группа рабочей оппозиции» (Шляпников, Тихомиров, Медведев и другие), «Ленинградская контрреволюционная зиновьевская группа» (Сафонов, Залуцкий и другие), «Параллельный антисоветский троцкистский центр» (Пятаков, Сокольников, Радек и другие), «Антисоветский правотроцкистский блок» (Бухарин, Раковский, Рыков и другие).

На Украине, помимо дела СВУ, были пересмотрены групповые дела «Украинского национального центра» во главе с академиком С. Яворским, «Контрреволюционной троцкистской организации на Украине» во главе с Ю. Коцюбинским и десятки других инспирированных процессов.

28 ноября 1989 года на проведенной пресс-конференции я отметил, что в условиях расширяющейся демократизации процесс реабилитации в республике заметно активизировался. В подтверждение приводилась такая статистика: за первый квартал 1989 года органами КГБ было подготовлено к пересмотру свыше 4500 уголовных дел, по которым привлекались к ответственности более 6000 советских граждан. Много это или мало? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно сказать, что сотрудники КГБ республики за квартал выполнили такой же объем работы по реабилитации жертв политического террора, который сравним с работой Комитета страны в течение 1967 года. Ю. Андропов в отчетном докладе в ЦК о работе КГБ СССР за тот год сообщил, что следственными аппаратами КГБ в центре и союзных республиках пересмотрено 6732 архивных уголовных дел, направленных в суды для реабилитации.

Хочу остановиться на характерном примере. Украинские чекисты обратились в КГБ СССР (я как депутат написал обращение еще и в Верховный совет) с предложением о принятии специального закона о реабилитации без проведения дополнительных проверок той категории советских граждан, которые подвергались наказанию в так называемом «внесудебном порядке». Это было неожиданное предложение. Но оно опиралось на политическое и правовое

обоснование, которое заключалось в том, что если люди репрессировались без разбирательства обвинения в судебных органах и без вынесения судебного приговора, то они должны быть полностью реабилитированы. Конечно, были опасения, что среди реабилитируемых лиц, обвиненных «тройками» во внесудебном порядке, могли оказаться действительные враги социалистического государства. И все же этот вопрос нами ставился на принципиальной основе: если конкретное лицо было репрессировано во внесудебном порядке, в любом случае должен применяться акт о реабилитации. Только суд в цивилизованном государстве может признать человека виновным и подвергнуть наказанию. И уж ни в коем случае нельзя позволять судить людей по разнарядке ЦК партии, спискам НКВД или иным «расстрельным» спискам.

Вскоре по затронутой проблеме была принята законодательная основа: издан указ Президиума Верховного совета СССР от 16 января 1989 года. Безусловно, решение было смелым и очень важным шагом, ускорившим работу по пересмотру дел репрессированных во внесудебном порядке советских граждан. Если за весь советский период до 1989 года на Украине было реабилитировано немногим более 300 тысяч человек, то только за один 1989 год – 112 тысяч.

В ходе проведения мероприятий по реабилитации жертв сталинского террора КГБ республики выступал инициатором принятия и других законодательных положений. В частности, перед верховной властью нами была поставлена проблема восстановления справедливости в отношении лиц, которые были осуждены на Украине в 1970-1980-е годы. В силу изменившейся в стране обстановки и принятия нового законодательства оценка их преступной деятельности существенно изменилась. Это явилось важным моментом еще и потому, что некоторые бывшие диссиденты были досрочно освобождены из мест отбытия наказания, стали занимать определенное положение в обществе, избраны депутатами, стали частью демократической власти – законодателями в Верховном совете Украинской ССР. Я помню имена В. Черновила, Л. Лукьяненко, братьев М. и Б. Горыни, Алтуняна, И. Калинец, С. Хмары и других.

Если рассматривать вопрос о привлечении в последние годы отдельных лиц за проведение антисоветской деятельности в республике, следует сказать, что пресечение преступных действий велось под строгим прокурорским надзором, при соблюдении процессуальных норм, а также при открытом судебном разбирательстве с обязательным участием адвокатов.

За время моего председательствования в последние пять лет советской власти уголовных дел по привлечению за антисоветскую агитацию и пропаганду или каких-либо «политических процессов» на Украине не было. Но это совсем не значит, что органы государственной безопасности республики не применяли уголовное законодательство и в те годы были, образно говоря, беззубыми и либеральными. Конечно, нет: около 60 человек в этот период были осуждены за измену Родине в годы Великой Отечественной войны, на несколько порядков больше – за контрабанду и крупные экономические преступления. Многие объекты оперативных разработок КГБ привлекались к судебной ответственности за совершение общеуголовных преступлений: бандитизма, хищения государственной собственности, взяточничества.

Перед руководством КГБ СССР нами ставился вопрос о необходимости пересмотра уголовных дел на лиц, которые в последний период были привлечены к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду. В опубликованных начальником следственного отдела Пристайко воспоминаниях говорится о направлении в Москву письма по этой проблеме за подписью председателя КГБ Украины. В ответе «тоном учителя несмышленому ученику» председателем КГБ СССР Крючковым предписывалось: «Если в Украине имеются в этом плане вопросы, то действуйте в индивидуальном порядке, обращайтесь к прокурору».

Вспоминается случай, когда я изучал уголовное дело по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде Ирины Калинец, депутата Верховного совета УССР из города Львова. Основной криминал – распространение признанных судебными инстанциями враждебными советскому строю произведений некоторых украинских диссидентов. Мною было использовано осуждаемое «телефонное право»: я спросил генерального прокурора республики Оси-

пенко, возможно ли внести протест на явно натянутые в судебном приговоре обвинения Калинец. Он стал ссылаться на то, что преступление совершено недавно, когда необоснованных приговоров украинскими судами не выносилось. «Ты новый человек на Украине и тебе рано начинать ревизию таких уголовных дел». Я понимал прокурора республики в его внутренней борьбе: ведь обвинительные заключения, проведенные органами КГБ по уголовным делам, утверждались прокурорами, и дела направлялись ими в судебные органы.

Сотрудники КГБ Украинской ССР не успокоились ответом из Москвы. Нами было направлено обращение в Верховный совет Украинской ССР с аналогичным предложением о пересмотре уголовных дел в отношении лиц, судимых в недавнем прошлом за антисоветскую агитацию и пропаганду. По решению председателя Верховного совета Валентины Шевченко была создана рабочая группа из ученых, юристов-практиков КГБ, МВД, прокуратуры с целью изучения всего комплекса проблем, касающихся реабилитации невинно осужденных и пострадавших в разные годы. Естественно, включая период до 17 апреля 1990 года, когда был принят Закон Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине».

Как любопытнейшую иллюстрацию к принятию этого закона можно привести один из фрагментов интервью Пристайко:

– Все ли ваши коллеги поняли, что настало новое время?

– Да.

– То есть, если я вас правильно понял, КГБ УССР был инициатором закона?

– Именно так. Хотя об этом, к сожалению, сейчас не вспоминают.

С учетом специфики исторического прошлого в республике возникали другие серьезные проблемы, которыми занимались сотрудники областных управлений КГБ. В 1941 году при отступлении советских войск в тюрьмах западных областей Украины НКВД провел расстрелы содержащихся в них заключенных.

В ходе работы по реабилитации автобиографические сведения на указанных лиц приходилось уточнять по отдельным сохранившимся спискам или выяснять в процессе дополнительного расследования характера трагических событий.

В 1943 году в областном городе Виннице криминальная фашистская комиссия обнаружила места массовых захоронений 9439 останков бывших тюремных заключенных. Международная пресса в году оккупации и во времена «холодной войны» широко использовала события винницкой трагедии, представляя ее как преступление против украинской нации. Совинформбюро по этому поводу сообщало, что берлинские провокаторы пытаются приписать свои чудовищные злодеяния советским властям, разыгрывают в Виннице над трупами «гнусную и наглую комедию». Гитлеровцы, чьи руки, обагрены невинной кровью, откапывают трупы людей, которых они уничтожили, устраивают балаганные инсценировки на их могилах. И только благодаря гласности в 1988 году после проведенных дополнительных расследований винницкого и других расстрелов в республиканской прессе были опубликованы соответствующие действительности материалы.

Сотрудники госбезопасности одновременно с правовой реабилитацией при участии общественных организаций проводили работу по выявлению мест захоронений жертв репрессий, принимали меры к увековечиванию их памяти. Это позволяло снять с невинно погибших граждан клеймо «врагов народа», возвратить нынешним и грядущим поколениям их доброе имя.

В 1989 году повышенное внимание украинской общественности привлекли сведения о массовых захоронениях в местечке Быковня под Киевом. Чрезвычайная государственная комиссия под руководством академика Н. Бурденко, расследовавшая в 1943 году злодеяния немецких оккупантов в период временной оккупации Киева, в своем заключении отметила уничтожение фашистами в Дарницком лесу более 68 тысяч советских военнопленных. Кроме того, в этом районе были обнаружены захоронения более трех тысяч гражданских лиц с харак-

терными причинами смерти – пулевыми отверстиями в области черепа. В военной обстановке государственная комиссия не смогла довести до конца расследование, фамилии захороненных там лиц не устанавливались. В связи с этим по записке в Политбюро ЦК за подписью секретарей ЦК и Киевского горкома партии Ельченко, Масика и председателя КГБ Голушко была образована правительственная комиссия по дополнительному расследованию, организации перезахоронения и увековечению памяти расстрелянных граждан.

Выявились достоверные свидетельства, что в местечке Быковня в 1937 году проводились расстрелы представителей украинской творческой интеллигенции – жертв Большого террора. Вопросами установления их личностей в ходе проводимого расследования активно занимались члены киевской писательской организации, если не изменяет мне память, во главе с Иваном Драчом. При раскопках одного из захоронений был обнаружен мундштук с именем Владимира Брыля. Выяснилось, что в 1937 году он работал зоотехником, характеризовался положительно, а был арестован «за вредительство в животноводстве и шпионаж в пользу Германии». Его старший брат, народный писатель Белоруссии Янка Брыль, приезжал из Минска получить в киевской прокуратуре дорогую для себя память – мундштук брата. Когда он попросил разрешения ознакомиться с материалами уголовного дела в отношении брата, ему посоветовали обратиться в КГБ. В приемной, как писал Янка Брыль, «молодой человек выслушал меня, сказал, что решить вопрос ознакомления с уголовным делом сразу нельзя, надо найти его в архиве, а это потребует нескольких дней. А мне, старику с больными ногами, не так уж и удобно поехать-приехать».

Когда мне доложили о посещении приемной белорусским писателем, я позвонил в Минск коллеге, председателю КГБ Белоруссии Вениамину Балуеву. Мы договорились о том, что уголовное дело будет отправлено непосредственно в Минск, где Янка Брыль может с ним ознакомиться. Белорусские чекисты сообщили мне домашний телефон писателя, и я сообщил ему о принятом решении. Об этом звонке он рассказывал друзьям так: «Чего не бывает в наше время! Сам председатель Комитета из Киева позвонил мне и сказал, что папка будет на днях выслана. Больше того, на прощанье он даже растрогал меня, пожелав доброго здоровья…» Я вспоминаю эти детали потому, что в 1991 году я получил от Янки Брыля почтовую бандероль с повестью о судьбе брата «Мундштук и папка. Маленькая сага». А на книге – благодарственная надпись от народного писателя. В своей повести он писал: «Душа моя снова прикоснулась к бездне ужаса, уже более спокойно, однако и вновь она скорбит, пусть себе и не смертельно… При той ужасающей массовости геноцида в одной человеческой судьбе нет ничего необыкновенного. Кроме чуда с именным мундштуком, чуда одного на сотни тысяч или на миллион. А в человеческой семье, как в маленькой капле, в душах родных – это целый мир боли».

Многие родственники репрессированных лиц интересовались в органах КГБ судьбами своих близких, обращались с просьбами ознакомиться с документами, находящимися в архивных следственных делах. В большинстве такие просьбы удовлетворялись. Но нередки случаи, когда на ознакомление со следственными делами родственников или представителей общественности сотрудники КГБ шли неохотно или отказывали по ряду причин.

В этой работе, требующей от сотрудников не только высокого профессионализма, но и нравственного обоснования принимаемых ими решений, приходилось сталкиваться с непростыми, прямо скажем, деликатными моментами. Ко мне обратилась внучка одного из репрессированных на Житомирщине с просьбой познакомиться с делом ее деда. Я мог бы поручить сотрудникам дать ответ, но как депутат от этого региона решил самостоятельно рассмотреть архивные следственные материалы и в результате отказал внучке в просьбе. И вот по какой причине. Ее дедушка, поляк по национальности, честный человек, образованный садовод, в ходе следствия в 1937 году оговорил нескольких невинных граждан, видимо, под пытками сделав показания, будто бы они состояли в одной шпионской организации. Все обвиняемые лица по этому делу погибли. Нужны ли такие печальные подробности внучке? Состоялся труд-

ный разговор с молодой женщиной, потребовавший душевных усилий для объяснения отказа. После некоторых раздумий она согласилась с моими доводами.

Читателю книги я напомню о том, что были жестокие времена, когда многие арестованные после пыток и шантажа вынужденно допускали оговоры. Поэтому даже профессиональному следователю, а уж тем более не знакомому с жестокостями застенков, бывает трудно разобраться в сфабрикованных документах, как этого требовали некоторые представители общественности, «кто виноват и кто на кого доносил». А в других же, более ясных случаях, как мне представляется, следует делать все необходимое и возможное, чтобы родственники узнали подробности о судьбе своих близких.

Во времена Горбачева, благодаря политике демократизации и широкой гласности, органы государственной безопасности вносили свой вклад в устранение белых и черных пятен в нашей истории. Еще в годы хрущевской оттепели начали публиковаться сведения о репрессиях, застенках ГУЛАГа, видных деятелях партии и государства, которые погибли в годы сталинского террора. Так, в статье о маршале Тухачевском можно было прочитать фразу о том, что его жизнь «трагически оборвалась еще до Великой Отечественной войны». Известный историк Рой Медведев по этому поводу справедливо заметил, что так можно было писать о жертвах автомобильной катастрофы.

Но это были робкие попытки, когда, пусть не полностью, раскрывались правдивые страницы прошлого. Хрущев не успел устранить последствия сталинщины, так как ему приходилось преодолевать сопротивление влиятельных лиц из руководства страной, которые противились раскрытию всей правды о масштабах репрессий. Да и у самого, как говорится, был нос в табаке. Только в ходе основательного проведения реабилитационных мер стало возможным широкое публичное раскрытие ранее засекреченных архивов, касающихся политических процессов, судеб репрессированных государственных деятелей, писателей, ученых. Органы КГБ старались передавать представляющие историческую ценность документы в научные учреждения, государственные музеи, а многие личные документы, фотографии, письма как семейные реликвии – близким родственникам.

К 1990 году органами КГБ республики были обнародованы около четырехсот исторически важных материалов; документы по процессу Союза освобождения Украины переданы в институт литературы Академии наук Украины, куда были направлены и упоминавшиеся дневники академика Ефремова.

Обнаружены уникальные документы, принадлежавшие известному украинскому политику и писателю Винниченко, его переписка с активными социал-демократами с 1919 по 1925 годы во время нахождения в Париже. Среди особо важных материалов – донесения полиции, отображающие эпизоды революционной деятельности Винниченко, его рукописное «завещание борцам за освобождение Украины». При обнародовании материалов о преследовании Винниченко царскими жандармами академик Н. Жулинский заметил, что они проливают свет на такие стороны его биографии, которые ранее украинские историки старались не упоминать, трактовали неоднозначно или тенденциозно.

Мною были переданы архивные документы, связанные с именами М. Рыльского и В. Затонского, их сыновьям: академику Д. Затонскому и директору музея отца Б. Рыльскому[3].

Как добрую память храню книгу «З порога смерті. Письменники України – жертви сталінських репресій». При подготовке этого издания мне довелось общаться с украинским писателем А. Мусиенко. Беседы с ним по содержанию книги производили глубокое впечатление, многое мне давали. Сотрудники говорили, что при поиске материалов для этой книги А. Мусиенко буквально сутками жил в архивах органов госбезопасности. Изучение сохранившихся материалов позволило с документальной точностью раскрыть механику политиче-

[3] «Літературна Україна». 05.07.1990.

ских процессов на Украине в довоенный и послевоенный периоды в отношении украинской творческой интеллигенции. Впервые были названы фамилии многих известных и малоизвестных писателей и поэтов Украины, которые стали невинными жертвами в период сталинского террора. Книга иллюстрирована подлинными документами и фотоснимками из судебно-следственных дел. Мусиенко мне говорил, что настало время, когда Союз писателей Украины нашел в себе моральную потребность и гражданское мужество поименно вспомнить репрессированных побратимов по перу.

По словам патриарха украинской советской литературы Олеся Гончара, «пусть это будет книга великой народной боли, которая и наследникам перейдет как грозное свидетельство, как проклятье сталинщине, как реквием по бесчисленным людским жертвам, так немилосердно и так безвинно загубленным на глазах цивилизованного XX века».

Публикуемые в различных источниках в постсоветские годы сведения о масштабах массовых репрессий часто преувеличивались недобросовестными авторами, вплоть до фантастических цифр. И делалось это в низменных целях – скомпрометировать коммунистическую идеологию и советскую власть.

Безусловно, каждый невинно пострадавший от политических репрессий человек – это боль всей огромной трагедии советского народа. Для конкретной семьи драматическая судьба отца, матери, дяди или брата это нескончаемая печаль и драма. А сколько было таких драм? Вот официальное сообщение первому лицу государства, направленное в феврале 1954 года за подписями генерального прокурора СССР Р. Руденко, министра внутренних дел СССР С. Круглова, министра юстиции СССР К. Горшенина. Они сообщали Хрущеву такую статистику дел арестованных за контрреволюционные преступления: с 1921 по 1954 годы было осуждено 3 777 380, в том числе приговорено к высшей мере наказания около 800 тысяч человек.

Имеются сведения, что на Украине в указанный период подвергались репрессиям за контрреволюционную деятельность 961 645 граждан, из них расстреляно 205 640. Таким образом, каждый третий арестованный в СССР по политическим мотивам и каждый четвертый, приговоренный к высшей мере наказания, являлись жителями Украины.

Кроме того, в докладной записке председателя КГБ УССР Никитченко в ЦК КПУ в 1956 году указывалось, что за послевоенные годы в ходе ликвидации банд оуновского подполья арестовано 103 828 боевиков ОУН – УПА. Члены их семей, пособники ОУН выселялись в отдаленные регионы страны, вплоть до Магадана. Многие такие лица, особенно члены семей, были реабилитированы в соответствии с принятым в годы перестройки законодательством. Реабилитации не подлежали изменники Родины, каратели, фашистские пособники, участники оуновских бандформирований, у которых руки были в крови, а также сотрудники НКВД, уличенные в фальсификации уголовных дел. Подобная категория не может быть реабилитирована ни в правовом, ни в моральном плане. По этим причинам в Украинской ССР в тот период более пяти тысячам граждан было отказано в реабилитации, судебные приговоры оставались в силе. Кое-кто из числа бандеровцев, используя момент, пытался заявить о себе как о невинно пострадавшем, хотя на самом деле был запятнан кровавыми преступлениями против собственного народа. К примеру, бывший член Украинской повстанческой армии некий Фитиль, принимавший участие в бандитском нападении на город Сколе после войны с целью разгрома отдела НКВД. Или еще одна фамилия – Шубер, бывший сотрудник запорожского гестапо, проживая в Казахстане, выдавал себя за невинную жертву послевоенных репрессий.

Моему поколению сотрудников КГБ было крайне трудно понимать ту ситуацию, которая сложилась в НКВД в страшные годы сталинских репрессий. Долгое время мы не знали, что на себя приняли удар и погибли более 20 тысяч работников госбезопасности, которые пытались противостоять политике сталинских репрессий. В ходе реабилитации было установлено, что только 1119 руководящих работников НКВД Украинской ССР было расстреляно (я указываю известные мне данные тех лет). Эти цифры потерь могут быть увеличены, так как некоторые

сотрудники кончали жизнь самоубийством, не желая выполнять указания сверху о проведении массовых репрессий.

По долгу службы я был знаком с материалами сталинского террора не только по Украинской ССР и могу отметить, что еще более жестокие репрессии коснулись населения Российской Федерации. В близком мне Кузбассе, где численность населения в области не превышала трех миллионов человек, в 1920–1954 годах по политическим мотивам было привлечено к уголовной ответственности свыше 150 тысяч советских граждан.

Мой первый в КГБ начальник, подполковник Сащенко Михаил Иванович, в 1937 году являвшийся секретарем комсомольской организации крупной шахты, был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и семь месяцев содержался в заключении. В годы Великой Отечественной войны он был командиром авиационной эскадрильи, совершил десятки боевых вылетов. Семь государственных наград за годы войны – это ли не свидетельство его мужества и отваги в борьбе с немецкими захватчиками? Начальник одного из городских отделов НКВД в Кузбассе вместе с руководителями города был расстрелян с нелепой формулировкой в приговоре: участие во вредительском планировании по землеустройству и севу невсхожими семенами.

Имеются свидетельства, что в 1937 году был расстрелян практически весь состав Омского управления НКВД за то, что сотрудники отказались участвовать в массовых репрессиях.

В 1990 году на встрече с украинскими писателями я говорил: «В моем понимании реабилитация – это не только возвращение доброго имени и восстановление справедливости. Не менее важная ее задача – укрепление законности и правопорядка в наши дни. Не должно повториться время громких политических процессов, время безгрешного вождя, время «законника» Вышинского, время «ежовых рукавиц». Деятельность КГБ Украинской ССР в процессе реабилитации жертв сталинского террора выработала у сотрудников колоссальный иммунитет против нарушения законности. Она показала, что только воспитание у каждого чекиста принципов строгого и неукоснительного соблюдения законодательства, а не исполнение воли или утверждение единоличной власти (вождей, генсеков, президентов) может привести общество к справедливости, человечности и утверждению демократических принципов подлинного правового государства.

Проводимая работа по реабилитации не могла не повлиять на политические взгляды сотрудников органов безопасности. В тот период вслух об этом не говорилось. И только недавно в книге «Моя жизнь в разведке» известного украинского разведчика Шаркова я обнаружил фразу: «Достоверная, из архивных источников информация подтолкнула большинство из нас к выводу о том, что в СССР заведомо строилось не социалистическое государство, как об этом заявляли лидеры Коммунистической партии, а силой навязывали народу «военный коммунизм», не имевший ничего общего с реальной демократией и прогрессом».

Руководя КГБ Украинской ССР, я постоянно подчеркивал, что мое поколение сотрудников мундиры НКВД не носили и не примеряли. Из тех, с которыми мне приходилось работать, около 60 % родились после 1937 года. Я часто задумываюсь над вопросом, что могло бы произойти с сотрудниками органов госбезопасности Украины, если бы в последние годы советской власти они прибегли к репрессивным и необоснованным силовым методам своей деятельности в республике? Думается, украинское общество в таком случае не оценило бы ту масштабную работу по исправлению политических ошибок прошлого, которую провели украинские чекисты в отношении сотен тысяч жителей республики.

Трагические черные страницы в деятельности органов государственной безопасности в период сталинских репрессий осуждены самой историей, всем народом и, конечно, нынешним поколением сотрудников органов госбезопасности.

Глава двенадцатая
Кгб Украины в борьбе с национализмом

Ни один умный человек, у которого есть хоть капля политического здравого смысла, не мог даже в самой буйной фантазии рисовать себе возможность отделить, отгородить украинскую землю от России.
Иван Франко

В деятельности советских органов государственной безопасности было характерным особое внимание Комитета к разрешению проблем межнациональных отношений, локализации и пресечения националистических и сепаратистских проявлений.

В последние годы советской власти в ходе демократизации и гласности стали высвечиваться явления, реальность которых не всегда достаточно учитывалась: возрастание национального самосознания в союзных республиках, обостренное чувство социальной справедливости у многих наций и народностей.

Общественность стали волновать вопросы, связанные с хищническим использованием природных ресурсов, защитой родного края, исторического наследия и памятников старины, развития национальной культуры и языка, многие другие культурологические, экологические и демографические проблемы. Невнимание к запросам народов, длительная нерешенность конкретных социально-экономических проблем национального характера приводили к антиобщественным последствиям, неспособности государства вовремя устранять причины, их порождающие. В стране на протяжении многих лет возникали очаги национальных тревог и волнений, которые можно было заблаговременно предупредить, если бы высшее руководство занималось вплотную их решением. В разной степени такие явления были присущи положению на Украине, влияли на оперативную деятельность КГБ республики.

В Москве несколько лет готовился Пленум ЦК КПСС по национальному вопросу, но его проведение явно запоздало. В последний период отчетливо проявлялась недооценка опасности национализма и сепаратизма. Нельзя сказать, что проходили мимо подобных фактов. Они пресекались, особенно если носили индивидуальный характер, но серьезные общественные процессы и тенденции загонялись вглубь, заглушались, а когда взрывались, тогда начинали разбираться, почему так случилось и кто виноват.

Для КГБ Украины задачи по линии борьбы с национализмом во все времена были довольно сложными и превалирующими. Свежи в памяти тяжелые последствия многолетнего вооруженного сопротивления со стороны ОУН – УПА, массовые злодеяния банд оуновских боевиков. Их главари с помощью гитлеровцев создали жестокую службу безопасности ОУН, проявлявшую особую ненависть к «москалям», полякам, евреям и выходцам из восточных областей. Они забыли, что фашисты, замышляли полное уничтожение украинского населения, планируя превратить в рабов, призванных работать на великую Германию. Призывы ОУН звучали: «Народ! Знай! Москва, Польша, мадьяры, жиды – это твои враги. Уничтожай их! Ляхов, жидов, коммунистов уничтожай без милосердия!»

До воссоединения западных земель Украины (как и после Великой Отечественной войны) зарубежная ОУН вела острую борьбу против польского населения, была диверсионно-террористической организацией антипольской направленности.

В 1938 году в результате переговоров руководителей ОУН и германской разведки о совместной работе против СССР берлинская (центральная) оуновская организация влилась в штат гестапо на правах отдела. Гитлеровское командование в составе абверовских формирований создало диверсионные части в составе украинских националистов – легионы «Нахтигаль» и «Роланд», на которые возлагались задачи проведения подрывных акций в западных областях

советской Украины, создания там шпионских резидентур, диверсионно-террористических и повстанческих групп. В этих же целях были сформированы «походные группы ОУН», пришедшие на украинскую землю в обозе фашистских оккупантов.

Оккупанты лишили местное население Украины всех политических прав и установили режим жестокого полицейского террора. В экономическом аспекте рейхскомиссариат (территория под прямым военным управлением фашистов) являлся немецкой колонией, входившей в зону так называемого «жизненного пространства Германии». Он считался источником продовольствия и бесплатной рабочей силы для фашистов.

В апреле 1943 года из украинских добровольцев была создана дивизия СС «Галичина» (18 000 человек), которая вошла в состав 13-го армейского корпуса вермахта. Полгода спустя переименована в 14-ю Галицкую добровольную дивизию СС. Под этим названием она в составе 4-й немецкой танковой армии в июне 1944 года приняла бой под Бродами, где была разбита. После пополнения 14-ю Галицкую дивизию СС фашисты использовали против антигитлеровского движения партизан Словакии и Словении.

В начале 1950-х годов подполье ОУН в результате оперативно-войсковых операций органов госбезопасности и армии понесло значительные потери. Для сохранения своих кадров, создания на будущее подпольных организаций, воспитания молодых революционеров главари ОУН – УПА разработали тактику легализации и вживания в советскую действительность участников подполья. Реализовывались программы под зашифрованными названиями «Дажбог» (сохранение кадров, переход в глубокую конспирацию), «Орлик» (распространение идей ОУН в восточной Украине) и «Олег» (подготовка молодежного резерва). Руководством ОУН рекомендовалось молодым членам организации вступать в комсомол, партию, служить в Советской армии, поступать в высшие учебные заведения, военные училища, проникать в силовые ведомства в целях занять определенное место в обществе, укрепиться в органах власти, структурах КПСС, чтобы в час «икс» ОУН имела надежные кадры.

Если оценивать послевоенный период, то из-за профашистской политики ОУН – УПА страдали простые люди с обеих сторон: от рук оуновцев гибли невинные труженики, сторонники Советов, а немало пособников и сочувствующих ОУН оказались в ссылке в далекой Сибири. По официальным данным, в 1944–1953 годах в западных областях Украины было уничтожено свыше 150 тысяч участников ОУН – УПА, 103 тысячи «бандитов и бандпособнического элемента» были арестованы, а за пределы Украины высланы 203 тысячи граждан, поддерживавших оуновское подполье.

Вооруженные националистические бандформирования за этот же период совершили 14 424 разбойных нападений, 4904 террористических актов, свыше 1000 поджогов сельских советов и клубов, уничтожения колхозного имущества.

И даже в такой сложной обстановке, стремясь избежать жертв, советское правительство делало все возможное, чтобы побудить участников ОУН к прекращению преступных действий, особенно тех, кто был вовлечен в банды путем обмана или насилия. Хрущев (в то время первый секретарь ЦК Компартии Украины) отмечал, что «мы вели борьбу с врагами не только арестами и судами, а разъяснением пагубности такого пути. В то же время Карпатские горы для коммунистов практически были недоступны. За каждой скалой, за каждым кустом можно было ожидать террористов».

От имени Верховного совета, ЦК КПУ и правительства Украины произносились призывы к главарям подполья прекратить кровопролитие, возвратиться в свои села и приступить к честному труду. Всем, у кого руки не были обагрены кровью, гарантировалось прощение. В 1944–1945 годах около 30 тысяч участников банд, явившихся с повинной, были освобождены от ответственности в те суровые годы, трудоустроены и вернулись к мирной жизни. Однако часть оуновских главарей бежала на Запад, там нашла себе новых хозяев в лице американской,

английской разведок, которые при проведении подрывной работы в годы «холодной войны» против СССР продолжали возлагать особые надежды на отпетых украинских националистов.

После войны закордонные националистические центры организовали нелегальную засылку на Украину своих агентов, эмиссаров и курьеров, специально обученных в американских и английских разведшколах. Только за шесть лет (1946–1951) нелегальным путем и по каналам послевоенной репатриации в республику было направлено свыше 500 агентов иностранных спецслужб. Все они были захвачены или ликвидированы при оказании сопротивления.

Решением ЦК КПУ от 24 мая 1959 года после ликвидации вооруженного подполья органам КГБ были даны новые установки решительным образом усилить борьбу против закордонных центров украинских буржуазных националистов, принять меры к идейному и организационному разоружению националистической эмиграции, компрометации активных главарей ОУН – УПА. Одновременно партийные органы требовали усилить предупреждение возможных враждебных действий националистических и иных антисоветских элементов на территории республики. Выполняя эти решения, КГБ УССР существенно ослабил влияние зарубежных структур ОУН на неразоружившихся сторонников радикального национализма в западных областях Украинской ССР.

Главари ОУН – УПА заслуженно понесли суровое наказание. Командующий УПА Шухевич (кстати, по указу президента Ющенко – герой Украины) был ликвидирован. Захваченные органами КГБ руководитель УПА Кук и главный палач Матвиейко, служивший в абвере-3 (контрразведка вермахта), были милосердно помилованы взамен на развенчивание ими идеологии национализма, призывы к рядовым единомышленникам не браться за оружие против советской власти. Обласканные за сотрудничество с органами КГБ, они спокойно доживали свои годы, пока во время президентства Ющенко их вновь не стали возводить в национальные герои, уже посмертно.

В годы моей работы в Киеве отбывшие наказание активные участники ОУН – УПА находились под оперативным наблюдением и не могли оказывать влияние на политическую обстановку. Среди бывших оуновцев не отмечалось рецидивов открытой преступной деятельности, они добросовестно трудились, а если и случались единичные враждебные проявления, они не имели серьезного воздействия на общую обстановку в республике.

Украинский народ никогда не забывал злодейских преступлений участников ОУН – УПА, десятки тысяч замученных мирных граждан, участие бандеровцев вместе с фашистами в уничтожении населения Белоруссии, Польши, Словакии, Югославии.

В феврале 1990 года в КГБ Украины проводилась встреча с депутатами Верховного совета и многочисленными журналистами под девизом «Не смыть человеческой крови». Нарастание националистических тенденций заставило нас провести такую встречу по разоблачению начавшихся кампаний по героизации и реабилитации оуновского вооруженного бандитизма.

За годы службы я познал на практике опасность идеологии национализма во всех проявлениях и окрасках в пределах страны, не только на Украине. Как руководитель КГБ республики требовал от личного состава решительной борьбы с националистическими акциями. Вместе с тем я призывал к взвешенному анализу трагических событий послевоенного времени. Старался себя контролировать, понимая, что мое мнение или неосторожное слово в защиту одних и порицание других может вызывать и без того напряженное противостояние политических сил в украинском обществе. В интервью журналу «Новое время» в августе 1989 года я прямо говорил: «Участники оуновского подполья – люди со сложной судьбой, среди них были, бесспорно, не только ярые националисты, не останавливающиеся перед самыми ужасными злодеяниями, но и заблуждающиеся, запуганные, силой втянутые в банды. Кое-кто готов сегодня героизировать главарей ОУН. Пытаются объявить оуновцев не вооруженными бандитами, тер-

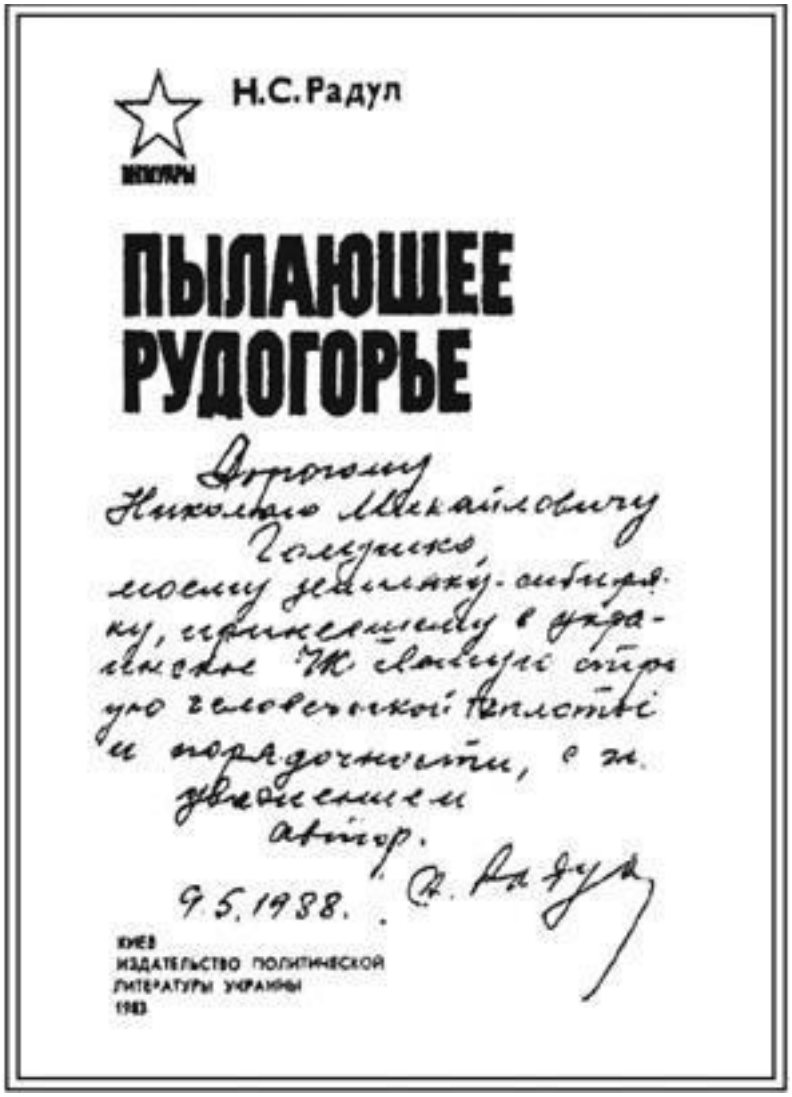
роризировавшими население в послевоенные годы, а борцами против политики Сталина. Я так не считаю».

Следует особо подчеркнуть, что послевоенное вооруженное сопротивление, агрессивный национализм действовали на территории и отражали интересы части галицийского населения западных областей, а не всей республики, тем более восточных областей.

Работавший в КГБ Украины сотрудник разведки Г. Санников описывал мою беседу с прославленным украинским чекистом Николаем Радулом. «Присланный в Киев из Москвы генерал, украинец по крови и с украинской фамилией, сибиряк по рождению, говорил Радулу: «Ну, какие же они бандиты! Это заблудшие украинцы». Это вырванная из контекста, незаконченная выдержка из нашего разговора. И Радул, и я хорошо понимали, что в этой войне после войны невозможно обелить и реабилитировать сотрудничавших с немцами предателей украинского народа, оуновцев, карателей, полицаев, у которых руки в крови. Но и нельзя ограничивать в правах лиц, отбывших по закону заслуженное наказание, мстить им полвека спустя. В годы войны главари ОУН – УПА принудительно проводили мобилизацию крестьянской молодежи, прибегали к методам террора, уничтожали семьи тех, кто отказывался, пополняли свои ряды теми, кто спасался от угона на работу в Германию.

Но вернемся к написанному Санниковым. «Помню, как возмутили эти слова моего друга, прошедшего не только Великую Отечественную, но и долгие послевоенные годы воевавшего на Ровенщине с бандеровцами… Я так и не смог тогда доказать другу, что народ, как, например, немецкий в ГДР, не может нести в полной мере ответственность за действия своих руководителей, своих правительств. Я же и тогда считал, что прав был генерал».

У меня было несколько интересных встреч с Радулом, командиром крупного партизанского соединения на территории Словакии, куда он 23-летним был заброшен в годы войны в составе чекистской разведывательной группы. Нас сближало то, что его предки, как и мой дед, выехали из Украины и обосновались в Омской области, рядом с моей Кокчетавской. Два десятилетия храню дорогой для меня подарок – его книгу.



Многое при приезде в Киев мне казалось необычным. Например, органы КГБ тратили значительные усилия на установление лиц, рисовавших на заборах трезубец. Казалось, в этом не было ничего опасного, но вскоре в республике, сродни средневековому варварству, началась «война памятников», разгром националистами монумента Ленину, надгробия героическому разведчику Николаю Кузнецову во Львове. Точнее говоря, тогда ликвидировались не только памятники, а начались покушения на советские завоевания и народные идеалы.

Я прихожу к выводу, что в последние годы советской власти сформировалось не меньшее зло – зарождение национал-коммунистических сепаратистских настроений, повлекших известные действия по развалу СССР.

На смену галицийскому, фашиствующему национализму приходил «просвещенный» в лице «национально сознательных» патриотов из определенной части интеллигенции. Зарождалась предательская деятельность верхушки национал-коммунистов, местный патриотизм смешивался с откровенным национализмом, сдобренным антирусской и антимосковской апологетикой. С носителями такой идеологии в правящей коммунистической элите, прикрывавшейся социалистическими фразами, КГБ не позволяли заниматься. Иначе не появились бы на развалинах СССР президенты независимых государств, бывшие секретари ЦК национальных компартий типа Шеварднадзе, Алиева, Бразаускаса, Кравчука, Снегура и им подобных. И причина, и следствие заключались в том, что эта категория высокопоставленных перерожденцев находилась вне действия советских законов, которые, к сожалению, были неравными для всех остальных граждан страны.

Мои суждения не зависят от национальной или вероисповедальной принадлежности, могут не совпадать с официальной линией и пропагандистскими шагами нынешних властей Украины. Это объяснимо, ибо я даю оценки пережитого периода последних лет советской власти. К глубокому сожалению, в современной Украине национализм – и мягкий, патриотический, и агрессивный, – от которого Украина подустала в советский период, вновь оказался в чести. Состоялось даже признание того, что дивизия СС «Галичина» была стороной, воюющей против СССР за независимость Украины. В местах, где формировалась дивизия, молодые украинцы могут причаститься к традициям своих дедов; в бывшем музее партизанской славы соединения Ковпака – Руднева в городе Яремче большая часть экспозиции кощунственно и цинично ныне посвящена истории дивизии СС «Галичина».

Еще об одной, не менее болезненной проблеме. В годы перестройки религия, благодаря Горбачеву, становилась свободной. В указанный период обострение конфликтов на религиозной почве на Украине стало одним из факторов усиления социальной напряженности, подогреваемой националистической пропагандой. Острота межнациональных проблем в Западной Украине усиливалась религиозно-конфессиональным противостоянием различных групп населения, особенно активизацией движения верующих греко-католиков за легализацию своей церкви.

В униатской среде органы КГБ хорошо владели обстановкой. Большинство подпольных «катакомбных» священнослужителей поддерживали доверительные контакты с нами на открытой или конспиративной основе. Их мотивация – хотя бы таким образом сотрудничать с официальными властями, так как униаты не были зарегистрированы, подвергались административным и уголовным наказаниям за отправление религиозных обрядов в условиях запрещения властями их деятельности.

В период демократизации униаты начали выходить из подполья, инспирировали открытые действия насильственного характера по отношению к православным. Раздувались настроения по приданию украинской православной церкви большей независимости от Москвы. Резко изменилась к 1991 году позиция митрополита Филарета, ранее выдававшего себя за интернационалиста, ставшего раскольником во главе украинского экзархата Московского патриархата.

В ЦК Компартии Украины КГБ республики направил записку по проблеме униатской церкви с предложением легализовать и зарегистрировать ее приходы в местных органах власти, дать возможность действовать в рамках существующих законов, мирно разделить церковное имущество между верующими – униатами и православными.

Вопрос взаимоотношений властей с униатством стал иметь политический подтекст. Речь шла о реабилитации подпольной (катакомбной) греко-католической церкви, ликвидированной в 1946 году после войны по мотивам сотрудничества с фашистами, а также с бандоуновским подпольем. В ее поддержку националистическими кругами был создан Комитет защиты Украинской католической церкви, члены которой инспирировали среди сторонников унии антиобщественные проявления, конфликты с органами власти, силовой захват православных храмов. Шла широкая поддержка из-за рубежа. Так, в селе Раздол, на Львовщине, проживало в три раза больше православных верующих, чем греко-католиков, тем не менее православный храм был захвачен группой погромщиков, которых свезли на автобусах из соседних сел. Около двухсот служителей греко-католицизма, вооружившись вилами и топорами, учинили кровавую расправу над православными жителями села. Руководители местной советской власти вместо принятия мер к униатским экстремистам потребовали от православной епархии перевести православных священников за пределы района, обвинив их в том, что они «являются причиной напряженности среди верующих района».

В записке Щербицкому КГБ отмечал, что затягивание решения вопроса об униатской церкви привело к расколу верующих по религиозно-национальному признаку. Мы не скрывали, что на протяжении многих лет процессы в нелегально действующей униатской церкви

контролировались и сдерживались посредством оперативных возможностей органов безопасности.

По нашим данным, к 1990 году униатская церковь в подполье насчитывала семь епископов, свыше 270 священников, которые расширили миссионерскую деятельность, воспитывали религиозный фанатизм, вели подготовку молодых священнослужителей в Польше. Через нее же осуществлялись назначения униатских священников в западных областях, поддерживались конспиративные каналы связи с Ватиканом. Кризисное положение СССР Ватикан рассматривал как одно из благоприятных условий для реализации своей «восточной политики».

Вспоминаю, что Щербицкий в беседе нормально отреагировал на записку КГБ, тем более что готовилась первая в истории встреча коммуниста Горбачева с главой Ватикана папой Иоанном II. Согласно его резолюции, идеологическому отделу (Ельченко и Кравчуку) было поручено дать заключение по предложению КГБ. Позже я узнал, что Щербицкому было доложено о нецелесообразности легализации униатской церкви, считавшейся «духовной матерью украинских буржуазных националистов», ввиду реакционной роли и предательства служителей церкви во главе с кардиналом Шептицким в годы Великой Отечественной войны.

Если бы в Киеве партийные власти подошли без идеологических амбиций к проблеме реабилитации греко-католической церкви, то в религиозную вражду не было бы втянуты сотни тысяч граждан, не было бы в последующие годы межконфессиональных столкновений. Дальнейшие события подтвердили жизненность предложения КГБ.

«Чекисты – это исчадие ада, – такое было создано мнение. Но вот сейчас мы не знаем, лучше ли стало без них или хуже», – так ставил вопрос протоиерей Дмитрий Дудко, в свое время гонимый властями и КГБ.

Надо сказать, что в годы горбачевской перестройки органы госбезопасности постепенно перестали вникать в религиозную сферу и среду; реагировали лишь на открытые конфликты, которые перерастали в антиобщественные процессы, грозили расколом общества. Из-за снижения контроля в религиозных процессах вакуум начал сразу же заполняться расширением иностранной миссионерской деятельности, появлением шарлатанов и многочисленных сект реакционной религиозной направленности.

За год до ГКЧП, 18 августа 1990 года, я вместе с руководителем пресс-службы КГБ СССР генералом А. Кандауровым, Е. Марчуком и В. Пристайко встретились с редакцией украинской газеты «Комсомольское знамя». Журналисты спрашивали:

– А что такое «украинский буржуазный национализм», с которым КГБ столько лет боролся?

Е. Марчук:

– КГБ в последнее время не борется с украинским буржуазным национализмом, поскольку это вопрос идеологический, политический и философский. Мы занимаемся вопросами, выходящими на 66-ю статью Уголовного кодекса УССР (нарушение Закона о национальном и расовом равноправии). Хотя эта статья в ведении прокуратуры, но упреждением КГБ занимается вместе с прокуратурой. Мы выходим на решение этих вопросов только тогда, когда создается реальная угроза межнациональных конфликтов. На сегодняшний день мы сталкиваемся с явлениями, которых у нас в республике, пожалуй, никто уже не упомнит. Я имею в виду появившиеся листовки, призывающие к расправе с людьми неукраинской национальности. Это пока единичные явления. Но за последний год таких листовок выявлено у нас около полутора десятков. Что касается буржуазного национализма, кто сегодня даст точную дефиницию, что это такое? Да еще в нынешнем тонком идеологическом контексте. Там, где идет противопоставление одной нации другой, да еще с угрозами насилия, – это предмет нашего интереса, а все остальное – дело философов, идеологов, политиков, пропагандистов…

Н. Голушко:

– Я бы хотел обратиться к вам вот с чем. Сейчас в некоторых областях разворачивается борьба за реабилитацию деятельности, которую вело оуновское подполье. Многие стали задаваться вопросами: была ли она национально-освободительной борьбой? Это очень серьезный вопрос в истории Украины. Я бы хотел призвать вас внимательно вникнуть в это явление. Подумать, чьи все-таки кости лежат с той и с другой стороны. Хотим мы того или нет, но надо признать, что это была вооруженная братоубийственная война. Обращаясь к этим темам, я опять-таки хочу призвать вас к взвешенности, соответствию реальным фактам, а не эмоциональным перехлестам. А факты таковы, надо признать, что было вооруженное сопротивление советской власти. Я захватил с собой справку о погибших советских людях в 1944–1945 годах. Тогда погибло более 30 тысяч. Вот некоторые данные. Было убито: секретарей обкомов комсомола – 1 (Ивано-Франковск), горкомов комсомола – 2 (Ивано-Франковская и Львовская области), секретарей райкомов комсомола – 44, секретарей первичек – 76, других комсомольских работников – 84, председателей сельсоветов – 1454, председателей колхозов – 314, учителей и врачей – 1931, детей, домохозяек, стариков – 850 и т. д. Это, конечно, не полный перечень, но мы представляем эти данные: смотрите, сколько было убито людей. И вместо того, чтобы творить мифы, обращайтесь к фактам и только к фактам. Сейчас это очень серьезный вопрос, и я убежден, что только правда поможет нам не допустить вражды и противостояния.

О том, как состоялся сговор главарей оуновцев с немецкими захватчиками, как готовились к совместной борьбе против советской власти, кто с кем воевал, свидетельствуют рассекреченные в 2008 году архивы ФСБ России, то есть сама история, которая не терпит идеологических фальсификаций. А внимательный читатель сможет сформировать собственное мнение о том, подлежат ли реабилитации оуновские приспешники.

Из сообщения начальника 4-го управления НКВД СССР Судоплатова заместителю начальника 3-го управления НКВД СССР Илюшину. 05 декабря 1942 года. № 7/с/97.

«Немецкие оккупанты широко использовали националистов для организации в оккупированных областях УССР так называемого «нового порядка». Стремясь создать видимость участия самих украинцев в управлении государственным аппаратом, немцы поставили во главе административных и муниципальных органов, организованных на оккупированных территориях, патентованных предателей украинского народа.

В мае 1942 года верховным комиссаром Украины Кохом декларативно было объявлено, что вся правобережная Украина является восточной областью Германии и впредь должна именоваться «Малой Германией». Чтобы успокоить украинских националистов, немцы поспешили разъяснить, что это мероприятие – временное, до окончания войны, и что после войны будет создано украинское государство под протекторатом Германии.

К этому периоду относится ряд имевших место эксцессов, явившихся результатом недовольства националистов политикой немцев на Украине. Так, например, в селе Соленом Днепропетровской области в мае с. г. украинскими националистами был вывешен на здании районной управы петлюровский желто-голубой флаг… За это немцы вскоре же повесили старосту, начальника полиции, его заместителей, председателя колхоза и уполномоченного колхоза. Трупы их висели для устрашения остальных в течение восьми дней.

Откровенное объявление немцами украинской земли «Малой Германией», расстрелы, виселицы и другие репрессии толкнули отдельные прослойки украинских националистов к мысли об организации борьбы с немцами.

Украинское население, даже не националистически настроенное, в лице УПА видело свою защиту от немцев, всемерно помогало УПА продовольствием, одеждой, транспортом и т. п. Очень важным обстоятельством является следующее: в сентябре 1943 года по заданию краевого провода ОУН шесть куреней УПА было сведено в одну группу с заданием окружить и уничтожить партизанский отряд т. Медведева, но для уничтожения немецких карательных

экспедиций, которые жгли села, убивали мирное население, УПА ни одной операции не организовывала. Для того чтобы не допустить антифашистских выступлений в широких массах населения, немцы через провод ОУН создали УПА, где сконцентрировали большое количество мужского населения, способного носить оружие, а через бандитские группы СБ усилили террор над оставшимся населением. Руководя через провод ОУН – УПА и СБ, немцы предотвратили нарастающую против себя опасность. Для того чтобы украинские националистические элементы не разобрались в жульнической политике немцев, последние разрешают краевому ОУН издавать литературу с призывом к борьбе с немцами, но стрелять немцев проводу и штабу ОУН они разрешения не дали».

Из докладной записки народного комиссара государственной безопасности УССР Савченко народному комиссару государственной безопасности СССР Меркулову. 1 марта 1944 года. № 341/С, г. Киев.

«Подробно история возникновения УПА на основании добытых из разных источников данных и документальных материалов представляется в таком виде: 30 июня 1941 года Степан Бандера явочным порядком созвал во Львове «Украинское национальное собрание», которое провозгласило создание украинского государства и опубликовало по этому поводу специальную декларацию. Во главе «Украинского национального правительства» Бандера поставил своего заместителя ОУН Ярослава Стецько. Одновременно Бандера приступил к формированию так называемой «Украинской национальной армии». Однако немцы предложили Бандере распустить сформированное «правительство» и аннулировать опубликованную декларацию. Бандера отказался выполнить это требование, после чего немцы арестовали Бандеру, Стецько и других активных участников ОУН и этим положили конец существованию «Украинского правительства».

Вследствие начавшихся со стороны немцев массовых репрессий в отношении бандеровцев последние перешли на нелегальное положение и повели активную работу по созданию подпольных оуновских организаций и боевых вооруженных групп – «боевок». В течение 1942 года бандеровцы провели большую работу по созданию широкой сети подпольных вооруженных боевых групп на территории Западной Украины.

В марте 1943 года на базе этих боевых групп бандеровским проводом ОУН началось формирование так называемой «Украинской повстанческой армии» (УПА), во главе которой вначале был поставлен некто Юрко (оуновская кличка), а в мае 1943 года – некий Клим Савур (Клячкивский) со званием главнокомандующего УПА. Формирование УПА бандеровцами проводилось под лозунгом необходимости борьбы с немецкими оккупантами и советскими партизанами. Истинные же причины формирования УПА кроются не столько в необходимости вооруженной борьбы с немецкими оккупантами, сколько в стремлении, играя на ненависти населения к оккупантам, усилить свое влияние среди украинского населения западных областей Украины и повести борьбу с развернувшимся зимой 1942–1943 годов партизанским движением на территории Волыни и Полесья и таким образом создать вооруженную опору для ОУН.

Основное ядро командного и рядового состава УПА составляют кадры оуновских нелегалов из числа буржуазной городской и сельской интеллигенции и идущей за ней молодежи… Командный состав от командиров сотен и выше назначается краевыми проводами ОУН из активных оуновцев, преимущественно галичан…

Известно, что бандеровцы в практике своей работы уделяли большое внимание насыщению местной украинской полиции своими националистическими кадрами, которые при формировании УПА, по указанию ОУН, бежали из полиции с имевшимся у них оружием и вступали в УПА.

Для пополнения рядов УПА в сентябре 1943 года Главным командованием УПА в захваченных ею районах Волыни и Полесья была проведена «мобилизация» мужского населения и увод в леса в банды УПА. Вследствие того, что в ряде мест значительная часть населения пыталась уклониться от «мобилизации», оуновцы применяли террористические меры к семьям и родственникам уклоняющихся.

Часть дезертирующих из УПА одиночками, группами и целыми подразделениями переходят с оружием к партизанам, часть уходит в леса и, оставаясь на освобожденной территории, продолжает скрываться в лесах, боясь репрессий со стороны органов советской власти.

Все издевательства над населением осуществляет СБ. СБ пользуется неограниченной властью: за малейшее неповиновение, советские высказывания, за какую-либо связь с партизанами и прошлую активную деятельность, за неявку на сход эти бандиты избивали, душили и даже вешали людей.

Бандеровцы беспощадно уничтожали польское население и военнопленных и выходцев из восточных областей Украины.

После оккупации немцами территории Западной Украины в каждом селе бандеровцы насыпали небольшие курганчики, наверху устанавливали крест и украшали цветами. Эти курганчики насыпаны в честь «освобождения Украины от Красной армии и в память погибших бандеровцев». Посвящение этих могил происходило при сопровождении отъявленной националистической агитации священников и оуновских пропагандистов. В последующем возле этих могил происходили сходки крестьян. Летом 1943 года сходки возле этих могил значительно участились. На каждом сходе священники, пропагандисты из числа оуновцев выступали с националистическими речами и предупреждали население, что в случае прихода Красной армии если кто выдаст бандеровца или же будет оказывать содействие советской власти, то группой СБ будет уничтожен.

Группы СБ в количестве четырех – восьми человек имеются в каждом селе, участники этих групп хорошо вооружены».

Из сообщения УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта заместителю народного комиссара обороны СССР Маршалу Советского Союза Жукову. 30 июня 1944 года.

«Из числа захваченных во время операции трофейных документов обращает на себя [внимание] приказ ОУН на 1944 год, в котором дается основное направление в проведении ряда мероприятий в связи с вступлением Красной армии на территорию западных областей Украины организационного, разведывательного, террористического и пропагандистского характера… Этой деятельности уделяется в приказе основное внимание и с этого начинается самый приказ:

«П. 1. В районах организовать разведывательную работу. В городах и местечках выделить по две-три женщины для разведывательно-организационной работы…

П. 4. Подготовить определенное число людей в большевистские учреждения, лучше всего девушек из числа бывших комсомолок, которые симпатизируют нашему движению, но еще не расконспирированы…»

Наряду с разведывательной работой, приказом предусматривается создание в населенных пунктах террористических групп для убийства руководящих партийно-советских работников, с привлечением в эти группы девушек.

В п. 7 приказа говорится: «Создать террористические группы отважных, красивых девушек с задачей ликвидации ответственных людей по должности, в том числе НКВД, забрасывать в определенные квартиры гранаты».

Из специального сообщения от 23 февраля 1945 года, г. Львов.

«В материалах полиции безопасности и СД в Галиции, обнаруженных нами после изгнания немцев как оккупантов, в бывшем здании СД гор. Львова найден ряд совершенно секретных документов полиции безопасности и СД об их переговорах и совместной деятельности с ОУН – УПА на территории западных областей Украины в борьбе против Красной армии и советской власти.

Анализ изъятых документов свидетельствует, что бандеровский Центральный провод ОУН с начала 1944 года в связи с возросшими темпами наступления частей Красной армии и освобождением территории Украины от немецких захватчиков неоднократно обращался к различным германским инстанциям с предложением максимально использовать кадры ОУН и УПА в борьбе против Красной армии, партизанских формирований и органов советской власти в нашем тылу.

Отдавая себя всецело в распоряжение немцев и заверяя их, что провод ОУН подчинит все свои организации и банды УПА только выполнению заданий германского командования, представители провода ОУН добивались ведения переговоров и заключения соглашения с немцами для борьбы «против большевизма» как равные партнеры.

От имени Центрального провода ОУН Герасимовский заверял немцев, что ОУН и УПА будут помогать германскому командованию в обеспечении подвоза к линии фронта немецких войск и техники, содействовать немецкой стройке на востоке и проведению мобилизации украинцев в германскую армию, представлять агентурно-разведывательные данные о Красной армии, коммунистах и партизанах, действующих в тылу у немцев, и организовывать бандитско-диверсионную и террористическую работу в советском тылу. Герасимовский сам не раз предлагал немцам передать попавших в руки УПА советских разведчиков, парашютистов и партизан. (Под кличкой «Герасимовский» скрывался бывший член Центрального провода ОУН, капитан абвера, капеллан батальона «Нахтигаль», униат Гриньох – *прим.* авт.)

За свою бандитско-террористическую и шпионскую работу, которой будет подчинена вся деятельность ОУН и УПА, Центральный провод просил немцев только снабжать его оружием и боеприпасами, причем во избежание расшифровки перед народными массами прямой службы ОУН немцам снабжение это должно было осуществляться конспиративным путем. В этой связи следует подчеркнуть, что провод ОУН настаивал, чтобы его переговоры с немцами носили сугубо секретный характер, чтобы о них совершенно не знали не только в народе, но даже среди рядовых членов ОУН – УПА, дабы не дать повода большевикам, как указывал Герасимовский, считать ОУН – УПА прямой германской агентурой, состоящей на службе полиции безопасности и СД. Документально устанавливается, что ряд руководителей германских армейских разведывательных групп на специально созванном во Львове 19 апреля 1944 года совещании признали, что основной базой немецкой разведки, откуда она черпает кадры шпионов, диверсантов и террористов, является ОУН и УПА.

Из заявления Герасимовского на встрече с представителем полиции безопасности Паппе. 05 марта 1944 года: «Большая часть украинского народа из-за отступления немцев снова попала под большевистское насилие. Среди попавших под большевистское господство украинцев, конечно, находится и организация ОУН с ее нелегальной работой. Если поэтому на сегодня немецкая и украинская стороны пришли бы к политическим переговорам, в течение которых бандеровская группа получила бы от немцев какую-нибудь уступку и этим была бы политически признана, то Сталин получил бы то преимущество, что он всех украинцев и членов ОУН, попавших под его насилие, мог бы назвать немецкими союзниками или их агентами и поэтому имел бы право всех их уничтожить. Исходя из этого, наша организация требует никаких политических переговоров не вести и, больше того, желает, чтобы все переговоры и встречи и последующее после этого сотрудничество проводилось строго конспиративно».

…В результате прений договаривающиеся стороны пришли, как это видно из захваченных документов, к следующему соглашению, которое должно быть утверждено командиром полиции безопасности и СД Галиции и бандеровским Центральным проводом ОУН.

«1. Требования ОУН-бандеровской группы к немецкой договаривающейся стороне.

а) В будущем немецкие охранные власти больше не будут арестовывать украинцев за их нелегальную деятельность, если эта деятельность не будет выражаться в терроре, саботаже и покушении и если ОУН-бандеровская группа будет придерживаться своего обещания активно действовать исключительно против большевизма.

б) Немецкие охранно-полицейские власти обязуются освободить всех политических украинских пленных и арестованных, чтобы физически сохранить их для решительной борьбы против большевизма.

в) Немецкая договаривающаяся сторона гарантирует, что она окажет свое влияние на официальные украинские инстанции, а также Центральный украинский комитет и Украинский комитет взаимопомощи, чтобы в будущем они в своей пропаганде больше не называли ОУН-бандеровскую группу зараженной большевизмом или большевистской агентурой, так как этот неверный и несправедливый упрек затрагивает честь бандеровской группы и является очень постыдным потому, что большевизм для ОУН-бандеровской группы и всего украинского народа является врагом номер один.

г) ОУН-бандеровская группа получает свободу действий в своей организационной деятельности. Подготовительная и военно-организационная работа распространяется исключительно на будущую работу против большевизма или на боевые задания, поставленные и указанные организацией со стороны немцев.

д) Немецкая договаривающаяся сторона дает гарантию, что украинский народ и ОУН-бандеровская группа будут защищены от террора польских организаций и польских провокаций.

2. За соблюдение этих условий бандеровская группа обещает со своей стороны немецкой стороне следующее.

а) Бандеровская группа соблюдает полную и безоговорочную лояльность ко всем немецким интересам, как подвоз, немецкое строительство на востоке и необходимые требования в тыловых военных районах.

б) ОУН-бандеровская группа предоставляет в распоряжение немецкой договаривающейся стороне собранный своей разведкой агентурный материал против поляков, коммунистов и большевизма и предоставляет немецкой договаривающейся стороне возможность использовать этот материал и проводить карательные операции соответствующим немецким интересам способом».

23 марта 1944 года в городе Львове состоялась вторая встреча СС гауптштурмфюрера и криминального комиссара Паппе как представителя полиции безопасности и СД с Герасимовским, представителем Центрального провода ОУН. На этой встрече Герасимовский заявил, что в Центральном проводе ОУН «существует полная ясность относительно обсужденных вопросов и что все пункты признаны и приняты со стороны ОУН». Так, из документов видно: «Чтобы эту борьбу против общего врага можно было вести интенсивно, ОУН желает, чтобы немцы доставляли ей конспиративным путем боеприпасы, оружие, взрывчатые вещества. Доставка оружия и диверсионных средств со стороны немцев через линию фронта частям УПА должна производиться по всем правилам конспирации для того, чтобы большевистскому режиму не дать в руки козырь, что оставшиеся за линией фронта украинцы являются немецкими союзниками и их агентами, и реагировать против украинцев соответствующими акциями по уничтожению их.

19 апреля 1944 года в городе Львове состоялось информационное совещание руководителей абверкоманд 101,202 и 305 армейской группы «Юг» по обмену опытом разведыватель-

ной работы и использованию в этих целях членов УПА. Из выступлений на этом совещании руководителей абверкоманд следует сделать вывод, что основной базой немецкой разведки на территории Галиции являлись члены ОУН – УПА. На совещании было единодушно констатировано, что немецкая агентура, забрасываемая в тыл Красной армии из числа членов ОУН – УПА, успешно выполняла даваемые ей немцами задания, предоставляя весьма ценные разведывательные данные.

Абверкоманда 101. Представленный в ее распоряжение со стороны военного сектора УПА материал исключительно обширен и в большей своей части годен для использования армией в военном отношении. Кроме того, в некоторых случаях соединения украинских банд УПА вместе с немецкой армией сражались против Красной армии и большевистских партизан. Хотя соединения УПА имели большие потери, но на некоторых участках в критический момент они оказали немецкой армии услуги, которых нельзя недооценивать.

Абверкоманда 202. Подполковник Зелигер подобного мнения. Его задача – организация проведения подрывной работы за линией фронта – может быть выполнена только при помощи УПА. В районах, занятых русскими, УПА является единственным противником. Поэтому ее укрепление путем снабжения УПА оружием и обучение соответствующего количества людей лежит в интересах армии.

Он уже продолжительное время имеет связь через посредника с Шухевичем и уже получил несколько человек для обучения.

Перед бегством из города Львова немцы предприняли ряд мер по насаждению и оставлению на оседание своей агентурноосведомительной сети на территории Галиции. Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении документы полиции безопасности и СД, установили контакт с ОУН и УПА в части использования их участников в советском тылу для шпионской и диверсионной работы».

Архивы Службы безопасности Украины подтверждают основные задачи ОУН – УПА, поставленные перед местными структурами: основная цель – в ликвидации врага (Москвы); разведывать положение вражеских сил: военные гарнизоны, команды НКВД, сеть сексотов, принадлежащие Москве здания и т. д. Фашисты выполнили свои обязательства: подразделение немецкого майора Гельвиха заложило в Галиции около сорока конспиративных баз с военным снаряжением, оружием и боеприпасами для украинских «повстанцев».

Глава тринадцатая
Гласность: КГБ «открывается» в годы горбачевской перестройки

В год моего перевода на Украину выходит специальное постановление ЦК КПСС о расширении гласности в деятельности органов государственной безопасности. Насколько я был осведомлен, его выпуск был инициирован Чебриковым.

Принципу гласности придавал большое значение Горбачев. Генсек КПСС неоднократно вспоминал актуальную и ныне мысль Ленина о том, что все революционные партии погибали от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся их преодолевать. Михаил Сергеевич отмечал, что белых пятен в истории страны, забытых имен в культуре быть не может. Иначе это не история, не литература, а «искусственные конъюнктурные конструкции».

Принцип гласности для органов госбезопасности – это отнюдь не горбачевское перестроечное откровение. Еще при ВЧК – ВУЧК, при Дзержинском и Балицком, именно гласность последовательно утверждалась как средство связи чекистов с народными массами, помогала предотвращать многие контрреволюционные происки. В те годы, например, отчеты о работе Всеукраинской ЧК публиковались в открытой печати.

Гласность в годы перестройки становилась политическим принципом деятельности КГБ, гарантией неукоснительного соблюдения его сотрудниками социалистической законности, нравственных норм при решении вопросов, затрагивающих интересы советских граждан.

Чекисты Украины в те годы разбирали завалы прошлых лет, приоткрыли завесу таинственности и предоставили большие возможности творческой интеллигенции для ознакомления с архивными материалами. Выступления в прессе руководителей Комитета и УКГБ областей, их интервью, встречи сотрудников с трудовыми коллективами, интеллигенцией и молодежью позволили довести до общественности многие проблемы истории и нынешнего времени.

Лично для меня не было вопросов, связанных с необходимостью утверждения принципа гласности в работе КГБ. Если операции не носили сугубо секретный характер, не расшифровывали методы и тонкости работы спецслужбы, они могут быть доступны общественности. В интервью общесоюзным и украинским изданиям я старался рассказать о современном облике, специфике деятельности Комитета государственной безопасности в те перестроечные годы. Это очень интересовало общество, а отсутствие открытости превращало КГБ в монстра.

Хотелось бы познакомить читателя с некоторыми моими мыслями о деятельности государственной организации, которой я отдал лучшие годы своей жизни.

«Одним из основных принципов, которые активно внедряются в органах госбезопасности, это принцип гласности… Скажу больше, для нас гласность – это не только связь с народом, а своеобразная точка опоры, понимания народом сути нашей работы. Без нее не может быть взаимопонимания, взаимосвязи, доверия. Гласность – своеобразный контроль за деятельностью нашего ведомства!» (газета «Лггературна Україна». 1990 год).

«Мы заинтересованы в том, чтобы советские люди имели правдивую информацию о том, что представляет собой современный работник органов госбезопасности, какие требования к нему предъявляются, кого мы принимаем к себе на работу. Расширение связей с народом, широкая открытость органов госбезопасности – это для нас порука мощности наших рядов, моральной чистоты чекистских кадров, которые бдительно стоят на защите интересов Отечества» (газета «РадянськаУкраїна». 1988 год).

«…В общем, о настроении сотрудников скажу так: во-первых, мы осуждаем репрессии и надеемся не допускать подобных явлений в будущем; во-вторых, мы стараемся в сжатые сроки пересмотреть материалы для полной юридической, партийной, гражданской реабилитации невиновных. И необходимо сказать, что каждый случай необоснованных нападок на органы КГБ отражался на настроении честных, самоотверженно работающих сотрудников» (журнал «Новое время». 1989 год).

«Ушли в прошлое времена, когда воля одной личности влияла на политический курс в работе органов госбезопасности.

Только Закон, его величество Закон может регламентировать компетенцию такой специфической службы, как КГБ.

…Как народный депутат СССР я вносил предложения в отношении разработки законодательных актов, которые регламентируют работу органов безопасности. Органы КГБ не могут ограничивать выполнение гражданами своих прав и свобод» («Голос Украины». 1991 год).

«Мы ставим перед собой цель и в дальнейшем обращать внимание, прежде всего, на разоблачение коррумпированных элементов, сращивание преступного мира с управленческим аппаратом, а также улучшение деятельности по расследованию преступлений, отнесенных законом к компетенции органов госбезопасности. Главные задачи видим в том, чтобы проникнуть в айсберг коррупции» (газета «Правда Украины». 1990 год).

«Сегодня на чекистов возложена борьба с организованной преступностью, коррупцией, рэкетом, я бы сказал, обеспечение экономической безопасности страны» (газета «Правда». 1989 год).

«Я убежден, что только правда поможет нам не допустить вражды и противостояния» (газета «Комсомольское знамя». 1990 год).

«Выступаю за гласный, доступный и понятный всем закон об органах государственной безопасности (во многих странах изданы акты о правовом статусе спецслужб). Целесообразна регламентация относительно условий сохранения государственных секретов, введения секретности. Мы за верховенство закона в любой сфере общественной и государственной жизни страны» (журнал «Новое время». 1989 год).

«Заверяю вас, и штат, и бюджет нашей организации невелик, мы не транжиры. А если взять вопросы рентабельности, то они складываются с учетом того, что ежегодно, благодаря оперативной работе КГБ, государству возвращаются внушительные материальные ценности. Иногда ценности и предметы, конфискованные как контрабанда, просто не имеют цены…

ЦРУ запросило в Конгрессе Соединенных Штатов неслыханный бюджет на свои расходы в наступающем году – 30 млрд долларов. Наши траты, открою секрет, наверняка не превышают тысячной доли этой суммы» (газета «Кто виноват». 1990 год).

«Продолжается процесс очищения от всего того, что нагромождалось и за далекие десятилетия, и в недавнее время. Внесены изменения в статьи Кодекса, которые широко и произвольно трактовали антисоветскую агитацию и пропаганду, в КГБ ликвидировано 5-е управление, которое боролось с идеологическими диверсиями и с теми, кто возводил клевету на «советский государственный и общественный строй». Делается многое. Широко ведется реабилитация невинно осужденных. Сотням тысяч репрессированных уже возвращено доброе имя. Осуществляется поиск мест массовых захоронений. Снимаются обвинения с лиц, осужденных в брежневские времена по политическим мотивам» (газета «Литературная Украина». 1990 год).

«Только общими усилиями, смывая белые и черные пятна с окон нашего дома, мы принесем в него добро и свет» (журнал «Украина». 1990 год).

«Мне близка глубина анализа Н. М. Голушко процессов, которые происходят в нашем обществе, да еще и такая деликатная сдержанность в оценках действий супротивников. Запом-

нилась его мысль: «Демократия заканчивается тогда, когда начинают сажать поэтов» (журнал «Трибуна». № 6. 1991 год).

В системе КГБ республики был создан Центр общественных связей, куда вошли талантливые чекисты: Попик, И. Божко, А. Сахно и другие. Они многое сделали, чтобы изменить отношение общественности к КГБ республики в лучшую сторону. Только за 1990 год под их руководством было подготовлено 3786 статей и интервью с сотрудниками КГБ Украины, что способствовало раскрытию содержания работы, проводимой сотрудниками Комитета. А в итоге – возможность понять, насколько ответственен и необходим для граждан страны труд чекистов.

Оказана помощь киностудии Укркинохроника, Гостелерадио УССР, областным телестудиям в создании кинофильмов «Я шел на верную смерть…», «Революцией призваны», «Вам поручается…», телеспектакля «Судьба чекиста» и многих других актуальных кинолент. С интересом встречены читателями изданные в тесном содружестве с писателями сборники очерков, статей и воспоминаний чекистов «Безопасность Родины храня», «А главное – верность», «Дорогами чекистской судьбы», «Со щитом и мечом», «Разглашению не подлежало», «Рассекретить – опубликовать…» и другие, в которых рассказывается о борьбе органов госбезопасности с врагами Советского государства.

На основе архивных оперативных материалов созданы кино и телепередачи о чекистах Строкаче, Данилове, Радуле, разведчицах Бобыревой, Рыбаковой, Стругалевич. Было открыто имя легендарного «майора Вихря» – С. Березняка, Героя Украины.

Органы безопасности в годы гласности остерегались попадать под огонь журналистской критики, иначе годами «не отмоешься». В центральной печати долго склонялось нарушение законности в УКГБ по Одесской области при разоблачении ответственного работника милиции. В «Литературной газете» появилась статья известного публициста Ю. Щекочихина о допущенных в прошлом нарушениях законности в УКГБ по Ивано-Франковской области, когда в ходе обыска у одного из разрабатываемых националистов сотрудники подбросили ему в тайник боевую гранату. Когда я спросил начальника управления генерала Левенко, откуда журналисту стали известны такие подробности дела, которые не положено разглашать, он ответил, что журналист был нами ознакомлен со всеми имевшимися оперативными материалами. Перед ним полностью раскрылись, ибо он сказал, что дружен с председателем КГБ Украины на депутатском поприще. Однако с Ю. Щекочихиным я не был знаком. Даже в нашей системе творческая инициатива и поиск новых форм реализации принципа гласности зачастую превращались в «гласность без границ». К сожалению, в общественной жизни некоторые журналисты взялись беззастенчиво выполнять социальные заказы. Критика ошибок прошлого стала подаваться под новым соусом гласности – обновления социализма – и безудержно превращалась в разнузданную травлю социалистических устоев, полное разрушение со временем нашей огромной страны.

Глава четырнадцатая
Горбачев посещает Украину

В последние годы советской власти Горбачев несколько раз посещал Украинскую ССР с деловыми целями и в периоды проведения отдыха в Крыму. В составе встречающих должностных лиц мне довелось видеть Генерального секретаря ЦК КПСС, наблюдать, как окружение следит за каждым его словом, репликой или замечанием. Я сам удивлялся Президенту СССР, мысленно соглашался, иногда недоумевал и возражал ему.

В сентябре 1987 года руководители Украины (Щербицкий, Шевченко, Масол) принимали Горбачева на отдых в Крыму. Члены Политбюро ЦК давно облюбовали курортные места в Крыму с их благодатным, солнечным, мягким и сухим климатом. На побережье теплого и нежного Черного моря для них предназначалось несколько десятков государственных дач. Это доступное только высшему руководству страны курортное богатство тщательно охранялось, обеспечивалось всем необходимым сотрудниками КГБ непосредственно московского подчинения. Штаты сотрудников московской «крымской девятки», включая садовников и поваров, на несколько порядков превышали численность оперативных работников Крымского областного управления КГБ.

Мое пребывание на Украине длилось уже три месяца. Я практически успел освоиться в оперативной обстановке, местных особенностях восточных и западных областей. Всё окружающее меня – прекрасная украинская земля, трудолюбивые и приветливые люди, насыщенная политическая и экономическая жизнь республики – было новым и исключительно интересным явлением моей служебной деятельности.

При посещении республики Генеральным секретарем ЦК КПСС ответственность за обеспечение его охраны и безопасности возлагалась на органы КГБ Украины, персонально на председателя, что предусматривало мое непосредственное участие в его встречах, сопровождении при поездках по территории республики. Необходимые инструктажи многочисленных оперативных нарядов, задействованных в обеспечении безопасности Горбачева, мною проводились впервые и, естественно, с особой тщательностью. Богатый опыт в организации охранных мероприятий передавал мне начальник Крымского УКГБ области Видоменко, который занимался проблемами обеспечения безопасности руководителей страны практически круглый год. В этом состояла основная специфика оперативной деятельности сотрудников КГБ области.

В системе КГБ СССР вся полнота оперативных, охранных мероприятий, обеспечивающих безопасность высших государственных чинов, возлагалась на 9-е управление центрального аппарата и представляла собой самостоятельный и крайне ответственный вид оперативной деятельности спецслужб, требующий особого профессионализма, специальных знаний и навыков, высокой физической подготовки и исключительных психологических качеств сотрудников личной охраны. Руководители чекистских охранных подразделений всегда пользовались доверием и были хорошо информированы о служебной и частной жизни охраняемых лиц, преданы своим шефам. Рядовые работники комплектовались из самых проверенных и достойных сотрудников, которые становились, по существу, настолько близки к охраняемым персонам, словно были членами их семей.

Интересно для меня следующее обстоятельство: 9-е управление КГБ СССР в разное время возглавляли два выходца из близкого мне Кемеровского управления КГБ. Генерал-полковник Николай Степанович Захаров в 1953–1961 годах был в числе руководителей 9-го управления КГБ СССР, а в 1961–1970 годах являлся заместителем и первым заместителем председателя КГБ при Совете министров СССР (у В. Семичастного). В брежневские времена 9-е управление КГБ СССР возглавлял Юрий Васильевич Сторожев; с ним мы вместе в 1963

году начинали службу в органах госбезопасности в Кузбассе: я – опером, он, инженер-геолог, без всякой правовой и чекистской подготовки, из партийных органов сразу же был назначен заместителем начальника Кемеровского областного управления КГБ. Мы были знакомы тогда, когда он был в Кузбассе первым секретарем Крапивинского райкома партии, а я, старший следователь Кемеровской облпрокуратуры, расследовал дело по редко применяемой статье Уголовного кодекса – подрыв финансовой системы государства. Председатели колхозов этого района почти год не обращались в Государственный банк за деньгами, так как из-за бедности и отсутствия доходов организовали собственное денежное обращение, «напечатали» местные денежные знаки на бумаге в клеточку из школьных тетрадей с гербовыми печатями и подписью председателя колхоза.

Надо же так случиться в дальнейшей жизни, что мы оба стали членами коллегии КГБ СССР, на ее заседаниях сидели рядом за рабочим столом.

Перед моим отъездом в Киев Сторожев дал мне несколько практических советов по вопросам проведения охранных мероприятий в отношении руководителей страны. Они носили не только служебный характер, было несколько рекомендаций, как держать себя и вести в общении с сильными мира сего. Сам он был в этих делах искушенным чекистом. Его освободили от должности начальника «девятки» после случившегося происшествия, когда не уберегли Брежнева, получившего травму при посещении одного из заводов Ташкента.

Когда Горбачев приезжал на Украину, его постоянно сопровождал генерал-лейтенант Юрий Сергеевич Плеханов, начальник 9-го управления КГБ СССР. Сторожев и Плеханов относились к категории направленных в КГБ партийных кадров, которые, благодаря высоким деловым и личным качествам, стали профессиональными сотрудниками органов безопасности, со временем не уступали тем, кто начинал в системе безопасности с низовой работы, от земли и сохи.

В аэропорту Симферополя Горбачева в тот сентябрьский день приветствовали, кроме украинских руководителей, несколько членов Политбюро ЦК КПСС: Громыко, Лукьянов, Яковлев, которые пребывали в эти дни на отдыхе в Крыму. Я впервые видел этих известных в стране людей в обычной жизненной обстановке, наблюдал «придворные» нравы и в непривычных условиях несколько стеснялся и потому волновался.

Прилет «литерного» правительственного лайнера задерживался. С Лукьяновым долгое время мы разговаривали в сторонке, что могло быть замечено присутствующими. Я обратил внимание на это и сказал, что неизвестно как отреагируют на нашу уединенную беседу мои украинские начальники. «Пусть видят и знают», – бросил он. Наконец, состоялась теплая встреча Горбачева: молодой, жизнерадостный, приветливый, но несколько суетливый, он больше общался с Щербицким, Шевченко, Масолом. Руководителями Крымской области (первым секретарем Гиренко и председателем облисполкома Курашиком) был дан небольшой обед, в ходе которого непривычно наливали только минеральную воду. Приветственные слова сказал председатель президиума Верховного совета СССР А. Громыко. Традиционно прославляя главу Коммунистической партии, он заметил, что в Крыму много прекрасных вин. «Разрешите мне, главе государства, вместо минералки поднять бокал вина за здоровье нашего Генерального секретаря!» – «Нет, Андрей Андреевич, мы объявили борьбу с алкоголизмом, никому ни капли. Нам всем необходимо подавать пример». Горбачев продолжил говорить о том, что страну губит алкоголизм, что объявленная партией борьба с этим злом уже приносит положительные результаты: увеличивается продолжительность жизни населения, сокращаются сердечные заболевания, уменьшается производственный травматизм.

Я восхищался им: наконец-то появился руководитель страны, думающий о сохранении нации, искоренении пагубных наклонностей в обществе и заботившийся о здоровье простых граждан.

По выражению лица Громыко можно было увидеть, что ему уже расхотелось прекрасного крымского вина. Случился настоящий конфуз, воспринимавшийся среди сидящих за обеденным столом почти как унижение главы государства.

И никто из присутствующих не осмелился возразить Горбачеву и сказать об обратной стороне ведущейся шумной кампании. Несмотря на несомненную поддержку населением провозглашенной борьбы с алкоголизмом, в стране начали появляться высказывания против непродуманных методов ее ведения, об ошибках и перегибах на местах. В ответ поднималась волна самогоноварения, уничтожались виноградники, появились губительные явления наркомании, токсикомании.

Щербицкий неоднократно подчеркивал, что антиалкогольная политика в таком виде, как она проводится, приносит больше вреда, чем пользы. На Украине к виноградникам относились бережнее, чем в некоторых союзных республиках, хотя с пьянством велась настойчивая кампания, не похожая на кавалерийский наскок.

Горбачев продолжал развивать мысли о том, что получил от авторитетных ученых материалы о вреде курения. «Вторым этапом мы поведем настойчивую борьбу и с этим злом». Теперь на лице Щербицкого появилась унылая гримаса. Он был заядлым и неисправимым до конца дней курильщиком.

При следовании правительственных машин из Симферополя на государственную дачу в Ялту случилось неожиданное происшествие. Горбачев был демократичен, запрещал охране освобождать трассу следования от проходивших по ней автомашин, особенно не останавливать автобусы и другой общественный транспорт. На беду вмешалась, как всегда, непредусмотренная случайность в виде колхозной хлебовозки, стоявшей на самой середине дороги без движения. Правительственной кавалькаде пришлось снизить скорость, объезжать стороной эту автомашину. Охраняемое лицо, возможно, этого не заметило, но Плеханов доложил в Москву Чебрикову об этом инциденте. Он преподносил случившееся как серьезное упущение при организации украинскими властями мероприятий по обеспечению безопасного проезда генсека. Чебриков тут же по ВЧ-связи потребовал от меня проведения немедленного расследования. В результате выяснилось, что молодой водитель испугался ревущих сигналов милицейских машин, растерялся, и мотор его видавшего виды «лимузина» заглох. Со своей стороны я считал, что на трассе произошла рядовая обыденная ситуация, тем более не повлекшая каких-либо последствий. Но реакция Чебрикова оказалась необычно суровой: «Еще одна такая промашка – не будешь на Украине». В последующем сложностей при обеспечении безопасности Горбачева по различным причинам, объективным и иного характера, возникало немало, да и были они поопасней, поскольку многие события предусмотреть и предугадать было крайне сложно.

Оказывается, что в историческом прошлом подобные случаи происходили на трассах следования. Например, по этой же дороге из Симферополя до Ялты ехал Сталин, когда в его машину с полного хода врезалась старая полуторка. Причиной случившегося была дождливая погода. Бронированная автомашина Сталина выдержала столкновение, а полуторка развалилась вдребезги. За рулем была женщина-водитель лет сорока пяти. Сталин успокоил ее, приказал министру безопасности не трогать ее, не привлекать к ответственности.

После отдыха семьи Горбачева проводы в Москву прошли без происшествий. Правда, если не считать, что на скромном прощальном обеде московским гостям разливали минеральную воду, а местным – другой напиток из бутылок с такими же этикетками.

В феврале 1989 года Горбачев объявил о своем намерении полную неделю «поработать на Украине», где, кроме Киева, планировалось посетить крупные областные центры – Донецк и Львов. В Киеве прямо из аэропорта Горбачев вместе с Щербицким направился на Чернобыльскую АЭС, в закрытую тридцатикилометровую радиационную зону. Они ознакомились с ходом восстановительных работ на АЭС, провели в Славутиче совещание со специалистами

по вопросам ликвидации последствий ядерной катастрофы. Поездка в Чернобыль сохранилась в памяти тем, что рядом с Горбачевым везде, даже при осмотре саркофага (укрытия над разрушенным реактором, где уровень радиации оставался высоким), находилась Раиса Максимовна. Через несколько лет, когда весь мир узнал о тяжелом заболевании Раисы Максимовны, мне подумалось, зачем этой мужественной женщине, первой леди страны, надо было посещать загрязненную радиационную зону, рисковать собой и лезть в самое пекло ядерного взрыва?

Во время возвращения в Киев колонна правительственных автомобилей остановилась в степи в Черниговской области. Я следовал в одной машине с Плехановым, когда к нам обратился начальник личной охраны Горбачева генерал Медведев и сказал, что Раиса Максимовна просит заехать в одну деревню в десяти-пятнадцати километрах от основной дороги – там проживают ее родственники. Маршруты следования заранее тщательно прорабатывались и изучались, этому придавалось большое значение, но в данном случае изменение маршрута движения не предусматривалось. Из сопровождающих никто толком не знал, где находится этот населенный пункт. Сложившуюся ситуацию разрядил первый секретарь Черниговского обкома партии Леонид Палажченко: «Ради Бога, не надо сворачивать на проселочную дорогу. Там такая непролазная грязь, что правительственные машины тракторами потом не вытащить».

В Киеве Горбачев вместе с Щербицким, Шевченко и Масолом посетили один из ведущих институтов Академии наук, где ознакомились с выставкой закрытых передовых технологий и новейшими научными разработками украинских ученых. Президент украинской Академии наук Борис Евгеньевич Патон и его коллеги продемонстрировали выдающееся достижение конструкторов и рабочих оборонных предприятий республики – макет боевого ракетно-ядерного комплекса на железнодорожной основе. На тот период это был достойный ответ советского государства на проведенное американцами развертывание своих стратегических ядерных сил. Основные составляющие комплекса – ракетное, электронное, топливное обеспечение – производились на украинских оборонных заводах. Многие пояснения по оборонной проблематике давал Щербицкий, который прекрасно знал директорский корпус, ведущих конструкторов, трудовые коллективы оборонной промышленности республики. Забота о ее состоянии и развитии как составной части экономики республики занимала важную часть повседневной деятельности Щербицкого и секретаря ЦК КПУ Василия Крючкова, ведавшего военными и оборонными вопросами. Большинство продемонстрированных Горбачеву достижений составляли достояние и гордость украинского народа, народов бывшего Союза. Следует особо подчеркнуть, что в те годы вся страна направляла значительные материальные и интеллектуальные ресурсы на укрепление обороноспособности, достижение мирного сосуществования и паритета в вооружениях с ведущими капиталистическими странами.

О многих передовых технических достижениях в республике мне было известно по служебной линии: в годы ядерного противостояния зарубежные спецслужбы активно стремились добывать секретные сведения о республиканском обороннопромышленном потенциале, ракето- и танкостроении, сооружении тяжелых морских крейсеров с палубной авиацией.

На следующий день по программе пребывания Горбачева вылетели в Донецк. Перед самой посадкой самолета испортилась погода, над городом образовалась сплошная снежная облачность. Поступила команда изменить курс и приземлиться во Львове. Этот город планировалось посетить на следующий день, и, естественно, местные власти не были готовы к встрече высокой правительственной делегации. Неожиданность посещения Львова оказалась колоссальным испытанием для чекистов при обеспечении безопасности первых лиц государства. Охранные мероприятия областного КГБ и милиции не успевали развернуться. С борта самолета мне удалось переговорить с начальником управления КГБ по Львовской области Станиславом Маликом и дать команду о мобилизации всех имеющихся сил.

Полет до Львова оказался недолгим, и вскоре в центре города нас встретила огромная возбужденная толпа. Движение автомобилей было заблокировано, Горбачеву и Щербицкому

ничего другого не оставалось, как выйти из них для общения с горожанами. О надежности обеспечения личной безопасности в такой неконтролируемой ситуации трудно что-либо сказать, случиться могло самое непредвиденное. К примеру, серьезные опасения вызывало состояние балконов старинных зданий, которые могли не выдержать, так как были усеяны, словно гирляндами, жителями города, жаждущими увидеть высоких гостей. Горбачев впервые посещал этот город, да и Щербицкий в последние годы сюда не приезжал. Интерес и любопытство горожан были огромными.

Внешне казалось, что население устроило исключительно теплый прием Горбачеву и Щербицкому. Но с позиции органов безопасности была опасность непредсказуемых действий: мы хорошо знали западную часть республики с наличием значительного числа недовольных и обиженных советской властью. Обстановка оказалась чрезмерно эмоциональной, слабо контролируемой, в толпе среди встречающих неоднократно раздавались националистические выкрики. С. Малик с группой сотрудников сумел организовать вокруг Горбачева оцепление, когда тот решил прогуляться по старинным бульварам и узким улочкам центра города.

Непосредственный организатор охранных мероприятий начальник отдела Львовского КГБ Нездоля вспоминает, что внезапный прилет Горбачева застиг врасплох львовскую власть. Не были вовремя выставлены милицейские посты, свежеуло-женный асфальт был еще теплым. По устоявшейся советской традиции высоких гостей встречали представители партийных органов, а также «ликующий народ», в роли которого в срочном порядке выступили сотрудники близлежащего проектного института. В толпе оказались представители Руха во главе с Черновилом, которые начали громко скандировать: «Долой Щербицкого!» Крики услышал первый секретарь Компартии Украины и, обращаясь к руховцам, сказал: «Давайте не будем шуметь, примем гостя, как положено, а я и сам скоро уйду». Горбачев не пытался остановить выкрики, не пресекал их, наоборот, повернувшись к Черновилу, привычно говорил о перестройке: «Вы снизу подожмите, а я – сверху. И вместе наведем порядок».

«Я подумал, может, генсек не понял, кто перед ним, может, он не знаком со спецификой Львовского региона? Мне непонятно, дает ли он себе отчет, в какой среде находился и кому адресовал свои призывы?» – писал в своей книге Нездоля, который находился недалеко от Горбачева и хорошо видел, как он и его свита воспринимала окружающее.

Запланированное совещание с руководством области, где намечалось обсудить социальные проблемы жизни населения города и области, оказалось скомканным. Была проведена лишь встреча Горбачева с представителями творческой и научной интеллигенции, которой славился Львов. Наверное, и украинское руководство, и КГБ виноваты в таком восприятии Горбачевым истинного положения дел. На беседу генсека со львовской интеллигенцией были приглашены, что называется, «националисты умеренные, а интернационалисты талантливые».

Один из самых сложных дней в выполнении задач органов КГБ по обеспечению безопасности высших охраняемых лиц страны и республики наконец подошел к концу. Только возвращаясь в Киев, в самолете я пришел в нормальное состояние, оставшись довольным тем, что львовские сотрудники сделали все возможное для выполнения служебного долга в таких экстремальных условиях. Коллектив Львовского управления КГБ выделялся высоким профессионализмом, способностью работать в исключительно сложной обстановке. Сотрудники имели большие достижения в области разведки и контрразведки, результаты в ведении важных контрразведывательных мероприятий против западных спецслужб, зарубежных главарей ОУН – УПА.

Посещение Львова Горбачевым явилось важным событием в жизни западных областей Украины. Этот приезд в неспокойный регион долгое время обсуждался в партийных организациях, трудовых коллективах. Не были исключением и органы КГБ, сотрудники которых надеялись узнать, как работать и жить дальше. Впрочем, Шевченко оценила, что визит во Львов был таким же «пустым», как и в Киев. Ничего не удалось ни объяснить, ни решить.

На заседании Политбюро ЦК КПСС в Москве Горбачев поделился тем, как его порадовал Львов. О визите стало известно буквально за какой-то час до прилета. Но весь город вышел на улицу. «Думаю, – радовался Горбачев, – что никакая организация не сумела бы за такой срок вывести столько людей в обязательном порядке. Это было что-то невообразимое. Буквально колыхались народные волны. Были, конечно, попытки что-то выкрикивать, какие-то жалкие группки где-то мостились с лозунгами самостийности, но народ их буквально смел с улицы. Корни дружбы, интернационализма – сильнейшие. Ведь у нас такой рефлекс бывает: слышишь слова «Западная Украина», «Западная Белоруссия», и первое, что приходит в голову, – бандеровцы, лесные братья, 1939 год. А оказывается, для западных украинцев, даже для самой, что называется, высокородной интеллигенции, тут никаких проблем нет».

Не будем разочаровывать Горбачева. Через короткий срок наша суровая действительность преподнесла иное, чем его восприятие произошедшего.

В отличие от поездки во Львов, где нас окружала шумящая, неуправляемая толпа, на следующий день Донецк встретил Горбачева организованными тысячными рядами бастующих шахтеров, сидящими на площади у обкома партии и стучащими в такт касками об асфальт. Кто-то из сопровождения заметил, что методичные звуки от касок напоминают Бухенвальдский набат. На площадь все прибывали и прибывали люди, жаждущие видеть московских и киевских гостей. Наши сотрудники и милиция физически не могли сдерживать многотысячную массу людей. С трудом руководителям страны и республики пришлось пробиваться в здание обкома, где состоялось совещание по вопросам угольной промышленности. По требованию бастующих шахтеров ход совещания транслировался на улицу. Я, Раиса Максимовна и начальник Донецкого управления КГБ Иван Васильевич Тарасов наблюдали за выступлениями по телевизору, находясь в отдельном кабинете.

Когда совещание завершилось, Раиса Максимовна сказала подошедшему Горбачеву: «Миша, ты видишь, сколько собралось народу. Люди хотят тебя видеть». Мы объяснили Президенту, что выйти можно только на крыльцо здания, к которому вплотную приблизились массы людей. Горбачев обращался к собравшимся, спрашивал: «Вы, шахтеры, поддерживаете перестройку?» В разговор с ним включился стоявший у крыльца высокий молодой человек, который бойко отвечал: «Михаил Сергеевич! Активнее двигайте перестройку. Мы, шахтеры, вместе с вами. Мы, как Жанна д'Арк, готовы вместе с вами пойти на костер за идеи перестройки». Генерал Тарасов тихо прокомментировал: «Ну, я задам ему Жанну д'Арк! Это наш оперативный сотрудник, находящийся в наряде, так себя ведет».

В Донецке за обедом как-то само собой возникло обсуждение положения дел в прибалтийских республиках, где расширились масштабы сепаратистских и националистических процессов, обеспокоивших всю страну. В присутствии Щербицкого, Масола и других руководителей республики Горбачев объяснял, что причиной антисоветских проявлений в этом регионе являются действия кучки экстремистских элементов. Но таких радикалов меньшинство и на них необходимо оказывать всяческое позитивное воздействие.

Находясь под впечатлением от увиденного на центральной площади, где бушевала многотысячная забастовка шахтеров, я спросил, как успокаивать народ здесь, в Донбассе. Ведь в этой пролетарской области численность населения (около 6 млн человек) была сравнима со всеми тремя прибалтийскими союзными республиками. Горбачев твердо заверил, что на «насильственные меры мы не пойдем». Думается, что такой ответ он адресовал не столько мне, а, прежде всего, присутствующим руководителям республики. К сожалению, в те годы многие из местного руководства продолжали верить в силовые способы воздействия на «гроздья гнева» в обществе. Попытки применения силовых методов в некоторых регионах только на короткое время приостанавливали протекавшие негативные процессы, но в конечном результате загоняли конфликты вглубь, облекали в нелегальные формы деятельность враждебных советскому строю экстремистов.

Горбачев начал развивать тему «славянского единства» в сохранении интересов СССР, ссылаясь на славянскую общность народов России, Украины и Белоруссии. Он справедливо подчеркивал, что многовековое братство этих народов помогало выживать в самые трудные исторические времена. Пока существует уверенность в русской нации плюс украинцы и белорусы, «все в Союзе будет вращаться вокруг этой оси», с надеждой говорил Горбачев. Вместе с ним мы, все присутствующие, не могли предвидеть раскола и жажду личной власти у зарождающихся новых партийных лидеров типа Кравчука и Шушкевича. Позднее, во время визита в Прибалтику, с подобными идеями выступал Ельцин, призывавший Президента СССР уйти в отставку, распустить Съезд народных депутатов СССР. «Если Горбачев будет противиться и попытается добиться диктаторских полномочий, – утверждал Б. Ельцин, – то Россия, Украина, Белоруссия «отделятся от СССР и создадут свой собственный Союз». Он агитировал русское население прибалтийских республик выезжать на жительство в Россию, где «места всем хватит». Эти заявления поставили наших соотечественников в непростое положение, ибо местные националисты стали требовать на митингах: «Русские, убирайтесь в Россию, Родина вас к себе зовет».

Воссоединение и единство славянских народов – неумирающая вековая действительность и мечта, которую в демократические годы перестройки не позволили реализовать антисоветские западные круги. Натовская, проамериканская стратегическая политика уже тогда была направлена на недопущение тесного союза трех славянских республик – Белоруссии, России, Украины. И сегодня те политические деятели указанных славянских стран, которые нагнетают напряженность между государствами, целенаправленно работают на интересы США и их союзников.

К сожалению, совещание в Донецке с участием руководства страны не привело к снижению забастовочных волнений, улучшению жизни шахтеров. Но для меня высказывания Горбачева о тактике неприменения силовых методов и оказания позитивного влияния на оппозиционные слои становились определяющими в работе органов КГБ. В тот период (шло начало 1989 года) авторитет Горбачева был еще велик.

Перед самым отъездом Президента в Москву проходила беседа в узком составе в кабинете Щербицкого. Горбачев заявил о том, что к нему обратились представители Руха с просьбой встретиться. Политбюро ЦК Компартии Украины и лично Щербицкий крайне негативно относились к созданию на Украине этого политического движения, рассматривая в нем оппозиционную КПСС силу, аналогичную антисоветским «народным фронтам» в прибалтийских союзных республиках. Мы проинформировали Горбачева о том, что произошла тесная консолидация лидеров Руха с радикально настроенными националистами, создающими национально-демократическое движение с конечными целями отрыва республики от СССР. Горбачев согласился с мнением о нежелательности проведения им подобной встречи.

Когда проводили москвичей, Щербицкий в аэропорту спросил меня: «Ты знаешь, что Горбачев все-таки встретился с руховцами? Теперь в республике мы их ничем не удержим». Горбачев на Украине повторил то же самое, что и Яковлев, который во время пребывания в Литве одобрил деятельность «Саюдиса», потребовал от партийных инстанций не мешать политическому становлению «народного фронта» и, по сути, организовал его противостояние советской власти в республике. Поступающие в КГБ оперативные данные свидетельствовали, что состоявшаяся встреча придала импульс руховскому движению. Она преподносилась как позитивная поддержка Горбачевым лидеров и представителей Руха в их стремлении развивать демократические реформы в республике, чему якобы сопротивляется консервативное руководство КПУ.

В Москве Горбачев делился со своим окружением о встрече с руховцами. В Киеве «писатели потребовали, чтобы я с ними встретился. Хотя времени было в обрез, я пошел к ним». Олесь Гончар произнес целую декларацию: «Мы, говорит, не мыслим себя в одиночестве, без

России. Стояли и стоим на этом. Мы неотделимы от всего советского многонационального государства». Горбачев повторял мысли, высказанные им в Донецке о том, что нельзя народные фронты, за которыми в республике идут люди, отождествлять с экстремистами. С ними надо уметь разговаривать, доверять здравому смыслу людей. Один из ведущих идеологов Руха Павлычко так оценивал эту встречу: «Я был на той знаменательной беседе, которая многое нам дала, на встрече с Горбачевым. Горбачев спросил, правда ли, как ему сказали, что мы хотим создать новую партию. Нет, говорю, новая партия нам не потр^на». Литераторы, отрицательно относившиеся к Руху, высказывали мнение о том, что прозвучавшие на встрече «заверения в верности партии и идеям интернационализма являют собой не более чем карнавальную маску, надетую по случаю бала во дворце. Делается все это для достижения единственной цели – выхода из-под контроля ЦК Компартии Украины любой ценой и дезинформации общественного мнения». По общей оценке, Горбачев этой встречей преследовал цель восстановить личный авторитет среди той части интеллигенции, которая становилась в ряды его явных противников. Вообще некоторые украинские писатели-сепаратисты вели игры с Горбачевым, пробуждали в нем «украинство», национальное самосознание, подчеркивали, что «он наш», а его тесть Титаренко – «щирий украинец». Это не мешало им, когда было выгодно, допускать грубые нападки на Президента СССР Горбачева.

Вскоре после посещения Горбачевым Украинской ССР председатель КГБ СССР Крючков отправил в поездку по Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областям группу сотрудников центрального аппарата, поставив задачу изучения складывающейся обстановки в этом западно-украинском регионе. Заместитель Инспекторского управления КГБ

Союза генерал Князев вспоминает, что многие сотрудники КГБ западных областей с откровенным возмущением ставили перед москвичами один и тот же вопрос: почему ЦК КПСС и Горбачев так странно себя ведут? Ведь это позволяет националистически настроенным лицам обострять обстановку в западном регионе, проводить дестабилизирующие акции. А противопоставить этому нечего. Их возмущала бездеятельность Генерального секретаря и руководства КГБ СССР.

Что я могу добавить к таким выводам и упрекам в «бездеятельности»? Что касается руководителей КГБ Украины, наша стратегическая линия и тактика целиком и полностью вытекала из руководящих установок центра в тот период и сводилась к требованиям воздерживаться от репрессий, через оперативные возможности надежно контролировать сложную обстановку, не допускать антиобщественных экстремистских явлений, особенно террора, массовых беспорядков, которые, как правило, всегда сопровождаются человеческими жертвами. Коллектив КГБ республики этого добивался, что важно, без насилия и крови, до августа 1991 года и провозглашения ГКЧП.

Вопросы выработки и применения форм пресечения антиобщественной деятельности принимали особую актуальность и остроту. Я всегда замечал, что легко говорили на эту тему те, кто не нес ответственности за принятие решений. Как остановить массовые протесты оппозиции и гражданского мирного населения – от националистически настроенных жителей западной Украины до бастующих шахтеров восточных областей? Их действия вели к угрозе стабильности существования СССР, безопасности государства. Сразу же возникало желание применить силу: легче посадить оппозиционеров в тюрьму или направить для усмирения силовиков. Все это понемногу попробовали в Тбилиси, Баку…

«Именно в этом плане – не предпринимать никаких самостоятельных силовых акций – я ориентировал не только своих заместителей и начальников соответствующих подразделений Комитета, но представителей на местах». Эти слова председателя КГБ СССР Крючкова звучали как приказ подчиненным. Что касается меня, то подобные самостоятельные решения мною принимались в августовские дни ГКЧП. Определяющим тогда являлось проявление политической воли разрешить назревшие проблемы.

Комитет госбезопасности имел в арсенале свое мощное оружие: агентурный аппарат, конфиденциальные контакты, влияние на отдельных лидеров из оппозиции, позволяющее контролировать и овладевать процессами.

Сегодня следует признать, что в последние годы советской власти агентурные возможности не всегда срабатывали, так как значительная часть наших помощников переходила на позиции сторонников национально-освободительного движения.

В июле 1991 года Горбачев объявил о желании вновь посетить Украинскую ССР, где намечал провести кратковременную встречу с канцлером ФРГ Колем в окрестностях Киева, на государственной даче в дивном Межигорье. В КГБ республики были разработаны соответствующие планы по обеспечению безопасности охраняемых лиц, которые не предусматривали посещение столицы Украины. Общественность не понимала выбора места встречи: почему именно Украина, охваченная бурными манифестациями, связанными с отказом подписания нового Союзного договора? На Западе распространялась версия, что Горбачев намеревался создать психологическую атмосферу, способствующую положительному воздействию на украинский парламент, не одобрявший Союзный договор.

При прилете Горбачева национал-демократическая оппозиция организовала в аэропорту демонстрацию с антигорбачевскими лозунгами. Благодаря принятым мерам демонстранты сумели увидеть Генерального секретаря ЦК КПСС лишь на дальнем расстоянии. Во время следования кортежа из аэропорта к месту проведения встречи неожиданно поступает команда проследовать в центр Киева, куда поездка не планировалась. Горбачев захотел показать немецкому визитеру знаменитый Крещатик. Через несколько минут правительственные лимузины с небольшой личной охраной появились на центральной площади Киева. Высокие московские и немецкие гости сразу же столкнулись с возбужденными продавцами «дикого» рынка. Это была неприглядная картина: торгаши выкрикивали оскорбления «москалям» и начали бросать в сторону гостей книги с прилавков.

Импровизированный выход «в народ» оставил тяжелый осадок, создавал головную боль сотрудникам служб охраны и безопасности. В такой неразберихе могло случиться более серьезное, чем то, что произошло на площади. Для меня ущерб оказался натуральным: я получил мощный удар по лицу от детины, пробивавшегося из толпы к охраняемым лицам.

При встрече с руководителями республики Кравчуком, Гуренко и Фокиным (они приехали в Межигорье увидеться с Горбачевым) канцлер Коль подчеркнул, что ФРГ заинтересована, чтобы в СССР была достигнута стабильность, успокоились разбуженные сепаратизмом союзные республики.

На открытой лужайке Горбачев обращался к журналистам: «Я увидел со стороны канцлера ФРГ большую заинтересованность и солидарность с тем, что мы делаем в Советском Союзе». Но плохое настроение Горбачева было заметным. Он потерял былую решительность, даже многословие и красноречие, присущие ему в начале перестройки. Нервничал из-за трудностей внутриполитической ситуации, нежелания украинских лидеров поддержать Союзный договор. У республиканских руководителей радости и теплоты при свидании с ним в окрестностях Киева также не наблюдалось. Горбачеву приходилось лавировать между консервативными и демократическими силами, между явным давлением партийной номенклатуры и набиравших силу национал-демократов.

Среди ближайшего партийного окружения Горбачева не было людей, которые осмеливались бы высказать иное мнение, чем Генеральный секретарь ЦК. Исключение в те дни составляли, возможно, только Рыжков и Ельцин. При таком положении демократическая оппозиция брала на себя инициативу.

Так закончились последние мои обязанности по обеспечению безопасности Горбачева. До провозглашения ГКЧП оставался один месяц.

Анализируя приезды Горбачева на Украину, хочу вернуться в годы, когда мне, молодому оперативному сотруднику КГБ, приходилось участвовать в мероприятиях по обеспечению охраны приезжающих в Кузбасс земляков – космонавтов Алексея Леонова и Бориса Волынова. Органам КГБ из Москвы поступали команды в Кемерово проводить охранные мероприятия по самому высшему разряду, ведь тогда после первых полетов человека в космос, они, герои, военные летчики, становились носителями важных государственных секретов.

Наиболее памятными остаются несколько дней, когда меня определили в непосредственное сопровождение председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина при посещении Кузбасса. Это считалось особым поручением: не каждому периферийному оперу доверялась ответственная миссия находиться рядом с руководителем правительства страны и решать вопросы обеспечения его безопасности.

После встречи с шахтерами в забое угольной шахты в городе Ленинск-Кузнецком Косыгина и сопровождающих его нескольких министров пригласили в столовую, где был накрыт богатый стол. «Неплохо живете. Дайте мне кефир», – сказал глава правительства. Нашли с большим трудом. Косыгин выпил бутылку кефира и дал команду не задерживаться и следовать дальше. Можно с улыбкой было наблюдать, как голодные министры хватали со столов продукты, распихивали по карманам и бежали к своим машинам.

В Белово была организована встреча Косыгина с женами шахтеров. Подготовленные активистки в речах благодарили партию и правительство за счастливую и обеспеченную жизнь. Хмуро выслушав торжественные выступления, Косыгин задает каверзный вопрос: «Если у вас, женщины, все так прекрасно в жизни, почему же рожаете мало детей? Ответьте мне откровенно». Последовали незапланированные выступления, которые стали напоминать эпизоды шолоховского женского бунта. В действительности оказалось: и зарплата маленькая, и отсутствуют детские садики, школьников трудно одевать и учить, барачное и неблагоустроенное жилье, тяжелый труд шахтеров, когда муж приходит с работы усталый, словно убитый, «куда там до рождения детей!».

В Новокузнецке городские власти решили показать Косыгину только что открытый, прекрасный по тем временам гастроном. Увидев свежую заасфальтированную дорожку к зданию, он отказался от посещения магазина.

В Кемерово Косыгин на мощном химическом комбинате прошелся по новым цехам, где монтировалось итальянское оборудование. Я наблюдал за ответами директора на сердитые вопросы Косыгина: почему истрачены государственные средства на устаревшую итальянскую технологию, ведь существуют новейшие голландская и японская? Тут же, на месте, глава правительства принимал конкретные решения. Вскоре в область прибыли японские и голландские специалисты. Такому руководителю страны, каким был Косыгин, невозможно было показывать «потемкинские деревни» или рапортовать громкими достижениями.

Если вернуться к исторической памяти, то Кузбасс главы правительства СССР посещали и раньше. В 1932 году во время посещения председателем Совета народных комиссаров Вячеславом Михайловичем Молотовым шахты в городе Прокопьевске машина, на которой он ехал, внезапно свернула с дороги и опрокинулась на краю оврага. Молотов и сопровождающие лица чудом избежали смертельной опасности. Молотов вспоминал, что в Прокопьевске на него готовилось покушение. Водитель дал показания, что должен был совершить террористический акт, но в последний момент затормозил перед глубокой пропастью. В области были проведены аресты многочисленных «врагов народа».

А теперь возвращаюсь к своей практике проведения мероприятий по обеспечению безопасности высших должностных лиц. В республике принимались как советские, так и многие иностранные лица, в том числе президенты США Дж. Буш и Никсон, президент Франции Миттеран, премьер-министр Канады и другие. Памятен прилет в Киев Миттерана на легком реактивном самолете в составе делегации из семи лиц – секретаря, помощников и охраны.

Отмечались скромность, тактичность, уважительность к нашей охране со стороны зарубежных лидеров. Многие помнят, что Дж. Буш сам предложил сфотографироваться с сотрудниками украинского КГБ.

Глава пятнадцатая
1991-й – последний год существования Советской власти (на грани краха)

1991 год стал последним годом существования Советского Союза, объединявшего пятнадцать федеративных социалистических республик. Конечно же, никто из нас такого будущего для страны не предвидел, не желал, не ожидал. Наоборот, в начале этого года в парламенте и обществе продолжались бурные баталии по дальнейшему государственному переустройству нашей державы, расширению демократических преобразований и завершению подготовки к подписанию нового Союзного договора.

Знакомство с Украинской ССР я начинал с истории, первых лет установления в ней советской власти, интересовался больше периодом создания легендарной Всеукраинской ЧК. Но в 1991 году мне приходится переживать события последнего года советской, рабоче-крестьянской власти в республике.

Общественно-политическая и экономическая обстановка на Украине не избежала тех тревожных негативных тенденций, которые были характерны в этот год в целом для всей страны. В крупных пролетарских городах не прекращались многотысячные митинги, забастовки, демонстрации, вызванные неспособностью правительства обеспечивать население продуктами питания и товарами первой необходимости, снижением жизненного уровня и ухудшением состояния общественного правопорядка. К запрещению массовых собраний, шахтерских забастовок, тем более к их пресечению правоохранительные органы уже не прибегали, успевали лишь фиксировать их количество да характер протестных лозунгов. Забастовки шахтеров длились месяцами, с ними свыклись, и они, к сожалению, становились рядовым явлением.

В марте создалась крайне напряженная обстановка в Москве. Лидеры набирающего размах демократического движения намечали провести демонстрацию собственной силы с главными требованиями «Долой президента и коммунистическое правительство». В ответ властями принимается решение подтянуть к Кремлю танки и войсковые подразделения для обеспечения надлежащего правопорядка, нарушенного в столице продолжающимися митингами. Ожидаемого выступления демократических кругов не произошло, но само появление у Кремля бронетехники и воинских подразделений приводило людей к озлоблению. Происходящее свидетельствовало, что правящая власть проявляла свою неспособность без бряцания оружием нормализовать ситуацию и управлять государством. Развернувшееся противостояние политических сил не способствовало единству и сплочению народов в стране. На критические выступления по поводу появления танков у стен Кремля Горбачев начал оправдываться: «Зачем демонстрировать силу? Надо договариваться». Создавалось впечатление, что все происходило без его ведома.

На Украине к этому времени определился окончательный расклад противоборствующих политических сил, завершилось утверждение реальной многопартийности и плюрализма. Партийная междоусобица приводила к резкому разделению и размежеванию украинского общества на воинствующие политические блоки. Политизация различных слоев населения, ранее наблюдавшаяся только в западном регионе, стала проникать в спокойные по обстановке областные центры. Даже в моем избирательном округе, небольшом провинциальном городке Коростышеве, произошли массовые беспорядки, завершившиеся погромом милицейских помещений.

В республике возрастало недоверие к центральным союзным властям и усиливалось стремление к национальному обособлению. Столь желательные для всей страны демократи-

ческие реформы, приветствовавшиеся на начальном этапе горбачевской перестройки, стали существенно терять народную поддержку.

Население страны не покидала тревога, вызванная резким обострением межнациональных отношений. Разгоралась настоящая война между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха; пролилась кровь в Сумгаите, Баку, Тбилиси, Вильнюсе; в Узбекистане и Киргизии прошли погромы турко-месхетинского населения.

Несмотря на постоянное информирование органами госбезопасности руководства страны об усилении тенденций к сепаратизму в союзных республиках, необходимости разрешения застарелых и появляющихся национальных проблем, упускалось время, когда еще оставались шансы предупредить возникновение взрывов национального самосознания. Действия экстремистских элементов надлежало пресекать, пока они не приняли массового масштаба и не пролилась кровь. При появлении малейших признаков межнациональных столкновений и возникновении угрозы насилия необходимо было вмешаться всем миром, а не ограничиться направлением войск и спецслужб, посредством которых надеялись решить сугубо политические и гражданские проблемы.

Когда произошел жесточайший погром армянского населения в городе Сумгаите с десятками зверски убитых стариков, женщин и детей, в стране стали раздаваться голоса недовольства неадекватной реакцией на происходящее союзных и республиканских властей. Вместо того чтобы придать этим трагическим событиям всеобщее осуждение и в соответствии с действующим законодательством сурово наказать несколько десятков преступников, ограничились партийными взысканиями. После этого националистам всех мастей стало ясно, что в СССР им дозволено многое, почти все.

Верховный совет СССР принял решение об объявлении в Азербайджанской ССР чрезвычайного положения, но и эти меры не спасали и игнорировались. Антисоветские выступления и кровавые события в Баку начались с ввода в город частей военно-воздушных и внутренних войск. Применение союзных войск для стабилизации ситуации местные радикал-националисты объявили московской оккупацией; десантникам в городе и пограничникам на границе оказывали вооруженное сопротивление. Не подлежало сомнению, что насильственные действия организовывались ими с целью ликвидации в республике законных органов советской власти.

Нагнетанию обстановки способствовало вытеснение и удаление армянскими властями со своей территории около 250 тысяч граждан азербайджанской национальности. Изгнанные прибывали в Баку. Примерно такое же количество армянского населения было вынуждено бежать с азербайджанской территории и искать спасения в Армянской ССР и других регионах страны.

Когда в Баку националистические элементы спровоцировали организованные массовые беспорядки, в городе находился достаточный контингент воинских соединений, но никто не спешил вмешиваться, все ждали команд из центра. Председатель КГБ Азербайджана Вагиф Гусейнов (до назначения в КГБ он был секретарем ЦК ВЛКСМ, первым секретарем Бакинского горкома Компартии) доложил Крючкову о тяжелейшей обстановке в республике и задал вопрос, почему бездействует центр, не отдается команда противодействовать насилию? Проводятся многочисленные заседания, совещания, но никто ничего делать не хочет. Что стоит за этим? Крючков ответил, что решения у нас принимаются, к сожалению, либо поздно, либо вообще не принимаются. В конечном итоге основную ответственность за происходящее в республике отнесли на счет Гусейнова, который пришедшими к власти радикальными националистами был арестован, просидел в тюрьме около года, подвергался издевательствам и был освобожден в связи с тяжелыми заболеваниями.

Применение вооруженной силы (молодые офицеры и безусые солдаты) против массовых демонстраций в Баку, Вильнюсе, Тбилиси приводило к более тяжелым последствиям, нападкам на Советскую армию, антирусским выпадам, дискриминации центральной союзной власти и усилению сепаратизма.

После инспирированных националистическими элементами кровавых событий руководство страны, уходя от прямой ответственности, стало искать «крайних и виновных», подставляло под удары Советскую армию, КГБ и МВД, перекладывая на них всю вину за наступившие последствия.

После того как «наверху» отошли от закона и правды, сотрудники КГБ задумались: как действовать? Органы госбезопасности все больше стали использоваться для «латания дыр», выполнения обязанностей, не отвечающих их реальным возможностям. Например, когда случались межнациональные столкновения в союзных республиках (Армения, Казахстан, Прибалтика), туда неизбежно направляли первого заместителя председателя КГБ СССР Бобкова, владеющего умением и тактом разрешения острых конфликтов. Я наблюдал его работу в период совместной командировки в Армению, когда он в течение суток в пригороде Еревана усмирял армян-репатриантов, недовольных отношением и притеснениями со стороны коррумпированных местных властей.

В союзные республики Закавказья часто командировались заместитель председателя КГБ СССР Пирожков, генерал-лейтенант Кравцов, генерал-майор Мартынов в составе групп контрразведчиков и пограничников, которые оценивали беспорядки в республиках Закавказья как прелюдию к развалу Советского Союза.

Огромная тяжесть легла на плечи сотрудников МВД Союза. Министр внутренних дел Бакатин, сам непосредственный участник локализации межнациональных столкновений, отмечал: «…редкий случай, когда органы госбезопасности страны четко и оперативно арестовали подстрекателей и организаторов происходящих в Закавказье антисоветских событий». Но вскоре по устному указанию из Москвы все арестованные инспираторы были выпущены благодаря, как заметил Бакатин, «сговору членов Политбюро с Горбачевым». Министр Бакатин возмущался закулисными переговорами, когда «втихую договорились, и неожиданно, даже для МВД, арестованные оказались на свободе».

Сотрудники госбезопасности не могли защитить государство, ибо верховная власть годами не принимала надлежащих мер, все больше отходила от применения закона и скрывала истинную правду о происходящих событиях.

Руководители силовых ведомств на местах не желали брать всю ответственность на себя, чтобы не подвергнуться наказанию и общественному порицанию. Выработался своеобразный синдром боязни того, что руководство страны сделает виновными их, а само останется будто в неведении. К примеру, Съезд народных депутатов СССР бурно обсуждал сложившуюся ситуацию в Тбилиси, где для удаления демонстрантов с центральной площади были привлечены войска. В результате возникшей паники и массовой давки погибло 19 участников митинга. Как установила судебно-медицинская комиссия, причиной смерти всех погибших, за исключением одного, являлась асфиксия в результате сдавливания грудной клетки в толпе. Депутатам были показаны документальные съемки этого происшествия: одна лента, сделанная демократами, другая – сотрудниками органов госбезопасности. Они разнились между собой в показе инспираторов, оценке действий военных, которых обвинили во всех грехах.

После этих событий я обратился к Чебрикову:

– Виктор Михайлович, вы по партийной линии курируете силовые ведомства, владеете полной и объективной информацией о происшествии в Тбилиси. Там молодые солдаты были вынуждены исполнять приказ о разблокировании площади и от подлых нападений экстремистов, скрывавшихся в толпе, прикрываться саперными лопатками. Выступите, объясните истинное положение дел.

– А ты думаешь, что Михаил Горбачев и Эдуард Шеварднадзе не знают, что и как в действительности произошло? Но, как видишь, сидят и молчат. Горбачев утверждал, что ничего не знал о применении войск, о жертвах в Тбилиси. Когда все случилось, он находился за границей. На самом же деле я докладывал ему обстановку, запрашивал санкцию на использование воен-

ной силы. Кто, как ты думаешь, кроме Верховного главнокомандующего мог отдать такой приказ? Советская армия, органы госбезопасности не могут играть самостоятельной роли. Когда политическая линия государства будет твердая, тогда можно ожидать успехов в борьбе с антигосударственными явлениями, – учил меня жизни умудренный и осторожный Чебриков.

А Горбачев уже после этих событий отмечал: «В Тбилиси партийным лидерам и членам ЦК грузинской Компартии надо было идти к народу. А они, как выяснилось, все сидели в бункере и уповали только на военную силу».

В 1991 году в Вильнюсе были применены войска: десантники и спецназ КГБ «Альфа» захватили республиканскую радиостанцию и телевизионную вышку. Во время спровоцированных националистами событий погибли 13 человек. В выступлении в Верховном совете Горбачев заявил, что ничего не знал, как он выразился, «о самоуправстве военных и КГБ», происшествие в Вильнюсе явилось для него «полной неожиданностью».

Во главе группы народных депутатов СССР Борис Олейник направился в Вильнюс для выяснения того, кто дал военным команду действовать. Понятно, что сами военные без приказа или устного разрешения не могли даже тронуться с места. В итоге Олейник убедился в том, что трагедия в Вильнюсе произошла не без ведома Горбачева. «Поверьте, мне очень хочется ошибиться, но все делалось по одному сценарию, о котором вы, как обычно, не знали, не понимали, разводили руками и уже с опозданием посылали нас, свою пожарную команду, все выяснять», – упрекал он Президента СССР.

На заседании Политбюро ЦК первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ислам Каримов со всей откровенностью обратился к Горбачеву: настала пора перестать делать вид, будто все, что происходит в стране, возникает стихийно. Ведь очевидно, что существуют специальные центры и люди, которые организуют самые опасные процессы. Нам нужно говорить об этом открыто, называть их.

Чувствовалось, что по многим вопросам в Политбюро ЦК уже не было единства. Собственную линию начало проводить руководство созданной Российской коммунистической партии во главе с Иваном Кузьмичом Полозковым. Аналогично образованию самостоятельного российского КГБ при Иваненко, нарушавшего централизованную систему госбезопасности, российские коммунисты настаивали на созыве внеочередного съезда КПСС, не скрывали намерения добиться отставки Горбачева. Последний жаловался, что Полозков настраивает против него «своих» и подрывает его авторитет.

На заседании Политбюро ЦК было решено 25 июля провести внеочередной пленум ЦК КПСС. Обстановка была такова, что Назарбаев решил опередить события и высказался, что на пленуме могут снять с работы Горбачева, а вслед за ним – «и нас всех». Станислав Гуренко с присущей ему твердостью поддержал своего казахстанского соратника, заметил, что на Украине авторитет Горбачева настолько мал, что его уже никто не замечает.

20 июля Ельцин издает указ, запрещающий деятельность КПСС в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР. Провозглашалась «департизация», на которой давно настаивали демократические оппозиционные силы для ослабления влияния коммунистов на рядовые массы.

Президент СССР Горбачев не отреагировал на подготовленную провокацию накануне намечаемого на 25 июля пленума ЦК КПСС, хотя был правомочен отменить правовой акт Ельцина. Пленум не подготовили, проект Союзного договора до конца не был доработан, а Горбачев в начале августа отбыл отдыхать в солнечный Крым.

Чебриков так прокомментировал отсутствие четкого курса партии в те дни: «Горбачев елозил, безостановочно суетился, потом начинал метаться из стороны в сторону так, что курс партии просто исчез…»

Для деятельности КГБ Украины в этот отрезок времени наиболее существенным явилось то, что республиканская националистическая оппозиция стала ориентироваться на блокирова-

ние и согласованность проводимых действий против советской власти с московскими «демократическими» кругами. Это братание показало, что «имперские братья» вместе с главарями зарубежных центров ОУН стали успешными учителями для сторонников украинского «национал-освободительного движения». В Москве «Демократическая Россия» объединила довольно многочисленную силу (свыше 30 партий и общественных организаций) на платформе создания оппозиции КПСС и устранения коммунистов с властной и политической арен.

Не только между двумя республиками, но и в масштабах страны осуществлялось еще более широкое объединение антисоветских элементов. В частности, было провозглашено создание так называемого «Межнационального комитета защиты политзаключенных», представлявшего собой организационное формирование ранее судимых украинских, прибалтийских, армянских, грузинских националистических элементов.

Консолидация демороссов и украинских оппозиционеров оформилась в Харькове на проведенном 26–27 января 1991 года «демократическом конгрессе». Об открытых и закулисных решениях нам было известно практически все: была разработана совместная программа действий, ориентированная на разрушение основных устоев социалистического государства. Лидеры демороссов провозглашали привлекательные лозунги: проведение в стране земельной реформы и предоставление всем горожанам земельных участков; внедрение вариантов приватизации, гарантирующих получение каждым жителем страны своей доли в государственной собственности; заключение двусторонних межреспубликанских экономических договоров и, наконец, общая политическая платформа – завоевание и приход к власти мирным, ненасильственным путем.

В обращении «К народам России и Украины» Демократическая Россия и Рух Украины, пользуясь демагогической фразеологией, заявляли, что они не против заключения Союзного договора Он должен привести к образованию базирующегося на уважении прав человека и национальных интересов содружества суверенных государств, добровольно вошедших в Союз, для реализации своего суверенитета и сохранения взаимно выгодных тесных и давних экономических отношений.

Особенно ловкой была агитация, направленная на оказание влияния на армию и сотрудников правоохранительных органов. Их пытались убеждать, что «уходящая с политической арены власть Коммунистической партии» постарается увлечь за собой военных, КГБ, милицию, поссорить и отделить их от народа. Демократический конгресс заверял, что после того как пролилась кровь в Алма-Ате, Баку, Тбилиси, Вильнюсе, патриотически настроенные советские генералы и офицеры никогда не применят оружия против своего народа. Кто из них отдаст такой приказ, тот будет объявлен государственным преступником. «Вы для народа, присягали на верность ему, а не отдельным руководящим лицам, какое бы положение они не занимали».

В разработке стратегических и тактических установок «демократического движения» принимали участие многие народные депутаты СССР и общественные деятели, известные в стране.

Украинские националисты испытывали радость по поводу появления в России политических деятелей, которые считали, что существование советской империи пошло во вред всем народам, в том числе и российскому.

Я хочу сослаться на высказывания Галины Старовойтовой, с которой мы жили в одном подъезде. Иногда мы виделись и перебрасывались текущими новостями. В общении она была приветливой, доброжелательной, диаметрально отличалась от резкого и жесткого политика, чуть ли не единственного из народных депутатов, кто открыто выступал за проведение люстрации сотрудников госбезопасности. Может, я ошибаюсь, но такие неистовые личности должны быть в каждом обществе для эволюционного или революционного движения вперед. Вообще я убежден, что без участия и мнения женщин, матерей и жен, нельзя проводить настоящую государственную политику. Старовойтова не скрывала, что призывает демократические силы к

решительной борьбе за захват политической власти, «замене всей социалистической системы», а не только устранению «старой гвардии». Еще до возникновения ГКЧП она отзывалась о Горбачеве как «последнем Президенте СССР, который будет смещен военной диктатурой». Считала, что на смену ему должны прийти молодые и демократичные фигуры, как она выражалась, подобные Анатолию Собчаку или «умному и опасному» Вадиму Бакатину.

Вспоминаю нашу последнюю встречу опять-таки у подъезда дома. И я, и она уже были отстранены Ельциным от своих государственных постов, но Старовойтова оставалась депутатом Государственной думы. Она поинтересовалась тем, как идут мои дела, продолжаю ли работать. Я был в веселом настроении: «Зачем мне работать? Я могу прекрасно существовать, ведь я знаю, в каком иностранном банке хранятся деньги компартии. Имею возможность получать неплохие дивиденды». Трудно себе представить поразившее ее чувство удивления, которое оставалось на ее лице даже после того, как она поняла мою шутливую иронию.

В апреле 1991 года я имел возможность ознакомиться с закрытым документом ЦРУ, где содержались экспертные характеристики складывающейся обстановки в СССР. Американская разведка отмечала, что экономический кризис, антикоммунистические силы и устремления республик к суверенитету разрушают «советскую империю и систему власти». Церэушниками не была забыта Украина: «Во второй по величине республике, с 50-миллионным населением, набирает скорость сепаратистское движение в сторону независимости». Бастующие шахтеры в своих требованиях настаивают не только на экономических приобретениях, но также «на структурно-экономических и политических переменах». В плановой экономике набирают силу не рыночные отношения, а бартерные сделки на местном и республиканском уровне. Коммунистическая партия СССР распадается как регионально, так и идеологически. К сожалению, аналитические службы ЦРУ не ошибались, рисовали близкую к нашей суровой действительности картину.

Американские спецслужбы предвидели, что горбачевская перестройка может привести к уничтожению социалистических устоев, подорвать существующую государственную систему. Об этом мог свидетельствовать необычный визит президента Буша-старшего в конце июля 1991 года, буквально накануне ГКЧП. Горбачев привлек к переговорам с Бушем очень узкий круг доверенных лиц, чаще всего беседовал с ним с глазу на глаз, «старался при первой возможности уединиться», вспоминал руководитель аппарата Президента Болдин.

1 августа 1991 года правительственная делегация США во главе с президентом Бушем прибыла в столицу Украины. Накануне в течение недели сотрудники КГБ республики вместе с передовой группой американских спецслужб – специалистов по вопросам охраны, связи, средств массовой информации в количестве более 60 человек под руководством женщины-подполковника – готовили мероприятия по обеспечению безопасности в период пребывания в Киеве высокого зарубежного гостя. С нашей стороны постоянный контакт с американцами поддерживали Шама, Демиденко, ответственные работники технических служб, правительственной связи и другие. Сотрудникам советских и американских спецслужб были розданы специальные значки с советской и американской символикой, чтобы в массовых охранных мероприятиях можно было определять друг друга.

Программа пребывания президента США была насыщенной до предела: посещение мемориала в Бабьем Яру, где покоятся тела расстрелянных фашистами в годы оккупации более 200 тысяч евреев, русских, украинцев; официальные встречи и обеды, переговоры с руководством Украины.

Несмотря на конфиденциальные контакты и предшествующие договоренности Горбачева с Бушем при встрече на советском корабле у берегов Мальты, спецслужбы США не прекращали использовать массированные возможности для полного развала СССР. В то же время Буш продолжал открыто демонстрировать поддержку курса Горбачева, но в узком кругу делился мыслью о том, что политика США зависит не от дружбы с тем или иным государствен-

ным лидером, а только от американских глобальных интересов. Объективно надо признать, что межгосударственные отношения нашей страны с США, особенно в области разоружения и прекращения гонки вооружений, улучшились. Казалось, заканчивалась оголтелая «холодная война».

Американцы распространяли официальные заявления о том, что они заинтересованы в неделимом Советском Союзе. Провозглашалась забота о нераспространении и сохранении в руках центральных советских властей ядерного оружия, им импонировали близкие отношения признанных мировых лидеров Буша и Горбачева. Не последней скрипкой в этом оркестре международных связей была явно проамериканская политика МИД во главе с Шеварднадзе.

Одновременно США на дипломатическом уровне настаивали на предоставлении более широких полномочий союзным республикам. Законность вхождения в состав СССР прибалтийских республик – Литвы, Латвии, Эстонии – в международно-правовых отношениях ими не признавалась со времен окончания Второй мировой войны.

Выступление Буша в украинском парламенте было исключительным событием в политической жизни республики. Депутаты, члены правительства услышали речь видного международного политика, в которой была обозначена позиция американского государства в отношениях с СССР, а также по другим важным вопросам. Мне было интересно видеть бывшего директора ЦРУ, в ведомстве которого планировались тайные операции против СССР и готовились мировые государственные перевороты.

Речь Буша была тщательно продуманной «операцией влияния». С парламентской трибуны он сделал заявление о недопустимости со стороны Украины отмежевываться от СССР, что на самом деле расходилось с реальными шагами по развалу СССР.

Вот некоторые запоминающиеся фрагменты из выступления президента США. «Мы будем поддерживать в республиках тех, кто стремится к свободе, демократии и экономической независимости. Америка не будет поддерживать тех, кто стремится к независимости только для того, чтобы заменить тиранию местным деспотизмом. Мы не будем помогать самоубийственному национализму, порожденному на почве межнациональной ненависти… Когда штаты в Америке не были едины, у нас не было мира и процветающей экономики; когда сотню лет назад штаты спорили, чьи законы – центра или штатов – важнее, у нас не было процветающей демократии. Украинцы – сильный народ. В американскую кровь вливались украинцы, которые ехали за океан и нашли там вторую родину».

Народный депутат СССР Виталий Коротич отмечал, что не впервые Буш проявлял заботу о судьбах украинского народа, что еще во времена Рональда Рейгана в США «усердно заговорили о любви к Украине». Вице-президент Джордж Буш спел тогда перед толпой украинских националистов первую строфу из любимой песни «Ще не вмерла Україна», а президент Рональд Рейган прямо потребовал отметить годовщины возникновения на Украине всех антисоветских банд, включая бандеровские (которые по уши в крови и грязи, это у нас известно каждому). Президент обласкал даже гнусненького старичка по фамилии Стецько, который под фашистским крылом провозглашал когда-то во Львове некую «украинскую державу», в самом акте о провозглашении которой (цитирую по американскому историческому журналу) было сказано: «Нововозникающая Украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Германией, которая под водительством своего фюрера Адольфа Гитлера творит новый порядок в Европе и во всем мире…» Президент и его люди вдруг заговорили о любви к Украине так, будто им стало окончательно ясно, что «украинская карта, не разыгранная в свое время Гитлером, снова роздана для игры». Мне представляется исключительно интересным это заключение демократа Коротича.

Несмотря на то что американский народ волнует судьба людей на Украине, представители Руха окрестили президента США Буша «рупором Горбачева» и «посланником Москвы».

Подливал масла в огонь отказ Буша встретиться с руховцами, «хотя бы на несколько минут». Президент США сослался на отсутствие у него свободного времени.

Я разговаривал с начальником личной охраны президента, когда подошел Буш и заявил, что он хотел бы поблагодарить сотрудников украинских спецслужб, которые вместе с американскими коллегами осуществляли его безопасность, и сделать памятное фото. Мы уже было приготовились к фотографированию, как кто-то предложил принести из зала заседания парламента флаги СССР, Украины и США; памятная фотография президента США с нашими сотрудниками была сделана.

В те дни состоялась встреча Буша и Кравчука наедине – переговоры с глазу на глаз. У нас имелись данные о том, что после встречи Буш оценил взгляды украинского лидера как «убийственно националистический уровень демократии, что защищает политику США лучше, чем любые ядерные боеголовки». После посещения Киева, несмотря на слова Буша в украинском парламенте в пользу целостности СССР, Белый дом стал демонстрировать «позитивное отношение к происходящим на Украине сепаратистским событиям». Американской стороной были даны обещания расширять прямые отношения с Украиной, увеличивать объем торгово-экономического и культурного сотрудничества.

Из поступающих разведывательных данных было видно, что озабоченность спецслужб США вызывал не сам факт развала СССР, а опасения «югославизации союзных республик», которые могли создавать угрозу национальным интересам США и НАТО. Украинский фактор учитывался как крайне серьезный не только в связи с возможным возникновением негативных ситуаций в рамках СССР, а как опасный детонатор воздействия на «баланс напряженности в Европе», риск обострения этнического противоборства различных национальных групп.

Истинная роль американской администрации проявилась вскоре после посещения Киева, когда Ельцин из Беловежской пущи позвонил Бушу и доложил, что с СССР покончено. В ответ президент США, противореча своему выступлению в украинском парламенте, высказался прямо: «Соединенные Штаты приветствуют исторический выбор в пользу свободы, сделанный государствами Содружества. Несмотря на потенциальную возможность нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим интересам».

Глава шестнадцатая
Шахтерские забастовки – разрушительная сила, с которой КГБ не боролся

В политической и оперативной обстановке последних лет советской власти наиболее серьезное значение для судеб СССР и союзных республик играло забастовочное шахтерское движение, обострившееся в 1991 году. Начиная с 1989 года, забастовочное движение шахтерских коллективов охватывало угольные регионы страны, приобретало организованный характер и предстало разрушительной силой, способной диктовать политические и экономические требования и добиваться их реализации. В годы перестройки шахтеры стали настоящими революционными лидерами рабочего класса; именно в шахтерских краях – сибирском Кузбассе, украинском Донбассе – звучал голос трудового народа.

Протесты шахтеров имели давние корни. Правительство страны в первую очередь обращало внимание на выполнение плановых заданий по добыче угля, но совершенно недостаточно уделяло внимание социально-бытовым условиям жизни шахтеров, особенно на Украине: шахты были старые, взрывоопасные, с пластами глубокого залегания, требовали обновления производственных мощностей.

Будучи депутатом Верховного совета СССР в Ворошиловградской (ныне Луганской) области, я увидел, какими тяжелыми были условия работы и быта в жизни шахтеров. Доля ручного труда достигала 60 %. В находившихся на балансе угольных предприятий жилых домах одна четверть не имела водопровода, в 40 % отсутствовала канализация и центральное отопление, более трети требовали капитального ремонта.

Годы проволочек и лавирования в решении первоочередных задач в сфере тяжелого производственного процесса, неустроенного барачного быта проявились невиданными для социалистического строя явлениями – шахтерскими стачками и забастовками (оружием пролетариата называл их В. Ленин).

Начальный этап забастовочного выступления шахтеров Горбачев расценивал как «убедительный пример зарождающейся демократии и самовыражения трудящихся масс». В КГБ мы хорошо знали заключения зарубежных советологов: «Если шахтеры поднялись против советской власти, в Кремле добра ждать не следует».

Выступления шахтеров простирались от недовольства социально-бытовой сферой, тяжелыми условиями труда, травматизмом, технической отсталостью, низкой заработной платой до политических требований, вызванных кризисом власти и перестроечных реформ. В настроениях значительной части населения преобладало раздражение повышением розничных цен на товары продовольственной группы, отсутствием правительственной программы выхода из кризиса. Так, в требованиях шахтерских коллективов «Павлоградугля» содержалось 66 пунктов, из них 41 – к союзным органам власти, Министерству угольной промышленности СССР, а 25 пунктов – к местным республиканским властям. Созданные инициативные забастовочные комитеты в Кузбассе первыми начали выдвигать и политические требования: отставка Президента СССР и союзного правительства, департизация армии, КГБ и МВД, вывод парткомов с предприятий, увольнение непопулярных руководителей партийных органов, обеспечение независимости средств массовой информации.

Забастовочные комитеты стали активно вторгаться в вопросы замены административно-управленческого, инженерного персонала на шахтах и организовали органы шахтерского самоуправления. На этой почве происходили противоречия между действующими законными органами власти и самостийно создавшимися. Сплоченные шахтерские комитеты претендовали на полноту власти в городах и на предприятиях. На многих шахтах поменяли

«красных» директоров, избрали руководителями угодных стачкомам лиц, которые сквозь пальцы смотрели на нарушителей трудовой дисциплины и были готовы поступиться общегосударственными интересами ради групповых, местных. В ряде шахтерских городов партийная и исполнительная власть показала свою беспомощность, избегала контактов с бастующими и выжидала указаний сверху, из-за чего утрачивала доверие.

В России забастовочное движение шахтеров стало широко использоваться для ликвидации советской власти, оказания давления на Коммунистическую партию. Взамен на поддержку демократических политиков шахтерам раздавали обещания развивать угольную промышленность, субсидировать социальные программы, провести реконструкцию шахт и поднять жизненный уровень. В итоге большинство шахт оказались закрытыми, а рядовые шахтеры ровным счетом ничего не получили.

Во всех бедах в угольной промышленности пытались обвинить центр. Председатель Совмина В. Фокин в выступлении по украинскому ТВ заявил, что у шахтеров есть основания испытывать неудовлетворенность ходом выполнения постановлений, принятых Советом министров СССР. Шахтеры вправе были спросить руководство страны и республики, как им жить и работать дальше. Вывод следовал сам собой: если бы Украина не была зависима от Москвы, то шахтеры не оказались бы в бедственном, брошенном положении.

В этих кризисных условиях не могла пройти мимо влияния на шахтеров руховская народная Рада, выразившая поддержку стачечных комитетов в их требованиях передать Верховному совету Украины полноту политической власти, а всю союзную собственность на территории республики – народу Украины.

Как органам безопасности держать ситуацию под контролем? Главное – не допускать антиобщественных проявлений среди тысяч возмущенных шахтеров. Мы понимали, что ответственность за любое происшествие в этой волнующейся, уставшей массе, если будут жертвы, спишут на силовиков. Но общая установка: «силу не применять» – продолжала для нас неукоснительно действовать.

Сотрудники КГБ, наряду с традиционной оперативно-розыскной деятельностью, были ориентированы на необычные формы работы. В экстренных условиях во время забастовок они выходили в народ, устанавливали прямые контакты с руководителями забастовочных комитетов, авторитетными лидерами, мастерами, бригадирами с целью влияния на обстановку, предупреждения экстремистских актов и применения оружия или взрывчатки, исключения призывов к насильственным действиям. Вспоминается такой случай. Получив шифровку о тревожной обстановке среди шахтерских коллективов в Краснодоне, я позвонил по ВЧ-связи начальнику городского отдела КГБ (фамилии, к сожалению, не помню). Выслушав доклад толкового чекиста, я рекомендовал ему пойти в народ, установить контакт с лидерами забастовочного движения шахтеров и оказать на них позитивное влияние. Общение нашего сотрудника в шахтерской среде привело к тому, что через два дня он сообщил мне о состоявшемся экстренном пленуме Краснодонского горкома КПУ, на котором он был избран первым секретарем ГК.

Нами вносились предложения подготовить законодательство о забастовках. Высказывалась целесообразность запрета проведения забастовок под землей, установления ответственности стачечных комитетов за обеспечение безопасной эксплуатации установок и механизмов, от которых зависит жизнедеятельность шахтовых предприятий.

В период шахтерских забастовок органы КГБ предотвратили возникновение массовых беспорядков и провокационных столкновений с силами правопорядка, попытки скатывания политического и социального протеста на путь экстремизма. Осуществлялись соответствующие мероприятия, чтобы не допустить негативного зарубежного влияния (оно достигло тогда пика) и антиобщественных элементов внутри страны на деятельность созданных рабочих комитетов. И все же агентура иностранных спецслужб и западные профсоюзы стали проникать в забастовочное движение. Противник не скрывал, что настало удачное время воспользоваться

разочарованием советских шахтеров своим экономическим положением и неуверенностью в завтрашнем дне.

Прибывавшие в республику по приглашениям стачечных комитетов иностранные граждане (среди них корреспонденты, разведчики, эмиссары) снимали жизнь шахтеров, их дома барачного типа, неустроенные бытовые помещения на фоне роскошных апартаментов управленческого аппарата шахты. Подбрасывали провокационные лозунги, в частности о том, что парткомы, профсоюзы, управленцы сидят на шее шахтеров.

Гражданин ПНР, представитель польского рабочего движения «Солидарность», пытавшийся проводить среди забастовщиков агитацию за независимость Украины, был выдворен нами в 24 часа за пределы республики.

Забастовочное движение шахтерских коллективов сыграло определяющее влияние на дальнейшее развитие обстановки в стране, на разрушительные процессы в социалистическом обществе. Забастовочная солидарность с представителями других отраслей становилась универсальным средством борьбы различных социальных групп населения за достижение своих политических и экономических целей. Все это принимало классические формы назревания пролетарских революций: верхи не могут, низы не хотят; пропасть между словами и делами, лживость лозунгов, отрицательные социальные последствия.

Угольная промышленность рухнула, а вслед пошатнулись экономика, народное хозяйство страны в целом. Забастовки дестабилизировали положение важнейших отраслей Украины – металлургии, энергетики. Только за 1991 год падение промышленного производства в республике составило более 10 %.

Волна забастовок явилась воплощением социального взрыва, приводившего к ущербу, который трудно оценить в политическом и экономическом плане: дестабилизации и неуправляемости в народном хозяйстве, развалу плановой экономики. Вместе с тем шахтеры продемонстрировали высокую самоорганизованность, в ходе многомесячных стачек и сидячих забастовок соблюдали строгую дисциплину.

Часть пятая
Как ГКЧП угробил СССР (хроника глазами чекиста)

Глава первая
19 августа: начало смятения

В историю великого и многострадального Советского Союза, в котором мое поколение родилось, училось, воспитывало детей, трудилось на благо народов пятнадцати союзных республик, август 1991 года войдет трагической страницей. 19 августа высокопоставленными должностными лицами страны – премьер-министром, секретарем ЦК КПСС, председателем КГБ, министрами обороны и внутренних дел СССР – был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Как провозглашалось, для достижения самых высоких и благородных целей – спасти СССР от развала и катастрофы. На деле же сам факт его образования способствовал распаду союзного государства, крушению системы международной и внутренней безопасности, разрушению советских вооруженных сил, ликвидации КГБ СССР, коммунистической партии и социалистических идеалов.

Для многих советских людей последовавшие августовские события стали крушением их жизненных устремлений, утратой правовой защищенности как граждан бывшей могучей державы. Распад СССР оказался глубокой психологической травмой для старшего и среднего поколений. Многое сделавшие для становления великой державы, пережившие трагедии Гражданской войны, сталинских репрессий, отстоявшие победу над фашистами, они вдруг оказались очевидцами разрушения основ государственного здания.

Вместе со всей страной я не просто пережил все этапы кризиса государства, но и был непосредственным участником или свидетелем принятия многих судьбоносных решений.

Для падения СССР были свои предпосылки и причины – объективные и субъективные. Фактический распад государства начался после заявлений союзных республик Прибалтики на высшем форуме страны о выходе из состава СССР. Я имел возможность воочию наблюдать за этими процессами. На заседаниях Съезда народных депутатов СССР мое постоянное место было рядом с делегатами от прибалтийских республик, очень активными в достижении своих целей. Депутаты демократического блока других союзных республик, включая Украину, до августа не провозглашали открытых намерений выйти из состава СССР.

Обсуждение в стране положений проекта нового Союзного договора пробуксовывалось, а сроки его подписания под разными предлогами затягивались. Политическая элита ряда республик становилась все более несговорчивой, увидев возможность использовать пункты Союзного договора в свою пользу. Она намеревалась существенно изменить свой статус, который сложился в период функционирования, по существу, авторитарного союзного государства, придать правовую основу взаимоотношениям с центром, гармонизировать взаимные экономические и национальные интересы республик. Все эти требования поддерживались большинством депутатского корпуса и представителями Компартий союзных республик. Но в Москве застарелые проблемы в отношениях центра к союзным республикам решались медленно.

В таких критических условиях, не завершив процесса обсуждения положений нового Союзного договора со всеми республиками, Горбачев в начале августа отправился отдыхать в Крым. Благодаря этому Украина в целом и ее органы безопасности в частности оказались в эпицентре грядущих главных августовских событий.

Итак, Президент СССР уже две недели отдыхал с семьей в Крыму. Он работал над своим выступлением на церемонии заключения нового Союзного договора с шестью республи-

ками, согласившимися его подписать. 19 августа он намечал прервать отпуск, чтобы вылететь в Москву для подписания договора. Сотрудники украинских органов безопасности и личной охраны осуществляли комплекс надлежащих мероприятий по подготовке безопасности полета Горбачева.

Когда Президент СССР – высшее государственное охраняемое лицо – находится на территории республики, у председателя КГБ нет более важной служебной задачи и более высокой персональной ответственности, чем обеспечение его личной безопасности. Такой порядок существует во всех государствах. Мельчайшие происшествия, например появление в Крыму обыкновенных жалобщиков, стремящихся добиться несанкционированной встречи с Президентом, требовали принятия предупредительно-профилактических мер. В практике был случай, когда одна женщина преодолела вплавь по морю все охранные преграды и вышла на закрытый пляж, чтобы передать свою жалобу Генеральному секретарю ЦК КПСС. По всей стране, от Прибалтики до Сахалина, под усиленное наблюдение органами брались лица, высказывающие террористические намерения в адрес Президента.

В целом оперативные мероприятия по обеспечению безопасности Президента носили традиционный и в большинстве своем стандартный характер, если само охраняемое лицо не нарушало или изменяло установленные правила и режим охраны.

В период пребывания Президента СССР в Крыму или других областях Украины я, как правило, участвовал в инструктажах, расстановке оперативных сил и средств, вместе с личной охраной сопровождал Президента в поездках по территории республики. Занимался этим и в начале августа при прилете Горбачева на отдых.

Мне необходимо было вновь выехать в Крым для руководства мероприятиями по обеспечению безопасности отлета Горбачева в Москву. Однако Кравчук не разрешил мне покинуть город, сославшись на то, что из силовиков только я в отпускной период оставался на работе в Киеве. Откровенно говоря, я обрадовался этому. Накануне у нас с женой произошло семейное событие: приехал в гости сын Александр с женой Леной и девятимесячным внуком Пашей. Для меня и супруги более радостных минут и быть не могло. Вечером мы купали малыша – визг и брызги воды от разбушевавшегося моряка оживили нашу обычно тихую дачу.

В воскресенье 18 августа начальник Крымского управления КГБ генерал Коломийцев по ВЧ-связи доложил мне, что обстановка вокруг президентской дачи нормальная, семья охраняемого лица купалась в море, отдыхала. Крымские чекисты завершали комплекс охранных мероприятий по трассе: президентская дача – аэродром «Бельбек». Вдоль дороги на всем протяжении, как в сталинские времена, расставлялись наряды («линейки») из оперативного состава КГБ и милиции.

Меры по охране главы государства всегда ставились на особый контроль в Москве. Любая оплошность в этой работе, малейшее отклонение от повышенных требований и жестких инструкций – и председателю КГБ головы не сносить. Личная охрана Президента осуществлялась профессионально, специальными силами 9-го управления КГБ СССР. Я много раз имел возможность убедиться в этом на Украине, когда взаимодействовал с руководителями «девятки» генералами Ю. Плехановым, В. Максенковым, В. Медведевым, В. Алейниковым и М. Титковым.

Информация, которой я владел накануне грядущего отъезда Горбачева, не внушала никаких опасений и тревог, не предвещала никаких осложнений. Необычным и настораживающим было только одно: из Москвы от председателя КГБ Крючкова не поступила шифротелеграмма о необходимости обеспечения безопасности вылета Президента из Крыма. Это делалось всегда. Но на обеспечение безопасности намечаемого его вылета в Москву для подписания Союзного договора 19 августа указания так и не последовало.

Как стало известно позже от самого Горбачева, накануне к нему в Форос прибыли заместитель председателя Совета обороны СССР Олег Бакланов, секретарь ЦК КПСС Олег Шенин,

руководитель президентского аппарата Валерий Болдин и командующий Сухопутными войсками страны Валентин Варенников. Они предложили Президенту либо издать указ о введении чрезвычайного положения и создании специального органа – ГКЧП, либо заявить об уходе в отставку.

В обязанности республиканских чекистов не входило владение информацией о посещении охраняемой Москвой президентской дачи кем бы то ни было, даже высшими должностными лицами страны. Это внутренне охраняемая тайна, которой владела личная охрана. Нас не информировали и о других событиях, в частности о том, что Крючков произвел замену начальника личной охраны Президента. Вместо генерала Владимира Медведева, опытного, мудрого, надежного профессионала, из Москвы был направлен заместитель начальника 9-го управления В. Генералов.

Правительственную и телефонную связь на президентской даче в Форосе по указанию из Москвы заблокировали. Спец-коммутатор с высшей степенью технической защищенности связи Президента с самыми важными должностными лицами страны был также отключен. В журнале учета соединений оператор сделал отметку: «М. Горбачев провел по этому аппарату последние разговоры 18 августа в 16 часов 30 минут». Главная президентская связь со страной – секретный коммутатор – замолчала…

На всякий случай, чтобы Горбачев не смог появиться в Москве, взлетную полосу военного аэродрома «Бельбек», где была стоянка литера «А» (самолета Президента СССР), заставили тягачами.

19 августа, ранним утром, на моей служебной даче в пригородном местечке Кончe-Заспе раздался телефонный звонок по каналу закрытой связи. Звонил председатель Верховного совета Леонид Кравчук. Он интересовался, что произошло в стране и известно ли мне об образовании новой властной структуры – Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, а также что случилось со здоровьем Горбачева.

Кравчук и я прекрасно знали, что Горбачев был совершенно здоров. Накануне между ними состоялась беседа по ВЧ-связи. Я присутствовал при этом разговоре, так как необходимо было решить протокольный вопрос о выезде в Крым руководителей республики (обычно – председатель Верховного совета, первый секретарь ЦК КПУ, председатели Совета министров и КГБ) для проводов Президента страны в Москву. Горбачев посоветовал тогда не отрываться от повседневных дел для его проводов, поскольку он планировал после церемонии подписания Союзного договора сразу же вернуться и продолжить отдых. «Он даже Раису Максимовну не берет с собой в Москву», – заметил Кравчук.

Сам Кравчук не собирался выезжать в Москву на предстоящее заключение Союзного договора, даже присутствовать на официальной церемонии. Украина, одна из авторитетных и мощных по своему потенциалу республик СССР, отказывалась подписывать на этой стадии обновленный Союзный договор. Украинское руководство и большинство депутатского корпуса мотивировали такой шаг необходимостью взвешенно и обстоятельно обсудить в парламенте проект нового договора, для чего им требовалось время; было принято решение о переносе обсуждения Союзного договора на сентябрь. Такому шагу способствовали давление сторонников Народной рады, организованное блокирование парламента и маршей западников в Киев. Это явилось первой весомой победой оппозиционных сил и началом сдачи позиций коммунистического большинства в парламенте. Депутаты от оппозиции (если не ошибаюсь, инициатором выступил депутат В. Филенко) вообще предлагали перенести акт подписания нового Союзного договора в Киев – «матерь городов русских»…

Итак, вернемся в то утро 19 августа. В столь раннем звонке Кравчука меня больше всего настораживало известие о внезапной болезни Горбачева. Возникали самые мрачные мысли: неужели инфаркт, инсульт или еще хуже – какие-нибудь дворцовые, придворные интриги или враждебные действия? Судя по голосу, Кравчук заметно волновался. И не только внезапная

болезнь Президента была тому причиной. Его озадачивал не планировавшийся, не обсуждавшийся внезапный ночной визит в Киев генерала армии Варенникова, который вдруг потребовал срочной встречи с руководителями республики. Меня же терзала мучительная мысль: почему нет никакой информации из КГБ СССР – родного ведомства? Почему мне никто не сообщил о принятых важнейших решениях в жизни страны, затрагивающих задачи обеспечения государственной безопасности, ведь Президент СССР находится на украинской земле? Почему я как председатель КГБ республики и член коллегии КГБ СССР оказался поставлен в такую нелепую ситуацию, лишен всякой информации о событиях в Москве? Мне не доверяет центр или происходит что-то сверхнеожиданное? Мое положение руководителя республиканских органов безопасности из-за полной неосведомленности было не просто сложным и неопределенным. Дело в том, что КГБ несет прямую ответственность за безопасность страны, союзных республик. Органы госбезопасности никогда не стояли в стороне от важных политических событий, тем более чрезвычайных происшествий, угрожающих интересам обороны и безопасности государства. Общественное мнение зачастую даже преувеличивало нашу «всеинформированность», были популярными легенды о проникновении органов в мельчайшие сферы жизни общества и государства. А тут все наоборот: о существенном изменении общественно-политической обстановки, отстранении от полномочий Президента СССР я узнал от партийных и военных товарищей.

Телефонные аппараты всех видов связи молчали. Дежурные службы КГБ Украины и Крымского управления доложили мне о нормальной оперативной обстановке, без каких-либо происшествий. Добавлю, что ответственный дежурный офицер в Комитете республики до моего звонка даже не знал о создании ГКЧП из теленовостей, так как в утренние часы не включил телевизор. Я немедленно позвонил в Москву, в Дежурную службу КГБ СССР, которая ведет непрерывное и постоянное отслеживание оперативной обстановки в стране и фиксирует тревожные явления в мире. Еще недавно сам руководил этой службой, но хорошо знакомые по совместной работе коллеги не смогли меня просветить.

Офицеры приемной председателя КГБ СССР соединить меня по ВЧ-связи с Крючковым отказались, мотивируя это тем, что он проводит совещание с руководящим составом центрального аппарата. Пообещали доложить ему о моем звонке. Это была моя единственная попытка переговорить непосредственно с Крючковым. Больше ему и другим руководителям Комитета я не звонил. Принятие всех последующих решений я взял на себя.

Дальнейшее развитие ситуации проходило столь стремительно, буквально по часам и минутам, что практически не было реальной возможности связываться с коллегами в Москве. Единственное исключение: я смог советоваться и поддерживать в эти дни телефонные контакты с народным депутатом СССР Юрием Голиком, председателем союзного координационного комитета силовых ведомств.

В тревожном неведении я срочно выехал на работу вместе с соседом по даче Константином Ивановичем Масиком, первым заместителем председателя Совмина Украины. Премьер-министр Витольд Павлович Фокин находился в отпуске, очередном экстремальном путешествии – сплавлялся по горным рекам не то в Монголии, не то в Якутии. По пути на работу мы с Масиком обменивались мнениями о необходимых и первоочередных действиях правительства.

19 августа рабочий день прошел в разного рода заседаниях: встреча с генералом Варенниковым, совещание в Совете министров, участие в работе Президиума Верховного совета. В служебном кабинете во время моего отсутствия «на хозяйстве» находился Николай Михайлович Шама, мой первый заместитель, назначенный вместо Евгения Кирилловича Марчука двумя месяцами ранее. Он не имел киевской квартиры, проживал в десяти метрах от здания КГБ в нашей ведомственной гостинице и потому оказался на работе раньше других. В этот ответственный период он возглавил созданный моим приказом оперативный штаб – орган

коллективного руководства, где реализовывались основные оперативные установки и текущие задачи, контролировалась обстановка в республике, а также исполнялись указания председателя КГБ УССР. На Шаму я мог положиться, зная, что не подведет ни в службе, ни в дружбе. Он был чекистом андроповского призыва, с молодости прошел солидную школу комсомольской и партийной деятельности, затем трудился на должностях начальника Крымского, Запорожского областных управлений КГБ.

Средства массовой информации непрерывно сообщали о создании ГКЧП; на страну обрушился такой поток новостей, который с трудом поддавался осмыслению: «Обращение к советскому народу», «Заявление советского руководства», «Заявление председателя Верховного совета СССР Лукьянова А. И.». Объявлен указ вице-президента СССР Геннадия Ивановича Янаева о том, что «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнять Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанности Президента СССР» он вступает в исполнение его полномочий. Как вспоминал Назарбаев, он прямо сказал Янаеву, что возложение на себя обязанностей Президента СССР и создание ГКЧП незаконно, и спросил, отдает ли он себе отчет в прямом нарушении Конституции СССР? С циничной откровенностью Янаев высказался в том смысле, что обстоятельства не позволяют действовать в соответствии с конституционными нормами, а потом, задним числом, Верховный совет все это узаконит. После такого ответа у Назарбаева никаких сомнений в истинных устремлениях путчистов не осталось.

Янаев, Павлов и Бакланов подписали «Заявление советского руководства», в котором провозглашалось требование обязательного и неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории СССР решений ГКЧП. Предусматривалось введение чрезвычайного положения «в отдельных местностях СССР» с 19 августа сроком до шести месяцев. В случае неспособности существующих органов власти выполнить указания ГКЧП предоставлялось право приостанавливать их действия, а также запрещать функционирование политических партий и общественных организаций, препятствующих нормализации положения. Проведение митингов, демонстраций и забастовок не допускалось.

Воспринимать и оценивать на слух материалы ГКЧП было сложно. Но было необходимо безотлагательно и всесторонне разобраться в их сути, осмыслить, чтобы выработать наиболее верные для деятельности сотрудников госбезопасности республики оперативные решения в этих свалившихся как снег на голову и осложнивших все политических условиях.

Обмениваясь мнениями с Шамой, мы договорились о следующем: провести заседание Оперативного штаба, информировать начальников ведущих управлений, поставить им задачи по усилению связи органов КГБ и исполнительной власти в областях, контролировать оперативную обстановку по нашей компетенции и не допускать ее осложнения. Главное внимание уделять западному региону. Около 8 часов утра мне позвонил командующий Киевским военным округом генерал-полковник Виктор Степанович Чечеватов. Он просил прибыть в округ для встречи с командующим Сухопутными войсками СССР генералом армии Варенниковым. Я поехал в военный округ со своим заместителем Георгием Ковтуном, которому поручил взаимодействовать с военными и правоохранительными структурами в случае введения чрезвычайного положения.

Военные оказались лучше организованными, чем мы в КГБ. После беседы 18 августа с Горбачевым Варенников встретился в Крыму с приглашенными туда командующими войсками Киевского военного округа Чечеватовым, Прикарпатского – Скоковым, Одесского – Морозовым и командующим Черноморским флотом Хронопуло. Они обсуждали действия на случай возможного введения в стране чрезвычайного положения и высказались за установление повышенной боевой готовности во всех вооруженных силах, дислоцированных в республике. Командующих заблаговременно поставили в известность о ГКЧП, вручили им тексты закона

СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Какой-либо подобной предварительной проработки вопросов введения ГКЧП с органами КГБ республики не проводилось.

Помимо нас с Г. Ковтуном в кабинете командующего Киевским военным округом собрались первый заместитель министра внутренних дел В. Корнейчук, командующие внутренними и пограничными войсками, несколько генералов штаба округа. Варенников, прибыв после встречи в Верховном совете с Кравчуком, первым секретарем ЦК КПУ Гуренко и первым заместителем председателя Совмина Масиком, прохаживаясь по ковровой дорожке, кратко проинформировал нас о болезни Горбачева, переходе власти к членам ГКЧП. Призвал принимать меры к стабилизации и спасению страны, которая катится к пропасти. В случае невыполнения директив ГКЧП в республике может быть введено чрезвычайное положение и что намечается ввод войск и танков в Москву, Санкт-Петербург и Киев. Варенников рассказал, что на уровне руководителей республики «определились в конкретных действиях». Он потребовал от них поддержки решений ГКЧП, предупредив о том, что в войсках введена повышенная боевая готовность.

Присутствующим предложил создать при штабе Киевского военного округа единую информационную группу из военных, КГБ и МВД для отслеживания и реагирования на опасные изменения обстановки в республике. «На Украине к власти в западных областях пришли националисты, надо навести порядок, ввести там чрезвычайное положение», – заметил Варенников.

В кабинете стояла настороженная, но спокойная атмосфера. Я задал вопрос генералу, владеет ли он особенностями политической и оперативной обстановки на Украине.

– А что такое? – спросил Варенников.

– Вы правы, действительно в западных областях Украины в органах законодательной и исполнительной власти имеются националистические элементы. Но они победили на выборах, за них проголосовало большинство населения в ходе прошедшей избирательной кампании, не оказав доверия коммунистам. Теперь нам приходится с этими депутатами тесно и повседневно работать.

Далее я подчеркнул, что на сегодня обстановка в западных областях более спокойная, чем, скажем, в Донбассе, где продолжаются постоянные массовые митинги и забастовки шахтеров с политическими и экономическими требованиями. Для новых лидеров западных областей характерны призывы убирать урожай, а не бастовать. Червоноградский угольный бассейн во Львовской области в те дни был единственным в республике, где шахтеры продолжали добывать уголь. Председатель Львовского облсовета Черновил утверждал: «У нас на Галичине забастовки организовать легко. Но зачем забастовки? Это же нам нож в спину!» Что же касается объявления чрезвычайного положения в республике или отдельных областях, то есть закон, который мы недавно приняли (на мундире Варенникова и у меня на пиджаке были значки народных депутатов СССР). Когда будут соответствующие решения Верховных советов СССР или республики, тогда появятся все основания применять надлежащие меры со стороны правоохранительных органов по обеспечению чрезвычайного положения. Что касается войск, то еще в январе 1991 года Верховный совет УССР признал недопустимым использовать на территории республики военную силу для решения внутриполитических и межнациональных конфликтов без согласия законных органов власти.

Во время нашего разговора раздался телефонный звонок ВЧ-связи, и Варенников ушел в другой кабинет для переговоров с Москвой. Я уехал со встречи первым, сославшись на необходимость быть на своем рабочем месте.

После пребывания в Киевском военном округе очередное совещание состоялось в Кабинете министров. Обсуждались срочные меры по обеспечению нормального функционирования промышленности, укреплению правопорядка, улучшению снабжения населения в республике. При обмене мнениями о создании ГКЧП я сказал, в частности, что не понимаю правовых

оснований создания этого коллективного органа. Согласно закону, подобные структуры создаются Верховным советом СССР, а он не созывался. По моему убеждению, силовики не должны входить в состав чрезвычайных министерств, их обязанность – выполнять директивы таких особых структур высшей исполнительной власти страны.

Когда я встретился в Верховном совете с Кравчуком, он первым делом потребовал организовать ему личную охрану: «С Варенниковым пришли в Верховный совет много генералов и офицеров. Я оказался без охраны, и меня могли арестовать». В этот же день для обеспечения безопасности Кравчука были назначены сотрудники КГБ Украины, дана команда готовить документы о создании специализированного подразделения для выполнения таких задач. Ранее отдел охраны у нас существовал, но его ликвидировали после ухода на пенсию Щербицкого.

Кравчук впервые оказался в столь сложной ситуации, его действия в тот период оцениваются по-разному. По моему мнению, его положение главы Верховного совета республики являлось исключительно ответственным. Необходимо было определиться с линией поведения: поддержать политику ГКЧП или осудить как антиконституционное явление. На окончательное решение Кравчука массированное давление оказывали воинствующая национал-демократическая оппозиция с одной стороны, с другой – коммунистическое большинство в парламенте, ведь он еще оставался вторым секретарем ЦК КПУ.

После объявления ГКЧП на обстановку в республике позитивно повлияло телевизионное обращение Кравчука к украинскому народу. В нем увидели государственного лидера, призвавшего к спокойствию, взвешенности и соблюдению дисциплины и правопорядка. Он заверил, что свою судьбу республика будет определять сама, ГКЧП в Украине не пройдет.

Когда я добрался до своего рабочего кабинета, Шама доложил, что обстановка в республике нормальная, контролируется, каких-либо выступлений, особенно антиобщественного характера, не отмечается. В мое отсутствие звонил Крючков. Он узнал о том, что я нахожусь на встрече с Варенниковым, и попросил соединить его с Кравчуком. Впоследствии Крючков заявлял, что Кравчук в разговоре «даже сказал, что он не исключает возможности введения чрезвычайных мер в западных областях Украины, где обстановку считал наиболее настораживающей». Не знаю, было ли в их разговоре все так, как изложено Крючковым. Кравчук, в свою очередь, содержание беседы изложил несколько иначе: «Руководитель главной советской спецслужбы поинтересовался, все ли у нас хорошо. В конце передал привет Гуренко… Никаких тебе указаний от имени ГКЧП, никакого давления, никаких угроз. Все было очень вежливо и… абсолютно бестолково».

Крючков после ареста признавал, что союзные республики в дни ГКЧП были оставлены без должного внимания, их потенциал в поддержке ГКЧП не использован, они не были соответствующим образом сориентированы. Возникает вопрос: зачем он звонил Кравчуку?

19 августа мне пришлось принимать, может быть, самое трудное и судьбоносное за всю службу в органах государственной безопасности оперативное решение. От занятой мною позиции зависела дальнейшая жизнь моих подчиненных, их семей и, безусловно, моя последующая судьба. В КГБ Украины поступила шифротелеграмма из Москвы за подписью Крючкова о создании ГКЧП и с требованием перевести подразделения КГБ в состояние повышенной боевой готовности. Органам госбезопасности предписывалось принять исчерпывающие меры по безусловному выполнению решений ГКЧП, обеспечить полный контроль за развитием ситуации на местах. Требовалось осуществлять непрерывное информирование по всем аспектам складывающегося положения, прогнозировать вероятность развития событий и своевременно выходить с обоснованными предложениями. Отмечалось, что исключительно важно сохранить единство и сплоченность чекистских коллективов, объединенных общностью задач и интересов, действовать с пониманием высокой ответственности перед народом.

Это указание КГБ СССР надлежало направить во все 25 областных управлений уже за подписью председателя КГБ УССР. Обычно передаваемые из центра ориентировки, приказы в областные органы госбезопасности сопровождались преамбулой: «Руководствуясь указанием КГБ СССР» или «в соответствии с решением Коллегии КГБ СССР», далее следовали номера и даты соответствующих документов. Подобные директивы становились для республиканских КГБ на уровень приказных требований, подлежащих безусловному выполнению. При подписании шифротелеграммы в областные органы я задумался над формулировкой преамбулы, где по стандарту значилось: «Руководствуясь указанием КГБ СССР за подписью Крючкова о введении повышенной боеготовности». Я зачеркнул эту вступительную фразу и написал следующее: «Руководствоваться решениями Верховного совета Украины и требованиями председателя Верховного совета Украины Кравчука, высказанными в обращении к украинскому народу». В дальнейшем жизнь показала, что несколько слов этого официального указания структурам КГБ означали многое: они отражали мою профессиональную и гражданскую позицию, давали возможность для оценок действий оперативного состава республики в те неясные и грозные дни. Я исходил из того, что после отмены шестой статьи Конституции СССР органы госбезопасности страны в соответствии с действующим законодательством, подчиняются высшим органам законодательной власти СССР и союзных республик.

В Киев поступила также телеграмма первого заместителя председателя КГБ СССР Г. Агеева, в которой от органов КГБ требовалось блокировать поступление по различным каналам, особенно закрытой и шифрованной связи, указов, подписанных Ельциным о неподчинении ГКЧП, его обращений к военнослужащим не участвовать в перевороте и т. д. Я *с* удивлением прочитал ее содержание и увидел, насколько непонятна логика действий руководства КГБ. Написал на телеграмме резолюцию: «Не исполнять», так как по открытым радиоканалам шли передачи с изложением содержания указанных решений руководства России.

Получается, что ГКЧП объективно помог Ельцину организовать у Белого дома майдан с танками. Когда Ельцин открыто выступил против ГКЧП, страна увидела его на танке, и он стал лидером сопротивления. За эти три дня он сумел захватить практически всю полноту союзной власти. После такого московского демарша ни одна из союзных республик не могла верить в новый Союзный договор.

В нашем указании областным органам госбезопасности содержались два важных момента. Первый: областные подразделения КГБ обязывались осуществлять в принудительном порядке изъятие у населения оружия, боеприпасов и решать вопросы о привлечении виновных к уголовной ответственности; решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, провокаций и антиобщественных действий, которые могли послужить поводом для введения чрезвычайного положения или применения силовых мер. Второй: несмотря на указание центра о приведении органов госбезопасности в повышенную боевую готовность, я не давал разрешения на вооружение сотрудников огнестрельным оружием. Оно находилось в специальных сейфах и могло выдаваться индивидуально в неотложных случаях. Принимая это решение, я исходил из опасения, что при массовой раздаче оружия могут наступить случайные, но необратимые последствия.

Уже находясь на работе в Москве, я узнал, что мои российские коллеги, председатель КГБ РСФСР Виктор Иванович Иваненко и министр внутренних дел РСФСР Виктор Павлович Баранников, также не поддержали создание ГКЧП и 19 августа направили в местные органы совместную телеграмму, существенно отличающуюся от директив Крючкова. Они призывали трезво оценивать политическую ситуацию в стране, всемерно содействовать власти в предотвращении использования военной силы и возможного кровопролития и выразили уверенность, что «сотрудники органов КГБ и МВД РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте».

Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем, уже во время моей службы в России, еще раз пришлось оказаться в пекле почти аналогичных роковых событий. В октябрьские дни 1993 года в должности министра безопасности Российской Федерации мне пришлось подписывать шифротелеграмму о том, как надлежит действовать органам безопасности 86 субъектов Российской Федерации. Упомянутые мои коллеги уже не принимали в этом участия: В. Иваненко находился в отставке, а генерал армии В. Баранников содержался под арестом в тюрьме Лефортово.

Не только руководители российских органов КГБ и милиции не поддержали ГКЧП. Особое мнение было у начальника 1-го главного управления (ПГУ) КГБ СССР Леонида Владимировича Шебаршина. Он отвергнул инициативу провести активные мероприятия в поддержку ГКЧП, появившуюся в аппарате советской разведки. Перечеркнул проект указания зарубежным резидентурам, как он сам отмечал, понимая, что «ГКЧП – затея сомнительная и добром не кончится, что разведке лучше остаться в стороне от азартной политической игры».

Большинство граждан и должностных лиц на Украине просто смогли разобраться в существе быстролетных событий трех дней ГКЧП. Были принципиальные и откровенные противники функционирования ГКЧП как антиконституционного органа. Были сочувствующие лица, поддерживавшие, прежде всего, призывы к восстановлению дееспособности существующей власти, повышению уровня жизни, прекращению анархии и разгула преступных элементов в государстве. Население республики не приняло активного участия ни в поддержке усилий ГКЧП, ни в оказании ему противодействия. Правильно говорят, что революции делаются в столицах, в верхах, а их негативные последствия пожинаются в низах. Какие-либо серьезные антиобщественные последствия деятельности ГКЧП обошли стороной Украину. В Москве же, наоборот, попытались осуществить курс на проведение «твердой политики»: устанавливался комендантский час, было объявлено о запрещении публичных выступлений, запрете выпуска ряда газет и демократических изданий.

Крючков дал указание о взятии под контроль некоторых «неблагонадежных» граждан, в том числе народных депутатов (Гдляна, Иванова, Уражцева), которых явно незаконно интернировали и вывезли на территорию подмосковного военного объекта.

События в дни ГКЧП носили характер «столичного переворота». Танки появились в центре столицы, на узких улицах. В Москве, где были введены войска и многочисленные толпы встали на защиту Белого дома, для столичных чекистов оперативная ситуация была более сложная, чем на Украине. У нас в республике народ жил своими заботами, обычной жизнью, сотрудники органов безопасности продолжали выполнять служебные обязанности в зависимости от местных условий и проявлений. В некоторых западных областях нашлись инспираторы, призывавшие толпы людей блокировать административные здания партийных, советских органов, КГБ. В Киеве на центральных площадях возникали стихийные митинги, с трудом удавалось избежать применения крайних мер. Нашими сотрудниками были получены достоверные данные о намерениях со стороны конкретных лиц «жечь танки», если путчисты осмелятся вывести их на улицы Киева.

Львовский облсовет призывал население к актам гражданского неповиновения в случае введения чрезвычайного положения. Руководство Руха для противодействия ГКЧП готовило создание организационных структур активного сопротивления, намечало призвать население к всеукраинской забастовке.

В эти дни мне позвонили руководители некоторых западных областей: «Будем сидеть тихо, как мыши под соломой, но сделайте все, чтобы не было чрезвычайного или военного положения». О желании обойтись без применения вооруженной силы со стороны властей просил меня глава облсовета из Ивано-Франковска: «Иначе наши деды найдут свое оружие в стрехах домов или в схронах в лесах, куда они уйдут защищать Украину». К наибольшей заслуге Верховного совета и его председателя Кравчука в те дни следует отнести то, что в

республике не было допущено осложнения общественно-политической обстановки, тем более кровопролития (что случилось в Москве), хотя реальная опасность существовала.

Немалая доля в достижении мирного развития принадлежит ответственным подходам правительства, руководителей восточных и западных областей, выверенным действиям органов КГБ, МВД, прокуратуры республики. Благодаря благоразумию всех ветвей власти, как я выразился впоследствии на пресс-конференции, «ни один волос в эти тревожные дни не упал с невинной головы кого-либо из украинских граждан».

Глава вторая
20 августа – день второй. КГБ Украины и провал ГКЧП

20 августа члены ГКЧП еще проявляли активность; потребовали от руководителей республик и областей образовать на местах чрезвычайные структуры, подобные ГКЧП. В этот день появились официальные документы ГКЧП; на моем рабочем столе лежала стопка центральных газет с опубликованными материалами этого чрезвычайного органа власти. Даже при беглом анализе их содержания на поверхности оказывалось множество видимых формальных нарушений действующего законодательства. Оттого некоторые заявления и действия союзных властей носили принудительный, силовой, прямо-таки хунтовский характер, например применение войск.

Почему так скоропалительно, в отсутствие Горбачева и Лукьянова, в нарушение конституционных норм создается «для спасения страны» чрезвычайный орган государственного управления, решения которого являются «обязательными для неукоснительного исполнения на всей территории СССР»? Почему нет сообщений о медицинском диагнозе заболевания Президента, ведь процедура отстранения его от должности по причине болезни прописана в Конституции? Почему в СМИ нет человеческой заботы и пожеланий ему скорейшего выздоровления? Мы еще не забыли всенародный интерес к самочувствию Андропова, Черненко, которым пестрели совсем недавно средства массовой информации.

Почему у «больного» Президента СССР выключены все средства связи?

Элементарное правовое прочтение документов говорило о том, что для легитимности и законности образования ГКЧП надо всего-то собрать и провести решение через Верховный совет СССР. Искушенный в парламентских и протокольных тонкостях и опытнейший юрист Лукьянов прекрасно понимал, что действия ГКЧП с самого начала проводились с нарушением основных конституционных норм формирования исполнительной власти государства. Он сделал публичное заявление о том, что Президент СССР незаконно задерживается в Форосе.

Участники ГКЧП, оказывается, тоже мучились над вопросом, как его создание соотносится с действующим законодательством. «Была относительно твердая уверенность в том, что Верховный совет и Съезд народных депутатов СССР поймут наш шаг, по крайней мере должны понять. Ведь народным избранникам, в конце концов, не может быть безразлична судьба народа, судьба самых высших законодательных органов страны», – отмечал Крючков.

20 августа ожидалось выступление Крючкова перед российскими парламентариями с целью разъяснения политики ГКЧП. Но таковое не состоялось. Он метался между Горбачевым, которого отрезали от внешнего мира в Форосе, и Ельциным, которого планировали, но не решились интернировать на даче в Архангельском.

Не успел я ознакомиться с содержанием актов ГКЧП, как ко мне настойчиво начал проситься начальник следственного отдела Владимир Иванович Пристайко, молодой по стажу работы и возрасту руководитель, недавно назначенный на эту ответственную должность. Ему подчинялся весь коллектив следователей КГБ республики. Интеллигентный и спокойный, современный и квалифицированный чекист. Он доложил мне аналитическую справку, в которой содержалась правовая оценка документов ГКЧП. Этот документ и сегодня является историческим свидетельством позиции сотрудников украинской госбезопасности по отношению к происходящим в августовские дни событиям.

СПРАВКА

В следственном отделе КГБ УССР по указанию председателя КГБ УССР т. Голушко Н. М. проанализированы опубликованные 20 августа с. г. в газете «Известия» и других средствах массовой информации Указ вице-президента СССР от 18.08.91 г., Заявление советского руко-

водства и Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

В названных Указе и Заявлении сообщается о переходе к вице-президенту страны полномочий Президента в связи с невозможностью исполнения последним своих обязанностей по состоянию здоровья. В соответствии со статьей 127(6) Конституции СССР Президент СССР обладает правом неприкосновенности и может быть смещен только Съездом народных депутатов СССР в случае нарушения им Конституции СССР и законов СССР по инициативе самого съезда или Верховного совета СССР с учетом заключения Комитета конституционного надзора СССР. Согласно статье 127 (7) Конституции страны полномочия Президента могут переходить к вице-президенту впредь до избрания нового Президента СССР в том случае, если он по тем или иным причинам не может далее исполнять свои обязанности. В Указе вице-президента и Заявлении советского руководства в качестве такой причины указано состояние здоровья Президента. Вместе с тем ни в одном из средств массовой информации не опубликовано заключение врачебной комиссии по этому поводу, не сообщено о характере и тяжести заболевания, а также об отношении самого Президента к вопросу о возможности исполнения им своих обязанностей.

Таким образом, при формальном соблюдении структуры правовой нормы Указ вице-президента СССР от 18.08.91 г. о вступлении в исполнение обязанностей Президента страны лишен фактического основания, что ставит под сомнение его юридическую силу.

Ввиду того что о введении чрезвычайного положения в «отдельных местностях СССР» и образовании ««для управления страной и элективного осуществления режима чрезвычайного положения» Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР объявлено в «Заявлении советского руководства», которое не является нормативным актом, это нельзя признать законным. Кроме того, указание в Заявлении на то, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР, противоречит Конституции СССР. В ней в качестве высших органов государственной власти и управления страны закреплены Съезд народных депутатов СССР, Верховный совет СССР, Президент и Кабинет министров СССР и не предусмотрено создание каких-либо специальных чрезвычайных органов, которым делегируется вся полнота власти в стране. Не является конституционным органом и ГКЧП.

Анализируемые документы входят в противоречие и с Законом СССР от 3 апреля 1990 г. ««О правовом режиме чрезвычайного положения». В частности, согласно части первой статьи 1 данного Закона условия, при которых объявляется чрезвычайное положение, ограничены стихийными бедствиями, крупными авариями или катастрофами, эпидемиями, эпизоотиями и массовыми беспорядками. В Заявлении, которым объявлено чрезвычайное положение, ни одно из этих условий не упоминается. Не указаны в Заявлении и, как отмечено в статье 2 Закона, «территории союзной, автономной республики или отдельные местности», на которые распространяется режим чрезвычайного положения, в связи с чем он фактически не имеет применения.

Согласно части второй статьи 2 Закона «О правовом режиме чрезвычайного положения» «Президент СССР предупреждает об объявлении чрезвычайного положения в отдельных местностях, а при необходимости и вводит его по просьбе или с согласия Президиума Верховного совета или высшего органа государственной власти соответствующей союзной республики. При отсутствии такого согласия вводит чрезвычайное положение с незамедлительным внесением принятого решения на утверждение Верховного совета СССР». В указанном Заявлении отсутствуют ссылки на наличие просьбы или согласия предусмотренных Законом органов по вопросу введения чрезвычайного положения.

Обязывая все органы власти и управления Союза ССР, союзных автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел неукоснительно соблюдать режим чрезвычайного положения в соответствии с постановлениями ГКЧП и оставляя за собой право приостанавливать полномочия соответствующих органов власти и управления, а их функции возлагать на лиц, специально уполномоченных (пункт 1 Постановления № 1 ГКЧП), Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР фактически присвоил себе функции высших органов государственной власти и управления в стране, что является грубым нарушением Конституции СССР.

В противоречие с законодательством входит и пункт 5 Постановления, в котором говорится о приостановлении деятельности Совета безопасности СССР, поскольку названный Совет является конституционным органом, а его члены назначаются Президентом СССР с учетом мнения Совета Федерации и по согласованию с Верховным советом СССР. В связи с этим взятие ГКЧП на себя функций Совета безопасности нельзя признать правомерным.

Учитывая изложенное, проанализированные документы ввиду неправомерности не могут быть приняты к исполнению в качестве нормативных актов.

Начальник следственного отдела КГБ УССР полковник юстиции В. И. Пристайко 20 августа 1991 года.

Я прочитал представленный текст, а мысли были о другом: как мне, руководителю республиканского органа госбезопасности, реагировать на весьма категорическое заключение своих подчиненных о незаконности директив ГКЧП? Проведение юридического анализа документов ГКЧП и особенно убийственные выводы о том, что они «ввиду неправомерности не могут быть приняты к исполнению в качестве нормативных актов», были мужественным шагом, но грозящим опасностями сотрудникам КГБ, если принять во внимание и учитывать непредсказуемость последствий и возможных репрессий со стороны потенциальных будущих победителей. Я и мои товарищи моги поплатиться свободой за свои выводы и действия. Моя резолюция на справке следственного отдела была такова: «Тов. Шама Н. М., тов. Пристайко В. И. Согласен. Прошу руководствоваться в работе Оперштаба. Голушко 20/8». Кроме того, в первом предложении после слов «В следственном отделе КГБ УССР проанализированы…» я добавил собственной рукой: «по указанию председателя КГБ УССР», что в определенной степени должно снимать ответственность и вину с авторов документа. В последующем, когда начались расследования по уголовному делу о действиях должностных лиц КГБ УССР в дни ГКЧП, так и случилось.

Был период отпусков, и значительная часть руководящих работников Комитета находилась вне Киева. Оперативный состав мы специально не отзывали из отпусков на службу, но воспитанное у нашего поколения сотрудников повышенное чувство долга и ответственности за порученное дело, судьбу страны диктовало многим из них внутреннюю необходимость в те тревожные дни быть на рабочем месте. Вот один из примеров: В. Пристайко в прокуратуре свидетельствовал, что находился на отдыхе в Одесской области и должен был приступить к работе 24 августа. Узнав из радиопередач о создании ГКЧП, он решил вылететь в Киев. Хотя ни на один рейс в Киев билетов не было, он все же сумел к концу дня 19 августа прибыть в столицу. Его заместитель Лукьяненко доложил, что следователи работают в обычном режиме и каких-либо особых указаний не поступало. Единственное – председатель КГБ Голушко поручил дать правовую оценку документов ГКЧП; 20 августа к 10 часам справка была подготовлена. Пристайко на допросе показал, что доложил о ее готовности по телефону председателю КГБ; тот просил кратко изложить суть документа, но через несколько минут перезвонил и сказал, что необходимо детально рассмотреть справку. «Председатель внимательно прочитал справку, не подвергая сомнению ее положений, и наложил резолюцию «Согласен»… Впоследствии он сообщил мне, что с запиской ознакомил первого заместителя председателя Совета министров

УССР К. Масика. Кроме того, ее обсуждали на заседании Президиума Верховного совета», – свидетельствовал Пристайко.

Временная комиссия Верховного совета УССР при расследовании деятельности должностных лиц в период переворота 19–21 августа указала следующее: «Комитет госбезопасности передал в комиссию справку начальника следственного отдела КГБ Украины В. Пристайко от 20 августа 1991 года о несоответствии постановлений ГКЧП действующему законодательству».

20 августа мне пришлось принимать участие в решении других непростых вопросов, в частности, связанных с прилетом в Крым двух самолетов: на одном борту – Лукьянов, Ивашко, Крючков, Язов, на другом – представители российских властей во главе с вице-президентом РСФСР Руцким. Все они стремились первыми попасть к «заточенному» на даче Горбачеву. Мне позвонил заместитель председателя российского КГБ Поделякин и сообщил, что из Москвы для встречи с Горбачевым вылетели Руцкой, председатель Совмина РСФСР Силаев, члены Президентского совета СССР Бакатин и Примаков, иностранные дипломаты. Самолет следует рейсом до Симферополя, но необходимо оказать помощь в принятии борта на ближайшем от государственной дачи аэродроме «Бельбек».

Мне было известно, что посадочные полосы аэродрома были заблокированы тяжелой техникой. Военный аэродром не был предназначен для приема пассажирских воздушных судов, имел сложный заход на посадку с моря, рядом со взлетной полосой стояли ангары с реактивными истребителями. Я попытался переговорить с командующим воздушной армии, но он ответил, что все действия по использованию «Бельбека» согласовываются с находящимся в Киеве генералом Варенниковым. Моей поддержки и власти оказалось мало, о чем я сообщил российскому коллеге.

Через некоторое время мне позвонил Кравчук и сказал о поступившей ему просьбе Ельцина осуществить посадку самолета с московскими политиками в «Бельбеке». Переговоры с военными оказались трудными, и только вмешательство Кравчука позволило получить разрешение на прием самолета. Насколько непростая сложилась тогда обстановка, свидетельствуют переговоры Президентов России и Украины. Ельцин начал убеждать Кравчука в том, что руководство ГКЧП, которое вылетело в Форос, необходимо арестовать, «так как они государственные преступники». Как пишет об этом О. Попцов, «Кравчук в ответ юлит, ссылается на отсутствие информации, на непростоту собственного положения, на невеликую его власть… Ельцин же заявляет: «Ну, хорошо, не можете арестовать, дайте команду посадить наш самолет с вице-президентом и премьером на военный аэродром. Путчисты не должны попасть к Горбачеву первыми». Кравчук опять что-то объясняет. Делает это витиевато: он постарается…».

Интересная складывалась ситуация. Москва вроде не сумела, не хотела своими силами арестовать гэкачепистов во Внуково-2 на правительственном аэродроме при отлете в Форос и давала советы сделать это украинским властям.

На военном аэродроме визитеров из Москвы, естественно, не ждали. И здесь совершенно неожиданно возникла другая тревожная ситуация: на российском самолете находилась группа автоматчиков, взятая на борт Руцким. В связи с этим перед сотрудниками Севастопольского горотдела мною была поставлена задача не допустить выезда в Форос прилетевших этим рейсом вооруженных лиц, так как поздней ночью могла быть неразбериха, столкновение с сотрудниками КГБ или охраны Президента СССР.

По свидетельству Бакатина, так и случилось, делегацию во главе с Руцким около дачи встретила вооруженная автоматами президентская охрана. Вид у сотрудников был решительный. Горбачев, «загорелый, как всегда бодрый, рассказал о своем двухдневном заточении, стал готовиться к отлету». По всей протяженности трассы следования Президента СССР на аэродром «Бельбек» его безопасность обеспечивали расставленные еще до прибывших гэкачепистов оперативные наряды сотрудников КГБ Украины: в условиях той обстановки я просто забыл дать команду о снятии нарядов.

21 августа министр Язов на Коллегии Министерства обороны без согласования с другими членами ГКЧП принял самостоятельное решение о выводе войск из Москвы. Это свидетельствовало о кризисной ситуации и разладе в рядах самих членов ГКЧП. Язов не стал с ними сотрудничать, но из состава ГКЧП не вышел: «Не могу быть предателем, это мой крест, и я донесу его до конца».

Ивашко, Крючков, Язов, Лукьянов слетали к Горбачеву в Крым, где надеялись уговорить его принять участие в развивающихся событиях, от исхода которых зависит судьба страны. Он принял только Лукьянова. По возвращении из Фороса все, кроме Ивашко, были арестованы. Ситуацию обрисовал председатель КГБ СССР Крючков в личной записке Президенту после своего ареста: «М. С. Когда все задумывалось, то забота была одна – как-то помочь стране. Что касается Вас, то никто не мыслил разрыва с Вами, надеялись найти основу сотрудничества и работы с Б. Н. Ельциным. К Вам мы ехали с твердым намерением доложить и прекращать операцию. По отдельным признакам в Крыму мы поняли, что Вы не простите нас и что нас могут задержать. Решили доверить свою судьбу Президенту. Войска из Москвы стали выводить еще с утра в день поездки к Вам. Войска в Москве были просто не нужны. С глубоким уважением и надеждами В. Крючков 25.08.91». Позже Крючков в воспоминаниях напишет, что ввод войск и боевой техники в Москву был ошибочным решением. Не стоило вводить комендантский час. Эти меры были лишними, они давали повод сделать вывод, что те, кто вводил чрезвычайное положение, опасаются своего народа.

Я публично давал оценку ГКЧП уже 26 августа. Вместе с министром внутренних дел Украины Андреем Владимировичем Василишиным мы провели пресс-конференцию перед сотрудниками средств массовой информации. Привожу без какой-либо редакции некоторые выводы из сказанного мною в те дни.

«Предпринятая попытка государственного переворота в стране, намерения руководителей ряда союзных органов установить режим диктатуры резко обострили общественно-политическую обстановку и напряженность среди населения республики, озабоченность судьбой демократических завоеваний.

ГКЧП не удалось втянуть в антиконституционные действия сотрудников органов госбезопасности Украины. Все планировавшиеся акции и указания Крючкова для украинских сотрудников госбезопасности и для меня лично были полной неожиданностью и ни в какой степени не согласовывались с нами ни накануне, ни в ходе государственного переворота. Сотрудники органов госбезопасности Украины оставались верны народу, действующему законодательству СССР, Верховному совету Украинской ССР. Единодушно осудили действия союзных должностных лиц, решительно отмежевались от оторвавшегося от реальной жизни кабинетного аппаратчика Крючкова, который требовал от органов госбезопасности выполнения действий и поддержки ГКЧП.

В эти тревожные дни в своей практической деятельности органы госбезопасности республики были ориентированы на строгое следование положениям Конституции СССР и Украинской ССР. Мы руководствовались принятым Верховным советом решением о том, что на территории республики режим чрезвычайного положения не вводится, указы образованных в Москве неконституционных органов не выполняются и не имеют для нас юридической силы. КГБ республики последовал призывам, которые содержались в обращении Кравчука к украинскому народу: соблюдать законность и правопорядок, исполнять распоряжения конституционных органов власти и управления, проявлять гражданскую мудрость и ответственность. Наши подразделения не приводились в повышенную боевую готовность, оружие личному составу не выдавалось, сотрудники из отпусков не отзывались. Нами не было допущено ни малейших нарушений закона, не применялись какие-либо меры административно-правового характера,

не составлялись, как циркулируют слухи, списки для задержания граждан на случай чрезвычайного положения.

Оперативные работники управления КГБ в Крыму вместе с МВД продолжали осуществлять мероприятия по обеспечению безопасности Президента СССР; сотрудники КГБ Украины к противозаконной изоляции Горбачева не причастны.

В этой ответственной обстановке для нас было главным не допустить дестабилизации общественно-политической обстановки, упредить возможные провокационные, насильственные или экстремистские акции, которые могли послужить поводом для введения чрезвычайного положения на Украине со всеми вытекающими последствиями.

Главный итог: в результате напряженной работы всех государственных учреждений и должностных лиц в республике в эти полные драматизма дни не пролилась кровь. Думается, что это была наиболее правильная и взвешенная политика.

Сегодня не менее важной остается задача не навлечь в нынешней ситуации новых трагических последствий, уберечь народ от авантюры, не создать, как часто случается, охоты на ведьм, поиска виновных или героев.

Особо подчеркиваю, что мы не можем быть объектом нападок и шельмований только потому, что союзное руководство КГБ скомпрометировало себя участием в заговоре».

Существенно дополнил сообщения об обстановке в республике в дни ГКЧП министр Василишин. Он ознакомил присутствующих с действиями милиции по укреплению правопорядка, с полученным благодарственным письмом МВД России в адрес украинских коллег за взаимодействие в проведении конкретных мероприятий, направленных на срыв намерений ГКЧП по вводу чрезвычайного положения. Характерно, что ежедневные сводки МВД о происшествиях в республике в те дни отличались меньшим количеством уголовных преступлений и даже бытовых негативных проявлений.

Брифинг закончился в вечерние часы, когда нам доложили о крайне напряженной обстановке в Киеве у здания Верховного совета. Там стихийно возник многотысячный митинг по необычному, ранее никогда не фиксировавшемуся в республике поводу: в защиту интересов Украины от возможных территориальных притязаний. Дело в том, что в России в этот день было оглашено заявление пресс-секретаря Президента РСФСР Ельцина, в котором говорилось, что в случае прекращения Союзного договора Российская Федерация оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ с сопредельными республиками. Это был крайне опрометчивый шаг, вызвавший недовольство и протесты не только на Украине, но и в Казахстане. На Украине это расценили как недружественный акт по отношению к суверенной республике, заявившей 24 августа о своей независимости и выходе из состава СССР.

Когда мы с Василишиным прибыли в Верховный совет, напряжение огромной толпы на освещенной прожекторами площади достигло крайнего накала. Провозглашались воинствующие призывы встать на защиту территориальной целостности республики, раздавались голоса со встречными претензиями на российские территории, разгорались националистические страсти. Для разъяснения российской позиции перед собравшимися на митинге были вынуждены выступить Руцкой и Собчак, народный депутат СССР, мэр Санкт-Петербурга, в срочном порядке прибывшие в Киев для переговоров в парламенте. Выступление Руцкого было сумбурным и внесло в толпу больше волнений, чем успокоения. С убежденностью талантливого политика выступил Собчак. Казалось, чем больше бушевала толпа, тем ярче проявлялись его ораторские способности. Разъяснение российской позиции несколько успокоило митингующих, но территориальная проблема, возникшая в связи с распадом СССР, осталась надолго. В те первые дни «незалежности» территориальные притязания и антироссийские выступления впервые приняли открытый характер и злобно прозвучали на митинге.

На следующий день у меня на столе лежали оперативные материалы об инспираторах и основных зачинщиках такого рода проявлений. Какие решения принимать, что делать?

Еще вчера подобные территориальные притязания оценивались как экстремистские, антиобщественные. Сегодня в свете независимости Украины все менялось, и носители этих идей становились «героями нашего времени».

В эти же дни после распада СССР активизировались и получили распространение территориальные притязания соседних государств. Румынские власти возбуждали проблему аннексии Буджанских степей и Буковины; в Словакии требовали возвращения прежнего статуса Карпатской Руси; в Польше раздавались голоса политиков, не смирившихся с потерей западноукраинских земель. Венгерское правительство первым из зарубежных государств признало независимость Украины в надежде, что украинские демократические власти улучшат положение венгерского населения в Закарпатье и создадут для них автономию.

Как ответ на территориальные споры, эмигрантские круги за рубежом изготовили и начали распространять карту независимого государства Украина с включением в ее границы районов Белгородской, Курской, Воронежской и других российских областей. Но самое интересное заключалось в том, что в советское время настоящих границ между союзными республиками не существовало. Более того, 70 % границ между Россией и Украинской ССР обозначались решениями местных советов.

Проблемы государственных границ возникли после распада СССР и беспокоят время от времени европейскую общественность. Взаимные территориальные претензии различных государств – это тлеющий очаг постоянной напряженности (вспомним Косово, Тузлу, о. Змеиный и т. д.). В последнее время в связи с поднимаемым болезненным историческим вопросом (существования секретного пакта Молотова – Риббентропа) возникают рассуждения о законности вхождения в состав Украинской ССР части территорий бывшей Бессарабии, а также областей Западной Украины, в частности Закарпатья, Галичины. Безудержная критика положений указанного пакта может одновременно нагнетать напряженность в связи с вхождением в те годы в Украинскую ССР украинских земель довоенных Польши, Румынии, Венгрии. К примеру, натовской «великой» Румынии снятся территории Приднестровской республики, а также Черновицкой области Украины. Не следует ли быть всем народам более бдительными в происходящих территориальных притязаниях и националистических мечтах о «великих» государствах?

После августовских событий сотрудников органов госбезопасности ожидали непростые времена: нам пришлось пережить ликвидацию КГБ Украинской ССР и образование самостоятельной структуры – Службы национальной безопасности Украины (СНБУ), проводились разбирательства и составлялись отчеты о действиях в дни ГКЧП в прокурорских кабинетах и депутатских комиссиях.

В заключении Государственной комиссии СССР от 25 октября 1991 года по расследованию деятельности органов государственной безопасности (во главе с депутатом Сергеем Вадимовичем Степашиным) отмечалось, что, «несмотря на активное участие в заговоре ряда высших руководителей КГБ СССР, большинство сотрудников Комитета не поддержало заговорщиков». С полной ответственностью подтверждаю, что в числе неподдержавших были руководящий и оперативный состав КГБ Украины, о чем свидетельствуют приводимые мною официальные документы и конкретные действия личного состава в дни ГКЧП.

Что касается августовских событий на Украине, то для меня это тяжелое личное испытание, продолжающийся анализ событий и внутренние душевные переживания, требовательная и взыскательная самооценка собственных действий. Тогда в моей душе главным было честное и ответственное выполнение служебных обязанностей. Думаю, что подобные чувства тогда испытывали и мои товарищи, сотрудники центрального аппарата, областных органов КГБ УССР, которых невозможно упрекнуть в незаконных или недостойных действиях в те суровые дни. Им предстояло и дальше служить родному народу и украинской земле.

Глава третья
24 августа 1991 года – Украина провозглашает независимость

О, господи, какое это страшно тяжелое дело – возрождение национальной государственности! Каким легким, само собой разумеющимся, естественным будет оно представляться в исторической перспективе.
Владимир Винниченко. 1917 год.

В Киеве Украина в этот исторический день, 24 августа 1991 года, провозглашает торжественный акт об украинском независимом государстве. В Москве Горбачев объявляет о своей добровольной отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. 24 августа – судьбоносный день для украинского народа на путях достижения идеалов свободы и демократии, государственной самостоятельности и независимости.

Разгром ГКЧП и последовавшие за этим аресты высших должностных лиц страны положили начало молниеносному разрушению могущественной державы – СССР, завершили длительное противоборство между потерявшим доверие народа Горбачевым и Ельциным, который личным участием в победе над гэкачепистами добился отстаивания национальных интересов республики. Россия волевым усилием взяла на себя полномочия союзных министерств и ведомств, в связи с чем в союзных республиках усилились центробежные сепаратистские настроения. В Киеве суверен-коммунисты и национал-демократы умело воспользовались бездарными действиями ГКЧП как неожиданно свалившимся на их головы бесценным подарком. С разных сторон зазвучали заявления о том, что Украине «не по пути с теми, кто ввел в Москву танки и пролил в столице кровь». Началось сначала несмелое, негромкое, а затем широкое ликование по поводу провала ГКЧП и победы демократических сил. До этого периода на Украине не было явных свидетельств о намерениях коммунистических и оппозиционных кругов пойти на такой радикальный шаг, как провозгласить независимость и объявить о реальном выходе республики из состава Союза ССР.

Обладая значительным объемом информации об общественно-политическом климате, расстановке политических сил, органы госбезопасности республики не предвидели, что при активном содействии депутатов из числа членов КПСС, в рядах которой состояли и чекисты, буквально в считанные дни будет ликвидирована советская власть.

По оперативным разработкам КГБ владел данными о конкретных акциях зарубежных спецслужб и антисоветских центров по достижению целей отторжения Украины от Союза. В своих программных документах оппозиционные КПСС политические партии (к этому времени их было официально зарегистрировано свыше десяти) ориентировались на конечную цель и мечту видеть Украину самостоятельным государством. Органам КГБ были известны, как говорится, по именам и фамилиям лица, которые в последние годы полностью посвятили себя борьбе за независимую украинскую государственность. Большинство из них в разное время подвергались уголовному преследованию, отбывали длительные сроки наказания за противоправную антисоветскую деятельность. Но каких-либо массовых, открытых и публичных выступлений с явными лозунгами типа «даешь полную независимость» до тех августовских дней не отмечалось. Большинство активного населения еще не оправилось от шока и тревог в дни ГКЧП, задавалось вопросом, какое ближайшее будущее ожидает наше государство и каждого из нас. Значительно позже перекрасившиеся украинские общественные деятели заговорят о себе, что мечтали о независимости Украины чуть ли не с детского сада.

А беспокоиться о будущем СССР оснований было предостаточно.

Задолго до образования ГКЧП в республике практически был остановлен процесс обсуждения нового Союзного договора. Перестали звучать голоса авторитетных коммунистических лидеров (может быть, за исключением С. Гуренко), которые смогли бы разъяснять и существенно повлиять на общественное мнение в дискуссиях о союзных или национальных приоритетах. Нельзя не сказать, что тема гармонизации отношений республик и Союза не звучала до августовских событий. Еще Щербицкий выступал по этому поводу на заседании Политбюро ЦК КПСС. «…В вопросе о компетенции республик много неясного. Например, в чем состоит суверенность? В самоопределении вплоть до выхода из состава СССР? Неясности с самостоятельностью Компартий союзных республик? Неясности с национальным языком?» – ставил вопросы мудрый Щербицкий, который считал, что не время заключать новый Союзный договор. «Я бы не затевал этого».

Первый секретарь ЦК КПУ Ивашко в свое время твердо заявлял на заседании Политбюро ЦК КПСС, что никак нельзя медлить и допустить развала страны. «Есть политическое соображение: надо безотлагательно заключить новый Союзный договор. Главное – союзные республики передают часть прав Союзу, а союзные республики завязывают прямые связи между собой, минуя центр».

Глава украинского парламента Кравчук на первых порах своего пребывания у руля утверждал, что жить вне Советского Союза – значит потерять для себя очень многое, если не сказать больше – поставить в еще более сложную ситуацию всех людей, живущих на Украине.

Горбачев на встрече с офицерским корпусом на учениях Одесского военного округа в 1991 году (я был в числе присутствующих) утверждал что, Советский Союз в том виде, в каком существует до сих пор, исчерпал свои возможности и требует глубокого преобразования на новых началах. Это вызвало общий ропот и возмущение обострившимся кризисом.

К сожалению, эти преобразования вскоре наступили в форме распада СССР на независимые государства, не в малой степени благодаря авантюре ГКЧП.

19-22 августа украинский парламент, его коммунистическое большинство и оппозиция проводили многочасовые заседания по выработке своего отношения к ГКЧП. Депутаты от Народного руха склонялись к признанию незаконности самого факта образования и тем более каких-либо действий ГКЧП. Верховный совет республики избрал тактику выжидания, в первые дни не делал заявлений о принципиальном осуждении или решительной поддержке ГКЧП.

Поражение затеи с ГКЧП стало очевидным через два дня. Тогда было оглашено постановление Президиума Верховного совета относительно того, что на территории Украины действия ГКЧП признавались незаконными.

22 августа 1991 года Народный рух обвинил Верховный совет УССР в том, что депутаты в дни государственного переворота продемонстрировали «свою полную никчемность» в отстаивании интересов украинского народа. Когда россияне вели «мужественную борьбу с путчистами, Президиум Верховного совета два дня не мог обозначить свою позицию». Особо отмечалась «недопустимая аморфность», необозначенность Кравчука, который занимал лавирующую, выжидательную позицию, определяемую его статусом члена Политбюро КПУ, «чем фактически способствовал мятежникам».

Политбюро Компартии Украины 23 августа опубликовало обращение, в котором отмежевалось от «авантюрной политики антигосударственного переворота». Гуренко сделал личное заявление о том, что он не может в дальнейшем выполнять обязанности члена ЦК КПСС, поскольку «преступная группа секретарей ЦК КПСС действовала от имени всей партии». Руководство Компартии Украины старалось избавиться от обвинений, что она в дни путча являлась пятой колонной московских властей.

Народный депутат СССР Борис Олейник справедливо замечал, что в рядах коммунистов уже в тот период фактически существовали две партии: одна – в лице высших руководящих

эшелонов, присвоившая себе право вещать от имени народа; другая – остальная великая партия рядовых коммунистов, добывающая хлеб насущный.

Влияние Политбюро ЦК Компартии Украины к этому периоду ослабело даже на деятельность коммунистической фракции парламентариев. Из числа народных депутатов-коммунистов группы «239» 45 членов партии заявили о добровольном выходе из КПУ, около 50 открыто перешли на сторону оппозиционных сил.

24 августа состоялась внеочередная сессия Верховного совета УССР. Из повестки дня были сняты ранее планировавшиеся вопросы и в атмосфере «неуправляемого ажиотажа» поставлен на рассмотрение парламента один – объявление статуса государственной независимости Украины. Принятый Акт о независимости республики извещал: «Исходя из смертельной опасности, которая нависла над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года, продолжая тысячелетнюю традицию государствообразования в Украине, исходя из права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и другими международными документами, осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Украины, Верховный совет Украинской Советской Социалистической Республики торжественно провозглашает независимость Украины и создание самостоятельного Украинского государства…» Устанавливалась нерушимость и неприкосновенность границ Украины; на ее территории отныне будут действовать исключительно Конституция и законы Украины.

Сразу же обращает на себя внимание аргумент в обосновании провозглашения в одностороннем порядке украинского государства – «смертельная опасность», которая якобы нависла над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года. Объективно августовские события оказались катастрофическими, прежде всего, для судьбы СССР, а не союзных республик. Для объявления государственной независимости союзным республикам в этой сложившейся благоприятной ситуации не надо было ни готовить вооруженных восстаний, ни строить баррикады, ни захватывать банки и телеграф…

В провозглашаемом, закрепленном в конституциях республик ленинском положении о праве наций на самоопределение, вплоть до выхода республик из состава СССР, во время горбачевской перестройки основательно запутались. Если такое право было и оказалось реализованным в нашей жизни, зачем тогда горевать по Союзу, обвинять конкретные личности в его развале? Остается только достойно отблагодарить членов ГКЧП за предоставленную возможность реанимировать, как записано в Акте о независимости, «тысячелетнюю традицию государствообразования в Украине», а также «право на самоопределение» союзной республики, которая в советское время являлась членом ООН.

Для подкрепления тезисов о закономерности создания нового независимого государства очень пригодилась ссылка на Декларацию о государственном суверенитете Украинской ССР, содержание которой некоторые высшие руководители республики ранее расценивали не иначе как «игру в демократию» или «пустую бумажку». Конечно же, заключительный абзац Декларации, касающийся утверждения в том, что она принималась как основа для выработки нового Союзного договора, теперь уже отбрасывался.

Была забыта воля народа – жить в Союзе, выраженная на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 года, когда 76 % советских граждан всех союзных республик высказались за сохранение обновленного и равноправного государства. На Украине число желающих быть в составе Союза составляло несколько ниже общесоюзного (70 %), но это достаточно высокий процент, достигнутый в непростых условиях набирающих силу националистических и сепаратистских настроений. Действующее законодательство о референдумах придавало обязательную силу результатам голосования на территории всей страны. Все государственные органы и должностные лица обязаны были учитывать и реализовывать высказанные в ходе референдума желания и волю народа как носителя высшей власти в государстве.

В июле 1991 года делегации от республик завершили подготовку проекта «Договора о Союзе суверенных государств». Процесс намеченного на 19 августа подписания нового договора несколькими республиками, пусть даже, по существу, конфедеративного, был сорван действиями ГКЧП, объективно сработавшего на последовавшую ликвидацию государства и уничтожение социалистического строя. Суть распада СССР – это свидетельство паралича центральной государственной власти; в то же время политическая и партийная верхушка в союзных республиках стремилась отгородиться от агонизирующего федерального центра, почувствовала преимущества и сладкий вкус не контролируемой со стороны Москвы местной власти. Лидеры союзных республик, стремясь утвердить собственную власть, в конечном итоге воспользовались действиями ГКЧП и провозгласили полную государственную «незалежность». Это яркое украинское слово именно в те перестроечные времена вошло в обиход и распространилось в пределах всей страны.

24 августа на сессии Верховного совета основной доклад о политической ситуации в республике сделал Леонид Кравчук. Содокладчиками выступали депутаты: от коммунистического большинства – Александр Мороз (впоследствии – основатель Социалистической партии), от демократической оппозиции – академик Игорь Юхновский. В выступлениях были выдвинуты требования по принятию решительных действий в защиту национальных интересов Украины, реализации ее политического и экономического суверенитета. Высказывались предложения образовать Совет обороны Украины, осуществить окончательный перевод в собственность республики предприятий союзного подчинения, решить вопросы департизации правоохранительных органов и судьбу многочисленных воинских соединений, дислоцированных в республике. Национал-демократические депутаты, представители Народного руха настаивали на радикальных решениях и предложили принять судьбоносный правовой акт – объявить и зафиксировать законодательно независимый статус государства Украины. В конце заседания сессии Кравчук огласил содержание Акта о независимости Украины. Позднее откровенничал: «Я слукавил бы, если бы сказал, что десятилетиями лелеял мечту о независимости Украины. Первая надежда на это у меня появилась в 1991 году, сразу после выборов».

На собрании коммунистов, по численности занимавших главенствующее положение в парламенте (принятие Акта требовало конституционного большинства), выступил лидер Коммунистической партии Гуренко: «Сегодня мы должны проголосовать за независимость, потому что если мы этого не сделаем, то окажемся по уши в дерьме». Такого поворота от коммунистов не ожидали даже их оппоненты из националистической оппозиции. Депутат Левко Лукьяненко отмечал, что перед голосованием продолжалась напряженная борьба между деморализованными, но еще не сломленными коммунистами и Народной радой, которая была в меньшинстве. «Коммунисты сдались в 18 или 19 часов. Гуренко дал команду голосовать». Многие из них, потеряв поддержку в Москве, стали понимать, что местный национализм (превращавшийся в патриотизм) для них остается средством для выживания.

За Акт «о незалежности» проголосовало подавляющее большинство депутатов, против – четверо. Вне всякого сомнения, контролируемый тогда коммунистами Верховный совет сыграл свою главенствующую роль в создании самостоятельного украинского государства. Решения принимал высший законодательный коллегиальный орган – парламент, большинство в котором принадлежало коммунистам. «Многие из них носили партийный билет у сердца», – отмечал Кравчук в своих мемуарах. Проголосовала коммунистическая фракция «239», «позорно отдавшая чувство собственного достоинства на оплевывание агрессивному, горлохватскому меньшинству и ставшая затем проводником его политики».

После объявления результатов голосования в одно мгновение поменялась государственная символика: В. Черновил внес в парламент желто-голубой флаг как символ не только новой власти, но и новой идеологии. Символика – это не просто нечто прикладное, а политика и идеология. Государственный герб с серпом и молотом сменил трезубец.

Оппозиционные национал-сепаратисты впоследствии не скрывали, что они получили в союзники доморощенных «компартийцев», которые при голосовании исходили из конъюнктурных интересов, стремясь любой ценой оторваться от Москвы и таким образом самосохраниться в независимой стране. Мирный путь выхода Украины из состава СССР многие политики объясняют также и тем, что лидеры Коммунистической партии и административно-бюрократическая верхушка ЦК КПУ без каких-либо серьезных для себя потрясений заняла высшие государственные посты или перешла в руководящие звенья администрации президента, кабинеты нового правительства.

Кравчук вспоминает, что при обсуждении главного вопроса в парламенте складывалась «эмоционально напряженная ситуация», оппозиция остро реагировала на каждое слово его трехчасового доклада. Руховцы сначала склонялись к тому, чтобы не провозглашать «независимость государства», которую можно было получить только от коммунистического большинства при их положительном к этому отношении и совместном голосовании с оппозицией. Они предпочитали сначала нанести удар и запретить Компартию, провести департизацию правящей элиты и связанных с нею структур.

Следует отметить, что соглашательство и единство суверен-коммунистов и национал-демократов при голосовании за независимость не было таким уж необычным явлением, оно проявилось в парламенте годом раньше при принятии Декларации о государственном суверенитете республики. После принятия Декларации в целях сохранения своего положения большая часть партийной номенклатуры поменяла свою идеологическую ориентацию, вступила в сговор с националистическими кругами, сепаратистски настроенными галицийскими депутатами.

В одном из интервью Кравчук отмечал, что руховцы пытаются приписать только себе результаты: «создается видимость, что они водили моей рукой, когда я подписывал документы о незалежности». В плане исторической достоверности представляют интерес мнения и другой стороны – оппозиционной. Левко Лукьяненко, наиболее яркий и авторитетный представитель оппозиции, в парламенте возглавлял фракцию, в которую входили одиннадцать бывших политзаключенных. Они активно ратовали за провозглашение украинской государственной самостоятельности. «Если бы не гэкачеписты, – заявлял Лукьяненко, – мы бы все равно провозгласили независимость Украины, возможно, через год-два, мы быстро наращивали свои силы».

В ночь на 24 августа у оппозиции проявилось «чувство национального момента», когда все поняли, что есть шанс завоевать независимость, поскольку в парламенте наблюдали растерянных и деморализованных коммунистов.

Кравчук в дни ГКЧП «очень хитро крутил», ждал, на чьей стороне будет победа. В силу своей психологии он не мог проиграть. «Он не из тех, кто идет ва-банк и становится или героем, или попадает в тюрьму». История подставила ему пьедестал под ноги. Кравчук оказался вознесенным Коммунистической партией на Олимп верховной власти, его карьеру двигали братья по партии с депутатскими мандатами. В последующем он в унизительном тоне отзовется о своем партийном лидере Гуренко, который в ходе всей беседы с генералом Варенниковым не обмолвился «ни одним словом», как сидел, «скрестивши руки на столе», так и просидел больше часа, «совсем не шелохнувшись». Кравчук упоминает и мою персону: в его мемуарах председатель КГБ выглядит так, что в дни ГКЧП главный контрразведчик был на рыбалке. Это хорошо, что клеветал именно так, а не иначе, ведь Кравчук мог нафантазировать больше, например, что председатель КГБ уехал на эти дни посоветоваться в Москву или занимался вывозом туда вагонов с украинскими секретами и архивными материалами (об этом лживо писала бульварная пресса). О причинах такой писанины недоумевал мой первый заместитель Шама, с которым мы были вместе с первых часов путча, как и многие рядовые сотрудники КГБ. «Что заставило Леонида Макаровича написать то, что, мягко говоря, не соответствует

действительности?» – спрашивает в своей книге генерал-майор Нездоля, известный украинский чекист.

Но Кравчук на этом не успокоился. Он позволил себе за спиной Ивашко весьма некрасиво отозваться о нем, когда тот был уже в Москве. С той поры он прекратил с Кравчуком всякие отношения. «Считаю, что ни один из нас от этого ничего не потерял», – подвел Ивашко итог произошедшему.

Мне представляется, что в последние годы существования СССР произошел необъяснимый исторический парадокс: руководство страны во времена Хрущева, Брежнева, Андропова ожесточенно, с применением танков и вводом советских и интернациональных войск, защищало завоевания народной власти и социализма в Венгрии, Польше, Чехословакии, чего совершенно нельзя сказать о защите коммунистическим лидером Горбачевым в те августовские дни целостности собственного союзного государства.

После провозглашения независимости Горбачев от имени Государственного совета СССР предложил подготовить обращение к народу Украины, объясняя, что «под горячую руку в момент путча принимались всякие решения». 23 октября обращение Президентов СССР и восьми союзных республик (Ельцин, Назарбаев, Шушкевич, Каримов и другие) к украинскому народу было опубликовано. Кравчук отреагировал тем, что Верховный совет Украины принял постановление о проведении референдума по вопросу всенародного признания независимости. Горбачев ответил своеобразно: «Бог с Вами, а мы очистим душу. Ради достойного будущего для себя и потомков».

Референдум подтвердил Акт от 24 августа о независимости Украины; 90,3 % населения уже бывшей союзной республики проголосовало за новое европейское государство.

С разных политических взглядов можно анализировать переход к независимости современной Украины. По моему мнению, это результат разрушительных процессов, начало которым положено политикой горбачевской перестройки; это последствия провозглашенной линии ЦК Коммунистической партии на передачу полноты конституционной власти в депутатские залы. Все понимали, что государственную независимость можно было получить только при поддержке депутатской коммунистической фракции, нажатием депутатами-коммунистами кнопок электронного голосования в стенах здания на Мариинской площади. Теперь уже никакой орган – ни Верховный суд, ни Генеральная прокуратура, ни КГБ республики – не имели права выступать против законного выбора (или предательства) депутатов, поставить под сомнение легитимность итогов голосования о провозглашении независимости. Для КГБ это еще и выполнение решений своего «правового хозяина» – Верховного совета республики, у которого органы госбезопасности оказались в прямом подчинении.

24 августа 1991 года Украина стала строить свое национальное государство, а Россия не захотела оставаться имперской державой. По примеру Украины одна за другой союзные республики стали объявлять свою независимость.

Вспоминая времена ГКЧП, Мороз назвал их «медиа-фарсом», разыгранным людьми, которые боролись за власть по линии Ельцин – Горбачев. Отдавая себе отчет в том, что эти интриги могли дорого стоить Украине, отмечал Мороз, выбор Украины был абсолютно понятным – «нужно было дистанцироваться от этих игрищ».

Независимость сама по себе рвавшимся к власти панам и господам окончательной и легкой победы не давала: им хотелось отделиться от Москвы, править самим, но необходимо было построить новую политическую, общественно-экономическую государственную формацию, а это требовало мозговых усилий.

Вместе с крушением страны в жизнь общества стремительно врывались рыночные отношения, которые способствовали приватизации правящими кланами общенародного достояния, проведению раздела советских активов: заводов, предприятий и морских портов. Возможности захватить общественную собственность партийная элита и оппозиция обрадовались

больше, чем самой демократии и свободе, следуя на запах собственности, «как хищник идет за добычей».

Обещая золотые горы народу при полной независимости, ни одна из существующих украинских партий так и не смогла предложить реальных путей выхода из экономического кризиса. Партии продолжали борьбу, угрожая одна другой развалом Украины: националистическая сторона – созданием Галицкой республики, коммунистическая – образованием Донецко-Криворожской республики. Новая украинская элита, приветствуя распад Советского Союза, и сегодня продолжает бояться раскола республики на западные и восточные земли.

Как вспоминает советник президента США С. Бжезинский, «администрация и спецслужбы США отводили Украине ключевую роль в развале СССР. Одновременно усиленно отрабатывалась внутренняя украинская оппозиция, Рух и западные области республики». В связи с этим можно вспомнить выступление наркома В. Балицкого, озвученное в 1929 году на II конференции КП(б) Украины, когда он раскрывал тактику контрреволюционных элементов того времени на Украине, цитируя их инструкции: «Наша цель – заставить коммунистов подраться между собой, воспользовавшись междоусобицей, и начать строить страну по-своему. Пользуясь внутрипартийной борьбой, мы на развалинах коммунизма создадим свою национальную партию, которая даст нам возможность бороться с московским государством. На Украине раскол должен пройти быстрее, так как к партийным идеологическим расхождениям примешиваются несогласие с национальной политикой партии. Москва всегда смазывала украинские интересы. Поэтому сейчас все группировки, даже украинские группировки в КП(б) У, будут поддерживать правых». Какими созвучными нашему времени оказались действия тогдашних коммунистов и их противников!

После поездок Кравчука в сентябре 1991 года (в то время Союз еще существовал) в США и Канаду он стал откровеннее говорить о том, что мир воспринимает создание на географической карте полнокровного, демократического, правового, самостоятельного украинского государства как закономерный процесс.

Для Украины распад Советского Союза «был самым долгожданным событием, самым светлым этапом в ее истории, которое привело к независимости страны». Мне можно было бы не обращать внимания на такую личностную оценку, характерную для перекрасившихся партократов, если бы эти слова не провозглашались Марчуком, первым заместителем председателя КГБ Украинской ССР, в чьи должностные обязанности входила организация борьбы с «украинским буржуазным национализмом».

25 декабря 1991 года в прощальном обращении к советскому народу Горбачев произнес, что он твердо стоял за самостоятельность и независимость народов, за суверенитет союзных республик. Затем скромно добавил, что и… за сохранение союзного государства, целостности страны. Ну, эта президентская обязанность даже в обращении не была приоритетной!

Глава четвертая
Вечная наша болезнь – поиски виновных (разборки после путча)

26 августа Верховным советом Украины была создана специальная Временная комиссия для депутатского расследования деятельности должностных лиц, органов власти и общественных организаций «в связи с государственным переворотом 19–21 августа 1991 года». Перед ней была поставлена особая задача тщательной проверки действий руководства КГБ республики в указанные дни.

Если следовать не революционной, а нормальной логике, то для образования парламентом спецкомиссии не было оправданных оснований: в указанные дни в столице и областных центрах обстановка была нормальной и контролируемой; каких-либо антиобщественных проявлений со стороны различных политических сил не отмечалось. К тому же верховные власти постоянно заверяли, что ГКЧП на Украине не действовал, исходящие его указы и распоряжения в республике не выполнялись.

Депутатская комиссия состояла из 20 депутатов украинского парламента. Возглавить ее поручили Юрию Гайсинскому, тогда малоизвестному прокурору одного из районов Харькова. В областных центрах были образованы аналогичные комиссии, требования которых к должностным лицам о предоставлении соответствующих документов или объяснений о действиях в дни 19–21 августа подлежали «неукоснительному исполнению». В их состав включались различные по убеждениям лица, часто случайные, из оппозиционных кругов, которые организовывали откровенное шельмование советских, партийных работников, сотрудников КГБ на местах. Комиссии наделялись чрезвычайными полномочиями: беспрепятственным входом в любые служебные помещения государственных учреждений, изъятием документов и «доказательств антиконституционной деятельности органов или должностных лиц». Членам комиссий предоставлялись исключительные права изымать и опечатывать архивы, присутствовать при производстве следственных действий по расследуемым уголовным делам. Появившаяся возможность проникнуть в архивы органов государственной безопасности была голубой мечтой каждого национал-патриота или ангажированного депутата. В положении о комиссии подчеркивалось, что должностные лица, уклоняющиеся от выполнения ее требований или предоставляющие «неправдивую информацию, снимаются с должностей, которые они занимают».

Прописанные комиссиям полномочия во многом противоречили действующему законодательству. Депутаты позволяли себе грубо нарушать правовые нормы, выдвигать нелепые обвинения руководителям органов власти, Коммунистической партии, правоохранительных органов в надуманных антиконституционных действиях в дни ГКЧП.

Активизировалась притихшая до этого прокурорская рать. Органы прокуратуры начали возбуждать уголовные дела с квалификацией «измена Родине» и проводить расследования в отношении руководителей ряда министерств, секретарей ЦК и обкомов КПУ с выдвигаемыми обвинениями: на чьей стороне (красных или белых) «был в период 19–21 августа, как действовал, какие документы готовил и давал указания». Для националистических кругов свалился долгожданный и радостный, словно манна небесная, повод для расправы над руководящими работниками коммунистического «тоталитарного режима». Главные импульсы к этому шли из Верховного совета, решений его Президиума.

Генеральный прокурор Украины Потебенько предпринял смелую попытку повлиять на ситуацию и сам попал под репрессивный каток парламентской комиссии. Он сделал официальное заявление, что Временная парламентская комиссия грубо нарушает действующее законодательство, когда стремится вторгаться в процессуально-следственные действия, истребует из

следственных органов копии документов, опечатывает служебные помещения и проникает в архивы. В республике создавалась атмосфера напряженности и подозрительности, насаждался страх, у приглашаемых комиссией для объяснений должностных лиц порождалась неуверенность в том, смогут ли государственные органы в такой тревожной обстановке защитить их законные права.

Не помогло обращение 30 августа генерального прокурора СССР Трубина к работникам прокуратур, занятым расследованием обстоятельств ГКЧП, быть объективными, без амбиций, нездоровых эмоций и политических пристрастий. Он призвал решительно пресекать произвол и самоуправство; ни малейшей тени не должно быть брошено на честных людей. Нельзя допустить, чтобы вернулись времена повального доносительства, всеобщей подозрительности, анонимных обвинений, навешивания ярлыков.

В Комитете госбезопасности прокуратурой были изъяты основные оперативные документы, изготовленные в период действий ГКЧП, в том числе секретные шифротелеграммы с моими указаниями от 19 августа в областные управления госбезопасности. Я не избежал участи быть допрошенным по возбужденному уголовному делу о своих действиях во время путча. В моей жизни это был первый (второй – после событий в октябре 1993 года) допрос в прокуратуре, когда я, бывший прокурорский работник, отвечал на вопросы следователя с предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. В подготовке ответов оказывал большую помощь мой помощник В. Фетисов, который 19–21 августа в рабочее время находился рядом и знал мои действия в те дни буквально по часам и минутам. Придавало уверенности одно: я был спокоен за оперативный состав КГБ республики, стоявшего в эти дни на позициях соблюдения действующего законодательства и народных интересов.

Прокурорским расследованием выяснение причастности руководства КГБ к ГКЧП не ограничивалось. Для отчета о своих действиях я был приглашен на заседание депутатской комиссии. В течение нескольких часов депутаты выясняли, как 19–21 августа работал центральный аппарат КГБ, областные органы безопасности, какие указания поступали из Москвы и какие отдавались мною лично. Предъявить какие-либо претензии нам не было оснований: практические действия и документы органов госбезопасности с первого дня свидетельствовали о нашем принципиальном непризнании законности ГКЧП. Но это не мешало отдельным депутатам высказываться о поддержке Комитетом госбезопасности республики действий

ГКЧП с приведением одного аргумента: «В составе гекачепистов находился Крючков, которому органы госбезопасности подчиняются». В мой адрес бросалось осуждение: «Почему не взял автомат и не пошел освобождать Президента СССР, заточенного на украинской земле?» Сегодня это звучит несколько забавно. Нашелся бы в те дни кто-либо смелый с оружием или без него, кто смог бы приблизиться к государственной даче с тройным кольцом оцепления? Это позже героев-освободителей Горбачева «из заточения» появится множество.

Вместе с тем было понятно, что союзный глава Горбачев украинскому депутатскому корпусу был к этому времени абсолютно не нужен ни когда оказался по воле центра «невыездным» на крымской земле, ни когда пытался призывать народных избранников не делать губительных шагов по выходу Украины из СССР, убеждал подписать новый Союзный договор на любых условиях. Главной целью комиссии было выполнение политического заказа – нанести удары по действующим союзно-республиканским КГБ, МВД, прокуратуре и заменить их руководство своими кадрами, угодными и послушными.

Я присутствовал на сессии Верховного совета, где было принято постановление об оказании недоверия составу коллегии Генеральной прокуратуры республики за «бездействие в дни путча». Потебенько депутаты слушать не захотели, быстро расправились с ним, хотя в дни ГКЧП он находился в очередном отпуске. Как выразился председательствующий Кравчук, «принято демократическое решение: прокуратура, ее коллегия и генеральный прокурор складывают свои полномочия». В течение пяти минут без обсуждения, при подавляющей под-

держке руховцев был назначен новый генеральный прокурор – депутат В. Шишкин. Можно отдать должное гражданской позиции и порядочности Шишкина, который прорвался на трибуну и умолял депутатов учесть его мнение. «Я хотел бы сказать, что с этой системой не был связан ни одного дня работы. Я был судьей. Я не знаю этой работы и не хочу ставить себя в такое положение, чтобы на меня с некоторым неуважением могли смотреть прокурорские работники, считая, что я не знаю некоторых тонкостей и так далее… Не надо так несерьезно подходить к вопросам, связанным с назначением на те или иные должности, причем должности определяющие, будем так говорить, в нашем государстве». Я не знаю, как сложилась последующая общественная деятельность Шишкина, но этот его поступок сохранился в моей памяти. Побольше бы таких искренних и ответственных людей на все времена.

Однако случилось так, что вскоре пришлось исправлять ошибку, допущенную при назначении Шишкина помимо его желания. Последний генеральный прокурор советского периода Потебенько был возвращен на этот высокий государственный пост в суверенной Украине. История знает мало таких примеров. Впрочем, был еще один украинский прецедент, когда депутатам в качестве главы правительства дважды пришлось приглашать Виталия Масола, авторитетного и компетентного руководителя республики.

Депутатской комиссией с особым пристрастием обсуждалось содержание шифротелеграммы, подписанной мною 19 августа и направленной в областные управления КГБ. Депутат Лариса Скорик старалась выяснить, не был ли этот документ переоформлен задним числом из-за опасений ответственности за поддержку ГКЧП. Неужели там, в КГБ, все были такие умные, чтобы в первый день ГКЧП направить указание на места руководствоваться установками Верховного совета Украины, а не своего московского центра? Конечно же, даже намеки на последующее редактирование шифротелеграммы – полный абсурд. Существовавший порядок прохождения и учета секретных шифровальных материалов исключал любую корректировку, к тому же в этом случае предстояло истребовать из 26 областных управлений прежние телеграммы и отправить взамен исправленные. Такой поступок мог втянуть широкий круг исполнителей, повлечь серьезные последствия, вплоть до уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением.

Опросы и собеседования в парламентской комиссии, прокурорские допросы руководителей КГБ в отношении того, «как вели себя в дни 19–21 августа», продолжались длительный период.

Работавший во Львове генерал Нездоля вспоминает, что после провала ГКЧП руководители КГБ всех рангов по требованию прокуратуры написали рапорты о том, что они делали в дни путча. Во львовском управлении никаких оргвыводов по этому поводу не последовало: ГКЧП местные сотрудники практически проигнорировали, никто никаких команд в поддержку путчистов не давал. Александру Ивановичу и отписываться-то не пришлось, поскольку в злополучные дни путча он находился в отпуске. И всех отпускников освободили от написания этих ненужных бумажек.

В прокуратуре Украины начальник следственного отдела КГБ Пристайко давал показания о том, что 20 августа в 10 часов утра по поручению руководства он подготовил аналитическую записку с правовой оценкой опубликованных постановлений ГКЧП. «…Я сражу же позвонил Голушко Н. М., который попросил кратко изложить содержание записки и через несколько минут сказал, что необходимо детально рассмотреть ее, в связи с этим потребовал зайти к нему в 14.30. В назначенный час я был у него. Он внимательно прочитал записку, затем мы детально обговорили каждый пункт. Голушко Н. М. в основном интересовали правовые нюансы обоснованности моих выводов. Без всяких сомнений он написал резолюцию и вернул мне записку».

Начальник 5-го управления КГБ УССР (подразделение по защите конституционного строя) Подгайный на вопросы депутатской комиссии отвечал: «Впрочем, скрывать мне было

нечего. 16 августа, в пятницу, я отпросился у председателя КГБ УССР Николая Голушко и поехал на Полтавщину к больной матери. Приехал на работу, а Голушко, говорят, находится у Кравчука… Каждому понятно: если бы руководство КГБ Украины знало о предстоящих событиях и принимало в них участие, начальника 5-го управления ни за что бы не выпустили из Киева…»

Членам парламентской комиссии показалось невероятным, что КГБ УССР в путче никоим образом не участвовал. Гэкачеписты считали, что достаточно будет топнуть ногой, и страна послушается, все проблемы решатся сами собой. «В Москве растерянность была большей, чем в Киеве, поэтому центральному руководству госбезопасности было не до нас». И на депутатской комиссии, и затем на заседании

Президиума Верховного совета пришлось отчитываться за подготовленную в КГБ справку «о неконституционности» актов ГКЧП. Депутатской комиссией оценивались не содержание, исключительность и смелость выводов, а указывалось в качестве недостатка то, что текст указанной справки не был доведен до всего оперативного состава. Но моя резолюция оперативному штабу КГБ «руководствоваться в работе» означала безусловное доведение этого принципиального указания до всех заинтересованных подразделений. В те тревожные дни такое решение немедленно распространялось без приказов. Заместитель председателя Верховного совета Гринев упрекал в том, что указанная справка не была доведена до Верховного совета. Пришлось объяснить, что подобный анализ этот орган власти имел возможность получить от собственной юридической службы.

Гонения на должностных лиц по поводу их причастности к путчу продолжались за пределами Киева. Особо пристрастное расследование велось прокурорскими инстанциями в отношении руководителей Крыма – первого секретаря обкома партии Грача и председателя областного исполкома Курашика.

Председатель комиссии Гайсинский в последующем широко комментировал в прессе работу комиссии, свою роль в ней. ГКЧП для Гайсинского, как и назначение председателем парламентской комиссии, оказались «громом среди ясного неба». Он подготовил положение о полномочиях в рамках деятельности Временной комиссии. На заседании Президиума Верховного совета, которое шло почти без перерывов, с критикой выступили депутаты Дурдинец и Кондратьев. «Вы такие полномочия выписали, что это будет новая ЧК». Права комиссии немножко урезали, но все равно их осталось более чем достаточно.

Вместе со следователями прокуратуры Гайсинский принимал участие при обыске кабинета первого секретаря ЦК КПУ Гуренко. «Все шкафы и столы Гуренко были, словно под метлу, вычищены… Но следы все-таки остались». При проведении обыска в числе других материалов были обнаружены два официальных документа, являющиеся предметом внимания органов государственной безопасности. Незадолго до августовских событий мною была направлена записка в ЦК на имя Гуренко с изложением сложившихся тревожных тенденций в общественно-политической обстановке в республике. В документе указывалось на конкретные меры для улучшения положения дел. В числе возможных были рекомендации больше опираться на сельское население, не охваченное митинговой, забастовочной и националистической стихией. Признаюсь, что по долгу службы (после отмены шестой статьи Конституции СССР) органы государственной безопасности не обязаны и, казалось, были не вправе информировать ЦК КПУ Но я понимал, что на Украине продолжала действовать трехмиллионная Компартия, сформировавшая в парламенте ведущую депутатскую фракцию большинства, и только коммунистические силы тогда реально были способны принять радикальные меры по оздоровлению ситуации в республике.

Другим обнаруженным при обыске важным документом оказалась шифротелеграмма из Москвы с собственноручной резолюцией Горбачева: «Тов. Гуренко. Прошу обратить внимание». С конкретными ссылками на зарубежные источники в ней доводилась разведывательная

информация о том, что в парламенте Украины не все благополучно, усиливаются сепаратистские настроения на отрыв республики от Союза ССР.

Почему после всех чисток шкафов указанные материалы органов госбезопасности с грифами секретности находились даже не в сейфе, а в письменном столе Гуренко – ума не приложу. Работники прокуратуры или кто-то из депутатской комиссии допустили утечку, и в львовской газете была перепечатана аналитическая записка КГБ под броским заголовком вроде: «Гауляйтер Голушко докладывает своему партайгеноссе Гуренко» с добавлением клеветнических комментариев. Через несколько дней та же газета опубликовала новую статью, в которой указывалось, что в документе КГБ содержится действительно глубокий, мобильный анализ сложившейся социально-политической обстановки в республике. Редакцией был сделан логический вывод: только сотрудники КГБ способны к такому содержательному анализу, смотрите, мол, какие квалифицированные аналитики там работают, их надо сохранить для органов безопасности будущей независимой Украины.

Первый секретарь ЦК Гуренко не избежал допросов и достойно держался на заседании парламентской комиссии. Он взял на себя ответственность за направление в дни ГКЧП шифровки во все обкомы КПУ, вместе с тем оспаривал толкование содержавшихся в ней формулировок, якобы имеющих однозначную поддержку путчистов.

Гайсинский отмечает, что парламентская комиссия приняла «важнейшие решения» в отношении КПУ и КГБ республики. При обсуждении деятельности КГБ возникла проблема, как поступать с материалами о «секретных осведомителях органов госбезопасности». На одном из заседаний комиссии решалось, «надо ли предавать огласке имена тех, кто выдавал людей (зачастую на мучения или на смерть в лагерях). Решили не публиковать. «Это было одной из немногих ошибок нашей комиссии», – заключал Гайсинский. Он как прокурор обязан был профессионально оценивать назначение агентурного аппарата и не рассуждать, следует ли публиковать сведения «о секретных осведомителях», даже спустя десятилетия.

Ни одно из государств не разглашает сведения об агентурном аппарате спецслужб как основе оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовно-наказуемых тяжких преступлений. На примере ряда европейских стран можно убедиться в том, какие болезненные процессы происходят в связи с обнародованием подобных данных, но делается это политиками только ради захвата власти и борьбы с идеологическими противниками. Во всех цивилизованных странах сведения по агентурным персоналиям законодательно приравниваются к государственной тайне, к которой имеет доступ ограниченный, строго доверенный круг должностных лиц. Такой подход соблюдается при изменении государственного строя в стране, не зависит от политической конъюнктуры или критики допущенных негативных последствий в прошлом времени. На горьком опыте трудной и не всегда успешной борьбы с международным и внутренним терроризмом становится ясным, к чему может привести слабость агентурных позиций, тем более гонения на конкретных лиц.

Никто не ставит под сомнение, что в нашей истории были жестокие репрессии, были и доносчики, многие из них, может быть, и не по своей воле. Тот, кто открывает такую информацию, не думает о последствиях в обеспечении безопасности страны и причиняет дополнительные страдания их родным и близким. Ведь не эти несчастные «секретные осведомители» определяли в годы беззакония судьбы тех лиц, которые направлялись, как указывает руководитель комиссии, «на смерть или мучения». Вспомним, кто решал в те времена судьбы виновных и безвинных. В годы массовых репрессий и грубого нарушения законности в состав вершивших внесудебные расправы «троек» входили руководители НКВД, прокуратуры и партийных органов. «Тройки» выносили приговоры без судебного разбирательства, допуска адвокатов и зачастую в отсутствии обвиняемых; высшая мера наказания к ним приводилась в исполнение без права на обжалование.

Выступая на совещании работников прокуратуры в 1935 году, Балицкий отмечал, что в «борьбе с контрреволюцией мы никогда не забываем того, что работаем вместе с прокуратурой, и никогда всей славы выявления преступления не берем только на себя». Между прочим, об ответственности прокурорских работников за огульные репрессии упоминал в 1958 году Хрущев на Всесоюзном совещании руководящих прокурорских работников: «Я выступаю не для того, чтобы упрекать, что при вашем попустительстве в НКВД творился произвол… Вы тоже виноваты, но мы принимаем во внимание, в какое положение вы были поставлены… Ошибки прокуроров дорого обходились».

Я далек от голословных оправданий одних и обвинений других государственных органов. Правоохранительная структура и ее конкретная деятельность – это порождение господствующего государственного строя в стране. Почему нам не удалось избежать трагедий? Еще в 1923 году ОГПУ объявлялось об обязательном осуществлении прокуратурой надзора за производством органами безопасности дознания и следствия. Укрывательство сотрудниками уголовных дел от прокурорского надзора уже в те годы рассматривалось как серьезное правонарушение. Что касается спецслужб – силовых ведомств, – то их участь во всем мире одинакова и далека от любви, даже когда они жизнью своих сотрудников защищают интересы государства.

В числе основных виновников нарушения законности в стране обычно вспоминают имена Сталина, Ежова, Берии, но редко упоминают главного государственного обвинителя Вышинского, чьи теоретические взгляды о признании обвиняемыми своей вины неправомерно расценивались как «царица доказательств» в судебных процессах. Как-то случилось, что в нашем справедливом осуждении беззакония в прошлые годы сталинских репрессий острие критики, наведенное на органы государственной безопасности, остается там же и в наше время. А где были стражи законности прокуроры тогда и теперь? Органы КГБ в период политики гласности старались (и правильно делали) обнажить и осудить преступное прошлое до такой степени, что, по существу, в своем усердии оказались чуть ли не единственными виноватыми в прошлых нарушениях законности в стране. Кстати, председатель КГБ республики не имел права утверждать обвинительные заключения по уголовным делам, расследованным органами госбезопасности; они утверждались соответствующими прокурорами и после этого расследования направлялись в судебные инстанции. Строгий прокурорский надзор – вот где заслон против нарушения законности во все времена.

Основной доклад Гайсинского на Президиуме Верховного совета 30 августа о запрещении деятельности Компартии Украины, на мой взгляд, явился серьезной политической и правовой ошибкой Временной парламентской комиссии. Прокурор Гайсинский честно признается: «Такие, как я, вступали в партию потому, что иначе не могли самореализоваться, занять более высокую должность…» Многие народные депутаты выступили против незаконного указа Кравчука о запрещении деятельности КПУ, внесудебной конфискации собственности партии как общественной организации. Генеральный прокурор Потебенько расценивал этот шаг как реализацию оппозицией давней цели – разгрома Коммунистической партии, которое сделано ценою нарушения законности, прав миллионов рядовых коммунистов. Министр юстиции Бойко также возражал против запрещения Компартии, считая это решение противоречащим действующему законодательству. За высказывание своих мнений оба высших должностных лица, Потебенько и Бойко, лишились в те дни своих должностей.

Председатель Комитета Верховного совета Украины по вопросам законодательства Коцюба, видный юрист, честный и принципиальный, также протестовал против незаконного запрета КПУ.

В ходе многолетнего расследования прокуратурой уголовного дела со стороны партийных руководителей всех рангов не выявлено действий, которые могли бы послужить основанием для запрещения деятельности Компартии Украины.

И, наконец, не является лишним напомнить, что решениями Конституционных судов России и Украины запрещение российскими и украинскими парламентариями деятельности КПСС признано не отвечающим требованиям действующего законодательства. В 1993 году Верховный совет постановил, что граждане Украины, бывшие членами Коммунистической партии, без решения судебных инстанций не могут признаваться причастными к государственному перевороту 19–21 августа 1991 года или ущемляться в правах в связи со своим прежним членством в КПСС.

Так завершилось парламентское расследование; руководитель комиссии Гайсинский получил вожделенную должность заместителя генерального прокурора Украины; сейф с материалами расследований парламентской комиссии Верховного совета пропал, его не могут найти.

Работа комиссии Гайсинского по расследованию деятельности должностных лиц на Украине «в связи с государственным переворотом 19–21 августа 1991 года» взывает к памяти поэтические строки двух великих украинцев, Тараса Шевченко и Бориса Олейника.

Добралась Украина до самого края,
хуже ляхов свои дети ее распинают.

Ибо так облили
все друг друга грязью,
что узнать не в силе:
да мы люди разве?..
Закопались сами,
а врагам осталось
нас теперь холмами
лишь присыпать малость.

Глава пятая
Ликвидация КГБ Украины. Создание службы национальной безопасности

Когда Верховный совет УССР провозгласил Акт о независимости, украинские законодатели в тот же день, 24 августа, в числе первых в условиях «незалежности» приняли постановление о реформировании действующей союзно-республиканской системы обеспечения государственной безопасности страны. В нем особо подчеркивалась необходимость устранить существующий в рамках СССР «ведомственный монополизм» в этой важнейшей сфере союзного государственного регулирования.

Ликвидация КГБ УССР и образование новой спецслужбы осуществлялись специально созданной комиссией Верховного совета. Возглавил ее председатель Комитета Верховного совета УССР по вопросам обороны и безопасности генерал-лейтенант Василий Дурдинец, работавший до избрания депутатом первым заместителем министра внутренних дел республики.

Созданию на Украине самостоятельной спецслужбы предшествовали бурные политические баталии вокруг вопросов назначения, компетенции, прав и обязанностей, подчиненности органов государственной безопасности. Еще в ходе обсуждения проекта Союзного договора затрагивались темы о расширении полномочий республиканских властей в области обеспечения государственной безопасности, реализации на деле провозглашенного Декларацией о государственном суверенитете права республики иметь собственные органы безопасности.

Надо сказать, что организационные реформы и связанные с этим потрясения задолго до августовских событий 1991 года не обходили стороной КГБ СССР. В частности, демократические круги России настаивали на образовании республиканского КГБ, ранее не существовавшего в советское время. Задачи по обеспечению безопасности РСФСР решались подразделениями центрального аппарата КГБ СССР, которому были напрямую подчинены органы безопасности в автономных республиках, краях и областях. Создание самостоятельного российского КГБ ослабляло позиции централизованного КГБ СССР, приводило к существенному уменьшению влияния союзных структур на подразделения органов госбезопасности на территории республики.

Руководству суверенной России требовались свои собственные органы КГБ. Ельцин, как всегда с упорством и настойчивостью, стал добиваться образования российских органов безопасности, что позволяло ему уменьшить позиции Горбачева и самостоятельно контролировать огромную республику через эффективно действующие, отмобилизованные территориальные органы государственной безопасности. «Демократическое» окружение Ельцина не скрывало, что создаваемое республиканское КГБ предназначалось для ограждения России от «непомерных посягательств центра». Руководство КГБ СССР всячески оттягивало сроки проведения таких серьезных преобразований в системе органов безопасности. В конечном итоге в мае 1991 года Крючков с согласия Горбачева был вынужден пойти навстречу российским властям: подписал с Ельциным совместный Протокол о создании республиканского КГБ. «Отсутствие КГБ в России не соответствует системе федеративного устройства нашего государства, в новых условиях его создание отвечает объективным потребностям нашего общества», – вынужден был признать Крючков.

Но существовали серьезные опасения, что сам процесс образования республиканской структуры КГБ затянется по времени, что создаст дополнительные трудности и снизит эффективность оперативной работы. Так оно и случилось, с мая до августовских событий КГБ России находился в стадии своего формирования, организационного становления, кадровых пере-

становок, а территориальные органы продолжали быть в двойном подчинении. Они попали в своеобразный капкан, когда в дни ГКЧП получили два противоречащих друг другу указания от В. Крючкова и В. Иваненко (первого и единственного председателя КГБ РСФСР).

18-19 мая 1991 года в Москве состоялось совещание руководителей российских территориальных органов КГБ, на котором выступил Ельцин. Оно было показательно, прежде всего, тем, что в отличие от Горбачева, ни разу не встретившегося с чекистами, Президент России Ельцин высказывал уважение к работе создаваемого республиканского КГБ. Он ставил перед ним конкретные задачи и в определенной степени обращал к себе, склоняя на свою сторону руководителей органов безопасности автономных республик, краев и областей. Некоторые уважаемые руководители в своих выступлениях не стеснялись с высокой трибуны присягнуть ему в верности.

Ельцин на этом совещании впервые открыто поставил вопрос о необходимости департизации органов госбезопасности, чем вызвал немалое смятение. Естественно, события в Москве вокруг образования самостоятельного российского КГБ не могли не сказаться на атмосфере в чекистских коллективах страны, накладывали отпечаток на развитие обстановки вокруг органов КГБ в других союзных республиках. У многих появлялось желание иметь не централизованное, а собственное, «карманное» КГБ.

Верховный совет Украинской ССР, следуя примеру Москвы, дал соответствующие поручения по вопросам дальнейшего регламентирования деятельности органов безопасности в республике, полного закрепления их подотчетности и подконтрольности высшему республиканскому органу власти. Тогда нам еще казалось, что продолжается нормальный законодательный процесс в рамках обновления Союза, утрясаются нерешенные вопросы расширения компетенции союзных республик, в том числе в вопросах реализации собственного государственного суверенитета. В этот же период завершалось обсуждение проекта закона о союзном КГБ СССР, который впервые планировался как гласный, открытый для любого гражданина страны документ.

В своем депутатском отзыве на проект закона о КГБ я написал в Верховный совет СССР, что «отсутствие законной основы, статуса и назначения КГБ, регулирования разных сторон его деятельности ведомственными нормами сказываются на гарантиях законности, правовой защищенности граждан и могут угрожать проявлениями беззакония».

Проблемы правового регулирования деятельности КГБ, отвечающие велению времени, становились стратегическими, ведь после отмены руководящей роли КПСС органы госбезопасности перестраивались в работе под своего правового хозяина – Верховный совет республики.

22 августа 1991 года я проводил последнее заседание Коллегии КГБ Украинской ССР с обсуждением вопроса «О деятельности КГБ УССР в период 19–22 августа и ближайшие задачи». В ее работе приняли участие депутаты от Верховного совета В. Дурдинец, А. Поперняк и другие. Члены Коллегии констатировали, что личный состав органов госбезопасности в период 19–22 августа действовал в соответствии с Конституциями СССР и Украинской ССР, постановлениями Верховного совета республики. Благодаря занятой КГБ позиции, вместе с законными органами власти республики удалось не допустить дестабилизации обстановки и кровопролития, втянуть органы госбезопасности в политические разборки и антиконституционную деятельность. Позиция руководства КГБ УССР по отношению к ГКЧП однозначно и в полной мере была изложена в докладной записке Верховному совету и опубликованном в печати Обращении сотрудников КГБ к украинскому народу. Последнее решение Коллегии КГБ УССР по моему предложению было подписано, наряду с председателем КГБ, всеми членами: Н. Шамой, Г. Ковтуном, Ю. Шрамко, В. Повжиком, П. Подгайным, О. Пугачем, Г. Федяевым, – что было необычным для такого уровня решений, которые подписываются только первым руководителем.

В печати («Рабочая газета») было опубликовано обращение к народным депутатам Украины от имени 35 офицеров центрального аппарата КГБ УССР. В нем заявлялось, что сотрудники не желают быть «вооруженным отрядом» какой-либо партии, решительно поддерживают курс на развитие демократии, утверждения государственности Украины и, может быть, больше, чем кто-либо иной, осознают необходимость радикальных реформ органов госбезопасности. Офицеры поддерживают подотчетность и подконтрольность высшим органам власти республики, заинтересованы в скорейшем принятии закона о КГБ Украины, что позволит осуществлять принципы его деятельности на основе закона, вооружит работников ясным сознанием того, что они защищают права и свободы каждого гражданина Украины. В обращении отмечалось, что сотрудники не отбрасывают критику, но заинтересованы в объективной оценке деятельности органов КГБ в период августовского переворота без огульных обвинений. Указанное обращение выражало в тот период настроения большинства личного состава, готовилось без какого-либо вмешательства руководства. О его подготовке и содержании меня информировал сотрудник инспекции при председателе В. Горбатюк.

Позже мне стало известно, что другой группой сотрудников было подготовлено письмо к депутатам, в котором наряду с общими ставился вопрос о замене председателя КГБ. Среди подписавших оказался один из начальников управления. «Вы подписали письмо. Почему как руководитель открыто не поставили меня в известность о своей позиции?» – спросил я у полковника. В ответ он начал невнятно оправдываться, что подписал, не прочитав текст. «Надо было зайти ко мне, я бы вместе с Вами подписал это письмо, что, может быть, помогло мне быстрее освободиться от подобных Вам подчиненных». Это обращение носило предательско-конъюнктурный характер. Мне стыдно за работников, подписавших письмо, но в такие годы подобные личности проявляются, как при печатании фотонегатива.

Подготовка обращений сотрудников КГБ вызывалась тревожной обстановкой в республике: законодатели провозгласили независимость республики, запретили деятельность КПСС, приняли постановления о реорганизации КГБ. Отношение к сотрудникам органов безопасности со стороны «демократической» общественности после августовских событий резко ухудшилось. В лице чекистов с новой силой насаждался «образ врага»: одни упрекали в том, что КГБ не применил силовые методы и допустил развал СССР; другие – что сотрудники не могут участвовать в построении суверенного государства, так как являются наследниками «тоталитарного режима». Обстановка вокруг органов безопасности напоминала ситуацию у наших приграничных соседей, где социалистические элементы в ПНР, Чехословакии, Румынии, ГДР основные удары наносили по правящей партии и коммунистическим спецслужбам.

Ко всем бедам, которые одолевали сотрудников КГБ после августовских событий, в те дни свалились требования департизации органов госбезопасности. Истошные вопли по этим идеологическим проблемам исходили от оппозиционных и диссидентствующих кругов. Призывы к немедленной департизации становились сами по себе крайне политизированным явлением. Я считал, что департизация должна произойти не волевым или административным нажимом. Отвечая на вопрос, как отношусь к идее деполитизации и департизации КГБ, в газетном интервью я отвечал: «В вопросах деполитизации есть много сложного, требующего проверки временем. Может ли деполитизированный орган выполнять политические решения и волю высших органов любой власти – так можно поставить вопрос? Последнее слово за законом. Лично я не хотел бы перескакивать через жизненный этап. В теории – одно, а на практике – другое».

Предлагали «новое мышление» – моментальный и быстрый переход к департизации, деполитизации и деидеологизации, превращая мгновенно людей в идейно голых. От подобного «нового мышления» увеличивалось предательство в собственных чекистских рядах.

Департизация была первым звеном в реформировании КГБ, который должен стать организацией, служащей не идеологии или партии, а закону, народу, государству. В КГБ Украины

поступила телеграмма из Москвы, подписанная исполняющим обязанности председателя КГБ СССР Л. Шебаршиным (он занимал эту должность в течение одних суток), касающаяся прекращения деятельности партийных организаций в системе органов госбезопасности.

Процесс департизации органов КГБ Украины прошел без особых эксцессов уже после официальных запретов парламентом деятельности КПСС, но несколько болезненнее, чем в гражданских и трудовых коллективах республики. Особенности деятельности КГБ были таковы, что коммунистическая идеология являлась стержнем в подборе и воспитании кадров, привлечении к сотрудничеству основного числа агентуры на идейной и патриотической основе. У нас практически не было оперативных источников, которые работали бы по принуждению или другой форме зависимости. В системе КГБ Украинской ССР, насколько я помню, в те дни не было случаев, чтобы хотя бы один сотрудник с особой помпой провозглашал о своем выходе из рядов КПСС.

Задолго до этого во Львовском управлении молодой сотрудник принял решение выйти из КПСС. Его предполагали уволить. Я лично побеседовал с этим офицером и дал команду не третировать, не увольнять с воинской службы.

21 августа мне стало известно, что в Днепропетровском управлении КГБ готовится партийное собрание, на котором намечается принять коллективное решение о выходе из состава КПСС. Мне не хотелось, чтобы и в этом деле были «передовики», первыми в числе областных КГБ объявившие себя вне партии. Я переговорил с руководством управления и предложил не торопиться, подождать два-три дня. Вместе с секретарем парткома Юрием Семушевым, умницей, взвешенным человеком, мы готовились принять для всех органов КГБ республики общее решение по вопросу партийности. Надо признать, что амбициозное руководство Днепропетровского управления КГБ Украины создавало большую головную боль в этом вопросе, нежели в некоторых западных областях. Юрий Семушев изъял из партийного учета в райкомах партии документы сотрудников и вручил каждому лично. Мои партийный (и комсомольский) билеты при мне. Я вступил в ряды КПСС уже в КГБ, где офицерский состав полностью состоял из коммунистов.

Вскоре был обнародован указ Горбачева «О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных силах СССР и правоохранительных органах, в государственном аппарате». Сотрудники органов государственной безопасности увидели, как Горбачев пытается обезопасить себя перед огульными критиками политики КПСС, ведь до августовских событий он считал иначе. Правда, в РСФСР еще за месяц до ГКЧП, 20 июля, был издан указ Ельцина о прекращении организованных форм любой партийной деятельности на предприятиях, в армии и правоохранительных органах.

20 сентября, в день опубликования постановления Верховного совета Украины о ликвидации КГБ УССР и создании новой спецслужбы, я направил письмо на имя Кравчука, в котором просил о своей отставке. Я отдавал себе отчет в том, что после августовских событий и объявления «незалежности» республики в руководство КГБ должны прийти местные профессиональные кадры. В обстановке эйфории признания государственной независимости и националистического психоза я не видел возможности работать дальше и просил снять с меня полномочия председателя КГБ Украинской ССР. Содержание моего обращения нигде ранее не публиковалось, поэтому полагаю целесообразным привести его текст полностью.

Председателю Верховного совета Украины
товарищу Кравчуку Л. М.

Уважаемый Леонид Макарович!

В соответствии с Актом о провозглашении независимости Украины от 24 августа 1991 года, решениями Президиума Верховного совета республики ликвидируется Комитет гос-

безопасности Украины и создаются органы национальной безопасности независимого Украинского государства. В этой связи считаю своим долгом поставить вопрос о снятии с меня полномочий председателя реформируемого КГБ Украины, которые были определены при назначении Верховным советом.

В должности председателя КГБ Украины я работал с мая 1987 года, в период коренных перестроечных, демократических преобразований. Благодарен судьбе, которая подарила мне возможность жить на Украине – земле своего деда, среди трудолюбивого народа, трудиться в прекрасном коллективе во имя укрепления безопасности республики, утверждения демократизма, гуманизма, законности, исправления трагических последствий прошлого в республике.

Я благодарен жителям Житомирщины, которые оказывали мне доверие представлять их интересы в Верховном совете Украинской ССР, а в настоящее время – в качестве народного депутата СССР.

В нынешнее историческое время становления государственности Украины вместе с коллективом органов госбезопасности стремился следовать высоким идеалам любви к Родине, воспитания патриотизма и интернационализма, служения закону, правде, честности, высокой нравственности.

Становление создаваемых республиканских органов национальной безопасности происходит в ответственнейшее время в жизни украинского народа и полагаю, что профессиональный, интеллектуальный потенциал нынешнего коллектива сотрудников может достойно использоваться в деле надлежащей защиты интересов государства Украины.

Генерал-лейтенант, народный депутат СССР Н. Голушко

20 сентября 1991 года.

Кравчуку я заявил лично о нежелании продолжать службу на Украине. Он в свою очередь попросил не бросать ведомство в такой острый период, оставаться в должности хотя бы до назначения нового руководителя.

20 сентября 1991 года на имя председателя КГБ СССР Бакатина мною была подписана последняя шифротелеграмма из Киева в Москву: «В связи с ликвидацией КГБ Украинской ССР на сессии Верховного совета мною было сделано заявление о снятии с меня полномочий председателя КГБ республики, определенных при назначении на эту должность. Мною дана оценка коллективу сотрудников органов КГБ, отмечен их высокий профессиональный потенциал. Заявил, что в последние годы, следуя принципам демократизма, гуманизма и интернационализма, они много сделали для исправления трагических последствий прошлого, надежно обеспечивали безопасность республики. На сессии не решен вопрос о руководителе вновь созданной службы. Внесено предложение просить меня дать согласие исполнять эти обязанности. За такое решение проголосовало большинство народных депутатов Украины».

Резолюция Бакатина своим заместителям гласила: «Проведите консультации и спокойно проработайте наши возможные шаги в сложной обстановке». Реакция Москвы на ликвидацию КГБ УССР поступила через три месяца. В декабре 1991 года в письме Бакатина на имя Кравчука последовал ответ: «Мы в полной мере поддерживаем постановление Верховного совета Украины от 20 сентября 1991 года о создании Службы национальной безопасности Украины».

В постановлении Верховного совета Украины о ликвидации Комитета государственной безопасности Украинской ССР указывалось, что его кадровый состав и материально-технический потенциал передается в ведение создаваемой Службы национальной безопасности (СНБУ). Были определены ее главные функции: защита государственного суверенитета, конституционного строя, территориальной целостности, экономического, научно-технического и оборонного потенциала Украины от разведывательно-подрывной деятельности спецслужб иностранных государств, враждебных зарубежных центров и организаций, а также иных противоправных посягательств на интересы безопасности Украины.

Для органов госбезопасности это явилось важным шагом: впервые именно законодатели определили основные направления их оперативно-служебной деятельности. Это позволило избежать провокационных выпадов, как случалось ранее, по поводу того, что сотрудники органов безопасности сами для себя определяют основные задачи и функции, стоят над законом. Впервые новая спецслужба – СНБУ – становилась подчиненной непосредственно председателю Верховного совета Украины (до введения президентства) и стала подконтрольна Верховному совету – высшему государственному органу власти в республике.

Специальная депутатская комиссия Верховного совета Украинской ССР по реорганизации органов государственной безопасности продолжала работать над созданием самостоятельной национальной службы безопасности независимого государства Украины. Ее руководитель, депутат В. Дурдинец, стремился с усердием трудолюбивого «западно-украинского крестьянина» вносить свой вклад в создание республиканской спецслужбы. Когда он работал в Министерстве внутренних дел республики, у меня с ним сложились нормальные отношения, что не мешало ему быть чрезмерно принципиальным, дотошным и несговорчивым при обсуждении проблем образования украинской спецслужбы.

Читателю пусть не покажется странным то, что в составе депутатской комиссии, определявшей дальнейшее назначение реформируемых республиканских органов безопасности, наиболее динамичным был народный депутат СССР Дмитро Павлычко. В период подготовки законодательных актов о государственном суверенитете и независимости Украины, при создании новых институтов государственной власти именно он выделялся среди лидеров оппозиции, будучи главным идеологом Руха. Павлычко не пропускал заседаний парламентской комиссии по реорганизации КГБ, наблюдал за кадровыми сотрудниками, которые участвовали в подготовке и представлении основных правовых документов. Он являлся главным смотрителем от националистической оппозиции в формировании новой спецслужбы, как локомотив, без тормозов и светофоров мчавшийся к конечной станции, был настойчив при обсуждении концептуальных или спорных вопросов, проявлял отеческую заботу ко многим проблемам, вплоть до личного составления текста присяги военнослужащих на верность самостоятельной Украине. Без весомого заключения Павлычко зачастую трудно было достигать компромисса в случаях расхождения позиций между сотрудниками КГБ и народными депутатами из парламентской комиссии.

Для меня лично было объяснимо обостренное внимание Павлычко к вопросам организации деятельности украинской спецслужбы. В школьной юности он прошел через тяжелейшие испытания в застенках послевоенного НКВД. Можно только сожалеть, что среди членов коммунистической фракции в парламенте (может быть, кроме Кондратьева) не было столь принципиальных и деятельных депутатов, которые принимали бы заинтересованное участие в разработке вопросов обеспечения государственной безопасности.

В рабочие группы для подготовки нормативно-правовой базы спецслужбы входили высококомпетентные и квалифицированные сотрудники: Н. Шама, Г. Ковтун, В. Повжик, Г. Федяев, Ю. Семушев, П. Подгайный, В. Горбатюк, В. Пристайко, Н. Демиденко. А. Лукьяненко, Л. Лычкатый, В. Дроздов, А. Шаповалов и другие. Мне сегодня трудно вспомнить всех сотрудников, которые участвовали в подготовке документов для депутатской комиссии В. Дурдинца. Большинство из них продолжили службу в руководстве создаваемой спецслужбы.

Депутатская комиссия рассматривала и некоторые альтернативные проекты. В частности, с участием полковника Александра Скипальского, тогда парламентского советника, вырабатывались предложения по созданию органов военной контрразведки, ведущих оперативную работу в республиканских вооруженных силах. В советское время особые отделы военной контрразведки в войсковых соединениях на территории республики находились в прямом подчинении КГБ СССР, теперь «приватизировались» и должны входить в состав управления воен-

ной контрразведки, нового оперативного направления, аналогичного которому в республики не было со времен существования Всеукраинской чрезвычайной комиссии.

В процессе формирования самостоятельной украинской спецслужбы возникали серьезные внутренние трудности. Надо было так случиться, что именно в этот период разработки основополагающих положений о новых органах безопасности республики в отставку вышли мои заместители: Юрий Владимирович Петров, Леонид Васильевич Быхов, Владимир Алексеевич Пыхтин, с которыми мне довелось работать в течение нескольких лет. Их богатого жизненного опыта, профессионализма, организаторских способностей, высокого авторитета, хорошего знания личного состава и даже самого физического присутствия мне очень недоставало. Из заместителей действующим оставался один Г. Ковтун, линия поведения которого определялась принципом «и нашим, и вашим». В числе свалившихся на меня многочисленных забот в ходе реорганизации была и такая весьма трудная, как участие во всех заседаниях парламентской комиссии В. Дурдинца при создании будущей национальной спецслужбы.

Совершенно естественно, что вокруг происходящего процесса определения концепции и основных принципов деятельности службы национальной безопасности независимого государства велись усиленные политические баталии. Стремление лидеров руховской оппозиции главенствовать в процессе создания спецслужбы явилось наглядным свидетельством борьбы действующих политических партий за овладение ключевыми позициями в государственном строительстве, в частности попытки взять под контроль организационные и кадровые вопросы образования национальных органов госбезопасности. Это явление оказалось характерным не только для украинской действительности, но и для других союзных республик.

Еще существовал Союз ССР, работали московские центральные ведомства, но в некоторых союзных республиках узники ГУЛАГа, бывшие диссиденты, диктовали свои условия по организации служб безопасности образовавшихся суверенных государств. Мне было известно, что участник вооруженного подполья «лесных братьев» Гаяускас, судимый за враждебную антисоветскую деятельность, возглавил в Литве созданный вместо КГБ департамент государственной безопасности; отбывавшая уголовное наказание за организованную антисоветскую деятельность Лагле Парек была назначена министром внутренних дел Эстонии.

На Украине отмечались попытки прямого вмешательства национал-радикалов в оперативно-служебные функции органов госбезопасности, стремления проникнуть в секретные оперативные разработки, картотеки агентурного аппарата, а также раздавались призывы к проведению люстрации в отношении работников КГБ. Лидеры украинской националистической оппозиции, помимо участия в комиссии Дурдинца, настойчиво пытались проявить себя в разработке общей концепции построения в республике постсоветских органов государственной безопасности. Оппозицией были подготовлены материалы, в которых планировалось образовать Государственный комитет национальной безопасности Украины, Государственный комитет информационной безопасности Украины, Управление государственной разведки Украины. Создание указанных спецслужб предлагалось строить на принципах деполитизации и департизации, организации их деятельности путем дробления единой системы безопасности и образования самостоятельных служб разведки, контрразведки, специальной шифрованной связи и т. д.

Я придерживался другой позиции, считая, что нельзя согласиться с такими предложениями, поскольку штатный состав сотрудников КГБ был относительно невелик, технически слабо оснащен и в материально-финансовом отношении полностью находился в зависимости от Москвы. Такие раздробленные структуры безопасности в тогдашних условиях легко превращались в кустарные и недееспособные.

Разделение разведки и контрразведки, по утверждению оппозиции, могло полностью отвечать мировой практике функционирования спецслужб. Несомненно, здесь отмечалось влияние проводимой в Москве практики расчленения существовавшей системы государствен-

ной безопасности СССР. К примеру, в парламенте предлагали подчинить непосредственно Верховному совету Украины подразделения по обеспечению высших органов власти и управления секретными видами правительственной и шифровальной связи. Управление правительственной связи КГБ республики по этому замыслу намечалось сделать самостоятельным, наподобие ФАПСИ в России.

В ходе совместного сотрудничества работников КГБ и депутатской комиссии в самые короткие сроки была окончательно отработана структура будущей Службы национальной безопасности Украины. 31 августа 1991 года на имя Кравчука за двумя подписями (Дурдинца и моей) были направлены аргументированные предложения по образованию новой системы безопасности республики, создания единой Службы национальной безопасности Украины. Исходя из анализа складывавшейся международной и внутренней обстановки, предлагалось сформировать органы национальной безопасности на новых принципах. В отношении наименования ведомства велись дебаты: я был сторонником названия Службы национальной безопасности Украины (СНБУ), где слово «национальная» особо подчеркивалось и предлагалось мною еще год назад в газетном интервью. Сейчас я не считаю, что это было лучшим вариантом. Руховская оппозиция предлагала наименовать новую спецслужбу Государственным комитетом национальной безопасности, и мне кажется, что зря с этим не согласились. С марта 1992 года, после моего отъезда, СНБУ стала именоваться Службой безопасности Украины (СБУ). Кому-то не по душе оказалось слово «национальная». Кстати, в Казахстане и других государствах в наименованиях спецслужб присутствует прилагательное «национальная».

Обозначение любого из ведомств определяет его государственный статус, главные направления присущей ему деятельности. В 1992 году в России мне пришлось еще раз убедиться в этом, когда обсуждалось название первой российской спецслужбы – Министерства безопасности Российской Федерации. Мнения многих профессионалов сводились к тому, что в таком названии министерства не обозначалась его главная сущность как органа именно государственной безопасности.

Хочу отметить такую интересную деталь: в докладе Верховному совету Украины мы соглашались с идеей возможности образования независимых между собой структур национальной разведки и службы национальной безопасности (контрразведки). Между тем обосновывали, что задачи надлежащей защиты независимости зарождающегося украинского государства, материально-финансовые возможности бюджета республики, а также постоянное взаимодействие и тесные оперативно-служебные контакты между подразделениями контрразведки, разведки и техническими службами не позволяют без ущерба сделать такое разделение в сложившейся обстановке. Должны пройти соответствующий переходный период, проверка способов защиты безопасности государства в реальной жизни. Многое будет зависеть от характера международных отношений с другими странами, а также от внутренней оперативной, общественно-политической и социальной обстановки. И парламентская комиссия, и работники госбезопасности в республике не пошли по пути Москвы, «кастрировавших» (выражение С. Степашина) систему органов безопасности России, которые в последующем разъединялись, объединялись и до наших дней не оптимизировались.

При создании СНБУ учитывались и другие важные моменты: общеизвестно, что отсутствие межведомственных барьеров между разведкой и контрразведкой способствует успешному осуществлению комплексных операций в общих интересах защиты государства. Деятельность единого коллектива повышает управляемость, результативность и подконтрольность в работе. Например, при существовании КГБ УССР контрразведка с позиций территории республики в тесном взаимодействии с украинской разведкой добывали значительное число ценной научно-технической информации.

Основное реформирование осуществлялось следующим образом. На базе разведывательных подразделений КГБ создавалось Главное управление национальной разведки с вклю-

чением в его состав СНБУ. Самостоятельность разведки обеспечивалась впервые внедряемым в практику правовым механизмом: руководитель украинской разведки назначался на должность с согласия Верховного совета Украины наряду с главой СНБУ. Его административная независимость дополнялась финансированием деятельности разведки отдельной строкой в бюджете, широкими полномочиями по определению оперативно-служебных и функциональных задач разведки, самостоятельному назначению и перемещению кадров и т. д.

Перед сотрудниками Главного управления национальной разведки ставились задачи добывать разведывательную информацию политического, военно-стратегического, научно-технического, экономического характера, которая имела жизненно важное значение для успешного решения международных и внутренних проблем в интересах Украины.

Главному управлению контрразведки в качестве основных задач определялось получение сведений о планах вражеских спецслужб, выявление и пресечение шпионажа и иных разведывательно-подрывных посягательств против суверенитета и территориальной целостности Украины.

Экономическая контрразведка наделялась правами ведения оперативной работы в сфере народно-хозяйственного комплекса, атомной энергетики, оборонных предприятий, транспорта и иных важных объектов жизнеобеспечения, а также предупреждения аварий, взрывов и иных чрезвычайных происшествий в отраслях промышленности. Предусматривалась защита государственной тайны и секретных сведений.

В рамках контрразведывательной деятельности особо значимым являлось направление борьбы с терроризмом, защиты национальной государственности и конституционного строя от преступных посягательств как внутри страны, так и извне.

Управление военной контрразведки, по нашему замыслу, должно направлять оперативную деятельность на защиту вооруженных сил Украины, других воинских формирований от подрывных акций спецслужб зарубежных государств. Способствование командованию в повышении боеготовности войск, сохранении военных секретов – эти функции также предписывались будущим сотрудникам военной контрразведки.

Создавалось управление по борьбе с организованной преступностью с задачами вскрытия и пресечения правонарушений в области государственного управления и экономики (коррупция, контрабанда, незаконная торговля оружием, международный наркобизнес и т. д.), которые затрагивали интересы внешней и внутренней безопасности государства.

В последние годы советской власти в КГБ Украины нам не удалось создать боеспособное подразделение по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Из-за отсутствия кадров я был вынужден пойти на необычный шаг: ликвидировать управление по контрразведывательному обеспечению органов МВД и поставить его сотрудников на выявление коррупции, вскрытие экономического саботажа. Такое решение (не иметь специализированного подразделения по осуществлению контрразведки в органах МВД) было вынужденным шагом и принималось в тот период только в КГБ Украинской ССР, при этом органы МВД и внутренних войск не оставались совсем без оперативного внимания. Кстати, на такое штатное преобразование мы не стали просить предварительного согласия в центре, сделали это инициативно. С нашим решением согласились.

Управление оперативно-технического обеспечения создавалось для того, чтобы способствовать выполнению служебных задач разведки и контрразведки техническими или иными специальными средствами, для документирования конспиративной преступной деятельности. Многие направления оперативно-технической деятельности в республике предстояло образовывать впервые, особенно функционирование государственных информационных, криптографических и шифрованных систем. Научный потенциал и производственную базу в этой области надлежало создавать с нуля, так как всеми техническими спец-средствами органы КГБ УССР обеспечивались из Москвы, своих возможностей для этих целей не имели.

В документах Верховному совету специально подчеркивалось, что во избежание нарушений законности следственное управление будет самостоятельным, процессуально независимым и подчиняться лично председателю СНБУ, который обеспечивает использование следователей исключительно в рамках их правовой компетенции.

В структуру СНБУ входили также управление кадров (подбор, обучение, воспитание, повышение квалификации персонала), административно-хозяйственное управление (материально-техническое, медицинское обеспечение, строительство, финансово-хозяйственная работа). Для обеспечения органов госбезопасности квалифицированными кадрами создавался Институт подготовки кадров СНБУ на базе Высших курсов КГБ СССР по переподготовке руководящих кадров.

Руководство Службы – председатель, первый заместитель и заместители. Аппарат руководителя СНБУ включал секретариат, юридический и мобилизационный отделы, инспекцию, пресс-службу, а также начинали функционировать ранее не существовавшие подразделения: собственной безопасности, внешних связей с органами безопасности суверенных республик и зарубежных стран. Особо обосновывалась необходимость образования мощных аналитических управлений для обработки поступающей разведывательной информации, направления докладов в адрес высших органов власти и управления. Продукция аналитических подразделений и раньше способствовала принятию решений руководством республики по многим политическим, экономическим и социальным вопросам; информирование было отлаженным и регулярным.

Мне вспоминается, что как-то председатель Комитета по международным делам Павлычко с похвалой отозвался о предоставленной ему информации перед поездкой в одну из зарубежных стран. «Сведения были важными и полезными, но могли быть краше, если были бы напечатаны на украинском языке», – заявил он мне. Председателю КГБ приходилось заниматься не только решением глобальных проблем, но, к сожалению, нелегким тогда поиском и приобретением печатных машинок с украинским шрифтом. Мною была принята в штат прекрасная специалистка с университетским филологическим образованием, которая готовила оперативные документы в инстанции на украинском языке. Жаль, не помню ее имени.

Направлялись записки председателю Комитета ВС по проблемам экологической безопасности Владимиру Яворивскому, в частности, о добываемом нашей разведкой зарубежном опыте дезактивации, ликвидации последствий ядерных катастроф.

Определенные изменения касались реформирования областных органов. Число управлений в 25 областях сохранялось, вместе с тем на территории областей в ряде случаев объединялись и упразднялись районные аппараты, общее число которых уменьшалось. Решения по этому поводу принимались взвешенно, продуманно, с учетом всесторонней оценки складывающейся на местах оперативной обстановки, наличия реальных угроз интересам национальной безопасности в конкретном регионе.

Когда председателем КГБ был Федорчук, подразделения органов безопасности имелись во всех районах. При назначении он получил из Москвы дополнительные штаты сотрудников горрайорганов, мотивируя необходимостью усиления борьбы с проявлениями «украинского буржуазного национализма». В мое время численность горрайаппаратов несколько сократилась, даже в западных областях. Оперативная обстановка начала 1990-х годов складывалась относительно благоприятной, что позволяло нам без ущерба маневрировать кадрами и объединять в одном аппарате КГБ контрразведывательную работу на территории нескольких, особенно сельских районов. При чрезвычайных происшествиях или данных об антиобщественной деятельности органы имели возможность активно действовать по всей территории республики.

Если оценивать ситуацию того времени, надо признать, что районные аппараты КГБ были малоэффективны и малочисленны: начальник, два оперработника, секретарь-машинистка и водитель служебного транспорта. Последние две должности, как правило, занимали граж-

данские лица. Но сокращение райаппаратов в советский период представляло целую проблему. Районные власти, секретари райкомов партии выдвигали различные мотивы в просьбах не ликвидировать райотделения КГБ, считая, что без чекистов власть в районе неполноценна. Понятно, ведь наши подготовленные, ответственные, дисциплинированные сотрудники, помимо своих функциональных задач, выполняли массу поручений, во многом по несвойственным органам КГБ обязанностям.

В проводимой реорганизации большое значение имела поддержка Кравчука, который, надо подчеркнуть, был внимателен к предложениям по созданию новой системы безопасности республики. Мне приходилось обсуждать с ним принципиальные вопросы организации украинской спецслужбы. Кравчук был приверженцем идеи полной деидеологизации и департизации органов безопасности. В формировании правовой основы, определении форм и методов деятельности СНБУ рекомендовал в максимальной степени следовать общепринятым цивилизованным нормам, которые присущи спецслужбам любого государства, а также обеспечить полный парламентский контроль за ее повседневной деятельностью. Он согласился с нецелесообразностью разделения разведки и контрразведки, поддержал мою записку с обоснованием нежелательности выделения из СНБУ правительственной и шифрованной связи в самостоятельную структуру, прежде всего, по техническим и финансовым соображениям.

Кравчук согласился с назначением ряда руководителей. Мой первый заместитель Н. Шама вернулся начальником управления СНБУ в свое родное Запорожье. Мне было нелегко расставаться с этим достойным профессионалом и прекрасным человеком, с которым в рабочих вопросах у меня складывалось взаимопонимание.

По представленным документам Верховный совет республики принял постановления об организации СНБУ, положения о функциях ведущих подразделений, что законодательно закрепило проведенную реформу органов госбезопасности Украины. СНБУ получила широкую правовую основу для своей деятельности на главных направлениях, выработанную на основе закона, а не идеологической составляющей или политической конъюнктуры. Такого законодательного регулирования деятельности органов государственной безопасности, к сожалению, многие годы не хватало в советский период.

Сегодня, будучи не заинтересованным и не предубежденным, хочу отметить, что руководители республики, лидеры различных политических партий в тот судьбоносный период становления украинской государственности сумели переломить митинговые и эмоциональные тенденции, реалистично взглянуть на задачи реформирования органов безопасности республики, что позволило заложить демократические основы службы безопасности государства Украины, избежать крайних мнений о судьбах и социальной защите работавших в советское время сотрудников КГБ. Позитивную роль играла четкая позиция руководства и всего личного состава КГБ УССР, которых нельзя было обвинить в нарушении законов в последние годы советской власти.

После одобрения в Верховном совете образования СНБУ мы вместе с В. Дурдинцом провели встречу с журналистами. Интерес к переменам в органах безопасности республики был исключительно велик. Пресса и раньше не обходила нас стороной, а тут и подавно, ведь впервые парламентом проведены масштабные преобразования в бывшем союзно-республиканском ведомстве. К тому же такой серьезной реформе не подвергалось в республике ни одно министерство. Нам пришлось пожинать результаты авантюры ГКЧП, ошибок руководства нашего союзного ведомства. Присутствующих интересовал главный вопрос: «Чем принципиально отличается СНБУ от КГБ УССР?» Мы объясняли, что особо важное значение имеет то, что СНБУ стала республиканским и самостоятельным органом государственной безопасности. Взаимоотношения с союзными органами (а в эти дни еще продолжал существовать КГБ СССР во главе с В. Бакатиным) намечалось строить на двусторонней договорной основе. Структура и задачи новой украинской спецслужбы не были механически спроецированы с КГБ УССР.

Создавалась классическая спецслужба: СНБУ не входила в структуру исполнительной власти республики, хотя КГБ УССР на правах министерства был в составе Совета министров, но полностью зависел от Политбюро ЦК КП Украины.

Мы рассказали журналистам о новых направлениях работы подразделений, которые будут образованы в СНБУ, что последующая кадровая политика не предполагает идеологической чистки или немотивированных увольнений оперативного состава. Вносились существенные изменения в задачи и функции, появились совершенно новые направления, в частности военная контрразведка, служба внешних связей и другие. Назначение руководителей и сотрудников предусматривало процедуру индивидуального подбора с учетом компетентности, современной мотивации деятельности сотрудников, выводов служебных аттестаций за время работы в КГБ.

Дурдинец заверил общественность, что деятельность комиссии Верховного совета Украины по реорганизации органов безопасности привела к положительным итогам. СНБУ будет представлять собой эффективную спецслужбу по защите интересов украинской государственности. Главным залогом этого являлось то, что реформирование проходило «під прискіпливими поглядами» Верховного совета, многих депутатов и лидеров политических партий.

Москва безмолвствовала: ни из президентских структур, ни от законодательной власти в отношении преобразований органов госбезопасности республики не поступило никакой реакции. С КГБ СССР реальной возможности советоваться не представлялось. Коллегия КГБ СССР после путча была разгромлена, у нового председателя КГБ СССР Бакатина руки не доходили до судеб республиканских органов безопасности. Ему предстояло реализовать порученную Горбачевым и Яковлевым миссию – до основания разрушить КГБ СССР. Наступили времена, существенно отличающиеся от двадцатых годов, когда при огромной поддержке русского народа, Ленина и Дзержинского, сотен российских чекистов создавалась и начала функционировать ВУЧК – орган безопасности досоветской независимой революционной Украины.

На вопрос журналистов, не произошла ли вместо реформирования «смена вывески», ведь украинскую секретную организацию возглавил тот самый человек, который руководил КГБ Украины, Дурдинец ответил, что «это вынужденный шаг Верховного совета». Судя по задаваемым вопросам, отношение журналистов ко мне было вполне лояльным. Я отказался отвечать лишь на вопрос о дальнейших личных планах. После принятия Верховным советом Украины основных документов о СНБУ, считал, что выполнил, как сумел, свою миссию, реализовал программу создания новой спецслужбы и сохранения основного действующего кадрового состава.

Все, что было сделано парламентской комиссией Дурдинца, украинскими сотрудниками органов госбезопасности, явилось только началом трудного этапа фактического становления деятельности СНБУ. Спецслужбы государства создаются годами, а не указами или пожеланиями сильных мира сего. В первую очередь перед нами встали ответственные задачи по формированию ведущих оперативных управлений на определенном для них законодателями правовом поле. Это включало расстановку руководящих и оперативных сотрудников, формулирование им основанных функций, вытекающих из компетенции СНБУ; обеспечение нормальной жизнедеятельности спецслужбы в условиях отсутствия республиканского финансирования при материально-технической беспомощности и зависимости от центра.

Украина показала пример в образовании самостоятельной национальной спецслужбы. Коммунистический идеолог Кравчук четко усвоил и следовал ленинским заветам в том, что любая революция тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться. Перенимать украинский опыт приезжали чекисты из Казахстана во главе с Мирхайдаром Раманкуловым; на моей малой Родине действует Комитет национальной безопасности страны.

5 сентября председатель КГБ СССР Бакатин провел совещание руководителей республиканских органов КГБ, на котором участники высказались за сохранение общесоюзных струк-

тур госбезопасности. От украинской стороны мною вносилось предложение о разработке Договора о коллективной безопасности и одновременном заключении двусторонних соглашений КГБ СССР с органами безопасности республик, в которых можно было полнее учитывать специфику общих полномочий Союза и делегирования ему ряда республиканских прав в области обеспечения государственной безопасности.

В развитие этого 8 октября было подписано двустороннее соглашение между КГБ СССР и СНБУ В нем нашли дальнейшее разрешение следующие вопросы: взаимодействие в контрразведывательной работе против специальных служб иностранных государств и зарубежных подрывных организаций, наносящих ущерб интересам безопасности Союза ССР и Украины; взаимный обмен данными в борьбе с международной преступностью; совместная эксплуатация единых автоматизированных систем информационного обеспечения оперативной деятельности; поставки в республику специальных технических средств; совместный контроль безопасности воинских перевозок; продолжение подготовки и обмена кадровым составом и другие. Заключение такого взаимосогласованного и равноправного соглашения явилось жизненной необходимостью, без чего невозможно было осуществлять функции СНБУ.

Соглашение принимало форму межгосударственного документа и прорабатывалось в Верховном совете; по поручению Кравчука оно было подписано мною, от КГБ СССР – В. Бакатиным. Этот правовой акт оказался первым в практике деятельности КГБ СССР и создаваемых органов безопасности союзных республик, добивающихся независимости. Все происходящее в реформах органов госбезопасности не прибавляло личного энтузиазма, да и действие подписанного соглашения носило кратковременный характер. Дальнейшие события по разрушению Союза и его служб безопасности стремительно нарастали. В условиях самостоятельности СНБУ республиканское ведомство продолжало участвовать в работе союзного центра государственной безопасности. Мы получали оттуда приказы.

11 сентября 1991 года Горбачевым был образован Координационный совет КГБ СССР в составе председателя КГБ СССР Бакатина и руководителей органов безопасности всех союзных республик. В указе Президента подчеркивалось, что перед КГБ СССР в переходный период стоят задачи по кардинальной перестройке структуры органов государственной безопасности, обусловленные проходящими процессами суверенизации республик. Вместе с тем в указе как серьезное нарушение закона (не указано какого) отмечалось то обстоятельство, что руководители органов государственной безопасности союзных республик не были представлены в составе Коллегии КГБ СССР. Горбачев, вероятно, не был осведомлен, кто конкретно при Чебрикове и Крючкове входил в состав Коллегии КГБ СССР, и не знал, что из всех союзных республик такая честь исторически предоставлялась только Украинской ССР. Руководители государственной безопасности УССР входили в состав союзных коллегиальных органов во все годы советской власти, начиная с В. Балицкого, введенного в 1924 году в состав Коллегии Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Мое членство в Коллегии КГБ СССР завершилось с образованием упомянутого Координационного совета.

28 октября в Москве проводилось первое заседание Координационного совета КГБ СССР. Мною были получены соответствующие установки в отношении отстаивания самостоятельной позиции СНБУ при рассмотрении вопросов, вынесенных на обсуждение руководителей спецслужб союзных республик. В состоявшемся обмене мнениями руководители органов безопасности республик подчеркивали, что существование Союза возможно при условии внешней и внутренней безопасности всего сообщества, взаимодействия при осуществлении коллективной и индивидуальной национальной безопасности суверенных республик. Для этого вводился институт постоянных представителей органов безопасности республик в спецслужбах, который продолжает действовать до наших дней.

Прошедшее заседание Координационного совета оказалось единственным. Там я встретился с моими близкими коллегами: Булатом Байекеновым (Казахстан), Виктором Иваненко

(Россия), Эдуардом Ширковским (Белоруссия), Анатолием Стройкиным (Таджикистан) и другими, которые продолжали возглавлять органы безопасности союзных республик.

В период исполнения обязанностей председателя СНБУ мне приходилось выезжать в Москву для решения вопросов финансового, материального и технического обеспечения. В командировки в Россию меня одного, без сопровождения, уже не отпускали. Ко мне прикрепили двух народных депутатов, Ю. Костенко и В. Лемеша, которые находились вместе со мной в коридорах Лубянки, присутствовали во время бесед с Бакатиным, другими должностными лицами. Такая форма депутатского контроля над главой спецслужбы может украсить, наверное, только украинский «демократический» парламент. Костенко и Лемеш были интеллигентными, порядочными и не хотели играть роль надзирателей. Я выдерживал такое унизительное надзорное положение, усмирял гордыню, чтобы без скандала, из-за позорного поведения новых украинских вождей, завершить исполнение служебных обязанностей в созданной СНБУ, до назначения преемника не бросить коллектив сотрудников, с которым прошло почти пять лет совместного труда.

До конца ноября оставалась нерешенной проблема: кто дальше будет возглавлять СНБУ, ведь я на сессии Верховного совета согласился на «временное исполнение обязанностей». Самой приемлемой кандидатурой СНБУ рассматривался Дурдинец. Но в последний момент он испугался критических нападок на него депутатов от оппозиции. Выбор остановился на депутате Александре Емце, молодом, умном, подающим надежды в политике, яркие способности которого заметил Ивашко. Емец – юрист по образованию, имел опыт работы в системе МВД. Я с ним был хорошо знаком и поддержал его кандидатуру на должность председателя службы безопасности, особенно после того, как он в беседе со мной дал обещание сохранять кадровый потенциал сотрудников КГБ Украины. Представление Кравчуком в парламенте кандидатуры Емца в качестве председателя СНБУ после депутатского голосования завершилось провалом.

22 октября 1991 года на заседании Государственного совета под председательством Горбачева с участием глав независимых государств рассматривался вопрос о реорганизации КГБ СССР. При отъезде в Москву Кравчук мне сказал, что будет отстаивать приоритет республики в решении задач обеспечения государственной безопасности. Создание СНБУ решено окончательно на высшем законодательном уровне, о чем он заявит на заседании Госсовета. Там же должна была решиться судьба военной контрразведки страны, которую намечалось передать в систему Министерства обороны, и Кравчука интересовало мое мнение по этому поводу. Я изложил свою позицию, что этого нельзя допускать, так как приведет к карманной военной контрразведке, равносильно тому, если бы подразделения МВД по борьбе с хищениями социалистической собственности (это называлось грозной аббревиатурой ОБХСС) передать в ведение министра торговли. Я тогда не знал, что непререкаемым советником в вопросах военной контрразведки являлся Сталин. В 1949 году он наставлял руководство Болгарии: «Считаем нужным дать совет о необходимости передачи военной контрразведки в Министерство внутренних дел, изъяв из Министерства обороны». Особые отделы должны обеспечить чекистскую работу в войсках и не могут успешно работать в отрыве от системы госбезопасности.

В ходе исполнения обязанностей председателя СНБУ я принял для себя решение не издавать приказов о новых назначениях на руководящие должности. Некоторые кадровые перемещения проводились, но были немногочисленными. Аналогичное отношение выработал к поступающим от сотрудников рапортам об увольнении в отставку. Мои резолюции гласили: «Доложить новому руководству СНБУ». Я считал своим служебным и моральным долгом сделать все зависящее от меня для сохранения кадрового потенциала. Но многие достойные офицеры свои увольнения мотивировали распространяемыми слухами о том, что при назначении пенсий сотрудникам советских органов безопасности не будет учитываться стаж работы в партийных, комсомольских и советских структурах.

Признаюсь в собственной недальновидности и наивности: в те дни я считал, что создание СНБ Украины приведет к новому положению органов безопасности республик в обновленном Союзе, в единых рамках защиты Союза ССР и союзных республик, как предусматривалось в продолжавшем обсуждаться проекте Союзного договора.

Генерал Нездоля, стоявший у истоков создания СНБУ, отмечал как невероятный факт то, что в самых сложных условиях украинской государственной безопасности удалось сохранить старые кадры и базу КГБ УССР, тем самым обеспечив высокие профессиональные возможности новой спецслужбы. И это заслуга тех, кто ее создавал.

3 декабря 1991 года Горбачев подписал Закон СССР «О реорганизации органов государственной безопасности». В нем говорилось, что в связи с упразднением КГБ СССР «считать органы безопасности республик находящимися в исключительной юрисдикции суверенных республик (государств)».

Органы безопасности Украины к этому историческому этапу прошли нелегкий путь с августа 1991 года в сложной трансформации существующего государственного строя, на строгой законодательной основе.

После неудачи с назначением Емца я предложил кандидатуру Марчука. Он недолгое время занимал пост вице-премьера главы ведомства по чрезвычайным делам. Но Кравчук сказал, что с этим не согласятся лидеры Руха, так как он был причастен к арестам представителей творческой интеллигенции. Чтобы смягчить ситуацию, у меня состоялся разговор по этому поводу с Д. Павлычко и И. Драчом. Против Марчука выдвигались доводы, что он в свое время мордовал писателя, общественного деятеля И. Дзюбу, который привлекался к уголовной ответственности за подготовку публицистического трактата «Интернационализм или русификация?». «Скажите спасибо, что мордовал Марчук, а не Федорчук», – уговаривал я руховцев. В итоге при голосовании в парламенте с блестящим результатом Марчука поддержали и коммунисты, и руховцы.

С целью обеспечения управленческой, оперативно-служебной деятельности и расстановки кадров уже при председателе СНБУ Марчуке был создан специальный совет, которому предстояло провести переаттестацию оперативного состава. Своеобразие этого совещательного органа заключалось в том, что в его состав вошли несколько народных депутатов Украины, бывшие узники ГУЛАГа М. Горынь, Г. Алтунян. В некоторых источниках отмечается, что в результате месячного труда этой парламентской комиссии распрощались со своими рабочими местами 17 генералов и полторы тысячи полковников. На их должности были назначены новые лица, отвечающие национал-патриотическим требованиям нового времени.

Сотрудники СНБУ открывали новую эпоху в истории украинских спецслужб. Они торжественно принимали присягу на верность служения Украине. Мне не пришлось наблюдать прохождение этой процедуры, а в России при создании новых спецслужб подобная клятва не предусматривалась.

По-разному в эти реформаторские годы относились лидеры суверенных государств к создаваемым спецслужбам. Ельцин больше опирался на силы МВД, постоянно кроил на лоскутки службы безопасности и меньше им доверял, даже в последние годы с шумом уволил прежде преданное ему руководство личной службы охраны.

Размышлял и Президент Украины Кучма: «Служба безопасности Украины… Не знаю, где найти мягкие слова для ее адекватной оценки. Когда я в первый раз победил на президентских выборах, у меня была только одна, но очень конструктивная идея: отпустить весь ее личный состав. Всех – в отставку!»

Правда, Кучма прочувствовал значимость спецслужбы, когда стал заботиться о безопасности собственной персоны: «Минимум одна предполагаемая попытка покушения в год – такова статистика моей охраны».

При становлении Службы национальной безопасности характерным моментом являлось то, что преобладающее большинство кадровых сотрудников КГБ составляли украинцы, патриоты своего народа, которые приходили к единому национальному согласию в защите безопасности своего государства. Совершенно справедливо отмечалось, что при конструировании СНБУ самым сложным для сотрудников была неизбежная психологическая переориентация от борьбы с украинским национализмом и сепаратизмом (именно с такими проявлениями КГБ активно боролся) на защиту национальных интересов Украины.

Для многих украинских (да и российских) чекистов предстояло пережить тяжелые психологические, морально-нравственные периоды перестройки профессионального, внутреннего мировоззрения на служение независимым государствам и новым олигархическим властям. Это стало неизбежным и вынужденным в связи с политическими последствиями распада СССР, уничтожения социалистической системы власти. Происходило у нас почти по Александру Пушкину: «Всё изменилось под нашим зодиаком. Лев Козерогом стал, а Дева стала Раком».

Передача руководящей председательской булавы Евгению Марчуку состоялась в конце ноября 1991 года. В конференц-зале находился руководящий состав центрального аппарата для представления нового головы и моих проводов. В последний раз я видел многих своих соратников и подчиненных, представлявших настоящую элиту советской украинской разведки и контрразведки. С трудом произносил прощальные слова. Когда закончились выступления, кто-то из зала обратился с вопросом: «Как складывается дальнейшая судьба нашего председателя Николая Михайловича?» Кравчук бросил фразу, что он будет моим радником (советником). Хотя о моем трудоустройстве Кравчук вопроса не поднимал, не интересовался, да и работать с ним я не собирался.

Часть шестая
Итоги горе-перестройки

Глава первая
Выполнение установок вождей – это долг чекистов или преступление?

Мы верили Ленину. В нем мы поверили в клятву, которой сподвижник у гроба себя осенил. И кто бы предвидел, какую кровавую жатву собрать он на ниве народной надежды решил.
Борис Олейник

Со времени убийства в декабре 1934 года Сергея Мироновича Кирова, руководителя ленинградских коммунистов, было положено начало самому мрачному периоду в истории советского государства: кровавым и массовым репрессиям и безраздельной верховной сталинской власти.

Особенно тяжким наследием – участием в незаконных арестах, нарушением элементарных прав человека, кровавыми репрессиями – последующие годы отразились на деятельности органов госбезопасности. Морально-психологические последствия причастности своих сотрудников к злоупотреблениям властью и массовым репрессиям органы государственной безопасности продолжают испытывать до сегодняшних времен. Как могло случиться такое несчастье в жизни народа, строившего светлое социалистическое будущее!

В историческом плане для меня представляется важным рассмотреть основные этапы деятельности органов государственной безопасности, проследить издаваемые руководящие установки партии и правительства, которым в различные годы следовали предшественники КГБ. Без серьезного исследования причин отрицательных явлений этого периода жизни, особенно истоков и мотивов событий 1937 года, участь органов безопасности остается не до конца понятной и объяснимой. Может быть, поэтому рисуется мрачный и жестокий облик сотрудников, которые становились в окаянные годы крайними за реализацию воли вождей и виновными в исполнении служебного долга.

Советская действительность была устроена так, что до отмены в ходе горбачевской перестройки конституционного положения «о руководящей и направляющей роли» Коммунистической партии в жизни советского общества поколения сотрудников органов госбезопасности в повседневной работе выполняли политические решения правящей Компартии, Политбюро ЦК КПСС. На своем служебном опыте убеждаюсь, что КГБ никогда не играл самостоятельной политической роли, а следовал установкам партии и был острым орудием в руках КПСС. Даже при Горбачеве органы госбезопасности были инструментом партийной власти, без постановлений партийных съездов и пленумов ЦК не определяли и не вырабатывали направления своей деятельности, а продолжали выполнять задачи в соответствии с линией Президента и Генерального секретаря ЦК КПСС.

В 1920-е годы чрезвычайные и исключительные по методам работы действия ВЧК диктовались упорным сопротивлением свергнутых эксплуататорских классов. После революции, в годы Гражданской войны, применялся красный террор против врагов советской власти. Автор теории «военного социализма» Лев Троцкий давал обоснование необходимости проведения при диктатуре пролетариата террора как средства достижения результатов революции в «кратчайший срок, хотя и самыми суровыми методами, под страхом беспощадных расправ».

В 1921 году Ленин, отмечая на IX Всероссийском съезде Советов заслуги ВЧК перед революцией, ставил задачи сужения сферы и круга деятельности и полномочий этого учреждения, которое каждый раз отвечает на удары заговорщиков, и одновременно «усиления начал революционной законности».

Внутренняя обстановка в период мирного строительства существенно изменилась. Но сохранившийся страх, отсутствие общественного контроля повлекли за собой произвол, грубейшие нарушения законности и тяжкие преступления на почве злоупотребления властью одной, приравниваемой к божеству, личностью. Решениями Политбюро ЦК ВКП(б), принимаемыми суровыми законами и личными указаниями Сталина, был дан старт массовым «оперативным ударам» по считавшимся опасными для тоталитарного режима категориям населения. По некоторым данным, НКВД учитывало до 20 таких категорий, подпадавшие под них граждане становились потенциальными жертвами существующего строя. От всех правоохранительных органов требовалось главное – слепое и механическое исполнение карательных функций. Как мы увидим, аресты и расстрелы не миновали и самих сотрудников органов безопасности, они находились между молотом и наковальней, в трагическом положении между необходимостью исполнения служебного долга и ответственностью за тяжкие преступления. Как тут не вспомнить «соблюдение законности» при царском режиме, который большевики проклинали как сатраповский. Есть свидетельства историков, что при создании «черного кабинета» глава жандармского корпуса граф Бенкендорф просил у царя Николая I установки, как ему действовать. Царь показал Бенкендорфу чистый носовой платок с вышитыми на нем словами: «Утирай слезы слабых и обездоленных». А Сталин превратил действующую государственную власть в единоличную диктатуру. Органы госбезопасности оказались в его руках личным орудием со всеми вытекающими тяжелыми последствиями.

В 1934 году ОГПУ как самостоятельный орган был ликвидирован и создан Народный комиссариат внутренних дел СССР. При наркомате образовано Главное управление государственной безопасности, которым руководил лично нарком внутренних дел Генрих Ягода (Енох Ягуда).

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин, Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович к тому времени высказывали явное недовольство результатами работы органов госбезопасности, заявляя, что нарком внутренних дел «на четыре года задержался с разоблачением врагов народа», оказался не на высоте поставленной задачи – разоблачить враждебный «широкий троцкистско-зиновьевский блок» в стране.

На самом же деле Ягода требовал от подчиненных усилить агентурно-оперативную работу и, как формулировалось в одном из служебных приказов, «внести больше культуры, организованности и целеустремленности в борьбе с врагами народа». И даже иронизировал: у «горе-чекистов» вся «культура в работе» сводится к тому, что они работают, как в колхозе, – от и до определенного часа, это приводит к потере остроты в ликвидации врагов народа. Но Политбюро ЦК этого казалось недостаточным. Согласно заявлению Сталина, в стране продолжает действовать множество «врагов народа», а Ягода этого не видит, он потерял «чекистскую хватку». Чекистская часть – государственная безопасность в рядах НКВД, по словам вождя, «не имеет настоящего руководства», болеет серьезной болезнью, и наступило время заняться ее лечением.

До ареста Ягода еще имел возможность выступить на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года, где признал свою ответственность за то, что не сумел выполнить решения партии, личные указания товарища Сталина по уничтожению контрреволюционной деятельности «фашистских банд», а в борьбе «с троцкистами в органах получился полный провал». «Сталин предупреждал, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. И в этом лежала для чекистов целая программа в борьбе с контрреволюцией», – подчеркивал Ягода. Он признавал свои ошибки и

в том, что «без надежной агентуры органы потеряли связь с врагом и плутали среди врагов, как слепые кроты».

Когда знакомишься с документами, то можно видеть, что партийный Пленум начал превращаться в заурядное оперативное совещание, особенно, когда Берия выкрикивал реплики: «Без агентуры ОГПУ – это ничтожество… камвольный трест». Ягода обвинил своих заместителей в предательстве, «замкнутости в собственном соку», в том, что старые чекистские кадры разваливали работу, но всячески выгораживались от наказания. На Пленуме ЦК выступил Балицкий, обвинивший наркома Ягоду в том, что у него не было политического лица, а это главное: «Партийное руководство, политическое руководство, связь с ЦК в таком аппарате, как наш, это основа из всех основ».

Ягоды не стало. У расстрелянного наркома был несовершеннолетний сын Гарик. Затерявшийся в кровавой смуте тех лет, прежде чем бесследно исчезнуть, как и жертвы его отца, он отправил своей бабушке несколько писем, которые начинал одинаково: «Бабушка, я еще не умер…» Жуткий рефрен того безжалостного времени!

Сталин назначил руководителем НКВД партийного функционера высшего звена Николая Ежова, занимавшего должности секретаря ЦК и председателя Комиссии партийного контроля. В новом качестве наркома он продолжал занимать указанные партийные должности; ЦК партии разрешал ему «девять десятых своего времени отдавать НКВД».

Секретарь ЦК Дмитрий Шепилов «грозного и всемогущего» Ежова характеризовал «как маленького, щуплого человека», к наружности которого больше всего подходило бы русское слово «плюгавый». Нарком Ежов окончил один класс реального училища и курсы марксизма-ленинизма при ЦК партии, был малограмотным человеком, но с природной сметкой и умением быть преданным Сталину. До 1927 года Ежов работал в Алма-Ате заведующим орготделом Казахского обкома партии. Писатель Юрий Домбровский, бывший гулаговец, отмечал, что по высказываниям партийных работников, кто сталкивался с Ежовым, – это отзывчивый, мягкий, гуманный, тактичный человек. Невероятно, но именно он породил ежовщину – кампанию Большого террора 1937–1938 годов, лишившую жизни тысячи известных руководителей партии, государства, союзных республик, рядовых коммунистов из рабочих и крестьян.

При НКВД было образовано Особое совещание, которое наделялось исключительными полномочиями одновременного агентурного выявления «врагов народа», проведения следствия, внесудебного разбирательства в отношении «контрреволюционных элементов» и вынесения приговоров, вплоть до лишения свободы на срок до пяти лет и направления в ссылку в отдаленные суровые климатические районы страны. Имеются данные, что только за один 1937 год за контрреволюционные преступления было арестовано 936 750 человек. По обвинению в шпионаже в пользу иностранных разведок в этом же году арестовано около 100 000 человек. Теперь при разоблачении такого количества «шпионов-врагов народа» Сталин и Политбюро ЦК могли быть довольны работой НКВД. Анастас Микоян вспоминал, что при Сталине существовал запрет членам Политбюро ЦК вмешиваться в работу НКВД и звонить туда без его разрешения. Наркомат внутренних дел был превращен в особый инструмент сталинской политики: ведомство наделялось не только широкими правами по выявлению и разоблачению «врагов народа», но и осуществляло санкционированные партией явно незаконные методы в борьбе с «контрреволюционными элементами».

Своих политических противников Сталин называл оголтелой бандой предателей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих «по заданиям разведывательных органов иностранных государств». На собрании руководящего состава НКВД Ежов вторил Сталину и разоблачал прежних руководителей: нарком Ягода работал на германскую разведку, все начальники управлений и отделов ОГПУ – шпионы. Нужна чистка кадров, чистка и еще раз чистка. «Мы не должны считаться с репутацией старейших и наиболее закаленных чекистов, которые ослабили оборону революции… в первую очередь мы должны очистить наши органы от вражеских

элементов, которые смазывают борьбу с врагами народа». Такие задачи ставил перед чекистами нарком (он же секретарь ЦК) Ежов, ориентируя на расправу с «закаленными» чекистами школы Дзержинского.

Член Политбюро ЦК Каганович теперь с радостью сообщал Сталину, что у наркома Ежова дела идут хорошо. Он крепко и энергично взялся за выкорчевывание контрреволюционных бандитов, допросы «ведет замечательно и политически грамотно». Микоян также высоко оценил деятельность Ежова: он «сумел быстро улучшить положение в НКВД, создал замечательный костяк чекистов, советских разведчиков, изгнав чуждых людей, проникших в НКВД и тормозивших его работу».

Подчинив НКВД своей единоличной власти, Сталин расставлял в наркомате угодные ему руководящие кадры, с их помощью проводил систематические чистки и истреблял сотрудников органов безопасности большевистской закалки. Вместо опытных сотрудников приходили преданные вождю слепые исполнители, не имевшие ни профессиональных качеств, ни жизненного опыта, зато четко усваивавшие, как надо действовать, чтобы продвигаться по служебной лестнице. В печальной хронике уничтожения чекистских кадров в период культа личности стала прослеживаться определенная закономерность. Сентябрь 1936 – декабрь 1937 года: с приходом Ежова в наркомат НКВД начались репрессии против собственных сотрудников. Июнь – декабрь 1937 года: репрессии в органах НКВД распространились на территории союзных и автономных республик, краев и областей. В частности, на Украине подверглись широкому уничтожению сотрудники украинских органов государственной безопасности – соратники наркома Балицкого. Январь – апрель 1938 года: проводились аресты и расстрелы сотрудников НКВД, обвиненных в перегибах при осуществлении террора на местах; на Украине ликвидировали значительную группу сотрудников во главе с наркомом Леплевским. Апрель – декабрь 1938 года: с приходом в руководство НКВД Лаврентия Берии усилились репрессии в отношении ставленников Ежова; особенно это коснулось ликвидации чекистов московского, северокавказского и других регионов. 19531954 годы: после ареста Берии и его сподвижников проводилась крупная чистка органов госбезопасности. 1956–1967 годы: последствия развенчания культа личности Сталина, начавшиеся при Хрущеве сокращения и реорганизации системы органов государственной безопасности, образование КГБ СССР.

Проводимая политика красного террора и подавления классовых противников в годы Гражданской войны была беспощадной как со стороны красных, так и белых, что можно в определенной мере списать на особые условия революционного времени. Но политика Большого террора 1937–1938 годов осуществлялась в период провозглашения победы социализма, принятия сталинской Конституции, в которой провозглашались действительные, невиданные ранее права и свободы. К несчастью, времена мирного созидательного труда отличались резким повышением числа арестов советских граждан по политическим мотивам. Современникам трудно даже представить, что постановлениями высших партийных инстанций сотрудникам органов безопасности было санкционировано выбивать у арестованных лиц признательные показания любыми методами, вплоть до применения физического и психологического воздействия, инквизиционных пыток, ареста безвинных жен, детей и других родственников репрессированных лиц.

Свою диктатуру Сталин утверждал путем уничтожения неугодных ему сограждан – «врагов народа». Пропагандистски это делалось ради и во имя победы социализма. Однако советская власть такими мерами не укреплялась, а подготавливалась почва для внутриполитических кризисов, недовольства народа, нагнетания социальной напряженности на долгие годы вперед. В конечном итоге советское общество столкнулось с исторической действительностью, когда выполнение действующих в стране карательных функций провозглашалось служебным делом и долгом органов госбезопасности, прокуратуры и милиции, а исполнение оборачива-

лось физическим уничтожением сотрудников, обвиняемых в применении преступных законов и установок сверху.

Буквально через несколько дней после назначения на должность Ежова Политбюро ЦК рассмотрело его совместную с генеральным прокурором СССР Вышинским просьбу санкционировать осуждение 585 человек по специальному списку. Принятое постановление гласило: «Согласиться с предложением т. Ежова и Вышинского о мерах судебной расправы с активными участниками троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек» (на подлиннике имеются помета «согласен» и подписи Кагановича, Молотова, Постышева, Андреева, Ворошилова). Так был создан прецедент и началось регулярное утверждение в Политбюро ЦК ВКП(б) подобных расстрельных списков. Как свидетельствуют архивные документы, согласие Сталина имеется на 361, Молотова – на 773 расстрельных списках советских граждан. По этим спискам более сорока тысяч человек без суда и следствия приговаривались к смертной казни.

Генеральный секретарь Коминтерна болгарин Георгий Димитров в своем дневнике записал слова Сталина, который обещал, что «мы не только уничтожим врагов народа, но и семьи их уничтожим, весь их род до последнего колена». Молотов признается, что «никогда не жалел и никогда не пожалею, что действовали очень круто. Мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны».

Страну захлестнула волна необоснованных репрессий, которые прикрывались сталинским учением об ужесточении классовой борьбы по мере строительства и победы социализма. Начали активно действовать судебные «тройки» в составе партийных, чекистских и прокурорских руководителей, которые рассматривали дела без соблюдения процессуальных правовых норм, в упрощенном порядке. Лимиты на аресты граждан устанавливались сверху; руководители местных партийных органов и НКВД определяли, кого включить в список «врагов народа», кому было суждено подвергнуться карательным санкциям. Генеральный прокурор СССР Вышинский ориентировал прокуроров всей страны: «Ознакомьтесь в НКВД с оперативным приказом Ежова… Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются».

За два года было репрессировано руководство Коммунистической партии, армии, органов госбезопасности, практически все делегаты состоявшихся ранее съездов партии. Было погублено около двух миллионов коммунистов ленинского призыва. Из 24 членов ЦК партии, видных большевиков, которые участвовали в Октябрьской революции, 12 были репрессированы. Из 769 высших военачальников (командармов) было расстреляно 512 человек. Подверглись репрессиям многие члены Коминтерна, руководители братских пролетарских партий. В 1993 году, во время моей служебной поездки в Монголию, коллеги обращались ко мне с просьбой помочь найти документы и выяснить судьбу погибших в годы сталинских репрессий руководителей коммунистического движения этой страны.

Из ЦК в низовые партийные и советские органы страны исходило множество руководящих установок. Приведу конкретный пример: секретарь ЦК ВКП(б) Сталин и председатель Совета народных комиссаров СССР Молотов в 1937 году направили совместную телеграмму в ЦК Компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, председателям Совнаркомов и прокурорам о том, что НКВД СССР выявило подрывную работу врагов народа в особо злостной форме – совершении вредительства и диверсий в развитии животноводства.

«В целях ограждения колхозов и совхозов от вредительской деятельности врагов народа СНК СССР и ЦК ВКП(б) решили разгромить и уничтожить кадры вредителей в области животноводства. СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязывают организовать незамедлительно показательные суды над вредителями по животноводству, имея в виду изобличенных ветеринаров, зоотехников, работников местных земельных и совхозных органов». В этих целях в каждой республике, крае и области предлагалось организовать от трех до шести показательных судебных процессов

с привлечением крестьянских масс и широким освещением в печати. Изобличенных во вредительстве приговаривать к расстрелу. Теперь становится совершенно понятным, по чьей вине погиб родной брат народного писателя Белоруссии Янки Брыля Владимир, работавший зоотехником в передовом хозяйстве Киевской области, в котором было все нормально с животноводством. Мне теперь ясно, почему полгода в Акмолинской тюрьме находился мой дядя Иван, председатель колхоза в нашем селе, разрешивший зарезать сломавшего ногу теленка и раздать мясо на полевые станы работающим колхозникам.

2 июля 1937 года Политбюро ЦК направило местным органам телеграмму с требованием взять на учет всех возвратившихся из мест заключения кулаков: из их числа «наиболее враждебных» предлагалось расстрелять, а «менее активных, но все же враждебных» – выслать в концентрационные лагеря. Через два дня после этой телеграммы Политбюро ЦК приняло решение о женах осужденных «изменников Родины», в соответствии с которым они подлежали заключению в лагеря сроком на пять – восемь лет. Определялась дальнейшая судьба детей из таких семей. Если им еще не исполнилось 15 лет, они помещались в детские дома и закрытые интернаты, а достигших 15-летнего возраста отправляли в тюрьмы и лагеря.

Волей истории моя малая Родина – суровые казахстанские степи – оказалась местом ссылки и каторги. В соседних местностях находились Карлаг (Карагандинский лагерь) и АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в 2007 году открыл монумент «Арка печали» – символ памяти современников о загубленных жертвах репрессий. «Ни в одной стране мира не поступали так бесчеловечно с семьями врагов режима. Женщин и детей ссылали в голую степь, обрекая на голод, болезни, мучения, гибель потому, что они родственники репрессированных», – отметил Назарбаев.

Вскоре последовали другие постановления партийных инстанций о проведении чисток по национальному признаку, по которым ликвидировались потенциально опасные для советского режима целые этнические группы в стране. Самой масштабной оказалась «польская операция», начало которой положил приказ НКВД от 9 августа 1937 года о массовом аресте граждан польской национальности.

Для упрощения деятельности различных судебных и внесудебных органов в сентябре 1937 года Политбюро ЦК по инициативе Вышинского ввело новый порядок рассмотрения дел, который предусматривал вручение арестованным лицам обвинительного заключения за сутки до рассмотрения дела. Приговоры о расстрелах не подлежали обжалованию и немедленно приводились в исполнение.

В историческом рассмотрении сущности политики огульных обвинений и репрессий важным является многое: приводимые установки и задания ЦК партии, ужасающая статистика невинно пострадавших жертв. Но наиболее значимым представляется понимание причин и механизма случившихся трагедий в жизни страны. По моему мнению, только на НКВД и прокуратуру вину за осуществление массовых репрессий списать нельзя.

Можно и далее последовательно проследить руководящие установки правоохранительным органам СССР, которые исходили во времена Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева. КГБ, прокуратура, МВД СССР ничего не делали без ведома и согласия партийных инстанций, но обеспечивали политическую линию партии в правоприменительной практике указанных силовых ведомств. Массовые злодеяния, которые совершались в годы сталинских репрессий, сопровождались широким пропагандистским обеспечением в средствах массовой информации; насаждалось мнение, что советское общество всенародно одобряло и поддерживало разоблачение и суровые наказания врагов народа.

Александр Бабушкин, кадровый разведчик, руководитель аналитического управления в советской разведке, в последующем – начальник секретариата КГБ СССР при Чебрикове, мой постоянный и доброжелательный критик, преподнес мне необычный подарок: ксерокопии газет «Правда» и местной казахстанской «Ленинское знамя», вышедших 21 июня 1937 года.

В этот день (моего появления на свет) указанные газеты сообщали о том, что величественные победы социализма приводят в бешенство врагов народа; трудящиеся нашей страны зорко следят за действиями классового врага и будут беспощадно стирать его с лица земли; подлые троцкисты, зиновьевцы, правые отщепенцы, черные предатели и изменники, наймиты германского фашизма – Тухачевский, Якир и их кровавая банда – пытались восстановить в нашей стране власть помещиков и капиталистов и затопить кровью рабочих и крестьян нашу счастливую, радостную страну. В газете «Правда» я прочитал телеграмму знаменитого шахтера Алексея Стаханова, находившегося в Сочи на отдыхе: «Карающий меч пролетарской диктатуры обезглавил шпионов и предателей Родины. Тухачевский и его сообщники получили по заслугам. Фашистским собакам – собачья смерть. Горняки Донбасса с большим одобрением встретили приговор Верховного суда…»

Немногим читателям известно, что в 1937 году Политбюро ЦК приняло и такое решение: аресты сотрудников министерств и ведомств должны санкционироваться их руководителями. Внешне это выглядело так, что репрессии против «врагов народа» осуществлялись как бы с согласия руководителей гражданских ведомств, людей из самого народа.

В 1938 году Ежов обратился в Политбюро ЦК с просьбой освободить его от работы в НКВД по причине, что «не справился с работой такого огромного и ответственного наркомата, не охватил всей суммы сложнейшей разведывательной работы». Он признавался в том, что зарубежная разведка поставлена «из рук вон плохо» и ее придется создавать заново; что внутри страны «заговорщики из НКВД пытались замять дела на некоторых врагов народа». Наиболее запущенным участком в НКВД оказались кадры, отмечал Ежов. За первые три месяца в должности наркома только из центрального аппарата он уволил 1360 чекистов, из которых 884 были расстреляны по сфабрикованным обвинениям в их связях с контрреволюционерами, троцкистами и националистами. Были обезглавлены практически все разведывательные резидентуры за рубежом, которые создаются огромным трудом и годами. «Я почистил 14 тысяч сотрудников органов НКВД и жалею, что мало. Я успокоился на том, что разгромил верхушку и часть наиболее скомпрометированных работников среднего звена. Многие из вновь выдвинутых, как теперь выясняется, также являются шпионами и заговорщиками», – так откровенно об уничтожении работников органов безопасности заявлял глава НКВД. Следует отметить, что около 80 % высшего состава НКВД были уничтожены или погибли в период ежовщины.

В письме в Политбюро ЦК Ежов упоминает Успенского: «Вина моя в том, что, сомневаясь в политической честности таких людей, как предатель Успенский, не принял достаточных мер чекистской предусмотрительности и тем самым дал возможность Успенскому скрыться». Так он отзывался о человеке, которого рекомендовал наркомом Украинской ССР, сам представлял в Киеве коллективу республиканского НКВД.

Интересен и такой факт. Уголовное дело по привлечению к уголовной ответственности Ежова за измену Родине, вредительство, шпионаж, приготовление к совершению террористических актов расследовал Василий Сергиенко. Он начинал работу в НКВД на Украине рядовым фельдъегерем и за девять лет прошел путь до начальника следственной части Главного управления госбезопасности НКВД СССР. До прихода в органы он заведовал магазином при спиртоводочном заводе. После окончания следственного дела Ежова В. Сергиенко направили в Киев. По словам Хрущева, это был «оборотистый» человек, ставший перед войной в 1941 году наркомом внутренних дел Украины. Сергиенко докладывал в Москву, что Хрущев не хочет оборонять город и намерен сдать немцам Киев.

В раздаче «руководящих и направляющих» установок органам госбезопасности не отставали от центра, а, может, еще и больше усердствовали местные партийные руководители в союзных республиках, краях и областях.

В 1932 году «любимец партии» Киров на юбилейном собрании Ленинградского ГПУ в своем выступлении произнес кощунственное напутствие сотрудникам: «Надо прямо сказать,

что ЧК – ГПУ – это орган, призванный карать, а если попросту изобразить это дело, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения благодаря деятельности нашего ГПУ».

В Москве с начала 1935 года, во времена партийного руководства Хрущева, отмечалась «невиданная убыль» коммунистов московской партийной организации из-за массовых судебных и внесудебных расправ над членами партии. Хрущевское правление на Украине (с января 1938 года) в республиканской партийной организации с первых месяцев его приезда отмечено волной усилившихся репрессий. При нем стали выкашивать авторитетных руководителей Украины, партийных и государственных работников различных рангов. Именно на 1938 год приходится рост числа арестов видных военачальников на Украине… В ту пору Хрущев жаловался: «Дорогой Иосиф Виссарионович, Украина ежемесячно посылает списки на 17–18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более двух-трех тысяч. Прошу принять срочные меры. Любящий Вас Н. Хрущев». В Киеве я читал архивный доклад НКВД Украины в Москву о том, что настоящая борьба с «врагами народа» в республике началась лишь со времени приезда в республику в качестве секретаря ЦК Хрущева.

В марте 1938 года Хрущев вместе с командующим Киевским военным округом Семеном Тимошенко докладывает в Кремль об очередном разоблачении «врагов народа» в войсках округа: «вычищено» около трех тысяч, обновлены все командиры корпусов и дивизий, в результате «мощь военного округа возросла». Следом он рапортует об успехах в разоблачении «врагов народа» на селе: «за июнь-июль 1938 года перед уборкой урожая в сельскохозяйственных районах республики было арестовано свыше трех с половиной тысяч скрытых врагов народа, сочувствующих троцкистам и проводивших в колхозах антисоветскую пропаганду».

На XIX съезде Компартии Украины в июне 1938 года он заявлял о том, что состав Политбюро ЦК КПУ «оказался вражеским. Я думаю, что сейчас мы врагов доконаем на Украине». И это были не просто слова; в этом году были арестованы около 110 тысяч человек.

До хрущевских времен на Украине первый секретарь ЦК Компартии Станислав Косиор обвинил своего коллегу Павла Постышева в отступлении от генеральной линии партии при организации борьбы с врагами народа, заключавшемся якобы в укрывательстве враждебных элементов под предлогом «сохранения местных кадров». Из высказываний Косиора получалось, что местные кадры не следует беречь. Постышева лишили должности в ЦК КПУ и перевели в Куйбышевский (Самарский) обком партии. На новом месте он проявил большевистское рвение, объявил враждебным партийное руководство в области и 34 районах. Вскоре его арестуют, а Косиора переведут заместителем председателя правительства в Москву, где в начале 1939 года расстреляют как врага народа. В эти годы погибнут руководители партии и правительства Украины: Затонский, Хатаевич, Попов, Сухомин и многие другие. Председатель Совета министров Любченко вместе с женой покончат с собой, чтобы избежать ареста. Хрущев на очередном XVIII съезде ВКП(б) призывал с ненавистью относиться к таким лицам, как Любченко, Затонский, Хвиля, и «другой нечисти». «Это не люди, а отбросы человечества, проклятые трудящимися. С помощью таких врагов украинского народа фашисты пытаются закабалить цветущую советскую Украину», – заявлял он.

Советское руководство стало понимать, что разгул массовых репрессий не укреплял власть большевиков, как задумывалось, а грозил существенным ослаблением существующего строя. На этом съезде партии менялись ориентиры в деятельности органов государственной безопасности. Основные усилия должны были направляться «не во внутрь страны», а на борьбу с иностранными спецслужбами и их агентурой. Видимо, к руководству страны уже приходило ясное понимание, что в Европе разгорался пожар новой мировой войны, приближавшейся к нашим границам.

После того как убрали Ежова, быстро набирал силу Лаврентий Берия. Присланный в Киев его протеже, лейтенант госбезопасности Кобулов, «наводит порядок» и разоблачает «антисо-

ветский заговор в НКВД УССР во главе с наркомом Успенским». Но и в дальнейшем репрессии на Украине имели место, в частности, в отношении военнопленных и интернированных польских граждан, некоторых слоев населения областей Западной Украины, вошедших перед войной в состав СССР.

О Берии написано множество исследований, в которых он предстает, с одной стороны, деспотом, жестким и покорным исполнителем репрессивной политики Сталина, а с другой – талантливым организатором атомного проекта, который пытался предстать демократическим реформатором. Некоторые историки исходят из того, что Берия виноват в проводимых репрессиях (он был заместителем Ежова), но не более чем остальные высшие партийные руководители – от Молотова, Маленкова до Хрущева.

25 ноября 1938 года Берия был назначен наркомом и начал опять-таки с чистки личного состава внутренних дел. В 1939 году из органов НКВД были уволены более семи тысяч сотрудников, каждый пятый действующий оперативный работник. С приходом в органы НКВД Берии была осуществлена операция по отмыванию политического руководства страны в причастности к террору 1937 года. Начались фабрикация кампании по «заговору в органах НКВД», физическая ликвидация многих сотрудников всех рангов, включая Ежова, по обвинению в измене Родине, шпионаже и, как бы между прочим, в проведении незаконных репрессий в целях дискредитации советской власти. Государственная власть стала списывать на «вражеское» руководство НКВД прежние грехи в проведении репрессивной политики. Берия предал суду многих сотрудников, обновил чекистский аппарат за счет приема на оперативную работу сотрудников из партийно-комсомольского актива. Изменился национальный состав руководящих работников: исчезли поляки, латыши, немцы, резко сократилось число оперативных сотрудников еврейской национальности и выходцев из непролетарских семей.

В ноябре 1938 года ЦК партии была осуждена политика массовых репрессий. Основная вина за них в партийных документах возлагалась на сотрудников НКВД и прокуратуры СССР как на главных исполнителей карательных акций.

10 января 1939 года Сталиным была подписана телеграмма о том, что применение физического воздействия при допросах политических заключенных допущено в практику НКВД в 1937 году с разрешения ЦК. Вместе с тем ЦК ВКП(б) считает, что физическое воздействие должно обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как «совершенно правильный и целесообразный метод». Какими являлись разрешенные ЦК меры физического воздействия, можно только догадываться со слов генерального прокурора СССР Руденко. Он как-то сказал, что не хочет расшифровывать допускаемые формы пыток, чтобы не унижать достоинство тех лиц, к которым они применялись. Если исходить из этого, то можно понять, почему композитор Д. Шостакович потерял сознание, когда прочел предсмертное письмо Мейерхольда с описанием применяемых к нему мер воздействия.

После смерти Сталина Берия пытался изменить великодержавную национальную политику в отношении союзных республик. В июне 1953 года он подготовил для ЦК записку, в которой поднял «украинский вопрос», критиковал украинские партийные органы за слишком «жесткую позицию» по отношению к бандеровцам, банды которых в Западной Украине своими расправами над мирным населением сеяли ужас. В документе приводились данные, когда в западных областях Украины различным формам репрессий и наказаниям с 1944 по 1952 годы были подвергнуты около 500 тысяч человек, в том числе выслано за пределы УССР и определено на спецпоселение в отдаленные районы более 200 тысяч. Берия упоминал о чрезмерной русификации населения западных областей Украины, грубом отношении к местной национальной культуре. После смерти Сталина, по мнению историков, этим жестом он пытался обелить себя, снять ответственность за совершенные преступления прошлых лет. Но необходимо отдать должное, когда по предложению Берии 27 марта 1953 года указом Верховного

совета было амнистировано 1 миллион 182 тысячи человек – половина находившихся тогда в местах заключения. Берию обвинили в дестабилизации обстановки в стране массовой амнистией, освобождением рецидивистов.

Заступился Ворошилов, который назвал амнистию полезной, поскольку выпущены были те, кто сидел за малозначительные преступления.

Знаменитый ученый Владимир Вернадский находился во время Великой Отечественной войны в казахстанских степях в соседнем с моим районе. Он так подводил итоги сталинских репрессий: «…в тюрьмах, ссылках казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях в Финляндской войне, сейчас с началом войны с Германией сказывается катастрофически».

На XX съезде Коммунистической партии СССР Хрущев обвинил в организации и проведении массовых репрессий Сталина, Берию и органы государственной безопасности. Умалчивалось то обстоятельство, что основная вина лежит на руководящих партийных инстанциях, их высших функционерах, откуда исходили руководящие и направляющие установки в области карательной политики.

При Хрущеве наступил период так называемой оттепели. Изменившаяся обстановка в стране стала примечательна ослаблением репрессивных методов государственного правления, требованиями соблюдения законодательства, развитием «коммунистической демократии и народовластия». Вместе с тем взамен тоталитаризма постепенно зарождался автократизм нового партийного вождя, стали подавляться любые попытки советских людей предъявлять экономические требования и иные претензии к властям, пресекались выступления рабочих, а также бывших депортированных народов.

За десятилетнее пребывание Хрущева у власти по статье Уголовного кодекса «антисоветская агитация и пропаганда» было арестовано в десять раз больше советских граждан, чем за последующие двадцать лет руководства Андроповым сначала в качестве главы КГБ, затем Союза (при Хрущеве – 4676 арестованных, при Андропове – 415).

Я разделяю принятое при Хрущеве необычное решение в отношении руководителей Министерства обороны, КГБ, МВД, которые не должны были входить в состав Политбюро ЦК. В их руках в пределах служебной компетенции сосредоточивалась огромная власть, а повышение их политического веса могло приводить к злоупотреблениям и ослаблению контроля за ведомствами. Но в то же время с хрущевских времен действовало другое важное решение: руководящие кадры партии оставались вне контроля со стороны органов госбезопасности, тем более других силовых ведомств. «Еще раз строго предупредить руководителей местных органов и центральных управлений МГБ СССР о том, чтобы агентура не направлялась на разработку лиц, работающих в партийных органах или занимающих соответственное положение в местных органах советской власти. Если от агентуры или из других источников в органы МВД на указанных лиц будут поступать материалы, инициативно докладывать их первым секретарям ЦК Компартий союзных республик, крайкомов, обкомов ВКП(б) и поступать с такими материалами по их указанию», – писал С. Игнатьев Маленкову.

Во времена Брежнева направленность деятельности органов госбезопасности сводилась к снижению внутренней репрессивной политики и определялась в большей степени личностью Андропова. Первый заместитель председателя КГБ СССР Бобков свидетельствует, что в ответ на попытки применять суровые меры по отношению к некоторым диссидентствующим элементам Андропов убеждал Брежнева не идти на крутые меры: «Репрессии организовать легко, но они лягут пятном на ваше имя». Масштаб уголовных процессов политического характера стал невелик. Об их отсутствии в годы горбачевской перестройки можно говорить с полным основанием, хотя единичных правовых нарушений со стороны КГБ полностью избежать не удавалось. При Чебрикове и Крючкове нарушители законности строго наказывались.

Касаясь организованного террора 1937–1938 годов против собственного народа, я полагаю, что мое поколение сотрудников органов безопасности не несет ответственности за преступления тех лет. Но в личном плане считаю, что преступления любого периода в истории страны (капитализма или социализма) против собственного народа не должны забываться, особенно сотрудниками спецслужб, наделенных полномочиями применять властные меры. Прошлое всегда должно напоминать, что руководители силовых ведомств должны строго соблюдать законы, ведь, допуская правонарушения или исполняя преступные приказы, они сами становятся жертвами, проклинаются потомками. Проблемы палачей и жертв стоят рядом: рассматривая через годы трагические события нашей истории, можем ли мы оправдывать одних и строго судить других – они все жертвы. И сегодня в связи с культом Сталина в истории продолжаются споры о причинах происходившего Большого террора. Некоторые придерживаются мнения о том, что в 1937–1938 годах коммунистическое руководство СССР решило уничтожить всех политических противников режима, препятствующих строительству социализма и форсированной модернизации страны перед угрозой войны. Специально подчеркнем, не только реальных, но и потенциальных противников по фабрикуемым политическим мотивам.

В этот период коммунистическая власть оказалась в сложной ситуации и нельзя не учитывать конкретные исторические условия. Надвигалась Вторая мировая война, давали знать последствия трагедий коллективизации и голода 1932–1933 годов, стремительных темпов индустриализации за счет эксплуатации рабочих и крестьян, недовольство проводившейся карательной политикой порождало потенциальную вероятность возникновения «пятой колонны» (свеж был опыт Гражданской войны в Испании), вызывало усиление подозрительности и агрессивности со стороны Кремля. Другие оправдывают репрессии тем, что наличие огромного числа заключенных было выгодно коммунистическому режиму для реализации экономических программ индустриализации, привлечения дешевой рабочей силы на сталинские стройки социализма.

Существует точка зрения, что при принятии Конституции СССР в 1936 году Сталин столкнулся с собственной оппозицией со стороны партийной бюрократической элиты – большинства в ЦК и среди региональных партийных секретарей, которые не согласились с некоторыми его предложениями, в частности о внесении демократических изменений в закон о выборах. Уже в те годы предлагалось, чтобы в бюллетень для голосования вносилось несколько кандидатов. К этому положению наше общество пришло только при Горбачеве.

Как бы то ни было, на мой взгляд, с оппозицией нельзя бороться полпотовскими методами – этого Сталину никогда не забудут. Политический террор не может оправдываться никакими, даже высокими и благородными целями. При всех его заслугах перед партией и народом вина Сталина за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Если наши современники и наследники захотят жить в демократическом государстве, то они должны извлечь уроки из прошлого. Оздоровление общества может наступить только тогда, когда люди знают всю правду, пусть горькую, о своем минувшем ради здорового и прекрасного будущего.

Пока не будет определена и разграничена четкая ответственность любых структур – политических, партийных, правоохранительных – будущие поколения под влиянием информационной обработки будут смотреть на сотрудников НКВД как на крайних виновников периода сталинского террора. Существует мнение, что с ранних советских времен органы госбезопасности «люто ненавидели КПСС» и всегда на партию «точили зубы» (эту точку зрения озвучил политолог Сергей Кургинян). Я считаю такое мнение надуманным.

Но даже эти тяжелые и трагические страницы сталинских репрессий не могут перечеркнуть героические страницы деятельности органов госбезопасности. Вклад сотрудников в защиту государства, подвиги и самоотверженность чекистов в Великой Отечественной войне,

мужественное преодоление тяжких испытаний в послевоенные годы, выполнение служебного долга в современный период, когда органы госбезопасности стали активным фактором борьбы с международным терроризмом и бандитизмом внутри страны, – все это неоценимый и нравственный материал для воспитания патриотов России.

Когда умер Сталин, мое поколение было еще слишком юным, чтобы понять драматизм сталинской эпохи. Но вместе с тем это было время выдающихся достижений советского народа: полной ликвидации неграмотности населения, особенно в среднеазиатских республиках (до 75 % населения было неграмотным), создания мощной экономики, великих достижений в освоении космоса, мировых открытий в науке, укрощения ядерной энергии и, конечно же, незабываемого спасения человечества от фашистской чумы. Многие экономические и военные победы связываются с именем Сталина. От этого феномена историю в сторону не увести, как бы кому-то ни хотелось. Такой личностью действительно можно было бы восхищаться, если бы не тяжелый груз наследия сталинского режима.

Когда приближалось 100-летие со дня рождения Сталина, меня направили в командировку в Грузию с задачей контроля совместно с местным КГБ за возможными эксцессами, которые стихийно могли возникнуть в республике в связи с этой датой. В центре опасались нежелательных выступлений как сталинистов, так и критиков вождя, ибо не забылись события в Тбилиси 1956 года, когда после разоблачения культа личности выступления в поддержку Сталина были подавлены военной силой.

По совету председателя КГБ Грузии генерал-полковника Алексея Николаевича Инаури день рождения Сталина я провел в его родном городе Гори. Там можно было нагляднее увидеть, как будет отмечаться юбилей его земляками. На центральной улице практически возле каждого жилого дома жителями были накрыты столы с грузинскими винами и национальными блюдами. День рождения великого земляка стал настоящим праздником для населения города, наблюдалось общее ликование и торжественность, люди угощали друг друга и всех, даже незнакомых прохожих. Большую часть рабочего дня я провел в музее Сталина, который создавался к его 70-летию при участии всех братских советских республик. От экскурсовода я узнавал о жизни Сталина много интересного и поучительного, такого не вычитаешь в энциклопедиях. Я увидел свидетельства его бедного детства и юности, впервые услышал стихи Сталина, ознакомился с содержанием писем к дочери Светлане («дорогая моя хозяюшка» – так обращался он к 12-летней дочери), узнал неизвестные для меня факты, например его требование уничтожить хвалебную книгу о нем как «вещь исключительно вредную». Патриотическое стихотворение 17-летнего Иосифа, как мне говорили, вошло в букварь грузинского языка; его перевод на русский язык поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели признавался специалистами лучшим; оказалось, что когда юноша Джугашвили пел в церковном хоре, послушать его спускались с гор даже старики.

Когда в КГБ республики мы обобщили информацию, стало ясно, что грузинским народом 100-летие со дня рождения Сталина было отмечено без каких-либо антиобщественных проявлений. В сельских районах, в пяти населенных пунктах, были восстановлены памятники, ранее снятые по решению местных властей и припрятанные до поры до времени в укромных местах. Самовольно восстановленные памятники Сталину было решено не трогать.

В те дни я вспоминал свои школьные годы, когда учил наизусть на казахском языке стихотворение о двух соколах, сидевших «на дубу зеленом, да на том просторном» (первый сокол – Ленин, второй – Сталин). Наш казахский народный акын Джамбул пел: «Сталин – глубже океана, выше Гималаев, ярче солнца».

В Гори я посетил еще и городской музей, где была создана уникальная, возможно, единственная в своем роде на всю советскую страну экспозиция. В музее были собраны фотографии нескольких тысяч мужчин и юношей, которые ушли из города на борьбу с немецким фашизмом. Трое из каждых четырех не вернулись с полей войны, погибли в боях за нашу общую

победу – статистика, характерная почти для всех населенных пунктов страны. В центре фотографий – А. Инаури, личность во многом легендарная.

Необходимое отступление

Генерал-полковник Инаури с 1954 по 1987 год руководил КГБ Грузинской ССР. В отставку он вышел в пожилом возрасте, авторитет у него был непререкаемый.

Я неоднократно бывал в служебных командировках в Тбилиси по разным поводам: розыск изготовителей взрывного устройства, подложенного у памятника в честь годовщины подписания Георгиевского трактата; события в Абхазии, когда началось массовое движение абхазского народа за выход из Грузии. Я присутствовал на совещании, когда Инаури потребовал от начальников отделов «бросить все силы и найти негодяя, заложившего бомбу под памятник русско-грузинской дружбы». Начальник 1-го отдела (разведка) Руслан Кварцхава спросил: ««Надо ли разведчикам подключаться к розыску, ведь у них свои дела», Инаури в сердцах ответил: «Если в Грузии не будет советской власти, зачем тогда твоя разведка нужна?» Через некоторое время умный, образованный и талантливый Кварцхава был переведен из разведки начальником 5-го отдела, занимавшегося внутренними проблемами республики,

Инаури был всегда высокого мнения о своих оперативных работниках, относился к ним по-отечески, ««Когда оперативной работой начнут командовать люди с генеральскими звездами, – любил он повторять, – толку не будет»,

Я работал в секретариате КГБ, когда Чебриков доверил мне выполнение деликатного поручения, Горбачеву поступило письмо за подписью нескольких видных советских военачальников, Маршалов Советского Союза, Они просили ЦК рассмотреть вопрос о присвоении Инаури звания Героя Советского Союза за боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны, Чебриков поручил мне ознакомиться с личным делом Инаури и подготовить необходимые документы для представления к присвоению высокого звания, Но сделать предстояло так, чтобы до времени это не стало никому известно, даже самому Инаури, Я доложил Чебрикову, что в личном деле нет материалов о боевых подвигах Инаури в годы войны, и попросил разрешения встретиться с ним, Чебриков ответил, что не хотелось бы ставить его в известность преждевременно, будет ли подписан такой указ в мирное время – еще вопрос, Председатель, как всегда, был осторожен, Он согласился, что Инаури наверняка осведомлен о коллективном письме и разрешил мне командировку в Тбилиси,

При встрече с Алексеем Николаевичем я откровенно рассказал о цели моего приезда, У него сохранилось несколько публикаций фронтовых газет, в которых упоминалась фамилия: ««Воюйте, как конники Инаури», Эти и другие газетные материалы о его боевых подвигах я использовал в представлении на звание Героя Советского Союза, С первых дней войны его кавалерийский полк из-под Полтавы бросили в бой на территорию Львовской области, Полк был разбит, кавалеристы не устояли перед танками, ««Я к границе прискакал на лихом коне, а назад полз по Украине на животе», – рассказывал мне Инаури, который закончил войну командиром корпуса,

Я думаю, что более прославленного в годы войны чекиста среди руководства КГБ союзных республик не было. Велики его заслуги и перед родной Грузией. За мужество и отвагу в Великой Отечественной войне Президиум Верховного совета СССР 7 мая 1985 года генерал-полковнику А. Н. Инаури присвоил звание Героя Советского Союза.

Глава вторая
Госбезопасность в дни ГКЧП

При всех последовавших профессиональных ошибочных решениях справедливо признать, что Владимир Крючков был государственником, который задолго до создания ГКЧП бил в тревожный набат о грядущей тяжелой судьбе Советского Союза. В июне 1991 года он выступил на закрытом заседании Верховного совета СССР, где перед депутатами изложил серьезные предостережения о проходящих разрушительных процессах в стране. Оценки обстановки были конкретными и тревожными в отличие от успокаивающих и расплывчатых заявлений главных прорабов перестройки. Председатель КГБ СССР информировал народных депутатов СССР о том, что «наше Отечество находится на грани катастрофы… Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам советского государства». Крючков характеризовал проводившиеся в СССР реформы «как заговор ЦРУ против нашей страны: если не будут предприняты чрезвычайные меры, наша страна прекратит свое существование». Запад использует наши внутренние трудности для достижения своих стратегических целей. Он добавлял, что «в мире нет ни одного государства, в котором демократия и гласность действовали бы в отрыве от правопорядка. В нашей стране здесь обозначился серьезный разрыв. И с каждым днем он обходится все дороже».

Стремясь привлечь внимание депутатов, Крючков заверял, что органы госбезопасности располагают самой достоверной информацией о реальной кризисной обстановке в стране. Многого стоили его упреки руководству и депутатам страны о том, что кто из них не верит в объективность излагаемых им данных, тот уподобляется советским лидерам, не доверявшим советской разведке о начале войны с Германией. Если председатель КГБ рискнул на такие исторические параллели, думается, что на душе у него наболело.

Сотрудники КГБ раньше, чем в других властных структурах, видели угрозы национальной безопасности и осознавали опасность распада страны. Разве не отличались жесткой объективностью слова председателя КГБ о том, что в западных странах считают, «что развал Советского Союза предрешен»? «Имелись разведывательные данные о разработке планов даже оккупации Советского Союза в определенных условиях под предлогом установления международного контроля над его ядерным потенциалом».

Вместо того чтобы прислушаться к словам Крючкова, КГБ продолжали подвергать откровенным и грубым нападкам, подрывающим доверие общества к органам государственной безопасности. Между прочим, в США обратили внимание на выступление Крючкова как на отразившее «глубокие различия между образом мышления руководства КГБ и руководителей других правительственных учреждений».

Не впервые органы госбезопасности на самом высоком уровне предупреждали об угрожающем обострении общественно-политической обстановки в стране. Годом раньше в речи на XXVIII съезде КПСС Крючков отмечал рост сепаратизма, межнациональных столкновений в союзных республиках. В мирное время в стране появились сотни тысяч беженцев, изгнанных советских граждан из родных мест. «…Все это не только человеческая боль, но и фронт каждодневной работы чекистов», – утверждал Крючков, особо выделяя то, что борьба с негативными явлениями в стране должна осуществляться незамедлительно руководством государства. «Если волне насилия немедленно не положить конец, то последствия будут непредсказуемыми…»

В откровенном публичном выступлении Крючкова в союзном парламенте некоторое недоумение вызвало следующее обстоятельство. Он процитировал разведывательную информацию, направленную Андроповым еще в 1977 году в

Политбюро ЦК КПСС. В ней указывалось, что американская разведка поставила перед собой задачу вести в нашей стране поиск должностных лиц, занимающих высокое положение, чтобы приобретать из их числа агентуру влияния и продвигать в руководящие звенья идеологии, политики и экономики Советского Союза. Изложение записки Андропова четырнадцатилетней давности без упоминания конкретных фактов разоблачения агентуры влияния, без современной аргументации лишь намекало на существование предателей в стране. Профессиональное понятие «агентуры влияния» в оперативной практике фигурировало нечасто, упоминалось больше при проведении активных зарубежных операций, когда в иностранных государствах в верхах появлялся, образно говоря, «наш человек в Гаване». Насколько мне известно, при Андропове и в последующие годы не было случаев разоблачения преступной деятельности агентов влияния, особенно из эшелонов руководства страны. Может быть, отсутствие подобных фактов являлось результатом того, что руководящая партийная, вся правящая бюрократия оказалась вне контроля со стороны КГБ, других правоохранительных органов. Имевшие место разоблачения коррупции, хищений и взяточничества в этих кругах, естественно, не в счет.

Крючков намекнул о деятельности агентов влияния, но не назвал ни фамилий, ни должностей. Возможно, он исходил из того, что эти его заявления вызовут сенсацию и от КГБ депутаты потребуют раскрыть карты, назвать реальных врагов страны. Но он ошибался, такой реакции или простого любопытства со стороны сидящего в зале депутатского корпуса не последовало. Некоторые мои знакомые депутаты обращались с просьбой по большому секрету назвать фамилии тех, кого мог иметь в виду председатель КГБ как агентов влияния спецслужб противника в нашей стране.

Крючков, уже будучи пенсионером, пытался объявить агентом влияния бывшего посла в Канаде, секретаря ЦК Яковлева. Это казалось несколько странным, так как еще по работе в секретариате КГБ мне было известно об их особой дружбе. Яковлеву направлялось Крючковым (тогда начальником разведки) много разведывательной информации, не отвечающей его статусу в ЦК. «Крючков напористо полез ко мне в друзья. Он много в негативном плане рассказывал мне об идеологическом отделе контрразведки. Он стал буквально подлизываться ко мне, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора», – отмечал Яковлев. «Уже после мятежа не нашел ничего более умного, как обвинить в связях с западными спецслужбами». Но это были бездоказательные обвинения, не нашедшие подтверждения в судебном разбирательстве. Не подтвердили утверждений Крючкова ни Чебриков, ни Шебаршин. В общем на стол прокурору и судье нельзя было положить убедительные доказательства.

Журналисты спрашивали у Крючкова, пытался ли он в бытность председателем КГБ бороться с агентами влияния. «А как с ними бороться, если по некоторым позициям они выше тебя стоят», – отвечал он.

Ссылки на записку Андропова об агентуре влияния уводили в сторону обсуждение настораживающих проблем в жизни советского общества, содержащихся в выступлении Крючкова. Он сам вынужден был признать, что депутаты после его речи высказывали «всего лишь роптание», а не громкий голос тревоги и готовности принять необходимые меры. А ведь все это происходило всего за два месяца до августа, рокового месяца в жизни страны.

КГБ в центре и союзных республиках предоставлял руководству страны многостороннюю, объективную, упреждающую информацию, не сглаживая острых моментов в обстановке. Однако многим настораживающим негативным проблемам и процессам в обществе не придавалось должного значения, отсутствовала адекватная реакция на них со стороны руководящих властных структур. Крючков отмечал, что в последний период советской власти Комитет работал в очень сложных условиях: такое отношение к важной информации он встречал наверху даже тогда, когда речь шла о судьбоносных вопросах, мимо которых проходить нельзя при малейших косвенных сигналах об угрозах безопасности страны. Заместитель председателя КГБ СССР Виталий Пономарев отмечал, что в последнее время все заместители видели «угне-

тенное состояние» Крючкова после бесед с Горбачевым. Коробило то, что он порой игнорировал информацию КГБ, просто откладывал в сторону: «Потом почитаю».

Аналогичное отношение к информации в верхах отмечали даже руководители органов КГБ на местах. Так, начальник Второго управления (контрразведка) КГБ Украины Г. Федяев отмечал, что при Горбачеве сотрудники Комитета регулярно информировали руководство страны о планах, замыслах и масштабах подрывной деятельности спецслужб, направленных на развал СССР, но реакция была вялой, а то и вовсе никакой.

Сотрудники органов госбезопасности в силу специфики порученной им в государстве деятельности находились на переднем крае общественной жизни, изучали и знали ту сферу, которая скрыта от большинства людей, отслеживали противоправную нелегальную деятельность, механизм ее действия, поэтому могли анализировать, прогнозировать и предчувствовать наступление нежелательных последствий. Перед ними ставились задачи глубокого анализа ситуации и по возможности наиболее точного прогноза. Пусть наши сведения были не всегда стопроцентным попаданием в цель, но все же они заставляли задумываться над происходящими негативными процессами.

Органы КГБ по мере своих сил пытались предотвращать центробежные тенденции, прежде всего, в союзных республиках в столь знакомой для меня борьбе с национализмом и сепаратизмом. Провалы в работе случались чаще всего не из-за отсутствия необходимой оперативной информации, а по причине несвоевременного и ненадлежащего реагирования со стороны заинтересованных государственных структур, да и самих спецслужб. Бакатин, прямой и противоречивый в суждениях, делал заявление, что «госбезопасность была гнилой, неспособной предвидеть и предотвратить распад страны». Пусть останется на его совести такое заключение. А где же было, скажем, мощное МВД, занимавшееся схожими проблемами социального недовольства населения, приведшими к разрушению страны? Информационный потенциал МВД, Совета безопасности (а Вадим Викторович был и министром, и в составе Совбеза) был не слабее, чем в КГБ. Милиция фиксировала каждое антиобщественное проявление, видела общую картину в стране и регионах, считала, сколько собралось митингующих и сколько требовалось омоновцев. Может быть, я выскажу крамольную мысль, но стремление КГБ к улучшению демократической системы было выше, чем его реальные возможности уменьшить опасности и риски, которые приводили страну к краху.

Незадолго до ГКЧП был принят закон о режиме военного и чрезвычайного положения в стране. Этот закон являлся серьезной правовой мерой, способной при умелом применении предоставленных Президенту СССР исключительных полномочий не допустить развала страны, защитить права граждан.

Думаю, что уместно процитировать Крючкова из сказанного на закрытом заседании Верховного совета 17 июня 1991 года: «…во всех слоях общества нарастают требования навести порядок именно сегодня, пока дело не дошло до худшего. Обстоятельства таковы, что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого равносильно самообману, бездействовать – значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия…» В одном из документов КГБ СССР незадолго до ГКЧП информировал Горбачева об опасном развитии обстановки в стране: «Учитывая глубину кризиса и вероятность резкого осложнения обстановки, нельзя исключать возможность образования в соответствующий период временных структур в рамках осуществления чрезвычайных мер, предоставленных Президенту Верховным советом СССР». Указанный аналитический прогноз попал в руки Яковлева, главного советника Президента, и вместо выработки продуманных мероприятий по стабилизации и спасению страны дал повод обвинять КГБ «в обмане многих людей», а Крючкова – в подготовке «ямы» для Горбачева и других реформаторов.

Американские журналисты пытались получить у прораба перестройки Яковлева ответ на вопрос: прорабатывалась ли программа перестройки страны во всех ее деталях? Ответ А. Яковлева: «Вы знаете, и да, и нет… Нас упрекают, что, мол, нет концепции и надо было сначала теорию разработать. Подобные мнения считаю глупостью». Действовали по принципу, провозглашаемому Горбачевым: главное – взяться за дело, а сама жизнь подскажет, что и в каком направлении в реформах менять… При таких подходах планируемые задачи и цели создания ГКЧП выглядели как неизбежность, устраняющая главное зло – распад СССР.

Председатель КГБ СССР Крючков предупреждал о грядущих опасностях для страны не в одиночку. В апреле 1990 года собрание сотрудников центрального аппарата Комитета в обращении к Генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву, народным депутатам СССР выражало «недоумение по поводу того, что руководящие органы страны, располагая упреждающей информацией о назревающих негативных явлениях, явно запаздывают с принятием жизненно важных политических решений, проявляют медлительность и нерешительность, не используют силу действующих ныне законов». Все свидетельствовало о том, что разработанной политики перестройки не было, тем более не существовало стратегических планов выхода страны из кризиса.

Многие решения в области ускорения экономического прогресса и демократизации идеологической области желаемых результатов не достигали. Принимаемые шаги являлись экспериментами, не продуманными до конца и с неспрогнозированными последствиями. Так случилось в отношении появления в стране многопартийности: сегодня мы утверждали об опасности политической оппозиции, призывали не допускать ее появления, пресекать едва наметившиеся партийные дискуссии, а на следующий день объявляем, что многопартийность является благом для развития страны.

Когда я, анализируя документы, стал оценивать роль органов госбезопасности, их место и участие в подготовке введения в стране чрезвычайного положения, то все больше склонялся к выводу, что эту проблему правильнее было бы обозначить так: председатель КГБ СССР Крючков и образование ГКЧП.

Абсолютное большинство руководящих и оперативных работников центрального аппарата Комитета, кроме приближенных к нему заместителей, Крючков не посвятил в предпринятую им попытку вовлечения сил и средств КГБ в действия ГКЧП. В союзных республиках органы государственной безопасности вообще оставались в полном неведении: председатели КГБ республик до получения 19 августа шифротелеграммы из Москвы не были поставлены в известность о надвигающихся

августовских событиях. Крючков полностью взял инициативу на себя. Это в последующем отмечали многие члены ГКЧП. С руководящим составом республиканских органов государственной безопасности не проводилось никаких совещаний или практических проработок вопросов о предстоящих мероприятиях оперативно-боевого характера в случае введения в стране чрезвычайного положения, КГБ республик не были поставлены надлежащие задачи на такой чрезвычайный период, что предусматривалось соответствующими приказами и требовало разработки конкретных планов в случаях осложнения внутренней обстановки или объявления военного положения в стране. В моем сейфе остались нетронутыми секретные пакеты, содержащие документы, в которых заблаговременно расписывались неотложные действия органов государственной безопасности в такой особый период.

Я не могу понять и объяснить действия Крючкова, который в такой ответственный период не поставил в известность членов Коллегии КГБ СССР о задачах органов госбезопасности в связи с серьезным изменением политической ситуации в стране. В состав Коллегии входили высокие профессионалы с богатым политическим, жизненным и оперативным опытом, которые могли высказать свое принципиальное мнение по поводу вовлечения сотрудников КГБ в политические разборки и, главное, намечаемого отстранения Президента страны от исполне-

ния своих конституционных обязанностей. Без предварительного обсуждения коллективным органом (Коллегией) в последние годы в системе КГБ не принималось ни одно принципиальное решение, тем более когда резко менялась общественно-политическая или оперативная обстановка. В регламенте работы Коллегии КГБ СССР действовало также положение о том, что если имелось расхождение или несогласие нескольких членов Коллегии с вынесенным на обсуждение вопросом, то решение не принималось. Так, член коллегии Сторожев делился со мной о его негативном отношении к поведению Крючкова в дни ГКЧП. Более того, за неделю до ГКЧП (14 августа 1991 года) проводилось заседание Коллегии КГБ СССР. В повестке дня стоял чисто служебный вопрос. Я выступал на этом заседании, это была тематика ведомственного характера – организация работы по делам оперативных разработок.

Я вспоминаю, что в Москву одним рейсом самолета мы летели по своим служебным делам вместе с Марчуком, уже вице-премьером правительства. Хотя мы располагались в разных салонах, впоследствии раздавались голоса радикал-националистов о том, что мы ездили в столицу «за инструкциями» накануне ГКЧП.

Может показаться еще более странным, что в это время Крючков активно разрабатывал чрезвычайные меры, готовил заявления в связи с созданием ГКЧП, но об этом не было даже намека на прошедшей Коллегии. Крючков опирался на узкий круг самых приближенных заместителей, впоследствии оправдывая себя тем, что выводил из-под удара органы КГБ, не хотел втягивать в возможную ответственность за преступные последствия других руководителей. Примитивной выглядит подобная аргументация: в одиночку сделать революцию, самому выглядеть спасителем страны. Может, он знал, как Семичастный смог участвовать в смещении Хрущева, не втягивая органы госбезопасности, а только поменяв личную охрану.

Крючков просто побоялся вынести на Коллегию вопрос об участии органов КГБ в ГКЧП, полагая, что он не будет поддержан. Он часто подчеркивал, что Коллегия КГБ СССР для него была опорой, возможностью узнать мнение широкого круга ответственных лиц Комитета, полезной формой и способом принятия окончательных решений. Он проигнорировал Коллегию в принятии чрезвычайных мер, участии КГБ в ГКЧП, что в конечном итоге привело к распаду страны.

Начальник Ленинградского УКГБ Анатолий Алексеевич Курков подчеркивал свою неосведомленность: «Как член Коллегии КГБ СССР, хотя и не имевший абсолютно никакого отношения к замыслам и участию ее бывшего председателя и, возможно, других членов Коллегии в антигосударственном преступлении, я испытываю чувство моральной ответственности за происшедшее».

В нарушение существующих в стране правовых канонов создание ГКЧП не обсуждалось даже с высшим законодательным органом страны; для народных депутатов СССР сообщение в средствах массовой информации о ГКЧП свалилось на голову, как августовский снег. Более того, ГКЧП создавался без участия республиканских властей, в обход местных партийных органов. Первый секретарь ЦК КПУ Гуренко был в таком же неведении, как и я.

«Мы допустили серьезную ошибку, не раскрыв с самого начала народу глаза на то, какая опасность надвигается на всю страну», – скажет после освобождения из тюрьмы Крючков. Люди тогда многого не знали и не понимали, они были целенаправленно сбиты демагогией о независимости, равенстве, рыночной экономике.

Но еще до провозглашения ГКЧП произошло весьма необычное событие. 20 июня 1991 года государственный секретарь США Бейкер передал советскому министру иностранных дел секретную информацию о подготовке смещения Горбачева и назвал исполнителей. Указывались будущие члены ГКЧП: Павлов, Крючков, Язов. Посол США в Москве Мэтлок получил указание президента США Д. Буша-старшего немедленно встретиться с Горбачевым и передать, что в Москве готовится попытка государственного переворота. Горбачев не поверил, воспринял происходящее как политическую игру со стороны американцев, чтобы вызвать раскол

и конфликт среди высшего руководства нашей страны (или сделал вид, что не поверил). Каким путем намерения о готовящемся перевороте попали в распоряжение американской дипломатии, и почему США с таким усердием высоких должностных лиц решили спасать главу СССР, противостоящей ей мировой державы?

Для оправдания своих планов члены ГКЧП в качестве одного из аргументов выдвигали то, что Горбачев знал о предпринимаемых шагах по введению чрезвычайного положения как возможного варианта выхода Союза из кризисного положения. «Поправится, вернется к своей должности, когда участники ГКЧП сделают всю черновую работу», – объявлял стране вице-президент Янаев на пресс-конференции по центральному ТВ.

Председатель правительства Павлов вообще отрицал не-конституционность действий ГКЧП: «Все действия до малейших деталей соответствовали законам СССР». Он также опровергал утверждения о незаконности временного исполнения Янаевым обязанностей Президента СССР ссылкой на то, что эта должность введена немногим более года, поэтому не было прецедента. Горбачев же, уезжая в Форос, в присутствии провожавших его должностных лиц государства сказал на аэродроме, что на хозяйстве остается Янаев. Но Горбачев не делегировал свою власть, а Янаев сам подписал указ о взятии им полноты власти в государстве.

Президент СССР назвал неожиданное для него образование ГКЧП «политической авантюрой», которая погубит страну. Дальнейший естественный ход событий показал, что если бы Горбачев был в сговоре с группировкой ГКЧП, то не было бы никакой необходимости его изолировать, объявлять тяжело больным и т. д.

Гэкачеписты полагали, что создание и программные документы ГКЧП будут одобрены Верховным советом СССР, но, по заявлению Крючкова, подвел А. Лукьянов. Он тянул время назначения даты проведения внеочередной сессии, мотивируя трудностями созыва на заседание находившихся в отпусках народных депутатов. Но Верховный совет СССР, в отношении которого питали надежду члены ГКЧП, в самом начале своей работы сразу же поставил происшедшее в стране на свое место: создание ГКЧП депутатским корпусом было квалифицировано как совершение государственного переворота. Уже тогда возникал закономерный вопрос, стоило ли членам ГКЧП собираться на конспиративном объекте и проявлять поспешность с провозглашением чрезвычайных мер «по спасению страны» в отсутствие Президента Горбачева, главы парламента Лукьянова и совершать таким образом грубейшие нарушения действующего законодательства?

В истории такие исключительные случаи были. В свое время для спасения социалистического строя президент ПНР Войцех Ярузельский без предварительной санкции сейма объявил введение в стране военного положения. Впоследствии Польский сейм согласился в январе 1982 года с решением своего главы государства. Это не помешало организовать судебное преследование Ярузельского в наши дни за формальное нарушение юридических норм. За свою трехдневную деятельность ГКЧП сумел достигнуть только одного – сорвать намеченное подписание несколькими республиками нового Союзного договора, что стало катализатором последовавшего распада СССР.

Я остаюсь убежденным сторонником того, что заключение в те дни даже урезанного Союзного договора давало возможность продолжать переговоры с остальными союзными республиками, сохранить государство, выйти на более высокий уровень соглашений об экономической интеграции, расширении суверенитета союзных республик и установления подлинного федерализма. В 1922 году переговорные процессы об объединении народов в единый Союз ССР, проходившие в более драматические времена Гражданской войны, интервенции и разрухи, носили не менее сложный характер, но и в тех исключительных условиях согласие республик об образовании СССР состоялось. Союзный договор 1922 года был подписан сначала шестью республиками: Россией, Украиной, Белоруссией и входившими в состав Закавказской

Федерации Азербайджаном, Арменией и Грузией, а затем к нему присоединились остальные союзные республики, составившие вместе Союз ССР.

В Союзном договоре 1922 года и в Конституциях союзных республик предусматривалось сохранение за каждой республикой, вошедшей в Союз, права свободного выхода из состава Союза ССР. Практический порядок выхода из СССР был дополнительно урегулирован Законом СССР от 3 апреля 1990 года. В нем предусматривалось, что все вопросы о выходе из СССР республики должны решать путем всенародного референдума. Если проголосовало не менее двух третей взрослого населения, то дальше вопрос должен рассматриваться Верховным советом СССР и Съездом народных депутатов СССР, а потом – в самих республиках. После этого устанавливался период (не более пяти лет) для прояснения всех проблем экономического, финансового, территориального характера, которые могут возникнуть в связи с выходом республики, а также для разрешения претензий, которые могли предъявить граждане.

Как стало известно, по указанию Крючкова разработка основных документов о чрезвычайном положении, ставших директивами ГКЧП, была заранее проведена сотрудниками центрального аппарата – заместителем начальника разведки В. Жижиным и помощником начальника контрразведки А. Егоровым (от Министерства обороны участвовал П. Грачев). Я хорошо знаю обоих: в оперативно-служебной деятельности они были специалистами, но далеки от проблем внутренней жизни страны, положения и настроений, бытовавших в союзных республиках после принятия ими Актов о государственном суверенитете. Между тем в своих выводах они отмечали, что обстановка в стране сложная, введение чрезвычайного положения возможно лишь при наличии законных оснований.

4 августа 1991 года Президент СССР прибыл на отдых в Крым, а 17 августа (суббота) на закрытом объекте КГБ СССР прошла встреча высших должностных лиц, замысливших ГКЧП: Павлова, Язова, Крючкова, Болдина и других. Возникает сразу же законный вопрос: почему все первоначальные шаги в отношении деятельности ГКЧП вырабатывались не в высоких кабинетах председателя Совета министров Павлова или у ответственных работников ЦК КПСС Бакланова или Шенина? Справедливо недоумевал приглашенный на эту встречу Варенников: почему в положении хозяина оказался Крючков? Он докладывал о тревожной социально-политической обстановке в стране, сетовал, что не могут присутствовать на этой встрече Лукьянов и Янаев. Первый – в отпуске на Валдае, а второй – на хозяйстве в Кремле, на своем рабочем месте. (Следует отметить, что Лукьянов категорически отказался от вхождения в состав ГКЧП.) Проанализировав сказанное руководителями высшего эшелона государственной власти, Варенников понял, что имеет дело с самыми близкими к Горбачеву лицами: «Разве что не было Яковлева и Шеварднадзе», – с иронией отмечал он.

Крючков решил привлечь к ГКЧП других министров; он вводил в курс министра иностранных дел СССР Бессмертных и предложил ему подписать документы ГКЧП. Последний отказался, заявив, что в случае его присоединения к участникам ГКЧП с министром иностранных дел страны не будут разговаривать иностранные дипломаты.

По указанию Крючкова в Центральном научно-исследовательском институте КГБ были изготовлены гербовые печати ГКЧП. Он же высказал предложение слетать к Президенту, уговорить его временно передать свои полномочия ГКЧП и продолжать отдых. Мнение Крючкова поддержали: Бакланов, Шенин, Болдин и Варенников вылетели с этой миссией в Крым, чтобы убедить Горбачева в необходимости введения чрезвычайного положения в стране. Затем генерал Варенников должен был посетить Киев с целью осуществления взаимодействия с партийными и исполнительными органами республики и поддержания стабильности на Украине. Направление Варенникова в республику, где его хорошо знали как командующего Прикарпатским военным округом, было всеми поддержано.

Так случилось, что во время путча и усиления борьбы за политическую власть в Москве контроль за обстановкой в Украинской ССР перешел в руки военных и специального послан-

ника Варенникова. Со стороны моего московского руководства интереса к КГБ республики проявлено не было, хотя по менее значительным поводам в Киев часто командировались сотрудники центрального аппарата КГБ СССР. Комитет госбезопасности Украинской ССР оставался в полном неведении, предоставленный самому себе, а по существу был брошен КГБ СССР, который переставал быть опорой в поддержке своих союзно-республиканских органов.

Не в лучшем положении оказалось недавно образованное КГБ Российской Федерации. Его председатель Виктор Иваненко о происходящих событиях в стране узнал из передачи по телевизору. То, что намечалось через дорогу в центральном аппарате КГБ, для российских сотрудников органов госбезопасности также было полной неожиданностью. Иваненко позвонил Крючкову, который заявил:

– Надо наводить порядок в стране.

– А вы понимаете, что народ вас не поддержит, выйдет на улицы?

– За кого? За Горбачева выйдет? – с издевкой сказал Крючков.

– Это авантюра.

– История нас рассудит.

19 августа, когда я ранним утром предпринял безуспешную попытку переговорить с Крючковым, он проводил в своем кабинете совещание руководящего состава. Впоследствии коллеги рассказывали мне, что оно носило какой-то странный характер: было коротким, без обсуждения и задаваемых вопросов. Крючков объявил о создании ГКЧП, потребовал перевести органы и войска КГБ в повышенную боевую готовность, попросил начальников главков оставаться на рабочих местах и отслеживать развитие складывающейся обстановки в стране. Генералитет был в молчаливом унынии и неведении о своих дальнейших конкретных действиях.

Для многих оказалось совершенно необычным то, что на оперативном совещании Крючков неожиданно заговорил об уборке урожая. Он поставил задачи сформировать бригады чекистов и отправить до двух тысяч человек на помощь селу. Руководители оперативных подразделений оценивали это заявление как неадекватное, трудно поддающееся логическому объяснению в этой обстановке, ибо понятно, что не уборкой картофеля и моркови обязаны заниматься спецслужбы в случае осложнения ситуации в стране, тем более предстоящего введения чрезвычайного положения. Опытные чекисты недоумевали по поводу подобной формы «вывода страны из тупика» и не строили иллюзий в отношении положительного исхода такой миссии.

Повествуя о действиях председателя КГБ СССР в дни путча, необходимо также сказать относительно отключения правительственной связи. Государственная секретная связь издавна находилась в ведении органов государственной безопасности, организовывало и несло ответственность за ее работу самостоятельное Управление правительственной связи КГБ СССР. Строго засекреченная автоматическая связь, особенно так называемый спецкоммутатор, – это живая нить управления, которую можно сравнить, к примеру, с обладанием ядерным чемоданчиком. Пользование всеми видами закрытой связи – исключительная прерогатива Президента страны, который в любых условиях должен и обязан иметь возможность в считанные минуты переговорить с нужным абонентом в любой точке мира по космическим видам шифрованной связи или по засекреченному аппарату в автомобиле, где бы он ни находился.

Из протокола допроса первого заместителя председателя КГБ СССР Г. Агеева в качестве подозреваемого: «Мне давались указания от председателя КГБ СССР следующего содержания: подготовить и направить группу связистов правительственной связи в Крым… В итоге, как стало известно, эта группа осуществляла выключение связи в резиденции Президента СССР». Специалисты Управления правительственной связи из Москвы прибыли в Крым вечером 18 августа и отключили все виды телефонной связи в государственной резиденции, где находился на отдыхе Президент страны.

Позднее стало известно, что правительственная связь была отключена в ряде санаториев Крыма, где отдыхали члены ЦК КПСС, народные депутаты СССР, что исключало ведение ими разговоров с Горбачевым. «Все телефоны – мертвые и даже на кухне отключен», – свидетельствовал Горбачев. Когда ранним утром 19 августа по центральному телевидению прошли сообщения о создании ГКЧП, Кравчук стал пытаться переговорить с Горбачевым и настойчиво добивался предоставления ему такой возможности. Операторы правительственной связи отказали в соединении под предлогом болезни Президента страны. «Просили, чтобы никто не беспокоил». Кравчук сообщил мне об этом в полном недоумении. Тогда я сам предпринял попытку выйти по ВЧ-связи на государственную дачу в Форосе, на аппарат начальника его личной охраны генерала Медведева, с которым мне приходилось неоднократно общаться. Я в то время еще не знал, что Медведев накануне был отправлен в Москву и заменен на заместителя начальника 9-го управления Генералова, более послушного и угодливого Плеханову.

Меня не соединили с резиденцией Президента СССР. Начальник Ялтинского узла правительственной связи КГБ СССР дал откровенный совет: «Туда даже вам лучше не соваться».

Необходимо отметить, что правительственная связь между Москвой и государственными дачами в Крыму, предназначенными для отдыха членов Политбюро и первых руководителей страны, обеспечивалась Ялтинским узлом связи прямого и непосредственного подчинения центру. Это подразделение было создано под предлогом обеспечения гарантии контролируемых только Москвой каналов связи с отдыхавшими в Крыму руководителями страны, чтобы исключить прослушку содержания их переговоров по проходящим каналам связи по территории Украины.

На высоком уровне мне ранее намекнули, что при Федорчуке с правительственной связью «украинцы прокололись»; какое-то важное известие республиканские власти узнали в одно и то же время с отдыхавшим в Крыму Брежневым. По иной причине не могло появиться в Крыму грандиозное сооружение ВЧ-связи на Москву, минуя украинские каналы. В управлении же КГБ в Симферополе функционировало многоэтажное мощное здание правительственной связи, находящееся в подчинении Киева.

Крючков на допросе 17 декабря 1991 года показал: «…мною вместе с другими членами ГКЧП были допущены правовые нарушения. В частности, был создан не предусмотренный Конституцией СССР ГКЧП. Президент СССР был лишен связи. В рамках всего этого я как председатель КГБ СССР совершил ряд действий, которые превысили мои полномочия…» В личном письме к Горбачеву во время содержания под стражей председатель КГБ СССР оправдывался и чуть ли не каялся: «Когда Вы были вне связи, я думал, как тяжело Вам, Раисе Максимовне, семье, и сам от этого приходил в ужас, в отчаяние…»

Но спустя время, после освобождения по амнистии, Крючков изложит в мемуарах, что после ультимативной и жесткой беседы с делегацией из Москвы, когда от Горбачева требовали отставки, Президент страны «на вечер заказал приключенческий фильм. На просмотре фильма был со всей семьей, затем – ужин с винами по его заказу. В общем, все как обычно… К отключению телефонной связи он отнесся довольно спокойно», – лицемерил Крючков.

Конечно, обстановка в стране в связи с ГКЧП, тем более в семье Президента и его ближайшем окружении не могла быть такой идиллической, как преподносится Крючковым. Горбачев делился своими подозрениями с Раисой Максимовной, что на него пытаются «напасть» и, возможно, отстранить от власти. В то же время члены ГКЧП опасались, что Горбачев попытается выйти на своего «друга» Буша, заручиться американской поддержкой. Исходя из таких соображений, Крючков дал указание отключить связь у Горбачева, чтобы ограничить возможности связываться с миром и предупредить развитие ситуации в нежелательном плане.

Были отключены линии военной связи, обслуживающие Президента. Президент страны трое суток был лишен возможности пользоваться комплексом, предназначенным для управле-

ния стратегическими ядерными силами. А это уже вещь посерьезнее, чем молчащие телефоны на кухне.

На территории Украины услугами правительственной связи КГБ пользовались только высшие должностные лица республики и областей, секретари ЦК и обкомов партии, которым по строгой должностной разнарядке предназначался аппарат секретной ВЧ-связи. 19 августа, в конце дня, мне доложили, что по указанию из Москвы республиканское Управление правительственной связи получило команду перевести автоматическое соединение абонентов на ручное обслуживание через телефонистов-операторов. Предусматривалась журнальная регистрация, кто из абонентов с кем общался, но содержание состоявшихся переговоров технически не контролировалось. Как только мне стало известно об этом, все предшествующие решения были отменены, и в течение периода действия ГКЧП республиканская правительственная связь функционировала в автоматическом режиме бесперебойно. Скажу самокритично, что перевод с автоматики на ручное управление являлся определенным проколом в работе республиканского подразделения правительственной связи, мы сразу же назначили разбирательство. Было установлено, что куратор подразделения Г. Ковтун продублировал поступившую из Москвы команду о переводе правительственной связи на ручное управление. Этот случай стал предметом критики КГБ республики со стороны парламентской комиссии Верховного совета, возглавляемой депутатом Гайсинским. В ее выводах отмечалось, что было дано указание «блокировать связь между Моссоветом, Ленсоветом и облсоветами Львова, Тернополя и Ивано-Франковска».

Нормальную работу правительственной связи отмечал первый заместитель председателя Львовского облсовета И. Гель, который не был сторонником КГБ. По его утверждению, он решил проверить, «заблокированы ли телефоны правительственной связи. Оказалось, что нет. Позвонил в Москву, в канцелярию Б. Ельцина. Возле телефона оказался Г. Бурбулис, Государственный секретарь России. Спросил у него, какая ситуация в Москве и что делать нам? Он ответил: «Господин Гель, если ГКЧП победит в Москве, он победит и во Львове. Поэтому не провоцируйте ситуацию. Сейчас надо делать все, чтобы была победа в Москве». При помощи правительственной связи КГБ Гель выходил на Собчака и задал этот же вопрос: как действовать во Львове? Ответ был таким: «У меня на Смольный идут танки. Я обратился к народу, чтобы он встал на защиту Смольного. А если у вас в городе нет никаких движений, то, чтобы их не спровоцировать, лучше народ не поднимать, иначе армия и обком попытаются захватить все стратегические объекты. Возвратить их обратно будет очень сложно». Кстати, Гель, по его признанию, был поражен тем, что ГКЧП не отдал приказ отключить по стране правительственную связь: неужели они настолько непутевые, что не додумались перекрыть связь, которая играет очень важную роль в таких ситуациях?

Споры о полной изоляции Президента в Форосе продолжались несколько лет. Были заявления, что у Горбачева прогулочный катер, автобус и автомашины в гараже оборудованы правительственной связью. И что же? Речь идет о преднамеренной изоляции Президента СССР, лишении предназначенных для высшей власти рычагов управления. Насколько это серьезно, можно убедиться по другой аналогичной ситуации, в которой оказалась наша страна. Через два года по примеру гэкачепистов демократические вожди в октябре 1993 года потребовали отключить все каналы правительственной и иной телефонной связи в осажденном Верховном совете России, Белом доме. Федеральное агентство правительственной связи и информации сработало и на этот раз.

Далее затрону тему медицинского заключения, сделанного гэкачепистами. ГКЧП, лишая Горбачева власти, посмел сообщить советскому народу о невозможности Президентом «выполнять обязанности из-за ухудшения состояния здоровья». У престарелых и не богатырского здоровья Брежнева, Черненко, Андропова верховную власть не забирали с помощью диагноза, ссылаясь на заболевания. К большому сожалению, Крючков оказался причастен не

только к нарушению правовых, но и этических норм, когда распространял заведомую клевету о недееспособности Президента СССР.

Убедительным аргументом незаконности ГКЧП с самого начала для меня явились сообщения о серьезном заболевании Горбачева, в связи с чем он лишался свободы действий: у него урезалась полнота конституционных президентских полномочий. Я не в полной, но в достаточной мере владел информацией о происходящем на государственной даче, здоровье отдыхающих там. Лично видел Президента бодрым. По его указанию из Москвы был вызван самолет для вылета Горбачева в Москву на подписание Союзного договора. КГБ республики осуществил на 19 августа комплекс оперативных мероприятий по обеспечению безопасности следования Президента в столицу. Таким образом, ничего не предвещало серьезных осложнений его здоровья.

Бакатин в своей книге «Избавление от КГБ» рассказывает о том, как на высшем государственном уровне распространялись измышления о нездоровье Горбачева. Вице-президент Янаев сообщил ему: «…с Президентом, как он выразился, «полный трибунал». Когда я переспросил, что это такое, он сказал, что Президент в полной прострации, не отдает отчета в своих действиях, страшно болен…» Однако на скандально известной пресс-конференции, говоря о состоянии здоровья Горбачева, утверждал, что тот скоро сможет вернуться к руководству страной. Когда вице-президент был правдив, трудно сказать. Крючков также убеждал Бакатина в подобной лжи очень вежливо, вкрадчиво, как будто бы знает абсолютную истину: «…сейчас нельзя поговорить с Горбачевым, он очень болен, но скоро все будет хорошо».

Таким способом решили отстранить Горбачева от подписания Союзного договора: не может же недееспособный и тяжело больной человек вершить судьбоносные дела страны.

В действующем законодательстве существовала четко прописанная процедура подтверждения сведений о заболевании Президента страны, вплоть до рассмотрения вопроса в Конституционном комитете (суде) и Верховном совете СССР. Ельцин позвонил Янаеву и потребовал медицинского заключения о здоровье Горбачева или его личного заявления о болезни. Янаев ответил, что заключение будет.

Президент СССР согласно Конституции является неприкосновенной личностью, не подлежащей ни изоляции от общества, ни домашнему аресту. Допустимой ли была изоляция Горбачева членами ГКЧП, тем более больного? Отстранить Президента от полномочий в связи с его болезнью можно было только решением Съезда народных депутатов СССР большинством в 2/3 голосов от общего числа депутатов.

Многие общественные организации страны потребовали направить международных экспертов для обследования состояния здоровья Горбачева. Ветераны Афганистана, «познавшие на себе цену крови и непродуманных решений политиков», во главе с Русланом Аушевым требовали полной информации о Горбачеве и его выступления в средствах массовой информации. В ответ на это Крючков дал команду составить официальное медицинское заключение, что сильно попахивало с его стороны бездушием и подлогом.

В процессе следствия начальник лечебно-оздоровительного центра при Совете министров СССР дал показания, что 19 августа ему позвонил начальник 9-го управления КГБ СССР Плеханов и потребовал подготовить справку о состоянии здоровья Горбачева. В медицинском документе он предлагал усилить диагноз заболевания, объяснив тем, что в стране неспокойная обстановка и Президенту СССР грозит серьезная опасность, возможно, даже «тюремное заключение», поэтому Горбачеву «надо помочь».

Версию о серьезном заболевании Президента СССР Крючков продолжал озвучивать в переговорах с руководителями союзных республик. Нурсултан Назарбаев вспоминает: «Первый официальный звонок из Москвы прозвучал от Крючкова. Высокомерным, снисходительным тоном он проинформировал о переходе центральной государственной власти в руки ГКЧП, причем дал понять, что какое-либо обсуждение правомерности действия этого коми-

тета совершенно неуместно. О Горбачеве заявил, что Президент СССР находится в Крыму в крайне тяжелом физическом состоянии, абсолютно не способен руководить государством и согласен с принятыми решениями о чрезвычайных мерах».

«Внутриполитическая обстановка в стране сложная, – продолжал разъяснять Крючков положение дел в стране командующему Воздушно-десантными войсками Павлу Грачеву, – это может привести к недовольству отдельных слоев населения, даже к гражданской войне». Обстановку следует исправлять политическим путем – сменой руководства страны. Тем более что Михаил Сергеевич болен, тяжело болен и, возможно, через несколько дней подаст в отставку».

А каковы были действия спецназа в те дни? Командир спецназа КГБ СССР «Альфа» Герой Советского Союза Виктор Федорович Карпухин делился со мной и моим помощником полковником Александром Меркушиным (в дни ГКЧП – референтом первого заместителя председателя КГБ СССР Г. Агеева), что ему поступали команды готовить операцию по штурму Белого дома и возможному задержанию Ельцина на даче в Архангельском. 19 августа около четырех часов утра Карпухин был вызван к Крючкову, от которого получил устный приказ силами подразделения арестовать Ельцина. Одновременно председатель КГБ сообщил, что Президент СССР болен и не может управлять дальше страной. В начале шестого часа утра сотрудники спецназа оцепили место жительства Ельцина и российского руководства в Архангельском, выставили наблюдателей.

Вечером состоялось закрытое совещание в Министерстве обороны, на котором прозвучал приказ: спецназу КГБ, МО и МВД осуществить штурм здания советского правительства, интернировать Ельцина и российское руководство и определить их в специально оборудованные места под Москвой.

После проведения вместе с генералом Александром Лебедем рекогносцировки Карпухин 20 августа доложил руководству КГБ, что считает проведение штурма Белого дома невозможным из-за опасения кровопролития.

Командир спецназа КГБ СССР «Вымпел» Бесков твердо заявил, что взятие штурмом Белого дома является бессмысленной авантюрой, которая повлечет многочисленные жертвы. Как только появятся пострадавшие и убитые люди, то сразу же посыпятся обвинения в адрес членов ГКЧП как вершителей военного государственного переворота. Заместитель председателя КГБ СССР Леонид Шебаршин (в его подчинении находился «Вымпел») в связи с этим дозвонился до Крючкова и настоятельно потребовал отменить его команду на силовой захват Белого дома. Он так передает состоявшийся разговор: «Крючков нервно смеется: «Это ерунда! Кто это придумал?» Не успокоил. Я уже как-то слышал такой смех. Ничего доброго он не предвещает. Крючков возбужден и врет». Позже Крючков напишет, что никакой команды на проведение штурма Белого дома не отдавалось.

Такое же решение – не участвовать в захвате Белого дома – принял для себя Павел Грачев, в будущем – министр обороны Российской Федерации, с которым мне довелось близко общаться и сотрудничать по направлениям деятельности Министерства безопасности. Грачев и первый заместитель министра внутренних дел Борис Громов договорились между собой, что на штурм Белого дома не поведут войска.

20 августа Грачеву позвонил маршал Шапошников:

– Что думаешь делать со штурмом?

– У меня такое впечатление, что они на мне решили отыграться. Хотят, сволочи, чтобы я давал команды. Команды не дам, подам в отставку, – ответил Грачев.

– Не примут, в период ЧП – это сложное дело.

– Ну, застрелюсь к чертовой матери.

Члены ГКЧП полагали, что армия и бойцы спецназа МО, КГБ, МВД выполнят любой приказ командования.

В 1991 году после событий в Вильнюсе Грачев в газете «Красная Звезда» высказал свое несогласие с применением войск против мирного населения. В ответ получил недовольство, мол, генерал «задирает хвост». Но к чести Грачева, уже министра обороны, можно сказать, что он придерживался такого же мнения, когда требовал письменного указания Верховного главнокомандующего Ельцина на использование вооруженных сил и танков во время политических разборок в октябре 1993 года вокруг Белого дома.

Карпухин свидетельствует, что и председатель КГБ России Иваненко наставлял их не ввязываться во избежание пролития большой крови. Он же рассказывал, на какие унижения пришлось идти, чтобы не допустить кровопролития. Да и само элитное подразделение «Альфа» (кстати, как и «Вымпел») по указанию Ельцина передавалось из рук в руки, то из КГБ в МВД, то возвращалось обратно в структуру органов безопасности. В печати отмечалось, что в последующие бурные дни октября 1993 года «Альфа» была самым профессиональным и благородным из спецподразделений, которые действовали в этих событиях. Она выполнила бы любую задачу, но сохранила доброе имя тем, что на этажах, в коридорах и кабинетах Белого дома не применила свой богатый опыт боевых действий.

Госкомиссия Степашина установила, что 20 августа были даны указания к началу подготовки захвата здания Верховного совета РСФСР группами спецназначения КГБ СССР, Советской армии и МВД СССР. В силу многочисленности защитников Белого дома и прогнозировавшегося значительного количества человеческих жертв исполнители штурма здания – подразделения спецназначения КГБ – отказались от атаки.

Вернемся к событиям накануне ГКЧП. 29 июля 1991 года Горбачев перед отбытием на отдых в Крым одержал важную для себя и страны в ее последующем развитии победу: получил согласие авторитетных глав крупнейших республик – России и Казахстана – подписать новый Союзный договор. За решениями руководителей этих союзных республик, вне сомнения, последовали бы и остальные.

Горбачев, Ельцин и Назарбаев встретились на загородной даче Президента СССР, где с глазу на глаз обсуждали первоочередные проблемы, которые предстояло решить после подписания Союзного договора. Вести дела в обновленной стране договаривались по-новому; надлежало выработать дополнительные шаги по совершенствованию управления государственным механизмом, определиться в кандидатурах на ключевые министерские посты. Заговорили о расстановке главных сил: Президентом СССР остается Горбачев, Президентом России – Ельцин, а единственным претендентом на должность председателя Кабинета министров заслуженно рассматривался Назарбаев. Он соглашался на назначение главой исполнительной власти обновленного Союза при условии, если будут предоставлены реальные полномочия для управления народным хозяйством страны и он не окажется мальчиком для битья. Обсуждались возможные кандидатуры на посты ключевых министров, потому что у многих из них наступил пенсионный возраст, а «от некоторых: Язова, Крючкова, Пуго – надо было избавиться».

В общем перспектива дальнейшего укрепления страны становилась более ясной. Накануне союзными республиками была подписана антикризисная экономическая программа, с которой соглашались и были готовы ее выполнять даже отколовшиеся прибалтийские республики. Завершалась подготовка к подписанию Союзного договора; на конец 1991 года намечалось провести внеочередной съезд Коммунистической партии.

Эта встреча трех государственных лидеров, может быть, и осталась бы рядовой и незаметной для истории, если бы не незримое присутствие посторонних сил… Содержание конфиденциальной беседы по указанию Крючкова негласно фиксировалось службой охраны, верным Плехановым.

К слову, прослушивать Щербицкого, Ивашко, Кравчука или кого другого из руководства республики, как это случилось в России, меня из центра никогда не просили. Это было

бы явным преступлением, непозволительным действием. Да и для этого следовало задействовать немалое число рядовых исполнителей. Сотрудники КГБ Украины, конечно же, проводили немало оперативно-технических, зачастую острых и рискованных операций, но выполняли их по ведущимся оперативным делам и только в отношении лиц, подозреваемых в явно преступных и наказуемых законом антиобщественных проявлениях. В случае нарушения действующих инструкций по организации слухового контроля, при внедрении без достаточных оснований специальной техники снисхождений никому, особенно руководителям органов госбезопасности, не делалось.

Так, когда я приступил к работе в Киеве, уволили со службы начальника Днепропетровского областного управления КГБ генерала Ю. Яковенко только за то, что ознакомил первого секретаря обкома с записью технического контроля телефонных переговоров одного из объектов разработки органов госбезопасности. Чиновник из обкома, помощник этого партийного руководителя, подсидел нашего сотрудника, вскрыл конверт с материалами под грифом «секретно», в результате произошла расшифровка оперативного мероприятия. По этому поводу был издан приказ КГБ СССР: Чебриков не простил легкую промашку своему земляку, и грозный приказ был разослан в органы безопасности по всей стране.

В ходе работы парламентской комиссии Степашина вскрылись факты, свидетельствовавшие о том, что Крючков в угоду Горбачеву осуществлял техническое прослушивание «ряда высших должностных лиц СССР и РСФСР», пользующихся депутатским иммунитетом и неприкосновенностью. Я глубоко убежден, что Чебриков никогда бы не пошел на подобные нарушения, ведь им наказывались руководители местных органов КГБ за менее опасные прегрешения.

Я разделяю выводы комиссии Степашина о том, что полное отсутствие контроля и вседозволенность привели к тому, что по указанию Крючкова в центральном аппарате страны в нарушение законодательства и собственных инструкций проводились оперативно-технические мероприятия в отношении ряда видных государственных и общественных деятелей еще задолго до августовских событий. Так, с 1989 года велось наружное наблюдение и прослушивание телефонных переговоров народных депутатов СССР Б. Ельцина, Т. Гдляна, А. Иванова, велся практически оперативный контроль за лидерами межрегиональной депутатской группы. В моем профессиональном понимании не укладывалось, как можно было наверху допускать подобные беззакония в отношении народных депутатов СССР и даже председателя Верховного совета России. Подозреваю, что Крючкову в его возрасте и в личном плане это было не нужно; естественно, все осуществлялось в интересах сохранения власти Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева в его противостоянии с политическими оппонентами.

Ветеран КГБ генерал-лейтенант Н. Брусницын рассказывал мне об одном разговоре с председателем КГБ Семичастным, который потребовал узнать, кто и зачем звонит находившемуся на отдыхе в Грузии Хрущеву. Брусницын, тогда заместитель начальника Управления правительственной связи КГБ СССР, ответил: «Этого не только я, но и вы не имеете права знать».

Вопрос о телефонном контроле, праве КГБ СССР на прослушивание каналов связи в советское время был одним из самых сложных и ответственных. Решения о прослушивании принимались на уровне руководителей органов, не ниже областных. Когда это касалось народных депутатов, то Крючков как руководитель КГБ не мог позволить себе отдавать команду, не получив прямого указания или согласия от руководителя страны. «Полученная таким путем информация направлялась мною лично Горбачеву непосредственно или через руководителя аппарата Президента», – отмечал он.

Избрание ряда политических противников Горбачева народными депутатами СССР озадачило Крючкова. Он доложил Горбачеву, что технические службы КГБ больше не могут контролировать разговоры этих лиц, ставших народными избранниками. Между ними состоялся разговор, который засвидетельствовал руководитель аппарата генсека Болдин:

– Михаил Сергеевич, люди у меня отказываются это делать, и я не имею права настаивать. Это нарушение закона, – говорил Крючков.

– Ты что, Володя, говоришь? Политическая борьба нарастает, а вы все хотите отсидеться в сторонке. Думайте, как сделать.

Разумеется, главным объектом интереса в то время был Ельцин. После избрания его в Верховный совет СССР, а позже Президентом России, спецслужбы не могли делать то, что нарушало все дозволенные методы. В этой связи Крючков вновь поставил вопрос перед Горбачевым и получил жесткий ответ: – Мне что, нужно учить КГБ, как следует работать? Можно вспомнить и международные случаи. По приказанию президента США Никсона ФБР прослушивало некоторых сотрудников Белого дома и журналистов. Когда это выяснилось, то Никсон утверждал, что права этих граждан были нарушены в «интересах национальной безопасности». В действительности же прослушивание имело внутриполитическую подоплеку, отражало межпартийную предвыборную борьбу. Президент США поставил себя выше закона и в результате получил импичмент. Американские законодатели в последующем сбалансировали интересы национальной безопасности с защитой прав граждан и создали специальный судебный орган, дающий разрешение спецслужбам на проведение слухового технического контроля в отношении своих и иностранных граждан. У нас же в стране на протяжении десятков лет действовали в этой сфере ведомственные инструкции, а не закон.

Под предлогом того, что «накануне подписания Союзного договора в стране готовится провокация», Крючков давал указание на прослушивание переговоров по правительственной связи Президента Ельцина, вице-президента Руцкого, председателя правительства Силаева, председателя Верховного совета Хасбулатова, члена Президентского совета Бакатина. Слуховой контроль, опять-таки по указанию Крючкова, некоторое время осуществлялся за Янаевым и Лукьяновым. Такие оперативные решения председателя КГБ СССР вообще выходили за пределы разумного.

Указанные антиконституционные действия со стороны Крючкова были отражены в докладе Государственной комиссии Степашина на имя Президента СССР. Но, на мой взгляд, в этом серьезном документе отсутствовал и напрашивался принципиальный вывод: Михаил Сергеевич, вы санкционировали указанные действия, на документах слухового контроля имеются ваши личные пометки, в связи с чем вы вполне заслуживаете импичмента, законного отстранения от должности. Тогда и КГБ СССР был бы не таким виноватым…

Здесь мне вспоминается посещение штаб-квартиры главной спецслужбы Южной Кореи, где в зале располагались портреты президентов страны. Четверо из них после президентского срока отбывали тюремное наказание за нарушение законов своей страны.

Когда Лубянку покидал Бакатин, он передал мне ключи от персонального сейфа председателя. Так я оказался держателем сложного шифра сейфа, содержащихся в нем важных служебных документов, о которых упоминать не стану. Кроме того, в сейфе находились сотни листов записей прослушивания Президента РФ, ближайших его соратников по службе. Это были сводки перехвата телефонных разговоров некоторых высших должностных лиц страны, в том числе ряда народных депутатов СССР и России. Большая часть материалов технического контроля проходила через руки Горбачева.

Бакатин вспоминал, что к нему из аппарата Президента СССР на Лубянку принесли две толстенные папки подслушанных записей разговоров известных политических деятелей. «Начал читать и на второй странице бросил. Стыдно за государство, за КГБ. Было ощущение, будто заглядываешь в замочную скважину за ничего не подозревающими порядочными людьми», – отреагировал Бакатин.

Не буду скрывать, что прочитал в безвременье большее число страниц, чем Бакатин. Я увидел в них свидетельства политической и банной (разговоры контролировались даже в сауне) грязи в верхах. Но больше волновала практика нарушения действующего законодательства,

ведомственных инструкций, правовых и государственных принципов в службе. Все это резко изменило мое отношение к личностям Горбачева и Крючкова.

Стенограммы перехваченных разговоров видели следователи, которые вели следствие в отношении Крючкова. Они не стали вводить их в орбиту расследования, иначе следствию пришлось бы давать правовую оценку, выяснять, кто санкционировал кричащие нарушения, кому это было выгодно.

Чтобы немного разрядить мрачный тон повествования, приведу казусный случай из жизни. Жена моего коллеги, который часто упоминается в тексте, заподозрила его в амурных делах на стороне и, пользуясь связями, установила на своей квартире прослушку. Когда она предъявила мужу доказательства, он строго заявил, что она нарушила его демократические права, и пригрозил подать в суд, вплоть до развода. Выдержка и находчивость чекиста взяли верх над ревностью жены: она сделалась милой и доброй. Конфликт был исчерпан. А если серьезно, то несанкционированное прослушивание чужих разговоров, даже своих родственников, – не только аморальное дело, так еще и подсудное. Кстати, и в наши дни за такие действия следовало бы строго наказывать вторгающиеся в частную жизнь разного рода охранные частные структуры, а также распространяющих распечатки сенсационных разговоров непорядочных журналистов.

Народные депутаты СССР расценили создание ГКЧП как попытку насильственного изменения государственного строя в стране, дали согласие на привлечение ряда высших должностных лиц к уголовной ответственности. 29 августа на заседании Верховного совета СССР развернулись горячие дебаты по поиску виновников в создании ГКЧП со взаимными обвинениями различных противоборствующих депутатских фракций в отношении роли руководящих лиц из аппарата КПСС и КГБ в «насильственном изменении конституционного строя» в стране в дни ГКЧП.

Осуждая причастность к государственному перевороту входивших в ГКЧП высших партийных функционеров, некоторые народные депутаты СССР пытались оградить от необоснованных обвинений миллионы рядовых членов КПСС, против которых на местах развернулась охота на ведьм, допускались неправомерные действия, слежка и преследования. «Демократически» настроенные депутаты смело высказывались о том, что произвол в отношении рядовых членов партии «сейчас гораздо менее опасен, чем сохранение структуры КПСС на местах по всей территории СССР». Такие суждения выглядели как прелюдия к запрещению деятельности КПСС.

Особо предвзятым и яростным нападкам подвергался народный депутат СССР Юрий Голик. Это объясняется тем, что буквально незадолго до создания ГКЧП он был назначен Горбачевым руководителем создаваемого при Президенте СССР Комитета по координации деятельности правоохранительных органов страны. Указанный комитет не был сформирован по причине медленной реализации принимаемых решений самим Президентом СССР и его исполнительным аппаратом. Голика как руководителя координационного комитета воинствующие депутаты обвинили в бездеятельности, ненадлежащей и ненастойчивой защите интересов Горбачева. Отбивая атаки, Голик ссылался на то, что не мог же он предложить Крючкову, Пуго и другим силовикам «прокоординировать» их деятельность в те дни, когда он лично протестовал против ГКЧП. В выступлении на сессии он подчеркивал, что в связи с отсутствием в стране генерального прокурора СССР он просил его заместителя «всеми силами удержать прокурорских работников от какого бы то ни было политического одобрения ГКЧП». Голик заметил на сессии, что председателю Комитета госбезопасности Украины Голушко сказал только одно: «…убедительная просьба: замыкайся, если можешь, на меня. Все распоряжения, исходящие от Крючкова, – побоку». И далее продолжил: «Он – народный депутат СССР, можете спросить у него, было это или не было.

Это практически все, что я смог сделать по линии КГБ». В эти дни я с ним действительно поддерживал телефонную связь, обменивался мнениями о происходящем, а также советовался, как быть и что предпринимать.

Кстати, Голик среди народных депутатов СССР был одним из самых образованных юристов. Мне он был близок как выпускник юридического факультета Томского университета. Избрали его народным депутатом, когда он являлся деканом юридического факультета Кемеровского университета. Принципиальная позиция коллеги из Москвы явилась для меня серьезной моральной поддержкой в правоте своих действий в дни ГКЧП.

О роли Верховного совета в оценке обстановки в стране высказался впоследствии мятежный вице-президент Г. Янаев: «Хотя история не знает сослагательного наклонения, но если бы я сейчас оказался в августе 1991 года, то действовал бы по-другому. Во-первых, я должен был потребовать незамедлительного созыва Съезда народных депутатов или Верховного совета для информирования о том, что происходит в стране». Так приходило запоздалое понимание роли парламента в те бурные дни.

Глава третья
Гкчп и просчеты руководства КГБ

Члены ГКЧП имели легитимные властные полномочия, причем огромные, намереваясь устранить разрушительную политику Горбачева. Но что же случилось с лицами, взявшими на себя огромную долю ответственности за судьбы страны?

Зная в какой-то мере практически всех членов ГКЧП (а они были известными в стране государственными деятелями), у меня не возникает сомнений в их благородных побуждениях по спасению страны от грозящей гибели. Но создание чрезвычайного органа управления без высшей законодательной власти, тем более с привлечением всех силовых министров, введением в столицу военизированных подразделений, не повлекло за собой ни поддержки со стороны депутатского корпуса, ни общенародных демонстраций под красными знаменами.

Рассматривая ошибки ГКЧП, многие отмечают неорганизованность, непопулярность и нерешительность всей команды, которая пыталась навести порядок в государстве. ГКЧП появился как коллективный орган. Кто же из его членов являлся главным?

Главная функция ГКЧП, – отмечал О. Бакланов, – заключалась в том, чтобы созвать Верховный совет и принципиально рассмотреть сложившуюся в стране ситуацию из-за раскольнических действий российского руководства. Если бы А. Лукьянов собрал депутатов сразу же, а не откладывал до 26 августа, то задача ГКЧП не допустить развала СССР была бы решена. Лукьянов оценивал создание ГКЧП как неподготовленную и плохо организованную отчаянную попытку сохранить Советский Союз единым государством. И ничего больше за созданием ГКЧП не стояло.

Г. Янаев в первые же дни с огорчением констатировал, что ГКЧП никто не поддерживает.

– Не все так плохо, – возразил ему Крючков.

– Мне докладывают так, как есть в действительности, – заметил вице-президент, с удивлением посмотрев на Крючкова.

– Вот и неправильно делают. Надо докладывать то, что надо, а не то, что есть.

Премьер-министр В. Павлов, оценивая свою деятельность в принятии чрезвычайных мер, отмечал, что с первых дней ГКЧП, по сути, самораспустился.

Министр обороны Язов говорил: «Конечно, если бы люди имели тот опыт, который получили за прошедшее десятилетие: безработица, национальные конфликты, разделение на кучку богатых и море бедных, – они бы поддержали нас. Но тогда никому не могло присниться в страшном сне…»

Неуправляемость и несогласованность действий проявились уже в первые часы деятельности ГКЧП, когда начались сбои: лидеры России Ельцин, Хасбулатов заявили о нем как о «незаконном и не имеющим конституционной силы». «Если бы не команда Ельцина, поднявшая демократическую волну, все бы прошло относительно спокойно. Ну, пошумели бы на Западе и успокоились. Что было бы хуже для страны? Теперь уже трудно сказать однозначно. Развал Союза одинаково больно ударил по всем народам. И в результате мы имеем наглую, беспардонную гегемонию США». Это оценка народного депутата СССР М. Полторанина, тогда заместителя председателя правительства России.

Мне хорошо были известны содержание переговоров и распоряжения генерала армии Варенникова во время пребывания в Киеве, хотя формально он не входил в состав членов ГКЧП. Каких-либо противоречащих интересам Украины действий он не предпринимал. Что Варенников предлагал сделать, с тем руководство республики согласилось. В эти дни он был единственным контролером от ГКЧП из Москвы; союзные КГБ и МВД своих представителей в республику не посылали. Как умный стратег, он посмотрел на развивающуюся ситуацию на Украине и на следующие сутки улетел в Москву.

Во время пребывания в Киеве Варенников направил в адрес членов ГКЧП пять шифротелеграмм, в которых объективно информировал о положении на Украине: никаких эксцессов в республике не произошло, обстановка осталась спокойной. Ему не нравилось бездействие в Москве, и в одной из шифровок он написал: «Оценивая первые сутки, пришел к выводу, что большинство исполнительных структур действует крайне нерешительно и неорганизованно. Совершенно необъяснимо бездействие в отношении деструктивных сил, хотя накануне все было оговорено. На местах мы ничего не можем, например объяснить гражданским руководителям и военнослужащим причины аморфного состояния в Москве. Идеалистические рассуждения о «демократии» и о «законности действий» могут привести к краху с вытекающими тяжелыми последствиями лично для каждого члена ГКЧП и лиц, активно их поддерживающих».

Варенников пытался связаться с Крючковым и Язовым, но не смог их найти. Он дозвонился из Киева до КГБ и в беседе с заместителем председателя В. Пономаревым «довольно возбужденным голосом» просил помочь переговорить с указанными руководителями. «При этом возмущался, что нет конкретных действий и что промедление смерти подобно».

Крючков заварил кашу, оказался в числе инициаторов образования ГКЧП, начиная от подготовки документов до сбора его членов на конспиративном объекте органов госбезопасности, но фактически не довел дело до конца.

На прямые вопросы журналистов Варенникову: «Какую позицию занимал в те дни председатель КГБ СССР Крючков?» – он отвечал: «В том-то и беда, что Крючков, по сути, от всего самоустранился. И не он один. Еще когда 11 августа мы обсуждали вопрос о том, кто же полетит в Крым к Горбачеву, меня удивила позиция большинства наших высших руководителей. Речь шла о судьбе государства, о судьбе народа. А они предпочли переложить ответственность на в общем-то второстепенных лиц. Ну почему бы не полететь в Форос тому же Крючкову? Или Язову, Павлову, Лукьянову? В их руках были сосредоточены реальные рычаги власти. Им и карты в руки. А они показали свою полную несостоятельность». Среди членов ГКЧП начинались взаимные обиды и обвинения друг друга. Крючков обвинил Язова в преждевременном выводе войск из Москвы. Вместе с тем неоправданность ввода в Москву бронетехники поняли уже на второй день, когда министр обороны вышел из игры, заявив, что в «этих авантюрах участвовать не будет».

Министр обороны Язов, анализируя причины неудачи, отмечал: «Еще одна ошибка: многие вопросы должна решать не армия, другая организация. КГБ не взял на себя ни одной функции, ни одной не выполнил».

Крючкова многие характеризовали как деятельного человека, располагающего отличной подготовкой и практикой, а также обладающего блестящим аналитическим умом. Но как руководитель органа госбезопасности, владеющий огромным объемом разносторонней информации о положении в стране, он не сумел спрогнозировать развитие событий. В мирных и благоприятных условиях развития страны он проработал большую часть в аппарате Андропова и в «лесу», где располагалась штаб-квартира советской разведки. Наблюдая за высказываниями главных гэкачепистов, может быть, следует согласиться с Президентом Горбачевым, который жаловался, что положиться на Крючкова и Язова нельзя. «Ничего не могут толком сделать… И провалят любое дело».

Когда Крючкова назначили председателем КГБ СССР, по рекомендации Щербицкого я пригласил его посетить республику, считая, что такое высокое должностное лицо обязано знать не только проблемы страны, но и внутренние заботы союзных республик. Однако Крючков не проявил особой заинтересованности в посещении Украины, отреагировал кратким ответом, что у него много других важных дел, «надо разобраться с Афганистаном, а потом будет видно». Оставаясь чисто кабинетным руководителем, он не принял повторного приглашения, теперь от

самого Щербицкого. Насколько я помню, за все время руководства КГБ Крючков не побывал ни в одной союзной республике.

Как считал Варенников, в условиях грядущего развала государства для его защиты, конечно же, нужен был железный Феликс Дзержинский или Владимир Семичастный. На одной из частных встреч Семичастный делился со мной и моими коллегами М. Нейматовым и А. Меркушиным, как решительно с его стороны происходило свержение с занимаемого поста Хрущева. Осуждая ГКЧП, он отмечал, что в те августовские дни вице-президент, премьер, председатель КГБ, министр обороны продемонстрировали полную организационную беспомощность. Семичастный расценивал ГКЧП как узкую группировку, которую легко можно было обвинить в заговоре, путче и отправить за решетку. Сотрудники КГБ СССР подтверждали нерешительность Крючкова в августовские дни, который находился в растерянности и «плыл по течению событий». Он показал низкий профессионализм, оказался неспособным просчитать последствия.

Мне кажется, что в своей книге «КГБ, ФСБ, взгляд изнутри» Иосиф Леган (бывший сотрудник УКГБ по Закарпатской области) подробно изложил происходящее в центральном аппарате КГБ в дни ГКЧП. Будучи ответственным работником Инспекторского управления КГБ СССР, Леган отмечает, что сотрудники воспринимали Крючкова как жесткого руководителя. Но вместе с тем «как только пришлось возглавить ГКЧП, Крючкова парализовало, и он потерял волевые качества, а как показали события августа 1991 года – никогда их не имел. За действия, если бы они были, членов ГКЧП уважали бы, хвалили. Но Крючкова нужно осуждать за бездействие, которое можно квалифицировать, скорее всего, как возможное преступление».

23 августа на последнем в истории советского периода заседании Коллегии КГБ СССР многие члены и участники выступили с осуждением провалившего заговора со стороны ГКЧП, признали утратившими силу указания, подписанные Крючковым о поддержке органами безопасности чрезвычайного положения. Первый заместитель председателя КГБ СССР Грушко высказал мнение о том, что введение чрезвычайного положения в стране оказалось, с одной стороны, запоздалым и нерешительным шагом, а с другой – излишне спонтанной, непродуманной акцией, чуть ли не жестом отчаяния. «Я сочувствовал гэкачепистам, хорошо понимал, что ими движет, но был уверен, что ГКЧП не выживет», – так расценивал ситуацию тех дней заместитель председателя КГБ СССР Шебаршин.

Я хочу подчеркнуть, что на это заседание Коллегии КГБ СССР меня и начальника Ленинградского УКГБ Куркова как ее членов в Москву не пригласили. Начальники управлений не могли понять, что происходит и как поступать в этой ситуации сотрудникам КГБ. Все сидели и ждали. А время работало против ГКЧП. Наверное, это самая откровенная оценка бездействия руководства КГБ СССР, бездарно втянувшего органы безопасности страны в политическую авантюру. Отсутствие должной решительности в своих действиях члены ГКЧП объясняли тем, что для подготовки, обоснования и разъяснения своих задач и целей у них было слишком мало времени, поэтому они вполне резонно полагали, что более жесткие меры могут дать обратный эффект. Повторюсь, Крючков заявлял, что ГКЧП допустил серьезную ошибку, не раскрыв с самого начала народу глаза на то, какая опасность надвигается на нашу страну. Люди тогда многого не знали, они были сбиты с толку демократической демагогией. Запоздалое понимание постигших последствий – это какая-то наивность самого Крючкова, не разъяснившего даже своему мощному коллективу, тогда способному выполнить самые сложные (но законные) задачи, поставленные ГКЧП. Он признается, что главным была необходимость избежать силового противостояния, кровопролития и жертв, и как только реальная опасность возникла, Комитет по чрезвычайному положению немедленно прекратил работу.

Продолжает существовать версия, что Крючков понимал безнадежность применения силовых методов, не давал команд действовать, тем самым пытался смягчить последовавшие удары по сотрудникам госбезопасности. Во время августовских событий он якобы намеренно

опирался на наиболее приближенный круг, остальные подчиненные ничего не знали о его планах. Мне не известны действительные намерения Крючкова, но думаю, что это оправдательная версия больше для следствия. Он прекрасно представлял себе, в каком тяжелом положении оказались, как были раздавлены органы госбезопасности в социалистических странах Восточной Европы. После ГКЧП в отношении многих сотрудников КГБ наступил настоящий произвол, над ними пытались расправиться как над «противниками демократии»; многие из нас тяжело переживали наступившее критическое состояние общества, отразившееся для многих на сугубо личном положении.

Оценку своим действиям Крючков дал в письме на имя Бакатина: «Обращаюсь к Вам… и через Вас… к коллективу КГБ со словами глубокого раскаяния и безмерного переживания по поводу трагических августовских событий в нашей стране и той роли, которую я сыграл в этом. Какими бы намерениями ни руководствовались организаторы государственного переворота, они совершили преступление… Осознаю, что своими преступными действиями нанес огромный ущерб Отчизне. Комитет безопасности ввергнут по моей вине в сложнейшую и тяжелую ситуацию».

Тем обиднее осознавать, что после поражения ГКЧП многое в дальнейшей жизни страны пошло прахом, а в качестве чуть ли не главных виновных в «государственном перевороте» пытались назвать сотрудников КГБ.

С ликвидацией союзного КГБ ломались судьбы многих сотрудников госбезопасности, преданно служивших стране и закону. Многие из них оказались вне своих родных мест, притесняемые новыми «демократическими» властями. Народный депутат СССР, председатель КГБ Туркмении Петр Архипов, родственные корни которого в Литве, не мог вернуться на Родину. Заслуженный чекист, много лет проработавший в резидентурах в капиталистических странах, территориальных органах Литовской ССР и Чечено-Ингушской АССР, не имел возможности выехать из Ашхабада, личный багаж вынужден отправить окружным путем через Каспийское море в Азербайджан, оттуда в Москву.

Обстановка вокруг сотрудников КГБ в связи с последствиями уничтожения КГБ была тяжелой. На жительство в Украину мною было принято несколько семей сотрудников советского КГБ Литвы. У себя дома они оказались лишними, подвергались люстрации и нападкам. В Прибалтике не щадили ветеранов, которые участвовали в борьбе с фашизмом и послевоенным бандитским вооруженным подпольем – «лесными братьями».

Молодого и талантливого Павла Маснева, сотрудника КГБ Литвы, я взял в Киеве к себе референтом. Он стал гражданином независимой Украины, после ГКЧП вынужден был уволиться из органов, окончил экономическую академию и как специалист со знанием литовского языка стал советником посольства Украины в современной Литве.

Так ломались и так формировались личности.

Тревожные и разрушительные события коснулись сотрудников КГБ Украины после ГКЧП, но особенно волнующа судьба десяти оперативных работников, оказавшихся в горячих точках. По разнарядке из Москвы они направлялись в распоряжение органов госбезопасности Азербайджана и Армении для участия в локализации вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе. В числе уезжающих чекистов Украины все оказались добровольцами; перед их отъездом я встретился с ними в Киеве, сказал слова напутствия и вручил каждому памятный подарок – наручные часы. Запомнил сотрудника Днепропетровского управления КГБ Лебедева, ставшего начальником горотдела КГБ в Сумгаите после трагических событий. Он пользовался заслуженным авторитетом среди жителей города, избирался депутатом Верховного совета Азербайджанской ССР. Поддерживаю дружеские отношения с Владиславом Гасумяном, бывшим оперативным сотрудником из Ивано-Франковска. Он исключительно с положительной стороны зарекомендовал себя на Кавказе, затем на работе в Министерстве безопасности России. В последующем он стал одним из первых руководителей ведомства Госрезерва России.

К сожалению, я не смог отследить судьбу остальных достойных украинских чекистов, направленных в горячие точки страны незадолго до ГКЧП.

Последствия развала страны затронули не только действующих сотрудников КГБ, но и нашу будущую смену – молодых курсантов учебных заведений органов госбезопасности. В их числе был Павел Астахов, ставший известным адвокатом, телеведущим программ на правовую тематику на центральном ТВ. Он окончил учебу в Высшей школе КГБ СССР и вспоминает о себе и молодых офицерах: «Нас называли горбачевским набором, мы были уже совсем другие: обсуждали выступление Ельцина на XIX партийной конференции, когда он выходил из партии, ругали партию, правительство, соцстрой, чего всего несколькими годами раньше в этих стенах было бы просто невозможно представить. На выпуск молодых сотрудников пришлись ГКЧП и развал СССР, поэтому половина курса осталась без Родины, и после распада страны в Молдавии, Прибалтике, закавказских республиках и так далее выпускников Высшей школы КГБ уже никто не ждал. Когда я увольнялся из системы, честно сказал, что на зарплату, которую мне предлагают, со своей семьей я прожить не смогу, и уволился из органов переводом в народное хозяйство».

Подобная судьба постигла выпускников военных и пограничных училищ, оказавшихся в трудном положении после ГКЧП.

На закате советской власти социалистическое общество подошло к глубокому политическому и экономическому кризису: коммунистическая идеология и вера в светлое будущее были разрушены, а только силовыми методами страну удержать было невозможно. В экономической сфере нарастали недовольство и недоверие к коммунистической риторике на фоне пустых прилавков. Начальник экономического управления, член Коллегии КГБ СССР Н. Савенков во все возможные адреса направлял тревожные записки о том, что жители Москвы уже несколько месяцев не могут отоварить талоны на продукты самой первой необходимости. На Украине с продуктами получше: правительство вводило ограничительный порядок вывоза товаров за границы республики. Для населения изобрели купоны, так что сосед-белорус не мог без них ничего приобрести на украинской территории. КГБ Украины «зверствовало» на государственной границе, не допуская незаконного вывоза товаров за рубеж. Ивашко (небывалый случай!) на Пленуме союзного ЦК КПСС упомянул положительную работу КГБ республики, предотвратившего вывоз за границу продуктов питания и других товаров на несколько миллиардов рублей.

Благодаря политике горбачевской перестройки к политической власти пришли новые люди, но многие из них оказались разрушителями страны. На протяжении многих лет некоторые из них безнаказанно и целеустремленно, злоупотребляя вседозволенностью и гласностью, призывали к изменению политической системы в стране, саботировали принимаемые решения по преодолению национальных, экономических, идеологических противоречий, провоцировали недовольство народа.

У новых правителей проявлялись негативные качества: лицемерие, приспособленчество, корысть, удовлетворение личных интересов, отсутствие ответственности перед страной и народом. Когда распался великий Союз, они с радостью разъяснили простому люду, что социализм противоречит самой природе человеческого общества, а вот рыночный капитализм – вершина желаемого общественного развития.

Ну и что достигнуто при рыночных отношениях? Бандитский олигархический капитализм при бывших коммунистических лидерах Ельцине и Кравчуке или бюрократический, коррупционный государственно-монопольный капитализм при советских разведчике Путине и пограничнике Ющенко?

История в веках не забудет, что Советскому Союзу самим развитием мировой цивилизации было предопределено осуществить социальный эксперимент – реализовать идеи построения социалистического общества. Он выдержал многие испытания и бедствия в семидесяти-

летнем отрезке истории: пережил Гражданскую войну и иностранную интервенцию, одержал героическую победу над фашистским игом в Великой Отечественной войне, выстоял в экономической блокаде, гонке вооружений во имя мира, в новой «холодной войне». Не выдержал одного: предательства идеалов построения социализма со стороны правящей компартийной элиты.

С развалом Союза нарушился баланс прежнего мирового и внутреннего равновесия: порождено множество войн и конфликтов, погружены в нищету народы бывших союзных республик.

Ну, а что же система государственной безопасности? Комитет подвергался такой же дезорганизации, разрушению, как и советское общество. К такому же кризисному состоянию он подошел в связи с длительным отсутствием законов, регулирующих правовую основу его деятельности, вместо цитировавшихся установок съездов и пленумов ЦК партии и ведомственных инструкций, которые перестали отвечать велению времени. Строгая подчиненность, жесткая зависимость и взаимосвязь со структурами правящей КПСС сыграли свою роковую роль в жизнедеятельности и уничтожении КГБ. В центре при Горбачеве и Крючкове проявилась опасность постановки и выполнения органами безопасности задач, которые выходили за рамки законности и компетенции, использования КГБ как орудия внутрипартийной борьбы, особенно в организации притеснения неугодных им оппозиционных лиц в своих же партийных рядах.

Политиканство и непосредственное участие высшего руководства КГБ СССР в попытке дворцового переворота отрицательно сказались на авторитете органов государственной безопасности, нарушили уверенность личного состава в правоте дела, которому добросовестно служили многие из нас. Отсутствие действенных механизмов контроля со стороны законодательной власти, не говоря о каком-либо гражданском контроле, принижение Крючковым роли Коллегии в августе 1991 года повлекли последствия, послужившие вынесению вполне ожидаемого решения, записанного комиссией С. Степашина, – уничтожить КГБ.

И еще важный момент: руководство КГБ, в том числе и я в союзной республике, много говорили о необходимости внедрения демократических перестроечных требований в повседневную практику КГБ, но, к сожалению, оказались неспособными к быстрым трансформациям в условиях резкого обострения и изменения политической и оперативной обстановки. Необходимо было спешить, не отставать от жизни, но она для

КГБ складывалась в последние годы так, что в Верховном совете СССР закон об органах госбезопасности мурыжился два года, прежде чем был принят. Может быть, сознательно, как и непринятое положение о КГБ при Чебрикове?

Больно осознавать, что к негативным последствиям, пусть в косвенной мере, я оказался причастен.

Глава четвертая
Сколько комиссий участвовало в уничтожении КГБ СССР

23 августа, после возвращения из Крыма, Горбачев благословил, по существу, карательный разгул в преследовании лиц, причастных и непричастных к «государственному перевороту» 19–21 августа 1991 года.

Как приговор прозвучали слова экс-президента Украины Кучмы о том, что «первый и последний Президент СССР Горбачев вернулся из своего форосского плена, чтобы, по сути, председательствовать при упразднении империи». Только со временем осознаются последствия тех трагических дней в истории нашей страны. В Москве арестованы высшие должностные лица государства: Лукьянов, Янаев, Язов, руководитель аппарата Президента СССР Болдин, первый заместитель председателя Совета обороны СССР Бакланов, секретарь ЦК КПСС Шенин. Трагически ушел из жизни перед арестом (застрелился вместе с супругой) министр внутренних дел СССР Пуго. Были подвергнуты тюремному заключению председатель КГБ СССР Крючков, первый заместитель председателя Грушко, начальник 9-го управления Плеханов (все члены Коллегии КГБ СССР). Надо признать, что на тот период времени это были самые близкие к Президенту СССР должностные лица, наделенные высокими государственными полномочиями, которых, словно декабристов, разбудила разрушительная горбачевская политика провозглашенной перестройки, заводившая страну в политический и экономический тупик.

Прокуратурой Российской Федерации велось расследование деятельности заместителей председателя КГБ СССР Г. Агеева, В. Калиниченко, В. Лебедева, В. Прилукова, некоторых начальников ведущих подразделений центрального аппарата. При назначении временно исполняющим обязанности председателя КГБ СССР Шебаршина Горбачев потребовал от него и всех других заместителей председателя КГБ СССР представить ему лично «в запечатанных конвертах» письменные отчеты о своих действиях с 19 по 21 августа».

В выступлении на сессии Верховного совета СССР Горбачев допускал слишком резкие заявления: «КГБ – это государство в государстве, оплот тоталитаризма. Он должен быть разрушен». Как и во многих других невыгодных для него случаях, он всю вину переносил на КГБ. Ведь можно подумать, что все предшествующие годы, месяцы и дни органы государственной безопасности напрямую и полностью подчинялись не Президенту страны, а кому-либо другому. КГБ СССР работал под непосредственным руководством Горбачева, выполнял волю Генерального секретаря ЦК КПСС, иного не могло быть по существующему положению, более того, Крючков являлся до определенного времени главной опорой Президента в его противостоянии и расправах над политическими оппонентами. Ни одна серьезная операция КГБ не проводилась без санкции и докладов Генеральному секретарю, и не угодливые ли ему Крючков с Язовым сумели превратить армию и органы госбезопасности, по заявлению Горбачева, в «оплот тоталитаризма»? Органы КГБ не делали погоду в государственной политике, они были инструментом ее выполнения. Возвращаясь к событиям в Вильнюсе, я поражался словам Горбачева о том, что он узнал о них только на следующий день. Случилось так, что я находился в кабинете Крючкова, когда тот докладывал Горбачеву о намечавшихся мероприятиях в Литве. Горбачев предал подконтрольные и подчиненные лично ему органы госбезопасности точно так же, как и руководство Вооруженных сил страны.

28 августа Горбачев с мотивировкой «в связи с антиконституционным переворотом» образует Государственную комиссию для расследования деятельности КГБ СССР в период ГКЧП. Подобных комиссий не создавалось для расследования деятельности правительства или других министерств. Руководителем назначается глава Комитета Верховного совета России по вопросам обороны и безопасности Сергей Степашин. Для восходящего и быстро набираю-

щего политический вес молодого амбициозного депутата – это исключительно высокое доверие. В состав Госкомиссии включались известные и авторитетные в стране народные депутаты СССР Ю. Рыжков, К. Лубенченко, а также несколько российских депутатов. Обратите внимание на важное обстоятельство: в состав созданной Государственной комиссии не входил ни один представитель или народный депутат от остальных союзных республик. Мнение союзных республик по проблемам государственной безопасности страны кое-кому в центре уже казалось несущественным или, возможно, ненужным. Из таких, казалось бы, мелочей в союзных республиках складывалось убеждение о пренебрежении Москвы к их интересам, нарушении суверенных прав республик.

Ответственная комиссия парламентского расследования была призвана вынести вердикт о КГБ СССР, внести рекомендации о дальнейшей судьбе специальных служб. Еще на Украине я познакомился с материалами ее работы, предложениями по образованию новой системы обеспечения государственной безопасности страны, затрагивающей также интересы союзных республик. Выводы комиссии представляют несомненный интерес в изучении вопроса о ликвидации КГБ СССР и судьбе его сотрудников (теперь хотя бы для истории). С отдельными положениями Государственной комиссии я как народный депутат СССР и практический работник КГБ не мог полностью согласиться.

25 октября 1991 года Государственная комиссия представила свои соображения Горбачеву. В результате заключения комиссии ни одно союзное министерство, руководители которого в какой-либо степени оказались причастными к ГКЧП, не испытало таких суровых оценок и репрессивных мер – от самого высшего звена до областных органов, – как это было осуществлено в отношении сотрудников КГБ СССР. Главный вывод Государственной комиссии: незамедлительно упразднить КГБ СССР и осуществить коренную реорганизацию его структур. Комиссия Степашина определила круг конкретных руководителей КГБ СССР и их участие в мероприятиях ГКЧП. Отмечалось, что с 5 по 17 августа Крючков неоднократно встречался с членами будущего ГКЧП. КГБ СССР отводилась существенная роль в решении следующих задач:

– отстранение от власти Президента СССР путем его изоляции;

– блокирование вероятных попыток Президента РСФСР оказать сопротивление ГКЧП;

– установление постоянного контроля за местонахождением руководителей органов власти РСФСР и Москвы, известных своими демократическими взглядами народных депутатов СССР, РСФСР и Моссовета, крупных общественных деятелей с целью их последующего задержания;

– осуществление при необходимости совместно с частями Советской армии и подразделениями МВД захвата здания Верховного совета РСФСР с последующим интернированием оставшихся там после штурма лиц, включая руководство России.

Осуществляя общее руководство мероприятиями по проведению переворота, Крючков активно использовал приближенных к себе людей из числа руководства КГБ СССР, которые по его указанию задействовали отдельные подразделения центрального аппарата и войск КГБ СССР на конкретных участках и направлениях.

В представленном комиссией Горбачеву документе Комитет госбезопасности СССР изображался как союзно-республиканский комитет, основанный на «принципе сверхцентрализации» и превращенный «в структуру, фактически обеспечивающую контроль всех сторон жизни общества», в своих руках сосредоточивший «огромную политическую и военную силу». В отношении выводов комиссии о «сверхцентрализации» можно подчеркнуть, что на самом деле, в соответствии с актами о государственном суверенитете, определенная самостоятельность для органов КГБ республик становилась характерной, закреплялась их подчиненность республиканским Верховным советам. Естественно, в таких условиях это не могло соответ-

ствовать принципу «сверхцентрализации», в котором, кстати, ничего плохого нет для силового, а не аморфного ведомства.

Утверждение о проведении КГБ «контроля всех сторон жизни общества» в реальной действительности являлось повторением давно распространяемого мифа. Судите сами, в пятнадцати союзных республиках численность сотрудников КГБ составляла около 90 тысяч военнослужащих вместе со вспомогательными гражданскими лицами. Какой-либо «огромной военной силой» для «влияния на высшие органы власти» КГБ союзных республик вообще не обладали.

На примере Украинской ССР эта «сила» не может восприниматься всерьез, как и необоснованные выводы комиссии о фактическом контроле всех сторон общественной жизни органами госбезопасности в огромной республике с 52-миллионным населением. Между прочим, численность всего личного состава КГБ Украины в 25 областях и центральном аппарате составляла менее 20 тысяч, включая хозяйственный и медицинский персонал. Никакой «военной» силы КГБ республики не имел. Спецотряд «Альфа» для борьбы с терроризмом и освобождения захваченных заложников был создан только в 1990 году и насчитывал до 25 офицеров. Вот и вся в тот момент вооруженная сила на огромную союзную республику.

Еще за два года до комиссии Степашина в интервью газете «Правда Украины» я отмечал: «КГБ должен быть под контролем высшего органа власти, а советский народ вправе требовать отчет о деятельности органов безопасности. Досужие мифы о «КГБ над партией и народом», всемогуществе и бесконтрольности органов давно пора списать в архив. Они просто устарели. Изменились политическая ситуация, правовая основа, характер нашей работы». Давая интервью журналу «Новое время» в 1989 году, я утверждал: «Необходимы и новые законодательные акты, регламентирующие деятельность… в том числе и нашего ведомства. Происходящее в КГБ зависит от политических перемен в обществе, деятельность Комитета определяется международной, внутренней, оборонной политикой, курсом на укрепление демократии, гласности, законности в стране… Мы за верховенство закона в любой сфере общественной и государственной жизни страны».

Военной силой, входившей в систему КГБ СССР, являлись пограничные войска, но они не предназначались для использования во внутренних процессах или в политических интригах. Их общая численность (около 250 тысяч) не могла идти ни в какое сравнение со значительной штатной численностью внутренних войск и милиции, тем более с составом вооруженных сил Министерства обороны.

Горбачев и Крючков вынашивали намерения создать президентскую гвардию для наведения порядка в стране «в случае угрозы существующему строю». Выведенную из Венгрии боеспособную мотострелковую дивизию подчинили КГБ СССР и разместили в Харьковской области. Я узнал об этом, когда мне стали звонить из Москвы с просьбой посодействовать в предоставлении квартир офицерскому составу.

Мне известно, что вопрос о формировании президентской гвардии обсуждался на высоком уровне. Ельцин высказывал мнение, что подобная военизированная структура не должна касаться армии или КГБ, а быть самостоятельной и формироваться из добровольного контингента.

Дислоцированная в Харьковской области дивизия в дни ГКЧП оказалась совершенно заброшенной, ни один ее солдат, ни одна единица боевой техники не покинули ворот гарнизона. После августовских событий мотострелковая дивизия осталась без денежного содержания, на ее личный состав обрушилась вся мощь демократических нападок только из-за одной вывески, что они входят в систему КГБ СССР. Командир дивизии после августовских событий был у меня, переживал о ставшем плачевным состоянии воинской части. Я помог ему встретиться с Кравчуком, который оказал поддержку командованию в решении проблем жизнедеятельности дивизии.

Комиссией Степашина ни одним словом специфика положения органов безопасности в союзных республиках не учитывалась. Вместе с тем нельзя не согласиться с бесспорными выводами комиссии о том, что в советский период длительное время органы государственной безопасности работали под непосредственным руководством ЦК КПСС. Несмотря на конституционное изменение роли Коммунистической партии, это руководство в определенной мере сохранилось, как отмечается в заключении, «благодаря расстановке на ключевых руководящих должностях КГБ бывших ответственных работников партийных органов». КГБ СССР направлял секретные материалы в адрес ЦК КПСС, секретариат которого систематически давал отдельные поручения, направлял целевые запросы, в том числе на оппозиционных политических деятелей. Все это в совокупности расценивалось как незаконное руководство аппаратом ЦК КПСС одним из ключевых государственных органов страны.

Да, история Советского Союза и руководящей Коммунистической партии действительна такова. Другой партии в стране не существовало. Советское общество со времени ВЧК привыкло к тому, что деятельность органов госбезопасности осуществлялась «под мудрым руководством и контролем ЦК КПСС». Со сталинских времен органы государственной безопасности не переставали работать под непосредственным руководством одного лица в государстве – Генерального секретаря ЦК КПСС. Влияние ведомственных отделов ЦК КПСС, аппаратов ЦК республик было незначительным, касалось больше назначения и расстановки кадров.

Специфика КГБ Украинской ССР была такова, что до отмены шестой статьи Конституции все вопросы обеспечения безопасности республики мною согласовывались только с первыми секретарями ЦК КП Украины Щербицким, Ивашко. По приезде в Киев я заметил, что существовал строго установленный порядок, когда другие секретари ЦК Компартии без разрешения не могли вмешиваться в обсуждение самых простых служебных вопросов КГБ. Соответственно, мои заместители докладывали мне о своих походах в ЦК, телефонных звонках или поручениях со стороны аппарата ЦК КПУ.

О всемогущей роли КПСС в руководстве органами КГБ наглядно свидетельствует Ельцин. В бытность первым секретарем Свердловского обкома партии в его кабинете «шла спокойная беседа» с участием заместителя председателя КГБ СССР В. Пирожкова и начальника областного управления Ю. Корнилова. Последний в разговоре обмолвился, что органы государственной безопасности области «работают дружно с обкомом партии». Ельцин вспоминает: «И вдруг Пирожков рявкнул: «Генерал Корнилов, встать!» Тот вскочил, руки по швам. Я тоже в недоумении. Пирожков, чеканя каждую фразу, произнес: «Зарубите себе на носу, генерал, во всей своей деятельности вы должны не дружно работать с партийными организациями, а вы обязаны работать под их руководством, и только». Так наставлял одного из опытных и грамотных областных руководителей заместитель председателя КГБ СССР, пришедший в органы с партийной должности секретаря крайкома. Но формально он был абсолютно прав. Не думаю, что Пирожков знал слова председателя ОГПУ Менжинского, который повторял, что «у ЧК один хозяин – партия».

В повседневной деятельности я (да и коллеги моего поколения) следовал принципам, изложенным Андроповым. Он не позволял такого положения, при котором органы госбезопасности могли бы обвиняться в том, что якобы «стоят над всеми». Андропов формулировал четкие установки своим подчиненным: «Сейчас как никогда важно, чтобы наша деятельность хорошо вписывалась в конституционные основы. Иначе она будет неизбежно приходить в противоречие с объективными процессами развития общества, расширения и углубления демократии… Надо раз и навсегда отказаться от мысли, что, коль мы чекисты, значит нам можно то, чего нельзя другим. Думать так – значит совершать серьезную ошибку, наносить непоправимый вред престижу органов госбезопасности в глазах народа…»

Здесь мне хотелось бы подчеркнуть еще одну важную особенность положения КГБ союзной республики в сравнении с центральным аппаратом КГБ СССР.

Горбачев совмещал в стране власть Генерального секретаря ЦК КПСС с президентскими полномочиями. Ему докладывалась наиболее важная разведывательная и контрразведывательная информация, проводимые серьезные операции органов государственной безопасности внутри страны и за границей. Крючкову с такой субординацией было намного легче: свои действия он согласовывал в одном лице – с Президентом СССР и генсеком, получал от него санкции на проведение важнейших мероприятий, адресовал доклады по международным и внутренним проблемам. У председателя КГБ союзной республики после отмены шестой статьи Конституции СССР стала отсутствовать обязанность согласовывать с ЦК вопросы обеспечения государственной безопасности. Все переключалось на Верховный совет республики.

Я по собственной инициативе иногда продолжал направлять в адрес ЦК КПУ отдельные информационно-аналитические материалы, касающиеся осложнения политической и социальной обстановки на Украине. Я и сейчас не думаю, что допускал ошибку или нарушение установленных правил. Не знаю, как складывалась работа КГБ других союзных республик при переходе руководства партии к высшим законодательным органам, но на Украине процессы подчиненности органов госбезопасности от Политбюро ЦК КПУ к Верховному совету давались нелегко. Взаимоотношения КГБ и тогдашней украинской власти – явление очень сложное. Формально я не был обязан давать информацию в ЦК КПУ, но фактически коммунисты составляли большинство в Верховном совете. Кого же информировать, не зарождающиеся же оппозиционные партии Л. Лукьяненко или В. Черновила?

В Верховном совете не было создано элементарных служб, которые осуществляли бы постоянное взаимодействие с КГБ. Комитеты Верховного совета по вопросам обороны и безопасности только формировались, Совет безопасности страны не существовал, председатель Верховного совета Кравчук не обладал опытом решения разносторонних задач обеспечения государственной безопасности республики. Объективно он был загружен другими, не менее сложными делами государственного строительства объявившей суверенность республики. Первый секретарь ЦК КП Украины (и последний) Гуренко являлся народным депутатом СССР, в украинском парламенте возглавлял депутатскую фракцию коммунистического большинства. Согласно закону народные депутаты СССР имели полное право на получение любой информации, в том числе на свои обращения и депутатские запросы по вопросам государственной безопасности.

В заключении комиссии С. Степашина отмечалось, что особенно опасным для государства являлось то, что Комитет госбезопасности СССР функционировал в условиях фактического отсутствия правовой базы, сколько-нибудь ограничивающей его деятельность. Принятый Верховным советом СССР в мае 1991 года закон об органах госбезопасности при сохранении прежних ведомственных положений и инструкций «оставлял широкое поле вседозволенности для прежнего руководства Комитета госбезопасности».

С приходом в КГБ Бакатина с его легкой руки начала фигурировать цифра, что в КГБ действовало свыше пяти тысяч ведомственных нормативных актов. Создавалось впечатление, что чекисты работали чуть ли не в обстановке правового безбрежья. Дело обстояло далеко не таким образом. Во время работы в секретариате КГБ СССР я имел отношение к курированию правовых вопросов. Без редактирования, согласования и соответствующего визирования в юридическом отделе и в 3-м отделе секретариата в Комитете и лично мною не выпускался в свет ни один приказ или инструкция. Перед их рассылкой в органы КГБ страны моя виза была определяющей и последней. Я хорошо владел правовой базой, знал кодификацию нормативно-правовых актов в области обеспечения государственной безопасности.

Основных ведущих приказов и инструкций оперативного назначения, в частности регулирующих работу с агентурой, применение секретных оперативно-технических средств, было не более двух-трех десятков. От оперативных работников КГБ требовалось знать и строго соблюдать их положения; велась постоянная чекистская учеба и осуществлялся контроль

за знаниями оперативниками основополагающих нормативных документов. Такой порядок обеспечивался во всей стране; начинающие оперативные сотрудники не допускались к агентурно-оперативной работе без проверки знаний основных правовых актов. Руководитель украинской контрразведки в годы моей службы Г. Федяев отмечал замкнутость оперативного состава системы госбезопасности, жившего по своим «суровым правилам». Каждый шаг оперативного работника до малейших деталей регламентировался приказами Комитета Союза. Никакой самодеятельности со стороны республиканских КГБ не допускалось. Но правда, что были действительно тысячи других правовых документов – это различные постановления правительства, министерств и ведомств, касающиеся областей ведения хозяйственной деятельности, строительства, охраны труда и т. д.

В целом же положения комиссии С. Степашина, касающиеся необходимости совершенствования правового положения органов госбезопасности, были своевременными, злободневными. В частности, Государственной комиссией рекомендовалось (что было наиболее актуально) закрепить принципы строгого подчинения спецслужб соответствующим органам высшей государственной власти, исключения возможности их использования в интересах любых политических партий, организаций или национальных вождей.

В целях формирования межреспубликанских органов безопасности союзным республикам предлагалось определить объем делегируемых ими центру полномочий, предусмотреть согласование вопросов образования межреспубликанских структур и численность их личного состава с союзными республиками, установить порядок финансирования и использования материально-теоретической базы, решить проблемы социальной защиты сотрудников органов безопасности и т. д. При этом властные структуры республик, как полагала Комиссия, должны сформировать такие органы безопасности, которые могли бы стать инструментом против любых антиконституционных действий, исключали бы возможность создания аппарата, обладающего монополией на информирование высших органов власти, а также на средства коммуникации и секретной связи. Особо актуальной представлялась разработка концепций безопасности республик и Союза, определяющих жизненно важные цели и приоритеты, политико-правовой механизм их реализации.

Комиссия отмечала, что политическая и экономическая нестабильность, сопровождающая процесс формирования Союза суверенных государств, вызывает потребность в защите индивидуальных и коллективных интересов этих государств. Поэтому высказывалась целесообразность создания межреспубликанских органов для координации и взаимодействия республиканских служб безопасности. Многие правильные рекомендации Госкомиссии не удалось реализовать, причиной чему – неподписание Союзного договора и последовавший распад Союза.

Выполненную по заказу Горбачева реформацию советских органов государственной безопасности, расчленение КГБ по политическим и идеологическим соображениям Степашин в последующем, когда я с ним прикоснулся к созданию российских спецслужб, справедливо именовал «государственной кастрацией».

Мне представляется, что после ГКЧП наиболее оптимальный и взвешенный вариант реформы органов госбезопасности был осуществлен законодательными властями Украины: Верховным советом определены четкие законные основания деятельности новой спецслужбы, утверждены главные направления, функции и задачи, КГБ Украинской ССР не был разделен на составные части, наконец, было заменено руководство во главе с председателем.

В КГБ СССР с приходом Бакатина параллельно с государственной стала работать ведомственная комиссия, определявшая правомерность действий руководящего состава в дни ГКЧП. «Я не намерен изучать картину участия руководства КГБ СССР в государственном перевороте, но совершенно ясно, что вся мощь этой организации готовилась для того, чтобы обрушиться на неокрепшие силы демократии. Правда, несмотря на участие в заговоре мно-

гих высших руководителей КГБ, их не поддержало большинство сотрудников самого Комитета», – таков был вывод нового председателя Бакатина. В целом с ним следует согласиться, вина за участие КГБ в путче лежит на некоторых бездарных руководителях в центре. Авантюра Крючкова принесла столько вреда, что престиж органов государственной безопасности упал до самой низкой отметки.

27 августа, в один из первых дней пребывания на Лубянке, Бакатин выступил с обращением к действующим сотрудникам КГБ: «Именно сейчас поддаться панике, унынию, желанию свести счеты – худшее из того, что могло быть. Никто не имеет права огульно винить всех сотрудников в случившемся, разворачивать охоту на ведьм. Ответственность – на руководстве Комитета. И совершенно недопустимо делить ее с личным составом и, как это было принято, искать стрелочника… Прошу набраться сил, мужества, способности к самообновлению, чтобы достойно выйти из тех испытаний, которые выпали на долю народов Союза». Правда же, прекрасные слова и пафосный революционный стиль обращения, которому можно позавидовать.

Бакатин утвердил выводы ведомственной комиссии, расследовавшей участие «должностных лиц КГБ СССР в событиях от 19–21 августа». Я хочу сразу же заметить (не в оправдание или обвинение Бакатина), что в составе комиссии были только кадровые сотрудники КГБ, без депутатов или демократов, и они выдвигали предложения об увольнении или наказании своих коллег. «Бакатин спас КГБ от окончательного разгрома. Кампания против госбезопасности была безобразно раздута, демократы неистовствовали. Спас и многих сотрудников Лубянки, где после ГКЧП работала специальная кадровая комиссия, собиравшаяся славно пострелять во время охоты на ведьм», – заключает Юрий Скуратов, короткое время работавший в КГБ перед переходом в Генеральную прокуратуру.

По результатам ведомственного служебного расследования из органов госбезопасности было уволено 30 руководящих работников центрального аппарата, все заместители председателя КГБ СССР, многие руководители ведущих оперативных и оперативно-технических подразделений. «Должен признаться, – отмечал Бакатин, – принимая решение по результатам расследования, я проявил известный либерализм. Комиссия предлагала уволить большее количество людей, чем я реально уволил». Мотивами увольнения указывались проявленные «политическая незрелость и недальновидность» в выполнении распоряжений вышестоящих начальников, «способствовавших деятельности путчистов».

В материалах ведомственного расследования прокомментированы прошедшие события и участие должностных лиц в ГКЧП. После объявления 19 августа об образовании ГКЧП и введении чрезвычайного положения руководством Комитета предпринимались меры, направленные на обеспечение участия органов и войск КГБ в выполнении решений ГКЧП. С использованием сил КГБ был организован контроль за деятельностью средств массовой информации, проводилось изучение реакции населения и зарубежных кругов на события в СССР. Осуществляя общее руководство проводимыми мероприятиями, Крючков в этих целях использовал приближенных к себе лиц из числа руководства Комитета.

Крючков дал указание о взятии под контроль некоторых «неблагонадежных» граждан, в том числе нескольких народных депутатов СССР (Гдляна, Иванова, Уражцева), которых явно незаконно интернировали и вывезли на территорию подмосковного военного объекта. Для меня это вообще непонятные, не поддающиеся объяснению действия. Первый заместитель председателя КГБ Ф. Грушко отдавал распоряжения по использованию возможностей Комитета для реализации замыслов по задержанию Президента РСФСР. Другой первый заместитель председателя Г. Агеев руководил мероприятиями по отключению средств связи на объекте «Заря» в Форосе. Он отдал распоряжение по направлению в Латвию, Литву и Эстонию групп оперативных сотрудников для обеспечения режима чрезвычайного положения. 15 августа Г. Агеев осуществил инструктаж по организации слухового контроля переговоров по совершенно секретной городской телефонной связи в отношении ряда руководителей СССР и РСФСР.

После провала ГКЧП по указанию председателя КГБ России В. Иваненко началась волна разбирательств деятельности руководящего состава территориальных органов КГБ в автономных республиках, краях и областях. Масштабы проводимых различными комиссиями расследований о причастности должностных лиц территориальных органов КГБ к «антиконституционному перевороту 19–21 августа» охватывали Россию от Калининграда до Владивостока.

Вот несколько примеров проверок деятельности территориальных управлений. В Кемеровское управление 19 августа поступила подписанная Крючковым шифротелеграмма о создании ГКЧП для спасения СССР. Из центрального аппарата требовали «выполнять только распоряжения председателя КГБ СССР Крючкова». В то же время КГБ РСФСР указывал на необходимость выполнения указаний только Президента России Ельцина. «Признаться, мне, руководителю территориального органа в одном из самых политизированных регионов страны, назначенному на должность всего два месяца назад, было непросто принимать решения», – вспоминал о проверке его деятельности в те дни начальник УКГБ Кемеровской области генерал-майор А. Кузнецов. Генерал-лейтенант К. Григорьев о размахе всяческих проверок во Владивостоке вспоминает, что «этим занималась краевая прокуратура, депутатская комиссия, бригада КГБ СССР и под занавес – два представителя из союзной комиссии С. Степашина, наделенной Горбачевым специальными полномочиями».

Два десятка начальников краевых, областных территориальных управлений российского КГБ подверглись незаконным обвинениям и были уволены. Начальник УКГБ по Калининградской области застрелился. Степень их ответственности была различной: от абсолютно никакой до упреков в недоведении до личного состава телеграммы руководства КГБ России. Предлогом для увольнения в большинстве случаев послужило то, что руководители в областях объявили личному составу поступившие за подписью Крючкова шифротелеграммы о поддержке ГКЧП, но не довели до сведения содержание шифротелеграммы российских КГБ и МВД, которое принципиально расходилось с позицией союзного комитета. Такие случаи комиссиями рассматривались как свидетельство поддержки ГКЧП. Каких-либо незаконных действий со стороны уволенных лиц из числа начальников местных органов допущено не было, но они совершили промашку: не заклеймили позором гэкачепистов или не сделали заявлений в поддержку Ельцина. «Борису Николаевичу приветственную телеграмму с осуждением ГКЧП прислало даже Общество слепых из Свердловска, а вы, чекисты, не могли додуматься до этого?» – высказывал упреки бывший начальник свердловской милиции А. Фролов, назначенный заместителем министра безопасности по кадрам.

По Украине я не могу привести каких-либо примеров подобного отношения к руководящим сотрудникам КГБ, как это было в России. Коллектив КГБ Украинской ССР имеет право гордиться тем, что у разного рода проверяющих комиссий не было оснований обвинять республиканские органы безопасности в нарушении в дни ГКЧП действующего законодательства.

Глава пятая
Бакатин рушит КГБ и создает свою спецслужбу

В истории КГБ советского периода останутся действительно драматические страницы, когда после поражения ГКЧП началось сознательное и планомерное разрушение сложившейся в течение многих десятилетий системы государственной безопасности страны. Реформирование коснулось, прежде всего, пересмотра структуры и основных принципов деятельности советской разведки и контрразведки, а также важных оперативно-технических служб, достигших выдающихся достижений в электронной разведке.

В завершение формального существования КГБ вписал себя Вадим Викторович Бакатин – видный партийный реформатор, назначенный Горбачевым из своего ближайшего окружения председателем КГБ СССР для окончательного развала, демонстративного уничтожения, или, как он выражался, «избавления» от КГБ. Бакатин признавался, что предложение возглавить КГБ СССР, где его «ожидали одни неприятности и беды», было самым крутым и непредсказуемым поворотом в его жизни. После руководства двумя областными комитетами Коммунистической партии в городах Кирове и Кемерово он неожиданно (был далек от специфики работы в правоохранительной сфере) назначается министром внутренних дел СССР. По его словам, также неожиданно, но закономерно через короткое время был уволен с этой работы «по настоянию национал-патриотов, Политбюро и КГБ». Как вспоминал Бакатин, пребывание в должности председателя КГБ, «толком не начавшись, закончилось вместе с концом Союза». Трудно сказать, было столь ли неожиданным его увольнение с должности министра внутренних дел. Для Горбачева частые перестановки руководителей МВД являлись, скорее, закономерными: за шесть лет пребывания у власти он сумел сменить пятерых – Федорчука, Власова, Бакатина, Пуго, Баранникова. При Ельцине эти кратковременные закономерности превращались в общий закон: чем эффективнее начинали работать разведывательные и контрразведывательные спецслужбы, чем ближе подбирались к преступным правительственным верхам или акулам бизнеса, тем быстрее провозглашались «спасительные» реформы и замена руководящего состава.

В конце ноября 1991 года, передав председательскую булаву Е. Марчуку, я выехал в Москву, чтобы определиться в своей дальнейшей жизни. Еще существовал СССР. После провозглашения независимости Украины я, как и весь украинский коллектив спецслужбы, продолжал оставаться в кадровом подчинении союзного КГБ. Такая неопределенность касалась многих сотрудников, которые хотели покинуть Украину или, наоборот, вернуться сюда в новое государство. Впрочем, таких желающих из числа украинцев было немного. Вариантов остаться на жительство в Киеве у меня не предвиделось. Вождей незалежной Украины, с которыми мне приходилось вместе работать, охватила националистическая эйфория. Опьяненные легкой победой достижения государственной независимости, они демонстративно игнорировали Союз, что, естественно, отражалось на положении прежних выдвиженцев из Москвы. Многие мои знакомые, к примеру генеральный конструктор тяжелых баллистических ракет, дважды Герой Социалистического Труда Уткин, генеральный директор Криворожского металлургического комбината Носов, сотни других покидали республику. «Украина же россиян к себе почти не принимала. Даже немногие сотрудники КГБ, которых посылали на работу в эту республику, чаще всего возвращались обратно», – отмечал Бобков, прекрасно владевший обстановкой в союзных республиках.

По ряду личных причин я принял решение уйти в отставку. Время было настолько сложным и противоречивым, что хотелось сменить обстановку, потому что я в последние два-три года постоянно находился в стрессовой ситуации. К тому же в Москве продолжались поиски пособников гэкачепистов, а в Киеве – «врагов демократии и зарождающейся украинской само-

стийности». Я не знал, какие официальные отзывы или досужие домыслы могли сопровождать меня вдогонку из Киева в тогдашней обстановке, когда по уголовным делам продолжались прокурорские расследования, «как вел себя и чем занимался 19–21 августа». Я был готов за свои принимаемые действия в августовские дни отвечать с чистой совестью, но все-таки какие-то внутренние, скорее интуитивные, опасения сохранялись. Вдруг кто-нибудь из моих щирых украинских друзей поступит, как в известном анекдоте, когда большей радости в жизни не бывает, если у соседа «корова сдохла или хата сгорела». Словно в воду глядел. Действительно, даже среди депутатского корпуса в мой адрес начинали раздаваться голоса, что я вывез в Россию из незалежной Украины важные государственные секреты. Видимо, это национальная особенность, когда в отношениях проявляется скандальность, подозрительность, зависть, придуманная разоблачительность. Очень часто в политической жизни, наверное в патологической наследственности, бытует, что когда уходит (или его уходят) руководитель, то за ним следом появляются сплетни, слухи, мелочные разборки, вытекающие из непорядочности мелких людей.

В КГБ СССР к руководству пришли новые люди, которых я раньше не знал. Из членов прежней Коллегии Комитета или заместителей Крючкова на службе в органах безопасности никого не осталось. Признаюсь, что в те дни мое психологическое состояние приближалось к подавленному и депрессивному. Я возвращался в Москву и не узнавал столицу – так кардинально изменилась столичная жизнь. Спасало постоянное общение и дружеская поддержка двух моих коллег – Александра Бабушкина и Геннадия Мартынова (помощника Чебрикова по пограничным вопросам). А в остальном у меня ни московской прописки, ни работы, ни квартиры или дачи не было.

Тогда я впервые почувствовал себя в известной степени в одиночестве, ощутил, что за время моего почти пятилетнего пребывания на Украине много воды утекло. Даже внешне изменились ранее существовавшие в КГБ порядки: в здании, где располагались режимные этажи с кабинетами руководства и куда без специального пропуска не могли пройти оперативные сотрудники, бродили иностранные журналисты, какие-то бородатые и непричесанные личности без галстуков и в джинсах. Сотрудники КГБ даже в глубинке не разрешали себе подобных вольностей во внешнем облике.

В Москве я встретился с Бакатиным. С ним предстояло решить вопросы моего увольнения или продолжения дальнейшей службы в органах госбезопасности. Он демонстрировал себя как политик государственного ранга, стремился быть на виду, делал многочисленные и зачастую противоречивые заявления средствам массовой информации, что не свойственно руководителям спецслужб. Бакатин проводил встречи с иностранными послами, зарубежными делегациями, принимал в своем кабинете скандальных диссидентов, ранее выдворенных за антисоветскую деятельность из страны, а также уволенных за дискредитацию органов госбезопасности сотрудников. Стены председательского кабинета украсил собственными картинами. Я не знаток живописи, но мне нравились его пейзажи. Он неплохо рисовал, и в этом деле, мне кажется, его ожидали несомненные успехи, но не на поприще руководителя госбезопасности.

Бакатин посоветовал мне с учетом опыта и возраста не спешить с увольнением, продолжить службу, а за время отпуска, в котором я не был последние два года, обещал подобрать мне должность.

Я остался на несколько дней в Москве. У моего сына ожидался семейный праздник по поводу дня рождения годовалого внука Паши. Совсем недавно, в дни объявления ГКЧП, они были у меня в гостях в Киеве, но видеться практически не пришлось. Когда я пишу эти строки, у меня снова настоящий праздник: Павел, поступивший в МГУ на факультет высшей математики и кибернетики, закончил отличником первый курс. На подобные факультеты, как известно, без знаний, по знакомству или протекции в студенты не зачисляют. Своими склонностями он пошел в отца, который заканчивал факультет теоретической и экспериментальной

физики Московского инженерно-физического института. Стал студентом и его младший брат Илья: поступил в МИФИ на факультет автоматики и электроники.

Я вернулся в Киев, и буквально в день моего приезда позвонил Бакатин с предложением возглавить секретариат КГБ СССР, начальник которого просил перевести его с этой специфической управленческой должности на оперативную работу.

Должность руководителя секретариата КГБ СССР (Управление делами) не является чисто канцелярской, бумажной работой, как иногда это себе представляют. Секретариат – своего рода штабное подразделение КГБ, где сходятся все потоки управленческой, организационной и информационной работы, ведется нормативно-правовая деятельность, подготовка решений Коллегии, осуществляется контроль за исполнением поручений руководства, рассмотрение писем и заявлений, и это не полный перечень задач. Аппараты помощников, консультантов, референтов, подчиненных председателю КГБ СССР и его заместителям, входили в состав секретариата. Во времена Андропова многие годы это подразделение возглавлял Крючков. Сын знаменитого ленинградского руководителя Алексея Кузнецова, расстрелянного в октябре 1950 года, воспитанный в семье А. Микояна, помощник секретаря ЦК А. Яковлева, отказался от такого предложения. Я же согласился, подчеркнув, что после предоставленного отпуска буду готов выполнять знакомые мне обязанности. «В Москве необходимо приступить к работе через три дня», – в этом был весь Бакатин, категоричный, уверенный и решительный в принимаемых решениях и своих приказах.

К хорошо известной мне работе я приступил 28 ноября 1991 года. Мои друзья недоумевали, почему я согласился на существенное понижение в должностной служебной иерархии. В секретариате меня встретили как своего, родного, и у я испытывал такое чувство, что вернулся в знакомый дружный коллектив, который вроде бы и не покидал.

Советскому Союзу оставалось существовать около месяца. Комиссия по уничтожению КГБ СССР завершала свою работу. Следует еще раз заметить, что ни одна государственная структура в стране после ГКЧП не подвергалась такому разгрому. Бакатин пришел в КГБ даже с такой идеей: будущие российские спецслужбы не обязательно должны строиться по военизированному принципу, он сам отказался от повышения в воинском звании. Бакатин утверждал, что милитаризация спецслужб неизбежно ведет к жесткой иерархии, погоне за звездами, насаждению духа казармы. Во многих странах мира спецслужбы строятся на гражданской служебной основе. А когда в руководстве спецслужбы и даже во главе департаментов стоят генералы армии – это уже явный перебор.

Перед Бакатиным были поставлены сложные задачи реформирования органов госбезопасности. Выбор возможных вариантов для этого был широк: от полной ликвидации КГБ, увольнения всех кадров, как это было сделано в некоторых европейских странах, где прошла процедура люстрации, до коренного дробления системы. Бакатин пошел по пути, как он признавался, «варианта реформ, а не разрушения». Он хотел сделать так, «чтобы КГБ не представлял угрозы для общества, не допуская при этом развала системы государственной безопасности».

На базе Комитета, который, по выражению Бакатина, по сравнению с МВД выглядел «карликом», создавались несколько разрозненных, слабо координируемых, часто конкурирующих между собой самостоятельных служб: Межреспубликанская служба безопасности (В. Бакатин), Центральная служба разведки (Е. Примаков), Комитет правительственной связи (А. Старовойтов), Комитет по охране государственной границы (Я. Калиниченко). Финансирование этих ведомств осуществлялось за счет союзного бюджета. Реформаторы мотивировали необходимость подобных преобразований интересами недопущения такого положения, при котором органы госбезопасности могли бы становиться в будущем инструментом антиконституционных действий или организатором государственных заговоров.

Руководители создаваемых структур в ведомственных спорах делили интеллектуальный и оперативно-технический потенциал прежнего КГБ СССР, здания и кабинеты, вспомогательные службы научного, материально-технического, медицинского обеспечения. Каждый из них стремился шумно тянуть одеяло на себя. Между прочим, тогда мало кого волновали разбитые судьбы или перспективы дальнейшей службы оперативных сотрудников, которые были втянуты в жестокий круговорот в связи с действиями ГКЧП, последовавшими проверками новыми демократическими властителями их политической (вернее личной) благонадежности по отношению к новым властям.

Все перестроечные, реформистские идеи крутились в Москве, возможности Бакатина как руководителя КГБ СССР в рамках еще живого Союза оказывать хотя бы какое-нибудь позитивное влияние на создавшуюся обстановку и положение вокруг сотрудников органов госбезопасности в союзных республиках были ограниченными или вообще отсутствовали. «Неужели кто-то мог надеяться, что Кравчук потерпит у себя в Киеве подчиненный центру КГБ Украины?» – рассуждал Бакатин.

Образование новых разрозненных спецслужб происходило в обстановке утраты нашей страной статуса великой державы, усиливающегося экономического паралича и криминализации общества, увеличения межнациональных столкновений на территории союзных республик. Слабые спецслужбы грозили обернуться катастрофой для демократической России: назревала необходимость существенного усиления борьбы с нарастающим внутренним и международным терроризмом, местническим сепаратизмом, попытками раздробления страны на удельные автономные владения.

Окунувшись с первых же дней в проекты разрабатываемых правовых документов, в знакомую работу по регуляции потоков политической и оперативной информации, я с некоторым опасением наблюдал за происходящим в стенах КГБ и за его пределами. Все больше убеждался в правильности принятых решений при образовании СНБУ, когда формирование украинской спецслужбы проходило, хотя и нелегко, но без междоусобных ведомственных споров и катаклизмов.

В последовавшем после ГКЧП развале КГБ в адрес Бакатина было брошено достаточно серьезных обвинений. Некоторые из них заслуженные, но в те времена не все было так однозначно. Редкие сотрудники спецслужб представляли себе, а тем более владели подлинной картиной того, как в действительности развивались взаимоотношения КГБ СССР с реформируемыми в самостоятельные подразделения АФБ, ФАПСИ, Пограничными войсками. Многим руководителям отпочковавшихся структур согревало душу стремление к самостоятельности, повышению статуса в государственной иерархии своего ведомства, пусть и кустарного.

Три технических управления КГБ СССР: правительственная связь, службы шифрования и радиоэлектронной разведки – образовали Комитет правительственной связи (позднее ФАПСИ). Его шеф А. Старовойтов быстро приспособил создаваемое ведомство и своих приближенных к рыночным условиям, создавал коммерческие структуры, сдавал в аренду банкирам и другим богачам каналы засекреченной правительственной связи. Дошло до такого состояния, что он присвоил звание полковника известному авантюристу, скандальному адвокату Д. Якубовскому. Неспроста в этой системе вскоре последовали аресты ряда ответственных сотрудников за финансовые злоупотребления. Бакатин отмечал, что ему «не очень понравилось» стремление руководства ФАПСИ раздуть структуру и выбить побольше генеральских должностей. Там, где в КГБ было три управления, стало шестнадцать, а количество генералов «неимоверно возросло».

Бакатину приходилось нелегко, он волновался, его настроение часто менялось, он переходил от одного психологического состояния к другому, был излишне категоричен и скоропалителен в принимаемых решениях и собственных суждениях.

От разваливающихся, реформируемых и перестраивающихся структур разведки и контрразведки он требовал высокой профессиональной отдачи. Сам же справедливо подчеркивал, что создать новую спецслужбу «одним приказом наивно и невозможно», ссылаясь на собственный опыт образования МВД России, когда для этого ему в свое время понадобился почти год. Особое недовольство Бакатин высказывал деятельностью разведывательных служб, делал публичные заявления о том, что из Первого главного управления продолжает поступать «информационный мусор, который зачастую имел не большую ценность, чем вырезки из газет». По его непререкаемым оценкам, разведке «не хватало четкого выбора политических приоритетов, нравственных ориентиров, понимания того, для кого и во имя чего она работает». Он считал, что «для спасения разведки» ее надлежит выделить из состава ведущих подразделений КГБ и преобразовать в независимую спецслужбу. Руководство разведки во главе с Л. Шебаршиным вторило этому, придерживалось подобных позиций и в ответ имело смелость заявлять, что самостоятельность разведывательной службы позволит избавиться «от неприятного кагэбэшного хвоста» и поможет в дальнейшем «спасти саму разведку от некомпетентных, залихватских и недоброжелательных действий Бакатина».

С мая 1991 года самостоятельный российский КГБ, несмотря на усилия его председателя В. Иваненко, оставался практически не сформированным и не укомплектованным личным составом. Теперь он начал преобразовываться в Агентство федеральной безопасности (АФБ) России. Как и в период Крючкова, это снова повлекло множество разногласий с центральным аппаратом КГБ СССР в распределении решаемых оперативных задач, полномочий в руководстве территориальными органами, требованиях передачи в ведение республиканской спецслужбы всех московских контрразведывательных подразделений и, наконец, в столкновении личных взглядов и амбиций руководящего состава обоих ведомств. Бакатин и Иваненко были вынуждены выступить с совместным заявлением и заверить общественное мнение в том, что между образуемыми структурами госбезопасности «нет неурядиц и непримиримых противоречий». «Конечно, формирование АФБ и реформирование МСБ – процесс сложный, не исключающий возможности возникновения известных разногласий по частным вопросам… Полагаем, что информация о соперничестве МСБ и АФБ России имеет целью посеять семена раздора между этими двумя организациями и наносит вред общему делу обеспечения безопасности России и других суверенных государств», – успокаивали общество Бакатин и Иваненко.

Под руководством Бакатина велась интенсивная работа по формированию Межреспубликанской службы безопасности СССР, которая в организационном и координирующем плане должна была заменить союзный КГБ СССР. Предпринималась последняя попытка на развалинах державы сохранить централизованную систему государственной безопасности. Разрабатывались единые подходы к организации работы органов безопасности, в том числе союзных республик, как тогда провозглашалось, с целью «наиболее эффективного использования создаваемой службы в интересах СССР и всех суверенных республик».

МСБ – детище творчества Бакатина, в которое он вложил имевшийся опыт прежних преобразований в системе МВД.

Межреспубликанская служба безопасности планировала взять на себя осуществление главных задач: контрразведывательной работы по предотвращению и пресечению деятельности спецслужб иностранных государств и зарубежных организаций, наносящих ущерб безопасности Союза и республик, контрразведки в вооруженных силах страны, борьбы с международной организованной преступностью, терроризмом, контрабандой, наркобизнесом. МСБ намечала сохранить за собой научно-исследовательские институты и производственные мощности по разработке, изготовлению специальных технических средств, а также учебные заведения для подготовки молодых сотрудников и повышения квалификации кадров спецслужб всех суверенных республик.

МСБ становилась подчиненной непосредственно Президенту СССР, а контроль за ее деятельностью возлагался на Государственный совет СССР. Штатный состав сотрудников предполагался в количестве около 45 000 человек.

Главное в компетенции МСБ – это выработка общих принципов деятельности органов безопасности республик и координация их действий в целях наиболее эффективного использования имеющихся оперативных возможностей в интересах безопасности Союза и союзных республик. Бакатин стоял на точке зрения необходимости объединения усилий всех союзных республик в борьбе со спецслужбами иностранных государств и подчеркивал, что в новых реальностях «ослабления активности спецслужб других государств на территории Советского Союза не было замечено. Более того, она даже возросла и все чаще проявлялась в деликатных предложениях нашим соотечественникам об оказании им помощи при каких-либо финансовых затруднениях». Выражаясь проще, речь шла о покупке нужных спецслужбам бывших советских граждан, корыстных мотивах их сотрудничества с западными разведорганами. Уже тогда у некоторых министров и чиновников появились валютные счета в зарубежных банках, а их жены и родственники устраивались на работу в иностранных фирмах.

Вместе с тем в комментариях Бакатина при обосновании создания МСБ содержалось много наносного и дилетантского, примерно такого, как упоминалось о его личной низкой оценке деятельности советской разведки. О контрразведке страны он также позволял себе делать заключение, что эта работа «ранее заключалась чуть ли не в поголовном контроле за всеми иностранцами и знакомыми с ними советскими гражданами». Конечно, это полный абсурд, что может подтвердить рядовой оперативный работник-контрразведчик. Бакатин считал необходимым направить оперативные возможности и профессионализм сотрудников контрразведки на борьбу с организованной преступностью, в том числе международного характера: контрабанда, валютные операции, терроризм, наркотики. Этими направлениями советские спецслужбы занимались, образно говоря, сто лет; контрразведка КГБ никогда не проходила мимо разоблачения международной преступности, но одновременно не утрачивала своей основной задачи по пресечению разведывательно-подрывной, шпионской деятельности против СССР иностранных разведок и иных враждебных центров противника.

В новом органе МСБ Бакатин хотел реализовать свое видение: «…от идеологии вседозволенности и тайного насилия прийти к осознанию необходимости строгого соблюдения законности и прав человека… Видеть смысл деятельности спецслужб не в поисках внутренних и внешних врагов, а в стабилизации общественных отношений». На заседании Государственного совета СССР при представлении МСБ Бакатин пошел дальше, называя в числе задач помощь становлению рыночных отношений, борьбу с искусственным монополизмом. «Без этого идея «свободных» цен погибнет в зародыше, и свободу будет диктовать рыночная перекупочная мафия. Мы не должны быть в стороне и от борьбы с инфляцией, имея в виду, что успех здесь определяется, прежде всего, политической поддержкой, согласием общества, а уж потом профессионализмом экономистов…»

Если судить по выступлениям Бакатина, в которых он говорит о задачах, то получается не спецслужба, а облако в штанах. Когда направления деятельности спецслужбы определяются вплоть до борьбы с инфляцией, то становится понятным, почему руководители союзных республик на Государственном совете ответили, что обойдутся без МСБ. Но бюрократическая машина продолжала работать. 28 ноября 1991 года Президент СССР Горбачев утвердил Временное положение о Межреспубликанской службе безопасности СССР во главе с Бакатиным, который оправдывался, что «не пытался разрушить КГБ, как мне приписывают, а лишь хотел изменить главное монопольное направление его деятельности – найти врага и уничтожить». Он хотел, чтобы это был «государственный орган, который служил бы людям, защищал, а не карал их».

Бакатина критикуют за то, что, находясь в кабинете на Лубянке, он отмечал в органах государственной безопасности СССР только негативные стороны деятельности. В силу своих разрушительных предубеждений он не сумел подняться до осознания истинного назначения органов госбезопасности. О деятельности КГБ союзных республик он не имел объективной информации и общего представления. Бакатин обвинял КГБ в том, что для достижения своих целей он не останавливался перед проведением мероприятий «даже явно провокационного характера». Это заведомая и злая ложь, как и его заявления, что КГБ был «охранителем единомыслия» и идейных основ, стоял у истоков «создания интернациональных фронтов» в союзных республиках. Очевидно, что нападок и обобщений здесь больше, чем было интерфронтов.

Конечно же, многое определялось в кабинетах зданий ЦК на Старой площади. Но вместо усилий по укреплению системы государственной безопасности Бакатин, в надежде найти крамолу на КГБ, давал указание провести дополнительное расследование возможной причастности прежнего руководства КГБ СССР к покушению в мае 1981 года на Папу римского, выяснение обстоятельств смерти в 1946 году шведского гражданина Валленберга, затребовал из Белоруссии материалы пребывания в СССР гражданина США Освальда, обвиненного в убийстве президента США Кеннеди.

Представляется, что, получив напутствие Горбачева разрушить КГБ СССР, Бакатин ринулся с ходу в карьер, начав давать нелицеприятные оценки органам безопасности, сотрудникам разведки и контрразведки. Он высмеивал чекистов в пресечении «экономического саботажа», их хождение по магазинам «в поисках припрятанных консервных банок», мол, милиция этим лучше занималась. Но подобная задача вменялась органам КГБ высшей законодательной властью, а не желанием самих органов госбезопасности. Выходит, что милиция все-таки не дорабатывала и не справлялась со своими обязанностями.

Заявления Бакатина отличали его, к примеру, от Примакова, с которым они вышли из гнезда Горбачева – Совета безопасности и вместе пришли в новую для них сферу особой профессиональной деятельности. Евгений Максимович Примаков в качестве директора Службы внешней разведки (СВР) начинал не с разгромной критики существовавшей в стране системы разведки и контрразведки, не выискивал и не выбивал чекизм, не унижал сотрудников советской разведки обвинением в том, что до его прихода их служба государству была бездарной. Примаков сделал многое, чтобы снизить незаслуженно создаваемое отрицательное мнение в отношении советской разведки, чтобы в нее не летели камни. Вместе со своими заместителями, кадровыми советскими разведчиками, он стал заниматься приданием нового имиджа внешней разведке независимой России, поиском надлежащего ей места в условиях распада советской сверхдержавы, противостоянием наступающей глобальной агрессивной политике США. Они оба еще недавно летали в одном лайнере в крымский аэропорт «Бельбек», чтобы освободить Горбачева от «форосского заточения» и гарантировать ему личную безопасность. И Бакатин, и Примаков открыто признали антиконституционным актом введение чрезвычайного положения и приход к власти в стране ГКЧП, требовали убрать с улиц столицы бронетехнику и военные подразделения, чтобы не допустить кровопролития.

Бакатин интересен тем, что терпел поражения и снова поднимался. После освобождения с поста руководителя МВД некоторое время был вне государственных дел, но закончил активную общественно-политическую карьеру тем, что баллотировался кандидатом в Президенты России. Его убеждали в том, что если не будет критиковать и ругать Горбачева в ходе выборов, то не сможет быть избранным Президентом, но он не пошел на этот шаг.

Как и многие из нас, поумневшие задним числом, Бакатин признается в том, что его мучает совесть за то, что участвовал в сотворении кумира из Горбачева, когда был рядом с ним и надеялся, что тому виднее, куда вести страну и какие решения принимать. Он не принадлежит к тем лицам, кто пытается всю вину за просчеты в развитии общества отнести только на Горбачева, но считает, что под его предводительством страна оказалась в положении «стада

овец, брошенного при грозе пастухом-поводырем». Но, как ни крути, он оказался пособником Горбачева в действиях по развалу страны. «Моя роль в команде Горбачева сыграна. Она была странной и интересной», – подводил итог своей деятельности Бакатин.

С ним я проработал недолгое время, встречался несколько раз в день с конца ноября до окончания декабря 1991 года. Мы, ровесники по возрасту, ранее не были знакомы, но вышли из одной «заводской проходной» – пролетарского сибирского Кузбасса, который выводил нас, молодых специалистов, после окончания вузов на самостоятельную трудовую дорогу. Он прошел после института путь строителя от рядового мастера до главного инженера крупного комбината «Кемеровохимстрой». В 1973 году начал успешную партийную карьеру – от секретаря Кемеровского горкома партии до инспектора ЦК КПСС. Впервые я увидел Бакатина (наши пути ранее не пересекались) в Москве на похоронах Владислава Ивановича Алешина, одного из достойнейших чекистов страны. Уже в те годы ответственный работник ЦК КПСС Бакатин позволял делать недопустимые для своего ранга высказывания в адрес организации «под названием КГБ», она у него «никогда большим уважением не пользовалась».

С молодым, энергичным первым секретарем Кемеровского обкома партии Бакатиным я встретился на XIX Всесоюзной партийной конференции. После доклада Горбачева он открывал прения первым и произвел своей речью сильное впечатление. Это было необычным. Многие спрашивали, почему первым выступил лидер трудовой глубинки, а не Москвы или из руководства республик. Он приветствовал идеи перестройки, которые во многом изменили жизнь страны, ставил фундаментальные вопросы справедливого распределения бюджетных средств, укрепления реальной власти местных советов, возвращения им «первозданной сути» в местном самоуправлении. Говорил о необходимости усиления авторитета Компартии, чтобы «воплотить в жизнь главный лозунг перестройки – «больше социализма» и не потакать попыткам поставить партию под контроль каких бы то ни было самодеятельных групп». Провозглашая социалистический выбор, Бакатин впоследствии замечал, что резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции, если использовать большевистскую фразеологию, были уже «ревизионистскими».

Находясь в обойме руководящей номенклатуры ЦК партии, Бакатин назначается министром внутренних дел СССР. Солидная и крутая карьера для строителя, но Горбачеву в этой правоохранительной системе нужен был свой человек, преданный ему политик из близкого партийного окружения, а не профессионал, борец с уголовной преступностью. Будучи министром, Бакатин отстаивал приоритет союзных республик в руководстве органами внутренних дел на своей территории. В этой связи передал многие союзные полномочия и значительные права местным органам МВД. Вследствие этого решения, например, азербайджанская милиция не выполнила задач во время армянских погромов, бездействовала. Министерство внутренних дел разваливалось по национальным (были факты и на Украине), идеологическим признакам, но Москва до поры до времени на это не реагировала. Целостность системы МВД разрушали Верховные советы союзных республик, реально препятствующие использованию личного состава МВД за пределами национальных республик.

Чебриков делился со мной тем, что Бакатин не прислушался к его советам при напутствии министром внутренних дел страны: не спешить делать выводы, не форсировать реорганизацию системы МВД; она огромная, громоздкая, необходимо время, чтобы ее поднять.

Я наблюдал скандальное выступление Бакатина на Съезде народных депутатов СССР. Страна смотрела по телевизору, словно шоу, как детально министр внутренних дел рассказывал народным депутатам детективную историю о покушении на Ельцина (на него якобы напали «и в завязанном мешке сбросили» с высоты более десяти метров с моста в Москву-реку). Слухи оказались не соответствующими действительности, не

заслуживали внимания депутатов и вынесения на обсуждение Съездом народных депутатов СССР. Горбачев не упустил возможности организовать политический шантаж в отноше-

нии своего врага Ельцина, представляя сплетни как событие первой величины. В ответ Ельцин сделал резкое заявление: министр Бакатин не имел ни профессионального, ни морального права, смешивая ложь с правдой, распространять слухи, порочащие в глазах общественности личное достоинство народного депутата СССР.

Предстоящему увольнению с поста министра внутренних дел, вспоминает Бакатин, предшествовало характерное для того времени политическое событие, отражающее начавшуюся борьбу консервативных и либеральных кругов в высших эшелонах советской власти. В конце 1990 года при обсуждении складывающейся в стране обстановки на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС выступили Крючков, Бакатин и генеральный прокурор СССР Сухарев. Отмечалась нарастающая в стране волна межнациональных конфликтов, забастовочного движения, политической митинговой демократии. На вопрос «что делать?» председатель КГБ СССР Крючков внес предложение ввести в стране президентское правление. «КГБ был не в состоянии что-либо предпринять», – отмечал министр внутренних дел Бакатин. Гласность и плюрализм сделали спецслужбы бессильными в борьбе с теми, кто выступал против КПСС и советской власти. Методы открытых репрессий уже не годились. Бакатин выступил категорически против применения в стране чрезвычайных мер. На него сразу же посыпались обвинения: переметнулся к демократам, деполитизирует милицию, потакает сепаратистам, демонтирует централизованную структуру МВД страны в угоду союзным республикам. Бакатин в ответ: «Мне страшно за партию с такими членами Политбюро». Коммунистическая партия взяла курс на демократизацию – это чья политика? Не Бакатин ли ее придумал?

Бакатин защищался, как умел. В 1990 году при обсуждении вопроса о разрешении демонстрации демократических сил в Москве на заседании Президентского совета возникла дискуссия. Лукьянов высказал общее мнение – демонстрации не запрещать. Горбачеву это не понравилось. Бакатин заявил, что мирные демонстрации запрещать не можем: нет юридического права. «Тут Крючков резко, что не вязалось с его мягким обликом, потребовал наконец показать силу». Бакатин согласился: «Вот и покажите. Кто хочет запрещать, пусть свой запрет сам и реализует. Милиция этим заниматься не будет». Генеральный прокурор СССР Сухарев придерживался подобной позиции, на Политбюро заявил, что всю ответственность за сложившееся общее безвластие в стране нельзя переносить только на правоохранительные органы. Оба, Бакатин и Сухарев, вскоре были освобождены от занимаемых постов, но внутренняя обстановка после их ухода лучше не стала.

24 декабря 1991 года Бакатин покинул председательский кабинет. «Мне не нравилось работать на Лубянке», – скажет он. Но черная миссия могильщика, порученная Горбачевым и демократическим окружением по разрушению мощной системы обеспечения безопасности страны, увязывается все же с его личностью – последнего председателя в истории КГБ СССР. Бакатин вручил мне ключи и цифровые коды от председательского сейфа. Каких-либо актов о передаче документов, в том числе секретных пакетов на особый военный период, которые традиционно хранились в сейфе первого лица, не составлялось.

Я хочу сказать отдельно о некоторых делах Бакатина, которые мало кому известны. В последние дни до ухода из органов он решил несколько важных вопросов. В частности, Бакатин договорился с Ельциным о выделении двухсот миллионов рублей для выплаты зарплаты сотрудникам Межреспубликанской службы СССР. Союзного правительства уже не существовало, финансирование МСБ полностью зависело от российского республиканского бюджета. Когда не стало Союза, МСБ оказалась ничейной, и невыплата зарплаты сотрудникам оборачивалась значительным оттоком кадров, буквально крахом для сотрудников в условиях развивающейся инфляции и дороговизны.

Исключительно острой стояла проблема политического и материального выживания сотрудников КГБ, работавших в республиках Прибалтики. После развала СССР пришедшие к власти националистические правительства ликвидировали органы госбезопасности, отказы-

вали в трудоустройстве и выплате пенсий сотрудникам КГБ, организовывали гонения на ветеранов, бывших участников Великой Отечественной войны, борьбы с бандитским антисоветским подпольем («лесными братьями»). Особенно радикальной выглядела позиция литовских властей (6 сентября 1991 года независимость Литвы была признана Государственным советом СССР), где вводился прямой запрет принимать на работу сотрудников госбезопасности. КГБ Литовской ССР объявлялся «преступной организацией», кадровым советским сотрудникам запрещалось работать в течение десяти лет в госучреждениях, правоохранительных органах, банках, адвокатами и нотариусами. От них требовали зарегистрироваться в Департаменте госбезопасности Литвы (его возглавлял судимый за антисоветскую деятельность Гаяускас), раскрыть тайны по прежней работе, прежде всего о связях с бывшими агентами. По вопросам трудного материального положения литовских сотрудников в Москву чаще всего приезжал Багдонас, бывший начальник Каунасского горотдела КГБ. Я с ним был хорошо знаком, мы встречались, обсуждали возможные меры, как облегчить дальнейшую судьбу сотрудников в те тревожные дни. Была подготовлена специальная записка с предложением о выплате пенсий сотрудникам КГБ Литвы, Латвии и Эстонии из российского бюджета. Когда материалы были доложены Бакатину, он обратился по этому поводу непосредственно к Ельцину. С одобрения Президента России сотрудники КГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР были взяты на постоянное пенсионное обеспечение. Мне представляется, что такое разрешение проблемы с пенсиями для сотрудников КГБ в республиках Прибалтики – благородный государственный поступок со стороны Ельцина и Бакатина в отношении патриотов, устанавливавших и защищавших власть трудового народа в Прибалтике.

При министре Баранникове мы попытались распространить такое же положение на пенсионное обеспечение ветеранов КГБ союзных республик Закавказья, но ему, тогда очень близкому к Президенту, не удалось получить согласие Ельцина.

Один из созданных мифов в отношении Бакатина – чуть ли не совершенное им преступление, связанное с передачей американским властям схемы оборудования техническими средствами прослушивания комплекса зданий посольства

США в Москве. Еще в 1969 году при строительстве американского здания политическим руководством страны КГБ было санкционировано внедрение соответствующих систем для негласного перехвата информации, представляющей политический и оперативный интерес. Такие операции являются распространенным и рядовым явлением в практике спецслужб многих государств. В этот же период американское ЦРУ напичкивало жучками строящееся здание советского посольства в Вашингтоне. Соответствующие службы КГБ обнаруживали и изымали внедренную аппаратуру технического контроля в административных и жилых помещениях посольства СССР. В наших руках имелись вещественные доказательства технического проникновения американцами в строящееся здание посольства СССР.

Еще при Чебрикове американцы начали активный поиск внедренных технических средств, обследовав строящееся здание посольства с использованием специальных томографических приборов. Ничего реального, в том числе спецтехники, они не нашли, только обнаружили подозрительные пустоты в стенах. В связи с поисковыми работами техническое оборудование посольства США было прекращено, внедренная спец-аппаратура и соединительные кабели изъяты. Но дальнейшее строительство дипломатических зданий в Москве и Вашингтоне по изложенным причинам было заморожено на годы. На правительственном уровне американцы решили снести новое здание в Москве и одновременно запретили принятие в эксплуатацию построенного здания посольства СССР. В интересах развития отношений и укрепления доверия между СССР и США на высшем государственном уровне в нашей стране было принято встречное решение: сообщить американским властям об отсутствии причин для безопасной эксплуатации построенного ими здания, а в подтверждение передать схему мест расположения технических средств без раскрытия их параметров и технических характеристик. Это

была политическая инициатива советской стороны: на проведение указанной операции председателю КГБ Бакатину и министру иностранных дел Панкину было дано согласие Президента СССР Горбачева и Президента РСФСР Ельцина. Американцы были поставлены в известность о готовности советской стороны предоставить документацию, подтверждающую возможность безопасной эксплуатации здания посольства.

Специальная комиссия сотрудников КГБ СССР сделала заключение о возможности без нанесения скрытого ущерба передать американцам схему, указывающую, где могли располагаться подслушивающие устройства (заключение было завизировано руководителями (генералами) трех ведущих управлений КГБ СССР). После завершения переговоров ажиотаж вокруг этого возник в связи с нарушением американцами конфиденциальных договоренностей, а впоследствии, когда об операции стало известно из зарубежных радиопередач, – по причине отсутствия внятного объяснения действий руководства КГБ общественности, взволнованной выступлениями некоторых политиков. Я хочу подчеркнуть, что при осуществлении этой операции соблюдались высшие государственные интересы страны, а не лично Бакатина или других должностных лиц, обвинять которых не было даже формальных оснований, поскольку в стране отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну. Чебриков также не усматривал какой-либо вины Бакатина в передаче американцам схемы технических закладок.

Находясь в тюрьме, Крючков комментировал сообщение прессы о передаче Бакатиным схемы внедрения техники в построенном здании посольства США в Москве как ущерб от его действий: многоплановый, политический, экономический, оперативный, даже морально-психологический. Поражает необъективность Крючкова, ведь он-то был в курсе всех обстоятельств. Знал, что внедренные в здание посольства десяток лет назад тогдашние новинки фундаментальных научно-технических достижений уже устарели. Генеральная прокуратура занималась изучением скандальных обстоятельств и не нашла состава преступления.

Еще в мою бытность на Украине, в СНБУ поступали некоторые указания Бакатина. В частности, одно из них, запрещающее уничтожать какие-либо документы, в том числе архивные; другое – приказ от 9 октября 1991 года, регламентирующий использование оперативно-технических средств. Бакатин своим приказом отменил прежние инструкции, которыми запрещалось проведение оперативно-технических мероприятий в отношении политической номенклатуры, руководящих должностных лиц в государственных или партийных органах. Одновременно строго указывалось на недопустимость нарушения существующего статуса неприкосновенности народных депутатов и судей.

27 ноября 1991 года Государственный совет вернулся к рассмотрению Закона «О реорганизации органов госбезопасности». Суть предлагаемой реформы состояла в том, что централизованные органы безопасности страны в условиях независимости союзных республик существовать не могут. Комиссия под руководством Степашина внесла предложение «незамедлительно упразднить КГБ СССР и осуществить коренную реорганизацию его структур». Результатом этих преобразований являлось признание полной самостоятельности республиканских органов государственной безопасности.

Законодательного закрепления образования единых МСБ, Службы внешней разведки не произошло, так как не получило согласия руководителей суверенных республик, которые возразили даже против образования хотя бы элементарного координирующего союзного органа государственной безопасности. Причиной случившего явился срыв подписания Союзного договора, распад СССР.

Я знаю, что Бакатин был государственником. Он с полным правом заявлял, что большего вреда триаде КГБ – КПСС – СССР, чем нанесли путчисты, не мог бы вообразить в своих мечтаниях даже самый отъявленный антисоветчик. «Путч расчистил дорогу самому оголтелому антикоммунизму – большевизму наоборот».

Бакатин жаловался, что сотрудники органов государственной безопасности его не поняли и не приняли только по одной причине, что он пришел к ним из системы МВД. В отставке он подчеркивал, что до конца не знал, каким мощным органом является КГБ, и делал свой вывод о том, что это закрытое, совершенно секретное братство, объединяющее своеобразную элиту. Когда Ельцин спросил Бакатина, чем бы он хотел заняться в дальнейшем, он не скрывал, что не видит для себя места «в запутанных и полных разногласий российских структурах», считает неприличным «перескакивать из команды в команду». Оказалось, что ему ближе работа в структурах создающегося СНГ. «Ельцин согласился, мы по-доброму расстались». Позже Ельцин демонстративно проигнорировал желание Бакатина вернуться на государственную службу. «Бакатин? А кто это такой?» – как-то зло пошутил он перед журналистами.

Так исчезала возможность служения Отечеству многих достойных, испытанных личностей. На подаренной мне книге «Дорога в прошедшем времени» Вадим Бакатин написал о периоде нашей кратковременной совместной работы: «Верно стране служили, а главное – не врали и не воровали».

Глава шестая
От ГКЧП до беловежских соглашений

После подавления ГКЧП и принятия парламентами решений о прекращении деятельности Коммунистической партии в России и Украине началась полоса разработки других важных законодательных актов, изменивших нашу страну СССР.

5 сентября 1991 года собрался Съезд народных депутатов СССР. Народные депутаты осудили действия гэкачепистов и подчеркнули, что в результате «государственного переворота 19–21 августа 1991 года» был поставлен под угрозу процесс подписания нового Союзного договора и формирования союзных соглашений между суверенными республиками. Отмечалось, что подавлением «августовского заговора» нанесен серьезный удар по всему негативному в стране, по реакции, которая сдерживала процесс обновления и дальнейших демократических преобразований. Оценки прошедших августовских событий были самыми суровыми.

Съездом было принято специальное постановление: документ содержал принципиальные оценки современного периода и перечень государственных мер по дальнейшему обустройству нашего общества. Все мы надеялись, что теперь жизнь народа пойдет по демократическому пути, но жестоко ошиблись.

В целях недопущения дальнейшего распада страны депутаты решили установить переходный период для формирования новой системы государственных отношений, основанной «на интересах народов и волеизъявлении республик». В качестве конкретных шагов в этом направлении предусматривалось ускорить подписание договора о Союзе независимых государств (СНГ), в котором каждая из бывших союзных республик может самостоятельно определить форму своего участия в Союзе: жить в условиях федерации, конфедерации или даже ассоциативного членства. Депутатский корпус согласился поддержать стремление союзных республик по признанию их субъектами международного права и рассмотрению вопроса о возможном их вступлении в членство в ООН. Одновременно народные депутаты попытались узаконить порядок обретения полной независимости и цивилизованного развода с республиками, решившими отказаться от вхождения в новый Союз. Определялась процедура проведения переговоров республик и СССР по целому комплексу вопросов, связанных с возможным отделением, а также немедленным их присоединением к Договору о нераспространении ядерного оружия и другим важнейшим международным соглашениям, включая те, которые гарантируют нерушимость существующих границ, права и свободы личности.

Эти положения были исключительно важны при угрозе развала страны во избежание возможных территориальных притязаний и пограничных споров между республиками, эксцессов при разделе собственности, в целях недопущения кровавого югославского варианта. Некоторые союзные республики, в частности Украинская ССР, к этому времени в одностороннем порядке объявили о своей независимости и решении о выходе из СССР. В отдельных республиках наблюдался паралич местной власти, разжигались межнациональные, межэтнические конфликты, вплоть до вооруженных столкновений (Армения, Азербайджан, Таджикистан).

Предусматривались и другие серьезные меры, в частности необходимость проведения народных референдумов при рассмотрении вопросов о желании выхода республик из состава СССР. В выступлениях многих народных депутатов содержалась тревога за обеспеченность законных интересов граждан в своих республиках.

Народные депутаты СССР поддержали создание новых органов государственной власти и управления Союзом ССР в переходный период. В СССР, по существу, установилось совершенно новое государственное устройство. Вместо Совета министров СССР суверенные республики образовали Межреспубликанский экономический комитет для координации управления народным хозяйством, проведения согласованных экономических реформ и социальной

политики. При активном участии Горбачева началась дискредитация существующего Верховного совета СССР, правительства страны, ликвидация и сокращение многих союзных министерств, развернулись огульная критика и гонения некоторых союзных министров.

Представители высшего союзного руководства, казалось, чувствовали себя виноватыми и ответственными за последствия ГКЧП: должность вице-президента страны упразднялась, продолжались уступки расширяющимся амбициям союзных республик. Особенно отличались российские руководители, которые видели себя победителями в успешном захвате многих властных союзных полномочий, достижении верховенства и приоритета республиканского законодательства над союзным, отстаивании других непомерных запросов. Союзным республикам предоставлялось исключительное право приостанавливать действие союзных законов на их территории, если они не соответствовали местным Конституциям и правовым нормам. Проголосовав за подобное реформирование государственной власти, народные избранники тем самым способствовали окончательному расчленению и ослаблению всей системы жизнедеятельности СССР. Более того, народные депутаты СССР вынесли смертельный приговор самим себе – советскому парламентаризму, который объективно можно было рассматривать как реальное достижение демократических преобразований в стране. Высший орган законодательной власти – Съезд народных депутатов СССР – принудили к самороспуску при явном нажиме Горбачева и псевдодемократических депутатских группировок. В переходный период признавалось нецелесообразным проведение очередных Съездов народных депутатов СССР. Изгнания с политической арены Съезда требовали очумелые толпы митингующих у кремлевских стен, которых мобилизовали демократические российские депутаты и московские городские власти. От выхода из Кремля и на всем пути до гостиницы мы, народные депутаты СССР, подвергались всяческим оскорблениям.

Как институт высшей государственной власти Съезд просуществовал недолго, его постигла такая же печальная участь, как и само социалистическое государство СССР, которое представлял последний состав народных депутатов СССР. Многих народных избранников преследовала общая беда: оторванность от народа и его повседневных забот в территориальных округах. Проявлялось заметное стремление некоторых депутатов прибегнуть к популизму, демагогии, когда наблюдались очереди у микрофонов и выступления превращались в телевизионное шоу. Население страны жаждало видеть дебаты, столкновения мнений, ждали выступления ставших популярными депутатов, ведь такое необычное явление впервые появилось в истории союзного парламента и в целом в жизни СССР.

Создаваемые депутатские комиссии, в частности для расследования региональных чрезвычайных происшествий, в своих заключениях выносили одностороннюю трактовку, а не всю правду. Так было в отношении к вооруженному конфликту в Нагорном Карабахе, когда депутаты от Армянской ССР говорили прямо противоположное мнению азербайджанских депутатов; подобная ситуация наблюдалась в вопросе изгнания турок-месхетинцев в Узбекистане и Киргизии, где кровавые межнациональные распри первоначально пытались преподносить как обычные уголовные разборки «продавцов клубники».

После возвращения из Фороса Горбачев превратился в политического заложника: российское руководство во главе с Ельциным последовательно захватывало власть, коммунисты перестали верить Горбачеву, а демократические силы от него отвернулись. Оправдываясь, он рядился в личину великомученика, делал заявления, что, мол, не разобрался в собственном ближайшем окружении, был застигнут врасплох их вероломством. Президент СССР Горбачев не осмелился признать незаконными правовые акты российских властей, подчинивших в дни ГКЧП своей юрисдикции вооруженные силы, внутренние войска, госбезопасность, ряд ведущих союзных государственных ведомств.

В зале заседаний Верховного совета РСФСР Горбачев пережил унижение, когда Ельцин демонстративно при полной растерянности Генерального секретаря КПСС, находившегося на

трибуне российского парламента, подписывал указ о приостановлении деятельности КПСС. В результате начались захваты зданий Центрального комитета, райкомов партии, стали громить революционные памятники. Наиболее откровенен был Ельцин в желании устранить Горбачева, по милости которого, говорил он, страна стоит в раскорячку: одной ногой в административной системе, другой – в демократии. «А нам нужно обеими ногами в демократии».

Раньше мне думалось, что в верхних эшелонах руководства страны идет борьба за демократию, лучшую жизнь народа, а позднее понял, что на самом деле это было столкновение ради захвата власти и последующего грабежа общенародной собственности.

15 ноября 1991 года Министерство экономики и финансов России забирает все подразделения Министерства финансов СССР в свое подчинение, прекратив финансирование союзных ведомств. Окончательно основные рычаги управления страной были подорваны решениями российских властей о передаче им в полное финансово-хозяйственное ведение Государственного банка СССР, его ресурсов и технической базы.

25 ноября Государственный совет (главы суверенных союзных республик) собрался в резиденции Горбачева в Ново-Огареве, чтобы окончательно определиться с подписанием Союзного договора. В обсуждаемом тексте договора сохранялось союзное государство, хотя по своему устройству оно было уже не федеративное, а ближе к конфедерации. Но в самом начале встречи Ельцин сообщил присутствующим об отказе России подписать Союзный договор. Белорус Шушкевич поддержал российского Президента под предлогом того, что не «успел показать» депутатам в своем республиканском парламенте окончательное содержание договора. Украина стояла на твердых позициях провозглашенной государственной независимости, поэтому Кравчук «тщательно скрывал свои мысли». Помощник Президента СССР Г. Шахназаров вспоминает, что Кравчук редко вступал в дискуссии по тексту договора, но за собственные поправки держался цепко, хотя делал это без нажима, не в такой резкой и безапелляционной форме, как Ельцин. Когда обсуждение касалось общих политических вопросов, Кравчук как идеолог чувствовал себя рыбой в воде. Требующие специальных познаний юридические тонкости ему приходилось растолковывать, у него «особой сметки при этом не проявлялось». При обсуждении проекта нового Союзного договора Кравчук и его единомышленники выдвигали все больше дополнительных оговорок. Он считал возможным существование центральной державы «с переводом стрелок и прав на союзные республики», не исключал возможность объединить элементы федерации и конфедерации. Нужен такой Союз, который помогал бы обеспечивать независимость, стабильность, экономическое благосостояние, ядерную и экологическую безопасность Украине.

Решение украинского парламента отложить на два месяца рассмотрение проекта договора вызвало сенсацию на Западе, который стал считать, что от Украины зависит окончательная судьба Союза. Это давало козыри в руки Кравчука. Он старался прикрывать свои противоречивые высказывания по поводу дальнейшего существования Союза несговорчивостью украинских депутатов.

Ельцин сообщил Горбачеву о планируемой им поездке в Минск для встречи с Шушкевичем, куда намеревался пригласить и Кравчука, чтобы «сделать все возможное» для убеждения украинцев присоединиться к подписанию Союзного договора. В Беловежье белорусская сторона готова была рассматривать вариант нового Союза, но украинская делегация (Кравчук, Фокин) приехала, выражаясь словами видного российского политика и юриста Сергея Шахрая, для того, чтобы «сделать всем ручкой». Кравчук признавался, что Ельцин привез с собой текст Союзного договора и предлагал украинской стороне внести в него любые изменения и дополнения, даже пересмотреть целые параграфы ради того, чтобы Украина подписала согласованный с другими республиками договор. Ельцин готов был подписать Союзный договор после получения согласия Украины, от которой зависело дальнейшее существование братского союзного государства – Советского Союза.

Однако Кравчук отказался подписать федеративный Союзный договор. Его заявления сводились к тому, что в случае выхода из имперского Союза «для Украины никакой катастрофы не будет» потому, что она потенциально богатое государство, а свое поведение на встрече Кравчук оправдывал «волей украинского народа» и мандатом, по которому 92 % жителей республики проголосовали за независимую республику.

Подписание Беловежских соглашений трех республик окончательно завершило крушение СССР. Мощное государство распадалось на независимые страны в границах союзных республик, ставших вотчиной прежних коммунистических вождей, превратившихся в одночасье в национальных патриотов, сверхдемократов, местных ханов и баев.

После совершения этого судьбоносного акта Ельцин позвонил в Вашингтон и сообщил своему американскому коллеге о свершившемся. Джордж Буш-старший был доволен. Еще бы! Так легко и быстро желаемое было достигнуто, что даже Генри Киссинджер, составлявший когда-то план разрушения СССР, был удивлен и обескуражен: «Я-то думал, что это действо еще долго будет длиться».

Была реализована заветная мечта глав республик, участвовавших в встрече на белорусской земле: захват власти в России, Украине, Белоруссии в свои руки, устранение действующего Президента СССР Горбачева. Работа пошла бойко. Как выразился Кравчук: «Оказывается, можно все решать оперативно, если на дороге нет бревна, которое называется центром».

Участники беловежского собрания, по моему мнению, представляли собой своеобразный ГКЧП-2 с единственной разницей, что августовский ГКЧП пытался чрезвычайными методами, с нарушением конституционных норм спасти от гибели Советский Союз, а собравшиеся в беловежских лесах братья-славяне такими же методами уничтожили Советский Союз.

Президент страны Горбачев имел полное право принять законные меры, вплоть до репрессивных, в отношении всех лиц, участвовавших в подписании Беловежских соглашений, которые формально ликвидировали существующий конституционный государственный строй. Но Горбачев не сделал ни одного шага, чтобы сохранить страну или хотя бы слегка припугнуть беловежскую троицу. Видимо, они ему оказались дороже всех тех соратников, которые находились под арестом в тюрьме «Матросская тишина».

Участники Беловежской встречи сами опасались, что в отношении предпринятых ими действий по ликвидации СССР могут наступить последствия, более тяжелые, чем после Фороса. «Кто решится силой пресечь нашу попытку хоть как-нибудь решить нашу проблему? КГБ? После отстранения Крючкова этой силы можно было не бояться», – свидетельствовал участник встречи С. Шахрай. Он оказался прав. Как вспоминает помощник председателя Бакатина Скуратов, аналитики КГБ представили доклад о том, что Беловежские соглашения противоречат Конституции СССР и трех союзных республик – России, Украины, Белоруссии, и потому предлагали срочно созвать съезд народных депутатов. «И то, что Горбачев не захотел бороться за Союз, – преступление, ведь на нем лежала конституционная обязанность защищать государство, в том числе силовыми методами», – заключает будущий генеральный прокурор России Скуратов.

После телефонного разговора с Бушем-страшим Ельцин отказался общаться с Горбачевым, тогда Шушкевич позвонил Президенту СССР и проинформировал, что руководители трех республик пришли к соглашению «распустить Союз и создать сообщество трех независимых государств». Горбачев предложил всем троим собраться у него на следующий день. Однако встречи не последовало из-за боязни Президентов трех республик, что они нарушили Конституцию и совершили государственный переворот. «Сохранялось в секретности, каким курсом летим. С аэродрома поехал на дачу. Туда для охраны был вызван спецназ; никогда ни до, ни после этих событий его там не было. Службу безопасности Украины еще возглавлял в то время Голушко, он контролировал ситуацию». И опять неправда со стороны Кравчука: в конце ноября я находился на работе в Москве.

Между тем оппоненты Горбачева обратились к Верховным советам своих республик, которые в срочном порядке ратифицировали Беловежские соглашения. Как мы видим, это соответствовало общей тенденции, а не только воле трех человек – Ельцина, Кравчука, Шушкевича.

9 декабря было распространено заявление Президента СССР Горбачева по поводу заключения руководителями Беларуси, РСФСР и Украины Соглашения о создании Содружества независимых государств (СНГ).

«Для меня как Президента страны главным критерием оценки этого документа является то, насколько он отвечает интересам безопасности граждан, задачам преодоления нынешнего кризиса, сохранения государственности и продолжения демократических преобразований. Это соглашение имеет позитивные моменты. Участие в нем приняло украинское руководство, которое в последнее время не проявляло активности в договорном процессе.

В документе подчеркивается необходимость создания единого экономического пространства, функционирующего на согласованных принципах, при единой валюте и финансово-банковской системе. Выражается готовность к сотрудничеству в области науки, образования, культуры и других сферах. Предлагается определенная формула взаимодействия в военно-стратегической области.

Однако это документ такого значения, он настолько затрагивает интересы народов нашей страны, всего мирового сообщества, что требует всесторонней политической и правовой оценки.

В любом случае для меня очевидно следующее. Соглашение прямо объявляет о прекращении существования Союза ССР. Безусловно, каждая республика имеет право выхода из Союза, но судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов.

Неправомерно и опасно было также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе.

Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждался проект Договора о Союзе суверенных государств, разработанный Государственным советом СССР.

В создавшейся ситуации необходимо, чтобы все Верховные советы республик и Верховный совет СССР обсудили как проект договора о Союзе суверенных государств, так и соглашение, заключенное в Минске. Поскольку в соглашении предлагается иная формула государственности, что является компетенцией Съезда народных депутатов СССР, необходимо созвать такой Съезд. М. Горбачев».

Горбачев в той критической ситуации в своем заявлении вспомнил о существовании Съезда народных депутатов, однако не предпринял никаких шагов к его созыву, где можно было бы защитить Союз, дезавуировать подписанные в Беловежье соглашения о его ликвидации.

На мой взгляд народного депутата, если бы созвали Съезд, то события на этом высшем форуме страны могли развиваться по нескольким сценариям:

а) могли быть выработаны меры по сохранению Союза в любой форме, скорее конфедерации;

б) могло быть узаконено создание нового союзного объединения в форме СНГ (Союза независимых государств). Только высший орган страны, каким являлся Съезд народных депутатов СССР, мог признать договор 1922 года о создании СССР утратившим силу. Зная настро-

ения многих депутатов, можно прогнозировать и такой вариант: Съезд завершил бы свою работу изгнанием Горбачева и освобождением из тюрьмы Лукьянова. Впрочем, никаких действий, кроме теоретизированного заявления, Президент СССР не сделал. А его оппоненты, Ельцин и Кравчук, немедленно обратились к Верховным советам республик, которые 10 декабря ратифицировали Беловежские соглашения о создании СНГ.

Горбачев отмечал тенденцию: «…не приходится удивляться, что демократы вступают в политический альянс с сепаратистами, националистическими группировками. У них общая цель: ослабить, а если удастся – и развалить Союз». Он возмущался, что коммунисты в республиках проголосовали «с ходу, без обсуждения» за Беловежские соглашения. Именно предательская верхушка Коммунистической партии, депутаты-коммунисты, стала главной разрушительной силой в юридическом завершении ликвидации мощной державы. Большой вклад внесли республиканские коммунисты своим единодушным голосованием. Тут уже наступает коллективная вина и ответственность за развал страны, исходящая, прежде всего, от депутатского корпуса, а не от одной воли проклинаемых народом Ельцина или Кравчука.

Беловежские соглашения нанесли сокрушительный удар по экономике и отбросили в своем развитии далеко назад каждую союзную республику. Они принесли невосполнимые потери, неисчислимые страдания десяткам миллионов советских людей.

В столкновениях на межнациональной основе в России, Азербайджане, Таджикистане, Молдавии и других регионах погибло около миллиона человек. Более 10 миллионов бывших граждан СССР остались без Родины, без прав и стали беженцами. Даже сталинская депортация народов в годы войны меркнет перед вынужденным бегством населения из горячих точек, от безработицы и нищеты. Самые тяжкие последствия понес русский народ: несколько миллионов человек оказались за пределами границ России, на правах нетитульной нации, гражданами второго сорта.

Кравчук позднее сокрушался, если бы он предвидел, что на Украине вместо демократии будет процветать вседозволенность, что народные депутаты будут презирать друг друга, а президенты будут думать только о том, в какой дворец переехать, то «я бы не подписал Беловежские соглашения, я бы отрезал себе скорее руку». Самокритично, конечно. Но почему бы не лечь рядом на рельсы, как обещал россиянам другой подписант (Ельцин)?

Напомню, что после заключения Беловежских соглашений за пределами России оказалось 8 военных округов из 16. Отмобилизованные, насыщенные современной боевой техникой, они приватизировались бывшими союзными республиками. Россия во многом утратила выходы к морям, возникли серьезнейшие противоречия по Черноморскому флоту, который оказался поделенным с Украиной. Блок НАТО уже подобрался чуть ли не к стенам Смоленского Кремля.

После ГКЧП страна разрушилась. Половина населения (150 миллионов граждан) покинули СССР, так и не понимая своего пути: убежать от своей истории и социалистического прошлого и вступить в рынок, обнищание и господство частной собственности.

Подписание Беловежских соглашений совершено в интересах Соединенных Штатов Америки, которые все делали, чтобы разрушить СССР. Не случайно сразу же после подписания договоренностей Ельцин позвонил не кому-нибудь, а именно президенту США, и доложил, что Советского Союза больше нет. Президент Буш в своем заявлении от 25 декабря 1991 года подчеркнул, что США приветствуют исторический выбор в пользу свободы, эти события «явно отвечают нашим интересам». Поэтому США и предпринимают все усилия, чтобы объединение независимых республик не возродилось ни в каких формах.

Глава седьмая
Размышления о перестройке и Горбачеве

Прошли годы со времени проводимой в СССР горбачевской перестройки. Они были связаны с обновлением и демократизацией многих сторон общественно-политической жизни страны. К сожалению, нужные реформы проводились на повышенных скоростях и многочисленных направлениях, бросаясь в крайности от одной проблемы к другой, не доводились до логического конца (очень напоминает нынешние дни).

Когда был взят курс на демократизацию и перестройку, я и мои ближайшие коллеги не сомневались в правильности политики, выработанной ЦК во главе с Горбачевым. Мы считали, что утверждение демократических начал, укрепление законности, избежание неоправданных силовых вариантов действий правоохранительных органов внутри страны, утверждение гласности и тесной связи с народом – это продолжение линии Андропова, которому сотрудники моего поколения безумно верили и прошли при нем школу идейной законопослушной и профессиональной закалки. «Чекисты поручили мне назвать кандидатуру товарища Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС», – Чебриков имел веские основания опираться на мнение личного состава КГБ перед членами Политбюро ЦК при выдвижении Горбачева на эту ответственную должность.

Я имел возможность наблюдать Горбачева при посещении им Украины, на Съездах народных депутатов, XIX Всесоюзной партийной конференции, последнем XXVIII съезде КПСС. В проведении линии на демократизацию советского общества, провозглашение прав и свобод граждан, в борьбе за международное экономическое сотрудничество и разоружение, уменьшение гонки вооружений и термоядерного противостояния Горбачев представлялся мне образцом современного руководителя. Достигнутое при нем снижение международной напряженности, устранение многих причин, породивших «холодную войну», приводило к мирному порядку жизни советского народа. Советскую армию, КГБ стали меньше бросать в международные вооруженные конфликты по всему земному шару – от Афганистана до Анголы. Когда начался вывод войск из Афганистана, на Съезде народных депутатов СССР известные «демократическими» деяниями депутаты недоумевали, что не совсем понятно, какие коренные интересы нашего государства там защищали и за что погибали советские солдаты. Осуждая политику КПСС, они заявляли, что «мы их туда не посылали». Но линию на вывод войск из Афганистана настойчиво провел Горбачев. В этом его великая заслуга.

Первое, что стало настораживать, – это внешняя политика во главе с министром иностранных дел Шеварднадзе. Вызывало недоумение число односторонних уступок с нашей стороны при ликвидации некоторых видов вооружения, ускоренные темпы вывода советских войск из Европы на неподготовленные в стране места базирования.

Внутренняя обстановка в стране становилась не менее сложной. Межнациональные и межконфессиональные конфликты в ряде союзных республик, миллиардные иностранные заимствования, перебои с товарами первой необходимости, разночтения при обсуждении нового Союзного договора, односторонние шаги по объявлению союзными республиками государственной независимости вызывали необходимость принятия радикальных мер для вывода страны из политического и экономического кризиса.

В стране быстро назревало недовольство политикой Горбачева. Над ним не раз нависала угроза снятия с поста. Он являлся Президентом, но не избранным всенародно, да и в народные депутаты СССР прошел по партийному списку. В 1990 году на Пленуме ЦК была предпринята попытка освободить от должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Но это не удалось осуществить, так как часть членов ЦК испугалась раскола в партии в связи с тем, что около 70 членов Центрального комитета пригрозили уйти со своих постов вместе с Горбачевым.

На первомайской демонстрации в 1990 году представителям демократических сил было разрешено пройти по Красной площади самостоятельной колонной. Они открыто продемонстрировали свое недовольство и неуважение к Президенту СССР, несли лозунги «Горбачева – в отставку!», «Долой коммунистическую партократию!». Так наглядно и с циничной откровенностью было показано тем, кто стоял на трибуне Мавзолея, что в нашем государстве имеются противники власти Советов, Коммунистической партии и самого Горбачева. Не молчали и рядовые члены партии. В мае 1991 года коммунисты металлургических предприятий Днепропетровска (заводов имени Ленина и Петровского) обратились с открытым письмом к Горбачеву, в котором требовали «набраться мужества и уйти в отставку».

В последние годы советской власти система государственного устройства в нашей стране по воле верхушки Коммунистической партии пережила серьезные политические изменения. Существенный фактор в осуществляемой реформе политической власти страны – это «свободные выборы», которые приветствовались. Однако избирательные кампании в органы законодательной власти на альтернативной основе выявили тревожные обстоятельства, с которыми косвенным образом вскоре столкнулись органы КГБ. Находившиеся в поле зрения органов госбезопасности разного рода антисоветчики и националисты действовали в условиях конспиративного подполья, до определенного времени не допускали открытых и опасных для существующего конституционного строя проявлений. Но когда многие из них победили на прошедших в 1989–1990 годах выборах, то продолжили свою прежнюю деятельность, получив депутатский иммунитет и неприкосновенность. Естественно, ведущиеся дела и оперативный контроль за такой категорией лиц был прекращен.

В стране обозначились явные противоречия, которые можно было обеспечивать и удерживать законом и разумной силой, между развивающимся политическим демократизмом и защитой безопасности государства, между свободой предпринимательства и сверхцентрализацией в экономическом развитии, между зарождающимся народовластием Советов и продолжающейся монопольной деятельностью КПСС.

Я иногда теряюсь в собственных раздумьях о Горбачеве, пользе его посещений Украины, поэтому себе в союзники беру высказывания, сделанные в моем присутствии современниками.

Заместитель председателя Киевского городского исполкома Галина Менжерес так вспоминает о приезде Горбачева в Киев. В ходе официальной беседы было видно, что Щербицкий не воспринимал «бесконечных самовлюбленных разговоров Горбачева». «Живете, киевляне, словно на курорте. Я думаю, что вам необходимо урезать фонды на мясо и молоко», – заявил Горбачев. «Ну, Михаил Сергеевич! Я смотрю, что Вы Украине скоро и воздух по фондам будете отпускать», – гневно бросил Щербицкий.

Секретарь Крымского обкома партии Мордвина присутствовала при встрече Горбачева в Крыму. Щербицкий рассказывает об обстановке в республике, ходе уборки урожая. Обращаясь к Горбачеву, он замечает, что республике слишком завышены годовые планы сдачи зерна государству. Не успел Горбачев ответить, как раздался голос Раисы Максимовны: «Владимир Васильевич, прошу прекратить задавать Михаилу Сергеевичу деловые вопросы. Он только начинает отпуск». Мордвина вспоминает, что все, кто сидел за столом, замерли. «Владимир Васильевич побледнел, не сказав в ответ ни одного слова. А из носа у него потекли струйки крови – лопнули сосуды. Щербицкий поднялся и вышел из зала. Я поняла: начинается новая эпоха и личный новый стиль партийного руководства».

В мае 1991 года при подготовке заседания Коллегии КГБ СССР о состоянии работы с кадрами организовывалось анкетирование среди оперативного состава как в центре, так и в республиканских органах. На вопрос анкеты: «В чем вы видите основные причины кризисных явлений и трудностей, переживаемых нашей страной на современном этапе?» – 90 % сотрудников ответили, что они обусловлены ошибками и просчетами политического руководства. Многие добавляли, что бездействие властей при современном ухудшении положения в стране

может привести к самым нежелательным и трагическим последствиям. Если вера в верховную власть страны среди сотрудников КГБ была поколеблена в такой высокой степени, а они призваны были ее защищать, то надо признать, что авторитет, в частности, республиканских и областных руководителей находился на еще более низком уровне.

В республике в условиях гласности отмечались и широко обсуждались многие события и явления. Расскажу о некоторых из них.

Приезды Горбачева в республику обеспечивались несколькими тяжелыми лайнерами, с доставкой автомобилей из московского гаража, многочисленной охраной, в окружении журналистов. Республиканскому КГБ не доверялась охрана государственных дач в Крыму, где всеми вопросами заправляла московская «девятка». Но ответственность за обеспечение личной безопасности охраняемых государственных деятелей при нахождении на Украине лежала на республиканском КГБ.

Был и такой случай. Молодой начальник одного из отделов 9-го управления КГБ СССР Алексей Кандауров выступил против порядка, когда зарубежными закупками за иностранную валюту для придворной цековской знати занимаются сотрудники органов госбезопасности. Разразился скандал. Виновника без лишнего шума постарались убрать из «деликатного» управления, повысив в должности. Умница, честный, принципиальный, интеллигентный, с литературным даром, он в мою бытность министром безопасности возглавил нашу пресс-службу. Кандауров из числа тех элитных сотрудников КГБ, которые действительно много сделали для расширения гласности, раскрытия истинного назначения органов государственной безопасности новой России. В октябрьские дни стрельбы по Белому дому он был в числе руководителей, выступающих против втягивания наших сотрудников в кровавые политические разборки. Не согласившись с требованиями Президента Ельцина «пойти на амбразуры», генерал Кандауров подал мне рапорт об отставке. Вскоре стал депутатом Государственной думы России.

В период моего пребывания на Украине военные строители в авральном порядке возводили ставшую печально известной государственную дачу в Форосе. Заказчиком «Зари» выступал КГБ СССР, поэтому в ходе строительства мне нередко поступали звонки из Москвы с просьбой оказать помощь через республиканские министерства о поставках дефицитных строительных материалов, мрамора и т. д. На принятие в эксплуатацию президентского комплекса в Форосе прилетели Язов и Чебриков. Последний щедро поощрил меня месячным окладом за вклад в строительство шикарного объекта, которого я ни разу не видел. Генерал Александр Орлов, руководитель московской крымской «девятки», приглашал осмотреть новый замок для Президента СССР, но я отказался. Не хотелось рассматривать эту роскошь. Вскоре на этой даче произошел неприятный инцидент. Как мне докладывали, во время игры с детьми дочь Горбачева дернула в спальне тяжелую портьеру, карниз упал и зацепил по голове внучку Президента. Оказалось, что один из шурупов, которым крепился злополучный карниз, был короче других. После этого случая были уволены несколько высокопоставленных сотрудников 9-го управления КГБ: генерал Березин, Герой Социалистического Труда, строитель космодрома Байконур, генерал Орлов, его заместитель Петр Лайшев. По их просьбе я принял решение взять в штаты КГБ республики этих опытных профессионалов: Орлова – заместителем начальника областного управления в Донецк, а Лайшева – заместителем начальника хозяйственного управления в Киев. В последний момент мне позвонил Плеханов с претензией: «Что ты делаешь? Берешь к себе уволенных нами Орлова и Лайшева! Тем более на повышение. Если об этом узнает Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной, понимаешь, что тебе будет? Лучше не рискуй». Орлов уехал в Москву, а Лайшева я попросил достроить новое здание УКГБ в Кировограде, с чем он блестяще справился. Когда страсти улеглись, его вернули в Киев. Позже стал дипломатическим работником посольства Украины в Белоруссии. Он вспоминает, что ему позвонил начальник личной охраны Горбачева В. Медведев и рассказал: «Когда Раисе Максимовне

доложили, что Лайшев на Кировоградщине, где урановые рудники, она прямо расплылась в довольной улыбке».

Уже два десятилетия не утихают споры чаще всего о том, в чем причина, а не кто виноват в распаде Советского Союза. Вариантов ответа на эти вопросы достаточно: главным считается, что такова объективная историческая неизбежность распада любой великой империи, что Советский Союз уже был смертельно болен; это роковое стечение обстоятельств, чья-то злоумышленная воля, скорее всего Горбачева и собравшейся троицы в Беловежской пуще.

Исторические события августа 1991 года с тех прошедших лет квалифицируются в обществе так же по-разному. Разброс личностных оценок – симпатий и антипатий – крайне широкий. Образование ГКЧП, по мнению одной стороны советского общества, являлось государственным переворотом, по оценкам другой части – это военный путч, третьи называют его благородной попыткой группы высокопоставленных патриотов спасти от развала СССР; а четвертая группа считает августовские события скоротечной революцией, положившей начало распаду империи и образованию 15 суверенных государств. По мнению известного философа Александра Зиновьева, перестройка – это «растянувшаяся по времени гибель России как целостного социального организма и гибель русского народа». Экс-президент Украины Кучма не философствует, а весьма категоричен в том, что «СССР доконал именно Акт о провозглашении независимости Украины от 24 августа 1991 года». Уже на следующий день, 25 августа, по горячим следам объявила о своей государственной независимости Белоруссия, 27 августа – Молдавия, 30 августа – Азербайджан, 31 августа – Узбекистан и Киргизия.

Я расцениваю августовские события, образование ГКЧП как вулканический взрыв, разрушивший за три дня Союз и разбросавший осколки в форме независимых республик. Не было ни всенародного согласия на раздел Союза, ни революционных выступлений в его защиту. Многие пытаются отнести вину в развале СССР на ошибки горбачевской перестройки, но в этом только часть правды. Перестройка была необходима как выход из тупика. Обострился политический кризис, охвативший многонациональную страну. Мы серьезно отстали от западных государств в эффективности, производительности и оплате труда, применении новых технологий. Снизились темпы роста промышленного производства, не было прогресса в сельском хозяйстве. Социальная сфера во все времена слабо учитывалась, народ призывали жить с затянутыми поясами. Можно добавить еще целую совокупность внешних причин, способствующих распаду: «холодная война», крестовый поход США против «империи зла» – СССР, свержение социалистического строя в европейских странах, угроза мировой войны, гонка вооружений, усиление НАТО, роспуск в одностороннем порядке военно-политической организации стран Варшавского договора, вывод советских войск из Восточной Европы. Все это существенно ослабило международные и внутренние позиции СССР.

Ликвидация СССР явилась свидетельством невиданного перерождения и предательства правящей элиты, которая в процессе провозглашенной демократической перестройки осуществила постепенное реформирование советского государственного строя с целью реставрации капиталистических отношений. Республиканские партийные лидеры прикрывались коммунистическими фразами, словно фиговым листком, в своем стремлении захватить власть на местах и поделить собственность.

Слабоуправляемые экономические реформы привели к зарождению бандитского капитализма, мелкобуржуазной стихии, выдаваемых за внедрение рыночных отношений. Страна к этим изменениям не была подготовлена. Президент Горбачев выбрал программу академика Шаталина – решительный и быстрый переход к свободному предпринимательству. А в то же время милиция гоняла старушек, продающих зелень с собственного огорода.

По словам Валентины Шевченко, реформы Горбачева привели к экономическому краху СССР. Генсек предал партию, свой народ, открыл под лозунгами гласности шлюзы для прихода

к власти демагогов, хапуг, которые думали только о том, как бы оторвать себе жирный кусок от общественного пирога. Естественно, что большинство глашатаев демократии и перестройки, вдохновителей самостоятельности союзных республик входят в число самых богатых лиц в своих странах.

На Украине политическая обстановка была такой: конституционным правом на создание самостоятельных политических партий воспользовались десятки оппозиционных общественных объединений. Таким партиям уже нельзя было давать установки, они не прислушивались к голосу ЦК КПУ Когда увидели националистическую суть их деятельности, то официальная линия руководства ЦК стала направляться на снижение их активности, уменьшение возможностей влияния на население, компрометацию лидеров новых политических партий. Пока разбирались с явлением многопартийности, поняли, что оппозиционеры тоже хотят порулить в республике – ситуация становилась все больше, как и в целом в стране, напряженной и неуправляемой. Политбюро ЦК КПУ для открытой дискуссии с оппозиционными кругами, Рухом снарядило на республиканское телевидение ведущего апологета партии Кравчука, который не сумел или не захотел отстоять коммунистические идеалы и принародно проиграл. Более идейно подкованных партийных идеологов в ЦК не нашлось, свидетельством чего послужило последовавшее выдвижение Кравчука вторым секретарем ЦК КПУ, ведающим всеми идеологическими и пропагандистскими задачами в партии.

Многие из партийных функционеров на местах не были готовы к крутым идеологическим и экономическим поворотам, боялись прямых встреч и дискуссий в народных массах, плелись в хвосте событий; другие же спешно перестраивались, перекрашивались, становились перебежчиками в другой лагерь. Такие группы партийных перерожденцев, политических карьеристов и способствовали разрушению СССР.

Наверное, в любом демократическом государстве многопартийность – позитивное начало и идет на пользу, если появляется здоровая оппозиция действующей власти. Возникшие новые партии с молодым задором начали бороться за обладание политической властью и становились в жесткую оппозицию к Советам и КПСС. Но и сам партийный аппарат ЦК и союзных республик стал больше походить на бюрократическую организацию с бесконечными кадровыми перетрясками, коррупцией, взяточничеством, идейным перерождением немалого числа руководящих работников. Он даже не смог противостоять клеветническим кампаниям, отстоять свое достоинство, так как привык, чтобы за него годами боролись КГБ и другие силовые органы.

Реформируя законодательную власть, руководство наивно надеялось, что хотя Коммунистическая партия перестала быть монопольной властной структурой, но будет способна и дальше удерживать за собой правящие рычаги власти. В результате ослабления позиций КПСС в стране сложилось неустойчивое соотношение между так называемыми реформаторскими и консервативными силами, что усугубляло политический и правительственный кризис.

«Цель перестройки – теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма», – провозглашал Горбачев. Но в действительности политика перестройки приводила к другим результатам, далеким от восстановления социалистических устоев, когда стали меняться формы собственности, вводиться не регулируемые государством рыночные начала. Щербицкий по этому поводу грустно заметил: «У нас в стране если маятник качнется в одну сторону, то, словно строительная баба, крушит все подряд». Ельцин, как бы продолжая строительную терминологию, отмечал, что не ясно, как Горбачев видит перестройку нашего дома, из какого материала предполагает перестраивать его и по каким чертежам. По-своему был прав Пуго, который образно сравнивал перестройку с тайгой: сверху шумит, а внизу тихо, только шишки падают.

Принимались многочисленные, в большинстве своем правильные решения, но далекие от конкретики, и потому их исполнение проваливалось на местах. А в это самое время Гор-

бачев мастерски делал обтекаемые заявления. По его словам, быть в этот период коммунистом – значит, прежде всего, быть последовательным демократом и ставить на самое первое место общечеловеческие ценности. Мне вспоминается, как на одной из деловых встреч работник чехословацкой контрразведки Карел Врба спросил меня: «Почему вы, советские коммунисты, не боретесь с этим социализмом с человеческим лицом?» Я ничего не мог ответить, потому что, кроме положений кодекса строителя коммунизма и известных библейских заповедей, ничего не знал об общечеловеческих ценностях социализма. Горбачев продолжал: «Что я выше всего ценю в марксистской теории, так это идею постоянного движения и развития, а также строгое следование правде…» Правда – вещь необычайно серьезная и строгая. Если следовать правде и морали, то как можно расценить следующее признание: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для этой цели я использовал мое положение в партии и стране». Это откровение Горбачева на семинаре в Американском университете в Турции в 1999 году. Если вышесказанное верно (опровержения этому я не нашел), значит политику Горбачева можно квалифицировать как действия выраставших на демократических хлебах агентов влияния противника.

В событиях тех дней органы госбезопасности отмечали любопытную тенденцию. Она касалась отношения Запада к проводимой перестройке и личности самого Горбачева. Всем было ясно, что горбачевские реформы приводили к коренным изменениям во внешней и внутренней политике, во многом отвечающим или совпадающим с позицией западных стран, которые критиковали нас за отсутствие демократии и попрание прав человека. Но со стороны иностранных спецслужб масштабы враждебных акций против СССР не уменьшались, а все больше возрастали. Американские спецслужбы, в отличие от советских, оказались дальновиднее; на несколько лет вперед они рассчитали и распланировали, поставили себе ясные конечные цели: «…сделать горбачевские реформы необратимыми, использовать перестройку в качестве рычага для изменения советской системы в нужном направлении». Для достижения этого США отказывались поддерживать Союз до тех пор, пока Горбачев не осуществит ломку социально-политических и экономических основ своего пролетарского государства. ЦРУ США не скрывало, что с момента появления

Горбачева в ЦК КПСС оно с особым энтузиазмом отнеслось к этой личности. Директор ЦРУ Р. Гейтс откровенничал, что американская разведка многое знала о советском лидере и сделала для себя соответствующие выводы; при этом противники Горбачева из консервативного лагеря утверждали, что он и его сподвижник Яковлев являлись агентами ЦРУ. «Они оными не были. И это хорошо. Вряд ли мы смогли бы столь усердно управлять ими для разрушения советской империи», – отмечал глава ЦРУ По словам посла США в Москве Страуса, Горбачев «складывал подарки у наших ног», делая американцам уступку за уступкой.

Руководителю своего аппарата Болдину Горбачев рассказал о состоявшемся в Вашингтоне между ним и Дж. Бушем «откровенном и доверительном» разговоре, смысл которого заключался в том, чтобы «очертить перспективы перестройки». По свидетельству Болдина, Горбачев несколько раз просил личных посланников, направляющихся в Вашингтон, передать президенту США Дж. Бушу дословно следующее: «Договоренности в машине остаются в силе, и он будет следовать их выполнению до конца». Видимо, в ту поездку Горбачев принял на себя какие-то особые обязательства.

Крючков имел основания отмечать, что «Горбачев стратегически был полностью ориентирован на Буша». Это просматривалось в его поведении, беседах с работавшими рядом с ним приближенными лицами. «Буш – влиятельный политик. Надо держать курс на него». Попытки ближайшего окружения насторожить Горбачева в отношении политики США встречали возражения и аргументы вроде: «Буш не подведет. Да и меня не обманешь».

В стране росло недоверие к главе государства.

В 1989 году Политбюро ЦК КПСС решило рекомендовать Валентину Шевченко председателем палаты национальностей Верховного совета СССР. В личной беседе с Горбачевым она категорически отказалась от предлагаемого союзного государственного поста. На вопрос Щербицкого (он считал необходимым представительство Украины в законодательной власти СССР), в чем причины отказа от высокой должности, Шевченко ответила: «Владимир Васильевич, я не верю этому человеку». Щербицкий в ответ: «Что ж, может быть, Вы и правы. Ми ще зазнаемо з ним лиха…»

Так начали распознавать суть Горбачева. Как-то во время его выступления на Съезде народных депутатов СССР молодая житомирская ткачиха Ванда Венгловская, народный депутат СССР, наклонилась ко мне и произнесла: «Выступает предатель, он погубит всю страну». Я в ответ резко: «Замолчи, Ванда». И в последующем она еще не раз замечала в речах Горбачева предательские и ревизионистские нотки, которые я не мог улавливать. Может быть, это природное свойство только женской логики и тонкость женской психологии.

Но как Президент страны и гарант Конституции СССР Горбачев не выполнил своих должностных обязанностей, не прибегнул к должным мерам в отношении могильщиков конституционного строя страны, собравшихся в Беловежской пуще.

Съезд народных депутатов СССР был отстранен от решения вопросов о судьбе СССР. Ельцин откровенничал: «Мы в России народных депутатов СССР, избранных в республике, своими не считаем», поэтому предоставим право ратификации Беловежских соглашений только российским депутатам. Хасбулатов добавлял, что в российском парламенте коммунисты составляют большинство, они вместе с демократически настроенными депутатами выступают за ратификацию Беловежских соглашений. Роспуск СССР будет решением подавляющего числа депутатов, ведь и предводители демократов сами родом из КПСС.

В разбушевавшемся многонациональном Союзе югославский вариант развода между народами грозил реальными опасностями. Распад мощного государства СССР, включающего 15 союзных и более 20 автономных республик, произошел без народных выступлений и баррикад. Рухнул Советский Союз, распалась 19-миллионная армия членов КПСС, ни один райком партии не вышел защищать социалистическое общество если не с винтовкой, то хотя бы с лопатой. Надо признать, что правоохранительные органы защищать Союз были не в состоянии; союзные силовые структуры были уничтожены, расчленены, обезглавлены (вспомните КГБ и МВД СССР), а находящиеся в их подчинении союзно-республиканские в буквальном смысле разбежались по суверенным национальным квартирам, и никто не смог этому воспрепятствовать.

Даже спустя годы трудно бывает определить праведников и виновников революционных, бестолковых и кровавых событий, случившихся за короткое время в недавней истории страны: создание ГКЧП, развал СССР, демонтаж социализма, суверенизация и создание независимых государств, стрельба из танковых орудий по парламенту, шоковая терапия, шахтерские забастовки, крайнее обнищание народа, десятилетняя «контртеррористическая» операция на Кавказе против собственного народа на территории собственной страны и т. д.

В лихие девяностые в силу своих служебных обязанностей мне пришлось выполнять многие установки проводимой политики перестройки, реформы политической системы и органов КГБ, оценивать в связи с этим происходящие разного рода антиобщественные процессы. В те перестроечные годы с воодушевлением и пониманием воспринимал важность демократических преобразований в обществе, совершенствования законодательства и укрепления законности и правопорядка, уважения прав и свобод граждан. Именно таким образом я разрабатывал свою предвыборную программу для выступлений перед избирателями. В республиканском КГБ проводил линию на реализацию демократических перемен в сфере оперативно-служебной деятельности органов государственной безопасности. Я готов нести ответственность за все

сделанное, признаться в собственных ошибках и даже в том, что у меня не хватало способности правильно понять истинную сущность некоторых событий.

Последние годы советской власти, политика перестройки затронула немало трудных, тревожных и болезненных проблем в жизни советского общества и государства, многие из которых имели больше объективный, нежели субъективный характер. В преодолении трудностей и проблем мы искали новые и неизведанные пути «улучшения социализма», спешили с «демократизацией», оставляя пустые и голодные прилавки, наделали очередных ошибок, которые самим же следовало преодолевать.

С правовой точки зрения распад СССР в определенной степени мог быть предопределен зафиксированным конституционным правом каждой союзной республики на выход из состава союзного государства. Поэтому в 1990-е годы не все стало зависеть от всесильного Политбюро, злой воли Горбачева и беловежских разрушителей страны. Горбачев говорил, что если взять Конституцию, по которой мы тогда жили, то там обозначено, что республики – «это суверенные государства», они обладают «правом на самоопределение, вплоть до выхода, отделения». В Союзном договоре провозглашался союз суверенных государств. «То есть выразили то, что было записано в Конституции, что никогда не выполнялось или выполнялось на какую-то там пятую и третью часть». Лидер оппозиционной партии Левко Лукьяненко жаловался на обвинения в экстремизме. «Единственный наш экстремизм, – отмечал он, – это то, что оппозиция четко говорит про свою цель, записанную в Конституции – право свободного выхода из состава СССР».

Финал государственной самостоятельности и национального возрождения оказался печален: Грузия и Молдавия распались на территориальные образования; Азербайджан и Армения после вооруженного противостояния до сих пор продолжают споры и не урегулировали территориальный вопрос.

Беловежские соглашения принесли неисчислимые и невосполнимые потери, беды и страдания десяткам миллионов советских людей, которые и сегодня хотят протянуть друг другу руки и свободно жить в единой семье народов. Такое объединение давно бы состоялось, если бы не противодействие ему со стороны многих политических элит в бывших союзных республиках.

Прошли годы, но Горбачев не забыт американцами. В сентябре 2008 года американский Национальный центр наградил его медалью Свободы за то, что он дал «надежду и свободу миллионам людей, которые жили за железным занавесом». Жители Восточной Европы жили в сумраке «холодной войны», он подарил им путеводную звезду.

Что же случилось со страной, со всеми нами в историческом плане?

Я читаю строки из письма моего друга Эдуардаса Эйсмунтаса, бывшего в 1987–1990 годы председателем КГБ Литовской ССР. Это о нем лидеры националистов отзывались, что «этот генерал госбезопасности оказался действительно умным и прозорливым деятелем, но в крепких московских наручниках». Интеллигентный, тонко чувствующий национальную боль, он не разделял взглядов партийного руководителя Литвы Бразаускаса и подал в отставку еще до известных событий с жертвами в Вильнюсе. Эдуардас писал мне 27 октября 1995 года из Вильнюса: «Иногда просыпаюсь в холодном поту и думаю: «Боже, неужели я виноват в развале великой страны, компрометации идеологии коммунизма?» Вроде нет, делал, что мог. Но, Господи, при таких вождях не только страну, партию, но и всю Вселенную можно было уничтожить… Меченый Горбачев, по существу, дискредитировал партию, развалил ее и страну. А мы, славная когорта чекистов, смотрели им в зубы и боялись даже чихнуть. Бесит, что наша роль в защите советского государства оказалась равна нулю. Вот что значит быть «передовым вооруженным отрядом партии».

Украинский чекист Александр Нездоля, талантливый автор пяти патриотических книг, прошедший суровые испытания Афганистана, которого я в девяностые годы направлял из

Киева для укрепления КГБ по Львовской области стойкими и профессиональными руководителями, писал мне 26 июня 2008 года из Киева: «Больно сознавать, что рухнуло в мгновение то, чем жило и что созидало не одно поколение народа. В схватке двух систем нет победителей, но есть проигравшие – это система тоталитарного государства под руководством «кремлевских старцев». Не одно поколение участвовало в создании мощного государства СССР, от сохи до космоса, прорывы в науке, культуре – было чем нам гордиться. Рухнуло в одночасье, и главной причиной является то, что, создав мощное государство с его Вооруженными силами и КГБ, «кремлевские бойцы» не создали достойную жизнь человеку, утратившему великую силу духа и веру. Больно…»

Итак, мы подошли к периоду создания и моей работы в спецслужбах теперь нового российского государства – Российской Федерации.

Часть седьмая
Новые спецслужбы новой России

Глава первая
Как создавалось Министерство безопасности Российской Федерации

Указом Президента Российской Федерации от 24 января 1992 года было образовано Министерство безопасности РСФСР. Министерство просуществовало два года до декабря 1993 года – срок совершенно незначительный для государственного органа Надо ведь учитывать время, которое требуется на его создание, разработку правового статуса, основных функций, организационно-штатное и кадровое обеспечение деятельности… Эти вопросы являлись предметом самостоятельного рассмотрения как законодательной, так и президентской ветвей власти.

Нет возможности подробно останавливаться на проблемах образования нового российского органа госбезопасности, в формировании которого мне довелось участвовать; это отдельная тема для исследования специалистами. Поэтому хочу коснуться событий, малоизвестных широкому кругу читателей. Представлять интерес могут политические и оперативные условия, в которых пришлось работать в новом ведомстве бывшим сотрудникам КГБ и новому пополнению, пришедшему после ликвидации Комитета.

Активный участник противодействия ГКЧП Виктор Павлович Баранников после августовских событий 1991 года делает солидный шаг в карьере – назначается министром внутренних дел СССР. За последующие два года он пройдет головокружительный путь по служебной лестнице: от генерал-майора милиции до четырехзвездного генерала армии в органах государственной безопасности. Прежде в КГБ получить звание генерала было не просто. С одной стороны, генеральских должностей было не так уж много (на Украине – начальники в половине областей), а с другой стороны, на генеральской должности до представления к званию необходимо было прослужить не менее трех лет.

При всей блестящей профессиональной карьере Баранникову все же не позавидуешь: возглавить ведущее союзное министерство ему предстояло в нелегких условиях разрушения страны, политических сражений и резкого роста организованной преступности. После возвращения Горбачева из «заточения» в Крыму союзное правительство было практически не в состоянии надлежащим образом контролировать обстановку, управлять народным хозяйством страны. Глава правительства Павлов, ряд министров были арестованы, многие уволены по идейным мотивам или вынуждены были уйти с работы.

В политических кругах страны Баранников стремительно приобретал имидж демократического руководителя не рядового, а именно силового министерства, прежде всего потому, что не поддержал, а противодействовал ГКЧП. Он установил тесные и доверительные контакты с Ельциным, который нередко подчеркивал, что милиция является его главной опорой. Близость к Президенту, тесная дружба с руководителями его службы охраны помогла ему в свое время отстоять целостность Министерства внутренних дел и стать в число лиц, которые определяли доктрину создания новых спецслужб в суверенной России.

Его предшественник Бакатин ушел со сцены, когда органы государственной безопасности были разрушены, деятельность оперативного состава и, соответственно, агентурного аппарата оказалась на значительный период, по существу, парализованной. Баранникову с трудом

приходилось противостоять намерениям демократических реформаторов осуществить подобное уничтожение системы МВД. В те послеавгустовские дни в воздухе носились идеи расчленения также и союзного Министерства внутренних дел, образования федеральной и муниципальной милиции, вывода из подчинения МВД внутренних войск, противопожарной службы и т. д.

Как показали дальнейшие события, нам всем, милиционерам и чекистам, в значительной степени повезло, что проблемами государственной безопасности и общественного правопорядка стал заниматься внимательный и инициативный профессионал Баранников, который сумел предотвратить в этих сферах многие разрушительные трансформации.

Виктору Павловичу предстояла важная миссия: реализовать очередную «загогулину» (из лексикона Ельцина) – преобразовать силовые ведомства страны в объединение органов государственной безопасности и внутренних дел. О новых начинаниях Президента, грядущем упразднении Межреспубликанской службы безопасности, которая после ухода Бакатина оставалась бесхозной, мне стало известно от самого Баранникова. В конце декабря 1991 года неожиданно для меня позвонил Баранников, с которым я раньше не был знаком. Прошел всего месяц после отъезда из Украины, как я возглавлял административный аппарат руководителя МСБ, с МВД контактов практически не имел. Баранников пригласил к себе в министерство, где в течение нескольких часов мы обсуждали проблемы дальнейшей судьбы силовых ведомств России.

Общественно-политическая обстановка вокруг правоохранительных органов в стране была крайне противоречивой, напряженной и непредсказуемой. В связи с распадом СССР и суверенизацией союзных республик сами собой исчезали союзно-республиканские ведомства: КГБ, МВД, МСБ. Из-за отсутствия у российских властей последовательной и проработанной стратегии в строительстве системы государственной безопасности и правопорядка, проведенного искусственного расчленения КГБ новые структуры не справлялись с обязанностями по надлежащей защите территориальной целостности, интересов общества в условиях нарастающего разгула терроризма, организованной международной и межрегиональной уголовной преступности. Руководство органов госбезопасности было обезглавлено: часть в тюрьме, другие уволены. На продолживших службу сотрудников КГБ в связи с последствиями ГКЧП продолжались нападки, обвинения и гонения со стороны реформаторских и псевдодемократических кругов, а в бывших союзных республиках – со стороны пришедших к власти местных национал-патриотов.

Баранников доверительно рассказал, что Президент поручил ему образовать единое министерство, объединив органы безопасности и внутренних дел. В связи с этим от органов госбезопасности он ожидает концептуальных предложений по структуре, компетенции, штатному расписанию, и мое участие в их разработке согласовано на «самом верху». Тут же познакомил меня с генералом Владимиром Бондаренко, руководителем своего аппарата, и поставил перед нами конкретные задачи: в сжатые сроки разработать необходимые документы по образованию такого министерства.

Идея объединения системы внутренних дел и государственной безопасности страны приписывалась исключительно волевому желанию Ельцина. На самом деле это было не так. Еще в ноябре 1991 года специальным постановлением Государственного совета СССР Бакатину (МСБ) и Баранникову (МВД) поручалось рассмотреть возможность объединения Министерства внутренних дел и Межреспубликанской службы безопасности в единое министерство. Указанное постановление Государственного совета из-за быстротекущих изменений обстановки не было реализовано, сам замысел создания силового монстра благополучно почил своей смертью, как и многие другие горбачевские перестроечные начинания последних месяцев существования советской власти.

При обсуждении вопроса о едином министерстве учитывалось то, что в различные периоды существования нашего государства органы безопасности и милиции административно действовали как совместное ведомство. В нынешних исключительно трудных условиях сам факт образования единого мощного министерства нам представлялся не только одним из путей дальнейшего выживания правоохранительных структур, но, прежде всего, серьезным шагом к укреплению российской государственности. К сожалению, страна стремительно катилась в глубокую пропасть.

В подготовленных нами разработках централизованное объединение органов государственной безопасности и внутренних дел намечалось под единоначалием министра, но при самостоятельной и независимой друг от друга практической работе милиции и госбезопасности. Речь не шла о подчинении или поглощении более крупными структурами МВД остатков органов государственной безопасности, но о параллельном выполнении возложенных на них задач каждой из силовых составляющих. Подобные варианты существовали в международной практике. По роду службы мне приходилось выезжать в служебные командировки в ГДР, Польшу, Болгарию, Чехословакию, на Кубу, где в рамках единого МВД функционировали службы полиции и госбезопасности.

Группа руководящих сотрудников МВД и МСБ разработала соответствующие документы, послужившие основанием для издания 19 декабря 1991 года Президентом Ельциным указа № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» (МБВД). Руководителем нового министерства был назначен Баранников.

Проводимая работа по образованию МБВД широко не афишировалась, поэтому для большинства чекистов такое решение стало пугающей неожиданностью. Горько шутили, что теперь всем надо обзаводиться милицейскими свистками. Я не видел трагедии в совместной с милицией работе. Еще с прокурорских времен у меня был определенный опыт взаимодействия с системой внутренних дел. Я знал и ценил трудную и многогранную деятельность сотрудников милиции. Никогда не демонстрировал наше привилегированное положение «белых перчаток» по сравнению с «черной» работой МВД. С теплотой вспоминаю слаженную работу на Украине с министрами внутренних дел Иваном Дмитриевичем Гладушем и Андреем Владимировичем Василишиным, прекрасными людьми, с которыми у меня сложилось полное взаимопонимание. Как-то в кругу сослуживцев Василишин высказался, что «Н. М. – единственный председатель КГБ Украины, который не направил в ЦК ни одного доноса на министра внутренних дел». Так и было.

Определенные политические круги выступили против образования объединенного министерства из-за опасений того, что в итоге может родиться громоздкий и слабо контролируемый организм силовой составляющей президентской власти. К их возражениям присоединили свои голоса некоторые депутаты и Конституционный суд страны, который признал указ Ельцина неконституционным.

Ельцин не стал противиться решению Конституционного суда. В январе 1992 года он объявил об образовании Министерства безопасности РФ, открывшего новую страницу в истории органов государственной безопасности суверенной России. Указом Президента министром безопасности Российской Федерации назначался Баранников, его заместителем в числе других – и автор этих строк.

Штаты МБ составляли 105 тысяч военнослужащих и гражданских сотрудников. После вхождения Пограничных войск численность увеличилась на 240 тысяч военнослужащих в зеленых фуражках. Уже тогда обострилась проблема с квалифицированными кадрами из-за отсутствия каких-либо льгот и преимуществ при прохождении службы, непрерывных реформирований и низкой заработной платы, слабой социальной защищенности сотрудников органов государственной безопасности.

Баранников быстро освоился с основными задачами и оперативной обстановкой в стране. С подчиненными общался доступно, объяснялся на профессиональном языке, проявлял особое уважение к сотрудникам, прошедшим низовую работу, начинавшим работать, как он выражался, «на земле».

За короткое время были сформированы органы безопасности в более чем 80 субъектах федерации, автономных республиках, краях и областях, обновлены их функции и руководящий состав. Территориальные органы осознавали особую ответственность за надежное обеспечение безопасности в своих регионах, трудились напряженно и со знанием дела.

С первых дней руководство Министерства безопасности встало на защиту продолжавших служить после ликвидации КГБ сотрудников, которые по-прежнему оставались под мощным моральным прессингом. В общественном сознании пытались сформировать в их лице образ врага, на них возлагали вину и за сталинские репрессии, и за пресечение деятельности диссидентов и инакомыслящих, и за поддержку ГКЧП. «В эпицентре политических бурь, – говорил Баранников, – могли не растеряться и выстоять только по-настоящему мужественные сотрудники спецслужб, беззаветно преданные России».

Первостепенное значение придавалось разработке правовой основы деятельности МБ, выработке стратегических направлений, внедрению новых, цивилизованных форм и методов оперативно-служебной деятельности, которые отвечали бы современным требованиям. Мне было поручено руководить подготовкой новых нормативно-правовых актов и приведением в соответствие с действующим законодательством уже существующих. Мы знали, что спасение и сила органов государственной безопасности – в наличии законодательной основы регулирования оперативно-служебной деятельности и в четком следовании закону.

8 июля 1992 года Верховным советом был принят закон «О федеральных органах государственной безопасности» – фундаментальный законодательный акт, регламентирующий деятельность нашего министерства. МБ определялось как специальный орган, предназначенный для предупреждения нанесения ущерба жизнедеятельности Российской Федерации, пресечения разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций, а также противоправных посягательств на конституционный строй, территориальную целостность и обороноспособность страны.

Конкретными задачами федеральных органов государственной безопасности являлись: борьба со шпионажем, изменой Родине, терроризмом, организованной международной преступностью, коррупцией и наркобизнесом; обеспечение контрразведывательной защиты государственных секретов оборонного и промышленного комплексов, атомной энергетики, космических исследований, транспорта и связи. Важнейшей задачей МБ считалось обеспечение высших органов государственной власти и управления Российской Федерации информацией об угрозах безопасности страны.

В условиях зарождения новой государственности впервые в законе было закреплено правовое положение сотрудников органов госбезопасности. При исполнении служебных обязанностей они являются представителями власти и находятся под защитой государства. Никто, кроме органов и должностных лиц, прямо уполномоченных на то законом, не праве вмешиваться в их служебную деятельность. Задачи федеральных органов государственной безопасности могут быть определены только законами Российской Федерации. Это положение подчеркивалось особо, так как раньше ЦК партии мог поставить любую задачу перед органами государственного безопасности, и ее необходимо было выполнить. Как показала жизнь, многие поручения партии реализовывались не просто успешно, а с перевыполнением, но не всегда с большой пользой для общества. Теперь же при получении приказа или указания, явно противоречащего закону, сотрудник органов государственной безопасности обязан был принять все меры к исполнению именно закона.

С совершенно новых позиций регламентировались основополагающие принципы деятельности российских спецслужб на базе законности, гуманизма, уважения прав и свобод человека. Серьезным организационным моментом явилось закрепление централизации управления системой федеральных органов безопасности. Органы безопасности становились президентской структурой, канула в лету «преданность делу» любой политической партии. На мой взгляд, это была попытка после развала СССР законодательно закрепить и регламентировать права, обязанности и ответственность спецслужб.

В строго установленном законом порядке впервые стала регулироваться важнейшая функция органов государственной безопасности – оперативно-розыскная деятельность: использование гласных и негласных форм работы, применение специальных технических средств. Следует напомнить, что в советское время эта сфера общественной жизни была засекречена; об агентурной деятельности говорилось полушепотом, о самом понятии агентуры существовало убогое мышление. Конечно, об этой области человеческого бытия нельзя болтать без устали. Есть сферы жизни, требующие особого такта и внутреннего понимания. И сегодня существуют строго секретные положения, открытые далеко не каждому.

Оперативный сотрудник любой спецслужбы не является одиночкой: его сила в сотрудничестве со специальными агентами, вместе с которыми он защищает и отстаивает интересы собственного государства. Агентуристы, золотой фонд спецслужб, как правило, люди высокой образованности, чуткости и порядочности. С людьми иных качеств никто не захочет не только постоянно работать, к примеру, по борьбе с терроризмом, но и общаться в обыденной жизни. Они ведут за собой своих добровольных помощников, зачастую вместе рискуют судьбами и жизнями. Воспитание и подготовка таких лиц достигается годами упорного труда наших офицеров, которые уже вместе с агентами препятствуют любым преступным замыслам против государства и граждан. Без квалифицированного агентурного проникновения нельзя бороться с иностранными спецслужбами (они, кстати, работают такими же методами, старыми как мир).

В те дни проводилась не только реструктуризация органов государственной безопасности. Наиболее болезненным явлением была перестройка психологии сотрудников, работающих в новых спецслужбах страны. Изменялись их мировоззрение и жизненные ценности, корпоративные и нравственные установки, традиции, которые вырабатывались годами. Но главной и незыблемой задачей по-прежнему было служение Отечеству, своему народу, верность закону.

Серьезно менялся механизм проведения острых оперативных мероприятий. Вместо получения на это санкции своего непосредственного руководителя, как это было в советский период, надо было представить законные обоснования для получения согласия прокурора (сейчас – суда) на проведение мероприятий по разработке конкретных лиц. На начальном этапе считалось, что это существенно ограничит возможности по разоблачению преступной деятельности. Вскоре всякие опасения отпали. Сотрудники становились под защиту закона, который давал им право с разрешения судьи проводить мероприятия, затрагивающие тайну переписки, контроль телефонных переговоров, неприкосновенности жилища, арестов и т. д.

Родилось и другое правовое новшество: впервые в истории отечественных спецслужб ведомственные приказы и инструкции МБ стали проходить государственную регистрацию в Министерстве юстиции, публиковаться в официальных изданиях. Без согласия Минюста и публикации в прессе инструкции не вступали в действие; даже для современного общества это значительный прогресс по сравнению с прежними закрытыми документами КГБ, проходившими через административный отдел ЦК КПСС.

Я намеренно много раз задерживаю внимание читателя на слове «впервые», поскольку граждане должны оценить настоящую правовую революцию в регуляции деятельности секретных спецслужб, проведенную в 1991–1992 годах в России и Украине.

15 мая 1992 года на Лубянке состоялся настоящий праздник: Президент страны озвучил программные установки для работы министерства на Коллегии Министерства безопасности. Содействие проведению в жизнь демократических преобразований и защита курса осуществляемых реформ средствами и методами органов госбезопасности являлись лейтмотивом деятельности министерства на данном этапе. Ельцин говорил о «высоком градусе политической активности в стране, сопротивлении оппозиционных сил выбору россиян после ГКЧП» и поставил перед нами несколько жизненно важных вопросов. Почему в России действуют организации, разжигающие политический экстремизм, межнациональную рознь, профашистскую, национал-коммунистическую, сепаратистскую идеологию? Почему в России формируются вооруженные отряды боевиков, откуда им поступает оружие и почему страна разделена на сферы влияния преступных кланов? Почему коррупция, организованная уголовная преступность разрушают основы деятельности государства, чинят произвол против человека? Почему общество разделено на своих и чужих, чистых и нечистых? Ответы на такие вопросы должны являться задачами МБ и одновременно параметрами требований ко всем сотрудникам министерства, добавлял Президент.

Ельциным было высказано несколько принципиальных положений в отношении национальной политики. К этим вопросам я продолжал оставаться особо чувствительным. Перед органами госбезопасности поставлена задача сохранения единства более 130 национальностей. Когда продолжает действовать синдром распада Советского Союза и происходят межнациональные, межэтнические противоречия и распри, Ельцин требовал уделять внимание каждому народу, каждой автономной республике. Региональная национальная политика должна вестись деликатно и умело. При этом органам МБ надлежит действовать аккуратно, чтобы не оскорбить национальные, религиозные чувства народов, а главное – не допустить вооруженного противостояния на этой основе. В применяемых методах предупреждения правонарушений, которые всегда были присущи органам государственной безопасности, необходимо находить нестандартные, несиловые решения.

В вопросах информирования Президента и высших органов власти позиция Ельцина сводилась к тому, что кризисная ситуация в стране требует «сверхнормативного» совершенствования информационных задач, своевременного реагирования на происходящие процессы. Министерство подвергалось серьезной критике в связи с тем, что в период осетино-ингушского конфликта не было должной упреждающей информации. МБ «серьезно опоздало в предупреждении». Надо браться за усиленную аналитическую работу, видеть развитие негативных ситуаций в общегосударственном плане, но при этом своевременно «приземляться». Передача информации – «минута, а не дни, но не в ущерб качеству» – таковы требования Президента страны. Министерству были даны установки на усиление обеспечения экономической безопасности государства в самом «широком плане». Ельцин отмечал, что без подключения МБ к борьбе с экономической преступностью нам в стране с нею не справиться, нужны «дерзкие прорывы».

В области контрразведки, подчеркнул Президент, активность зарубежных спецслужб, как ни странно, нарастает. Особенно отчетливо это заметно при анализе подрывных планов зарубежных спецслужб против России. В 1991 году президент США Д. Буш на церемонии вступления в должность директора ЦРУ Р. Гейтса (потом – министр обороны) ставил задачи американскому разведывательному сообществу: «США должны иметь сильную разведку. Нам нельзя допустить ошибку и потерять бдительность, даже невзирая на распад Варшавского договора и советской империи. Следует уже в ближайшее время существенно расширить агентурную деятельность». Концепция президента США Клинтона – «партнерство во имя мира» – предусматривала расширение НАТО, включение в этот военно-политический блок освободившихся из-под «ига советского господства» европейских стран, ранее входивших в Варшавский договор. В интересах НАТО западные спецслужбы начали проработку вопросов об использо-

вании оставшегося военно-экономического потенциала Советского Союза (военных баз) на территории бывших союзных республик. В 1992 году установленные нами разведчики стран НАТО для изучения состояния боеготовности вооруженных сил и ядерного потенциала осуществили более 1100 разведывательных поездок по России, активировали агентурные подходы к гражданам страны. Обстановка в стране рассматривалась ими как исключительно благоприятная для агентурных операций. Иностранные разведки в качестве источников информации стали интересоваться депутатами, лидерами политических партий, общественных движений и должностных лиц ведущих министерств. Под благовидными предлогами им организовывались поездки за рубеж, оплачивалось их участие в различных международных форумах. Широко использовались «инициативники», предлагающие шпионские услуги из корыстных побуждений, зачастую за гроши. Спецслужбы Запада активизировали акции по недопущению возрождения сильного российского государства, поощряли местнические процессы суверенизации и сепаратизма, призывая к децентрализации и расчленению территории России. Поэтому Ельцин отмечал, что в стиле работы Министерства безопасности важны контрразведывательные программы, система профессиональной работы с нашей стороны, но все это не должно быть поводом для нагнетания истерии и подозрительности.

Говоря о разведывательных устремлениях спецслужб западных государств, хочу заметить, что Борис Николаевич и сам являлся объектом пристального изучения со стороны разведчиков. Впрочем, такое повышенное внимание к руководителям страны объяснимо логикой разведки. Высокопоставленный сотрудник ЦРУ в беседе со мной не скрывал, что американскую разведку интересует вопрос: не вернет ли Ельцин, пришедший к власти, Россию вновь к «имперским замашкам»?

В 1992 году Министерство безопасности подписало несколько двусторонних соглашений по различным направлениям сотрудничества со специалистами дружеских государств. По форме и содержанию они стали приобретать значимость международных договоров. Так, в основе соглашения о сотрудничестве между Министерством безопасности России и Службой безопасности Украины были положены принципы взаимного доверия, уважения суверенитета, территориальной целостности и государственной независимости обоих государств. В Москве переговоры велись с Марчуком и руководителем украинской разведки Шарковым. В рамках этих соглашений стороны брали на себя обязательство информировать друг друга о выявленных разведывательных устремлениях иностранных спецслужб и враждебных проявлениях зарубежных организаций, осуществлять совместные мероприятия по пресечению терроризма, организованной преступности межгосударственного и межрегионального характера, в борьбе с контрабандой, незаконными вывозом культурных ценностей и оборотом оружия, наркотических и психотропных веществ.

Российская сторона продолжала оказывать весомую помощь в оперативно-техническом обеспечении, поставке средств специальной техники, проведении криминалистических исследований и т. д.

В принимаемых соглашениях со спецслужбами бывших союзных республик закреплялись положения, ведущие к равноправному и честному сотрудничеству, подтверждающие договоренности никогда не работать друг против друга.

Глава вторая
1993 год – самый трагический вроссии

… Россию Ельцин задурил.
Сидят Руцкой и Хасбулатов.
Людей невинных кровь пролил,
А коммунисты – виноваты.
У нас Кравчук ловчит, хитрит.
Базар разводят депутаты.
Народ по-прежнему молчит,
А кто-то чистит автоматы.

В. Пыхтин

Начало 1993 года отличалось жестким практическим противоборством и непримиримым противостоянием президентского и парламентского институтов государственной власти.

С правовой точки зрения, в стране продолжала действовать советская Конституция, функционировали Советы, формально представляющие народовластие. Набирала силу президентская форма правления, легитимность которой определялась вносимым в конституционный блок множеством дополнений и поправок, изданием указов и постановлений Ельцина. Вместе с тем Верховный совет во главе с Хасбулатовым проявлял постоянное и настойчивое желание урезать президентские полномочия. К тому же Президент не имел права вето на решения парламента. Ветви высшей российской власти стремились ослабить, а то и уничтожить одна другую, назревало реальное, угрожающее длительным противоборством двоевластие. Конфликт между властями делал страну неуправляемой, а федеральную власть – неустойчивой, малоавторитетной в обществе и отдельных регионах.

В марте депутатский корпус предпринял безрезультативную попытку объявить импичмент Президенту. Ответом была одержанная в апреле Ельциным в ходе всенародного референдума внушительная победа: он получил доверие большинства населения страны. Президент усилил контроль за обстановкой, поддерживал эволюционное развитие страны, стараясь избегать социальных потрясений и взрывов, не жалел личных обещаний лучшей жизни в ближайшем будущем. Люди поверили в его готовность «лечь на рельсы», если положение в стране не улучшится.

Надо сказать, что обе власти стремились приблизить и склонить на свою сторону руководителей министерств, особенно силовых структур. Баранников подчеркивал свою близость к Президенту, не упускал возможностей появляться в его окружении на публичных мероприятиях. При этом он игнорировал главу правительства Гайдара и не скрывал своего неприязненного отношения к председателю парламента Хасбулатову.

В руководстве страны министерство всегда представляет министр. Как первый заместитель министра, я участвовал в различных совещаниях, входил в создаваемые многочисленные комиссии, но от первых лиц был далек.

В связи со сложностью внутриполитической обстановки в стране Съезд народных депутатов потребовал отчета у силовых министров – безопасности, внутренних дел и обороны. Баранников в своем выступлении особо подчеркивал, что из-за постоянной конфронтации президентской и парламентской ветвей власти страна находится будто на военном положении. Если и дальше продлится противостояние властей, то будут окончательно подорваны стабильность и безопасность государства. Он упрекал депутатов в том, что граждане России «до предела натерпелись и устали от конфронтации властей». Баранников проявил смелость, объявив о коррум-

пированности в министерствах внешнеэкономических связей, иностранных дел, в московской и петербургской мэриях. В выступлениях руководителей силовых ведомств перед депутатским корпусом содержалась тревога о судьбе России, подобная заявлениям об угрозах существованию СССР со стороны Крючкова и Язова перед образованием ГКЧП.

По оценке Гайдара, выступление Баранникова прозвучало «присягой на верность Съезду», а министры обороны и внутренних дел говорили «нечто невнятное». Гайдар сожалел, что Ельцин «еще вполне доверял Виктору Баранникову, полагал, что тому пока трудно удается овладеть рычагами управления в бывшем КГБ». «Что Баранников при случае перейдет на другую сторону, честно говоря, ожидал давно». Видимо, исходя из такой оценки Баранникова, Гайдар сделал выводы, что «если Министерство безопасности и работало, то явно не на нас». Он жаловался, что от органов безопасности правительство не получало необходимой информации, по которой можно четко представить обстановку в различных областях жизнедеятельности государства, принять антикризисные меры.

По моему утверждению, такие заявления были далеки от истины. Информация, направляемая Министерством безопасности, прежде всего, Президенту, а также правительству, позволяла видеть болевые точки экономики, финансов, социальной жизни, обороны и безопасности страны. Президента систематически информировали о внутренних и внешних угрозах безопасности государства, источниках и причинах дестабилизации политической, социально-экономической обстановки в стране. В период ломки основ социалистического общества, зарождения новых государственных механизмов, вхождения в рыночные отношения информация Министерства безопасности носила обобщенный, надведомственный и прогностический характер. Я хорошо помню документы по этой тематике. Другой вопрос, всегда ли умело и результативно наши сведения использовались? Бывали факты, когда докладываемая информация на имя Президента пропадала в его администрации, как в бездонном колодце.

Не хочу винить министерство, администрацию Президента и правительство. Мы все были вынуждены работать в режиме пожарной команды; из Министерства безопасности направлялись аналитические записки, требующие принятия серьезных решений, законодательных актов, выделения финансирования, а для этого не хватало денежных средств и политической воли.

В июле 1993 года как гром среди ясного неба последовал указ Ельцина об освобождении Баранникова с должности министра безопасности. Официальные мотивы: за нарушение этических норм и утрату контроля за положением российских пограничников на таджикско-афганской границе (Московская пограничная застава была атакована превосходящими силами афганских боевиков, мужественно приняла бой и понесла тяжелые потери). Вместе с Баранниковым был снят с должности командующего Пограничными войсками генерал-полковник В. Шляхтин, который в дни боевого столкновения находился за рубежом в служебной командировке.

Обвинения министра безопасности в нарушении этических норм были обусловлены тем, то Баранников как должностное лицо преступил грань допустимых отношений с оборотистым эмигрантом из России, швейцарским гражданином Бернштейном. Вдвоем с Баранниковым мы встретились с коммерсантом Бернштейном, предлагавшим значительные зарубежные инвестиции в экономику России. (Позднее, убравшись из России, он аналогично дурил головы правительственным чиновникам на Украине.) Выяснилось, что он тесно связан деловыми отношениями с президентом Молдавии Снегуром, является его государственным советником, может оказать содействие в обсуждении проблемы достижения после распада СССР мира в этом горячем регионе. Министерство безопасности внесло соответствующие предложения по этому вопросу Ельцину, который направил в Молдавию на переговоры вице-президента Руцкого и Баранникова.

Скажу, что именно Руцкому и Баранникову удалось договориться о перемирии и прекращении гражданской войны. Тогда этот факт не афишировался, поэтому заслуги в этом командующего 14-й армией генерала Лебедя, как мне представляется, преувеличивались. После этого личные отношения между Баранниковым и предпринимателем Бернштейном укрепились, что и погубило успешную карьеру министра. А тут еще присовокупилась поездка супруги в Швейцарию с затратами и подарками иностранца…

Перед отъездом в местную командировку я встретился с Баранниковым, который пожаловался: «Идут накаты в СМИ на министерство, на меня лично. Веришь ли ты распространяемым слухам о моей коррумпированности?» Я ответил, что «не интересуюсь сплетнями. Если же они распространяются, сделайте, Виктор Павлович, соответствующие выводы». С утра ничто не предвещало неожиданностей, а вечером, возвратившись из поездки, я узнаю, что Ельцин пригласил в Кремль Баранникова, всех заместителей и огласил указ об освобождении министра с должности. Там же в мое отсутствие Президент возложил на меня исполнение министерских обязанностей.

Решением Ельцина была создана межведомственная комиссия во главе с министром юстиции по проверке поступивших материалов на вице-президента Руцкого, Баранникова, заместителя министра внутренних дел Дунаева об их коррумпированности. Несмотря на утверждение состава комиссии самим Президентом, я категорически отказался войти в эту комиссию, считая неэтичным для себя участвовать в разбирательстве дел своего вчерашнего руководителя.

Работа комиссии «в войне компроматов» велась почти на процессуальном уровне, с технической записью объяснений приглашаемых лиц, в числе которых оказался и я. Особые попытки направлялись на компрометацию Руцкого, доказательство заключения (сфабрикованного за рубежом) вице-президентом корыстного трастового договора с зарубежными фирмами.

Глава администрации Филатов, главный координатор работы злополучной ведомственной комиссии, на вопрос Ельцина: «Что будем делать с Баранниковым?» – отвечает: «Теперь нужно снимать, Борис Николаевич. Баранников начал сбор компромата на членов комиссии и уже завел несколько уголовных дел. Теперь он не остановится ни перед чем. Не снимите – он со всеми счеты сведет, а вас продаст, если уже не продал».

Баранников не был уволен из кадров Министерства безопасности, находился «в распоряжении», то есть ожидании нового назначения.

Неожиданно в средствах массовой информации появилась статья Баранникова «Честь имею». В статье он обвинил одного известного политика в сотрудничестве с КГБ, и если это были действительно достоверные данные, то разглашение подобных сведений является уголовно-наказуемым преступлением. В моральном плане такой публичный шаг, недостойный и недопустимый для профессионала, если и сделан, то в свое личное оправдание. Президент страны очень резко отреагировал на выступление Баранникова в печати. «Какая тут честь! Он нарушил клятву верности, которую давал мне на крови, а сейчас перебежал к Хасбулатову», – возмущался Ельцин. Он не раскрывал смысл «клятвы на крови», и только из воспоминаний начальника охраны А. Коржакова я узнал, что было и такое действо для доказательства преданности.

Последствия не заставили себя ждать. Продолжалось недоверие Президента к Министерству безопасности, завершившееся его скорой ликвидацией. Он потребовал убрать из министерства близких Баранникову людей, которые пришли с ним на руководящие должности из МВД.

12 сентября 1993 года Ельцин пригласил меня на свою загородную государственную дачу. Был теплый осенний выходной день; я обдумывал, к чему надо быть готовым, так как цель посещения президентской резиденции предварительно не обговаривалась. Встреча с Президентом в неформальной обстановке для меня была первой (кстати, в такой домашней атмосфере и

единственной), к тому же я оставался в положении исполняющего обязанности министра безопасности. Когда я приехал на дачу, там уже были министры: обороны – Павел Грачев, внутренних дел – Виктор Ерин, иностранных дел – Андрей Козырев, отсутствовал премьер-министр Виктор

Черномырдин (находился в США). По инициативе Ельцина началось обсуждение сложившейся политической обстановки в стране. Для присутствующих министров, представляющих стратегическое руководство страны, тревоги были очевидными: не прекращалась, а ужесточалась непримиримая конфронтация президентской и парламентской ветвей власти. Противостояние между Кремлем и Белым домом достигало критической точки кипения. Вокруг этих баталий разгорались политические страсти на территории всей страны, к тому же охваченной массовыми народными выступлениями, демонстрациями протеста из-за безработицы, нищеты и продолжающимися шахтерскими забастовками.

Возрастали масштабы внутренних и внешних угроз безопасности России. Надо прямо признать, что они граничили с опасностью потери управляемости и новым распадом государства. Сказывались негативные последствия вооруженного конфликта между еще недавно братскими, соседними республиками Северной Осетией и Ингушетией, набирал силу разнузданный сепаратизм в Чечне. Серьезные процессы превращения в вотчины с конституционным обособлением происходили во многих автономных республиках – Татарстане, Башкирии, Якутии. В ряде регионов страны отмечались попытки создания незаконных вооруженных формирований и бандитского подполья. Увеличивалось число провокаций со стороны оппозиционных политических партий и движений, выливавшихся в акции группового гражданского неповиновения.

Действия сотрудников Министерства безопасности по сдерживанию радикальных экстремистских элементов воспринимались как нарушение демократических завоеваний, к которым так долго стремились. Все это преподносилось как возобновление «политического сыска» и преследование лиц по идеологическим мотивам. В наш адрес бросали обвинения, дескать, в Министерстве безопасности продолжают линию КГБ по поиску внутренних врагов. Отдельные новоявленные демократы договорились до того, что после ликвидации СССР у самостоятельной России отсутствует реальный противник в лице империалистических государств, например военно-политического блока НАТО. Утверждалось, что угрозы безопасности стране могут исходить только от стран ближнего зарубежья, наших бывших союзных республик, их нестабильности в беспокойном приграничном окружении.

После распада СССР массовым явлением стала широкая миграция в нашу страну вынужденных беженцев из бывших республик Союза. Перемещались из родных мест в поисках лучших условий жизни сотни тысяч униженных, ограбленных и обездоленных людей, численностью своей превышавших депортированных при Сталине. Даже в ослабленной России они продолжали видеть своего векового защитника. Беженцы и перемещенные лица из республик Советского Союза – это, в первую очередь, изгнанные семьи русского и других народов, которым необходимо было предоставить жилье, работу, пенсии, возможности для обучения детей. Одновременно усилился отток русского населения из автономных республик Северного Кавказа, откуда оно вытеснялось с обжитых их предками в течение многих столетий земель.

Жизнь народа протекала в катастрофических условиях экономического падения, шоковой терапии, тяжелейшей инфляции. Экономический кризис принимал затяжной характер. В области потребления население страны было отброшено лет на двадцать назад, десятки миллионов граждан находились на уровне крайней нищеты. Новая социальная политика приводила к существенному имущественному расслоению, создавала предпосылки к зарождению социальных конфликтов в обществе.

Уголовная преступность перешагнула границы страны, все больше сращиваясь с международной мафией. В криминальной среде увеличивалось число правонарушений с примене-

нием оружия, экономических и должностных противозаконных действий, отмечался рост преступных группировок, которые приобретали национальную окраску.

Руководство Министерства безопасности стремилось к тому, чтобы деятельность личного состава становилась важным звеном в надежном обеспечении безопасности России, направлялась на недопущение сползания страны к грозящей катастрофе. Премьер Гайдар отмечал, что без информации Министерства безопасности его правительству приходилось «работать в потемках, словно ходить по минному полю без миноискателя».

Среди решаемых нами актуальных вопросов были стабилизация обстановки в горячих точках, подготовка новых кадров, укрепление взаимодействия с создаваемыми силовыми структурами в СНГ и партнерства с некоторыми западными спецслужбами в борьбе с международной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом оружия, радиоактивных элементов. Мне представляется, что сотрудниками делалось именно то, что актуально и для нынешних спецслужб.

Между тем разведслужбы Запада расширили круг добываемых сведений, стали активно интересоваться, казалось бы, самыми будничными, далеко не закрытыми или секретными сведениями в области политики, экономики, валютно-финансовой системы, инфляционных процессов и денежной эмиссии, роста цен на энергоносители. Все это осуществлялось ими ради достижения единой цели – оказания давления на руководство России с целью превращения ее в «ресурсно-вывозную» страну. Особенно настойчиво влияние оказывалось на завершение окончательного уничтожения социалистических устоев в экономике страны, в которой должны оставаться только низкооплачиваемая рабочая сила, трудоемкое и вредное в экологическом отношении производство. Оказываемая капиталистическими странами финансовая и гуманитарная помощь рассматривалась как эффективный механизм воздействия на политику российского правительства и всеобъемлющего контроля за развитием внутренних процессов в выгодном для них направлении.

Сторонники противоборствующих ветвей власти делали для себя нелегкий выбор: объединиться вокруг Президента Ельцина или быть вместе с депутатами Верховного совета под руководством Хасбулатова, которые решительно поставили перед собой задачу ликвидировать институт президентства.

Ельцин в тот день, 12 сентября, ознакомил присутствующих министров с проектом указа № 1400 о намечаемой поэтапной конституционной реформе. Президентом России планировалось распустить Съезд народных депутатов (ни в одной союзной республике его не было), прекратить полномочия действующего Верховного совета и в конце года провести выборы в новый законодательный орган. Все присутствующие согласились с решением Ельцина. Обсудили некоторые острые положения указа и возможную реакцию в стране и за рубежом на неоднозначные действия Президента.

Моя позиция – поддержать президентские меры, чтобы избежать угрозы развязывания гражданской войны и дальнейших горьких испытаний для нашего народа. Бездействием центральной власти стали явно злоупотреблять некоторые региональные политики в автономных республиках, краях и областях, выступая с местнических позиций. Некоторые из них принимали законы, которые присущи только суверенным государствам, например устанавливать гражданство, вести самостоятельные международные дипотношения, заключать мирные договоры и т. д. «Не колебался, не раздумывал, – так скажет в своих воспоминаниях Президент, – Николай Голушко. Я его мало знал. Он имел полное моральное право отказаться от того варианта выхода из кризиса, который я предлагал. Мы мало работали вместе, к тому же Голушко пока всего лишь исполняющий обязанности министра безопасности. Мы втягивали его в эту сложную ситуацию, а вполне возможно, что такое решение противоречило его политическим и человеческим принципам. Я не знал, как он отреагирует. В то же время, может, это и хорошо, что появилась возможность проверить человека в острый момент».

В существующем противостоянии, в борьбе за власть проявляли активность и видные московские политики. Вконец зарвался вице-президент страны Руцкой, который накануне посетил Республику Коми и призывал шахтеров к всеобщей политической забастовке в поддержку законодательной власти, к свержению «режима Ельцина», высказывал недопустимые для его должностного положения нападки на правительство и президентскую власть. Трудно найти в мире другую страну, в которой второе по статусу государственное лицо могло допускать такую вольность, открыто заниматься антиконституционной деятельностью, и его дальнейшие действия буквально через месяц вылились в вооруженную попытку захвата власти.

Для самого Ельцина такой радикальный выбор – подписание указа № 1400 – был исключительно сложным. Он не спешил пойти на обострение обстановки, хотя мог реализовать свои идеи по объявлению досрочных выборов еще весной. Если бы эти события касались только разгона действующего парламента, авторитет которого был невысок, а не судьбы завоеваний Октябрьской революции, власти Советов, то в стране была бы относительно спокойная реакция. Депутатский корпус сам допустил множество неконституционных шагов, поэтому предложение распустить Съезд народных депутатов и назначить новые выборы не казалось столь резким шагом со стороны президентских структур. Намерения Президента были понятными: необходимы политическая стабильность, ясность, определенность. Хватит уловок с законами. «И я выбрал свой вариант стабильности», – отмечал Ельцин.

Содержание указа № 1400 – это словно известная до революции межа на спорных крестьянских земельных делянках, которая разделила общество. Ельцин не скрывал его неконсти-туционность, но видел в нем вынужденную меру, единственно возможное средство для выхода из тупиковой ситуации, ликвидации господствующего острого политического кризиса.

Действующая Конституция к этому периоду явно устарела, не отвечала современным реалиям, настроению и состоянию российского общества. Верховный совет намеренно провоцировал президентские структуры на решительные действия. Хасбулатов призывал парламентариев не покидать Белый дом, обвинил президентскую сторону в подготовке военного переворота и возможном вооруженном штурме здания Белого дома. Российские депутаты сами создали прецедент, когда в 1991 году после августовских событий с их активным и агрессивным участием были организованы нападки на Съезд народных депутатов СССР.

Мною была направлена записка Президенту об увеличении в стране числа проявлений террористической направленности. Возросло количество насильственных акций, выступающих как метод давления на органы власти и управления. Губернаторы, главы администраций, олигархи в обход федеральных властей создавали собственные самостоятельные службы безопасности и охраны. В масштабах страны такие процессы не могли не вызывать озабоченности. Руководство Верховного совета в этих вопросах пошло еще дальше, создав независимый Департамент охраны Верховного совета с подчинением непосредственно председателю ВС. Сотрудники департамента носили милицейскую форму, числились в штатах МВД, но фактически были выведены из подчинения Министерства внутренних дел. В Департаменте охраны стало накапливаться значительное количество боевого автоматического оружия. «После августа 1991 года по указанию самого Ельцина там был создан целый арсенал современного вооружения… подвалы Белого дома ломились от оружия».

Одновременно в стране функционировали Главное управление охраны Российской Федерации, служба охраны Президента и множество ведомственных служб безопасности. Это приводило к увеличению финансовых расходов на содержание охранников, дублированию и параллелизму в их работе, необоснованному расширению категории государственных чиновников, которые в обязательном порядке подлежали охране. Многочисленные ведомственные и частные охранные структуры действовали без единых законодательных правил, по своим уставам и практически все были оснащены боевым оружием, что не исключало возможных эксцессов между ними при осуществлении охранных мероприятий. Когда Гайдар как-то прово-

дил региональное совещание в Поволжье, там столкнулись около 18 служб безопасности глав местных автономий и областей.

Министерство безопасности направило Ельцину простое и логичное предложение: обсудить на Совете безопасности эту проблему и образовать единую федеральную службу государственной охраны высших органов власти и управления и высших должностных лиц. По нашему докладу ничего не было сделано. А ведь вопрос стоял настолько серьезно, что его нерешенность привела к тяжелым результатам. Если бы созданный Департамент охраны Верховного совета был подчинен государственным структурам, то кровопролития у Белого дома 3–4 октября можно было избежать. В результате получилось так, что во время событий октября 1993 года, когда необходимо было провести переговоры с депутатами, первый заместитель министра безопасности Степашин по своему министерскому удостоверению с трудом пробивался через кордон озлобленной охраны Верховного совета.

Это является ярким свидетельством того, что даже в таких вопросах проявлялось существовавшее резкое противостояние президентской и парламентской ветвей власти до самого начала кровавых октябрьских дней.

В начале октября происходящее в стране стало напоминать августовские дни ГКЧП: у Белого дома снова появились защитники, те же танки, только теперь с прицельной стрельбой в одну сторону.

Вернемся к встрече на даче Президента: там было решено, что 19 сентября Ельцин выступит перед общественностью и объявит о своих действиях, вытекающих из указа № 1400. Но в кабинетах его администрации распространилось мнение о том, что дату введения в действие указа следует перенести на два дня, чтобы не создавать аналогию с 19-м числом, ведь именно в этот августовский день 1991 года объявлялось о создании в стране ГКЧП. Конечно же, любая задержка во времени приводила к определенной утечке информации, нагнетанию политических слухов и страстей. И здесь исключительно стабилизирующее значение сыграло обращение главы правительства Черномырдина к населению страны, а также проведенное им селекторное совещание с руководителями регионов. Он отмечал, что указ президента № 1400 приостанавливает законодательный произвол, политические провокации, предотвращает паралич в управлении страной и сталкивание ветвей власти к жестокому противостоянию с непредсказуемыми последствиями. Администрациям регионов Черномырдин обещал, что правительство будет занимать твердую линию по восстановлению государственной власти, обеспечению безопасности и правопорядка. Кто будет создавать параллельные структуры власти, тот осознанно толкает общество к гражданской войне. Авторитет главы правительства как сильного политика был высок. Во многом благодаря принципиальной позиции Черномырдина большинство региональных администраций на территории страны оставалось на стороне президентской власти.

Черномырдин умело обратил в свою пользу события октября 1993 года. Он укрепил собственную позицию, в отличие от

Президента стал больше брать на себя инициативу в текущих вопросах политической и экономической жизни. Использовал свой богатый советский опыт управления, был решителен, что подтвердилось его непосредственным участием в создании новой политической партии.

Скажу прямо, что роль Черномырдина в решении вопроса о штурме Белого дома была определяющей. Он руководил ходом совещания после того, как его покинул Ельцин, недовольный требованием министра обороны Грачева дать письменное распоряжение на применение войск у парламента. Даже оппозиционная пресса признавала, что глава правительства, «изгнав из своего окружения чикагских толстячков, вдруг обнаружил свою национальную природность, уральскую, такую коренную русскость…».

Мне как министру буквально через два дня после вступления в должность пришлось вскрывать секретный пакет и объявлять указ № 1400 руководящему составу МБ. Распускался Съезд народных депутатов РСФСР, и в стране должны были состояться новые выборы. Я вни-

мательно следил за реакцией своих коллег из руководящего состава министерства. Большинство руководителей я знал лично, многие годы работали вместе. Это были опытные люди, профессионалы в своем деле, некоторые из них прошли через серьезные испытания в горячих точках и в период ГКЧП. Было заметно, что для большинства руководителей такие решительные шаги Президента были ожидаемы, никто не высказывал несогласия с ними. Обстановка была накалена до предела. Я обратился с вопросом, имеет ли кто-нибудь отличную от Президента позицию. Если да, то просил высказать свое мнение, и эта откровенность будет воспринята с пониманием. По крайней мере, увольнение или наказание не последуют; лучше честность, чем молчаливое согласие и последующее предательство. Начальник Московского управления МБ Евгений Савостьянов при объявлении указа № 1400 рекомендовал своим подчиненным в случае несогласия «заболеть» на время, получить больничный лист и переждать назревающие события.

Мною доводились основные установки Президента: в процессе реализации указа использовать только мирные средства, не допускать никаких столкновений. Он требовал просчитать все варианты, чтобы не было жертв и кровопролития, этого не должно случиться ни при каких обстоятельствах.

Вместе с начальником инспекторского управления министерства генерал-лейтенантом Василием Кравцовым мы готовили указание в территориальные органы более 80 субъектов федерации, тщательно продумывая каждую фразу, как надлежит действовать в рамках их компетенции, какие задачи выполнять сотрудникам госбезопасности в регионах. В нашей памяти еще были свежи времена ГКЧП, когда после выполнения служебного долга (мне – на Украине, Кравцову – в России) приходилось отвечать за свои дела и слова, давать показания следователям и разного рода комиссиям. Нельзя было допустить ошибок в постановке задач органам госбезопасности в автономных республиках, областях и краях: в глубинке их всегда сложнее исправлять, чем в центральном аппарате министерства.

Когда я подписал шифротелеграмму в территориальные органы, Кравцов заметил: «Вас уволят первым, а меня, исполнителя, следом за вами». Насколько сложно было в тот момент принимать оперативные решения, можно прочитать в мемуарах Ельцина: «Еще один проблемный пласт, породивший беду. Неумение и боязнь применять силу. Продуманного плана действий на случай мятежа, чрезвычайного положения, локального конфликта у нас не было. И надо в этом честно признаться. Такой план можно разработать только на основании реального опыта. Но никакого опыта широкомасштабных чрезвычайных ситуаций в этой стране не было. Ну, а раз плана нет, раз единственным примером, образцом нештатной ситуации в масштабах всего российского государства для нас является августовский путч – отсюда и комплексы. Страх перед демонстрациями, неумение справляться с уличной стихией. Отсюда и наша тактика безоружного стояния вокруг Белого дома».

В указании на местах усилия личного состава органов безопасности ориентировались на пресечение действий, направленных на дестабилизацию политической обстановки, провоцирование массовых беспорядков, разжигание межнациональной розни и антиобщественных конфликтов. Поставлены задачи по пресечению актов терроризма, действий незаконных вооруженных формирований, установлению конкретных лиц, вынашивающих экстремистские намерения. Как всегда, обращалось внимание на обеспечение безопасности особо важных народнохозяйственных объектов, сохранности оружия, взрывчатых и отравляющих веществ. Большую работу надлежало провести военным контрразведчикам во всех родах войск. Необходимо было принять меры по обеспечению усиленной охраны иностранных посольств и представительств. Следует сказать доброе слово в адрес руководителей и личного состава территориальных органов МБ: они не дрогнули, не допустили каких-либо шатаний в выполнении поставленных задач.

Мы внимательно изучали настроение в обществе. Поступающие данные свидетельствовали, что бизнес-предприниматели оказывали подавляющую поддержку президентским структурам; творческая интеллигенция видела единственный выход в одновременном переизбрании обоих ветвей власти; значительная часть офицерского состава придерживалась взглядов, что использование вооруженных сил недопустимо, армии необходимо соблюдать нейтралитет, реализацию указа № 1400 решать консультационным, политическим, переговорным путем.

Прибытие в Москву 24 сентября глав государств СНГ оказало мощную поддержку курсу Ельцина, вынужденного распустить парламент и назначить новые выборы. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев оценивал осуществляемые Ельциным меры как направленные на благо России: «Процесс реформ, наталкивающийся на серьезные противоречия, требовал определенных и решительных мер. В связи с этим действия Президента Бориса Ельцина воспринимаются нами как один из путей выхода из политического тупика…» Президент Украины Леонид Кравчук отреагировал так: «Я, как и всегда, буду поддерживать действия Бориса Ельцина, направленные на сохранение единства России, стабильности, демократии и мира, утверждения равноправных и добрососедских отношений между русским и украинским народами».

Продолжались совещания у Президента страны, который отмечал их особую напряженность и ответственность. Ельцин вспоминал, что Павел Грачев от излишнего волнения попросил разрешения зачитать свой короткий доклад. Он никогда этого не делал, но сейчас твердым, громким голосом стал читать по бумажке. Свои сообщения сделали Черномырдин, Ерин и теперь уже новый министр безопасности Голушко.

Сторонники президентской власти высказывались за необходимость избежания вооруженных провокаций. Проводимые силовыми ведомствами мероприятия направлялись на то, чтобы никоим образом по вине президентской стороны не пролилась кровь. Руководителями Министерства безопасности была выработана линия: через оперативные возможности влиять на авторитетных народных избранников, чтобы нейтрализовать действия радикальных элементов и вывести депутатов из Белого дома в предназначенное для них здание на Цветном бульваре, где они смогли бы вести подготовку к новым выборам.

Мы активизировали работу по влиянию на депутатский корпус. Начали я, Степашин, Сафонов, Калимулин, Савостьянов и другие: вытаскивали многих депутатов из Белого дома, убеждали, а некоторых просто уберегли от уголовной ответственности. Мы честно можем смотреть в глаза таким депутатам, некоторые из них стали известными российскими политиками. Не получилось позитивно повлиять на Руцкого.

После обсуждения у Президента было принято решение не ставить вокруг здания парламента плотных воинских или милицейских кордонов. В Москву в первые дни никакие воинские подразделения, техника не вводились. Ельцин считал, что жесткие адекватные меры можно принять только в ответ на агрессивные противозаконные действия сторонников Белого дома. На предложения Ельцина о нормализации обстановки в стране, готовности обеспечить проведение досрочных выборов законодательной власти в ответ из Белого дома звучали призывы к неподчинению и сопротивлению. Под знамена Верховного совета приглашались разношерстные добровольцы и ополченцы, которым раздавалось оружие. Среди защитников Белого дома неожиданно появился Баранников. В блестящем кожаном реглане, словно чекист призыва ВЧК, он встал на сторону парламентской оппозиции. Этот поступок бывшего министра, еще не уволенного из кадров МБ, повлек за собой самые негативные последствия для всего министерства.

Руцкой (как же – главнокомандующий!) в стенах Белого дома своим приказом образовал «мотострелковый полк из резервистов города Москвы», из числа ряженых казаков, боевиков Тираспольского батальона «Днестр», рижских омоновцев и баркашовцев. А тут еще на поле битвы Кремль – Белый дом возник новый герой, председатель Конституционного суда Зорь-

кин. 22 сентября 1993 года Конституционный суд по его инициативе, без соблюдения всех надлежащих правовых процедур признал указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов неконституционным и расценил его как достаточное основание для отстранения Ельцина от должности и лишения президентских полномочий. Зорькин проявил не только активность в спешном принятии такого судебного решения, но и публичную поддержку руководства Верховного совета. В первые беспокойные и непонятные для многих дни он появился в Белом доме, включился в политические разборки, откуда позвонил мне. До сих пор остается неприятное ощущение после состоявшегося разговора.

Заместитель председателя Конституционного суда Н. Витрук, мой университетский однокурсник, и еще несколько судей приостановили свое участие в судебных заседаниях из-за несогласия с «политическими играми Зорькина». Не без влияния Конституционного суда страна оказалась в правовом тупике, конституционного выхода из которого не было. Такого мнения придерживались и сотрудники Института государства и права, которые заявляли, что они не могут не обратить внимания «на негативную, в сущности пособническую, роль, которую сыграли в трагическом развитии событий Конституционный суд РФ и его председатель».

Политическая обстановка в стране быстро развивалась по непредсказуемым сценариям противоборствующих сторон. Одни ограждали забором, обматывали колючей проволокой Белый дом, отключали в нем электрический свет, правительственную и городскую телефонную связь; другие срочно, под себя принимали законы и формировали собственное правительство.

22 сентября Руцкой на съезде поставил вопрос о моем отстранении от должности министра безопасности «ввиду полного неподчинения». В сформированном Белым домом параллельном правительстве этот пост согласился занять Баранников. Руцкой обратился к личному составу Министерства безопасности Российской Федерации с посланием: «Мною принято решение об отстранении с поста министра безопасности Российской Федерации Николая Михайловича Голушко и назначении министром безопасности Виктора Павловича Баранникова. Считаю необходимым разъяснить мотивы такого решения. Все, кто знает генерала Голушко Н. М., относятся к нему с уважением. Однако возникший перед ним выбор он сделал, к сожалению, не в пользу конституционного правопорядка».

По прибытии в Белый дом и назначении на должность Баранников в тот же день издает такой приказ: «На основании указа исполняющего обязанности Президента Российской Федерации от 22 сентября 1993 года № 3, утвержденного постановлением Верховного совета Российской Федерации от 22 сентября 1993 года № 57861,22 сентября 1993 года вступил в должность министра безопасности Российской Федерации. Приказ объявить личному составу. Министр безопасности Российской Федерации генерал армии В. П. Баранников».

Депутатским корпусом освобождались от занимаемых должностей министр обороны Грачев и министр внутренних дел Ерин. Верховный совет проголосовал об отстранении Ельцина от должности Президента; власть и полномочия переходят к Руцкому, который торжественно занял предназначенное для Президента кресло в парламенте, что страна увидела по ТВ. Это были драматические игры депутатов, которые продолжали проводить заседания съезда, чаще всего без наличия кворума.

22 сентября Руцкой подписал дополнения в действующий Уголовный кодекс РСФСР. Парламентские правоведы явно спешили. Статью о посягательстве на конституционный строй они усилили уголовной ответственностью вплоть до смертной казни, расстрела должностных лиц «за действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации». Разработанные поправки в действующий Уголовный кодекс – это далеко не безобидные депутатские действия; они останутся в истории российского парламентаризма как свидетельство исключительной напряженности обстановки, противоборства президентской и парламентской ветвей власти. Руцкой и Хасбулатов ввели для своих политических оппонентов, которые поддержали президентскую сторону, смертную казнь. Можно предста-

вить себе последствия их победы… Руцкой уже подписал указы об аресте В. Черномырдина, Ю. Лужкова, А. Козырева, А. Чубайса и силовых министров. Через народного депутата СССР Иосифа Кобзона Руцкой просил передать мне, чтобы «не рубили деревья» на территории Кремля, там он грозил вешать своих противников.

Впоследствии арестованный генерал-полковник Макашов делился своими наблюдениями, как родился «расстрельный указ»: «Я видел, какую сцену устроил Руцкому Хасбулатов, когда тот подписал указ о смертной казни для тех, кто поддерживает Ельцина: «Вы хотя бы смотрите, что подписываете. Как можно выпускать такой указ? Он же отпугнет от нас людей. Какие провокаторы его готовили?»

Последовавшие события развивались по сценарию вооруженного мятежа. 23 сентября группой боевиков во главе с генералом Макашовым осуществлено нападение на узел связи Штаба гражданской обороны. Восемь боевиков из «союза офицеров» во главе с отставным подполковником Тереховым, вооруженные автоматическим оружием из Белого дома, пытались захватить здание Штаба объединенных вооруженных сил СНГ. Боевики из числа «защитников» Белого дома осуществили нападение на Таможенный комитет. Другая группа боевиков во главе с уволенным из КГБ сотрудником особого отдела подполковником Бульбовым (после октября 1993 года он был арестован, в дальнейшем вырос до генерала ведомства по борьбе с наркотиками, но снова оказался в тюрьме за должностные преступления) проникла в служебное здание Управления военной контрразведки Московского военного округа, где силой захватила оружие.

Здесь уместно вспомнить слова Ельцина: «Мы не готовились воевать. Не было никакого расчета на войну. Я не допускал возможности, что конституционный спор доведет дело до стрельбы по людям. И второе. Это было, пожалуй, самое непростое решение в моей жизни. Внутри меня самого шел мучительный, болезненный процесс принятия решения, поэтому наша машина в этот раз не прямо катила по шоссе, а сбивала столбы, залезала колесом в канавы…»

Тревожные события развернулись после штурма мятежниками из Белого дома здания московской мэрии, когда в нем находилась небольшая группа милиции и военнослужащих. Молодых солдат разоружали и избивали. Макашов со своими мятежниками пытался прорваться в телецентр «Останкино», его встретил спецназ МВД… Так появились с двух сторон убитые и раненые необъявленной гражданской войны. Министр обороны Грачев на авантюрные поступки Руцкого ответил предостерегающим заявлением: «Если в стране продолжится конфронтация с президентской властью, то армия сметет все на своем пути. Сейчас же армия пытается сделать все, чтобы не допустить кровопролития».

Тонкая ниточка переговоров президентских и парламентских лидеров велась с участием патриарха Алексия II, но не приводила к желаемому результату.

Никто не рассчитывал на вероломство сторонников Белого дома, тем более что от них шли заверения, что имеющееся там оружие надежно хранится и только у сотрудников Департамента охраны имеется табельное оружие. Мэр Лужков, участвующий в переговорах с депутатской стороной, обещал, что сдача незаконно выданного оружия и боеприпасов явится основанием для снятия оцепления вокруг здания Белого дома. В ответ – совершенно иная реакция. Когда на начальной стадии переговоров с участием патриарха Алексия II представители Верховного совета Абдулатипов и Соколов подписали стабилизационное соглашение по инициативе силовиков Баранникова и Дунаева (министр МВД в правительстве Руцкого), оно было признано «капитулянтским» из-за позиции об оружии, которое необходимо было сдать следственным органам. В беседе с корреспондентом «Московских новостей» новоявленный Президент Руцкой воинствующе заявлял: «Пусть только попробуют сюда сунуться. Они все здесь лягут. Мы будем отстаивать Конституцию до последнего патрона. Все эти переговоры под эгидой Алексия – блеф, они нам предлагают не нулевой, а пулевой вариант».

После применения оружия группой Терехова при нападении на Штаб ОВС СНГ, органами прокуратуры с участием Министерства безопасности проводились оперативно-следственные мероприятия, в ходе которых установлены факты незаконной раздачи в Белом доме оружия. Однако под нажимом Руцкого следователи вынуждены были прекратить свою работу и покинули здание. Таким образом, процессуальным путем раздаваемое в Верховном совете оружие изъять не удалось. Не помог и Баранников, который в конфиденциальных телефонных разговорах со мной по мобильной связи утверждал, что он находится в Белом доме исключительно по причине того, чтобы не допустить «передачи огромной массы оружия посторонним лицам». Через несколько дней страна на экранах телевизоров увидела самого Баранникова и Руцкого с автоматами в руках при нападении на здание мэрии города Москвы.

Ранее я убеждал Баранникова покинуть Белый дом, не подрывать авторитет министерства, которым он недавно руководил. Предложил провести операцию по его физическому захвату и похищению из Белого дома, с чем он согласился. Но к обусловленному месту, где его ждали наши сотрудники, он не появился, объяснив мне, что его избрали министром безопасности. И добавил, что, когда закончится конфликтная ситуация, «уйду на пенсию и двух министров безопасности в стране не будет».

На заседании парламента Баранников сделал заявление, что его поддерживают «семь тысяч офицеров». Это повлекло очередное распространение в прессе измышлений о происходящей поляризации среди сотрудников, начавшейся чистке профессиональных кадров Министерства безопасности РФ. И первого, и второго в действительности не было. Руководство и личный состав министерства понимали свою ответственность за обеспечение безопасности России, направляли усилия исключительно на решение задач, определенных органам безопасности действующим законодательством. Мы считали опасным для интересов страны допустить раскол внутри министерства и втягивание сотрудников в политическое противостояние.

В последующем мне задавали много вопросов о Баранникове. Я не скрывал того, что в коллективе его уважали до определенного времени, пока не узнали об истинных причинах его отстранения от должности. В свете дальнейших развернувшихся событий, связанных с нахождением Виктора Павловича в Белом доме, я могу утверждать, что он – личность трагическая. За время стремительных перемен его судьба провела от преданности Президенту Ельцину до перехода на сторону непримиримых его оппонентов. Свой переход и пребывание в Белом доме Баранников объяснил тем, что хотел помочь добиться мирного разрешения политического противостояния властей, не допустить кровопролития.

Глава третья
Двух министров госбезопасности не бывает…

«Новый шеф российских органов безопасности, по мнению некоторых обозревателей, является готовым кандидатом в Книгу рекордов Гиннеса. Впервые во главе органов защиты одного государства стал человек, бывший руководителем секретных служб другого – Украины. С 1987 по 1991 год был председателем КГБ Украины. На Украине, кстати, как говорят, до сих пор уверены, что Н. Голушко всегда был «агентом Москвы». Голушко считается ныне политически нейтральным профессионалом, который никогда не был близок к Президенту, а на его назначении министром безопасности настоял премьер-министр В. Черномырдин. По словам высокопоставленного сотрудника Министерства безопасности, Голушко, скорее, человек Андропова и Бобкова, нежели Баранникова и Крючкова». Так писала газета «Аргументы и факты» в сентябре 1993 года. За несколько дней до объявления указа президента № 1400 о роспуске российского парламента состоялось мое назначение министром. (До 28 сентября я исполнял обязанности около трех месяцев, и за этот период министерское кресло прочили многим кандидатам.)

Несмотря на рекомендации Президента не посещать Верховный совет для согласования и утверждения моей кандидатуры, я решил проверить себя. В российском парламенте депутаты из нескольких комитетов заслушали мою «программу», ответы на вопросы и одобрили представление меня на эту высокую должность. Ажиотажа вокруг моего назначения было много, особенно в связи с непрекращающимися реформами системы государственной безопасности и состоявшейся недавно скандальной отставкой Баранникова. Когда я рассказывал Ельцину о том, как меня заслушивали депутаты в Белом доме, он упрекнул: «Я тебе не советовал туда ходить», но при этом довольно улыбался.

Задержавшееся мое пребывание в качестве исполняющего обязанности министра влияло на общую обстановку в коллективе, расхолаживало сотрудников, приводило к досужим разговорам. В президентском окружении создавалось мнение, что я не предан Ельцину и не проявляю особой любви к его администрации. Тогда любая демонстрация самостоятельности зачастую стоила личной карьеры министра.

Приближенные к телу «царя Бориса» кучковались в президентском клубе на Воробьевых горах. В его салонах устанавливались нужные контакты, решались вопросы продвижений на министерские посты и должности, имеющие доступ к бюджетным денежным потокам. Там же можно было бесплатно отведать редко появлявшееся в продаже австрийское бочковое пиво. Многие люди, не державшие никогда жизни в руках теннисной ракетки, вдруг прониклись желанием бегать по площадке и освоить любимую Президентом спортивную игру. Я не мог понять, как можно было отдаваться спорту, когда для выполнения должностных обязанностей мне и моему аппарату помощников не хватало 10–12 часов в сутки. Тут не до увлечения теннисными кортами и занятий угодничеством. Я стоял в стороне от политических схваток, подковерных игр и, в отличие от предшественника, не демонстрировал близость, не сопровождал Президента при его выходах в народ.

Как показала жизнь, не только мне, но и большинству руководителей силовых ведомств достигать нормальных отношений с Президентом и особенно с его ближайшим окружением не удавалось. Бывший директор ФСБ Николай Ковалев узнал о своем увольнении по радио. Бывший министр внутренних дел страны Анатолий Куликов при своем уходе с занимаемого поста справедливо отмечал, что время для честных людей в России служить Отечеству еще не наступило.

Чтобы представить себе атмосферу назначений на высшие должности, я обращаюсь к впечатляющим воспоминаниям

Владимира Путина о том, как он стал удачливым директором ФСБ. «Вы думаете, кто-нибудь спросил, чего я хочу. Мне даже не намекнули, что может быть такое назначение… Раздается звонок главы администрации: «Можешь подъехать в аэропорт, встретить премьер-министра Кириенко, возвращающегося из Карелии, где он был у отдыхающего Ельцина?» Я говорю: «Могу». Что так вдруг? Приезжаю в аэропорт, выходит Кириенко. «Володя, привет! Я тебя поздравляю!» Я спрашиваю: «С чем?» А он: «Указ подписан. Ты назначен директором ФСБ». Ну, спасибо, ребята…»

Так же стремительно было и тридцать лет назад. Вот свидетельство Владимира Семичастного: «Я оказался в КГБ неожиданно. Был вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, когда вызвал Хрущев и сказал: «Политбюро решило, что вы будете председателем КГБ СССР». «Никита Сергеевич, какой из меня чекист?! Вы что?» – «А там чекистов много, нам политические деятели нужны».

Многое решали субъективные факторы, симпатии или антипатии приближенных к Президенту чиновников (особенно из коржаковской охраны), которые вели свои заинтересованные и постоянные игры в распределении сфер влияния. Они могли повлиять на неожиданное возвышение в должностях одних лиц и устранении других, «лично не преданных», в том числе через негласные подтасовки и показы всей стране банных дел или конспиративных встреч министров с девицами легкого поведения.

Непросто было тогда и с назначением руководящих сотрудников Министерства безопасности. На должность начальника Ленинградского управления вносилась кандидатура Целиковского, возглавлявшего тогда Мурманское управление МБ. Он прошел смотрины у мэра Собчака, тот согласился и вдруг неожиданно изменил свое мнение в пользу назначения Степашина. «В Целиковском много провинциализма… Думаю, что Степашин больше подходит. Энергичен. Демократичен. Молод. Хорошо проявил себя в августе». К тому же Степашин стал депутатом Верховного совета России, незадолго до этого победил самого Куркова (бывший начальник УКГБ), за ним – критика существующего строя, идеологии, программа реформ, «воспринимавшихся тогда при всей их неопределенности как завлекающая неизведанность». Степашин – новичок в чекистской работе, хотя и неплохо образован, демократических взглядов, набирающий достаточный политический вес. На небольшой промежуток времени он возглавил управление Министерства безопасности в Санкт-Петербурге, затем перешел на постоянную работу в парламент. Я рекомендовал Президенту назначить Степашина первым заместителем министра безопасности. Ельцин сначала высказался: «Нет, просто заместитель и не более». Но, рассматривая письменное представление, склонился к моему предложению.

Не помню источника, но я как-то ознакомился с мнением академика Сахарова о том, что «сотрудники спецслужб – это, прежде всего, люди, которые обладают мощнейшим образованием, специальным и гражданским, и способны действовать в самых разных условиях». Отвечая таким качествам, Путин стал Президентом России; мои бывшие первые заместители, Степашин и Марчук, возглавляли правительства России и Украины.

Вернусь к моменту моего назначения на должность министра безопасности. Процедура подписания Президентом соответствующего указа была необычной и нестандартной. Ельцин пригласил в Кремль всех действующих заместителей министра. Каждого персонально спросил, кого желали бы видеть во главе министерства. Коллеги называли мою фамилию. Когда очередь в этом опросе дошла до меня, я обратился к Ельцину с просьбой не назначать меня министром и высказал свои возражения: не желаю, чтобы Президента демократической России подвергали упрекам за назначение министром безопасности кадрового чекиста, имевшего, как я выразился, многолетний шлейф деятельности в системе КГБ, от которой не откажусь и не отрекусь. При сложнейшей внутренней обстановке в молодой России, развалленных органах госбезопасности должность министра была нелегкой и непрестижной. Трудностей и любых

опасностей я не страшился, но больше отдавал себе отчет, что окажусь временной и проходной фигурой, работать мне по-настоящему не дадут.

Ответ Ельцина, наверное, поразил нас всех. Он открыто заявил, что его не волнует критика по этому поводу «с любых политических сторон», а больше беспокоит необходимость создания условий для эффективной работы министерства, сплоченности кадрового состава, четкого выполнения поставленных задач. Он тут же в присутствии всех коллег подписал указ. Могу откровенно признаться, что Ельцин требовал от вновь назначенного министра особой преданности министерства президентской ветви власти. В любых ситуациях, как говорил Ельцин, коллектив сотрудников МБ должен быть сплочен вокруг Президента страны, которому мы стали подконтрольны и подотчетны. Может быть, я останавливаюсь на частностях, но из них складывалась тогдашняя непростая жизнь министерства, суждения и мнения о событиях и личностях того революционного времени.

Министерство безопасности постепенно восстанавливало и стабилизировало оперативную деятельность, что было самым основным критерием. Еще Баранников предпринял ряд мер, направленных на укрепление органов госбезопасности и сдерживание последствий прошедшего развала. Но в то же время в работу МБ привносились заметные элементы милицейской организации.

Став министром, мне удалось приземлить работу центрального аппарата, провести некоторые организационно-штатные изменения. Были сокращены штаб министерства, администрация при министре, наполовину уменьшилась численность управления кадров и Центра общественных связей. Освободившиеся штатные единицы и финансовые средства направлялись на укрепление территориальных органов в автономных республиках, краях и областях со сложной оперативной обстановкой. Очень неспокоен был Кавказский регион.

Вся организаторская работа министра и его заместителей полностью зависела от особенностей внутриполитической обстановки в стране. Я не ставлю задачу отразить все многообразие проводимой работы, но главные заботы министерства в мою бытность руководителем обозначу.

1. Экономическая безопасность страны.

Министерство безопасности стремилось активно осуществлять меры, направленные на защиту экономических интересов России, оказание помощи государственным органам власти в решении экономических и социально-политических задач, укреплении внешнеэкономических позиций страны на мировом рынке.

Во внешнеэкономической деятельности отмечался безудержный экспорт стратегических материалов, сырья и рост бартерных сделок с нарушением закона. Это был вопрос жизни или смерти для экономики государства. В обход указов Президента о лицензировании «избранным» компаниям и фирмам предоставлялась возможность самостоятельно совершать внешнеторговые операции. Вырученная валюта оседала в западных банках. Нами было начато расследование незаконных операций одного из министерств, проведены аресты причастных к этому чиновников. По личной просьбе министра, к которому были претензии, я принял его в своем рабочем кабинете. Позднее, когда нашими сотрудниками проводился у него обыск, была изъята запись нашей беседы, которую министр осуществил скрытно с помощью вмонтированного в дипломат самого совершенного иностранного портативного устройства, аналога которому у нас не было.

В числе экономических правонарушений стали преобладать масштабная коррупция и разного рода злоупотребления при проведении начавшейся приватизации государственной собственности. Трудно было документировать экономические преступления, когда сами представители высшей власти занимались бизнесом и покровительствовали крупным олигархическим структурам, точнее, власть кровно сращивалась с бизнесом, который не всегда был безгрешен. В стране сложилась замкнутая, закрытая от общественного контроля корпоративная

практика близости высших чинов власти, министерской бюрократии с представителями крупного бизнеса. Скажу прямо, что органам безопасности проникать в такую среду было сложнее, чем за железный занавес.

Осуществлялся перевод государственной собственности и средств на счета подставных фирм и физических лиц с последующим извлечением и присвоением прибыли. На бюджетные средства учреждались частные структуры. Уменьшалась балансовая стоимость основных фондов, которые приватизировались по заниженным ценам. Вспоминается звонок Президента: «Что же получается? В моем Свердловске огромный автомобильный завод при проведении приватизации ушел по дешевке, всего за 10 миллионов рублей. Куда вы смотрите?» Я в ответ сообщил Президенту, что приватизацию проводят не органы Министерства безопасности, а ведомство Чубайса. Но МБ направляло в правительство множество сведений о незаконной, не выгодной для страны приватизации, которые, к сожалению, оставались без реакции. Между тем советниками государственных ведомств по приватизации привлекались иностранные граждане с известными фамилиями.

Органами Министерства безопасности прилагались усилия по налаживанию элементарного контроля за незаконным перемещением денежных масс в рамках государств СНГ, вывозом капитала за границу, и наоборот, поступающие в страну по нелегальным каналам денежные средства использовались преступными элементами в ходе приватизации, скупки «заводов и пароходов». Вместе с МВД получали данные о сходках лидеров теневой экономики и уголовных авторитетов, на которых решался вопрос о создании денежных фондов для приватизации отдельных предприятий и покупки чиновников. В ряде мест ими осуществлялся элементарный шантаж при продвижении на ключевые позиции нужных людей.

У большинства наших граждан, потерявших свои сбережения в ходе «шокотерапии», отсутствовали денежные средства для приобретения собственности или выпускаемых акций. Наблюдались негативное отношение к приватизации, неуверенность в законодательстве, защищающем права собственности, бездеятельность должностных лиц, отвечающих за разгосударствление собственности.

Военнослужащие из-за бедности, отсутствия денежных средств не имели возможности участвовать в приватизации. Это подталкивало некоторых должностных лиц совершать противоправные действия: военная контрразведка стала выявлять факты участия командного состава в незаконных операциях по распродаже материальных ценностей, запасов горючего и даже оружия.

Удручающее впечатление производил вид из окна моего кабинета на Лубянке: через узкую улочку у здания «Детского мира» толпились разношерстные продавцы из бедноты – шла торговля всего и вся, от старых кроссовок до лекарств. Американский посол Страус во время нашей деловой встречи, посмотрев в окно, произнес: «В вашей стране оживленная торговля с рук на модных перекрестках столицы преподается как свидетельство успешного перехода к рынку».

Увеличился объем работы по расследованию преступлений, связанных с расхищением огромных денежных сумм по банковским операциям – фальшивым авизо (за 11 месяцев 1993 года совместно с органами МВД велось расследование уголовных дел на общую сумму ущерба около триллиона рублей). Российский капитал стал убегать за границу и оседать на счетах в швейцарских и других западных банках. Правительством (курировал лично Гайдар) был заключен контракт с частной американской компанией «Кролл Ассошейшн» на предмет выявления сведений о российских гражданах и юридических лицах, хранящих деньги в зарубежных банках. Правда, этот контракт оказался никчемным, результаты работы липовые. Несмотря на это, по указанию главы правительства иностранной компании выплачено полтора миллиона долларов.

Касаясь положения в экономике тех лет, министр энергетики Украины Виталий Скляров образно заметил, что после проведения реформ, приватизации и исполнения всех рекомендаций зарубежных «друзей» и МВФ «контрольный залп стратегическими ракетами по стране уже не понадобится».

2. Транспортная безопасность.

В августе 1993 года Ельцину был представлен доклад о критическом состоянии объектов железнодорожного, авиационного и морского транспорта. Нами проявлялась обеспокоенность резким ухудшением состояния безопасности в ведущих отраслях транспорта, что в значительной степени явилось результатом ослабления на этих объектах контрразведывательной работы после ликвидации КГБ. Положение на транспорте ассоциировалось с временами Гражданской войны, упадка и разрухи 1920-х годов, когда председатель ВЧК Дзержинский, надо полагать не по своему личному желанию, назначался одновременно министром путей сообщения.

В 1993 году по железным дорогам страны ежедневно следовали десятки тысяч вагонов с военными, взрыво- и экологически-опасными грузами. По территории ряда автономных республик, 38 краев и областей страны проходили маршруты стратегических ракетных комплексов на железнодорожной основе, несущих боевое дежурство. За полтора года до августа 1993 года произошло около 250 тысяч железнодорожных происшествий, аварий, воздушных катастроф, в которых пострадали до 300 тысяч граждан. Техническое обновление на всех видах транспорта не велось, ресурсы были исчерпаны до 70 %. К сожалению, эта страшная статистика была присуща нашей суровой действительности в период становления независимой российской экономики.

Получив экономическую и рыночную самостоятельность, российские пароходства, авиакомпании в погоне за валютной выручкой нередко заключали контракты без экспертных оценок, обоснования финансовых вопросов, глубокого знания иностранных партнеров. В результате многие компании несли значительные убытки или были вытеснены с мирового рынка транспортных услуг.

Но это был еще не весь перечень тревожных моментов, о которых докладывалось Президенту. В различных регионах страны, особенно на Северном Кавказе, на железнодорожном транспорте отмечались открытые бандитские нападения и грабежи железнодорожных вагонов; совместно с МВД разоблачались сотни организованных преступных группировок, действующих на объектах транспорта. Реальным угрозам экономической безопасности на объектах транспорта необходимо было противостоять соответствующими мерами, иначе обстановку не исправить.

Ельциным было одобрено наше предложение об организации контрразведывательной защиты объектов транспорта и связи страны. Управление разработало комплексные меры по усилению безопасности на всех видах транспорта, борьбы с экономическими преступлениями, бесконтрольным вывозом за рубеж стратегических и лицензионных материалов. Спланированные операции под кодовым названием «Заслон», «Трал», проведенные органами безопасности всех субъектов федерации, пресекали контрабанду народнохозяйственных товаров, оружия, взрывчатых веществ, ставили законные барьеры чиновно-мафиозным структурам в их обогащении.

Демократическая пресса обвинила руководство Министерства безопасности в возврате к существовавшей в рамках КГБ структуре – воссозданию 4-го управления КГБ СССР, занимавшегося оперативной деятельностью на воздушных, морских и железнодорожных объектах транспорта. Оно вело свою историю от действий органов ВЧК на транспорте, сыграло исключительную роль в годы Великой Отечественной войны и в современный период уже в новом качестве осуществляло значительную оперативную деятельность по обеспечению безопасности особо важных военных, гражданских, литерных (секретных) перевозок, предупреждению и недопущению аварийных, диверсионных, террористических проявлений, образно говоря, на

суше, в воздухе и море. Создание этого управления способствовало выявлению агентуры спецслужб, успешному задержанию находящихся в розыске опасных уголовных преступников.

3. Пограничные войска и спецназ.

Пограничные войска КГБ СССР после разрушения Союза оказались в наиболее тяжелом положении. С образованием Российской Федерации и суверенных стран менялась конфигурация государственной границы, возводились новые рубежи и пограничные столбы с новыми приграничными государствами.

У молодой России протяженность государственной границы по сравнению с СССР не уменьшилась – те же 60 с небольшим тысяч километров. Много это или мало? Когда во время XI Международного фестиваля молодежи и студентов в 1978 году я вместе с секретарем комитета комсомола Пограничных войск Виктором Олифером посещал на Кубе бригаду спецназа, выведенную из боев за социалистическую Анголу на отдых, то элитные бойцы долго шумели, пытаясь представить соразмерность протяженности границ СССР с окружностью земного шара.

В Киеве я был членом Военного совета Западного пограничного округа, который осуществлял охрану границ Украины, Белоруссии и Молдавии, поэтому я владел обстановкой на государственной границе с сопредельными европейскими странами.

Образовавшиеся новоявленные суверенные государства принимали меры к обозначению и защите собственных границ, хотя у большинства бывших союзных республик не было ни войск, ни средств, ни кадров. Все опирались на пограничников союзного подчинения. На Украине образование собственных Пограничных войск произошло в результате «приватизации» Западного округа (130 погранзастав). Командующий Пограничными войсками генерал В. Губенко с первых дней объявления независимости стал давать интервью о своем счастье, ибо его внуки будут наконец-то жить в независимой стране и владеть украинским языком.

Неразбериха с невыведенными Пограничными войсками в других республиках была более сложной, особенно в Прибалтике и на Кавказе. Ельцин в связи с этим поддержал предложение Министерства безопасности о переводе Погранвойск в структуру министерства.

Пограничные войска всегда были нелегким бременем для органов госбезопасности из-за своей численности (около 250 тысяч), забот по техническому оснащению границы, войсковому, имущественному и продовольственному снабжению. Но перевод пограничников в систему МБ имел большое значение: усиливалось оперативно-разведывательное прикрытие прозрачной и дырявой на тот период государственной границы, преграждался путь нелегалам (это дело контрразведки), многочисленным каналам поступления наркотиков, уменьшалась раздутость управленческого аппарата войск.

В 1992–1993 годах половина протяженности линии государственной границы России с бывшими союзными республиками не была оформлена правовыми договорами, некоторые участки границы проходили, образно говоря, по огородным межам жителей ставших разными государств. В Грузии, Таджикистане продолжали нести охрану внешних границ российские пограничники.

На рубежах России множилось число опасных очагов напряженности. Именно на границе концентрировались реальные угрозы государству: международный терроризм, наркобизнес, незаконное перемещение оружия, радиоактивных, отравляющих и психотропных веществ, огромные миграционные потоки. Один из моих помощников, энергичный и смелый 35-летний генерал Александр Измоденов, не вылезал из поездок по горячим точкам: Абхазия, Приднестровье, республики Закавказья.

Глава правительства Гайдар в своих воспоминаниях отмечал, что было особое место, требующее постоянного внимания российских органов власти, – Таджикистан. В 1992 году там нарастал хаос, постепенно переходящий в открытую гражданскую войну. Русскоязычное население бежало из охваченной беспорядками республики, но в ней оставались россий-

ские пограничники и 201-я армейская дивизия. «Принимаю решение вылететь в Душанбе, на место, самому». Многое сумел увидеть на горном Памире Гайдар, но не многое сумел сделать для улучшения положения российских пограничников, несущих службу на горячей таджикско-афганской границе. Там продолжалось оставаться плачевное состояние: пограничники по-прежнему ходили в изношенной обуви, получали нищенскую зарплату, отсутствовало нормальное материальное и техническое обеспечение, при этом они постоянно находились в напряженных боевых условиях. В Таджикистане в неравном бою с афганскими бандитами погибли 23 пограничника героической 13-й заставы Московского отряда. Всю вину за эту трагедию Президент Ельцин возложил на Баранникова и Шляхтина (командующего Погранвойсками, который находился в США в тот период) и обоих уволил с занимаемых должностей. После этого мне пришлось полностью ощутить на себе трудности в управлении войсками и организации пограничной службы.

Командование приняло решение готовить для Президента ежедневную оперативную сводку о положении на границах России. Не хочу скрывать, что постоянным информированием хотел себя подстраховать: документ, как говорится, не костыль, но на него в определенных случаях можно опереться.

На должность командующего Погранвойсками предлагалось несколько прекрасных кандидатов. У каждого были свои достоинства и недостатки. Один не имел опыта руководства пограничным округом, другой не прошел боевого крещения, своего Афганистана. На вопрос Ельцина, почему затягивается назначение командующего Погранвойсками, я отвечал, что нынешняя государственная граница вовсе не советская – дружбы и добрососедства, в ряде мест она сражающаяся и требующая военной защиты. Поэтому у меня возникла идея обратиться в Министерство обороны.

– Вы советовались с Грачевым? – спросил Президент, согласившийся с мнением назначить кадрового военного.

– С министром обороны по этому вопросу не говорил, не согласовав прежде с Вами.

– Может, назовете мне возможного кандидата?

Я назвал Андрея Ивановича Николаева, имевшего блестящую командно-штабную подготовку, 44-летнего генерал-полковника, первого заместителя начальника Генерального штаба. Во время моего пребывания на Украине он был командующим 1 – й гвардейской армией, дислоцированной в Чернигове. После назначения Николаева активизировалась разработка и реализация новой концепции охраны государственной границы России, ряда государств СНГ, где оставались командные структуры и российский офицерский корпус Погранвойск. Обстановка в Пограничных войсках стала существенно улучшаться.

В декабре 1993 года после ликвидации Министерства безопасности Пограничные войска вновь подверглись реформированию, преобразовались в Федеральную пограничную службу России. Николаеву, который с присущей ему амбициозностью стремился к самостоятельности Пограничных войск и в здании на Лубянке «отгородился от МБ железными засовами», я говорил, что отделение пограничников от органов госбезопасности – непродуманные действия, что в одиночестве наплачетесь, а потом все возвратится на круги своя.

Проводимые при Ельцине реформы привели к тому, что штаты центрального аппарата Федеральной пограничной службы увеличились на тот период до 1400 военнослужащих (при 730 единицах в составе КГБ СССР).

Формирование пограничной службы суверенной России – это самостоятельный отрезок истории Пограничных войск страны, при этом хотелось, чтобы не был забыт весомый вклад Министерства безопасности в их спасение. Таким же сохранением в нашей системе в те реформируемые времена обязан и отряд специального назначения «Вымпел». Он создавался при Андропове для проведения операций в «особый период» за пределами страны, на зарубежных театрах боевых действий.

Вымпеловцы зарекомендовали себя в Афганистане, Анголе, Лаосе, Вьетнаме, Никарагуа, Мозамбике. Особо подготовленные сотрудники «Вымпела» героически выполняли интернациональный долг. Вот только один из примеров международного сотрудничества. Президент Мозамбика Самора Машел лично обратился к Андропову с просьбой командировать в его страну социалистической ориентации советников по борьбе с бандитизмом и инструкторов для обучения оперативно-боевых отрядов. В Мозамбик отправилась группа советских спецназовцев.

Министр безопасности лично занимался проблемами «Вымпела» и «Альфы», включением сотрудников в кадры МБ. Командиром спецотряда «Вымпел» был назначен Дмитрий Герасимов, окончивший Академию Генерального штаба.

О позиции сотрудников «Вымпела» и его командира Бескова в дни ГКЧП я уже упоминал. В октябре 1993 года «Вымпел» вместе с «Альфой» выполнили приказ: избежав кровопролития, выводили людей из Белого дома.

4. Борьба с международным терроризмом.

В 1993 году было совершено более 30 взрывов, часть которых носила террористическую окраску. В розыске находилось более 16 000 единиц огнестрельного оружия. Это мизерные цифры по сравнению с последовавшими бедами: Чеченской кампанией, нынешними сотнями террористических актов, взрывами домов и самолетов.

Массовое осуждение проводимого курса шоковой терапии, обнищание, безработица, перераспределение собственности в руки оборотистых богатеев грозили перерасти в недовольство существующим в стране политическим строем.

Очевидным результатом проводимых реформ оказались серьезные последствия, которые надлежало срочно исправлять. В частности, система защиты конституционного строя после ликвидации основных направлений работы управления «З» («Защита Конституции», бывшее 5-е управление) должным образом не функционировала. Отсутствовали, были потеряны или еще не сформированы самостоятельные службы по борьбе с террористическими проявлениями, утрачены оперативные позиции в этой среде. В стране бурно стали расцветать разного рода экстремистские организации и радикальные течения.

При Баранникове несколько увлеклись борьбой с организованной уголовной преступностью: здесь быстрее можно отрапортовать об успехе. Оставались безнадзорными с позиций спецслужб при лозунге «берите суверенитета, сколько хотите» проявления в сфере межнациональных отношений – национализм, шовинизм, сепаратизм, грозящие разрушительной опасностью устоям молодой российской государственности. Главным фактором развития сепаратизма в некоторых автономных образованиях являлось отсутствие четкой государственной политики по укреплению истинных федеральных отношений. Многие национальные регионы пытались преувеличить свои исключительные особенности развития, получить привилегии.

Создаваемая новая государственная машина, как и раньше, стремилась решить многие социальные и национальные противоречия силовыми методами. Была существенно увеличена численность внутренних войск, по образцу армии были созданы округа внутренних войск. В то же время органы государственной безопасности сокращались, теряли позиции, не были готовы к тушению возникающих межнациональных пожаров. Ельцин справедливо критиковал органы безопасности за то, что просмотрели ряд серьезных конфликтов в стране. С трудом удавалось сохранить квалифицированных специалистов в борьбе с терроризмом, национализмом, политическим экстремизмом, которые ранее были подвергнуты шельмованию и обвинению в проведении политического сыска. Многие сотрудники центрального аппарата находились в командировках на Северном Кавказе, где были заняты последствиями осетино-ингушского вооруженного конфликта, локализацией ситуации в Чечне и других регионах. В Чеченской республике был установлен режим, нацеленный на создание независимого государства. Запасы оружия в республике были огромные. Начались захваты военных складов, в том числе сепара-

тисты завладели резервом вооружения для войск Закавказского региона на особый (военный) период.

В условиях резкой конфронтации в обществе, борьбы левых, правых, появления на арене антагонистических политических партий и экстремистских объединений не владеть оперативной обстановкой равносильно сознательному ослаблению основ конституционного строя. К тому же и оперативно-розыскная работа на указанных направлениях не была законодательно регламентирована. В этой связи в министерстве была поставлена задача укрепить подразделения, прежде всего, призванные вскрывать и пресекать преступные террористические акты.

Коллегией Министерства безопасности была утверждена концепция борьбы федеральных органов с терроризмом. Во главу была поставлена необходимость активного пресечения акций международного терроризма. За границей действовало до 500 террористических организаций, подрывные устремления которых против России фиксировались нами.

Зарубежные террористические центры и организации стремились перенести свою враждебную деятельность непосредственно на территорию России. Наверное, впервые за всю историю органов госбезопасности в Москве были задержаны несколько иностранных боевиков, намечавших совершить террористические акты в отношении сотрудников посольств Индии и Израиля. Отмечалось расширение контактов лидеров террористических организаций, в частности, с экстремистскими мусульманскими элементами в России и среднеазиатских государствах СНГ.

В последующем появились новые проблемы. Военной контрразведкой пресечены попытки незаконной продажи крупных партий оружия в Армению: в Нагорном Карабахе не прекращался известный вооруженный конфликт между Арменией и Азербайджаном. В одном случае лицензия на вывоз оружия была подписана председателем правительства Гайдаром, однако это разрешение вызвало сомнение у сотрудников военной контрразведки, так как предъявлялась ксерокопия документа. Было установлено, что путем ксерокопирования работник аппарата правительства изготовил фальшивые документы на вывоз оружия. Он был арестован и осужден.

Через задачи по борьбе с терроризмом делался коренной поворот к борьбе с другими антиобщественными проявлениями. Наше поколение сотрудников не ошиблось: угроза международного и внутреннего терроризма вышла на первый план и сегодня отзывается террористическими актами, гибелью людей. Одновременно создавалась основа для образования департамента по защите конституционного строя страны.

5. Территориальные органы МБ.

Мы понимали важность работы местных органов на территории субъектов федерации огромной страны. Для улучшения руководства, управляемости и учета мнений представителей субъектов федерации нами был изменен состав Коллегии Министерства безопасности. Наряду с руководством МБ в нее стали входить авторитетные руководители: председатель КГБ в Татарстане Р. Калимулин (да, действительно, в республике оставался КГБ), министр безопасности Республики Коми В. Рак-Рачек, министр безопасности Дагестана В. Мошков, начальники краевых и областных управлений Е. Воронцов (Краснодар), В. Пирожняк (Хабаровск), В. Миронов (Омск), В. Третьяков (Челябинск), В. Кулаков (Воронеж).

Как складывалась обстановка на местах, я хочу рассказать на примере Кемеровского управления МБ. В январе 1993 года после девятнадцатилетнего пребывания в Москве я посетил Кемерово, будучи первым заместителем министра безопасности России. Из родного чекистского коллектива я уезжал в Москву майором, а многие мои коллеги достигли пенсионного возраста и создали деятельную, патриотически-настроенную, со славными традициями ветеранскую организацию. 14 января я выступил перед журналистами. Пресса по этому поводу отмечала: «Управление безопасности в Кузбассе должно работать лучше», – так считает генерал из министерства. Что касается оценки профессиональной работы кузбасских органов без-

опасности, то генерал из Москвы не счел нужным отклониться от нее и сказал, что «…в целом результатами недоволен». Правда, признался, что к кузбасским чекистам особенно пристрастен: его карьера начиналась именно в Кузбассе».

Широко и откровенно я познакомил кузбасскую общественность с работой Министерства безопасности. Газеты писали, что было заметно стремление «высокого чина безопасности» к откровенному общению с журналистами, особенно если вспомнить мероприятия прошлых лет, когда газетчиков приглашали для выслушивания заявлений и тут же высокомерно прощались. Подобное было для меня приятным лейтмотивом газетных публикаций.

Я особенно подчеркивал примеры того, что иностранные спецслужбы не свернули подрывную работу против России. За последний год было арестовано более десяти предателей Родины, занимавшихся шпионажем в пользу иностранных государств. В их числе работавший на ЦРУ полковник главного разведуправления (ГРУ) Минобороны, несколько офицеров западной группы войск, которые продавали закрытые сведения военного характера и одновременно современные образцы вооружения.

Проведена операция по задержанию с поличным граждан Италии, Украины, Латвии, занятых распространением в стране фальшивых американских долларов, изготовленных на самом высоком уровне. У них было изъято 11 миллионов подделок.

В числе приоритетных задач министерства я называл обеспечение экономической безопасности России, оказание помощи для вывода страны из кризиса, борьба с террором, коррупцией. Работники министерства стали защищать как государственную собственность, так и частную; работа сотрудников в центре и на местах деполитизирована и направлена, прежде всего, на защиту прав человека и государственных интересов, а не интересов какой-либо одной политической партии, как это было раньше.

Я увидел, что мои земляки продолжали жить заботами страны, родной области. В пределах компетенции занимались проблемами незаконной и преступной приватизации государственного имущества, где процессы шли неровно, с большими издержками.

Управление информировало о недостатках технологического характера на шахте им. Шевякова, предупреждало о возможности чрезвычайного происшествия. К сожалению, предостережения посчитали необоснованными, и они подтвердились трагическим образом – гибелью более двадцати шахтеров.

Экономическое положение области было тяжелым. Нарастал платежный кризис. Задолженность в расчетах за отгруженную продукцию составила огромную сумму – до двух триллионов рублей. Стали внедряться и процветать бартерные сделки. Тревожно было в шахтерской среде.

Все это влекло реальные угрозы национальной безопасности: остановку производства, увеличение задолженности по выплате заработной платы и пенсий, обнищание огромного числа трудящихся, рост социальной напряженности.

Глава четвертая
Завершался тревожный 1993 год

Я не мог предполагать, что 1993 год станет последним в моей полноценной профессиональной деятельности. Ничто этого не предвещало, работа шла своим чередом. Непосредственно после октябрьских событий состоялись два моих международных визита – в Польшу и Монголию. Приглашения последовали от спецслужб этих (ранее братских) социалистических стран.

В 1993 году Россия и Монголия заключили договор о дружественных отношениях и тесном экономическом сотрудничестве. Прежние союзные отношения были разрушены; Россия после развала СССР бросила на произвол многие совместные производственные мощности, разработки полезных ископаемых, имущество военных баз. Межгосударственные связи с Монголией можно приравнять к отношениям с Кубой, откуда Россия уходила больше по идеологическим мотивам, чем экономическим. Новый договор определял действия обеих сторон в военно-политической области: запрещал участвовать в каких-либо военных союзах, направленных друг против друга, заключать с третьими странами договоры или соглашения, ущемляющие безопасность своих государств, предоставлять свою территорию третьей стране для нанесения ущерба суверенитету и договаривающимся сторонам.

Вместе с монгольскими коллегами мы развивали изложенные принципы сотрудничества в соглашениях о совместной охране государственной границы. Она оставалась неспокойной, слабо охраняемой, со множеством различных нарушений, вплоть до воровства и угонов с сопредельных территорий табунов скота. Казалось бы, в международном плане это мелочь, но в ней заключена жизнь населения приграничных районов.

В составе нашей делегации были в основном пограничники, но монгольские контрразведчики просили не оставлять их в одиночестве, оказывать помощь в подготовке кадров в российских учебных заведениях, обмене информацией о подрывной работе спецслужб против Монголии. Их пожелания были понятны; в прогулке по городу мы видели больше рекламы на китайском языке, чем традиционно в советский период на русском.

По протоколу у меня должен был состояться прием на 20 минут у председателя правительства Монголии. На встрече, продолжавшейся более часа, были затронуты не только вопросы межгосударственных отношений, но и прозвучал его рассказ об учебе в СССР и близкой дружбе с Виталием Масолом, председателем Совета министров Украины.

Для меня остаются памятными дни посещения Монголии. Трудолюбивые, приветливые монголы гордились четырехвековой дружбой с народами России, знанием русского языка. «У нас каждый арат (пастух) владеет русским языком, и пока будет сохраняться это богатство, мы будем друзьями…» – отмечал премьер.

При посещении Польши президент Л. Валенса на встрече со мной также говорил больше о дружбе с Россией, чем о проблемах безопасности. Отпечатались в сердце его слова о том, что польский народ помнит о сотнях тысяч советских солдат, погибших за освобождение Польши от немецких фашистов. Мне была вручена книга с фамилиями наших воинов, похороненных на польской земле, среди которых значится умерший от ран артиллерист, мой двоюродный брат Алексей. Книгу храню, как священный подарок. Президент Польши образно высказывался об СССР, сравнивая его с могучим кораблем в бушующем океане, но уже с дырявым, пробитым корпусом, который продолжал нести на себе груз пустых бочек, имея в виду союзников из европейских стран социалистического лагеря.

Мне было приятно, что в беседе затронулась тема моей работы на Украине в контексте решения проблем харьковской Катыни. Может быть, я нарушил дипломатические нормы, согласившись выступить вместе с министром внутренних дел Польши А. Мильчановским в

открытом телевизионном интервью, отвечая на вопросы журналистов по государственному польскому телевидению. Кроме того, вместе с ним мы читали наизусть «Евгения Онегина», дополняя друг друга.

Россия провожала уходящий трагический 1993 год в качественно новой политической обстановке. Было ликвидировано разрушительное двоевластие, продолжение которого могло грозить расширяющимися конфликтами и началом гражданской войны на территории государства, обладающего ядерным оружием. Принятие новой Конституции со всеми ее достоинствами и издержками предотвратило угрозу российской государственности и самораспада, региональные руководители почувствовали сильную руку Кремля и перестали упиваться местным суверенитетом и самостоятельностью. Начались переговоры о заключении двухсторонних соглашений с автономными республиками, последовала отмена ими противоречащих федеральным законам положений принятого местного законодательства.

Если бы с Чеченской республикой в тот период времени были выработаны договоренности по типу Татарстана, Башкирии и других автономных образований, то последствия были бы совершенно иными: в наступающем новом году страна не столкнулась бы с неизбежностью вооруженных операций против собственного народа и на собственной территории. Как ни странно, в последующем акцию на военную конфронтацию разрабатывали и поддержали именно «молодые чекисты» – С. Степашин и Е. Савостьянов.

К постоянной работе приступила вновь избранная Государственная дума, которая в числе первоочередных внесла закон об объявлении амнистии участникам августовских событий 1991 и октябрьских 1993 годов. Этот шаг справедливо рассматривался думцами как серьезный элемент в достижении гражданского мира и согласия. Произошла смена российской элиты: с политической арены вынуждены были уйти активные либералы и сторонники провалившейся политики шоковой терапии. Народ России, доведенный до нищеты и унижения, поднял, пусть и молчаливый, голос своеобразного протеста на парламентских выборах, проголосовав против радикальных реформаторов. Коммунисты Г. Зюганова и сторонники В. Жириновского в Государственной думе численно превосходили гайдаровскую реформаторскую партию «Демократический выбор России».

Ельцин, надо отдать ему должное, не установил диктатуру и не стал преследовать своих августовских 91 – го и октябрьских 93-го политических оппонентов, которые в начале будущего года окажутся на свободе по амнистии. Правда, в числе пострадавших станут генеральный прокурор и директор Федеральной службы контрразведки Российской Федерации, которые исполнили закон об амнистии. Но эти события нас ожидают впереди.

Если обратиться к другим моим зарубежным поездкам, то наиболее памятной остается посещение Израиля. Там мне пришлось заниматься вопросом, не часто встречавшимся в профессиональной практике, – вызволением из заключения в израильской тюрьме сотрудничавшего с КГБ разведчика. Речь пойдет о Шабтае Калмановиче. Он родился в 1947 году в еврейской семье в Литовской ССР. Семья стремилась сохранить и соблюдать еврейские традиции и язык. Они неоднократно пытались получить разрешение на выезд на постоянное жительство в Израиль, но в ответ получали отказы советских властей. Шабтай окончил Каунасский политехнический институт, отслужил в Советской армии. Спустя годы он рассказывал о том, что в 1970 году органы КГБ предложили ему сотрудничество с советской внешней разведкой. При его согласии он и семья могут получить разрешение на выезд за границу. Шабтай прошел необходимую разведывательную подготовку и по каналу эмиграции был выведен на длительное оседание за рубеж. Ему не предлагали совершать диверсии или вредить исторической родине – Израилю; от него требовалось поставлять информацию о деятельности антисоветских организаций, действующих за границей.

Ореол прежнего «отказника», прекрасные природные данные, умение входить в доверие и очаровывать людей помогли Калмановичу преуспеть на новой родине. Он начал рабо-

тать в Центре пропаганды при канцелярии премьер-министра, на него обратила внимание сама Голда Меир. Он получил возможность расширить связи с лидерами правящей партии, заручился полезными связями не только в политической, но и финансово-деловой элите Израиля. Калманович был первым, кто после разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем обходными путями организовывал гастроли советских артистов в Израиль; создал несколько собственных компаний и преуспел в бизнесе. В одной из стран Южной Африки он сумел организовать строительство президентского дворца, стадиона, гостиницы. К середине 1980-х годов Калманович стал успешным и богатым бизнесменом; его офисы были во многих странах мира, поражали вызывающей роскошью. В 1987 году в Лондоне он был арестован за финансовые махинации, но выпущен под залог в полмиллиона фунтов стерлингов. Вживаясь на Западе, Калманович продолжал сотрудничество с советскими разведывательными службами, передавал информацию об учреждениях, действующих против СССР.

В 1988 году американские спецслужбы сообщили израильским коллегам о том, что Калманович передает в СССР секретные военные технологии, и он попал под колпак израильской контрразведки. Последовал арест. Калмановичу было предъявлено обвинение в шпионской деятельности в пользу иностранного государства. Он был приговорен к девяти годам лишения свободы. Однако, как отмечают зарубежные источники, «двери тюрьмы распахнулись перед Шабтаем Калмановичем куда быстрее», и он оказался на свободе в 1993 году, отсидев пять с половиной лет.

Насколько мне известно, во время его заключения в тюрьме были обращения Президента СССР Горбачева, многих народных депутатов СССР, в том числе из Украины, к властям Израиля по поводу досрочного освобождения Калмановича, но в ответ поступали отказы. В феврале 1993 года у меня состоялась деловая поездка в Израиль по приглашению одной из ведущих спецслужб этой страны. Было принято решение, несмотря на многочисленные отказы израильских властей, вновь обсудить с представителями спецслужб Израиля возможность его освобождения из тюрьмы. Руководитель главной израильской спецслужбы объяснил мне, что отказ в освобождении Калмановича недавно вынесен Верховным судом, что трудно исправить, тем более арестованный за шпионаж не ответил на многие интересующие израильские спецслужбы вопросы. В переговорах мы сошлись на одном из возможных вариантов положительного решения президентом Израиля вопроса об освобождении из тюрьмы Калмановича. Через две недели, в начале марта 1993 года, пограничники из «Шереметьево» сообщили мне, что рейсом из Израиля прибыл некто Калманович, у которого проблемы с документами, и он ссылается на необходимость связаться со мной.

У меня состоялось несколько встреч с Калмановичем. На московской земле ему с самого начала была оказана помощь в лечении и минимальная поддержка в развитии бизнеса. Он построил в центре Москвы крупный торговый центр на Тишинке, спонсирует известные баскетбольные команды страны.

Предпринятые тогда Министерством безопасности России меры привели к положительному результату, и я могу считать, что участвовал в гуманной операции российских спецслужб по вызволению из тюрьмы «человека КГБ».

В деле Шабтая Калмановича еще остаются многие эпизоды, рассказ о которых требует истечения должного времени; изложенное о нем в этой книге перестало быть профессиональной тайной.

Глава пятая
Создание федеральной службы контрразведки Российской Федерации

А какой был смысл в том шумном указе Президента от 21 декабря? Какой был сермяжный смысл в том, чтобы снова поднимать волну, снова ворошить улей, снова молотить словами по головам чекистов, которые бесконечно устали от всех этих игр власти, в коих они крайние. Власть мало их восстановила против себя?
Евгения Альбац, журналистка

21 декабря 1993 года пресс-служба Президента России распространила указ Ельцина об очередном (четвертом или пятом) за последние два года реформировании системы органов государственной безопасности страны. Министерство безопасности было ликвидировано. Создавалась новая российская спецслужба – Федеральная служба контрразведки (ФСК) РФ.

Все это произошло весьма неожиданно и не только для руководства Министерства безопасности. Глава правительства России Черномырдин узнал о решении Президента из средств массовой информации. В телефонном разговоре интересовался у меня: «Что произошло? Что случилось?», ведь МБ входило в состав правительства. Ликвидация Министерства безопасности, по существу, являлась единоличным решением Ельцина, продиктованным определенным политическим заказом и давлением на него со стороны демократического окружения. Указ Президента представлял собой наглядный пример того, как по надуманным мотивам одним росчерком пера устранялись дееспособные и создавались подчиненные и угодные одному человеку структуры государственной власти.

Преамбула указа при юридическом толковании была необычна для практики законодательной деятельности. Аргументы о создании новой спецслужбы – ФСК, призванной защищать коренные интересы российского государства, больше напоминали пропагандистскую прокламацию революционных времен. В указе отмечалось, что «система органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – КГБ – МБ оказалась нереформируемой. Предпринимаемые в последние годы попытки реорганизации носили в основном внешний, косметический характер. К настоящему времени стратегическая концепция обеспечения государственной безопасности Российской Федерации у Министерства безопасности отсутствует. Контрразведывательная работа ослаблена. Система политического сыска законсервирована и легко может быть воссоздана. На фоне происходящих в России демократических конституционных преобразований существующая система обеспечения безопасности Российской Федерации изжила себя, неэффективна, обременительна для государственного бюджета, является сдерживающим фактором проведения политических и экономических реформ». «С целью образования надежной системы государственной безопасности, – диктовал далее указ, – упразднить Министерство безопасности и создать Федеральную службу контрразведки Российской Федерации».

В указе было обозначено: назначить Н. М. Голушко директором Федеральной службы контрразведки Российской Федерации. Со мной о таком назначении предварительно никто не переговорил, не намекнул, даже Президент страны, с которым предстояло и дальше работать вместе, ибо ФСК стала подчиняться непосредственно ему.

Сотрудники Министерства безопасности Российской Федерации и подведомственных ему органов и организаций переводились в положение временно проходящих службу в Федеральной службе контрразведки до прохождения ими аттестации, необходимой для зачисления в штаты ФСК.

Указ носил сугубо формальный характер, в нем отсутствовали указания на принципиальные задачи новой спецслужбы, содержались многие позиции, с которыми трудно было согласиться, например: «…попытки реорганизации органов государственной безопасности носили в основном внешний, косметический характер» или «система безопасности сдерживала проведение политических и экономических реформ». Неужели органы безопасности в какой-либо стране действительно могли сдерживать политические и экономические реформы?

Образованное в январе 1992 года Министерство безопасности довольно эффективно функционировало как структура (система) органов безопасности Российского суверенного государства. Некоторые задачи, принципы и методы работы, которые были присущи советским органам государственной безопасности, отошли в прошлое, а утверждаемые новые стали формироваться из современных и демократических реалий жизни. Мне представляется, что в этот судьбоносный период исторического развития для России, как и для любого другого государства, были важны исключительная взвешенность, четкость и выверенность в постановке задач для спецслужб страны в целях надежной защиты национальных интересов и достижения стабильности в растревоженном, как улей, обществе. К этому времени уже работал закон от 8 июля 1992 года «О федеральных органах государственной безопасности». Этот фундаментальный закон был принят и начал действовать всего лишь через полгода после образования МБ, не в пример советскому закону об органах госбезопасности от мая 1991 года, разработка которого затянулась на несколько лет. Поэтому несправедливо было утверждать, что реформа органов государственной безопасности носила «косметический» характер, прежде всего потому, что проводилась на основе и во исполнение закона, принятого Верховным советом.

«К настоящему времени стратегическая концепция обеспечения государственной безопасности Российской Федерации отсутствует», – утверждает указ Президента. По поводу стратегической концепции обеспечения государственной безопасности страны мне хотелось бы отметить следующее: выработка таких глобальных для существования государства доктрин является обязанностью всех действующих высших органов законодательной и исполнительной власти страны. Поэтому делать упрек и выдвигать отсутствие концепции в качестве повода для ликвидации Министерства безопасности было совершенно необоснованно. Тем более что в рамках Совета безопасности в этот период проводилась активная работа по разработке концептуальных доктрин по многим вопросам государственной, военной, экологической и иной безопасности страны. В подтверждение сказанному хочу заметить, что стратегическая концепция национальной безопасности РФ, в отсутствие которой нас упрекали, была подготовлена только через четыре года и утверждена в декабре 1997 года.

Любой гражданин нашей страны сумеет сделать вывод из приведенной выше картины: может ли очередное реформирование спецслужбы, призванной нести ответственность за безопасность государства, являться благом для общества в такое смутное время?

В стране в этот период продолжалась шоковая терапия, появились миллионы бедных и безработных; не было государственной устойчивости, расцветала суверенизация и бесконтрольность на национальных окраинах; велась варварская приватизация, растаскивание и разворовывание народного достояния. Во многих министерствах в открытую пыталась действовать агентура иностранных государств, в коридорах власти разгуливали сотни зарубежных и своих родных консультантов и советников, подпадавших под скандальную категорию «агентов влияния». В ходе бездумного реформирования из органов государственной безопасности были выброшены сотни профессионалов, честно служивших закону и народу и не желавших работать на предательскую, по сути, политическую элиту или зависеть от изменчивого настроения расплодившихся государственных паханов. Из сознания сотрудников органов госбезопасности сознательно пытались устранить понятие «главного противника», а слово «чекист» заменить презрительным понятием «чекизм».

Не погрешу истиной, если скажу, что в этот период, несмотря ни на что, в подразделениях центрального аппарата министерства и его органах на местах осуществлялся реальный поиск современных подходов, практических форм и методов работы в выполнении задач по обеспечению безопасности страны. Мыслящие сотрудники понимали, в сколь сложном положении находилась Россия после разрушения Советского Союза.

Конечно же, не обходилось и у нас без ошибок и изъянов; зачастую в ущерб ведению конкретных оперативных разработок по преступным фактам квалифицированные сотрудники были вынуждены заниматься написанием различных концепций, платформ, программ контрразведывательной деятельности. Безусловно, такая работа необходима, однако после разработки очередной концепции быстро менялась обстановка, изменялись задачи, и бумажная писанина начиналась по-новому.

Что же касается ослабления контрразведывательной работы, то здесь оценка положения дел в основном была правдива. Органы государственной безопасности страны были обескровлены непрерывными реформами:

– август 1991 года – начало ликвидации органов безопасности СССР;

– октябрь 1991 года – образование Межреспубликанской службы безопасности (МСБ) СССР;

– ноябрь 1991 года – образование Агентства федеральной безопасности (АФБ) России;

– декабрь 1991 года – образование Министерства безопасности и внутренних дел (МБВД) России;

– январь 1992 года – образование Министерства безопасности (МБ) России;

– декабрь 1993 года – образование Федеральной службы контрразведки (ФСК) России;

– апрель 1995 года – образование Федеральной службы безопасности (ФСБ) России.

Ликвидация в декабре 1993 года Министерства безопасности после октябрьских событий лично для меня не выглядела такой неожиданностью. Газета «Московский комсомолец» со ссылкой на свои достоверные источники сообщала, что в аппарате Президента РФ «готовится указ об отставке с поста министра безопасности Николая Голушко. Грядущую отставку Голушко в администрации Бориса Ельцина объясняют, прежде всего, тем, что МБ РФ «неверно информировало Президента о раскладке сил накануне выборов». Кроме того, «министру безопасности припоминают и октябрьский мятеж, и то, что он заведовал секретариатом у Крючкова (тогда Николай Голушко, кстати, несколько раз зачем-то встречался с Жириновским), и то, что руководил 5-м управлением (борьба с инакомыслием), и то, что руководил КГБ Украины уже после объявления ею независимости».

Таким образом, продолжала нагнетаться обстановка вокруг министерства; из приведенной цитаты видна неприглядная неправда. В прессе нас обвиняли за «нерешительность и пассивность в подавлении красного мятежа» в Белом доме и за то, что в эти дни сотрудники Министерства безопасности не запятнали себя кровью. Проявили себя, как ни странно, демократические представители из числа творческой интеллигенции, «инженеры человеческих душ», которые прямо призывали запретить Коммунистическую партию, «раздавить гадину» в Белом доме. Такие личности (многие из них и сегодня выступают против власти с ярых демократических позиций) не несли ни гражданской, ни моральной ответственности, поучали и натравливали спецслужбы на оппозицию.

Ликвидация Министерства безопасности России существенно понижала правовой статус и боеспособность органов безопасности в государственном механизме. Политическая и правоприменительная значимость ФСК сужалась до классических функций контрразведки, в ее компетенцию, в отличие от Министерства безопасности, не входило ведение предварительного следствия и право иметь силовые вооруженные подразделения.

Положение, в котором оказалось МБ после стрельбы из танков по Белому дому, вызывало двойственную реакцию в Кремле. «Президенту навязывалась маниакальная мысль, что Мини-

стерство безопасности не проявило активности в октябрьских событиях, что Голушко – человек КГБ, что в стенах Лубянки возможен президентский заговор». Гайдар делал заявления о том, что в системе силовых структур наиболее серьезные проблемы возникали в Министерстве безопасности. Особенно усердствовали в насаждении негативного отношения к Лубянке приближенные к Президенту – охранник Коржаков и глава Администрации Президента РФ Филатов. Последний в своем выступлении на «Радио Свободы» фантазировал, что Министерство безопасности отказалось в октябрьские дни перекрывать выходы мятежников из Белого дома через «какие-то пятнадцать колодцев», о которых я услышал впервые от вражеского голоса. Из недр Службы охраны Президента распространился слух, будто бы я обратился к властям Украины с просьбой о предоставлении мне украинского гражданства. Все эти наветы старательно доводились до слуха Бориса Николаевича.

На закрытом заседании Президентского совета генерал Волкогонов, известный политработник и историк, рекомендовал обратить внимание на силовые структуры. «МВД лояльно Президенту. А вот Министерство безопасности вызывает тревогу. Там занимают выжидательную позицию, уклоняются от принятия мер против непримиримой оппозиции, аргументируя тем, что не занимаются политическим сыском». Спасибо покойному генералу за эти слова: указ нас обвинял в том, что система «политического сыска законсервирована», а на Президентском совете – надо расконсервировать и бороться с непримиримой оппозицией (тогда главным образом с коммунистами). Так готовилась для нас политическая правовая ловушка. Пресса ставила внешне наивные вопросы: «А может, кому-то выгодно ошельмовать, обескровить и втоптать в грязь службу, способную не только противостоять преступности, но и вести против нее наступательные действия»[4].

Мне приходилось выслушивать претензии и от Президента Ельцина. Самый тяжелый разговор произошел после выборов в Государственную думу в конце 1993 года, в которых победили коммунисты и жириновцы. Присутствовавший при таком разговоре Степашин вспоминал, «как изменился в лице Николай Голушко, выслушивая разнос от Ельцина». Это было тем более странно, что за месяц до думских выборов Министерство безопасности направило Президенту докладную записку, в которой на основе анализа были предсказаны исход будущих выборов, победа коммунистов и триумф Жириновского. Перед направлением документа я позвонил в Администрацию Президента РФ Филатову и попросил доложить ему о предвыборной ситуации, раскладе политических сил, тем более что предсказываемые печальные для Кремля итоги выборов были связаны с пассивностью ведения избирательной кампании демократическим блоком во главе с Гайдаром. Это при том, что в его руках находились вся административно-командная власть, мощные финансы, государственное телевидение. Мне неизвестно, почему Ельцину не были доложены указанные материалы, но последствия за провал демократов свалились на руководство Министерства безопасности.

Доподлинно известно, что по прошествии какого-то времени Ельцин ознакомился с предвыборной информацией Министерства безопасности и, как отмечали очевидцы, бросил фразу: «Если бы я читал этот документ раньше, то, может быть, подумал над указом о расформировании Министерства безопасности». «Неужели только от одной докладной записки или от того, что она не была доложена, могло зависеть реформирование министерства, целого коллектива?» – задаю я себе вопрос.

В декабре 1993 года в связи с таким отношением я написал заявление об отставке, мотивируя болезнью жены (я не хотел примешивать политические мотивы), но оно не было удовлетворено.

В адрес сотрудников военной контрразведки бросались обвинения в том, что военнослужащие элитной Кантемировской дивизии проголосовали за партию Жириновского. Куда, мол,

[4] Российская газета. 19 ноября 1994 года.

смотрели особисты? Меня упрекали в том, что поддерживаю личные отношения с Жириновским. Кто-то из приближенных

Президента ознакомил Ельцина с газетной публикацией, в которой Жириновский в свойственной ему манере, празднуя победу на выборах, наговорил, что в Министерстве безопасности сейчас «хороший министр», он-де с ним часто встречается и т. д. Заявляю, что со своим казахстанским земляком Жириновским я до сих пор не знаком.

Служба охраны Президента своими действиями свидетельствовала о намерениях создать сверхструктуру по обеспечению безопасности не только охраняемого лица, но и государства в целом. Ельцин, оказывается, сам просил Коржакова: «Хочу, чтобы вы создали маленький КГБ. Мой личный мини-КГБ». Коллеги из этой охранной структуры, пользуясь близостью к Президенту, настолько осмелели, что могли заниматься несвойственными для них делами: направлять в правительство свои рекомендации по расстановке кадров, указывать, кому из заместителей премьер-министра поручать торговлю нефтью. Более того, они сосредоточили в своих руках боевые подразделения спецназа «Альфа» и «Вымпел», ранее входившие в Министерство безопасности для борьбы с терроризмом; наделили себя функцией защиты государственной тайны в международной торговле оружием и т. д. Они ставили задачи сбора компромата на высших должностных лиц страны. Служба охраны Президента стремилась стать над финансовыми потоками путем создания при себе отдельного вычислительного центра, который бы занимался сбором данных о коммерческих банках, их учредителях. Ими предпринимались попытки поиска зарубежных вкладов юридических и физических лиц.

18 декабря 1993 года я был приглашен вместе со Степашиным в Кремль на встречу к Президенту. Учитывая приглашение вместе со Степашиным, я не исключал предстоящей передачи жезла министра своему первому заместителю. Доморощенные летописцы хорошо владели моими настроениями: «министр лишь формально демонстрирует поддержку Президента», «судя по всему, не знает, на кого ему опереться, если дело дойдет до драки»; «на его лице постоянно присутствовала вся гамма чувств от опасения до отчаяния. Наверное, если бы Ельцин удовлетворил рапорт об отставке, Николай Михайлович был бы самым счастливым человеком».

Но случилось иное. Ельцин ознакомил нас с подготовленным указом о создании Федеральной службы контрразведки. Я сразу же заметил, что не понимаю необходимости и целесообразности для государства упразднения Министерства безопасности, ставшего на тот период работающим и стабильным министерством в системе исполнительной власти страны. Контрразведка в области обеспечения государственной безопасности – лишь одна из составных частей комплекса организационных и оперативно-розыскных задач, направленных на борьбу против зарубежных разведок, пресечение разведывательно-подрывной и шпионской деятельности иностранных спецслужб. Мы со Степашиным старались объяснить, что при образовании контрразведывательного ведомства на первый план выходит противодействие спецслужбам зарубежных государств, и этот шаг международным сообществом во взаимоотношениях с Россией может быть истолкован в нежелательном плане. Нарушалась недавно принятая доктрина международной и оборонной политики России, направленная на расширение добрососедских отношений со многими странами, даже с теми, которые в условиях «холодной войны» рассматривались в качестве «главных недругов».

Наши возражения Президенту о возможном политическом ущербе не подействовали, хотя он хорошо был осведомлен не только о расширяющемся оперативном взаимодействии Министерства безопасности с зарубежными спецслужбами, но и начавшемся у нас обмене постоянными представителями со спецслужбами иностранных государств. Мы продолжали обосновывать нашу позицию доказательствами того, что в современных сложных условиях зарождения российской государственности необходимы органы защиты стабильности, территориальной целостности, безопасности страны, общества и каждого гражданина, а не усиле-

ние контрразведки. Государству нужны профессиональные и сильные спецслужбы. Граждане нашей страны должны знать, что могут найти любую поддержку в органах безопасности, а не в непонятной для значительной части населения контрразведке. В истории советских и российских органов государственной безопасности контрразведка никогда до этого не возносилась на уровень федеральной структуры.

Необходимое отступление

Так в кабинете Президента обсуждалось создание в стране новой спецслужбы – ФСК. В существующих учебных пособиях для подготовки специалистов дается несколько определений самого понятия «контрразведка».

Когда разрабатывалось законодательство о федеральных органах безопасности, была предпринята попытка в самом законе дать основательное определение. Вот как оно выглядит. Контрразведывательная деятельность – деятельность органов Федеральной службы безопасности в пределах своих полномочий по выявлению, предупреждению, пресечению разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации.

Основаниями для осуществления органами Федеральной службы безопасности контрразведывательной деятельности являются:

а) наличие данных о признаках разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации;

б) необходимость обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну;

в) необходимость изучения (проверки) лиц, оказывающих или оказывавших содействие органам Федеральной службы безопасности на конфиденциальной основе;

г) необходимость обеспечения собственной безопасности.

Перечень оснований для осуществления контрразведывательной деятельности является исчерпывающим и может быть изменен и дополнен только федеральными законами.

А вот какие формулировки и задачи контрразведки определялись профессионалами в царской России.

Контрразведка (борьба со шпионством) заключается в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии мер для воспрепятствования разведывательных мер этих государств в России. Особому вниманию контрразведывательного органа подлежат:

а) иностранные военные атташе, сухопутные и морские, за которыми необходимо периодическое наружное и внутреннее наблюдение;

б) состоящие при посольствах, миссиях и т. д. иностранные офицеры и другие чины этих учреждений в случае указания на них агентуры;

в) иностранные консульства и чины этих консульств…

г) приезжающие в Россию иностранные военные чины и живущие в пределах империи, как действительной службы, так и запасные, при получении соответствующих агентурных на них указаний;

д) семейство и прислуга всех перечисленных выше лиц по указанию агентурной службы;

е) иностранцы, живущие у границы и в пунктах, важных в военном отношении, по указанию агентурной службы;

ж) иностранцы, владеющие магазинами и другими торговыми и промышленными заведениями, публичными домами, иностранцы-комиссионеры, врачи, фотографы, учителя и про-

чие лица, по своей деятельности соприкасающиеся с военнослужащими, по указанию агентурной службы;

з) иностранцы, замеченные в неоднократном переезде границы без всяких видимых причин;

и) русские подданные, замеченные в частых подозрительных сношениях с иностранцами, при наличии каких-либо определенных указаний на иностранцев;

к) все русские офицеры и нижние чины (особенно из состава высших штабов, адмиралтейства, канцелярий и управлений), живущие выше средств и близко стоящие к военно-секретным сведениям.

Царский генерал Н. С. Батюшин, родоначальник российских спецслужб, решающее значение придавал человеческому фактору – личности контрразведчика. Он руководствовался принципом: оперативные работники всегда должны ставить государственные интересы выше личных. Контрразведчики должны обладать «особым синтетическим умом, дабы в мелочах улавливать общую картину, то есть обладать некоторым даром прозрения. По своей природе быть вполне застрахованным от разного рода увлечений, свойственных его возрасту, быть своего рода аскетом, находя выход своей энергии в азарте работы по тайной разведке. Но самое главное, он при огромном хладнокровии должен быть абсолютно честным человеком».

Приводимые нами ссылки на необходимость усиления защиты интересов народа также не возымели своего воздействия на Президента. Пришлось прибегнуть к последнему, как мне казалось, самому вескому и существенному доводу. «Борис Николаевич, – обращаюсь к Президенту, – понятно, что «органы ВЧК – КГБ нереформируемы», они ушли в историю. Но Министерство безопасности РФ – первое российское и работающее на основе принятого закона о федеральных органах госбезопасности ведомство – создавалось лично Вами; все основные правовые положения его деятельности были утверждены Президентом и Верховным советом России. Какая необходимость в том, чтобы созданное недавно министерство ликвидировать, начинать очередную реформу?» Ельцин на какое-то время задумался. Мне показалось, что некоторые сомнения у него все-таки появились, но… «процесс пошел». Тяжело было расставаться с таким детищем, как Министерство безопасности, в формирование которого было вложено столько усилий сотрудников российских органов госбезопасности.

Я сходу дал интервью журналисту В. Якову из газеты «Известия», в котором открыто заявил, что не разделяю решения Президента по ликвидации Министерства безопасности. Обескураженный также и своим назначением директором ФСК, я внутренне отдавал отчет в том, что глава государства вправе принимать наиболее оптимальные, отвечающие вызовам времени варианты образования отечественных спецслужб. Вот Ельцин и использовал свое право. Другое дело – насколько обоснованно и с какими вытекающими последствиями. В конечном итоге статус органа государственной безопасности в стране оказался существенно пониженным. Произошло сокращение некоторых важных функций, что казалось мне недопустимым в условиях неразберихи, неуправляемого хаоса, сложного внутреннего положения страны и одновременного усиления разведывательно-подрывной деятельности стран НАТО против России.

Несмотря на снижение международной напряженности, установление дипломатических отношений с капиталистическими странами на дружеских основаниях, разведывательно-подрывная деятельность иностранных спецслужб против России не уменьшалась. Любое государство отстаивает свои национальные интересы, защищает границы, влияет на свое положение в мире различными способами, в том числе усилением разведывательной и контрразведывательной деятельности, чтобы успешно решать свои собственные проблемы. У нас же многое делалось вразрез общим закономерностям. В межгосударственных отношениях со слабыми странами никто не считался и не церемонился.

Против России, кроме традиционно западных спецслужб, в тот период стали вести разведывательную деятельность ряд стран, которые при существовании СССР не помышляли о подобных акциях – резидентуры государств Балтии, Ближнего Востока. После распада стран Варшавского договора и содружества стран социалистического лагеря стали проявлять активность спецслужбы стран Восточной Европы. Наглядно было видно увеличение фактов проникновения в российские регионы эмиссаров мусульманских государств, играющих на национально-религиозных чувствах верующих.

Доминирующим фактором в деятельности ранее дружественных СССР разведывательных сообществ Польши, Венгрии, Румынии стало их явное стремление интегрироваться в блок НАТО, а разведслужб стран Балтии – получать информацию о воинских и военно-морских силах, планах российского руководства по отношению к бывшим союзным республикам: Литве, Латвии, Эстонии. Правительства указанных государств с помощью американских советников стали создавать собственные спецслужбы – департаменты разведки и контрразведки, службы защиты конституции.

Федеральная служба контрразведки образовывалась на новой организационно-штатной структуре. Численность личного состава сокращалась вдвое, чем в МБ, и устанавливалась в количестве 75 тысяч человек, включая научные, технические, медицинские вспомогательные службы, и это – на всю страну. Ведь ФСК – это не только центральный аппарат, но и органы управления в более чем восьмидесяти субъектах Российской Федерации.

Функция ведения предварительного следствия и представляющее ее следственное управление упразднялись; «Лефортово» и имевшиеся на местах изоляторы предварительного заключения передавались в другие ведомства; мобилизационно-эксплуатационное управление по обеспечению жизнедеятельности руководства страны на особый период (бывший 15-й главк) переходило в подчинение Администрации Президента РФ.

Из ФСК были выделены в самостоятельную структуру Пограничные войска, против чего я протестовал особенно резко.

Надо прямо сказать, что любые изменения в системе органов государственной безопасности, сокращение или увеличение полномочий, перестановки кадрового состава всегда носят болезненный характер. Эти реформы отражаются на общей эффективности работы, морально-психологическом состоянии личного состава. Отрицательные последствия зачастую бывают непредсказуемыми, непредвидимыми и финансово-затратными.

В сложившихся условиях трудно решаемыми становились определение государственной линии и оперативных задач в деле обеспечения безопасности страны, подготовка и рациональная расстановка кадров. Не всякий сотрудник, даже самый подготовленный, может быстро освоить новое направление деятельности. Специфика оперативной работы многообразна, в подразделениях органов госбезопасности работают специалисты разносторонних знаний и сотен профессий. Даже имея прекрасную подготовку, вершин разведывательного или контрразведывательного мастерства достигали немногие. Поэтому создание структуры государственной безопасности страны требует и времени, и серьезных профессиональных знаний, и навыков оперативного состава, а также умелого руководства.

Лишение волевым порядком ФСК права ведения следствия повлекло за собой передачу уголовных дел (свыше двух тысяч) в органы прокуратуры. Для ведения таких дел стали срочно создаваться специальные отделы в военной прокуратуре, куда перешла небольшая часть следователей. Большинство следователей органов госбезопасности отказались переходить в штаты прокуратуры или МВД, предпочли уволиться. Все это отрицательно сказалось на дальнейшем ведении следствия, многие уголовные дела, находившиеся в компетенции и производстве органов безопасности, не были доведены до логического конца или элементарно загублены. Получалось, как всегда в России: ликвидировали в ФСК и вынуждены параллельно создать в прокуратуре или в МВД. В президентском окружении находились советники, которые считали,

что следствие в органах госбезопасности не нужно, так как оно осуществляло репрессивные функции во времена культа личности, прославилось в борьбе с диссидентами.

Однако в ноябре 1994 года задачи следствия вновь вернулись в ФСБ с мотивировкой «для повышения эффективности борьбы с преступностью, быстрого и полного раскрытия преступлений». Трудно объяснить, какая государственная целесообразность при создании ФСК требовала ликвидации следствия, чтобы через короткое время снова восстановить.

Я начинал свою профессиональную деятельность следователем в прокуратуре, а следствие там было на порядок выше, чем в КГБ; будучи начальником Дежурной службы КГБ СССР, создавал и отвечал за организацию работы оперативно-следственных групп в составе следователя, двух оперативных работников, специалистов-взрывотехников, прикомандированных к Дежурной службе. Эти группы трудились круглосуточно, выезжая на места происшествий, имели специальные технические оперативно-следственные средства и реальную возможность, вплоть до самолета, в самое короткое время вылететь в любой уголок страны для проведения расследования.

При устранении следствия сущность ФСК как структуры приближалась к типичным спецслужбам, служба контрразведки переставала быть правоохранительным и, главное, карательным репрессивным органом.

Непрерывные изменения задач спецслужб, их дробление и последующее объединение нарушили систему обеспечения безопасности в самое сложное и тяжелое время развала СССР и становления новой России. Можно предположить, что таким образом осуществлялся поиск путей совершенствования деятельности спецслужб, оправданный и естественный при рождении российской государственности. Однако часто это были политически мотивированные шаги, направленные на уничтожение существовавшей в советское время слаженной системы безопасности и чекистских кадров, которые проходили переаттестацию через многочисленные «комиссии по благонадежности», выводились за штаты при каждой реорганизации и оставались без работы до очередного назначения и переназначения. Спецслужба постоянно, целенаправленно и сознательно разрушалась, реорганизовывалась, что создавало условия для разграбления страны, всесилия коррупционной чиновничьей власти.

В 1993 году при отстранении от должности Баранникова из Министерства безопасности в подчинение Службы охраны Президента были переданы специально предназначенные для борьбы с террором спецподразделения «Альфа» и «Вымпел». Этим решением Президента органы госбезопасности фактически были разоружены, а в штатах ФСК вообще каких-либо специальных вооруженных подразделений не предполагалось. На заседании Совета безопасности в октябре 1993 года во время обсуждения вопроса о применении силовой составляющей в разрешении конфликта вокруг Белого дома мною было заявлено об отсутствии в МБ военизированных подразделений.

Следует отметить, что все организационные и штатные изменения проводились в спецслужбах по указам Президента. При этом серьезно нарушалось федеральное законодательство, так как основная компетенция органов государственной безопасности должна определяться только законами.

Одновременно под маскировкой внедрения цивилизованных методов работы наблюдалось усиленное стремление насаждать западные ориентиры. Из-за бугра российской верховной власти шли рекомендации о необходимости проведения люстрации в отношении сотрудников органов госбезопасности советского периода с целью «коренного реформирования» российских спецслужб, приобщения их к стандартам западных стран. Конгресс США рекомендовал скорректировать деятельность российской контрразведки таким образом, чтобы ограничить или не осуществлять вовсе контроль за пребыванием и передвижением дипломатического корпуса по территории страны. Посол США Страус (это ему передавалась документация по расположению технических средств в здании американского посольства) в беседе со мной предлагал

не «шпионить друг за другом, не вербовать людей из моего посольства». Мой ответ американскому послу: «Мы можем дать обещание пойти на этот шаг, если спецслужбы США прекратят вести разведывательно-подрывную работу против российского государства; тогда и мы не будем вербовать садовников и гувернанток в американском посольстве». После словесного обмена мы оба от души рассмеялись, так как понимали, что подобное для обеих сторон были нереальным.

Государственный секретарь ФРГ Шмитбауэр, курировавший деятельность своих спецслужб, в переговорах предлагал меньшее зло: не работать друг против друга «агрессивными методами, особенно техническим проникновением в дипломатические и жилые помещения, где проживают немецкие граждане».

А сколько оказалось западных советников в коридорах российских министерств, и все они проявляли теплую, прямо-таки сердечную заботу о будущем России. В этот период не без влияния и подстрекательства таких господ принимались многие судьбоносные для страны решения, к чему можно отнести и ликвидацию Министерства безопасности. Спасибо Всевышнему, что избавил меня от подобных консультантов из числа иностранцев или советников типа Буковского – Калугина, как у последнего председателя КГБ СССР Бакатина.

Немалую роль играли чисто субъективные факторы. Депутат Госдумы Алексей Митрофанов отмечал, что Президент Ельцин с настороженностью относился к органам государственной безопасности, особенно после ухода из его команды Баранникова; период правления Ельцина был периодом расцвета МВД. Ельцин не любил чекистов. Тогда КГБ – ФСК постоянно реформировались и давились.

После августа 1991 года органы госбезопасности страны пережили неоднократную реорганизацию со сменой вывесок, сокращением штатов, оценкой профессиональной и политической пригодности сотрудников. В 1991 (после Фороса) и в 1993 (после октябрьских событий) проводилась масштабная аттестация руководящих сотрудников: президентские и депутатские комиссии работали по «чистке кадров».

Все это наносило ощутимый вред интересам безопасности России, обходилось недешево государству. Казалось бы, сокращение оперативного состава приносило некую финансовую выгоду. Однако при более глубоком подходе это далеко не так, все было чревато долговременной перестройкой деятельности спецслужб, ослаблением участия в борьбе с преступностью в стране. Каждая реорганизация – это потеря времени и способных кадров, спад оперативной работы, ослабление агентурных позиций, создаваемых годами благодаря усилиям квалифицированных сотрудников (новички к этому не всегда готовы).

Что касается лично меня, то в период очередной реорганизации и создания ФСК я чувствовал себя, как обо мне писали, словно на раскаленной сковородке. К непрерывным служебным заботам присоединялись личные переживания: более полугода супруга находилась в Голицынском госпитале Пограничных войск (кремлевскими медицинскими услугами я не пользовался).

После обращенных к местной правящей элите призывов Президента, гаранта Конституции, «брать себе суверенитета, сколько хотите», органы госбезопасности в условиях творившегося в стране политического и экономического хаоса оставались единственным федеральным институтом власти, который сохранил вертикальную подчиненность и централизованное управление и был способен действовать в масштабах всей страны.

Накануне издания указа Президента о создании Федеральной службы контрразведки общественное мнение обрабатывалось насаждаемыми в СМИ провокационными заявлениями. Они выражали недовольство тем, что Министерство безопасности «действовало в октябрьские события» 1993 года нерешительно, что Президенту не по пути с нынешними органами госбезопасности, поскольку чекисты, как и многие армейские люди, «никогда не простят Ельцину разрушения Союза». Кроме того, утверждалось, что строго подобранные и воспитанные в КГБ

«люди из элиты общества» с устоявшимися политическими взглядами стали козлами отпущения за все ошибки политиков. Подобные обвинения в адрес органов госбезопасности звучали как попытка скомпрометировать честно служивших Отечеству людей и растоптать их достоинство. А общий смысл пасквилей был примитивным: органы защиты государства надо разогнать, а в новое ведомство (ФСК) набрать других сотрудников, угодных псевдодемократам.

Органы госбезопасности нуждались в постоянном контроле, поэтому в беседе с Ельциным я и Степашин затронули данный вопрос. Мы стояли на твердых позициях усиления контроля и оказания большего содействия в решении сложных задач со стороны Президента, которому были подчинены все существующие в стране спецслужбы. Когда возникала какая-либо проблема, то на государственном уровне, кроме Ельцина, не с кем было посоветоваться, обменяться мнениями. Среди аппарата помощников Президента не было специалистов, уполномоченных вникать в многогранную деятельность спецслужб. Мы предложили Ельцину ввести должность специального помощника Президента РФ по вопросам национальной безопасности. Ссылались на существовавший зарубежный опыт координации деятельности разведывательных и силовых ведомств: в США – помощник президента по национальной безопасности, в ФРГ – государственный секретарь. На удивление, Ельцин сразу же согласился, бросив фразу: «Может быть, вы назовете мне достойную кандидатуру?» И такая фамилия нами была названа. С созданием ФСК совпало назначение Героя России Юрия Михайловича Батурина помощником Президента РФ по вопросам национальной безопасности.

5 января 1994 года Россия получила новую спецслужбу в стране: Президент утвердил Положение о Федеральной службе контрразведки России. Ельцин одобрительно отозвался об умелой разработке основополагающего документа в самые короткие сроки, которая явилась показателем высокого профессионализма сотрудников ФСК.

Квалифицированные кадры Федеральной службы контрразведки и имеющиеся оперативные наработки позволили сразу перейти к активной оперативно-розыскной деятельности. В начале 1994 года было проведено несколько арестов агентов иностранных спецслужб, что «всколыхнуло атмосферу вокруг конторы», вызвало тревогу спецслужб за рубежом и некоторых отечественных коррупционеров и предателей.

В январе 1994 года, во вторую неделю своего официального существования, ФСК провела операцию по аресту Синцова, руководителя дирекции внешнеэкономических связей «Спец-машиностроения», добыла вещественные доказательства его сотрудничества с английскими спецслужбами. Разведка Великобритании завербовала этого представителя отечественной оборонки во время служебной командировки в Лондон. Основой для привлечения к сотрудничеству российского гражданина явился собранный на него компромат: этот высокий по рангу чиновник при торговле оружием набрал взяток от зарубежных фирм на десятки миллионов рублей. Английская разведывательная служба (СИС) добыла от предателя секретные сведения о тактико-технических характеристиках новейшего вооружения, секретных переговорах по намечаемым поставкам российского оружия в отдельные страны. При обыске у него были изъяты дискеты с секретными сведениями, миниатюрная фотоаппаратура, компьютер со специальными программами для шифровки и дешифровки собранной информации, шифроблокнот для тайнописных агентурных сообщений.

Разоблачение этого шпиона имело для нас весьма важное значение. Спецслужбы России получили данные о современных методах работы разведки Великобритании, агентуру которой даже в советский период контрразведке не удавалось изобличить. Англичане создали, как они считали, самые надежные бесконтактные способы связи зарубежных резидентур со своей агентурой. Изъятая специальная радиоэлектронная аппаратура, микросхемы позволяли сбрасывать агентурные сообщения в течение двух-трех секунд. Запеленговать и расшифровать содержание такой передачи без знания паролей для считывания информации было практически невозможным.

На первом в 1994 году (11 января) заседании Совета безопасности Ельцин зачитал записку ФСК, направленную ему в связи с разоблачением английского шпиона в оборонной отрасли страны. «Ну вот, – обратился Президент к членам Совета безопасности, – органы государственной безопасности мы постоянно реформируем, а они еще и работают».

Знание почерка работы английских спецслужб вскоре способствовало выявлению в российском МИД другого агента английских спецслужб – Обухова, занимавшего должность второго секретаря департамента Северной Америки. Он был «штатным» агентом, ему выдавалось ежемесячное жалованье в размере двух тысяч долларов за передачу документов, с которыми Обухов сталкивался по службе.

ФСК были получены данные о вербовке представителями спецслужбы Швеции российского гражданина «Александра», который ранее был арестован в Швеции за планирование попытки похищения известного бизнесмена с целью потребовать выкуп в размере 10 миллионов долларов США. Во время нахождения под стражей спецслужбы шантажом и угрозами провели вербовку «Александра».

В начале 1994 года в Москве был арестован агент, работавший на германскую разведку. Степашин вспоминал, что оказывалось активное давление из-за рубежа. Ему позвонил государственный министр ФРГ Шмитбауэр и стал интересоваться арестом агента, требовал чуть ли не отчета с российской стороны: «Кто вам дал право? Кого вы арестовали?»

История с арестом агента ЦРУ полковника ГРУ Баранова попортила немало нервов разработчикам из военной контрразведки. Они были совершенно уверены, что он – предатель, но прямых доказательств в ходе разработки не имели. Его взяли в аэропорту «Шереметьево» при посадке в самолет, когда он решил вылететь за границу для восстановления связи с ЦРУ С моей санкции его повезли для выяснения обстоятельств прямо в «Лефортово», где он дал показания начальнику военной контрразведки Алексею Молякову о преступных связях, выдал тайник, шифроблокноты и другие шпионские принадлежности.

В этом же году в результате операций, проведенных органами контрразведки, были разоблачены 22 агента иностранных спецслужб из числа советских граждан, было пресечено около 60 попыток инициативной передачи гражданами России представителям иностранных государств секретных материалов. Это был реальный успех сотрудников контрразведки. Если в последние годы в КГБ иностранная агентура нередко выявлялась благодаря успехам советских разведчиков, проникших в американские спецслужбы, то разоблачения МБ и ФСК изменников из числа российских граждан являлись результатом напряженного труда их сотрудников.

Органы ФСК беспокоили факты нелегального пересечения государственной границы, что стало для России массовым явлением. В течение года выявлено около 250 тысяч нарушений паспортно-визового режима. В условиях незащищенности государственной границы и отсутствия ее с новыми странами многократно повышались возможности зарубежных спецслужб по сбору разведывательной информации, ведению подрывной деятельности.

Несмотря на неоднократное реформирование структур безопасности, выведение личного состава за штат, проводимые разными комиссиями чистки, низкую заработную плату, увеличение рисков для жизни при несении службы сотрудники органов продолжали выполнять гражданский и служебный долг – служить народу и Отечеству. На службе в органах госбезопасности оставались настоящие патриоты. Оцените сами, кто патриотичнее: те, кто увольнялся, критикуя и не принимая новые порядки, или те сотрудники, которые выполняли гражданский долг и продолжали работать в исключительно сложной для страны обстановке, испытывая серьезные лишения. Настоящие чекисты устояли, сохранили квалифицированных специалистов и воспитали новых, способных решать самые ответственные задачи, преданных не вождям или политическим партиям, а своему народу. Сотрудники органов государственной безопасности в своем мировоззрении никогда не забывали о наличии реальных угроз интересам России, противодействовали тем, кто не желал видеть ее на международной арене сильным государством.

Глава шестая
Последние памятные дни служения Отечеству

Февраль 1994 года стоял ветреный и морозный. Приближалось празднование Дня защитника Отечества, который мы старались отмечать по традиции встречами с участниками

Великой Отечественной войны, ветеранами органов госбезопасности. В нашем культурном центре (так стал именоваться наш клуб), где выступал перед чекистами Ленин, я произнес краткое приветствие сотрудникам ФСК, собравшимся на торжество.

Накануне мне позвонил Президент Ингушетии Руслан Аушев, боевой генерал, Герой Советского Союза, статный, мужественный горец. С ним мы родились в соседних селах, расположенных в 40 километрах друг от друга. По казахстанским меркам – почти рядом. В последние годы мы встречались на Съездах народных депутатов СССР. В Ингушетии было принято решение всенародно отметить 50-ю годовщину трагических событий: 23 февраля 1944 года ингуши и чеченцы были вывезены с родных кавказских земель в Казахстан и республики Средней Азии. Аушев приглашал приехать на эти дни в республику, где соберутся руководители северокавказских автономных республик, главы администраций сопредельных краев и областей. Было приятно получить такое приглашение, кстати единственному из федеральных министров, и я сразу же дал согласие посетить республику, надеясь получить разрешение Президента Ельцина на отъезд на Кавказ. Ведь мое детство и юность прошли вместе с друзьями из ингушского народа, и мне хотелось быть в эти дни на их родной земле.

Ельцин выслушал меня о намеченных в республике мероприятиях в связи с горестной датой. Некоторое время он находился в глубоком раздумье. Затем стал вспоминать, что по уральскому периоду жизни ему знакома трудная судьба депортируемых в годы войны народов, в частности немецкого населения. Поэтому приближающуюся дату выселения ингушей и чеченцев, считал он, следует признать важным событием в стране, значимость которого необходимо поднять до высокого уровня представительства должностных лиц из Москвы. «Твоей поездки в Ингушетию недостаточно. Я направлю туда также руководителя Администрации Сергея Филатова со специальным моим президентским обращением к народу», – таково было окончательное решение Президента России.

Кратко опишу процесс выселения этих народов. В феврале 1944 года около 480 тысяч чеченцев и ингушей были депортированы из мест постоянного проживания в целях «стабилизации обстановки на Кавказе». Основными мотивами выселения стали, как отмечалось в архивных документах, «случаи сотрудничества коренного населения с немецко-фашистскими захватчиками». Мужчины же в основном находились в действующей армии и определялись на спецпоселение после окончания войны. Судьба ингушского народа мне была близка; они оказались в казахстанской ссылке на моей малой родине. Мы жили в одинаковых материальных условиях, без возможности свободного передвижения, так как колхозники не имели паспортов. Ближайшая железнодорожная станция находилась на расстоянии 200 километров от села. Через тяжелые испытания в годы войны мы с раннего детства постигали узы дружбы между народами, которую в наши дни снова взрывают наши собственные, уже не сталинские «интернационалисты», а доморощенные бандиты.

23 февраля 1944 года в 2 часа ночи войсками НКВД были оцеплены все населенные пункты Чечено-Ингушетии, расставлены засады и дозоры, чтобы воспрепятствовать побегу с территории проживания. В 5 часов утра мужчин созвали на сходы, где им объявили решение правительства СССР о депортации в отдаленные районы страны. В телеграмме Сталину Берия докладывал, что выселение прошло организованно в большинстве районов, за исключением труднодоступных высокогорных населенных пунктов. Было отправлено 177 железнодорожных эшелонов – 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев. За время под-

готовки и проведения операции по выселению было арестовано 2016 человек «враждебных антисоветских элементов» из числа чеченцев и ингушей. Изъято у местного населения огнестрельного оружия 20 072 единицы, в том числе 4868 винтовок, 479 пулеметов и автоматов. Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе и освоению отошедших к этим республикам новых районов. Таковы только факты из официальных документов.

В январе 1957 года президиум Верховного совета СССР постановил восстановить Чечено-Ингушскую автономную республику и разрешить чеченцам и ингушам возвращение на место жительства в пределах прежнего территориального деления, но, к сожалению, этого не случилось. Пригородный район и часть других поселков остались в границах Северной Осетии. В качестве компенсации в хрущевские времена Чечено-Ингушской автономной республике были переданы три района Ставропольского края, населенные терскими казаками. Процессу возвращения к родным очагам не удалось придать плановый и организованный характер.

Массовое возвращение создавало серьезные трудности с обеспечением работой и жильем на новом месте. Эти проблемы надолго, практически до наших дней, стали питательной почвой для межэтнических столкновений, роста экстремистских настроений, призывов к восстановлению территориальной справедливости.

Я помню, как в мое село ингушские семьи были доставлены под конвоем в марте 1944 года. Новоселы были голодными, плохо одетыми для наших суровых ветренных зим. Через сельский совет их определили в дома местных жителей. Я хорошо помню, что в нашем доме стала квартировать ингушская семья – муж и жена по фамилии Льяновы. Мы с сестрой Лидой несколько дней прятались при появлении в доме чужого мужчины. Он нам казался страшным, потому что был в огромной папахе и с бородой. Затем попривыкли и вместе с ингушами жили дружно, одной семьей в двухкомнатных апартаментах деревенской избы с соломенной крышей и земляным полом. Мама показала ингушам запасы картофеля и капусты в погребе: «Вот все, что имеется из продуктов, питаться будем вместе, до лета дотянем». У наших постояльцев не было ни одежды, ни денег. Из всего богатства у них была сумочка с неизвестным для нас с сестрой экзотическим продуктом – кукурузой. Нам, малышам, выдавали по десятку зерен маленькими порциями в качестве подарка вместо конфет, которых мы тоже не видели и не пробовали в годы войны. Среди ингушей были ребята моего возраста, и вскоре у меня появились друзья. В этом же 1944 году мы все вместе: русские, украинцы, немцы, ингуши – пошли в первый класс. Со школьных и до сегодняшних дней я продолжаю дружбу со своим сверстником Бесланом Точиевым. Он был контактным парнем, талантливым: среди школьников считался лучшим математиком, играл на сцене Алеко из пушкинской поэмы «Цыгане».

Итак, по приезде в Назрань мы с Филатовым договорились, что я выступлю на митинге, приуроченном к дате депортации ингушей, а он – на народном собрании, на месте закладки новой столицы Ингушетии Манас. Ночью разыскали в Малгобеке Беслана Точиева, с которым встретились снова после школьных лет. Он окончил Карагандинский медицинский институт, стал известным в республике медиком.

Митинг собрал почти все население Назрани, многих жителей соседних районов Чечни, с которой тогда еще не наблюдалось серьезной конфронтации. Объявили мое выступление. Руслан Аушев произнес, что первое слово он предоставляет руководителю органов госбезопасности страны не потому, что он министр, а потому, что вырос вместе с ингушами. После такого вступления я обратился к участникам митинга со словами, которые понятны и прочувствованы каждым человеком в такую горестную годовщину. От имени современного поколения сотрудников российских органов госбезопасности я заверил присутствующих в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы на Кавказе не повторилась трагедия пятидесятилетней давности, не проливалась кровь, всегда были стабильность, мир и согласие среди народов. Мои слова, по сути, были своего рода покаянием перед собравшимися за невзгоды, которые

пришлось пережить этому гордому народу, в историческом прошлом добровольно вошедшему в состав Российской империи.

После митинга была организована поездка в горы, к родовым башням, которые я видел впервые, где нас ожидали старейшины. Было трогательно, когда ко мне подошли несколько пожилых ингушей из нашего казахстанского села, которые знали и вспоминали моего отца. Я наблюдал совершенно иных ингушей, не похожих на тех, каких видел в селе в детские годы. В традиционной нарядной кавказской одежде мои земляки выглядели представителями былинных горцев – спокойные, мудрые, мужественные, с исключительным чувством личного достоинства. Мне думалось о том, как мало мы знаем друг о друге, как редко уважаем и чтим национальные традиции, трудную историю жизни и самобытную вековую культуру своего и других народов. Если было бы наоборот, то, возможно, и бед стало бы меньше в нашей общей истории. Много дают для понимания ингушского народа образные слова Идриса Зязикова, руководителя ингушских коммунистов, установивших советскую власть в Ингушетии: «Нас, ингушей, можно уместить в одну папаху, нас мало. Но мы – народ гордый, независимый и свободолюбивый. Ингуши вынесли всю тяжесть Гражданской войны. Ценою больших жертв и крови отстояли советскую власть… Ингуши – люди доверчивые, трудолюбивые. Они, как пчелы: скажете доброе слово – и они откроют вам свои сокровенные ульи, берите мед, сколько хотите. Только не торопитесь с выводами. Если где-то что-то перегнете, поломаете ненароком, уже не поправите. И еще: не вздумайте унижать ингушей, тем более пугать. И последнее: знайте, что нет таких трудностей, которые бы они не преодолели, если сумеете найти с ними общий язык».

В годы сталинского тоталитаризма Чечено-Ингушетию не минула волна необоснованных репрессий. Люди обвинялись во вредительстве народному хозяйству, за надуманные попытки «отторжения от СССР и создания Северо-Кавказской федерации под протекторатом иностранного государства».

Во время работы в КГБ мне неоднократно приходилось бывать в служебных командировках в Чечено-Ингушской Республике. Нами проводились рабочие встречи чекистов Северной Осетии и Чечено-Ингушской АССР для выработки совместных мероприятий по нормализации обстановки. Напряжение возникало большей частью на бытовой основе, поводом служили драки между осетинами и ингушами. Гасились локальные вспышки межнациональных пожаров, проводилось примирение враждующих семей при объявлении кровной мести, но кровоточащие территориальные проблемы не решались.

Не единожды ингушское население требовало, чтобы им вернули исконные земли Пригородного района или разрешили в нем прописку, где находятся могилы их предков, дома, в которых они жили до выселения. В 1973 году по этому поводу прошли массовые демонстрации ингушей в Грозном, которые оценивались тогдашними властями как антиобщественные и националистические. Их участники жестоко преследовались. Коммунисты и рядовые труженики подвергались исключению из партии и увольнялись с работы, ограничивалась прописка ингушей в Пригородном районе. В республике процветала безработица, коррупция, создавались преступные группировки, в том числе контролирующие в те годы преступные каналы вывоза золота из Магадана.

Комитет госбезопасности СССР укреплял органы Северной Осетии и Чечено-Ингушетии профессиональными кадрами из других регионов страны. Председатель КГБ Северной Осетии Виталий Пономарев стал заместителем председателя КГБ СССР по кадрам; бывшие председатели КГБ Чечено-Ингушской АССР Петр Архипов возглавлял органы безопасности Туркмении, Игорь Межаков стал заместителем директора ФСБ. Я хорошо знал многих выходцев из КГБ республики: Константина Латышева (он стал заместителем начальника управления кадров КГБ СССР), Степана Лапина (в последующем – начальник Иркутского УКГБ), Петра Романенко, с которым мы работали в 5-м управлении.

В 1976 году мой сослуживец по Кузбассу и добрый семьянин Валентин Тиканов совершил достойный настоящего чекиста и гражданина шаг: ради укрепления местных кадров на Кавказе добровольно согласился покинуть должность начальника Киселевского горотдела и возглавить горотдел КГБ в беспокойной Назрани.

Министрами безопасности Ингушетии мною назначались сотрудники КГБ советского периода – подполковник Башир Котиев и полковник Магомед Аушев. Последнему достался исключительно сложный период вооруженной конфронтации между народами, которая возникла в 1992 году.

В эти тревожные дни я посещал Кавказ вместе с Президентом Ельциным, министром обороны Грачевым и министром внутренних дел Ериным. Мы на вертолетах облетели несколько осетинских и ингушских сел, где встречались со старейшинами, местными авторитетами с целью урегулирования взаимоотношений между осетинами и ингушами. Ельцин буквально уговаривал людей забыть обиды и разногласия и жить в мире друг с другом.

Я вспоминаю, что еще на всесоюзных Съездах народных депутатов СССР возвращались к национальному вопросу в нашем государстве, объединяющем столько народов и народностей, и убеждали, что мы ничего в стране не решим, «если самочувствие и больших, и малых народов будет плохим». В связи с этим Верховный совет СССР в перестроечное время принимал Декларацию о признании незаконными правовых актов против народов, подвергавшихся насильственному переселению, расценивая это как тягчайшее преступление времен сталинизма, попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне. Горбачев говорил тогда правильные слова о том, что на изменения к лучшей жизни можно рассчитывать в том случае, «если каждая нация, каждый народ будет чувствовать себя уверенно в собственном доме, на своей земле».

Проблемы современной Ингушетии серьезны: еще большая, чем в советские годы, безработица, террористическое подполье, связанное с разгулом уголовной преступности, коррупции, убийством должностных лиц, покушением на президента Евкурова, непрекращающиеся стрельба и подрывы.

Сохраняется территориальная напряженность вокруг Пригородного района. При Ельцине так и не удалось применить власть для возвращения ингушей в их дома в нескольких селах этого района. С профессиональной точки зрения я понимаю, что ингуши успокоятся, когда будет решено их давнее желание полной политической и территориальной реабилитации. Самое страшное на Кавказе – это когда молодежь (современные абреки) уходит в леса и начинается бесконечная партизанская война, ничего хорошего не дающая людям. Сегодня с болью я воспринимаю сообщения, что на состоявшемся в феврале 2009 года съезде народа Ингушетии снова прозвучало, что ингушей не устраивают границы республики, они никогда и ни при каких условиях не откажутся от своей земли.

Мои надежды – на мудрость Президента России Дмитрия Медведева: он недавно побывал в республике, определился в стратегических вопросах, обеспечив их решение огромным финансовым вливанием в экономику республики, что создает условия для мирной и благоустроенной жизни ингушского народа.

В Москву мы возвращались на президентском самолете Аушева. Продолжалось наше общение, а в памяти звучали стихи Пушкина и Лермонтова, которые читал нам наизусть прелестный юноша – сын Руслана Султановича.

В ФСК в эти дни завершала работу комиссия по очередной аттестации и переназначению руководящего состава центрального аппарата и территориальных органов. Какая по счету в постсоветский период – даже мне трудно сказать. Комиссия была учреждена Президентом Ельциным и состояла из высших должностных лиц: секретарь Совета безопасности РФ Олег Лобов, помощник Президента по национальной безопасности Юрий Батурин, заместитель секретаря Совета безопасности Владимир Рубанов, уполномоченный по правам человека Сер-

гей Ковалев, от руководства ФСК входили я как заместитель руководителя комиссии Лобова, заместители директора ФСК Степашин и Межаков. Включением в ее состав депутата Государственной думы, бывшего узника ГУЛАГа Сергея Ковалева мы избежали упреков в том, что реформирование органов безопасности проводится без участия общественности.

Комиссия заканчивала организационно-штатные мероприятия по становлению Федеральной службы контрразведки, утверждению руководящего состава. Через рассмотрение прошли 227 руководящих работников ФСК. Практически со всеми я сумел встретиться перед заседаниями комиссии. Все они, патриоты своего Отечества, имели высокую квалификацию, опыт работы в советских органах безопасности, не были причастны к нарушению законов в отношении граждан страны. Комиссия не согласилась с представлениями на 13 руководителей. Но никто не был ущемлен по «идейно-политическим соображениям», большинство из них были отстранены по возрастному признаку.

Я не предполагал, что участие в работе комиссии для меня будет носить как бы прощальный характер с моими многочисленными коллегами и друзьями.

Начинал я службу Отечеству в прокуратуре, завершаю вместе с генпрокурором

На одном из рабочих совещаний в Кремле после октябрьских событий Ельцин делает неожиданное заявление: прокурору Степанкову не доверяю, назначаю генеральным прокурором известного юриста Казанника. Кто из вас его знает? Выяснилось, что из присутствовавших – никто.

Я знал Алексея Казанника, народного депутата СССР, преподававшего в Омском госуниверситете вместе с моим однокурсником Альбертом Петелиным, тогда деканом юридического факультета. Я высказал свое мнение, что на такой государственной должности генеральный прокурор страны должен иметь опыт практической работы в системе прокуратуры, владеть особенностями ее многогранной деятельности. Я считал себя воспитанником прокуратуры, прекрасно понимал ее исключительное значение в государственном механизме управления и власти. В период своей служебной деятельности мне посчастливилось наблюдать нескольких генеральных прокуроров: Р. Руденко, А. Рекункова, В. Степанкова, Ю. Скуратова. Во время работы в центральном аппарате КГБ как-то довелось докладывать материалы на эмиссара зарубежного центра ОУН легендарному Руденко, получить у него санкцию на арест этого иностранца. Немолодой и грузный генеральный прокурор, главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе над главарями фашизма, в кратком разговоре поинтересовался моей украинской фамилией. Я рассказал о себе, добавив, что мама имела родовую фамилию Руденко. Он тепло пожелал мне дальнейших успехов в жизни и службе. Два прокурорских звания – юрист III и II классов – мне присваивались приказами за его подписью.

С известным генеральным прокурором СССР А. Рекунковым сидел рядом на заседаниях Верховного совета СССР: мы были депутатами от Ворошиловградской области Украины. О судьбе Рекункова в постсоветский период я узнал из книги заместителя генпрокурора Олега Гайданова, который на улице случайно встретил старика, тихо бредущего с двумя пакетами молока в авоське советского образца. «Вот, – показывает авоську, – за молоком ходил. Понимаешь, в свой магазин зашел, так у нас там молоко дорогое. Тут рядом, на Бронной, гораздо дешевле». Государственный человек Рекунков, боевой участник войны, яркая личность, который воспитал не одно поколение прокурорских работников страны, в возрасте семидесяти лет ищет пакет молока подешевле. «Что же у нас за страна? Что за люди?» – с горечью разделяю возмущение Гайданова.

Возвращаясь к разговору у Ельцина, я высказал мнение, что Казанник может быть успешным министром юстиции, эта должность в те дни оставалась вакантной. Хочу быть правильно понятым: я не был против него – порядочного, честного, открытого, смелого. Просто я всегда высоко ценил значимость статуса генпрокурора государства.

Казанник был назначен Президентом на должность генерального прокурора России. Я не мог предугадать, что в тяжелый период истории страны я разделю с ним одинаковую судьбу.

Казанник, независимый, не погрязший в коррупции и сомнительных связях, полагал, что Ельцин действительно стоит на позициях закона и болеет за государственные интересы. Но реальность резко разошлась с его предположениями. «Я понял, что ошибался, но прозрение далось тяжело. Как только я стал генеральным прокурором, начались попытки вмешательства в деятельность прокуратуры. Президент лично присылал резолюции, где было написано: такого-то прокурора немедленно убрать и срочно доложить. Ни одну из них я не исполнил. Служить надо было закону, а не Ельцину, а это большая разница».

На самом деле Ельцин возвратил старый долг Казаннику. Когда на Съезде народных депутатов шло формирование постоянно действующего Верховного совета СССР, то Ельцин, гонимый в то время, не был избран в его состав. Тогда Казанник совершает непредсказуемый для депутата поступок: он демонстративно передает свое место и мандат члена Верховного совета в пользу Ельцина. Страна в прямой телепередаче со съезда увидела этот необычный шаг Казанника. Кто-то воспринял его с восхищением, кто-то с осуждением. Но страна запомнила неординарного депутата, уступившего свое место другому.

25 февраля 1994 года Государственная дума объявила амнистию участникам событий августа 1991 и октября 1993 годов в целях «национального примирения, достижения гражданского мира и согласия». Все обвиняемые подпадали под действие принятого закона об амнистии. На применение акта амнистии требовалось личное согласие подследственных лиц. Амнистия – это не оправдание от предъявляемых обвинений в совершении уголовно-наказуемых действий. Акт амнистии арестованных государственных деятелей – членов ГКЧП и «защитников» Белого дома – можно расценивать по-разному: соглашаться, возмущаться, критиковать как с политической, так и правовой стороны. Но важно то, что в тех исключительно сложных условиях милосердие закона касалось судеб конкретных лиц и сочеталось с меморандумом о согласии, приоткрывавшим путь к национальному примирению правых и левых сил, всего общества.

Выполнение требований закона об амнистии встретило жесткое сопровождение со стороны президентских структур власти. Уголовное производство в отношении членов ГКЧП и арестованных после октябрьских событий 1993 года должностных лиц велось специальной группой Генпрокуратуры. В расследовании дела участвовало до 30 наших оперативных работников. Из ближайшего окружения Ельцина, Администрации Президента (Филатов) и даже Службы охраны (Коржаков) исходило недовольство думским решением, предпринимались попытки повлиять на руководство прокуратуры и силовых ведомств. Со ссылками на указания Президента они требовали любыми путями не выпускать из следственных изоляторов содержащихся под арестом узников событий августа 1991 и октября 1993 годов. От некоторых шли интеллигентные советы на время потерять ключи от тюремных камер, ибо Президент готовится снова разогнать прокоммунистическую Думу. Мой ответ был таков: «Следственный изолятор «Лефортово» не колхозный амбар, где можно потерять ключи. В него входят и выходят с печатью прокурора или суда, а не руководства спецслужбы». Я объяснил высокопоставленному чиновнику из Администрации Президента, что «Лефортово» передан из ФСК в подчинение другому правоохранительному органу, пусть туда и обращается. Последовала быстрая необычная реакция. Спустя несколько часов из Администрации поступил срочный пакет, в котором, к удивлению, я обнаружил президентское решение об обратном возврате «Лефортово» в подчинение ФСК. Но ведь это не соответствовало принятому Положению о ФСК! Службе контрразведки запрещалось проводить процессуальное расследование и, соответственно, иметь следственные изоляторы!

Такие манипуляции наглядно продемонстрировали то, как в политическую баталию пытаются втянуть ФСК, недавно созданную спецслужбу, которая имела иной правовой ста-

тус: у нее было отнято право на ведение следствия и владение следственными изоляторами. В этом же секретном пакете оказалась служебная записка, в которой принятый Государственной думой закон об амнистии трактовался как не имеющий юридической силы. Разъяснялось, что депутатский корпус вторгался в полномочия Президента и этот закон можно было не выполнять. Более того, к указанной записке прилагалась резолюция Ельцина: «Казаннику, Голушко, Ерину: руководствоваться данными разъяснениями». Генпрокурору и министрам давались странные, с точки зрения административно-правового понимания, обязательные к исполнению «разъяснения» по применению закона. В данном случае можно согласиться с консультантом ЦРУ Д. Саймсом, который подметил, что в России процесс принятия чиновниками решения – это нечто среднее между президентской республикой и императорским двором. И очень часто безответственные люди, не несущие личной ответственности, имеют не только доступ к Президенту, но и становятся его доверенными.

А. Казанник, как никто другой, давал справедливую оценку таким людям, которые от имени Президента правили бал и вымучивали «разъяснения», запрещающие выпускать людей на свободу по закону об амнистии, принятому Госдумой. «…Вся команда Президента, как я убедился, формировалась не по профессиональным и личностным качествам, а только на принципах личной преданности. Поэтому эти люди, по существу, находятся в состоянии сговора, а если хотите, даже заговора. Поскольку эти люди подбирались на таких принципах, то, разумеется, сложилась определенная устойчивая группировка. И они тесно спаяны, я бы даже сказал, слиты кровью событий октября 1993 года. Этих людей уже поистине водой не разольешь… Поэтому они держатся за Президента, как пассажиры в автобусе держатся за поручни, чтобы не упасть».

Мне звонил начальник следственного изолятора «Лефортово» с просьбой разъяснить, как ему действовать, так как с разных сторон следуют категорические указания: из прокуратуры приказывалось немедленно, как предписывалось думскими документами, выпускать арестованных; из президентской Администрации – не исполнять закон об амнистии, не выпускать. Я решил посоветоваться с заместителем генерального прокурора Гайдановым, руководившим следственной частью прокуратуры. Вот как он передает состоявшийся между нами разговор:

– Олег Иванович! Что делать? У меня указание Президента!

Я понимаю, Николаю Михайловичу несладко. Всего четыре месяца назад за неповиновение Президенту и участие в октябрьских событиях арестован его предшественник Баранников. Положение министра, как говорится, хуже губернаторского.

– Сочувствую, Николай Михайлович, но ничем помочь не могу. Каждый должен исполнять свой долг. Мы свое отыграли, СИЗО у Вас, документы тоже. Мне бы не хотелось составлять акт об отказе принять к исполнению документы об освобождении из-под стражи.

– А как в изоляторах МВД, – вдруг меняет тему министр, – исполняют?

– Пока проблем нет, – отвечаю. – Начали исполнять. (А сам думаю: в МВД на тебя будут оглядываться…)

Совместно с работниками Генеральной прокуратуры была исполнена процедура амнистии, выполнены требования закона. Освобождались на свободу арестованные высшие должностные лица. Вместе с ними (трагедия и фарс наших дней, вошедшие в новейшую историю) на следующий день освобождены от занимаемых должностей генеральный прокурор и директор службы контрразведки России.

«И Голушко Николай Михайлович со своими чекистами – молодцы. Потом узнаем, какую цену он заплатил за приверженность закону. Но это – завтра. А сегодня телефонное право посрамлено, и закон торжествует», – подводил итоги нашему профессиональному разговору прокурор Гайданов, кстати, работавший в казахстанских краях. Я, правда, узнал об этом недавно.

Уходили мы с Казанником с занимаемых должностей по-разному. Он смело бросился на амбразуру, сделал ряд публичных заявлений в средствах массовой информации об оказываемом на него давлении президентских структур не освобождать из следственных изоляторов лиц, подпадающих под акт амнистии. Он выстоял и исполнил закон. Его поддержали заместители генерального прокурора, подавшие в отставку. Коллектив прокуратуры проводил отправленного Президентом в отставку Казанника стоя.

Я уходил по-другому. Вот некоторые детали, которые стали достоянием средств массовой информации.

«Состоялся разговор по прямой связи с Президентом. Я пытался объяснить, что прокуратура и органы безопасности действовали по всем правилам, что решение Думы можно обжаловать, но не подчиняться ему нельзя. В ответ на упреки я ответил Борису Николаевичу, что он недоволен мною за то, что я выполнил и не нарушил закон. И попросил назначить нового директора Федеральной службы контрразведки».

К этому разговору можно добавить такую подробность: я не стал ждать реакции Президента на мои слова и бросил телефонную трубку. Считаю, что поступил по отношению к самому Президенту не совсем тактично, но нервы были на исходе… «ФСК в очередной раз разгонят, а Вас арестуют», – заметил мой заместитель Анатолий Сафонов, присутствовавший при телефонном объяснении с Президентом, когда я заявил Ельцину: «Ищите себе нового руководителя госбезопасности».

Я уходил молча, понимая, что любые мои публичные заявления об обстоятельствах отставки не дадут мне славы, а только навлекут месть на «всю контору» и сотрудников. Считал, что мои объяснения о незаконности действий президентского окружения останутся воплем в пустыне, последствия в очередной раз придется, как это было в период газетных публикаций Баранникова, пожинать сотрудникам ФСК.

Демократическая пресса не обратила внимания на то, что руководители Генпрокуратуры и спецслужбы были отправлены в отставку за исполнение закона об амнистии. Наказание за выполнение требований закона – такое случалось только в тогдашних России и Украине. Молчал недавно избранный демократический корпус законодателей: депутаты, видимо, не избавились от страха после октябрьских событий, им было не до защиты государственных ведомств, исполнивших принятый ими Федеральный закон. Утешало одно: определенные круги общественности, как я знал, видели в решении Государственной думы торжество гуманности и справедливости, прежде всего, к членам ГКЧП.

И опять хочу вернуться к первому Президенту России Ельцину. Я отдаю ему должное: после освобождения Руцкого, Хасбулатова, членов ГКЧП из-под стражи он не поддался чувству мести, не ограничивал их в дальнейшем в личной жизни и профессиональной деятельности. Все амнистированные комфортно обжились и обустроились, некоторые члены ГКЧП даже получили от Президента Путина ордена.

Не ошибся в своем предположении Евгений Савостьянов: «Думаю, что Николай Михайлович сам хотел уйти. Ему это место со сложными политическими институтами самому надоело».

Я пригласил в кабинет руководящий состав ФСК (своих заместителей и начальников главных управлений), рассказал содержание разговора с Президентом. Заявил, что «режиму Ельцина» служить не буду, передал некоторые бумаги и ключи от директорского сейфа Степашину. Таково было мое прощание с товарищами по работе, которые продолжили службу и кого я до сих пор ценю и уважаю. Ни один мой заместитель не был уволен или понижен в должности. В знак солидарности со мной ни один не сделал публичного заявления о поддержке поступка своего руководителя.

Сегодня я пришел к обдуманному убеждению, что, завершая службу в органах безопасности, должен благодарить Бориса Николаевича Ельцина за освобождение меня от должности.

Это позволило мне избежать участия в начавшейся в конце 1994 года грязной войне на территории собственной страны против своего народа.

Глава седьмая
Родная кровь нас вновь объединит (Вместо заключения)

Не рядите долго, не судите строго:
Каждому своя, особая дорога.
Хорошо иль плохо, ровно иль отлого —
Нас ведет по жизни личная дорога…

… Худо или бедно жизнь моя сложилась,
Попрошу я Бога, пусть окажет милость,
Пусть укажет сыну, коль отцу – недоля,
Где царит над миром и покой, и воля.

Анатолий Парпара

Итак, можно остановиться на написанном, хотя о многом все-таки сказано фрагментарно, а кое-что обозначено, но недосказано. Я видел, участвовал и переживал многочисленные важные и стремительные события, определявшие судьбу страны и ее органов госбезопасности, по существу, в трех исторических периодах: при существовании СССР, в братской союзной республике, ставшей ныне независимым государством Украиной, и, наконец, при становлении спецслужб новой Российской Федерации. Изложенное выносил в себе, продумал, переосмыслил, перемечтал, заново пережил…

Сразу хочу отметить, что мои времена были разными и формы правления тоже: тирания и демократия, либерализм и псевдодемократизм. Но при всех этих системах были закрытые государственные структуры, а сущность спецслужб, как и людей в них, совсем не одинакова и реагирует на изменение жизненных обстоятельств. ФСБ России, СБ Украины далеко не КГБ, а КГБ СССР существенно отличался от сталинского НКВД. Но служащим в них сотрудникам всех поколений равно было присуще основное – преданное служение Родине.

Мое поколение сотрудников органов безопасности не жило, как иногда представляют, в роскоши и достатке, не купалось в лучах незаслуженной славы. В моей работе были блестящие победы и тяжелые разочарования, светлые удачи и горькие ошибки. Я не мечтал о будущей карьере, влиятельных покровителей не имел, но все в жизни происходило естественным образом.

Мое нынешнее состояние, словно у старого солдата с беспокоящими и незаживающими ранами. Продолжает волновать положение спецслужб в современных условиях. Народ любого государства желает стабильности, правовой и физической защищенности, утверждения законности, демократических устоев и надежности порядка – всем этим призвана обеспечивать граждан страны конституционная власть. Она, как говорят, от Бога – всегда первична; спецслужбы в ней – один из механизмов обеспечения защиты безопасности, целостности страны, призванный заблаговременно увидеть, оценить и устранить опасность, грозящую государственному конституционному строю.

После развала СССР спецслужбы под нажимом демагогов и явных недоброжелателей претерпели немало преобразований, выдавивших из могучего тела защитной системы страны самые активные, высокопрофессиональные кадры. Увольнение опытных сотрудников, бессмысленная замена одних руководителей другими, не всегда подготовленными, не могли не отразиться на эффективности деятельности, уровне оперативного мастерства, методах и формах защиты безопасности граждан и государства.

Когда-то Николай Васильевич Гоголь, обращаясь к верховной власти, просил об одном: укажи всем долг наш, но не связывай в то же время и рук наших, не обесчесть нас обидным подозрением. Говори с нами благородным голосом и будет благородный ответ. К сожалению, разговора у власти даже со спецслужбами никогда не получалось. В этом я убедился и на своем опыте.

Легко разрушить систему безопасности, но чтобы создать успешные спецслужбы, нужны годы, длительное становление. Но все-таки последние десятилетия напряженной работы спецслужб позволяют мне сказать, что мое поколение в исключительно сложный период после развала Союза решило задачу по созданию, укреплению новых спецслужб и защитило государственность России и Украины.

Меня, в частности, продолжает волновать силовая составляющая России. Вызывает опасение то, что в государстве расплодилось более десятка самостоятельных субъектов оперативно-розыскной деятельности. От увеличения федеральных силовых ведомств внутренняя обстановка и правопорядок в стране не улучшаются. Наделение правомочиями ведения всеми видами оперативно-розыскной деятельности многих ведомств: ФСБ, МВД, СВР, наркоконтроль, охранные, таможенные, пограничные службы и другие – без обеспеченного законом контроля представляет опасность для демократического развития, утверждения законности, защиты интересов и прав граждан. Каждый из субъектов оперативно-технической работы имеет право вербовать агентуру, осуществлять скрытый технический контроль переговоров, нарушать тайну переписки, неприкосновенность личного жилища, частной жизни. Стремление утвердиться приводит к негативным явлениям, ибо структуры, ведущие оперативно-розыскную деятельность, могут установить тотальный контроль, злоупотреблять прослушкой коммуникаций и средств связи, нарушать закон, конкурировать, снижать уровень гарантий прав гражданина. При этом тратятся значительные денежные средства на техническое оснащение и содержание штата каждой из этих структур при реализации права на оперативно-розыскную деятельность.

События последних лет показали, что политическая власть многих государств деформируется, если уповает только на силу и прибегает к карательным методам. Такую власть трудно защитить штыками и ОМОНом, запретами свободы митингов, народных собраний. Наше общество не приемлет любых форм насилия. Когда после 1990-х годов реформировались спецслужбы, то все мы – и в России, и на Украине – хотели, чтобы они проходили в демократических традициях. Альтернативы этому в современных условиях нет.

Самая большая опасность для реформ – отсутствие действенного контроля за силовыми структурами, в том числе эффективного президентского и парламентского. При таком количестве слабо контролируемых спецслужб, как в настоящее время в России, нормального сообщества свободных людей не получится.

Другой мой интерес – это нескрываемая любовь к украинскому и российскому народам. Заглядывая в будущее, трудно быть провидцем судьбы отношений России и Украины. Академик Вернадский 90 лет назад писал сыну: «…больше всего боюсь развала русского государства – вновь связывать разорванные части обычно никогда не удается. Украина и Грузия – наиболее опасные части. Украина силою удержана быть не может, этого, по-моему, не понимают русские». Но жизнь идет по другому сценарию, о котором пророчествовал 150 лет назад князь Отто фон Бисмарк, жестко соединивший разрозненные германские земли в единое целое: «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины… необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России, стравить две части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не

осознавая этого. Все остальное – дело времени». Страшный сценарий! Не дай Бог, чтобы осуществился!

Я считаю, что общее будущее наших народов возможно и после обретения независимости русского и украинского государств. Объединительная мысль живет в исторической экономической общности, будет жить в славянстве, в наших корнях и истоках, во взаимном многовековом уважении друг друга и передастся новым поколениям. Как образно написал известный поэт: «Нас разведут на время убежденья, но кровь опять объединяет нас». Добрые отношения между народами устанавливают не политики, которые, с одной стороны, мечтают об альянсе с НАТО, неукоснительно следуют установкам США, а с другой – о мировых ценах на нефть и газ, а культура, вера, история…

Из жизни на Украине я вынес, что основное богатство страны – трудолюбивый народ. Украинцы, русские показали примеры исторического героизма в Великую Отечественную войну, в послевоенные годы за короткие сроки страна восстановилась от разрухи, достигла уровня экономического потенциала 1940 года.

Я далек от идеализации общей политической и экономической обстановки на Украине в последний период советской власти, когда я работал в республике, что видно из будней моей депутатской работы. Но в моей памяти остается пребывание, например, в 1989 году президента Франции Миттерана в Киеве. На ужине в Мариинском дворце он обмолвился, что французы мало употребляют хлеба. Так возник разговор не просто о продукте, а батюшке-хлебе, который всему голова. Щербицкий рассказал ему о народных традициях украинцев, в частности их трепетном отношении к хлебу. Он добавил, что республика собрала в этот год урожай, который составил по одной тонне зерна на каждого из 52 миллионов жителей, включая грудных детей. Миттеран был потрясен такой статистикой и трудовыми успехами Украины.

Во время очередного отпуска мы с женой посетили несколько населенных пунктов во Львовской области, увидели добротные кирпичные жилые дома и особняки. В Подмосковье, тем более в Сибири, где нам довелось работать, не приходилось видеть ничего подобного. В беседе один вуйко (дядя) на мой вопрос, как ему живется, ответил, что после войны людей в создаваемые колхозы «загоняли с автоматами», а сейчас из нашего колхоза «никого с автоматами не выгонишь».

На Украине у меня появилось много друзей и знакомых, которые оказали неоценимую поддержку. На первых порах пребывания в Киеве исключительное внимание мне уделил председатель горсовета, легендарная личность – Валентин Згурский. Он знал, что ранее не приветствовалось предоставление сотрудникам КГБ заветных шести соток («будут копаться на собственных участках, о работе меньше думать»), но выделил сотрудникам земельный участок для садоводства. Пусть всего три гектара, но это было началом строительства дач.

Когда в казахстанских степях моей малой родины возникла потребность в пополнении молочного стада, ко мне (народному депутату) обратились земляки с просьбой о помощи. Из Рузаевского района по рекомендации отца в Киев прибыли секретарь райкома партии Ануарбек Сабитов и три директора совхозов. Помог председатель Агропрома республики Александр Ткаченко: в Кокчетавскую область было отправлено более десяти тысяч элитных коров. Земляки отблагодарили целинным зерном.

В период, проведенный в республике, я стремился познать богатую героизмом и трагедиями историю Украины. Собранную в Киеве библиотеку (в основном произведения украинских авторов) вывез с собой до последней книги. Стремился увидеть красоту украинской земли. Никто не знал, почему в служебные командировки, даже в отдаленные города – Донецк, Днепропетровск, Одессу, Винницу и другие, я ездил на автомашине. Да, с единственной целью: как можно больше увидеть. Посетил 23 областных центра, наверное, не всякий киевлянин может похвалиться этим.

Я продолжаю гордиться тем, что работал в коллективе высокопрофессиональных сотрудников органов государственной безопасности Советской Украины. Линия органов госбезопасности, проводимая мною, в какой-то степени изменила политическую и моральную атмосферу в украинском обществе: это была политика соблюдения законности, устранения последствий сталинского авторитарного наследия, политика без репрессий, внесшая демократический стиль руководства, диктуемый принципами гуманизма, справедливости и законности.

В жизни простого народа было все же больше хорошего, как бы ни старались оспаривать или охаивать это сегодня.

Ликвидация СССР под лозунгами борьбы с имперским угнетением, стремлением к торжеству демократии привела к тому, что союзные республики стали суверенными территориями, на которых интересы кучки транснациональных и собственных долларовых миллиардеров, продажных проамериканских политиков ставятся выше остального трудового народа, выживающего в условиях безработицы, обнищания и ежегодного многотысячного вымирания.

Нынешним правителям, олигархам, извлекающим большую прибыль из созданного простыми тружениками (разработанных при советской власти запасов нефти и газа), следует подумать о том, чтобы споры о ценах не застилали природным газом им глаза и разум. Кое-кому нужно посоветовать больше вспоминать о дружбе народов, в частности поинтересоваться количеством авиарейсов в сутки, следовавших с нефтянниками маршрутом Ивано-Франковск украинский – Уренгой российский.

Россия – великая и богатая страна, территорию которой опоясывают девять часовых поясов. Кучма отмечал, что Украина в 28 раз меньше России, «такую страну любить легче, чем необъятную». Я горжусь Россией, в которой живу, тут мой дом, мои внуки и правнуки, но не меньше полюбил я Украину, ее славный народ, к которому к тому же, наверное, взывают гены моих предков.

В познании СССР, его многочисленных наций и народностей мне исключительно повезло. До семнадцати лет я считал, что милее казахстанской серебристо-ковыльной степи, моих односельчан и друзей разных национальностей ничего нет. Затем появились в жизни Томск, Кемерово, Москва, Киев, Минск, а это уже отдельное сказание и особая любовь.

Россия живет нелегкой жизнью; по версии американской разведки, она ставит под удар геополитические планы США, стремится проводить независимую политику. Как утверждают политики из Лэнгли, Путин хочет, «чтобы его новая Россия была столь же сильной, как и былой Советский Союз. Мы должны препятствовать на каждом повороте, как делали это в годы «холодной войны». На Украине наше противодействие должно быть энергичным, и начать его нужно немедленно… Путинскую Россию нужно сдерживать, как сдерживали Советскую Россию».

Все силы XX столетия были посвящены ожесточенной борьбе народов друг с другом, властей с властями, корпораций с корпорациями и братьев с братьями. Сколько жертв принесено ради светлого будущего, которого мы желаем для наших детей! И все-таки хочется верить, что цветущие жизни погибли не напрасно, что наши внуки разумнее выстроят судьбу Отечества.

Завершая, хочу призвать молодое современное поколение российских спецслужб (если позволите – и украинских) верно, надежно, преданно и бескорыстно защищать народные интересы, передать им надежду и веру в счастливое будущее всех родных мне народов: русского, украинского, казахского и других исторически близких нам наций великой России.

Использованные источники и литература

Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1984.

Архив Службы безопасности Украины. Д. 372. Т. 38. Л. 318–340.

Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992.

Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки. М., 2007.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть; Последние двадцать лет. М., 2006.

Болдин В. Крушение пьедестала. М., 1995.

Браун А. Целина. Астана, 2006.

Бюллетень № 1 сессии Верховного совета 12 созыва. Киев, 1991.

Бюллетень № 11 совместного заседания Совета Союза и Совета национальностей 29 августа 1991 года.

Варенников В. Судьба и совесть. М., 1993; Неповторимое. М., 2001–2002.

Винниченко В. Из истории украинской революции. Революция на Украине. По мемуарам белых. 1930.

Врублевский В. Владимир Шербицкий. Правда и вымысел. Киев, 1993.

Гайданов О. На должности Керенского, в кабинете Сталина. М., 2006.

Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997.

Гусев О. Чорнобиль усш нам болить. Киев, 1997; Атомный синдром Чернобыля. Киев, 2001.

Земцов И. Крах эпохи. Книга первая. М., 1999.

Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990; Президентский марафон. М., 2000.

Касьянов Г. Украина 1991–2007. Киев.

Коротич В. Метроном. М., 1998.

Крючков В. Личное дело. Ч. 1, 2. М., 1996.

Леган И. КГБ, ФСБ. Взгляд изнутри. М., 2001.

Литвин В. Украина на рубеже тысячелетий. Киев, 2000.

Лукьяненко Л. Власть в Украине действует.

Меймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990.

Михайлов А. Портрет министра в контексте Смутного времени. Сергей Степашин. М., 2001.

Медведев Р. Неизвестный Андропов. Политическая биография. М., 1999. Млечин Л.

Евгений Примаков. М., 2007; КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. М., 2005.

Мысниченко В. Смотреть правде в глаза. Харьков, 2004.

«Наш современник». 1988, № 6; 2002, № 8.

Нездоля А. КГБ. Рассекреченные воспоминания. Донецк, 2008.

Осипов В. Дубравлаг. М., 2001.

Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993.

Плеханов А. А. Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ М., 2007; Дзержинский. Первый чекист. М., 2007.

Погребняк Я. Не предам забвению. Киев, 2004.

Пономарев В. А. Воспоминания о прожитом. М., 2008.

Попцов О. Хроника времен царя Бориса. М., 2001.

Потебенько М. Пошук истины. Киев, 2000.

Пристайко В. Я жив разом с кроною. Киев, 2004.

Российский государственный архив социально-политической истории

(РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 70. Л. 15.
Русначенко А. Нащонально-визвольний Рух в Украине. Киев, 1998.
Рыжков Н. Трагедия великой страны. М., 2007.
Санников Г. Операция Рейд. Спецслужбы в борьбе за Украину. М., 2007.
Семичастный В. Беспокойное сердце. М., 2002.
Скуратов Ю. Вариант дракона. М., 2000.
Союз можно было сохранить. М., 2007.
Спецвыпуск ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2001.
Стригин Е. КГБ был, есть и будет. От МБ до ФСК РФ (1994–1995). М., 2004.
Центральный архив ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 76. Л. 28.
Чахкиев С., Зязиков И. Верой и правдой. Грозный, 1991.
Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарев В. ЧК, ГПУ, НКВД в Украине, Киев, 1997.
Шарков А. Моя жизнь в разведке. Киев, 2009.
Шебаршин Л. Из жизни начальника разведки. М., 1994.
Шевченко В. Мои года – мое богатство. Киев, 2005.
Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств (1945–1991). М., 2003.
Щербицкий В. Воспоминания современников. Киев, 2003.
Фролов Ю. М. Крушители империи СССР. Донецк, 2002.
Яковлев А. Н. Горькая чаша закона. Ярославль, 1994.

Автобиографическая справка

ГОЛУШКО Николай Михайлович

Родился 21 июня 1937 г. в селе Андреевка Кокчетавской области Казахской ССР. В 1959 г. окончил юридический факультет Томского государственного университета имени Куйбышева.

1959–1963 гг. – следователь, старший следователь Кемеровской области.

1963–1971 гг. – оперуполномоченный, старший оперуполномоченный 2-го отдела (контрразведка) управления КГБ СССР по Кемеровской области.

1971–1974 гг. – начальник отделения, заместитель начальника 5-го отдела управления КГБ по Кемеровской области.

1974–1984 гг. – начальник отделения, начальник отдела, заместитель начальника 5-го управления КГБ СССР (борьба с идеологическими диверсиями).

1984–1987 гг. – первый заместитель начальника Секретариата КГБ СССР – начальник Дежурной службы КГБ СССР.

1987–1991 гг. – председатель Комитета государственной безопасности Украинской ССР, член Коллегии КГБ СССР.

С августа по ноябрь 1991 г. – временно исполняющий обязанности председателя Службы национальной безопасности Украины. После августовских событий 1991 г. вернулся в Москву.

С ноября 1991 по январь 1992 г. – начальник Секретариата КГБ СССР, начальник аппарата руководителя Межреспубликанской службы безопасности.

С января 1992 г. – заместитель министра, первый заместитель министра безопасности Российской Федерации.

С июля по сентябрь 1993 г. исполнял обязанности министра безопасности Российской Федерации.

Указом Президента России от 18 сентября 1993 г. назначен министром безопасности России.

С 21 декабря 1993 по 28 февраля 1994 г. – директор Федеральной службы контрразведки Российской Федерации.

Избирался депутатом Верховного совета Украинской ССР, Верховного совета СССР одиннадцатого созыва. Народный депутат СССР с 1989 по 1992 г. Состоял в КПСС.

Награжден пятью орденами: Красной Звезды, Знак Почета, Красного Знамени, За личное мужество, Мужества; более тридцатью медалями, в том числе иностранных государств.

Женат. Сын – полковник. Трое внуков и трое правнуков.